Южный федеральный университет
Северо-Кавказский институт экономических и социальных проблем

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Труды совместной лаборатории теоретического россиеведения
(выпуск 1)

В.П.Макаренко

РУССКАЯ ВЛАСТЬ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ЧАСТЬ 1

Ростов-на-Дону
2013

ББК
УДК

Монография выполнена по гранту Южного федерального университета по теме: «Разработка методов и организационных форм политической концептологии в контексте центро-периферийных проблем постсоветской трансформации России № 213-01-24/2013-180». Фундаментальное исследование, часть 1

Печатается по решению Ученого совета Северо-Кавказского
НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета

Рецензенты
Доктор философских наук, профессор *А.В.Лубский*
Кандидат философских наук, доцент *Тищенко Ю.Р.*

Макаренко В.П.
М – Русская власть и бюрократическое государство, часть 1: монография/В.П.Макаренко. – Ростов-на-Дону, Изд-во Март, 2013 – с.

ISBN

Книга посвящена применению разработанной автором теории бюрократии для анализа связи между русской властью и бюрократическим государством, группами интересов и правительством современной России. Корпоративные, клиентельные и парантельные отношения групп интересов с госаппаратом не отражают общие интересы населения страны и не являются правовым взаимодействием между системой социальных интересов и властью. Государственный аппарат тоже не выражает общие интересы. Поэтому общие интересы населения страны не выражаются и в российском законодательстве. Таков парадокс постсоветской трансформации в России: вмешательство правительства в социальную жизнь увеличивает стремление групп интересов изменить перераспределительную политику в свою пользу, одновременно увеличивая сферу неправового взаимодействия групп интересов с госаппаратом и социальную роль правительства. Эта тенденция усилилась на протяжении 2000-х годов. В книге исследованы различные проявления данного парадокса.

Адресуется научным работникам, государственной администрации, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, специализирующимся в области политической науки и политической философии.

© В.П.Макаренко, 2013
© Южный федеральный университет, 2013

Содержание

Предисловие

Часть 1. Метод анализа

Глава 1. Кормушка и воспроизводство интересов
- 1.1. Паек и оппозиция
- 1.2. Экономические гарантии
- 1.3. Агентурные гарантии
- 1.4. Политические гарантии
- 1.5. Идеальный тип сжирубешенства
- 1.6. Автохтонный политический порядок

Глава 2. Проблема дистанции при описании социополитической динамики России
- 2.1. К вопросу о возрасте жабы
- 2.2. Что такое закон Жданова?
- 2.3. Советологические схемы
- 2.4. На пути к запоздалой проверке

Глава 3. Панорама и три шаблона ностальгии
- 3.1. Почему Россия до сих пор жива?
- 3.2. Две концепции
- 3.3. Генеалогия и состав социальной инженерии
- 3.4. Предметы раздумья
- 3.5. Метод «обустройства России»
- 3.6. Промежуточная рефлексия

Глава 4. Интеллектуально-политические моды
- 4.1. Шаблоны мысли
- 4.2. Формы духовной продукции?..
- 4.3. Духовный неосоветизм – отрыжка или состояние?
- 4.4. Распутье и выбор

Часть 2. Бюрократия и власть

Глава 5. Обслуга государственной машины России
- 5.1. Основы теории бюрократии

5.2. Политическая бюрократия и интеллигенция
5.3. Авторитарно-бюрократические тенденции революций
5.4. Проблема оппозиции
5.5. Вопрос легитимности

Глава 6. Русская власть: «свой чужой»
6.1. Главные проблемы и понятия
6.2. Аккумуляция господства
6.3. Парадигма революционной власти
6.4. На пути к троевластию

Глава 7. Советское бюрократическое государство
7.1. Становление политической рутины
7.2. Тип советского политика
7.3. Вершина власти и главные институты

Глава 8. Постсоветская бюрократия
8.1. Определяется ли групповое поведение материальными интересами?
8.2. Рабочая гипотеза и проблема типологии
8.3.Норма или патология
8.4. Отражает ли аппарат общие интересы?
8.5. Правительство и бюрократия

Глава 9. Производство свинины и господство над структурами
9.1. Тройка несогласномыслящих
9.2. Проблематизация
9.3. Культурный коктейль или проблема классификации стайных животных
9.4. Приставка «квази…»
9.5. Кремлевская популяция
9.6. Констатация

Глава 10. Наука и власть
10.1. Генезис «замечательных людей»
10.2. Обезьяночеловек и сотрудницы особого назначе-

ния
10.3. Секретность и интеллигентные лакеи Кремля

Глава 11. Распад империи: война в системе «центр-периферия»
11.1. Коллапс государства
11.2. Политическая коньюнктура
11.3. Предметы рефлексии
11.4. Вооруженный конфликт
11.5. Логика остановленного времени
11.6. Нарушения прав человека и норм гуманитарного права Россией и Чечней
11.7. Превращенный сепаратизм и колониальная война

Часть 3. Демократические пропозиции

Глава 12. Что такое «демократическая вселенная»?
12.1. Библиографический сюжет
12.2. Трехмерная ткань
12.3. Происхождение и враги демократии
12.4. Теория демократического процесса
12.5. Проблемы демократического процесса
12.6. Пределы и возможности демократии
12.7. На пути к третьей трансформации
12.8. Ориентиры дискуссии

Глава 13. Мир упущенных возможностей?
13.1. Концепт
13.2. «За» и «против» государства
13.3. Модификации
13.4. Перспективы воплощения

Глава 14. Бюрократический национализм
14.1. Что такое воображаемое сообщество?
14.2. Бюрократические миры
14.3. Три модели
14.4. Российский эталон
14.5. Современные чревовещатели

14.6. Почва для дискуссии

Глава 15. Бюрократический индивидуализм
15.1. Критика современного общества
15. 2. Исчерпание политики
15.3. Центральная проблема

Вместо послесловия: политика ностальгии на фоне личного опыта

Использованная литература

Предисловие

В итоге длительного исследования проблемы бюрократии я пришел к нескольким основным выводам: ни политическое руководство бывшего СССР, ни правительство современной России даже не пытались извлечь практических выводов из теории бюрократии для преодоления тотальной бюрократизации государственной власти и управления; в России веберовская концепция «рациональной бюрократии» используется для апологетики существующего режима и манипуляции обществом; современное российское законотворчество не выражает интересы населения, а обслуживает произвол вершины и других звеньев государственного аппарата; этот аппарат раскололся на несколько клик, ни одна из которых не выражает общие интересы населения страны; политическая система российского государства устарела, а так называемая «оппозиция» была и остается частью властно-политического истеблишмента; сам способ постановки и обсуждения социальных и политических проблем в современной России является разновидностью манипуляции обществом со стороны власти, ее специальных и идеологических служб[1].

Эти положения уже давно обсуждаются в научной литературе[2]. На критику коллег я ответил разработкой теорий оппозиции, легитимности, групповых интересов и власти[3]. В результате возникло целое исследовательское поле. Его главные участки будут описаны в этой книге, хотя поле продолжает расширяться. Скажу предварительно о моем инструментарии (детально эта тема рассматривается во второй части книги).

---

[1] См.: Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов-на-Дону, 1985; Он же. Бюрократия и государство: ленинский анализ бюрократии царской России. Ростов-на-Дону, 1987; Он же. Вера, власть и бюрократия: критика социологии М.Вебера. Ростов-на-Дону, 1988; Он же. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, 1989; Он же. Социальная структура: явные и скрытые элементы. Ростов-на-Дону, 1992: Он же. Бюрократия и государственный формализм // Вопросы философии. 1993, № 2; Он же. Цикл работ 1985-2000 гг. по фундаментальным проблемам политической науки http://portal.rsu.ru/science/modernisation/L_M/Makarenko/%E3%C9%CB%CC%20%D2%C1%C2%CF%D4%201985-2000%20%C7%C7..doc

[2] См.: Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993, № 2 (выступление Т.А.Алексеевой и др.); Левинсон А.Г. Термин «бюрократия» в российских контекстах // Вопросы философии. 1994, № 7-8 и др.

[3] См.: Макаренко В.П. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. СПб, 1996

Специфика моего подхода к бюрократии – анализ данного феномена во взаимосвязи с проблемами политической оппозиции и легитимности. Бюрократия (государственная служба, государственный аппарат) – это социальный организм-паразит на всем протяжении своего исторического существования, отражение социальных конфликтов и материализация политико-управленческого отчуждения. Любые государственные аппараты есть политические формы естественного (животного, биологического) состояния общества. Властно-управленческие формы политического отчуждения претендуют на универсальность, но не создают ни материальных, ни моральных, ни политических, ни духовных ценностей. Базисные понятия теории бюрократии («бюрократическое отношение – государственный формализм - политический рассудок») позволяют описать поведение бюрократии на уровне отношений, деятельности и сознания в мирные и революционные периоды развития, а также в периоды политических реформ, одну из которых безуспешно пытается осуществить политическое руководство России.

Бюрократия царской, советской и нынешней России есть класс властителей-собственников, а связанные с нею круги интеллигенции – группа властителей-жрецов государства. Авторитарно-бюрократические тенденции русских революций – это воспроизводство силовых министерств и ведомств в процессе культивирования социальной и политической мимикрии, политической демагогии, бумаготворчества, реакционно-бюрократического контроля, политического консерватизма и иллюзий. Указанные тенденции после Октябрьской революции привели к тому, что партийно-государственный аппарат СССР стал суперклассом. Сосредоточил в своих руках экономическое, социальное, политическое и духовное господство. Аппарат нынешней России - наследник данного суперкласса. В Российской империи/СССР сложилась и воспроизводится до сих пор экономическая, социальная, юридическая, политическая и идеологическая бюрократия. Политическая структура нынешней России включает все элементы бюрократических отношений, государственного формализма и политического рассудка и охватывает мнимо противоборствующие политические силы.

Политическая оппозиция – это партии, группы и движения, которые действуют организованно, стремятся взять власть из рук правящей бюрократии и передать ее другой политической силе. Оппо-

зиция в той форме, в какой она существует в России, есть часть государственного аппарата.

Легитимность – это такое состояние политической системы и всех ее элементов, когда они признаются и одобряются всеми (или большинством) граждан на том основании, что обладают политической правотой и научной истиной. Но политическая правота и научная истина были и останутся дискуссионными или спорными. Поэтому ни одно государство не является абсолютно легитимным. Легитимизация власти есть процесс завоевания доверия у граждан, а не трансляции традиционалистских и навязывания авторитарно-бюрократических представлений о легитимности.

При анализе проблемы легитимности следует исходить из различия между реальной властью и официальной легитимностью. Из концепта «легитимности» надо исключить насилие, манипуляцию, материальное процветание общества, организационно-управленческую эффективность власти и политическую пассивность граждан. Любой из указанных параметров содержит опасность отождествления легитимности с существующим государством и политическим режимом.

Любое государство и власть легитимны частично. Концепт «частичной легитимности» позволяет изучать: классические и современные объекты и субъекты легитимизации; степень согласия граждан с аргументами, которыми пользуются политические клики и государственные аппараты для оправдания своей власти; степень и конкретные проявления самооправдания клик и бюрократии; процессы обретения и потери легитимности.

Обычно государства и государственные аппараты признаются субъектами и объектами внутренней и международной политики. Я строю теорию политических типов на методологии, отвергающей классические концепции субъекта и объекта. Специфика политической грамматики такова, что все проекты переустройства общества по любым рецептам (либеральным, социалистическим, консервативным, националистическим, этническим или их комбинации) и вытекающие из них концепции легитимной власти являются либо ложными, либо к ним неприменимы критерии истины и лжи.

Если применить нормативно-элиминационную и конструктивно-генетическую установку к анализу политических фактов и политического языка, то исходная альтернатива теории легитимности

заключается в следующем: она может основываться на самопризнаваемом логическом круге и продуцировать парадоксы социального и политического бытия граждан и государств; она может базироваться на утверждении о собственной достоверности, продуцировать догмы для культивирования естественного догматизма большинства людей, включенных в социальные и политические процессы, и усиливать данные догмы в деятельности и сознании властно-управленческих аппаратов. Большинство направлений политической мысли и практики до сих пор тяготеют ко второму члену альтернативы.

Проблема «истинности» любых концепций легитимной власти зависит от эпистемологического, аксиологического и политического выбора, но никаких универсальных правил такого выбора не существует. Поэтому все концепции легитимной власти являются разновидностями идеологии, их научный статус был и останется дискуссионным. Для анализа меры идеологичности любых государств и концепций легитимности я использую понятия «политического отчуждения», «гражданского отчуждения» и «гражданского сопротивления» в их пространственно-временных характеристиках[4].

В рамках цивилизационных циклов любая власть является легитимной и нелегитимной одновременно. Никаких абсолютных критериев для измерения пропорции между легитимностью и нелегитимностью власти не существует. Любые соображения о легальных (формально-правовых), традиционных, харизматических, символических, исторических, философско-исторических, религиозных, национальных, этнических, «консенсусных», «архетипических» и прочих основаниях доверия к власти (такой список обычно приводится в большинстве работ по проблеме легитимности) являются разновидностью мифологизации.

Эта книга посвящена дальнейшему обоснованию и детализации указанных положений. В частности, я уже применял теорию бюрократии для анализа связи между группами интересов и правительством современной России. Корпоративные, клиентельные и парантельные отношения групп интересов с госаппаратом не отражают общие интересы населения страны и не являются правовым взаимодействием между системой социальных интересов и властью.

[4] См.: Макаренко В.П. Государство и политический реализм: пути когнитивного сопротивления // Космополис. Журнал мировой политики. Весна 2006, № 1(15)

Госаппарат тоже не выражает общие интересы. Поэтому общие интересы населения страны не выражаются и в российском законодательстве. Таков парадокс постсоветской трансформации в России: вмешательство правительства в социальную жизнь увеличивает стремление групп интересов изменить перераспределительную политику в свою пользу, одновременно увеличивая сферу неправового взаимодействия групп интересов с госаппаратом и социальную роль правительства[5]. Эта тенденция усилилась на протяжении последнего десятилетия[6].

Роль госаппарата растет по мере того, как он оккупирует все социальные территории. Эту меру до сих пор определяет правительство, поскольку оно не отказалось от регламентации экономических, властно-управленческих, электоральных, политических и идеологических процессов в свою пользу. Поэтому правительство России – особая группа интересов: «Современное российское государство сохранило символический фасад государственности, но прекратило существование с точки зрения ключевых внутренних функций – охраны, сбора налогов, обеспечения правопорядка; это – частное охранное предприятие, которое располагает офисом в Кремле; определенные группы контролируют средства организованного насилия и называют себя «российским государством»»[7].

Однако граница между государственным насилием и частнопредпринимательской уголовщиной постоянно нарушается следующими процессами: 1. Власть обычно делегирует кому-то часть своих силовых функций, которые не может (или не хочет) сама выполнять (взимание налогов, охрана рубежей, организация торговых кампаний, колонизация, создание проправительственных движений и партий пр.). Этим объясняется относительность всех норм и законов. 2. В эпохи социальных изменений политическое и уголовное насилие переплетаются. После победы революции или проведения реформы связь между политическим и уголовным насилием становится основанием силового сектора новой власти. 3. В периоды со-

[5] См.: Макаренко В.П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социс. 1996, № 11; 1997, № 7; Правительство и бюрократия // Социс. 1999, № 2

[6] См.: Д.Фурман, А.Морозов, В.Прибыловский, Н.Петров, Ю.Коргунюк, А.Блюм. О политической системе России после путинских реформ // Неприкосновенный запас. 2004, № 6(38) http://magazines.russ.ru/nz/2004/38/ref3-pr.html

[7] Волков В.В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства: исследовательская гипотеза // Полис. 1998, № 5, с.46-47

циальной нестабильности государство использует «насилие снизу» (неформальные структуры под контролем полиции, службы безопасности внутристрановых и транснациональных корпораций) для выполнения задач, которые по политическим и/или иным причинам оно не может или не хочет брать на себя. Такое насилие служит прикрытием для деятельности и операций спецслужб, выдается за стихийные акции народа.

Третий процесс в последние 15 лет стал повседневной практикой: «Фактически складывается своеобразный «круговорот» государственных и частных, официальных и теневых, правовых и противозаконных форм насилия, которые могут и должны по-разному оцениваться с позиций действующих в данной стране и в данное время норм закона, морали, идеологии, политики»[8]. Проблема смещается к описанию конкретных форм этого круговорота.

Советская власть на всем протяжении своего существования усиливала авторитарно-бюрократические тенденции революций[9]. В постсоветской России причиной авторитарных тенденций является связь экономики и политики. Под предлогом модернизации власть транслирует монархически-советскую связь политического угнетения с экономической эксплуатацией людей и природы. Главная драма посткоммунистической трансформации – борьба между сторонниками рынка и рантье. Последние поставили задачей переходного периода сохранить условия для извлечения ренты[10].

Д.Норт показал, что армия, церковь и бюрократия – главные действующие лица латино-американского пути зависимости экономики от траектории предшествующего развития. В результате ис-

[8] Косолапов Н. Круговорот насилия в социальных структурах // Мировая экономика и международные отношения. 2004, № 3, с.73. Большинство лидеров террора готовились спецслужбами государств для выполнения возложенных на эти службы задач. Затем террористы выходили из-под материнской опеки, переходили к другому нанимателю или пытались вести свою игру. На этом фоне выглядят детским лепетом вопросы вождя сюрреализма: «Почему в человеке так мало индивидуального? Ну, почему человеку не развлечься, пустив под откос парочку поездов?.. Не понимаю, почему до сих пор никого из тех, кто производит унитазы, не посетила счастливая мысль поместить бомбу в сливной бачок, чтобы она взорвалась, когда власть имущий дернет за цепочку!». Дали С. Сюрреализм – это я. М., Вагриус, 2005, с.156

[9] См.: Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Изд. Ростовского университета, 1989, с. 42-102

[10] См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М., Праксис, 2002, с.190-224

пано-язычные страны навсегда отстали от других стран Запада[11]. Движение России по латиноамериканскому пути подтверждено[12]. Предпосылки для анализа влияния армии, церкви и бюрократии на социальную жизнь страны уже появились. Нужен детальный анализ этого влияния.

Полицейская культура России базируется на культах репрессивного закона, военщины, политического сыска. Эти качества государства воспроизводились на протяжении столетий – от Тайной канцелярии до КГБ/ФСБ[13]. Армия и органы госбезопасности способствовали тому, что госаппарат России/СССР культивировал холопство на протяжении столетий, включая советское время и современный этап[14]. В российском обществе до сих пор господствует репрессивное сознание, отождествляющее экономический и административно-полицейский порядок. Составным элементом такого тождества является «народная любовь к армии и чекистам», недоверие к суду, воздействие на власть через родственно-дружеские и криминальные сети: «В результате молодая Россия (слой современных российских предпринимателей, - В.М.) выступает сегодня … в роли главной наследницы и продолжательницы советского образа жизни эпохи разложения»[15]. Надо описать механизмы воспроизводства такого разложения.

Вся история России/СССР – это процесс многократного образования и распада империи[16]. Но в рамках империй невозможно разрешить ни универсальные проблемы (появление класса государственных чиновников, торговля государственными должностями, конфликт центра и периферии, использование финансов и кредита для колонизации новых и удержания за собой прежде завоеванных пространств), ни устранить особенности распада империй: возни-

---

[11] См.: Дуглас Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с английского А.Н. Нестеренко. Фонд экономической книги «Начала», М., 1997

[12] См.: Круглый стол «Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы» // Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 5-7; Шевцова Л. От России Ельцина к России Путина (эволюция выборной монархии) // http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm

[13] См.: Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск в России. Новое литературное обозрение, Москва, 2001

[14] Хелли Р. Холопство в России: 1450-1725. Академия, Москва, 1998, с.19

[15] Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Смягчать или ужесточать законы? // Полис. 2000, № 5, с.129

[16] См.: Геллер М.Я. История Российской империи. Т.1-2. М., «МИК», 2001

кающие на развалинах империй государства обладают большой силой самосохранения даже при неблагоприятных обстоятельствах; на протяжении периода распада империй эти государства превращаются в «змеиный клубок интересов», зависимостей и карьер; государство становится самодовлеющей ценностью и теряет способность решения социальных проблем; зато оно удовлетворяет материальные интересы все большего слоя людей, не создающих ни материальных, ни духовных ценностей; по мере распада империй новые правящие клики преобразуют государство в сословный институт[17]. Под углом зрения «змеиного клубка интересов» можно рассматривать деятельность всех государственных ведомств и институтов.

В эпоху разложения СССР вне критики полностью оставались деятельность органов управления высших уровней, госбезопасность, армия и внешняя политика. После 1991 г. шлюзы открылись. Теперь дипломаты критикуют военных и чекистов, военные и журналисты критикуют чекистов и дипломатов, чекисты критикуют дипломатов и идеологов, бывшие идеологи огрызаются на все стороны, почти все плюются вслед ЦК КПСС, а сыновья стремятся выгородить своих папаш[18]. Накапливается громадный эмпирический и антропологический материал для анализа «змеиного клубка интересов» (в данном случае я использую метафору Б.Льюиса) политической бюрократии и применения к российским процессам теории политической критики[19].

Перед перестройкой значительная часть комсомольских лидеров низшего и среднего звена перебежала в органы безопасности и более других воспользовалась (в личных целях) начавшимися в

[17] См.: Макаренко В.П. Кавказ: концептологический анализ // Социс. 2001, № 12

[18] Приведу навскидку несколько симптоматичных публикаций: Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., Вагриус, 2000; Шебаршин Л. Рука Москвы. М., ЭКСМО, 2000; Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М., Эксмо, Яуза, 2005; Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., Детектив-Пресс, 2004; Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003; Шлыков В. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М., 2002; Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в 2 кн. Кн.1. – М., Захаров, 2006; Протоиерей Георгий Эдельшейн. Записки сельского священника. М., РГГУ, 2005; Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., «Республика», 1997; Микоян С. А. Анатомия Карибскбого кризиса. М., Academia, 2006

[19] См.: Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. Идея-пресс, Москва, 1999

стране преобразованиями[20]. Перебежчики всегда держали нос по ветру. Знали, что советское общество жило двойной жизнью, функционировало в двух параллельных мирах. Но первой социальной системой с двойным сознанием был капитализм: «Американские финансисты начали пользоваться двойным языком – для внутреннего и для внешнего употребления. Последний имеет характер дискурса, адресованного общественному мнению, в котором успех финансиста представляется как типичный триумф сэлфмейдмена и условие благосостояния нации. Существование двойного языка – типичная реакция любого класса, который чувствует, что его престиж нарушен, а привилегии находятся под угрозой. Чтобы это замаскировать, он должен стремиться к отождествлению собственной судьбы с судьбой государства и нации. Такая модель может существовать на протяжении столетий»[21]. Попутная проблема состоит в анализе современных форм двойного языка и классификации групп населения и политических институтов России, которые настаивают на тождестве собственной судьбы с судьбой государства и нации.

Эту проблему можно ставить и решать по-разному. В том числе на основе прозрений А.Платонова об универсальности двоемыслия. Он считал этот феномен следствием и причиной появления и поведения особого социально-антропологического типа, возникшего в СССР после революции. Приведу главные констатации А.Платонова, классифицируя их по условным рубрикам.

Общая характеристика человека: «Типичный человек нашего времени: это голый – без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое». «Не Иван-дурак, а Иван-аспид, Иван-хитрец – вот сущий тип нашего времени». «Сознание себя Иваном-дураком, это самосознание народа (класса)». «Каждый человек с детства вырабатывает себе социальную маску, чтобы гарантировать себе наибольший успех. Уже с детства человек впадает в уродство: все люди на самом деле замаскированы»[22].

---

[20] См.: Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 2. М., Прогресс-Традиция, 2006, с.863, 878

[21] Braudel F. Historia I trwanie. Warszawa, PIW, 1971, s.68

[22] Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. 2-е изд. М., ИМЛИ РАН, 2006, с. 42, 72, 78, 100, 102

Связь революции и контрреволюции. «Революция была задумана в мечтах и осуществляема (первое время) для исполнения самых никогда не сбывшихся вещей». Таких мечтаний (в терминологии А.Платонова - тайных идей[23]) три: а) устранение религии как народной религиозности[24] и как следствия нечистой совести: «Жизнь состоит в том, что она исчезает. Ведь если жить правильно – по духу, по сердцу, подвигом, жертвой, долгом, - то не появится никаких вопросов, не появится желание бессмертия и т.п. – все эти вещи являются от нечистой совести»; б) использование философии для освобождения человека: «Вся философия есть способ самозащиты угнетенных людей против угнетателей, путем поисков такого слова, чтоб их угнетали не до смерти, чтоб слово это подействовало на угнетателей особым, неизвестным магическим образом, - но черта с два это выйдет»; в) не менее значима «…мечта о государстве, где население бьет, издевается, колотит полицию, власть и пр. – и население наслаждается»[25].

Непосредственная цель революции в России состояла в уничтожении буржуазии - «великой гниды земного шара». Средством был специфический человеческий материал: «Только деклассированные, выродившиеся из своего класса, «ублюдки» истории и делали прежде революции… Да здравствуют безымянные «ублюдки» и всякие «отбросы» человечества!». «Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм получил в наследство мещанство, сволочь… Страдание ототрет с таковых, размелет их разум, от которого можно застрелиться в провинции». «Сознание, не закрепленное в чувстве, это действительно контрреволюция, т.е. непрочное слишком состояние». «Если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства».

На деле «великая гнида» и «ублюдки» сыграли роль исторического навоза: «В революцию выигрывает «боковая сила», т.к. главные уничтожают друг друга, а боковая остается при здоровье и забывает все». «Мещанин, а не герой вывезет историю». Иначе гово-

[23] «Чем живет человек: он что-нибудь думает, т.е. имеет тайную идею, иногда несогласную ни с чем официальным». Там же, с.113

[24] Реальную народную религиозность А.Платонов описывал по квитанции: «Счет живописца – церкви: «Залатал дыру Марии Магдалины». «Пририсовал Св.Семейству недостающий член». Там же, с.156

[25] Там же, с.141, 167, 171, 257, 157, 233

ря, реальная революция в России оказалась мучительством масс ради победы мещан под видом революционных преобразований[26].

Так формировалась социальная основа советских преобразований. «Советская власть опирается на приспособленческие элементы, страстно цепляющиеся за жизнь и готовые на все». «Удивительно, что люди жались к жакту, конторе, к справкам, хотя в городе были мировые театры и в мире вечные вопросы мучения». «Люди связаны между собой более глубоким чувством, чем любовь, ненависть, зло, мелочность и т.д. Они товарищи даже тогда, когда один из них явный подлец, тогда подлость его входит в состав дружбы. Отчего это? Оттого, что человек интересен лишь с «говном». Устраивали праздники по случаю получения паспортов, справок, воинских билетов и т.д.»..

Из всего перечисленного вытекает бюрократическая природа советского государства – это «…государство, держащееся на чтении книг, газет». Жизнь в таком государстве есть беспрерывное напряжение приспособленчества и безошибочности. «Учреждения ничего не делают, сознавая бесполезность большинства дел, но взаимосвязь, прослежки, страх перед неисполнением пустяка такие сильные, что все плетется мелочью, трется и тихо выходит дело. Так что учреждения полезны, но не работой, а суетой». «В начале класса – чиновничий героизм; смерть на далеких бурьянных полях с портфелем и преданностью; героизм более мощный, чем военный, более глубокий и жуткий»[27]. Бюрократический героизм в СССР стал массовым явлением: «Чтобы истреблять целые страны, не нужно воевать, нужно лишь так бояться соседей, так строить военную промышленность, так третировать население, так работать на военные запасы, что население все погибнет от экономически безрезультатного труда, а горы продуктов, одежды, малин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника».

Хотя все население страны не погибло, но СССР распался. Советская власть провозгласила социалистическую демократию, а постсоветская назвала ее «суверенной»[28]. Однако «…происхождение демократии – это переодетая полиция, это

[26] Там же, с.159, 147, 44, 225, 68, 69, 72, 113, 176
[27] Там же, с.108, 144, 106, 113
[28] См., например: Суверенитет. Составитель Никита Гараджа. М., Европа, 2006

штатскость – для конспирации наблюдения». В этом смысле А.Платонов оказался пророком[29]. Иначе говоря, ни цель революции, ни тайные мечтания наших соотечественников не осуществились до сих пор.

Причин тому много. В том числе – многослойность массового сознания. В составе населения СССР существовало три типа масс: представители рода homo sapiens жили в рамках первой реальности; представители рода homo communisticus были сосредоточены в партийно-государственном аппарате и жили в рамках второй реальности; представители рода homo soveticus жили одновременно в двух мирах. У homo soveticus существовал чисто материальный интерес к «строительству нового общества». На этой основе в СССР появилась новая порода человеческих особей. Она сохраняла анатомию и физиологию homo sapiens, но отличалась от прародителей способом чувственного восприятия мира и логики суждений о нем. Этот менталитет передавался с молоком матери, поддерживался системой общественного воспитания и до поры до времени сравнительно бесконфликтно совмещал представления о «простой жизни» и «борьбе за коммунизм». Но разрыв во взглядах на мир между представителями homo communisticus и homo sapiens свидетельствовал о глубокой трещине в структуре массового сознания. Широкие массы не поддались на удочку коммунистической пропаганды и не верили в возможность земли обетованной. Предпочитали реализовывать не общественные, а свои собственные жизненные цели - без «коммунистического труда» и без «коммунистической морали». Это обстоятельство породило конфликты, чреватые негативными последствиями[30].

Не пора ли почесать затылок с учетом последствий деятельности «великой гниды», «ублюдков» и трехслойной структуры массового советского сознания?

Этот вопрос давно меня вдохновляет. Предлагаемая книга написана на основе моих работ, которые были опубликованы на протяжении 1990-2010 гг. и сведены здесь под одну обложку. На различных этапах работы я получал гранты Госкомитета РФ по образованию и науке (1994-95 гг.), Российского гуманитарного научного фонда (1995-96 гг., 2012 г.), фонда «Открытое общество» (1996-

[29] Платонов А. Указ.соч., с.104, 150
[30] См.: Грушин Б.А. Указ.соч., с.874-875

1997 гг.), фонда Стефана Батория (1997-1998 гг.), гранты Южного федерального университета (2007-2008 гг.). Еще раз благодарю руководство этих фондов.

Отбор из множества этих работ подчинен концепту «сжирубешенства», который производен от русской пословицы «С жиру бесятся». Этот концепт я создал для описания прошлого, настоящего и будущего политической бюрократии. С него и начну

.

Часть 1. **Метод анализа**

Глава 1. **Кормушка и воспроизводство интересов**

1.1. Паек и оппозиция

Военно-служилое сословие образует социальную почву и политическую основу империй. В современной России оно сохраняет экономическую и политическую власть, дает заказы на выработку идеологии или само пытается ее сочинять[31]. Оно вмонтировало в социальные и политические преобразования механизмы обеспечения собственных экономических и политических интересов. О.Крыштановская называет этот процесс «возрождением номенклатуры», которая пережила ужасы реформ 90-х годов, перестроилась, сменила имидж, но осталась у власти. Восстановлена «табель о рангах», отстроены новые «дворянские гнезда», спецателье и спецтранспорт. Перелицована идеология: «Раньше жили по принципу «социализм для народа, капитализм – для элиты», а теперь наоборот – «капитализм для народа, социализм для элиты»… Но суть та же: властью ни с кем не делиться, льготы – себе увеличить, а другим – отменить»[32]. Поэтому российское государство парализовано множеством формальных и неформальных связей.

В массовом сознании бытует мнение, что в СССР господствовал партийный аппарат. Однако на всем протяжении советской власти партийный, военный и полицейский аппараты конкурировали между собой за главное место в политике. Конкуренция завершилась созданием военно-промышленного комплекса, в состав которого вошли также ученые-естественники и идеологическая обслуга[33]. Этот монстр выступал главным властителем-собственником и эксплуататором природных и людских ресурсов страны.

---

[31] См., например: Алекесев С.В., Каламанов В.А., Черненко А.Г. Идеологические ориентиры России. Под ред. Степашина С.В. М., 1998, т.1-2

[32] Крыштановская О. Возвращение номенклатуры. Предисловие и изданию 2005 года // Восленский М. Номенклатура. М., Захаров, 2005, с.7

[33] См.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Редактор-составитель

Предпосылки эксплуатации стали складываться сразу после Октябрьской революции. Осенью 1918 г. жители Москвы и Петрограда были разделены на категории в зависимости от рода деятельности (физической, интеллектуальной и нетрудовой). Нормы снабжения были установлены для каждой категории в пропорции 4:2:1. В 1919 г. разделение превратилось в систему. Например, врачи и медработники получили надбавку к пайку за борьбу с эпидемиями. Военные получали красноармейский паек в зависимости от службы на фронте или в тылу. Но вскоре сотрудники ЧК, милиции и пропаганды добились причисления себя к врачам и фронтовикам. Уже в период гражданской войны справедливость в распределении (снабжение в первую очередь детей, больных и малоимущих) отошла на второй план. В основу был положен принцип: снабжать в первую очередь не создателей материальных и духовных ценностей, а тех, кто трудится для укрепления власти. Паек стал индикатором расслоения общества по отношению к власти. Распределяя продукты и вещи, власть присвоила себе мощное средство нажима на людей для выполнения своих планов. Так советская власть воспроизвела кормленческую функцию царской и патриаршей власти. Кормушка – это устойчивый образ власти, которая должна кормить и от которой можно кормиться[34].

11 мая 1918 г. было принято «Положение об отделе по борьбе с преступлениями по должности», параграф 1 которого гласил: «Принять самые решительные меры для очищения рядов Советской власти от провокаторов, взяточников, авантюристов, всевозможных бездарностей, лиц с темным прошлым, с злоупотреблением властью, превышением власти и бездействием власти, предавая их деяния широкой огласке в печати»[35].

11 марта 1937 года Н.И.Ежов выступал перед мобилизованными на работу в НКВД молодыми коммунистами и комсомольцами. Он резюмировал итоги двадцатилетней борьбы с властвующими бездарями и сформулировал идею «народной разведки»: «У нас каждый соглашается быть осведомителем. Осведомителей нужно иметь в каждой комнате, в уборной, и т.д, всюду должно быть ос-

Э.И.Колчинский. СПб., «Дмитрий Буланин», 2003, с.823-826

[34] См.: Кондратьева Т. Современное государство как власть по «Домострою»? (К спорам о социокультурных истоках сталинизма) // НЛО. 2006, № 5/81, с.50-66

[35] Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник. Составители Кокурин А.И., Петров Н.В. М., МФД, 2003, с.303

ведомление… Мы должны платить агенту … обязательно по его стоимости… Деньги деньгами и еще кое-что нужно для души… Я имею ввиду особо крупных политических деятелей или специально созданных политических деятелей, поддерживаемых нами, которых мы проталкиваем в руководство каким-нибудь движением, которое имеет перспективу быть у власти или быть в оппозиции к правительству или будет занимать позицию, дружественную нам… Агентура среди духовенства, особенно среди православной церкви, должна заниматься не только информацией, но и разложенческой работой, внутри разлагая любое религиозное движение»[36]. Как известно, Ежова кокнули, но идею народной разведки воплотили в жизнь.

При этом использовались те свойства массового характера, которые положительно оценивал Петр 1, а народная артистка обнаружила даже у кубанских казаков: безотказный до дури характер; бегут выполнять приказ, не дослушав и не поняв его содержания. Например: при Сталине вызвали в Кремль казаков из колхоза «Мировой октябрь» Кущевского района. Казачка после получения грамоты крикнула: «Товарищи делегаты! От имени нашего колхоза про-си-мо нас обложить хоть каким-нибудь налогом!»[37].

Так власть подчинила себе большинство населения. Народная разведка занимала существенное место в процессе подчинения. Она была фактом повседневной жизни, воплощая карьерные и верноподданические стремления тех, кто стремился «выбиться в люди» - попасть в привилегированные сословия. Но политическая суть дела состоит в том, что после 1991 г. властвующие клики и подчиненные им государственные институты использовали систему народной разведки для постепенной и безболезненной адаптации к изменениям социального строя. С помощью данной системы госаппарат выработал гарантии воспроизводства своих интересов, включая претензии на толкование истории страны[38]. В этом смысле учебник новейшей отечественной истории "История России. 1945-2007", авторами которого стали Александр Филиппов, Александр Данилов и Анатолий Рыбкин, тоже завершает определенную тенденцию. В

[36] Там же, сс.574, 576-577, 578

[37] Мордюкова Н. Казачка. М., Вагриус, 2006, с.264

[38] См.: Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсный анализ публикаций последних лет // Новое литературное обозрение. 2003, № 1/59

нем воспроизводится комплекс авторитарно-бюрократических стереотипов восприятия истории.

Падение советской власти не является следствием реализации какого-то плана-заговора. Всегда существуют опосредующие варианты между планом-заговором и стихийными социальными процессами. Эти варианты станут предметом исследований не скоро - после систематического описания конкретных сценариев манипулятивных операций органов внутренних дел и госбезопасности в период, предшествующий падению советской власти и следующий за ним. Пока таких материалов нет, я буду исходить из констатации: очередная революция сверху в СССР/России осуществлена путем создания сверху **контролируемой оппозиции**, которая предотвратила удар масс по властно-управленческим структурам. Например, армия ни за кого не вступалась, пока население не стало громить обкомы и горкомы: «Войска ввели только тогда, когда остро встал вопрос о … спасении правительственных чиновников»[39].

Создание такой оппозиции – элемент самоутверждения государства. Оно всегда желает иметь такого противника, уничтожить которого не составляет большого труда. Например, средневековые народные религиозные движения полагали государство несовместным с христианской моралью. Поэтому идея независимости от государства стала восприниматься как угроза. Церковь использовала государство для поиска еретиков. При этом содержание «еретических взглядов» было менее важно, чем то, кто именно считает их таковыми. Жертвы преследовались не в силу «радикализма» или «экстремизма» своих идей, а потому, что не имели защиты со стороны власти. Власть всегда стоит перед задачей создать видимость оппозиции для того, чтобы затем ее уничтожить[40].

Успешность такой стратегии определяется тем, что приватизация власти-собственности началась в период *перестройки*. Официальная статистика и общественные науки не располагают надежными данными о том, какая часть бывшей общегосударственной собственности перешла в частную собственность, какова картина ее распределения среди слоев населения, какова динамика численности собственников постсоветского периода, какую часть населения

[39] Новое литературное обозрение. 2007, № 84, с.57

[40] См.: Маккенни Р. ХУ1 век. Европа. Экспансия и конфликт. М., РОССПЭН, 2004, с.275-298

они представляют и на каком основании нынешнего гражданина России можно отнести к категории собственника[41]. В период советской власти госаппарат колонизировал, а после 1991 г. приватизировал все национальное богатство[42].

Государственный аппарат присутствует на политической сцене прямо и опосредованно - через подставные лица и структуры (в виде появившихся на протяжении последнего десятилетия политических лидеров, партий, профсоюзов, избирательных блоков, общественных движений и т.д.). Он влияет на СМИ и другие государственные институты формально (представительство в парламенте, организация партий) и неформально (механизмы личной и институциональной агентуры и коррупции). В любом случае трудно установить ответственность за такое влияние.

Смысл гарантий сохранения и воспроизводства интересов госаппарата – не допустить потери власти и привлечения к ответственности за всю совокупность решений в центре и на местах, сохранить привилегированное экономическое и социальное положение. Отказ от положения правящего класса не тождествен тому, что его отдельные (групповые) члены потеряли власть и привилегии. Для анализа различия между ними я предлагаю выделить в особые предметы анализа экономические, агентурные и политические гарантии воспроизводства интересов госаппарата.

1.2. Экономические гарантии.

Трудно доказать, что на вершине советского госаппарата существовал всеохватывающий тайный план приватизации, в результате реализации которого национальное богатство попало в руки госаппарата. Приватизация - итог комплекса причин и следствий, систематического описания которых пока нет. Но в любом случае экономические гарантии сохранили привилегированное положение госаппарата, поскольку лидер *перестройки* (М.С.Горбачев) и его главный оппонент (Б.Н.Ельцин) воспроизвели сложившиеся при

[41] См.: Губогло М.Н. Драма собственника нашего времени // Отечественная история. 2004, № 1, с.93

[42] См.: Эткинд А. Бремя бритого человека или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2002, № 1, с.265-298; Эткинд А. Фуко и имперская Россия: дисциплинарные практики в условиях внутренней колонизации // Там же, с.166-191

Ленине и Сталине способы социальной манипуляции. Юмор в том, что - в соответствии с эпигонской природой политической бюрократии - лидер и контрлидер (точнее, их советники) позаимствовали популярную тогда в европейском неоконсерватизме идею приватизации. Но опять идея была истолкована так, что населению страны был нанесен ущерб, а власть выиграла… Поэтому всякое заимствование политической бюрократией любых концепций и моделей из прошлого своей страны (в данном случае России) или со стороны (в Европе, США или Китае) наносит вред населению страны.

Руководство Российской империи и СССР культивировали готовность индивидов и целых социальных слоев сотрудничать с органами политического сыска. Народная разведка – это система внутреннего шпионажа (далее СВШ), которая складывается как элемент бюрократического управления государством и потому использует все средства манипуляции населением. С помощью СВШ руководство СССР контролировало социальные события и процессы. Если бы такого контроля не было, партгосноменклатура (особенно ее так называемые «прогрессивные слои») не решились бы на *перестройку*[43]. В этом смысле СВШ - средство защиты интересов госаппарата, а не населения страны. С помощью данной системы блокируются (или направляются в определенное русло) попытки групп и слоев населения (не связанных с интересами госаппарата) изменить положение.

С самого начала существования советской власти все сферы социальной жизни, социальные группы и государственные учреждения подвергались явному и тайному контролю. Как требовал Ежов, даже в сортирах (конечно, не во всех, а только в высокопоставленных, в соответствии с принципом: «Слово «частный» (privy) означало то место, куда даже короли ходят в одиночку»[44]) был представитель органов. Обычно через отделы кадров он сотрудничал с руководством и партийными органами предприятия. Этот че-

[43] Например, сотрудник ЦК полагает естественным зарождение ревизионизма в международном отделе ЦК: «Ибо мы-то знали мир и знали, что никто на нас не нападет, знали и то, что такое на самом деле МКД (международное коммунистическое движение, - В.М.) и что дело его дохлое… Недаром … в аппарате ЦК КПСС международников еще со времен Трапезникова считали «ревизионистами» и терпели только потому, что без них «технически» невозможно было поддерживать отношения с компартиями и держать их в своем «обозе»». Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., «Республика», 1997, с.238

[44] Мартин Ван Кревельд. Расцвет и упадок государства. М., ИРИСЭН, 2006, с.73

ловек руководил группой информаторов, обеспечивавших неофициальную информацию о множестве сфер социальной и учрежденческой жизни. Декларативной целью сети информаторов была борьба с экономической преступностью (со времени создания ОБХСС) и идеологическими диверсиями (со времени создания 5 управления КГБ).

В.В.Бибихин показал, что главным идеологическим диверсантом оказались советские военные стратеги, которые еще в 1970-е годы решили заменить марксизм православием[45]. Этот факт подтверждает общую идею Д.Норта о связи между армией, церковью и бюрократией. И хотя эти конторы не устранили ни экономической преступности, ни идеологических диверсий, они имели своих осведомителей на каждом предприятии. Так внутренний шпионаж стал звеном экономической жизни. Исследование советской/российской экономики как элемента внутренней колонизации и СВШ только начинается. Оно позволяет понять приспособляемость данных органов, причины и механизмы преобразования ОБХСС в ОБЭП, включая нынешнюю моду на болтовню об «экономической безопасности».

Например, С.Грибкаускас на основе анализа рассекреченных архивных материалов сообщает, что КГБ располагал подробной информацией о заводских администрациях и настроениях руководителей. Залогом благонадежности был высокий процент присутствия работников администраций предприятий в агентурном списке. В основном агентами были руководители (начиная с начальников цехов и отделов) и служащие, при минимальном участии рабочих (5 человек из 124 агентов). Литовская эмиграция возлагала большие надежды на инженерных работников, которые якобы плохо поддаются влиянию советской идеологии (по сравнению с гуманитариями). Наоборот, представители администрации и ИТР сами искали пути сотрудничества с КГБ, надеясь извлечь из этих отношений административную пользу. Роли агента КГБ и представителя администрации завода были тесно связанными в одной личности в связи с личными надеждами на продвижение и соответствующими мотивами поведения. Понятие «экономическая безопасность» (наряду с понятиями «защита экономики», «идеологические диверсии») поя-

[45] См.: Бибихин В.В. Другое начало. М., 2003

вилось в риторике документов третьего отдела КГБ в конце 1970-х гг. Такова была реакция на деятельность «Солидарности» в Польше. Но реальные методы работы практически не изменились, просто структура начала расти. В деятельности КГБ сильной стороной было оперативное наблюдение и агентурная сеть, а не аналитические и системные способности. В целом вмешательство органов госбезопасности в работу промышленных предприятий не способствовало их развитию и процветанию[46].

А.Бовин отмечает, что в последнее десятилетие ФСБ и ГРУ стремятся восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 1990-х гг. были сужены. С этой точки зрения идея повышения бдительности и безопасности есть «…возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями. Если согласиться с предлагаемым порядком, то «загранучреждения» превращаются в подсобный цех разведки»[47]. Надо бы посчитать подсобные цеха и внутри страны – ведь мечтал герой М.Булгакова «поставить городового рядом с каждым человеком»…

Для начала констатируем, что роль указанных структур сводится к подмене функций контроля. В западных странах функции контроля общества над государством выполнял рынок, твердая валюта, пресса и другие структуры, побуждающие предпринимателей стремиться к максимальной выгоде и минимальным расходам на госаппарат. Советская власть превратила двойное сознание в систему. Хитрость и обман стали нормой, поскольку государство систематически искажало и утаивало информацию. Длительное существование людей в атмосфере полной (частичной) лжи не благоприятствовало распознаванию лжи и правды и способствовало становлению массового повседневного макиавеллизма – убеждения большинства в том, что при общении с другими людьми ими можно и нужно манипулировать, а также навыки манипуляции. Повседневный макиавеллизм – следствие отношения индивидов к способности распознавать ложь и правду. Причем, объективная способность обычно противостоит завышенной самооценке этой способности. Люди, склонные манипулировать окружающими, часто используют

[46] См.: Грибкаускас С. Деятельность КГБ на промышленных предприятиях Литвы в 1965-1985 годах // Социальная история. Ежегодник 2008. Спб, Алетейя, 2009, с.253-278

[47] См.: Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003, с.293, 387

обман для достижения своих целей. Существует положительная (у мужчин) и отрицательная (у женщин) связь между отношением к лжи и правде, самооценкой способности распознавать ложь и правду и макиавеллизмом (женщины более склонны утаивать правду, чем мужчины)[48]. К этому можно добавить, что целые институты эксплуатируют указанную норму.

Рыночная экономика впитала средневековую корпоративную модель социального устройства и породила экономический шпионаж - стремление знать производственные секреты и материальные возможности актуальных и потенциальных конкурентов, клиентов и потребителей. Такая система начала складываться на рубеже Х1Х-ХХ вв. и тоже отличалась двойственностью: «Безжалостная тактика Рокфеллера по отношению к конкурентам – угрозы, запугивание, готовность применить силу и даже убийц – стали типичным образчиком изменившихся нравов века. Его методы несли на себе отчетливый отпечаток представлявшейся соблазном для других морально-политической двойственности, беспрецедентно расцветшей в Америке. Лучшие адвокаты его времени, люди высочайшей юридической этики, были наняты Рокфеллером с целью разработки его крайне сомнительных методов. Это еще раз подчеркнуло двусмысленность, освящавшую и омрачавшую бурное развитие Запада, объединившую его худшие и лучшие стороны»[49].

Теперь пару соображений о специфике России. А.Г.Чукарев показал, что в России создание Тайной полиции было не двусмысленным, а «однозначно» (как сказал бы Жириновский) негативным. В начале Х1Х в. развивались капиталистические отношения, начался промышленный переворот, усложнение социальной структуры общества. Это требовало усилить обратную связь между властью и обществом. В Европе связь обеспечивалась парламентом, печатью, судом присяжных, адвокатурой. В России этих институтов не было. Одновременно государство вступало в период кризиса крепостничества и стагнации. Для усиления контроля за обществом Николай 1 учредил сыскную контору. Отсюда парадокс российской политической полиции: власти казалось, что секретная служба может выполнить функцию связи государства с обществом.

---

[48] См.: Мещеряков Б.Г., Некрасова А.В. Макиавеллизм: правда и ложь в повседневной жизни // Человек. 2005, № 6, с.87-95

[49] Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. Москва, 1993, с.66-67

Размеры страны требовали усилить контроль за действиями местных администраторов, которые всегда отличались коррупцией и произволом. По замыслу Николая 1 при отсутствии гласности, недостатках суда и общей полиции такой контроль мог осуществляться тайной службой. Под предлогом «благочиния» царь думал создать элитное учреждение, которое вберет в себя цвет русской аристократии. Но аристократия презирала обычную полицию и тем более не пошла в новую жандармерию. Поэтому в состав нового ведомства пришлось набирать *бездарей* из армии и флота - офицеров, которые руководствовались материальными (а не идейными) соображениями. Тогда же возникла традиция составлять нравственно-политические обзоры (анализ настроений различных групп и слоев для выявления опасных для власти), правило сообщать «наверх» обо всем отрицательном, что происходит на данной территории - для сведения и принятия мер в борьбе с конкретными носителями зла. Но в целом тайная полиция только загоняла вглубь общества все социальные болезни. А защита «сирых и угнетенных» - таков был христианский мотив создания тайной полиции - оказались ей не под силу[50].

В СССР экономический шпионаж служил правительству, а не гражданам и рынку. Был элементом политической системы, контролируя экономику в пользу вершины политической власти. Противодействовал автономизации экономической власти низших уровней иерархии. Эта борьба закончилась провалом. Такова политическая эффективность данных органов.

В СССР аристократии не было, но аристократическое отношение к внутреннему шпионажу сохранилось. И.В.Говоров отмечает, что значительная часть российских граждан оценивает сотрудничество со спецслужбами как недостойное и позорное явление. Ученые-юристы и практикующие адвокаты требуют запретить использование органами правопорядка «негласной агентуры», т.к. «агенты» провоцируют людей на преступление. Россия здесь опирается на советский опыт. Поэтому нужен анализ положительных и отрицательных сторон агентурной работы в СССР.

В советское время при вербовке «негласных сотрудников» использовались три метода: идейное убеждение (при вербовке осве-

[50] Чукарев А.Г. Тайная полиция России. 1825-1855 гг. Жуковский-Москва, «Кучково поле», 2005, с.578-587

домителей из числа работников торговли); материальный интерес (большинство осведомителей работало за продукты, карточки, деньги); собранный репрессивными органами компромат толкал представителей «блатного сообщества» и «теневойц экономики» на сотрудничество с НКВД представителей «блатного сообщества» и «теневой экономики». Это породило следующие недостатки агентурно-осведомительной сети: *неработоспособность* части информаторов отражала главный принцип ее формирования – количественный рост для галочки; *двурушничество* – преступники шли на вербовку с целью использовать покровительство милиции для прикрытия своей преступной деятельности и ликвидации конкурентов; многие осведомители были не просто преступниками, а главарями уголовных банд; *провокация* - оперативные работники выступали организаторами преступления и пытались спасти агентов от уголовного преследования; *разврат* органов – присвоение средств для оплаты агентуры, пьянки оперативных работников с осведомителями, интимные отношения с женщинами-осведомителями, получение взяток за прекращение уголовных дел. Административные меры борьбы с этими явлениями результата не дали. Такая ситуация сохраняется и сегодня[51].

Структуры внутреннего шпионажа в СССР были обязаны бороться с коррупцией директорского корпуса, использованием казенного имущества для личного обогащения. Большинство директоров стремилось обойти или приручить соперника. Для этого они должны были знать, когда, с кем, по какому поводу надо делиться неофициальными доходами. На последней стадии существования СССР усилия внутреннего экономического шпионажа концентрировались на фиксации явных и скрытых, легальных и нелегальных связей и форм сотрудничества госпредприятий с частным сектором. Инициатором выступала вершина партаппарата, а исполнителем – комсомольский аппарат, хотя все направления внутриполитической и международной деятельности по созданию таких связей и форм засекречивались (напомню, как раз в это время комсомольский аппарат побежал в госбезопасность). Связь директората с частным сектором и контроль этой связи осуществлялись так, чтобы не оставлять никаких следов деятельности. Директора и не требовали от

[51] Говоров И.В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории.2004, № 4,с.109-119

официальных соглядатаев письменных распоряжений, прикрываясь плановой дисциплиной, финансовой и служебной тайной и т.п.

Теперь многократно умножим эту ситуацию на число всех производственных структур и государственных учреждений СССР накануне распада. Ее суть – передача народной собственности из одних рук в другие при контроле со стороны КГБ. Термин «красные капиталисты» предпочтительнее терминов «новые русские» и «бизнес-слой» по историческим, социологическим и политическим основаниям, описанным О.Крыштановской[52]. Здесь подчеркну самый распространенный способ обеспечения экономических интересов красных директоров и красных капиталистов: те и другие сознательно занижают производственный и финансовый капитал фирмы при любых контактах с отечественным и иностранным капиталом и контролирующими органами. Такое занижение повышает долю каждого директора (теперь уже как частного собственника) в вероятных доходах по отношению к расходам. Эта процедура универсальна, а ее проявления многократно описаны в микроэкономике и публицистике.

Так был расчищен путь к переходу материальных и финансовых средств в частные руки. Задолго до официальной приватизации множество советских министерств наладило связи с зарубежным капиталом. А связными всегда были «верные личарды», которые давно наторели в создании зарубежных контор для достижения своих целей. То же самое относится к множеству внутренних постов, руководящие лица которых отвечали за международные экономические связи. Должности были и остаются частной собственностью власти, хотя официально квалифицируются как государственные.

Таким образом, нынешняя система внутренних и международных связей страны сформирована группами госаппарата, а не группами граждан. В состав таких связей входит выдача разрешений на организацию пунктов обмена валюты, различные формы технологической разведки, контакты с политическими фигурами и т.д. Социальная наука не располагает систематическим материалом обо

[52] См.: Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., Захаров, 2005. В мае 2007 года (когда был написан черновик этой главы) в Интернете было вывешено 5245 страниц о *красных капиталистах*, сегодня уже 1770000 страниц. Но только о китайцах. В соответствии с евразийской концепцией я предлагаю использовать этот термин и в отношении России.

всех случаях большого обогащения за краткое время на местном, региональном и федеральном уровнях. Отсутствие таких данных свидетельствует, что публичного контроля за этой сферой не было и нет. Значит, СВШ не заинтересована в обнародовании результатов своей деятельности, опираясь при этом на аналогичные мотивы поведения мелких пройдох, крупных коммерсантов и фасадных государственных деятелей.

Роль данной системы в приватизации власти детально не изучена. Зато известно, что спецслужбы раньше других социальных групп освободились от идеологических иллюзий. Частично это связано с природой шпионажа, предполагающего свободу от идеологических стереотипов, умение отделять слова и декларации от фактов, бесстрастное описание реальных явлений и процессов. Отношение СВШ к идеологии всегда инструментально. Эта система может использовать любую идеологию, если она не мешает маскировать интересы правительства и госаппарата и представлять их деятельность как необходимую и положительную для общества. Это убеждение и выразил бывший глава 5 управления КГБ: любое государство «…проводит ту идеологию, ту политику, которую исповедуют люди, стоящие у власти»[53].

1.3. Агентурные гарантии –

это множество лиц, структур и направлений деятельности соответствующих ведомств, численный состав и тенденции развития сети информаторов. Эти гарантии направлены на поддержку (блокировку) карьеры конкретных людей, влияние на взгляды и действия лиц и организаций, участие в реализации конкретных мероприятий. По правилам шпионажа всегда существует несколько вариантов (сценариев) действий для достижения одной и той же цели. Например, массовое уничтожение документов после государственного переворота августа 1991 г. послужило благовидным предлогом для последующей регламентации деятельности архивов РФ: «В Центре хранения современной документации с начала 1995 г. в категорию секретных неожиданно для исследователей попали материалы, доступ к которым ранее не был ограничен. В другом архиве – Российском центре хранения и изучения документов новейшей

[53] Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., Эксмо, Алгоритм-книга, 2003, с.397

истории – действующий «Временный регламент» (а по российской традиции подобные временные регламенты подменяют закон) отсекает историков на 75 лет с момента создания документов от любой информации, относящейся к «тайне личной жизни граждан». А к такой информации могут быть отнесены: сведения о здоровье; семейных и интимных отношениях; материальном, имущественном положении; источниках доходов; об обстоятельствах рождения, усыновления, установления опеки, развода и вступления в брак; личных привычках и наклонностях; о деятельности в области частного бизнеса, изобретательства; об интеллектуальной собственности и т.п… Таким образом, изучение проблем частной жизни советского общества делается попросту невозможным. И здесь нельзя не заметить иронии истории: в советском обществе грубо нарушалось право граждан на тайну частной жизни, ныне же, благодаря «временным регламентам», сама эта практика тоже становится тайной»[54].

Суть проблемы – в персонификации государственной жизни. Указанные действия свидетельствует о том, что во всех случаях преследовалось несколько целей: ликвидация (засекречивание) материалов, которые можно использовать для описания кувшинного рыла власти; ликвидация (засекречивание) материалов, которые могут служить основанием для привлечения к ответственности конкретных лиц даже на основании существующих законов; сокрытие от публичного внимания документов, которые раскрывают сеть информаторов и предотвращают агентурное обеспечение интересов разных звеньев госаппарата. Конечно, такие материалы всегда можно использовать в политической игре по достижению личных и групповых целей. Давно известно, что власть создает комплекс причин для того, чтобы люди добровольно (на первый взгляд) осуществляли полезные для нее действия. Власть определяет поле выбора, одновременно отвлекая внимание публики от собственных интересов. В этом состоит манипулятивное содержание властно-управленческих процессов.

Большинство банков прямо и косвенно контролируются госаппаратом, который инициировал направленную коррупцию: вначале его члены создали под себя кредиты, затем установили правила, условия и гарантии их использования. Каждый банк раньше и теперь

[54] Куприянов А.И. Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996, № 4, с.91

имеет главных и подчиненных соглядатаев из состава СВШ. Сеть информаторов позволяет ориентироваться в ситуации, но не способствует предотвращению социальной патологии.

1.4. Политические гарантии

интересов аппарата определим путем отрицания: в СССР не было правовых норм, определяющих условия владения и передачи собственности партгосаппарата. Право подчинялось власти. Такое положение во многом сохраняется до сих пор, хотя конституция декларирует обратное[55].

Мне уже приходилось писать о специфике современных российских законов. Приведу один пример. В 1992 г. ушлые мужики (почти сразу после государственного переворота) из Российской академии управления сочинили проект закона «Об основных началах государственной службы Российской Федерации». Я тогда как раз был приглашен в Российскую академию управления для чтения лекций. Участвовал в конференции на эту тему, и в докладе раскрыл бюрократическую суть проекта. После конференции ко мне подошел один из членов тогдашнего парламента и предложил опубликовать статью. Она была опубликована под названием «Власть закона или бюрократическая иерархия?» в «Российской газете». Тогда законопроект не прошел.

Но история не прекратилась. Суцкие три года спустя все же пропихнули закон «Об основах государственной службы Российской Федерации». В этом законе без труда обнаруживается весь комплекс полицейско-бюрократических стереотипов сознания и мышления. Он направлен не на объективное отражение социальных процессов, а на подтверждение факта существования властно-управленческих структур. Создавшие его юристы и проголосовавшие за него члены парламента полагают, что можно создать «идеальную» государственную службу в государстве, перспективы, цели и смысл существования которого остаются неясными. В законе отражен универсальный стереотип бюрократии – стремление сочетать «положительные» и «отрицательные» стороны при описании действительности. Идея преимущества права перед политикой ото-

[55] См.: Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000

двигается на второй план. Предусматривается опережающее создание учреждений и структур по сравнению с кристаллизацией социальных отношений и правовых процедур. Государственные учреждения опять обретают самостоятельную силу, которую они имели при монархическом и советском режимах. Транслируется стереотип «идеального чиновника». Отношение к любым социальным теориям остается сугубо прагматичным: они используются лишь в той степени, в которой обслуживают интересы «здесь и сейчас» существующего госаппарата. Связь с политикой толкуется таким образом, чтобы любые политические реформы не ставили под угрозу существование бюрократических структур. Для этого Российское государство и его государственная служба квалифицируются как носители «социального порядка», «прогресса», «рациональности» и т.п. Стало быть, с помощью таких законов новые лидеры и правящие группы освобождаются от социального и политического контроля на «законном основании». Оно базируется на недоказанном предположении: решения аппарата соответствуют «общим интересам» населения страны. В действительности эти решения соответствуют структуре правительственных дел и вертикально-горизональным звеньям управления[56].

Но дело не только в России. Идея о бесплодности политики как сферы деятельности высказывается представителями разных направлений современной мысли: неотрадиционализма (Р.Генон), консерватизма (П.Джонсон), неомарксизма (Ю.Хабермас), феноменологии (П.Рикер), коммунитаристского направления в либерализме (А.Макинтайр), миросистемной теории (И.Уоллерстайн), школы «аутопойесиса» (Н.Луман) и др. Например, П.Дракер пишет о кризисе политики и государственного управления во всех развитых странах: «Вопрос о функциях и функционировании правительства должен стать центральным как для политической мысли, так и для политической практики. Мегадержава (тип государства, который был реализован в нынешнем столетии) в ее тоталитарной и демократической версиях уже продемонстрировала свою неэффективность. Она не выполнила ни в одной стране мира ни одного из своих обещаний. Действия же правительств через уравновешивающий механизм лоббирования не являются ни эффективными, ни привле-

[56] См.: Волков Ю.Г., Лубский А.В., Макаренко В.П. Легитимность политической власти: методологические проблемы и российские реалии. С., Высшая школа, 1996, с.190-205

кательными. Фактически нынешние правительства парализованы»[57].

Появились и реакции на ситуацию. Например: «Современное государство не должно быть инструментом защиты национальных интересов, оно должно защищать интернациональные интересы своего собственного населения… Люди поняли, что политики не говорят им правды. Это касается и специалистов в области политической науки. Они говорят неправду о человеческих отношениях… Политики должны быть изгнаны, люди должны жить без политики! Эта нечистая сила должна быть устранена из национальных государств, различных культур и борьбы между ними»[58]. При такой ситуации проблема воспроизводства гарантий интересов госаппарата становится глобальной.

1.5. Идеальный тип сжирубешенства

Я буду исходить из различия между идеальными типами чистой власти и власти-собственности.

Чистая власть отличается следующими свойствами: ее поддерживают граждане, если даже они не считаются источником власти; одна часть граждан (собственники) имеют независимые от власти источники социального могущества; большинство граждан (производители материальных и духовных ценностей) создают юридический минимум (совокупность прав и законов) для защиты от власти и реализации своих интересов; власть вынуждена заботиться о том, чтобы экономически независимые граждане ее поддерживали (хотя бы пассивно).

Власть-собственность включает следующие свойства: абсолютное большинство граждан не имеют независимых от нее источников существования; она безразлична к поддержке со стороны подданных, поскольку такая поддержка наносит ей вред; является самодостаточным и единственным основанием физической, экономической и духовной власти; явно презирает подданных; подданные поддерживают власть-собственность лишь в той степени, в которой считают свою волю значимой для властителя[59].

---

[57] Дракер П. Эпоха современных трансформаций // Современность. 1996, № 6, с.57

[58] Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. М., РОССПЭН, 2003, сс.37, 151, 153

[59] См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ, 1998, с.437-440

Отсюда вытекает концепт троевластия, который я предлагаю использовать для оценки имперской и советской России вместо концептов тоталитаризма и модернизации. Если власть переплетена с собственностью и идеологией, она плюет на всех, кто зависит от нее в сфере экономики, политики и идеологии. Концепт троевластия позволяет увидеть ложность популярных положений теории модернизации: совокупность экономических программ коммунистов была продолжением более ранних программ модернизации России; русские цари и большевики хотели преодолеть отсталость России и обеспечить ее независимость от внешнего мира; запоздалая промышленная революция несет ответственность за политическую революцию. Одновременно следует учитывать: качественное различие между классовым обществом и системой троевластия; тождество между царскими и сталинской программами индустриализации; социальные функции модернизации в системе троевластия связаны с развитием экономического, политического и идеологического отчуждения; террор (а не производство тракторов, паровозов, комбайнов и самолетов) - самое эффективное средство модернизации.

Кроме того, существуют пункты сходства между неоинституционализмом и разработанной мной теорией политического отчуждения. Они состоят в следующем: критика либерализма, социализма и ленинизма; критика теорий интересов, поскольку сами по себе они не дают полного представления о русском государстве; анализ связи власти, собственности и идеологии; анализ бюрократии; акцент на непредвиденные следствия решений; фиксация различия между силой и успехом (эффективностью) власти; анализ специфики политической конкуренции; анализ революций. Некоторые положения теории политического отчуждения дополняют неоинституционализм: политическое отчуждение – ключ к пониманию социальной и экономической истории России.

В России сложилась и существует до сих пор негативная эффективность власти - предельное усиление интересов государства за счет интересов общества. В этом контексте терроризация, бюрократизация и модернизация России – звенья единого процесса, детерминированного спецификой властного выбора: быть свергнутой или усилить угнетение и манипуляцию? Власть в России всегда шла и продолжает идти по второму пути. Этим объясняется специфика русского капитализма, в том числе современных преобразова-

ний. То, что мы наблюдаем в течение последних 20 лет, я предлагаю обозначить термином сжирубешенство – на основе идиомы «с жиру бесятся».

Предположим, мы имеем дело с бывшим (нынешним) членом номенклатуры или его наследником - хозяйственным руководителем-бизнесменом. Его капитал возник на базе приватизации народного имущества. На последней стадии существования СССР были организованы номенклатурные ООО на основе вкладов государственных предприятий, а не личного капитала. На руководящие посты в таких фирмах назначались свои люди. Уже при создании фирмы они соглашались делиться доходами с теми или иными руководителями или направлять их на указанные счета. Руководители не выступали против перетекания прибыли фирмы в карманы физических лиц.

Изменение субъектов и характера фирм зависело от многих обстоятельств. Не все партийные бонзы и их комсомольские подпевалы поступали по обычаю «украсть и убежать». Многие привлекали экономистов и юристов для отмывания денег и материальных ресурсов. Поэтому сегодня почти невозможно доказать посредством судебного процесса, что большинство существующих фирм есть продукт организованного воровства народного имущества. Даже европейские судьи не всегда могут это сделать. В России во всех офисах снизу доверху сидят красные капиталисты. Этот термин позволяет связать монархическую, советскую и современную форму государственной эксплуатации населения страны и потому точнее отражает социально-экономическую суть процесса. Большинство современных отечественных бизнесменов ранее принадлежали к партийному, комсомольскому и хозяйственному активу (или являются их физическими, властными и духовными отпрысками). За время службы накопило связи с лицами и институтами экономической инфраструктуры. Благодаря этому они сегодня занимают привилегированное положение в том капитализме, которому не подберут названия[60].

Наш герой в первую очередь связан с финансовыми органами и структурами исполнительной власти - для льгот в налогах, сроках и

[60] Российский капитализм называют разбойничьим, олигархическо-периферийным, политическим, семейно-клановым и т.д. См.: Terra economicus. Сборник статей российских и зарубежных экономистов начала XX1 века. М., Наука-Спектр, 2008, с.384-394, 504-520

формах уплаты. Через исполнительную власть он связан с банками для получения высоких кредитов на выгодных условиях. Банки стремятся уменьшить произвол в выдаче кредитов и создают особые правила и процедуры для понижения финансового риска. Но в принятии решений о кредитах остается значительная доля личного усмотрения. Управление банка решает вопрос о гарантиях предоставления кредитов. Например, устанавливает цены движимого и недвижимого имущества, благодаря чему можно влиять на кредиты. Даже от скорости получения кредита зависит многое. Контакты с финансовыми органами дают возможность проникать в деятельность актуальных и потенциальных конкурентов. Затруднять и блокировать выделение кредитов, перехватывать выгодные сделки и затруднять развитие конкурентов.

У нашего деятеля есть свои люди в органах арбитража. Благодаря этому он получает опережающее знание о движении финансов конкурентов. Ускоряет регистрацию собственных и затрудняет регистрацию чужих фирм, если они вредят его интересам.

Наш капиталист дает работу лицам из состава бывших КГБ, МВД, армейских и тому подобных структур[61]. Особенно тем, кто отвечал за безопасность номенклатуры. Данные лица и структуры обладали сетью информаторов. Большинство из них по-прежнему охраняют «покой и труд» тех, кто больше заплатит. Благодаря этому можно с опережением получать информацию о возможном привлечении к суду за незаконные действия. На основе этой информации можно вовремя заметать следы - подчищать и уничтожать финансовые и прочие документы. Бывшие сотрудники ГБ и ВД сегодня заняты также в частных сыскных и охранных агентствах. В критических обстоятельствах они могут использоваться для принятия «нужных решений». Немногие отваживаются противостоять давлению.

Связь с судебными структурами помогает не выполнять обязательства в отношении кредиторов или продолжать до бесконечности судопроизводство, связанное с их выполнением. С помощью юридической казуистики нетрудно вызвать банкротство фирм, которые выдвигают по отношению к нашему капиталисту финансовые претензии. Контроль за фактором времени расширяет поле ма-

[61] Эта тема детально изучена в книге: Волков В. Силовое предпринимательство. СПб-М., Летний сад, 2002

невра. Вызвать серию направленных банкротств (среди строптивых) тоже можно с помощью нашего законодательства.

Наш Чичиков сохраняет связи с региональными и центральными структурами, занятыми зарубежными инвестициями, с той поры, когда определенные суммы прокручивались внутри кадровой номенклатурной карусели. Решение текущих вопросов в таких структурах осуществляется без промедления. Еще до принятия закона о создании фирм с участием зарубежных инвесторов была возможность получить разрешение на их создание. Значит, здесь тоже располагается сфера управленческого произвола, включая освобождение от налогов. Человеку с улицы труднее получить разрешение на создание совместной фирмы, нежели члену бывшей номенклатуры.

Красный капиталист дает работу экспертам и консультантам с экономическим и юридическим образованием. Они толкуют в пользу фирмы все неясности всех законов и подзаконных актов, обходят один закон с помощью другого. Связь с законодательными структурами необходима для выбора тактики поведения в конкретных случаях. Вовремя полученная информация о подготовке правовых актов (законопроектов) позволяет изменить правовой статус собственной хозяйственной деятельности для минимализации налога и достижения других целей.

В последнее десятилетие расплодились учебные структуры по бизнесу, менеджменту и праву. Зарплата преподавателей новоиспеченных учебных структур больше зарплаты сотрудников университетов и научных учреждений Академии наук. Идут бесконечные конференции по экономическим, правовым, политическим и т.п. вопросам реформы. Во всех этих учебных структурах и научно-практических мероприятиях руководителями и преподавателями выступают те, кто был связан с прошлой и не теряет контактов с нынешней властью.

Покупка научных степеней и званий членами современного госаппарата и богатыми бизнесменами стала повсеместной. Большинство председателей диссертационных советов и членов ГВАК этому не препятствуют. Как прежде, так и теперь от имени науки освящается властный произвол[62]. Таков еще один канал связи властно-управленческих структур с красным бизнесом. Результатам

[62] См.: Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. Под ред. В.Куренного. М., Наследие Евразии, 2006, с.27-34, 61-72 и др.

научных исследований нельзя верить до тех пор, пока не узнаешь, кто за них платит. Независимые от административного рынка и от власти-собственности честные ученые влачат жалкое существование.

Журналистский корпус и СМИ тоже необходимы для приобретения в общественном мнении статуса и связей «делового человека» высокого уровня. Журналисты помогают проводить мелкие операции, поскольку большинство наших бизнесменов не желают становиться под телеюпитеры, давать интервью и т.д. Вчера журналисты обслуживали советскую власть, сегодня – разные эшелоны госаппарата и бизнесменов.

Разумеется, коррупция властных структур – обычное явление. Но есть качественное различие между ситуациями: начинающий классический бизнесмен годами устанавливает личные связи с госчиновниками путем коррупции и других махинаций; в нынешней России во всех главных институтах экономической и политической систем сидят люди, которые при советской власти и после нее научились обходить законы. В первом случае человек рискует, давая взятку одному чиновнику и неуверен, что все остальные чиновники тоже возьмут у него взятку. Во втором случае коррупция госаппарата связана с минимальным риском.

Связь красных капиталистов с избирательными процессами начинается при вступлении в предвыборную борьбу. Без финансирования избирательные кампании невозможны. Мне еще не приходилось слышать, чтобы граждане, получающие честно заработанные копейки, пускали «шапку по кругу» для финансирования избирательной кампании человека, имеющего политическую программу, противостоящую всем группам госаппарата по всем пунктам. Таких избирателей и политиков нет в России. Есть красные капиталисты и связанные с ними ловкие ребята. Они финансируют избирательные кампании.

Если политик только таким образом входит в структуры законодательной власти, после выборов он обязан расплатиться. Теоретически не исключена возможность, что вновь избранный политик обязан принять или изменить те или иные законы в пользу тех, кто финансировал его выборы. Однако при каждом голосовании по любому законопроекту спонсоры парламентского деятеля обязаны профинансировать больше половины (двух третей, в зависимости

от процессуальных особенностей) голосов в парламенте. Ни одна партия (парламентская группа) таким числом голосов не располагает. В парламенте представлены интересы групп, взаимно блокирующих интересы конкурентов. Конечный результат голосования по любому вопросу всегда связан с компромиссом. Парламент – это политический театр, спектакли в котором не ставит один режиссер. Претенденты на режиссуру конкурируют между собой. Результаты голосования зависят от соотношения сил групп политиков, распределенных между партиями и парламентскими фракциями.

Иначе говоря, красный капиталист не обязан контролировать избирательный процесс от начала до завершения. Его интерес состоит в том, чтобы склонить в свою сторону соотношение сил при принятии законов, значимых для бизнеса. Возможны две стратегии: принятие или непринятие определенного законопроекта в определенное время. В обоих случаях не требуется финансировать голоса «за» или «против». Для реализации обоих стратегий надо просто учитывать парламентскую рутину. Слабая посещаемость заседаний – факт общеизвестный. Для принятия того или иного решения достаточно отсутствие группы парламентариев, которое нетрудно стимулировать. Опытный парламентарий знает, что судьбы большинства законопроектов решаются в парламентских комиссиях, а не на общих собраниях Думы. Члены парламента не знают всех деталей вопросов, связанных с теми или иными законами. Голосование зависит от мнения коллег или решения руководства парламентской фракции. При решении сложных вопросов руководители парламентских комиссий и фракций приглашают экспертов – юристов, экономистов, политологов и т.п. Эта публика (за незначительным исключением) обслуживала и обслуживает интересы разных эшелонов власти. На ее мнение полагаются парламентские деятели при решении политических вопросов.

Во всех группах людей существуют иерархия более-менее влиятельных лиц. Влияние на руководителя группы обычно достаточно для манипуляции всей группой. Запоздалое принятие тех или иных законов значимо для достижения интересов конкретных групп. Контроль за небольшой группой парламентариев позволяет получить результат в виде того или иного закона. В отличие от других стран Восточной Европы в России не принят закон о люстрации. Значит, члены законодательных собраний снизу доверху не за-

интересованы в его принятии и даже обсуждении. Заключая от противного, можно сформулировать вывод: в законодательных структурах сегодняшней России снизу доверху представлена одна партия - бывших, актуальных и потенциальных агентов-информаторов, их спонсоров и союзников.

Давление на парламентариев и их продажность общеизвестны. Эти явления обслуживают множество целей, а не ограничиваются влиянием на законотворчество. У любого парламентария есть возможность отблагодарить своих спонсоров. В том числе – найти «выход» на конкретного человека во властных структурах. Члены парламентских комиссий тесно связаны с контролируемыми ведомствами. Поэтому парламент служит не только для привлечения внимания общественного мнения к тем или иным вопросам. Он помогает также собирать информацию о закулисной деятельности госаппарата. Такая информация нужна лицам, проталкивающим те или иные законы.

1.6. Автохтонный политический порядок

Теоретический характер моих размышлений объясняется предварительной стадией исследования. Надо обобщить громадный исторический и социологический материал, чтобы конституировать особое направление гражданских исследований, не замутненных корпоративными интересами власти[63]. Генезис групп интересов на закате советской власти был связан не столько с социально-профессиональными группами, сколько с группами, сложившимися на вершине госаппарата. В последнее десятилетие возник слой красных капиталистов. Они накопили значительный капитал за краткое время или проделали бурную политическую карьеру. В любом случае законность и справедливость этой карьеры сомнительна. Зато данная группа обладает системой личных связей и доступом к информации, скрытой от рядовых граждан и честных ученых. Умеет действовать на грани фола в отношении права и проникать в институты, образующие экономическую инфраструктуру. В состав политических ресурсов данной группы входят люди из част-

[63] Корпоративные интересы в виде «научных трудов» уже появились. См.: А.А.Зданович, И.И.Васильев. Спецслужбы в зеркале социологии // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.1. М., Кучково поле, 2006, с.25-50

ного бизнеса, банков, госаппарата, СМИ, правовых (суд, милиция, прокуратура, госбезопасность, армия), таможенных, финансовых органов, а также структур, обладающих монополией на международные связи. Такова социальная почва российского государства. Можно ли его назвать демократическим, как гласит Конституция РФ? – особая проблема.

Есть ли у этой группы общий центр управления? Рыночная экономика обычно вырабатывает индивидуалистические и эгоистические мотивы формирования групп, культивируя самостоятельность, а не подчинение. Стремление к сотрудничеству усиливается при угрозе интересам групп. Однако президент, парламент и политические партии не могут сделать эту угрозу постоянной, несмотря на бесконечное муссирование темы борьбы с коррупцией. Причем, речь идет о выработке таких средств, которые бы ни в коем случае не увеличивали бюрократизацию страны. А население России пока не может (или не хочет?..) выдвинуть из своей среды политических лидеров-самородков, свободных от системы перечисленных интересов и обладающих позитивной программой действий. Стало быть, функционирование этой системы интересов подобно группам, которые преследуют полулегальные и нелегальные цели.

Зато социальное и политическое пространство данной группы превосходит все известные исторические примеры. Растут неправедно накопленные капиталы. Обходятся все существующие законы. Народная собственность превратилась в частную по бросовым ценам. Облегчен доступ к кредитам одних групп за счет других. Искусственно ускоряется (замедляется) принятие законов в зависимости от интересов данной группы. Блокируется деятельность контролирующих органов – от налоговой инспекции до прокуратуры. Оказывается давление на суд. С помощью СМИ расширяется поле дезинформации. Искусственно раздувается важность одних и затемняется значимость других вопросов социальной жизни.

В результате реализации такой системы интересов страна подвергается двум угрозам: деструкции экономических, социальных и политических процессов; податливости на влияние других государств. При таких условиях никакая целенаправленная политика невозможна. Честные, компетентные и не деморализованные люди давно ушли из политики. Отсутствует политическая воля для расправы с обычными аферистами. В стране нет политической силы,

стремящейся устранить «змеиный клубок интересов». Его полная ликвидация с помощью обычных правовых средств невозможна. Юридический корпус извлекает прямые и косвенные дивиденды от его существования.

Отсюда вытекает главная политическая проблема: государственный надзор в стране стал настолько призрачен, что ее секретные службы ограничиваются помилованием одних бандитов за представление сведений о других. Как предотвратить использование экономических и политических институтов в трофей для сложившихся групп интересов? Традиционных институтов демократии для этого недостаточно, тогда как авторитаризм лишь усиливает все перечисленные тенденции. «Как бы различны ни были стратегии и доктрины, все они подчинены одному – безграничной воле к власти, стоящей превыше морали и религии, людей и идей. Машина власти обслуживает исключительно свои собственные интересы, не опирается ни на какой закон, кроме стечения обстоятельств, и не знает никаких границ, кроме пределов земного шара»[64].

По крайней мере, сказанного достаточно для определения **современного политического порядка России как государства, разъеденного агентурой**. Выход на политическую арену рядовых и руководящих соглядатаев завершает описанные тенденции. Политики такого рода подпадают под общую характеристику политики как самого аморального вида деятельности[65]. Они постоянно обвиняются в аморальных проступках и уголовных преступлениях. Однако публичное оправдание стало исключением, а не правилом политической жизни страны. Следовательно, государственный аппарат – это неправовой и аморальный элемент социальной системы, выполняющий в ней властно-управленческие функции. Драма в том, что в государстве нет организованной силы, способной стать здоровым ядром политической системы и одновременно ситом, отсекающим социальную патологию и неправовые действия. Все группы интересов и партийно-политическая структура современного российского общества созданы сверху. Во всех случаях использовалась манипуляция.

---

[64] Леруа М. Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле. М., Языки славянской культуры, 2001, с.137

[65] См.: Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992, с.1, № 1

Проблема осложняется тем, что колаборационизм - общая характеристика всех слоев и групп, сотрудничавших с советским режимом. Модный лозунг управленческого «профессионализма» скрывает бюрократизацию, приватизацию и колаборационизм государственной службы современной России. Политическое руководство России не вовлекло в политический процесс широкие массы населения, не порвало связи с либеральными и националистическими представителями партгосноменклатуры и не вырвало Россию из ее имперского прошлого. При таких условиях требуется разработка концепций, которые опровергают любые интеллектуальные основания властно-управленческих и идеологических клик и структур современного общества.

Глава 2.
Проблема дистанции при описании социополитической динамики России

На протяжении 1990-х гг. кризис стал нормой социальной жизни России. В начале перестройки властвующие круги Советского Союза выдвинули идею: соединить советский социализм с российским капитализмом. Эта задача выполнена. Бюрократия осталась у власти. Сегодня в стране воспроизводится российско-советское прошлое, основные константы которого можно определить так: связь власти-собственности и появление новых экономических и политических групп на основе ее передела; всевластие бюрократии; социальная несправедливость; безразличие власти к правам человека; сохранение веры в зависимость социальной жизни от решений начальства; выдвижение на политическую сцену представителей силовых структур (армия, МВД, ФСБ, МЧС); стремление создать новую государственную идеологию для легитимизации власти. Для этого реанимировано старое убеждение: Россия шла, идет и будет идти своим особым евроазиатским путем развития.

На протяжении 1990-х гг. в духовной ситуации России обозначилось несколько тенденций: заимствование западных концепций; воспроизводство учений и доктрин из политического и духовного прошлого страны; поиски религиозной и национальной идеи. Книжные лотки и научные журналы переполнены писаниной на эти темы. Но в этой продукции почти не обсуждается проблема уголовной, моральной, политической и метафизической вины всех поколений, социально-демографических групп, государственных и политических институтов, причастных к созданию и функционированию советской системы. Между тем эта проблема поставлена К.Ясперсом после крушения фашизма и остается значимой для анализа постсоветских стран[66].

Уголовная виновность состоит в нарушении правил человеческого общежития и существующих законов. Политическая - в от-

[66] См.: Ясперс К. Вопрос виновности // Знамя. 1994, № 1

ветственности каждого человека за преступления политического режима, при котором этот человек существовал. Моральная вина содержится в поддержке такого режима. Вина метафизическая вытекает из бездействия человека, когда рядом творятся преступления. Без анализа указанных видов вины всех лиц, групп, поколений и институтов социальной и политической истории СССР/России невозможно культивировать юридическую, политическую, моральную, познавательную и метафизическую *дистанцию* в отношении прошлого и настоящего страны.

Однако реализовать такую установку довольно сложно. В стране и сегодня есть люди, группы и целые институты, отождествляющие Россию с СССР и Сталиным. Полемика с таким отождествлением ведется вяло. Но сходные когнитивные установки можно обнаружить. Приведу пару-тройку примеров.

Полвека назад В.Набоков показал, что именно СССР заложил основы примитивной, провинциальной, политизированной, консервативной, трафаретной литературы. Ее героем было советское **полицейское государство**. Поэтому пошлость реализуется не только в литературе, но и в правительстве и рекламе. Советское правительство - это самая пошлая организация на свете, не допускающая индивидуального поиска и творческой смелости. «В современной России, - констатировал классик русской литературы, – стране моральных уродов, улыбающихся рабов и тупоголовых громил - перестали замечать пошлость, поскольку в Советской России развилась своя, особая разновидность пошляка, сочетающего деспотизм с поддельной культурой»[67].

В аналогичном направлении идут размышления Исайи Берлина о русской культуре и советской интеллигенции[68]. По его мнению, Сталин создал, а его последователи применяли методы, которые привели к ряду последствий:

- полной деморализации художников и ученых («интеллигенции»), поскольку единственным шансом выжить была поддержка абсурдных политических принципов;

- истощению умственных способностей данного слоя людей в борьбе со смертельной опасностью («невозможно обдумывать соб-

[67] Набоков В. Лекции по русской литературе. М., Независимая газета, 1996, с.388

[68] См.: Берлин И. Молчание в русской культуре. Советская интеллигенция // Берлин И. История свободы. Россия. М., НЛО, 2001, с.335-365, 499-509

ственные замыслы или скрываться в крепости своего внутреннего мира, оставаясь тайным еретиком»);

- минимизации контактов между научными учреждениями, лабораториями и институтами, блокировка появления влиятельных интеллектуальных центров; подавлении идей как таковых.

Сталин – это коновал, которому «…удалось выхолостить русское общество, некогда одно из самых талантливых и продуктивных»[69]. В итоге система науки и образования в СССР оказались наводнены авантюристами, шарлатанами, профессиональными осведомителями. Советская культурная политика тождественна интеллектуальной кастрации людей, занятых культурой. По этой причине советское общество нельзя считать цивилизованным в привычном смысле слова.

Свободно ли современное российское государство и общество, его властители и интеллектуалы от советской пошлости, экономической и идеологической эксплуатации?

Освобождение идет вяло. Л.Гудков пишет, что социальные науки до сих пор занимаются защитой распавшегося советского порядка и его идеологических постулатов. Образовательные учреждения являются не столько генератором инновационных разработок, сколько системой консервации старого знания и идеологических предрассудков[70].

В дискуссии М.Липовецкого – А.Эткинда показано, что до сих пор нет музеев советской катастрофы, память о ней непроработана. Не было и не будет суда над палачами – личностями и институтами. Попытки возвести памятники жертвам советской власти сталкиваются с сопротивлением. Исторические объяснения политических процессов в СССР снимают ответственность с прошлых и современных политиков и управленцев.

Для полемики с указанными тенденциями А.Эткинд разрабатывает теорию внутренней колонизации, которая относится к досоветской, советской и нынешней России. В русской истории модернизация осуществлялась властью и интеллигенцией. Та и другая относились к населению своей страны с той же отчужденностью и жестокостью, с какой европейские империи «цивилизовали» колонии. СССР реализовал внутреннюю колонизацию, а не модерниза-

[69] Берлин И. Указ.соч., с.358

[70] См.: Гудков Л. О положении социальных наук в России // НЛО. 2006, № 1/77, с.314-339

цию страны. **Нынешняя очередная попытка модернизации может стать новым витком внутренней колонизации со всеми вытекающими последствиями.**

С 1970-г годов идет борьба между «либеральным» и «силовым»/националистическим» сценария модернизации-колонизации. В годы перестройки она вылилась в острую журнальную войну. В 1990-е годы возобладала либеральная колонизация – «…с тем, чтобы, потерпев поражение, уступить место неоконсервативному и почти **религиозному этатизму** путинского периода»[71].

А.Эткинд определяет современных кремлевских политтехнологов как новых опричников: «Ведомый случайностями природы и истории, российский режим формирует двойную монополию – на натуральные ресурсы и силовую политику. Эта двойная монополия неумолимо подчиняет себе все разнообразие современной жизни. Все, что есть в стране; все, что нужно стране; все, что известно стране, - все зажато в тиски этой **двойной монополии**. Это не постиндустриальное развитие, но противоположность ему. Все, что было похоже в России на современность, разрушается и отступает. Россия живет не в мире пост-, а в мире де-: деиндустриализации, дедемократизации, демодернизации. То, что происходит в России, не вписывается в постмодерн; это антимодерн, агрессивное и (сегодня) сознательное сопротивление современности»[72].

Постсоветская ситуация – это реакция на советскую катастрофу. Своеобразие постсоветского момента состоит в его советском прошлом и в нефтяном проклятии: «У нас незаработанные нефтедоллары восстанавливают институты государства, которые так и не узнали других образцов, кроме советских, и делают неконкурентноспособными другие способы организации жизни, кроме государственной»[73]. Паразитируя на населении, силовики и государственники воюют с торговцами и либералами. Нефтяное проклятие водит Россию по кругу. Надо понять происхождение и механизм нового русского проклятия.

2.1. К вопросу о возрасте жабы

[71] М.Липовецкий – А.Эткинд. Возвращение тритона. Советская катастрофа и постсоветский роман // НЛО. 2008, № 6/94, с.196
[72] Там же, с.190-191
[73] Там же, с. 198

Для реализации такой установки требуется преодолеть множество стереотипов, присущих не только отечественным, но и зарубежным ученым. Например, Д.Биллингтон считается знатоком России. Его старая книга (написанная еще в 1960-е гг.) «Икона и топор» с сорокалетним запозданием переведена на русский язык и появилась на книжном рынке. Недавно Д.Биллингтон издал новую книгу. В ней подтверждается ветхозаветное убеждение: Россию одновременно толкают вперед и рвут на части глубинные психологические и культурные силы, которые проявляются на острых поворотах истории; эти силы лучше описываются методами художественного творчества, нежели социальных наук[74].

Однако американский россиевед неправ. Искусство тоже невозможно без дистанции в отношении объекта. Религиозно-бунтарский характер русского человека не подтверждается конкретными исследованиями[75]. Конечно, социальные науки не освободились от метафор и других средств художественного изображения действительности. Однако метафоры играют важную роль и в научном познании. Хотя нельзя утверждать, что социальные науки развиваются по канонам литературы и искусства, но стремление очаровать читателя и слушателя в социальных науках выражено достаточно сильно. Поэтому трудно культивировать политическую и моральную дистанцию в отношении к России. А.Бовин предлагает назвать российские СМИ средствами массового оглупления (СМО). Я с ним согласен и буду использовать эту аббревиатуру вместо СМИ. СМО переполнены рассуждениями на тему о *предназначении*, *призвании*, *судьбе* России. Этот жаргон можно обнаружить и в социальных науках. Аналитическая традиция не сложилась в интеллектуальной культуре России ни до, ни после 1917 года. Поэтому трудно провести различие между познанием и кликушеством.

Постоянное и навязчивое обсуждение в СМО российских тем и сюжетов - следствие не реализованных политических амбиций СССР. Современная духовная ситуация в России – это внутренний информационный и когнитивный империализм. Под информацион-

[74] См.: Биллингтон Д. Икона и топор. М., РОССПЭН, 2001; Он же. Россия в поисках себя. М., РОССПЭН, 2005

[75] См., например: Куприянов А.И. Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996, № 4, с.96-97

ным империализмом я имею в виду навязывание общественному сознанию тем обсуждения через СМО без изменения сложившейся в России модели отношения между властью и наукой. Под когнитивным империализмом я имею в виду комплекс сложившихся интеллектуально-политических мод (о них пойдет речь в следующей главе). Правда, Россия здесь не исключение.

Для пояснения приведу пример. Во второй мировой войне Италия была вначале оккупирована Германией, затем – США. После высадки американский летчик ввязался в спор со стариком-итальянцем. Янки доказывал: Америка – самая могущественная и процветающая страна в мире, а ее армия – непобедима; США будут жить вечно или очень долго. Старик считал: выиграет Италия, поскольку она хиреющая страна, а ее вооруженные силы давно обходятся без кровопролитных побед. Поэтому итальянские солдаты больше не гибнут. Погибли все великие державы – Рим, Греция, Персия, Испания. Италия обычно проигрывала войны – и всегда жила припеваючи. Франция побеждала – и все время барахталась в кризисах. Земля от взрыва Солнца погибнет через 25 миллионов лет. А жаба существует на земле 500 миллионов лет. «Можете вы утверждать, - спрашивает старик у летчика, - что ваша Америка, со всем ее процветанием и могуществом, с непобедимыми вооруженными силами и самым высоким в мире уровнем жизни, просуществует так же долго, как жаба?»[76]. До жабы Америке не дотянуть.

Летчик озадачен: родина – не ерундовина, за нее надо умереть. Старик отвечает: родина – это участок земли, окруженный со всех сторон искусственными границами. В войне дерутся 50 или 60 стран, и каждая для кого-то родина. Неужто они стоят того, чтобы за них умирать? Летчик вещает: нельзя быть перебежчиком, оборотнем, приспособленцем, ренегатом. Старик руководствуется практической философией: был фашистом, когда у власти стоял Муссолини; стал антифашистом, когда того свергли; был настроен прогермански, когда Германия защищала от Америки; стал проамериканцем, едва американцы пришли в Италию, чтобы защитить от немцев; но когда вступали немцы, бросал им навстречу эдельвейсы и выбил глаз немецкому обер-лейтенанту черенком цветка; когда пришли американцы – цветком выбил глаз американскому майору.

[76] Хеллер Д. Поправка 22. М., 1992, с.239

Отсюда вытекают кардинальные вопросы: кого вчера в СССР и сегодня в России было больше – летчиков или автохтонных мудрецов? и кому должны были выбить глаз мудрецы – своим или чужим оккупантам? Такой статистики я не встречал. Поэтому напомню: в начале XX века в мире было больше 60 стран, а в конце того же века уже около 240 государств. За сто лет число государств возросло примерно в четыре раза. США за это время стали мировым лидером. Значит, все те страны, которые ориентируются на США, претендуют на возраст жабы. Стремятся придать как можно большее значение своей собственной истории (реальной или воображаемой) и текущей коньюнктуре. Во всяком случае, я не слышал о таких национальных системах образования и информации, которые придают истории, событиям и процессам своей страны не больше 1/240 части времени и ресурсов педагогической, научной и журналистской деятельности, а остальное время распределяют между остальными странами. Ведь происходящие в других 239 «месторазвитиях» (если воспользоваться евразийским шаблоном) события и процессы не менее интересны, чем на собственном хуторе под названием «страна» или «государство».

2.2. Что такое закон Жданова?

Хуторской взгляд на вещи уже давно пропагандируется через телевидение. Как отмечает американский историк Даниэл Бурстин, телевизор поставил ряд до сих пор не решенных проблем: он открывается в одну сторону, из-за чего зритель отделен от составителя программ; зритель уподобляется пещерному предку; увеличивает дистанцию между гражданами и политиками; создает универсум искусственных впечатлений; затуманивает действительность. Впечатления зрителей становятся все более опосредованными и все более управляемыми невидимыми режиссерами и техническими службами. Телезритель лишился права смотреть туда, куда он хочет. Политические мероприятия превратились в организованные экскурсии под руководством телекамеры. Комментаторы приобрели власть над политическим опытом граждан. Зрители получают впечатления из вторых рук, но кажутся истинными и подлинными. Под влиянием телевизора меняются критерии опыта. Показ по телевидению превращает пустяк в событие. «Американцы настолько

привыкли к туману, настолько чувствовали себя как дома в утешительной и уютной дымке, что реальная действительность стали их немного раздражать своими острыми углами и четкими определениями лиц, мест, времени и погоды… Телевизор стал пристрастием, сравнимым разве лишь с самой жизнью. Если телевизор не был включен, американцы начинали ощущать, что они отстали «от происходящего». И такой же избитой истиной, как «лучше быть живым, чем мертвым», стало то, что лучше хоть *что-нибудь* смотреть, чем совсем не смотреть ничего»[77].

Сорок лет назад М.К.Петров писал: прежние формы подавления мысли носили очаговый или канализирующий характер. Под угрозой крупных неприятностей запрещалось публично размышлять над «решенными» вопросами. Но другие области способствовали сохранению сложившихся отношений или казались свободной игрой ума. В них можно было проявлять чудеса изобретательности и теоретической изворотливости. «Подобные подходы скорее формировали и уродовали мысль, но *никогда по существу не преследовали задачу уничтожения мысли как таковой* (курсив мой, В.М.). Никто не решился бы открыто провозгласить курс на уничтожение мысли и в наше время, но ряд стихийно складывающихся и быстро развивающихся форм дренажа мысли не оставляют сомнения в общей направленности процесса. Нетрудно подсчитать, например, что если ресурс творческой жизни человека 100000 часов (40 лет по 8 часов в день), то в стране, имеющей 50 млн. телезрителей, часовая передача равносильна духовной стерилизации 500 мыслящих граждан. Такое электронное облучение творческого потенциала не только не уступает по эффективности атомной бомбе, но и много «грязнее»: убивает стремление к книге – единственному средству выхода не передний край познания. А кроме телевидения есть еще кино, радио и десятки других менее значительных, но не менее верных способов «убить время» и парализовать мысль… Если подсчитать прямой и косвенный кумулятивный эффект всех таких средств, цифры получились бы страшными уже сегодня. Но дело не в страшных цифрах, а в опасности скрытой за ними тенденции. Если смысл человеческой жизни во временном исполнении социальной должности, в воспроизведении бессмертной социальной структуры через смертных «и.о.», то уже теперь такая жизнь становится само-

[77] Д.Бурстин. Американцы. Демократический опыт. М., 1993, с.511

обманом, бессмыслицей, а в скором времени и вообще потеряет смысл»[78].

Можно понять этот отрывок как набросок программы исследований современных форм подавления мысли, в основе которой лежит допущение об исходной советской глупости населения постсоветских стран. Речь идет о систематическом сопоставлении всех аспектов оглупления, которые культивировала советская система образования и СМО и которые транслируются до сих пор, поскольку контингент телезрителей стал главным критерием существования российского общества[79]. Петров считал такое времяпровождение сидением у телегробов. Социологические исследования подтверждают, что 50-60% жителей России ежедневно сидят у *телегробов*. Но глупость всегда была интернациональной.

Французы ушли недалеко. Пьер Бурдье описал современное телекладбище. ТВ подвергает опасности все сферы культурного производства (искусство, литературу, науку, философию, право), политическую жизнь и демократию. Оно превратилось в средство символической агрессии, «…которая реализуется благодаря молчаливому согласию тех, кто ее на себе испытывает, а также тех, кто ее оказывает, при условии, что и первые и последние не отдают себе отчета в том, что они ее испытывают или оказывают»[80]. Ксенофобия и национализм связаны с эксплуатацией страстей, которые предоставляют системы образования и СМИ.

Бурдье предлагает создать социальную историю СМИ на основе анализа *невидимых структур* телевидения. Формально политическая цензура отменена. На деле доступ на ТВ связан с *невидимой цензурой*, которая вытекает из: коррумпированности отдельных журналистов; структурной коррупции всего ТВ на уровне конкурентной борьбы за рынок; склонности журналистов к политическому конформизму; потери независимости участниками телепередачи, поскольку сюжет разговора определяют другие. Поэтому Бурдье предлагает анализировать журналистов «как насекомых, наколотых на булавку».

---

[78] Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1992, с.209-210

[79] См.: Гудков Л., Дубин Б. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // НЛО. 2005, № 4/74, с.166-202

[80] Бурдье П. О телевидении и журналистике. М., Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002, с.29-30

ТВ формирует сознание большой части населения. Все потребители информации делятся на три группы: читатели серьезных газет (но газеты становятся все глупее по мере влияния ТВ); те, у кого есть доступ к международным изданиям и радиостанциям; те, у кого нет политического багажа, поскольку они смотрят телеинформацию. Телевизионная хроника происшествий - это развлекающе-отвлекающие факты и события. Они способны заинтересовать всех, не затрагивая важных тем. События хроники происшествий занимают эфирное время, которое можно использовать для важных тем.

Роль ТВ - *скрывать, показывая*. ТВ показывает не то, что надо показать; то, что надо показать, но так, что показываемые факты теряют значение; показывает события так, что они приобретают смысл, не соответствующий действительности. В основе журналистского выбора фактов - поиск сенсаций и зрелищ. Журналисты предпочитают показывать пожары, наводнения, убийства, хронику происшествий. Их стремление сделать «свое» ведет к тому, что все делают одно и то же.

Политическая опасность ТВ состоит в производстве эффекта реальности, создавая идеи и реальные социальные группы. Даже репортаж подразумевает стоящее за ним социальное конструирование реальности, которое может производить эффект политической мобилизации (или демобилизации). ТВ определяет доступ к социальной и политической жизни. Способность навязать другим свое видение мира, надеть на них свои «очки», стала условием политической борьбы.

В целом ТВ не обеспечивает *круговорот информации*. Чтобы знать, что сказать, надо знать, что сказали другие. То, что делается из-за оглядки на конкурентов, принимается за соответствие желаниям клиентов. В итоге возникает эффект закрытости и цензуры.

В СМИ царит «рейтинговый менталитет». Рейтинг – это санкция со стороны рынка, т.е. внешнего коммерческого порядка. Но еще 30 лет назад коммерческий успех считался подозрительным: в нем видели проявление компромисса по отношению к веку и деньгам. Все творческие произведения в области гуманитарных наук, математики, поэзии, литературы, философии были созданы вопреки рейтингу и коммерческой логике.

ТВ - неблагоприятная среда для выражения мыслей. Журналисты мыслят готовыми идеями и подбирают себе таких же собесед-

ников. Не ищут тех, кому есть что сказать. Обмен банальностями есть коммуникация, единственным содержанием которой является сам факт общения. «В отличие от общих мест, мысль по определению является подрывной: она начинает с разрушения готовых идей, а затем должна привести доказательства»[81].

Для определения *меры истинности* теледебатов надо учитывать: подсознание телеведущих, которые обычно сковывают свободу выступающих, устанавливая свои правила игры[82]; состав студии как результат невидимой работы; сценарии, которые блокируют импровизацию; негласные правила языковой игры; сообщничество журналистов, которые считают «хорошими клиентами» специалистов одноразовой мысли. Поэтому все теледебаты Бурдье называет истинно ложными или ложно истинными.

Отсюда вытекает общая характеристика ТВ: оно связано по рукам и ногам и почти не имеет независимости. ТВ довело до крайности противоречие всех сфер культурного производства: между социально-экономическими условиями, необходимыми для создания некоммерческих произведений, и социальными условиями распространения произведений, созданных в этих условиях. Журналисты разделились на две группы: защитников независимых ценностей и свободы в отношении коммерческой выгоды, спроса и приказов начальства; теми, кто подчиняется и вознаграждается. Но трения между данными группами не доходят до публичного выражения на экране ТВ: «Журналистика – одна из профессий, где встречается наибольшее количество беспокойных, неудовлетворенных, восстающих против несправедливости или цинично смирившихся людей… Телевидение – это мир, создающий впечатление, что социальные агенты, обладающие всеми видимыми признаками значимости, свободы, независимости, иногда даже невероятной ауры … на деле являются марионетками необходимости, которую нужно описать, структуры, которую необходимо выявить и выставить на всеобщее обозрение»[83].

Структура *телеполя* определяет ситуацию на разных каналах. Форма конкуренции определяется силовыми отношениями - доля

[81] Там же, с.45

[82] Журналисты по причине своих категорий мысли задают вопросы, не имеющие никакого смысла; поэтому приглашенные вынуждены отвечать на вопросы, которые нет смысла даже ставить.

[83] Там же, с.55

рынка различных каналов, авторитет у заказчиков, наличие престижных журналистов и т.д. Свобода журналиста зависит от позиции органа информации, в котором он работает, и его положения в редакции газеты или телеканала. В 1950-е гг. телевизионщики зависели от финансовой помощи государства и были менее могущественны. Сегодня ТВ стремится к экономическому и символическому господству в журналистском поле. Ситуация на первом канале ТВ объясняется конкуренцией с другими каналами. Параллельно развивается конфликт между газетами, предлагающими news и views.

ТВ поставило культурный мир в ужасное положение. Рядом с ним желтая пресса – пустяки. На основе ТВ возникло правило: чем больше то или иное СМИ стремится завоевать широкую публику, тем больше оно не должно никого шокировать и не поднимать проблем кроме тех, что не вызывают последствий. Чем больше газета увеличивает тираж, тем больше она дает места беспроблемным сюжетам. Поэтому коллективная деятельность журналистов стремится к однообразию, банализации, конформизму, деполитизации. Возникает анонимный субъект. Теленовости устраивают всех, подтверждают известные вещи и оставляет без изменения ментальные структуры.

Обычные революции затрагивают материальные основы общества. Символические революции осуществляются творческой интеллигенцией, учеными, великими религиозными и политическими пророками: «Такие революции затрагивают ментальные структуры, т.е. изменяют наше видение и мышление… Телевидение даже не пытается сделать что-нибудь в этом роде. Оно полностью соответствует ментальным структурам телезрителей»[84]. Самые популярные литературные передачи тоже служат укреплению уже сложившихся ценностей конформизма, академизма, рыночной конъюнктуры.

Социальное значение журналистов связано с их фактической монополией на средства производства и распространения информации и доступ к публичному пространству. Это объясняет их устойчивый *антиинтеллектуализм*. Они навязывают свои принципы видения мира, проблематику и точку зрения всему обществу. Другое следствие увеличения веса телевидения - переход от политики культурного воздействия к *спонтанной демагогии*: «Телевидение девяностых … предлагает телезрителям примитивную духовную

[84] Там же, с.63

пищу, образцом которой являются ток-шоу, биографические исповеди и телевизионные игры»[85]. В целом подчинение вкусам толпы противоречит демократическому использованию СМИ.

Большая часть «научных высказываний» о ТВ есть повторение того, что говорят о нем сами телевизионщики. Проблемы и сюжеты все больше определяются телевидением. Журналисты стремятся навязывать такое представление об информации, которое типично для желтой прессы. Телеканалы все чаще прибегают к ее старым приемам. Существует особая категория высокооплачиваемых журналистов. Они бессовестно потакают наименее взыскательной публике. Циничны и глухи к любым ценностям и политическим проблемам. Стремятся навязать свои ценности, стиль жизни и речи, человеческий идеал остальным журналистам. Показывают бессодержательные аспекты политической жизни (визиты лидеров иностранных государств, визиты глав государств за рубеж, их бесконечные пустые речи, присутствие на тех или иных встречах и пр.), катастрофы, происшествия, пожары. Все это вызывает любопытство и не требует особой политической компетенции.

Хроника происшествий создает эффект политической пустоты и сводит мировую жизнь до уровня анекдота или сплетни. Чтобы придать статус события и смысл анекдотическому, прибегают к помощи телефилософов, потворствуя самым примитивным страстям. Все ответственные лица являются жертвами «рейтингового менталитета» и на деле ничего не выбирают. Поле журналистики прямо зависит от спроса и подчинено рыночным санкциям и плебисциту даже сильнее, чем политическое поле. Демагогическая логика рейтинга заменяет логику внутренней критики[86].

Я специально изложил основные моменты концепции Пьера Бурдье, чтобы подчеркнуть их особую значимость для анализа СМО современной России. В СССР все средства информации были подчинены партийному аппарату. В нулевые годы XX1 века в России опять произошла реанимация советских техник манипуляции обществом. Тем большую значимость приобретают рекомендации Бурдье. Вместо засилья телевидения теоретик должен вырабатывать *инструменты освобождения*. Дело в том, что весь комплекс социально-исторических наук в XX веке стал объектом двух проти-

[85] Там же, с.66
[86] Там же, с.70-76

воположных способов употребления: циничного - использование знания законов функционирования среды для улучшения собственных стратегий; клинического - использование знания социальных законов и тенденций с целью борьбы с ними. Большинство журналистов и ученых в сфере социальных наук цинически используют науку и систему образования для государственных переворотов в интеллектуальном поле. Существующий мир отличается особым цинизмом на фоне болтовни о совести. На деле совесть эффективна только тогда, когда опирается на структуры и механизмы, заставляющие людей быть лично заинтересованными в соответствии поведения моральным нормам.

Независимость от власти СМО - необходимое условие научного прогресса. Но в научном сообществе есть коллаборационисты - сообщники власти и журналистов. Чем больше писатели (ученые, философы) признаны среди равных себе и богаты специфическим капиталом, тем более они склонны к сопротивлению. И наоборот: чем больше их привлекает коммерческий аспект, тем более они были склонны сотрудничать с властями. Выбор французских писателей во время оккупации - частное проявление того, что Бурдье называет законом Жданова: «Чем более независим тот или иной производитель культурной продукции, чем более он богат специфическим капиталом и обращен к узкому рынку, на котором клиентами являются его собственные конкуренты, тем более он склонен к сопротивлению. И наоборот: чем больше он предназначает свою продукцию для широкого рынка, тем больше он склонен сотрудничать с внешней властью: государством, церковью, партией, а в настоящее время – с журналистами и телевидением, и подчиняться их спросу и требованиям»[87].

Этот закон описывает современное общество. Научное, политическое и литературное поля находятся под угрозой в результате засилья СМО. На этих полях пасутся коллаборанты. Они заинтересованы во внешнем признании, которого не имеют в собственном поле. СМО способствуют установлению извращенной формы прямой демократии, заставляющей забыть о необходимости дистанции по отношению к злобе дня и давлению общественных страстей. Восстанавливают логику мести, бороться против которой призваны юридическая и политическая логики.

[87] Там же, с.82-83

В целом СМО противостоят демократическому выражению национального и просвещенного общественного мнения и разума. Критические настроенные мыслители недостаточно ясно представляют себе суть проблемы, а это в немалой степени способствует закреплению описанных механизмов.

Должны ли представители творческой интеллигенции выступать по телевидению? – так ставит вопрос Бурдье. Для некоторых философов и писателей «быть» - значит быть показанным по телевизору. Тем самым они признают, что хотят «себя показать и других посмотреть», а не сказать что-то важное. Но быть на хорошем счету у журналистов невозможно без самокомпрометации. Участвовать в передачах можно только в той степени, в которой они позволяют «теоретически затронуть всех» и выполнить главную миссию ученых: «Мы являемся … «чиновниками человечества», оплачиваемыми государством за открытия, относящиеся либо к миру природы, либо к миру общества, и мы обязаны донести до всех наши достижения»[88].

Задачи теоретиков - борьба по следующим направлениям: любое передовое исследование имеет право на эзотерику; нужен перевод эзотерического во внешний план в наиболее подходящих условиях; универсализация условий доступа к универсальному; борьба против рейтинга во имя демократии. Подчинение культуры требованиям рейтинга «…является точным подобием того, что демагогия опросов общественного мнения представляет собой в отношении политики»[89].

Итак, вместо культивирования тяги к «расколдовыванию действительности» (М.Вебер) и СМО стали главным производителем банальностей. Однако трансляция по телевидению перипетий выборов в США, Китае или России ничуть не интереснее процессов, происходящих нынче в Монголии или на островах Зеленого Мыса. Но о них ничего не слышно в отечественных СМО. То же самое можно сказать обо всех других странах. Разве что там утонет российский отпускник или попадет в кутузку отечественный моряк. Поэтому традиционные и новые формы неравенства и монополии в сфере СМО могут составить предмет особого исследования. А пока можно исходить из посылки: история и современный этап развития

[88] Там же, с.26-27
[89] Там же, с.88

России нисколько не интереснее истории и современных этапов развития всех других стран.

Правда, Российская империя, а затем СССР хотели господствовать в Европе и в мире. Значит, на протяжении большей части своей истории тоже претендовали на возраст жабы. Видимо, эти объясняется тот факт, что со времени поражения в Крымской войне до поражения в холодной войне споры о прошлом, настоящем и будущем России не выходили за рамки альтернативы «самостоятельность - заимствование внешних образцов развития». Но эта альтернатива не является специфически российской. Она типична для большинства обществ, в которых происходит социальные изменения. И в современной России тоже господствуют идеологемы, обосновывающие выбор или комбинацию членов указанной альтернативы. Три поколения российской эмиграции почти не вышли за эти рамки. Поэтому более сотни лет духовная ситуация в России скучна и уныла.

Существуют ли концепции, позволяющие отбросить саму альтернативу и осуществить анатомирование исторических, социальных, политических и духовных процессов России на протяжении всего времени ее существования? Более полустолетия США выступали главным противником СССР. Американские советологи набирались опыта у русских меньшевиков-эмигрантов и детально изучали Россию. Поэтому сузим вопрос: разработали ли американские эпигоны русских меньшевиков методы и концепции, позволяющие культивировать познавательную, эстетическую, моральную и политическую дистанцию в отношении России/СССР как объекта исследования?

2.3. Советологические схемы

После второй мировой войны советология претендовала на ранг главной дисциплины при познании России/СССР. Советология не смогла предвидеть падение советской системы, но пока не рухнула вместе с нею. Теперь бывшие советологи заняты самооправданием, пишут о собственных «заслугах, достижениях и успехах», надеются на «постсоветологию», включая в нее «россиеведение»[90].

[90] См.: Брумберг А. Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Вып.2. Под ред. Т.А.Заславской. М., Аспект-Пресс, 1995

Оправдана ли надежда? Частично на вопрос ответил М.Малия[91]. Приведу его главные выводы.

Существование советологии связано с периодом «холодной войны». На протяжении этого времени в советологии господствовал метод бихевиоризма, а структура включала политическую экономию, политическую науку, социологию и историографию. Главная тенденция этих дисциплин в течение последних сорока лет - замена тоталитарной модели теорией модернизации при исследовании СССР и других государств восточного блока.

Модель тоталитаризма рассматривает советскую систему как продукт идеологии и политической воли, фиксирует подобия между социализмом, нацизмом и фашизмом, а также отличия данных систем от западных демократий. Теория модернизации стала популярной в 1960-е гг. Она объясняла советскую систему как частный случай общих модернизационных процессов. После 1960-х гг. появились «универсалистские» теории модернизации, теории «отсталости», «зависимого» и «догоняющего развития», «сверхмодернизации», «контрмодернизации» и т.п. Общий итог данных теорий однозначен: различие между советской системой и западными демократиями является количественным, а не качественным.

В политической экономии существовало несколько версий объяснения сущности советской системы: замена рынка плановым хозяйством в принципе невозможна, только рынок может решить проблемы распределения средств и расходов капитала в процессе производства (Л.фон Мизес); советская экономика функционирует успешно, поскольку сталинские пятилетки превратили СССР в индустриально развитую страну (М.Добб и др.); советское планирование ошибочно, но при умелом соединении национализированной собственности с рынком получится настоящий социализм (О.Ланге).

Эти оценки высказывались западными учеными и социалистами. Между тем советский экономист И.Бирман знал на практике советскую экономику и его оценка была однозначной: вся система планового хозяйства - дорогостоящий провал, а западные экономисты и политики показывают общественному мнению ложный образ

[91] См.: Малия М. Из-под глыб, но что?.. История западной советологии // Отечественная история. 1997, № 5; Он же. Советская трагедия. История социализма в России. М., 2003

советского социализма. Однако научно-политический истеблишмент Запада пренебрег этой констатацией.

С середины 1960-х гг. западная экономическая теория испытывает влияние теории модернизации. Это проявляется в использовании модели валового национального продукта (ВНП) при исследовании СССР. Но ВНП - не реальный факт, а интеллектуальная конструкция (система измерений), которая не имеет смысла без определенных теоретических посылок. Основанием модели ВНП являются западный опыт и данные. Параметры советской экономики не соответствуют западным моделям измерений. Однако модель ВНП применялась в отношении СССР и дала апологетические результаты: вплоть до распада СССР в западной экономической теории господствовала оптимистическая оценка советских успехов. Считалось, что ВНП СССР образует около 60% ВНП США. Эту цифру популяризировали известные экономисты и социологи (В.Леонтьев, Д.Гелбрейт и др.). Она повлияла также на оценки ЦРУ, которые использовали ее для доказательства «советской угрозы».

ЦРУ переносило на советскую действительность экономические отношения, характерные для США. Но количественные показатели советской военной угрозы ЦРУ представляло различно, в зависимости от политических пристрастий авторов и должностных лиц. Американские аналитики завышали данные о военном потенциале СССР в целях запугивания, получения дополнительных средств из бюджета на военные приготовления. Советское руководство тоже стало применять тактику запугивания после успешного испытания МКР во второй половине 1950-х гг. Одновременно под прикрытием частичной демилитаризации (сокращение армии и флота, снижение общих военных расходов) Н.С.Хрущев нашел средства для производства ракет. В результате размеры советских расходов на оборону были преувеличены на 50%. Оценка ЦРУ советского военного потенциала зависела от колебаний политического курса. Кроме того, ЦРУ давало обтекаемые и многовариантные выводы для подстраховки на случай любого развития событий[92].

Аналогично поступал КГБ и советский Генштаб при оценке американской угрозы. Сегодня сами военные доказывают, что суть советской экономики сводится к милитаризации на основе доктри-

[92] См.: Быстрова И.В. Советский военный потенциал периода «холодной войны» в американских оценках // Отечественная история. 2004, № 2, с.125-140

ны «военного социализма» немецких генералов Людендорфа и Ратенау. Эти концепции заимствовал Ленин и внедряли в жизнь все поколения советских руководителей. Данные концепции (включая модель ВНП) до сих пор используются при выработке программ экономических преобразований и военной реформы в России[93].

В политических науках США и других стран Запада спор шел о модели тоталитаризма. Модель Х.Арендт кардинально отличалась от модели К.Фридриха-З.Бжезинского. Социополитический контекст спора определялся рядом обстоятельств: в 1960-е гг. левые силы в ведущих странах Запада возвращались к власти; в отношениях двух сверхдержав наступила патовая ситуация; большинство западных ученых и политиков считало, что после смерти Сталина наступило «смягчение» советской системы, хотя она оставалась постоянной силой в международных отношениях.

В этот период политологи начали использовать теорию модернизации для объяснения специфики советской системы. Политико-идеологические факторы рассматривались как производные от экономики, а не детерминирующие ее (как постулировали сторонники тоталитарной модели). В 1970-е гг. такой подход породил обширную литературу. Развивалась «кремленология» (трактовка политической истории СССР как борьбы на вершине власти), квалификация советской политической системы как неотрадиционализма (в веберовском смысле слова), теория корпоративизма, трактовка позднего социализма как «авторитаризма эпохи благосостояния» и т.п.

Во всех случаях при описании СССР использовались следующие схемы:

Отождествление социальной динамики и политической модернизации. Примером могут служить работы Р.Ловенталя, связавшего тоталитарную модель с теорией модернизации. Последняя заимствовалась из структурного функционализма Т.Парсонса и использовалась в отношении к отсталым (традиционным) обществам. Советская система рассматривалась как особая форма модернизации, которая осуществлялась под влиянием идеологической политики. Эта политика привела к непредвиденным последствиям, и потому при Хрущеве идеологические цели уступили место экономи-

[93] См.: Гольц А. Армия России: 11 потерянных лет. М., Захаров, 2004

ческим интересам. На этом основании Р.Ловенталь сформулировал вывод: советская модель экономической модернизации может измеряться ростом ВНП и служить образцом для стран Третьего Мира. А поскольку развитие экономики - главная тенденция современности, постольку СССР двинулся по пути конвергенции с высокоразвитыми странами Запада. Тем самым советская система подгонялась под универсальную модель прогресса.

Объяснение политической системы СССР как варианта авторитаризма. После смерти Сталина советская система преобразовалась из тоталитарной в авторитарную, способна к реформированию и принципиально отличается от фашизма. Количественное ослабление террора отождествлялось с качественной трансформацией системы. На этой основе формулировался вывод: реформированный социализм может эволюционировать в направлении демократии без радикального слома системы.

Постулирование элементов плюрализма в социальной и политической структуре СССР. Предполагалось, что в СССР существует развивающийся авторитаризм. Поэтому способ его политического функционирования есть институциональный плюрализм, производный от групповых интересов. В советском обществе выделялось несколько групп - партийный аппарат, КГБ, армия, хозяйственные руководители, экономисты, писатели, юристы. Эти группы создают альянсы, свидетельствующие о движении СССР к институциональному плюрализму, который отражается в социальной структуре.

Все указанные схемы смешивают философско-исторические концепции с социологическими и политическими критериями. Например, проблемы ложности категории интереса, а также фундаментальных различий генезиса групп и групповых интересов в советском и западных обществах не ставилась вообще или считалась второстепенной[94]. Однако эти проблемы практически не обсуждаются и в современной отечественной политологии, хотя она заимствует все указанные схемы.

Догмы политической экономии и политологии воспринимались и укреплялись в американской социологии. Она тоже рассматривает советский опыт как модификацию универсальных социальных

[94] См.: Макаренко В.П. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М., Вузовская книга, 2000

процессов. Структурный функционализм и эмпирическая социология начали использоваться при исследовании советского общества. Наиболее ярким примером может быть коллективный труд «Как работает советская система», изданный в 1956 г. Центром Российских исследований Гарвардского университета. В этой работе американские социологи использовали теорию модернизации для критики тоталитарной модели и формулировки вывода: советские структуры власти и управления функционируют *рационально* и потому СССР - социальная система, а не политический режим. Эта книга распространялась «Для служебного пользования» среди аппарата ЦК КПСС, и сыграла роль в обосновании советской социологии.

В 1960-е гг. Т.Скочпол и Б.Мур соединили теорию модернизации с ревизией марксистского классового анализа. Исходный пункт их концепции - идея Сен-Симона: переход от традиционного к индустриальному обществу – главная нить современной истории. Переход идет по-разному в различных странах и зависит от доминирующего класса в революции, направленной против старого режима. В Англии, Франции и США во главе революции стояла буржуазия; в результате появились деформированные капитализм и демократия. В Германии и Японии капитализм был установлен аристократией, которая осуществила *революцию сверху*; в результате возник фашизм. В России и Китае старый порядок был разрушен крестьянством; в результате возник политический режим, который начал осуществлять модернизацию деспотическими методами. «Крестьянские революции» привели к «воспроизводству» государства в форме новой «бюрократии развития». Понятие «бюрократии» в данной концепции используется в нормативном (как рациональный способ управления), а не описательном смысле.

Аналогичные процессы объяснения истории советского общества происходили в западной историографии. В ее либеральной и консервативной версии принцип хронологически-событийного отражения истории советского общества тоже был связан с переходом от тоталитарной модели к теории модернизации. В итоге историография начала подчеркивать процессы «нормализации» советской власти. Л.Шапиро, Э.Карр, И.Дейчер и др. развивали тоталитарную модель, которую поставил под сомнение Л.Хеймсон. Он считал, что Октябрьская революция возникла из двойной поляриза-

ции российской жизни: между государством и обществом; между рабочими и буржуазией. Октябрь был не случайностью (как утверждала либерально-консервативная историография), а закономерностью социального развития России. Советская система эволюционирует в направлении социальной демократии.

Реабилитация этой системы прошла несколько стадий. Если суммировать результаты, возникает следующий образ: Октябрьская революция - это действительная пролетарская революция, а не государственный переворот; советская власть с самого начала была легитимной; партия большевиков была открытой демократической организацией, связанной с радикализмом масс, а не с тоталитарной партией «нового типа»; действительным достижением Октябрьской революции был НЭП, а не военный коммунизм; советская система дрейфовала в направлении «мягкого сталинизма»; началом такого дрейфа были советские «выдвиженцы» 1920-1930-гг.; они привели к смене политического курса после смерти Сталина и благоприятствовали стабилизации советской системы; коллективизация - продукт стремления трудящихся масс к построению социализма, а сталинские чистки и террор - результат борьбы «центра» за контроль над анархической «периферией»; число жертв не может быть предметом научных исследований, поскольку официальные советские источники об этом не упоминают.

Таким образом, под пером историков-советологов каждой фазе развития советской системы приписывалась целесообразность. А процесс в целом рассматривался как история «достижений и успехов» и доказательство способности советской системы к самореформированию.

Перед началом *перестройки* советология использовала модель модернизации, классифицировала все советское прошлое и позитивно оценила советскую систему в сфере экономики, социальной структуры и политики. Согласно такой оценке, советская власть осуществила модернизацию советского общества и создала развитую урбанизированную сверхдержаву. Она созрела для либеральных реформ, которые преобразуют Россию в «современное» общество. Несмотря на все кошмары советской истории, власть создала потенциал модернизации. Поэтому переход СССР к демократии может быть эволюционным, а не революционным процессом.

2.4. На пути к запоздалой проверке

Итак, американские и прочие эпигоны русских меньшевиков в сфере политической экономии, политической науки, социологии и историографии воспроизводят стереотипы советской политики, идеологии и пропаганды на разных этапах существования СССР. В этом смысле создание кафедр социологии, политологии и культурологии (вместо кафедр истории КПСС, теории и истории коммунистического воспитания, теории партийного и советского строительства, научного коммунизма, диалектического и исторического материализма) в вузах России завершило процесс внутренней и внешней апологетики. Указанные концепции вошли в постсоветские учебники и заполонили книжный рынок России.

Система советологических иллюзий начала интенсивно пропагандироваться в СССР в период «перестройки». Даже крах СССР и «перестройки» не разрушил эти схемы, хотя их репрезентативность дискуссиона при анализе социально-исторического развития России. И не может служить для выработки дистанции в отношении социальных и политических процессов в России XX в. Однако эти схемы в настоящее время широко распространены в общественном сознании и социальных науках России.

Теперь дополню выводы М.Малия. Общая ахиллесова пята всех универсалистских теорий модернизации - необходимость такой классификации обществ, социальных систем и цивилизаций, которая удовлетворяла бы строгим критериям и не вызывала сомнений. Такой классификации не существует. Социальные науки пренебрегают кардинальной проблемой классификации социальных объектов и делают акцент на процесс развития, а не на стадию развития или состояния социума. На этой основе возникли разные варианты теории модернизации. Их суть сводится к описанию и рецептам преодоления экономической, социальной, технологической, политической, управленческой, инфраструктурной и прочей «отсталости». Однако в широком смысле слова субъектом и объектом модернизации можно полагать весь мир и любую его часть – цивилизацию, общество, государство, регион, сектор экономики и т.п. Сфера произвола при этом становится безграничной.

Следующая процедура – количественное изображение постулированных субъектов (объектов) сравнения. Это невозможно без

принятия некого «образца» развития, без которого «догоняющие» процессы имели бы хаотический и не поддающийся осмыслению характер. Таким «образцом» в Новое время по определению может быть только Западная Европа (а с Х1Х в. Западная Европа вместе с Северной Америкой) и возникшая в ней концепция прогресса. Она выполняет функцию главного идеологического ядра всех теорий модернизации. Согласно такой посылке, модернизационные процессы обычно отождествляются с вестернизацией.

Однако в истории европейской мысли «линейная» модель развития, содержащая прогрессивный и регрессивный вариант, не является единственной моделью социальных трансформаций. Существуют также «точечная» модель, модели «круговорота», «спирали», «высокого уровня порядка». Но мне неизвестна такая теория модернизации, которая бы описывала социальные и исторические процессы одновременно как неизменные, как изменяющиеся в рамках замкнутой кривой, как повторяющиеся во времени, как уникальные и неповторимые, как повторяющиеся с определенной регулярностью по принципу подобия, но неидентичные, и наконец – как не поддающиеся определению, в связи с чем любой образ социальных событий и процессов всегда будет более-менее ложным и субъективным.

Тем более это относится к отражению истории России. Она обычно описывается как совокупность внешних и внутренних факторов, из которых фактор отставания от Европы считается главным на протяжении последних пятисот лет российской истории. Поэтому использование универсалистской схемы модернизации в отношении к России легитимизирует усилия русской власти преодолеть отставание, а также теоретические попытки представить данные усилия как единственно возможные при данных обстоятельствах. В результате возникает ряд более-менее «мудрых» правителей и еще более «мудрых» теоретических холуев…

Обычно в учебниках по истории России реформы Петра 1, территориальные захваты при Екатерине 11 и Александре 1, реформы Александра 11, развитие капитализма на рубеже Х1Х-ХХ вв., все три русские революции начала века, советскую индустриализацию и коллективизацию, «перестройку» 1985-1991 гг. и современные процессы в России рассматриваются как попытки «модернизации», которые осуществлялись ее властителями - царями, вождями, гене-

ральными секретарями и президентами? При таком подходе модернизация отождествляется с укреплением власти. Власть - главный внутренний и внешний фактор и одновременно - непреодоленное зло всей российской истории. Поэтому эволюция российского государства представляет собой картину запоздалых и не отвечающих потребностям времени реформ, порождающих политическую нестабильность[95]. Однако мне неизвестная такая история России, которая описывала бы происходящие в ней социальные процессы на основе исключения властно-политического фактора, включая процессы «модернизации».

Теория модернизации не может быть средством выработки познавательной, эстетической, моральной и политической дистанции в отношении истории и любого этапа динамики досоветской, советской, постсоветской России. Ее руководство не собиралось перенимать западные экономические, социальные и политические институты, если это противоречило его интересам. Наоборот, советское правительство поставило цель полностью уничтожить социальные корни данных институтов в России и показать всему миру возможность совершенно иного пути развития, в котором роль «образца» выполняло бы оно само. Согласно такой логике, советская система не есть разновидность общего процесса модернизации, а качественно новая линия развития человечества. Главная проблема в том, что все попытки замены «образцов» ставят под сомнение саму идею развития на основе «внешних образцов», но не позволяют выйти за пределы альтернативы «самостоятельность - заимствование внешних образцов развития».

В настоящее время стало ясно, что СССР не смог занять место США. Намного менее учитывается, что в период распространения теории модернизации большинство стран третьего мира обратилось в сторону капитализма (несмотря на антикапиталистическую риторику), а не социализма. Эти страны использовали социалистическую альтернативу как противовес, позволяющий проводить политику эгоцентрического балансирования между двумя блоками и тоже ничего принципиально не менять, если это противоречит интересам властно-политических аппаратов и духовно-идеологических групп. Ирония истории в том, что Россия (преем-

[95] См.: Власть и реформы: от самодержавия к Советской России. СПБ, 1996

ник СССР) и другие государства СНГ сегодня переместились в ряд развивающихся стран.

Теории модернизации были подвергнуты критике многими западными учеными еще в 1960-1970-е гг. Но эти теории в настоящее время распространены в странах бывшего советского блока для легитимизации власти, и переплетены с отечественными и зарубежными теориями цивилизации, конвергенции, мир-системной теорией, глобалистикой, регионалистикой и пр[96]. В результате увеличилось число идеологических гибридов, популярных на интеллектуальном и политическом рынке России.

Отсюда вытекает, что полемика с автохтонными и закордонными идеологическими гибридами может быть методологической предпосылкой обсуждения конкретных проблем русской власти и постсоветской бюрократии.

[96] См.: Игрицкий Ю.И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1998, № 1

Глава 3.
Панорама и три шаблона ностальгии

Герой «Бухтин вологодских, завиральных» говорит: «Хорошо жить, когда ты Кузька. Едва станешь Кузьма Иванович – сразу кидает в задумчивость». В возрасте Кузьки я читал все, вплоть до надписей на заборах. Детство мое проходило на вокзале – батька был железнодорожником. Среди прочего читал и сочинения Константина Симонова - пьесу «Русский вопрос» и стих «Митинг в Канаде» в сборнике «Друзья и враги». Хорошо помню - книжечки эти были небольшого, почти карманного формата.

В пьесе К.Симонов отождествлял СССР с Россией по обеим сторонам «железного занавеса». Согласно «логике» Симонова, люди злой воли видят в России угрозу для свободы и мира жителей Запада. А люди доброй воли считают Россию духовным центром мира и прогресса во всем мире. В стихе «Митинг в Канаде» пятикратный (Или шестикратный? Уже не помню…) лауреат Сталинской премии провозглашал лозунг «Россия! Сталин! Сталинград!». С первого класса нас гоняли на парады и на районные смотры самодеятельности. Среди прочего мы пели «Гимн демократической молодежи мира» А.Новикова и Л.Ошанина с призывом: «Вставайте, люди доброй воли!»

Уже давно я Кузьма Иванович. С юности знаю: пьеса, стихи и песнопения о «людях доброй воли» воплощали идеи доклада А.А.Жданова о международном положении в сентябре 1947 г., на 1 Совещании Информационного бюро коммунистических и рабочих партий. Здесь позволю себе личное замечание. Со времени учебы на философском факультете я называл большинство своих преподавателей, прошлых и настоящих коллег «холуями» в отношении власти. Теперь с удовольствием могу сослаться на коллег. На основе социологических исследований они доказали: холуйство в досоветской, советской и постсоветской России есть тип господствующей политической культуры, и порождается на вершине политиче-

ской иерархии[97]. В речи сталинского холуя был сформулирован тезис о противостоянии на международной арене двух лагерей – «лагеря империалистического и антидемократического, с одной стороны, и лагеря антиимпериалистического и демократического, с другой»[98]. Под эти панфары загремели под расстрел, на виселицу, в тюрьмы немало порядочных людей в СССР и в Восточной Европе.

3.1. Почему Россия до сих пор жива?

Ответ я обнаружил при чтении текстов бывшего идеолога Российского общевоинского союза - модного нынче философа И.А.Ильина. Он пишет: «Зимой 1918 г. мой друг Николай Вячеславович Якушкин привел ко мне московского мирового судью Константина Ивановича Лучинского… Он сказал мне, что состоял и состоит при бактериологической лаборатории, в которой работал добровольцем во время войны. Он и его друзья заявляют мне, что в их распоряжении имеются две банки с бактериями азиатской чумы, что они думали о том, не следует ли использовать эту возможность для борьбы с большевизмом, и, не решив вопроса, постановили обратиться ко мне в строго доверительном порядке и предоставить эту возможность на мое усмотрение и в мое распоряжение: как только я дам распоряжение, они, в самсоновском порядке, пустят чуму в народ, чтобы погубить большевиков и погибнуть самим. Через два дня я дал ему устный ответ: «Большевизм может быть и должен быть преодолен только духовно, религиозно и государственно, но не массовым вымиранием народа от эпидемии». Ясно было, что в хаосе того времени удержать чуму было бы совершенно невозможно: она расползлась бы по *всей* России и унесла бы много миллионов жертв. Но жертв физических, бессмысленных, не очистительных: это был бы хаос гибели, но не гибели большевизма. Это губило бы этническую субстанцию России, не освободив ее духа от дьявольского наваждения. Это открыло бы доступ в Россию той державе (Германия), которая сумела бы победить эпидемию: а обезлюдение России входило в ее программу.

---

[97] См.: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России. М., 2007, с.202-203

[98] См.: Системная теория международных отношений. Под ред. Богатурова А.Д. М., Московский рабочий, 2000, гл.2, http://www.diphis.ru/content/view/211

Я наложил на это предприятие запрет и взял с них честное слово в повиновении»[99].

Значит Россия жива до сих пор потому, что идеолог РОВС сразу после революции спас ее этническую субстанцию, не взирая на дьявольское наваждение большевизма… Потому, видимо, не зря президент В.В.Путин распорядился о перезахоронении его праха и до сих пор ссылается на И.А.Ильина.

Но как быть с «дьявольским наваждением»? Тоже есть предпосылки для ответа. Сошлюсь еще раз на информацию В.В.Бибихина: «Власть начала искать идеологические альтернативы марксизму рано. Уже в 1973 году мы знали, что военные политические стратеги планируют скинуть марксизм и взять на идеологическое обеспечение армии православие»[100].

Неужели советский генералитет первым унюхал дьявольщину большевизма?.. Ведь марксизм официально сброшен, в стране реанимирована религия, в армии насаждается православие. Вот информация *солдата* второй российско-чеченской войны: «Когда начальники в «войнушку» наигрались, за нас поп взялся: освящал и раздавал маленькие иконки, вроде медальонов, но я не стал подходить, так как надо было крест и руку попу целовать, а я не хотел». В честь военной присяги перед солдатами выступала группа «Эдельвейс», которая все песни пела про Бога в современной аранжировке… Если раньше в армии коммунизмом долбили, то теперь – Богом. Устраивают всякие лекции, фильмы крутят соответствующие, но что интересно, упирают на православие, а куда же податься, скажем, католику или иудею? Похоже, что даже богов в строй поставить норовят по ранжиру»[101].

Или же пальму первенства в осознании дьявольщины отдать *писателю*? В.Войнович предугадал знаковую фигуру отца Звездония – генерал-майора религиозной службы в рясе и с лампасами, и национальную идею нынешних «государственников»: «Составные нашего пятиединства: народность, партийность, религиозность, бдительность и госбезопасность»[102]. Это было написано до того,

[99] И.А.Ильин: pro et contra. СПб, изд.Русского Христианского гуманитарного института, 2004, с.126-127

[100] Бибихин В.В. Другое начало. М., 2003. С.181.

[101] Анпилогов И. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней // Континент. 2002, № 114, с.204-270, с.204, 207

[102] Войнович В. Москва-2042. М., ЭКСМО, 2004, с.113, 137

как коммунисты пошли в церковь. Однако Войнович конструировал не наивероятнейший (как Д.Оруэлл и А.Зиновьев), а наиабсурднейший (как тогда казалось) вариант будущего. Между тем, абсурд успешно воплощается в жизнь. Опять приведу несколько примеров, обусловленных моим неизлечимым пороком – чтением всего, что попадется под руку.

Журналистка заметила появление «местечковых русских» («Конгресс русских общин», А.Проханов, В.Шандыбин, А.Дугин и прочие так называемые «патриоты»). Это - «…вполне сформировавшаяся общественная группа, со своими опознавательными знаками (славянская вязь, камуфляжная форма, высокие шнурованные ботинки, береты), своей песенной культурой (песни про Афган, про Кандагар, про Чечню, про однополчан, про то, как прорывались, но не прорвались), со своей географией – спальные районы Москвы, Подмосковье, близкие к Москве области (Владимирская, Тверская), южные области (Ростовская), со своим бизнесом, иногда даже не мелким, а средним»[103].

«Местечковые русские» используют славянскую вязь, обращение к дохристианским богам - Сварогу, Даждьбогу, Перуну. Воинственная часть местечковых русских ненавидит православие как «жидовскую религию». А близкая к отставным спецслужбистам часть почитает РПЦ не как религиозный институт, а как структуру, которая имеет преференции от власти в сфере бизнеса и лицензии на торговлю сигаретами и водкой. Значит, наметился союз современных язычников с целовальниками.

Сформировался также опыт применения православных попов в предвыборной агитации (наряду с баннерами, старушками, однодневными газетами). Вот глава избирательного штаба рассказывает: «Жадные и хитрые святые отцы стали постоянно подставлять нас по срокам. Они в ужасе бубнили о какой-то свирепой комиссии Патриархии, которая может отнять у них намоленный и выстраданный приход и создать большие проблемы нам. Вообще лично у меня сложилось мнение, что тот бизнес, который возник вокруг церквей, уже давно живет своей келейной жизнью и связываться этим воротилам в рясах с любым кандидатом не хочется.

[103] Токарева Е. Записки рядового информационной войны. М., «Пресском», «Яуза», 2005, с.240

Один батюшка, бывший комсомольский работник (от него всегда благовонило коньяком) всю дорогу был в затруднительном материальном положении. Деньги, полученные от нашего кандидата на ремонт храма, у него сразу же забрала жена и закупила за мелкий прайс партию алюминиевых крестиков. Поп сразу же смекнул, что надо реализовать свое высокое предназначение, и пошел в ближайшую воинскую часть – договорился с командиром части, что надобно произвести массовое крещение новобранцев-нехристей, вот тут и партия крестиков… Командир части приказал оплатить обряд крещения полностью, с крестиками, елеем, святой водой и молитвенниками. Плюс сюда же пошла закупка чудотворной иконы. Командир части получил мелкий откат, плюс они с батюшкой два дня квасили коньяк в комнате офицерского отдыха. За эти хлопоты поп дополнительно стесал с нашего кандидата денег за то, что ведет агитацию среди военнослужащих.

Мне, кстати, мой отец перед смертью сказал: «Если ты, сынок, совсем уж ничего не достигнешь – иди в попы! Там не пропадешь!»[104].

Отцов надо слушаться! Потому что возникает возможность систематизировать не только попутные суждения солдат, писателей и журналистов, но и обобщать важный *исторический* материал. В.В.Поликарпов показал, что в 1974 г. КГБ СССР с сенсационным антуражем напечатал фрагменты показаний двух масонов (Н.В.Некрасова и Л.А.Велихова). «Введение их в оборот составляло звено идеологической операции, нацеленной на укрепление мнимо-оппозиционной национал-коммунистической альтернативы диссидентству, пропагандировавшему демократические и общечеловеческие ценности»[105]. Непосредственным исполнителем акции был Н.Н.Яковлев. Он получил материалы из рук председателя КГБ Ю.В.Андропова. Тот при разъяснении смысла поручения оперировал следующими аргументами: в 1970-е годы в СССР нарастало противостояние между гражданским обществом и властью; диссиденты подрывают политическую стабильность страны; внутренние проблемы СССР дают повод для вмешательства Запада; диссидентов мало судить – слову надо противопоставить слово; призывы к

[104] Там же, с.302-303

[105] Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., «Индрик», 2008, с.513

демократии неизбежно ведут к развалу традиционного российского государства. По мнению Андропова, официальная идеология изжила себя; требовались «книги должного направления», помогающие в борьбе с нынешними нигилистами, демократами и русофобами. Ф.Д.Бобков, ведавший идеологическими спецоперациями КГБ, преподал будущему автору основные посылки будущей книги: не навязывать читателю своей точки зрения; писать так, чтобы книга приобрела популярность среди массового читателя; делился с автором своими сведениями о масонах накануне революции 1917 г. и советовал «попробовать силы на этом поприще».

Так появилась книга Яковлева «1 августа 1914». Она не содержала никаких новых толкований истории, а воспроизводила те трактовки роли масонов в революции 1917 г., которые распространялись в черносотенной, затем эмигрантской литературе. Но в угоду официальной идеологии Яковлев добавил: масонским проискам положили конец большевики - истинные русские патриоты, перехватившие инициативу и власть у масонского Временного правительства. «В целом проводимой операцией, - пишет В.В.Поликарпов, - подавался сигнал к легализации ультранационалистической пропаганды: привычные официальные интернационалистские оценки революционных событий 1917 г. теряли монопольный статус и даже подменялись сугубо шовинистическими с камуфляжным коммунистическим налетом»[106].

Теперь промежуточное резюме. Обычное чтение позволяет зафиксировать факт: *хронологическое совпадение (начало 1970-х гг.) решений военных стратегов о замене марксизма православием с введением в публичный оборот документов из архива КГБ под предлогом устарелости марксизма.* Случаен или неслучаен этот факт? На этот вопрос могут ответить историки, когда откроют соответствующие архивы.

Проблему «устарелости» марксизма я рассматривал двадцать лет назад в одной из своих книг[107]. Поэтому могу согласиться с В.В.Налимовым, который проводит *строгое различие между марксизмом Маркса и русским марксизмом*. Первый не устарел до сих пор: «Была какая-то мрачная прелесть в марксизме, когда он выступал в своей дикой непреклонности и целостности. А что теперь

[106] Там же, с. 514
[107] См.: Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. Ростов-на-Дону, изд.РГУ, 1992

в этой одряблости?» - так ставит вопрос Налимов[108]. Дряблость характерна как раз для русско-советского марксизма. Это относится к его семантике, логике, аксиоматике, эпистемологии, отношению к науке, онтологии, трактовке детерминации исторических явлений, учения о цели, представления о свободе, трактовке отчуждения, атеизма, проблем трансцендентности, неизменности во времени, персонализации истины и притягательной силы. Однако все эти признаки парадигмы русско-советского марксизма являются следствием воздействия на него православия[109].

Неужели проблема смещается к реконструкции мрачной прелести, непреклонности и целостности марксизма? По крайней мере, вряд-ли кто будет оспаривать маразм, обусловленный превращением марксизма в официальную идеологию и связанными с ней идеологическими спецоперациями. Из них уже вытекает тенденция – определенная идеологическая политика нынешнего правительства России.

Факт и тенденция порождают множество вопросов. Среди них и такой: каково соотношение между большевизмом и историей и культурой России?

3.2. Две концепции

В социально-исторических науках сложились два основных ответа на этот вопрос.

Большевизм - типично русский феномен, связанный с отечественной традицией понимания социальных конфликтов и технологии власти. Большевизм закрепил преемственность российской истории и культуры. Ленин с дружиной «профессиональных революционеров» и наследники Ленина с кликами «аппаратчиков» – это продолжатели дела Ивана Калиты, Алексея 1, Петра 1, Екатерины 11, Николая 1. Они обновили политическую теологию (модель суверена) и политическую технологию царизма (правила реализации планов в соответствии с доктриной reason d'etat – государственного разума, которая приобрела ранг государственных интересов). Сторонники данной концепции для понимания большевизма предлагают учитывать следующие феномены истории и культуры России:

[108] См.: Налимов В.В. Искушение святой Руси. Томск-Москва, «Водолей», 2002, с.96.
[109] См.: Налимов В.В. Указ.соч., с. 95-135.

- самодержавие как способ осуществления власти;
- нигилизм как способ преобразования общества в соответствии с принципом равенства;
- принцип единственно верной истины, отвергающей любые тезисы оппозиции.

Приверженцы этой концепции выводят большевизм из истории России. Показательным примером могут быть труды советологов (россиеведов) типа Р.Пайпса, З.Бжезинского и их многочисленных эпигонов в стране и за рубежом. Все они считают большевизм частным случаем российской политики и управления государством. Но задолго до советологов марксисты Р.Люксембург и К.Каутский говорили о русско-татарском происхождении большевизма и подчеркнули экзогенность большевистской патологии. Ханна Арендт отмечает, что события доказали правоту Р.Люксембург: ужасно быстрое моральное вырождение коммунистических партий во всем мире является прямым следствием русской революции[110]. Отсюда вытекает, что большевизм как русский продукт чужд и враждебен европейской культуре, политической мысли и действию, является азиатской агрессией в отношении Европы.

Большевизм - порождение и внутренняя патология европейской традиции. Именно в Европе сложились проекты: нового прекрасного мира; устройства социальной жизни по общему плану; очищения мира от «сорняков» ради устройства «сада земных радостей». При создании данных проектов важную роль сыграли: платоновская модель идеального государства; якобинская модель единой и неделимой республики, в которой свобода народа и гражданские добродетели достигаются постоянной прополкой общества от «врагов народа»; гегелевская доктрина исторической логики, которая в диалектическом процессе ведет к разумному обществу как воплощению действительной свободы; марксова доктрина всемирной истории как классовой борьбы, которая в диалектическом процессе ведет людей к коммунизму, а с помощью пролетарской революции и диктатуры пролетариата устраняет прибавочную стоимость путем экспроприации капиталистов и передачи производителям средств

[110] См.: Ханна Арендт. Люди в темные времена. М., Московская школа политических исследований, 2003, с.67

производства. Именно европейская традиция (а не ханы и цари) обусловила доктрину ленинизма и практику большевизма.

Сторонники этой концепции вместо анализа генезиса большевизма в российском обществе, государстве и культуре предлагают изучать доктрину и технологию радикального изменения России как вотчины большевиков. Большевизм – это новый принцип создания общества, государства, экономики, права, науки, образования, труда и искусства. Средством реализации данного принципа является «партия нового типа», а продуктом воспитания и социализации - человек «нового типа».

Например, И.Бунин и А.Солженицын понимают большевизм как инновацию западного происхождения, которая прерывает общую преемственность российской культуры и связана лишь с некоторыми стандартами мысли и действия в наследстве старой России. А.Валицкий подчеркивает западное происхождение большевизма как эндогенной патологии социальной жизни и осуществления власти. М.Геллер, А.Некрич, А.Авторханов считают большевизм альтернативным социальным порядком в отношении как русского, так и европейского прошлого.

Какую же концепцию избрать для оценки всей цепи ранее указанных фактов – от спасения Ильиным русского народа до действий руководителей силовых структур по отмене марксизма и замене его православием?

Надо сказать, что на протяжении последних двадцати лет издаются целые книжные серии о соотношении между большевизмом и историей и культурой России. При этом сторонники азиатской концепции обычно подчеркивают автохтонность большевизма. Его истоки - Иван Грозный, опричнина, Николай 1, Собственная Его Императорского Величества Канцелярия, Корпус Жандармов, С.Нечаев, П.Ткачев. К этому добавляют влияние татаро-монголов - от битвы на Калке (1223) до взятия Казани Москвой (1552). Основание большевизма - монгольский деспотизм (татарское воспитание Ивана Калиты и его наследников), византийское самодержавие (абсолютная и неделимая власть царя), народный бунт («пугачевщина» – пролог «прямого действия» нигилистов-террористов, которые ради освобождения народа предлагали разрушить существующий социальный порядок с иерархией статусов и элитарной культурой), доктрина «Третьего Рима» (как исходный пункт док-

трины 3 Интернационала о руководящей роли ВКП(б) в международном коммунистическом движении).

Сторонники европейской концепции выводят большевизм из текстов Платона, Гегеля, Фейербаха, Маркса и действий якобинцев. Доктрина Маркса включает следующие основные идеи: прибавочной стоимости; пролетариата как «класса для себя»; диктатуры пролетариата; коммунизма как всемирного социального строя, функционирующего по принципу «От каждого по способностям, каждому по потребностям»; борьбы классов как движущей силы прогрессивных изменений всемирной истории. В этом контексте Ленин квалифицируется как ортодоксальный последователь доктрины Маркса, а Сталин и Грамши - как лучшие ученики Ленина. Отсюда вытекает: большевизм в российской социал-демократии появился как альтернативное движение в отношении доктрины и практики 2 Интернационала. Большевизм отрицает капитализм и социал-демократию. Большевизм – это движение строителей утопии и воинов-завоевателей всего мира ради ее воплощения.

Следует подчеркнуть, что полемика между сторонниками конкурирующих концепций обусловлена разным способом *описания преемственности и изменений* между большевизмом и Россией. Этот способ прямо или косвенно связан с различными теориями исторического процесса. Отбор значимых факторов при этом более или менее произволен. Спор на эту тему длится давно и порождает частные вопросы:

1. Каков статус и функции византийско-туранского и европейского источников при формировании большевизма?

2. Какова была повседневная жизнь при большевиках? Маркиз де Кюстин более полутора столетий назад написал книгу *Россия в 1839 г.*, но популярной в России она стала в 1990-е гг. Если считать большевизм только версией российского самодержавия, то Россия 1839 года становится основанием для понимания царской и советской России[111]. Если же большевизм - новый феномен, не имеющий ничего общего с царизмом, то любые описания жизни при царизме не являются основанием для понимания большевизма. В лучшем

[111] Свежим примером реализации такого подхода является опус русско-французского советолога: Жорж Соколофф. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней. Перевод с французского. Второе издание. М., Издательский дом ГУ ВЩЭ, 2008

случае они описывают некоторые образцы, которые были заимствованы социальной инженерией большевиков.

3. Каково происхождение этой инженерии? А.Солженицын, М.Геллер-А.Некрич, В.Буковский фиксируют идиоматичность большевизма как изобретения «нового типа» государства, общества и человека. Конечно, большевики заимствовали образцы социальной инженерии в прошлом и настоящем. Но отсюда не вытекает, что они были просто коллегами всех прошлых и современных участников борьбы за взятие, укрепление и расширение власти. Нетрудно провести аналогию между показательными процессами тамплиеров во времена Филиппа 1У во Франции и показательными процессами в Москве 1935-38 гг., Тиране, Будапеште, Софии в 1949 г., Праге в 1952 г. Но это не доказывает подобие между монархией Капетингов и большевизмом.

3.3. Генеалогия и состав социальной инженерии

Все эти вопросы связаны с общей проблемой генеалогии большевизма. Но практика его воплощения важнее многоаспектного генезиса большевизма. Этот вывод важен для оценки экономической, политической и идеологической бюрократии СССР[112]. Политико-идеологическое эпигонство у других – только часть большевистской социальной инженерии, канон которой изобретен и проверен членами «партии нового типа». Социальная инженерия большевизма описана в «классическом» тексте: «Овладеть марксистско-ленинской теорией – значит усвоить существо этой теории и научиться пользоваться этой теорией при решении практических вопросов революционного движения в различных условиях классовой борьбы пролетариата»[113]. Шаблон социальной инженерии вытекает из связи между действиями на своей стройплощадке (в СССР) с действиями на войне за захват новых стройплощадок (других стран и континентов). Генеральная линия властвующей клики определяла инструментарий разных времен и пространств.

---

[112] См.: Макаренко В.П. Идеологическая бюрократия. Политическая бюрократия // Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993

[113] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Изд.ЦК ВКП(б) «Правда», 1939, с.339-340

Дело, за которое взялись большевики, было принципиально новым. На Х1Х съезде ВКП(б)) Сталин говорил: «Понятно, что наша партия не может оставаться в долгу по отношению к братским партиям, и она сама должна со своей стороны уделять им поддержку, а также поддерживать их народы в их борьбе за освобождение, в их борьбе за поддержание мира. Как известно, она именно так и поступает. После взятия власти нашей партией в 1917 году и после того, как партия предприняла реальные шаги для ликвидации капиталистического и помещичьего угнетения, представители братских партий, преисполненные восхищением перед отвагой и успехами нашей партии, назвали ее «штурмовой бригадой» мирового революционного и рабочего движения. Этим они выражали надежду, что успехи «штурмовой бригады» облегчат положение народов, стонущих под ярмом капитализма. Полагаю, что наша партия не обманула эти надежды… Конечно, было трудно выполнять эту почетную роль до тех пор, пока существовала только одна «штурмовая бригада» и пока она вынуждена была выполнять эту авангардную роль почти в одиночестве. Но это было давно. В настоящее время дело обстоит совсем иначе. В настоящее время, когда на пространстве от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии возникли новые «штурмовые бригады» в форме народно-демократических стран – в настоящее время нашей партии уже легче бороться, и работа также пошла быстрее»[114].

Большевики обладали доктриной и социальной инженерией. Поэтому считались абсолютным авторитетом в международном коммунистическом движении. Уже Ленин поставил перед Коминтерном задачу большевизации других компартий на основе учета социокультурных особенностей среды при выработке тактики. Но это не меняло генеральной линии: Москва – это режиссерский центр, в котором учатся все актеры всех остальных партий на одной сцене борьбы за мировое господство. Коминтерн был партией, а отдельные партии - его секциями. Большевики контролировали его центральные органы и были режиссерами данных партий. Поэтому канон социальной инженерии штаба первого и следующих «штурмовых бригад» списан не у Малюты, Шувалова, Панина,

[114] Stalin J. Przemowienie na X1X Zjezdzie Komunistycznej Partii Zwiazku Radzieckiego // Nowe Drogi. Pazdziernik 1952, s.4 (цитирую речь «великого вождя и учителя народов» на польском языке, поскольку в библиотеке Южного федерального университета не нашел материалов Х1Х съезда ВКП(б) на русском языке.

Горчакова, Аракчеева, Бенкендорфа, Витте, Столыпина и прочих «гусударственных мужей» России. Канон – это продукт Коминтерновского единства доктрины и социальной инженерии на всемирном уровне. Даже титоистский и маоистский ревизионизм не изменили суть дела: большевизм как классическая версия «философии практики» оставался парадигмой объяснения и управления миром.

Социальная инженерия – это единство теории и практики, мысли и действия. Хорошо известно, что Ленин списал аграрную программу у эсеров. Вся социальная инженерия большевиков тоже продукт эпигонства. При этом надо учитывать следующие традиции:

1. Царское самодержавие как особый вид политического режима.

2. Нигилизм, терроризм, атеизм в истории революционной борьбы с царизмом.

3. Утопизм при проектировании альтернативного общества и государства на основе авторитаризма в управлении, коллективизма в повседневной жизни, унификации при воспитании и образовании жителей СССР и других стран реального социализма.

4. Якобинство: связь террора сверху с террором снизу; связь доктринальной экспроприации с тактической (репрессии против врагов «нового порядка»); внедрение новой сакральности взамен уничтожения существующей религии; соединение преследования за «умыслы» с преследованием за поведение, не соответствующее кодексу добродетелей; соединение требования абсолютного послушания граждан власти с требованием абсолютной вражды к лицам и группам, которых она провозглашала «врагами народа».

5. Материализм как способ отражения мира и диалектика в виде софистики при ведении дискуссий (включая фигуры сикофанта и диффаматора).

6. Марксизм как философия практики при строительстве всемирного коммунизма путем революции и диктатуры пролетариата под руководством партии, формирующей нужный «класс для себя».

Большевики возродили и усилили все указанные традиции. Но при использовании этих образцов самой важной оказалась *ловкость* большевиков. Под ловкостью я имею в виду такую связь ума и изобретательности, которая воплотилась в *чекистской системе контроля и коррекции мыслей, слов и дел*. Эта систему изобрели не

Малюта, Шувалов и Бенкендорф, а Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский, Берия и Андропов.

Советская власть подчиняла население с помощью системы чекизма[115], который выступал в виде «народной разведки». Она была фактом повседневной жизни, воплощая карьерные и верноподданические стремления тех, кто стремился «выбиться в люди» - попасть в привилегированные сословия. Распространение этой системы происходило по мере роста «штурмовых бригад»

Например, в Венгрии в 1945 г. коммунисты скрывали свое истинное лицо. В секретной директиве, адресованной возвращающимся на родину партийным кадрам, говорилось, что «руководители партии не должны выставляться: всегда, когда это представляется возможным, целей партии следует достигать посредством других людей, зачастую посредством другой партии». При этом всей тайные осведомители были венграми, а их число росло (в 1951 г. – 34626, 1952 – 40842, 1953 – 45521. 1954 – 35900, 1955 – 37174, 1956 – 35793). Примечательно, что тайной полиции не удалось завербовать ни одного иностранца, работавшего в западных посольствах или дипмиссиях в Будапеште. В то время число жителей Венгрии было около 9 млн.человек, откуда нетрудно извлечь примерную цифру сексотов, необходимых для установления власти по советскому сценарию. Поэтому движение за реформирование системы происходило одновременно с революцией против нее. Выдвигалось требование Революционного совета университетской молодежи о роспуске тайной полиции. В массе мятежники не были ни хулиганами, ни представителями старорежимного высшего сословия. Утверждения Кремля о том, что венгерская революция против СССР была поднята уголовниками, несостоятельны. Повстанцы взбунтовались против неспособности власти воплотить идеал, а не против самого идеала. Восстали против собственных обманутых ожиданий социалистического будущего[116].

Большевики применяли такую систему ко всем генералам и солдатам на фронтах борьбы с капиталом и на стройплощадках

---

[115] См.: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. Том 1, лето 1998, № 3, с.32, 70

[116] См.: Гати Ч. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., Московская школа политических исследований, 2006, сс.55, 76, 193-199

планируемого развития. Понимание ставки в игре большевистской «внутренней партии» позволяет постичь смысл и масштабы их «большой игры».

3.4. Предметы раздумья

Стало быть, для ответа на вопрос о характере связей между большевизмом и российским самодержавием надо скорректировать существующие подходы. И отвергнуть те труды, которые недостаточно учитывают факты и целостные мистификации. Большинство данных работ написано по молчалинскому шаблону умеренности и аккуратности. Этот шаблон при описании большевизма (от агентов «Искры» до горбачевского Политбюро) выражался в хрущевских шаблонах об «ошибках и извращениях», «культе личности», «отступлении от ленинских норм». В ранее опубликованных книгах я обосновал два принципиальных положения: сталинизм есть социальная и политическая система, а не прихоть отдельной личности; миф о культе личности всегда выгоден для всех отрядов политической и идеологической бюрократии[117]. Однако указанные стереотипы до сих пор воспроизводятся не только в учебниках, но и в монографиях, претендующих на «научность». Показательным примером может служить писанина Р.А.Медведева, роль которого в современной идеологической манипуляции требует особого анализа.

Часть прошлых и современных авторов считает, что главный грех большевизма - подобие с царизмом. Дело обстоит иначе: главный недостаток царизма состоял в том, что с определенной точки зрения он подобен большевизму.

Либералы полагают, что главный порок большевиков состоит в сотрудничестве с нацистами. Дело обстоит совсем наоборот: нацисты на пути к моральному и политическому самоубийству рискнули вступить в союз с большевиками[118].

Я предлагаю свести общую проблему укорененности большевизма в истории России к анализу конкретных вопросов:

---

[117] См.: Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, изд.РГУ, 1989; Он же. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, изд. СКНЦ ВШ, 1998

[118] Эта тема детально описана в книге: Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. М., Логос, 2003

Каким было российское общество, ликвидированное большевиками? В период от реформ Александра 11 до Николая 11 Россия в значительной мере была подобна Германии (после образования империи в 1871 г.), Японии (после реформ Мейдзи) и Австро-Венгрии (после реформы 1867 г.). Однако *с военной точки зрения это общество было крайне неэффективным*. Напомню, что на протяжении 70 лет (с 1854 г. по 1918 г.) Россия проиграла три войны – Крымскую, Японскую, первую мировую. Крымская война и особенно война с Японией были сигналом тревоги, на который русская власть не хотела и не сумела отреагировать адекватно. Поэтому историю России в Х1Х-ХХ вв. я предлагаю рассматривать как историю поражений – от Крымской до «холодной войны»[119].

Между тем в досоветской, советской и постсоветской историографии господствует иная точка зрения: о поражениях и их причинах предпочитают говорить сквозь зубы и не замечать их системного характера. На мой взгляд, такой подход в значительной степени объясняется особенностями властвующих клик России. В частности, конкретное изучение 545 биографий «гусударственных мужей» (в терминологии героев В.Шукшина) показывает, что ложь была ведущим мотивом их поведения, даже в сфере сообщения о себе элементарных сведений (дата и место рождения, материальное положение и пр.). Например, едва во второй трети Х1Х в. Сенат стал требовать у желающих причислиться к дворянскому роду метрических свидетельств, как сразу оказалось: многие метрические книги неожиданно сгорели при пожаре или были утрачены другим путем; государственные служащие ради получения материальных благ от верховной власти систематически преуменьшали собственное благосостояние; подавляющее большинство записывали себя в меценаты, хотя в истории русской науки и культуры остались считанные единицы. Этот мотив усиливался при изображении военной деятельности: «Как показывает изучение формулярных списков членов Государственного совета, состоявших на военной службе, приводимые в них сведения о боевой деятельности наименее достоверны… В целом, если судить по формулярным спискам, ни один член Государственного совета никогда не участвовал ни в одном проигранном сражении, превосходящий силами противник всегда и

[119] См.: Макаренко В.П. Кавказ: концептологический анализ // Социс. 2001, № 12

везде поражался и т.п.»[120] Не является ли этот психологический мотив главным основанием изображения истории России как истории побед?

Ложь и аберрация зрения русской власти относится также к борьбе с революционными движениями: царская политическая полиция считала эсеров большей угрозой по сравнению с большевиками. Столыпин пытался осуществить структурные реформы ради социальной инженерии. Однако у него были враги не только среди разномастной оппозиции, но и в кругах царской клики. Значит, с полицейской точки зрения русское общество было еще более неэффективным. Отсюда вытекает уже более конкретный вопрос: можно ли считать сословия профессиональных военных и полицейских России предпосылкой военных поражений и революций?

Принято считать, что во второй половине Х1Х-начале XX вв. в России возникало гражданское общество по образцу Европы. Шла институционализация социальных конфликтов в рамках политического плюрализма и социального порядка «органической солидарности» (в смысле Э.Дюркгейма). Одновременно головка партии нового типа начала превращать Россию в стройплощадку и штурмовую бригаду для завоевания мира. Начав с издания декретов в Смольном, руководящая клика большевиков систематически уничтожала общество, которое люди Запада посещали без ощущения того, что оказались в ином мире (хотя и здесь возможны разночтения). Действительность реального ленинизма строилась и совершенствовалась внутренней партией большевиков. Со знанием дела в ней двигался Воланд, посетивший стройплощадку в период возврата от неповского интермеццо к нормам «генеральной линии».

Как восстановить нормальный социальный и политический порядок в России? В 1990-е годы состав российских политиков состоял в основном из бывших функционеров КПСС, к которым пристегивались «красные капиталисты»-бизнесмены и представители военно-репрессивных структур. Процессы демократизации в России стали ослабевать с 1996 г. При Б.Н.Ельцине военные составляли во властных структурах 6,7%, при В.В.Путине – 26,6%, а в высшем руководстве – 58,3%. При Путине по количеству миллиардеров Россия вышла на третье место в мире после США и Германии

[120] Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены государственного совета Российской империи. 1801-1906: Биобиблиографический справочник. СПб, Дмитрий Буланин, 2006, с.7

(в 2003 г. их было 25); в 2004 г. в России было 84 тыс. долларовых миллионеров. Одновременно существует 15-кратный разрыв между 10% самых богатых и самых бедных россиян. При Путине государство освободило себя от обязательств по обеспечению жильем нуждающихся граждан, а по объему социальных обязательств опустилось на уровень стран Запада в период до второй мировой войны. Путинский авторитаризм состоит в заполнении государственных должностей военными, желании соединить вождизм и этатизм с либерализмом[121]. Опыт показал, что отношение этих людей к главным проблемам сегодняшнего дня сходно с поведением советской номенклатуры. Особенно в сфере понимания и трактовки человеческих потребностей, прав рабочих и крестьян, процессов правоприменения, освободительных тенденций малых народностей, ответственности перед населением, критики со стороны журналистов, информации общества о собственных действиях и т.д. Фактически среди этой публики нет и, видимо, не будет реальной оппозиции. Поэтому трансформация СССР в Россию плюралистической и рыночной демократии с гражданским обществом идет с большим трудом. Значит, успехи большевиков обнаруживаются именно тогда, когда нужен возврат России к норме.

Большевики разорвали преемственность цивилизации потому, что начали строить новый порядок и воспитывать нового человека. Поэтому российское общество пока не может создать политиков, которые хотят и умеют управлять возвратом к норме. Война с Чечней, братание политиков России с кликой Лукашенко (которая целенаправленно реставрирует советскую власть в Беларуси) показала жизненность советской ментальности. Правда, некоторые современные политики стран Запада (например, Г.Шредер) говорят и пишут о российских политиках как людях, в значительной степени подобных им, хотя имеющих недостатки и борющихся с трудностями. Но это не отменяет факта: большевизм радикально изменил общество. Поэтому нормальное общество в России скорее воображается, чем строится на деле.

Какова объяснительная ценность формулы «Марксизм – не доктрина, а метод»? Для ответа надо заново перечитать тексты Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме», его речи на X и

[121] См.: Согрин В.В. 1985-2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005, № 3, с.13-22

Х11 сьездах ВКП(б), и тексты Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», «Об основах ленинизма», «О недостатках в партийной работе и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников». Во время хрущевской кампании по «восстановлению ленинских норм партийной жизни» квалификация массовых репрессий как «ошибок и извращений времен культа личности» доказывает чувство юмора у автора программы за краткий срок «догнать и перегнать США по производству мяса, молока и яиц на душу населения». Оно свидетельствует и о том, что большевики никогда всерьез не интересовались теорией. Зато их всегда занимала политическая тактика и социальная инженерия ради захвата новых полей для устройства социальной жизни.

Не менее ошибочно приписывать большевикам догматизм. Догматиками были Л.Троцкий и Н.Бухарин. Сталин понимал теорию марксизма-ленинизма как чистый лист, на котором можно написать все, что в данный момент диктует логика политической борьбы, а не требования ортодоксии. Коба – виртуоз борьбы за установление, укрепление и расширение власти, поскольку определял, что является и не является теорией. Сталин расширил формулу К.Шмидта: диктатором в СССР был не только человек, который устанавливает чрезвычайное положение и время проведения войны, но и обязательное толкование доктрины[122]. Поэтому никакая догма не может помешать действиям по реализации плана. Логика ситуации у Сталина всегда преобладала над теоретической принципиальностью. Еще до октября 1917 г. Сталин говорил, что есть догматический и творческий марксизм, а он сам стоит на платформе второго.

Зато большевики (от Ленина до Сталина и его последователей) всерьез признавали теории И.П.Павлова об условных рефлексах и второй сигнальной системе. Поэтому работы Сталина «О недостатках партийной работы и средствах ликвидации троцкистских и иных двурушников» (1937), «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) и «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) могут рассматриваться как введение в теории Павлова. Первая есть слово в дискуссии о применении теории второй сигнальной системы, вторая и третья – слово в дискуссии о практической пользе ус-

[122] См.: Шмит Карл. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб, Наука, 2005

ловных рефлексов. Произвольная ревизия официальной доктрины ради использования ее в политической борьбе - такова большевистская традиция отношения между доктриной и методом. От Ленина до Горбачева большевики никогда не считали себя обязанными соблюдать собственную официальную доктрину и программу в целом и частностях, едва только она противоречила логике ситуации, в которой принимались решения для борьбы за взятие, укрепление и расширение власти.

Главная цель большевиков - власть над мировой стройплощадкой путем захватов в ходе войны между двумя лагерями. Большевики всегда вели несколько войн одновременно: против «лагеря империализма»; против всего мира за мировое господство; против населения страны. Во всех войнах доктрина была средством. Всю ловкость (как синтез хитрости, изворотливости, предприимчивости) большевики свели к совершенствованию стратегии и тактики борьбы как методе достижения цели. Поэтому доктрина (декларации) и метод (техника) противоречили друг другу. Пропаганда была адресована некоммунистам, а для коммунистов значили только действия.

Большевики рассуждали согласно теории Парето: серьезного отношения заслуживают только резидуи (остатки), поскольку они определяют направления поиска способов и средств достижения стратегических и тактических целей. Дериваты служат только для очаровывания чужих (прежде всего врагов), а также масс и союзников. Такой тип рассуждения воплощен в поведении Сталина. Большевистская клика руководствовалась политическим прагматизмом и этическим релятивизмом. Удивление советской политикой нередко вытекает из того, что многие ее критики понимают рациональность иначе, чем большевики: «Разговор о рационализации и эффективности без строгого определения цели или целей, которые должны быть достигнуты, не имеет смысла. Ибо то, что рационально и эффективно с точки зрения одной цели, может быть крайне неэффективно и нерационально с точки зрения другой цели, и даже мешать ее реализации»[123].

Большевистская рациональность и капиталистическая рациональность (политического плюрализма) – это совершенно разные рациональности. Первая не направлена на прибыль на основе каль-

[123] Andreski S. Maxa Webera olsnienia I pomylki. Warszawa, 1992, s. 85

куляции игры с ненулевой суммой. Большевики хотели подчинить весь мир и полностью господствовать над всеми в игре с нулевой суммой. Такую игру они вели против всех, кто сопротивлялся, не соглашался, не поддерживал, не сотрудничал, мешал моральными упреками, критикой официальных фактов и реальных действий. Большевики вели борьбу со всеми, кто не желал участвовать в реализации плана борьбы за мировое господство.

Политическая практика большевистской клики отличалась рядом особенностей: канон доктрины подчинялся стратегии и тактике управления своей стройплощадкой и войны за новые; тексты основателей коммунистического движения служили для убеждения масс и обоснования текущих решений, но ничуть не обязывали клику; любые программы, конституции, постановления, резолюции и уставы любых органов, превращались в клочок бумаги, едва менялась ситуация в борьбе за установление, укрепление и расширение власти; главный критерий большевистской политики и социальной инженерии (способа организованного присутствия в мире) - воспитание актуальных и будущих подвластных; единственная действительная цель большевиков - глобальный и тотальный контроль над людьми и вещами.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ленинскую характеристику профессиональных революционеров («нового эксплуататорского класса», по определению М.Джиласа) в его работе «Что делать?», и трактовку философии в «Материализме и эмпириокритицизме» – средстве интеллектуальной унификации партийных рядов и всего населения.

Как понимать историю России в аспекте создания новой традиции? Большевики понимали собственную, российскую и всеобщую историю в соответствии с формулой: «Тот, кто контролирует настоящее - контролирует прошлое». История осовременивалась путем поправок и уточнений производно от логики ситуации и в соответствии с требованиями тактики здесь и сейчас. История была важным средством убеждения в верности актуальной интерпретации генеральной линии для достижения успеха в меняющихся ситуациях, определяющих тактику. Письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» "О некоторых вопросах истории большевизма» и «Замечания о конспекте учебника истории СССР» за подписью Сталина, Кирова и Жданова - важные свидетельства

инструментализма и презентизма в трактовке истории как нарратива об истории.

Таким же образом обстояло дело с традицией. В общем виде традиция – это единство трех тенденций: передачи накопленного опыта и знаний от одного поколения к другому; давления прошлого на настоящее; оценка прошлого ныне живущим поколением людей[124]. Отношение большевистской клики к традиции может быть определено как *универсальный синдром изменения* следующих феноменов: коллективной памяти и забытья путем постоянного заучивания и переучивания; толкования элементов традиции; лиц и событий в составе традиции; способов приспособления к актуальным выборам «союзников» и «врагов»; различий между реальной (трансляция образцов мысли и действия, полезных в борьбы за установление, укрепление и расширение власти) и мнимой традицией (декларации о преемственности идеалов эгалитаризма, интернационализма и критицизма).

Напомню, что ради доктрины идеологические дирижеры задвигали в тень С.Разина, Е.Пугачева, декабристов, А.Герцена, В.Засулич, Г.Плеханова, заменяя их Ю.Долгоруким, А.Невским, Д.Донским, И.Грозным, Петром 1, А.Суворовым и М.Кутузовым. Социальная инженерия требовала объединения «винтиков» для подготовки к войне с мировым капитализмом.

Каковы пункты сходства и различия СССР с прежними обществами и государствами всех времен и пространств, включая Россию? Сторонники разных концепций согласны в том, что большевики использовали наследство социальной инженерии царизма. В ней давно сложилась самодержавная политическая культура - связь периодических чисток элиты с держанием масс на коротком поводке и тактикой осадного положения. Большевики были апологетами и инженерами этой культуры. После реформ Александра 11 Россия постепенно отходила от культуры абсолютного господства. Большевикам было близко то, что связывало их стиль самодержавия с жестокими и грозными Рюриковичами и их наследниками при Романовых.

А.Солженицын в «Архипелаге Гулаге» обратил внимание на социальную близость «урок» и большевиков. С точки зрения социальной инженерии им были близки Малюта, Шувалов, Аракчеев,

[124] См.: Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990

Дубельт и Муравьев. На этой основе можно выделить ряд заимствований в большевистском управлении стройплощадкой, очищении советского сада от сорняков «измены», ведении войны с мировым капиталом и его социал-демократическими лакеями:

1. Универсальная самодержавная техника борьбы за взятие, укрепление и расширение власти, независимо от ее модификаций, времени и методов.

2. Современная техника политической игры (использование СМИ и других средств коммуникации между властвующими кликами, методов сбора информации обо всем на всякий случай посредством слежки, розыска, расследования).

3. Российская самодержавная техника борьбы с оппозицией (для предотвращения дворцовых заговоров) и восстаниями масс (гражданские мятежи и народные революции), а также техника нигилистического и террористического течения в русском революционном движении.

4. Специфическая техника тиранических режимов (включая революционные), которые прежде всего ликвидируют право на сопротивление (jus resictae) путем превентивных репрессий и постоянного наблюдения за лицами с оппозиционным образом мысли и поведения.

Ядром этой социальной инженерии была изобретательность большевистской клики. Ее политическая культура выражалась в особой социотехнике, в состав которой входят: создание институтов, целевой и реальной функцией которых является выработка и реализация программ воздействия на индивиды и группы; установки, навыки, ценности, цели, конвенции, процедуры, технологии, методы, директивы и операции проектирования и реализации программ; информация, знаки, символы и коды, используемые при обучении социальных инженеров и адресатов их деятельности; сравнение с определенным критерием уровня интеллекта, технологической исправности и технического оборудования в сфере проектирования и реализации программ; сравнение с определенным критерием характера отбора ценностей и решений о целях и задачах проектировщиков и реализаторов программ.

Социальная инженерия большевиков вытекает из революционного проекта - стратегического плана создания штурмовой бригады для захвата новых территорий-стройплощадок и создания новых

штурмовых бригад в войне за полное преобразование мира. Поэтому модель «машины и винтиков» М.Геллера удачно схватывает специфику этой инженерии. Замена (на мировом уровне) существующих обществ утопией реализованного ленинизма – такова цель, которая определяла и освящала способы и средства. Партия нового типа стремилась к этой цели независимо от расходов людей и вещей, состояния естественной среды и уровня жизни реализаторов плана. Следует подчеркнуть, что сами большевики часто подчеркивали сходство собственной аксиологии и технологии с другими.

Например, при назначении Дзержинского на пост председателя ВЧК Ленин обосновывал свое решение нуждой в настоящих революционерах-якобинцах. Сталин упрекал Эйзенштейна за то, что в фильме «Иван Грозный» опричники подобны членам Ку-Клукс-Клана. И поучал: люди, которые носят волчьи головы и метлы, - институт борьбы прогресса с реакцией. С их помощью Иван Грозный подавил заговоры изменников-бояр, недовольных реализацией программы периферийной трансформации Великого Княжества Московского в современную Российскую державу со столицей в Москве-Третьем Риме. В книге о холодной войне читаем: «На конференции в Ялте Франклин Д.Рузвельт спросил Сталина, что за человек в пенсне сидит напротив Громыко. «Ах, этот, - отвечал Сталин. - Это наш Гиммлер. Это Берия»[125]. Коба считал Орден Меченосцев предшественником и образцом большевистской партии с точки зрения иерархии статусов, ролей, посвящения и значения, хотя высказывался так в узком кругу лиц, в лояльности которых не сомневался.

Стройплощадка или ухоженный сад – таков способ мышления большевистских вождей о подчиненном им обществе.

Для доказательства приведу отрывок из популярной книги: «Освобожденная» Грузия напрасно старалась освободиться от своих «освободителей». Осенью 1921 и осенью 1922 года вспыхнули два восстания против большевиков. Оба были подавлены, но до мира все еще было далеко. Постоянно возникали волнения и конфликты. Советское правительство предложило Сталину поехать на Кавказ и объяснить своим землякам, что они играют с огнем. Сталин выполнил задачу. Перед отъездом чекисты и друзья устроили

[125] Zubok W., Pleszakow K. Zimna wojna zza kulis Kremla. Od Stalina do Chruszczowa. Warszawa, 1999, s.175

ему пышные проводы. Как обычно, ели шашлыки, пили кахетинское вино и говорили в который раз о «чистке Грузии». При этом соблюдались чисто кавказские обычаи. Избранный руководитель пира - тамада - провозглашал тосты и диктовал порядок. Также в соответствии с обычаем гостей обслуживал самый молодой из присутствующих. Он в молчании стоял позади, доливал вино и поспешно выполнял все указания тамады, пил только по его знаку. Когда в последний раз были наполнены вином рога (по старому грузинскому обычаю вино пьют из рогов), тамада, который до этого пил мало и говорил неохотно, хотя очень внимательно слушал, сказал по-грузински краткую заключительную речь. – Много сорняков накопилось в Грузии. Грузию надо перепахать! – так звучали его последние слова. Старые грузинские большевики Мдивани, Махарадзе, Орхелашвили в молчании проглотили вино и тост. Однако молодой помощник, нарушая кавказский церемониал, ответил тамаде: «Мы сорняки истребим, а Грузию перепашем» и одним глотком выпил вино, не ожидая разрешения тамады. Присутствующие вопросительно посмотрели друг на друга, но тамаде очень понравился такой ответ. Тамадой был Сталин, а его помощником Берия. После банкета Сталин уехал, а Берия на следующий день был назначен заместителем шефа Чека. Это произошло в конце 1922 года, когда Берии было только 23 года»[126].

Теперь еще одна цитата: «Наука не занималась исследованием ради исследования. Наука воспринималась прежде всего как средство обуздания мощных сил, которые обеспечивали тем, кто ими овладел, улучшение и дальнейшее совершенствование действительности, преобразование ее таким образом, который соответствовал человеческим планам и намерениям. Конструктивными образцами науки считались садоводство и медицина, а представления о нормальном здоровье и гигиене служили метафорами для социальных целей и стратегий их реализации. Предметом планирования и управления стали человеческая жизнь и человеческие контакты. Подобно садовым растениям и живым организмам, жизнь и контакты человека нельзя предоставить самим себе - в этом случае они зарастут сорняками и выродятся. С функциональной точки зрения садоводство и медицина – это две различные формы одного и того же типа активности - отделения полезных элементов (чтобы они могли

[126] Awtorchanow A. Zagadka smierci Stalina. Spisek Berii. Londyn, 1983, s.33-34

жить и развиваться) от вредных и бесполезных элементов, которых надо уничтожить»[127].

Здесь уместно напомнить, что Сталин сравнивал дирижера кадровой политики с садовником, который заботится о состоянии сада.

Таким образом, при анализе истоков большевизма надо учитывать идеи мыслителей Запада, а не только политическую традицию России. Я имею в виду следующий политико-мировоззренческий блок: теорию демократии как политического строя, в котором равенство предпочитается свободе (А.Токвиль); диагноз об эндогенности болезней и патологий цивилизации Запада (Ф.Знанецкий); концепцию массового человека (Х.Ортега-и-Гассет); концепцию преобразования либеральной демократии в массовую по мере роста иррациональности в функционировании политики (К.Мангейм); закон олигархизации политических партий (Р.Михельс) - преобразование массовых демократических движений в союзы под руководством олигархии, использующей автономную от масс бюрократию.

3.5. Метод «обустройства России»

Выведение социокультурного феномена большевизма только из туранской, византийской и иудейско-христианской цивилизаций не объясняют его характер. Большевизм – это *беспрецедентный* во всемирной истории демиург метода устройства общества. Большевизм создал цивилизацию, которая радикально отрицала все предшествующие. Отдельные аспекты большевизма сближают его с некоторыми мертвыми и живыми цивилизациями. Но как социокультурная формация («организованная философия практики», в терминологии А.Грамши) он является интенциональной и реальной альтернативой всем остальным методам устройства социальной жизни.

Большевизм - творец троевластия, связавшего в программе полного изменения мира экономическую, политическую и идеологическую власть, воспитание, строительство и войну с нетерпимостью к любым анклавам и маргиналиям. По сравнению со всеми другими обществами большевизм иначе решал вопросы истины, добра, здоровья, благосостояния, красоты, взаимоотношения права, морали, государства и гражданина. Для описания цивилизационной

[127] Bauman Z. Nowoczesnosc I zaglada. Warszawa, 1992, s.109

специфики мира реального социализма в большевистской модификации исходным пунктом может служить метафора и книга «Машина и винтики» М.Геллера. Такой подход особенно продуктивен в отношении к зрелому советскому обществу[128].

Лагерь – это характеристика всего общества, а не мест заключения[129]. Поэтому большевизм как социальная инновация требует пристального внимания историков и теоретиков. Большевизм создал «иной мир», ядром которого была партийный аппарат, а элементами – чекистская система контроля и коррекции, планирование производства и потребления, воспитание нового типа человека (homo soveticus, обогащающего таксономию культурной антропологии), милитаризация как метод обучения индивидов социальному поведению и одновременно - состояние перманентной готовности всех к «освободительным походам» ради завоевания новых стройплощадок (в соответствии с принципом «Будь готов – всегда готов!).

При создании этого «иного мира» частично воплотились предсказания Ф.М.Достоевского. Если использовать жаргон К.Юнга, архетипом советской власти является Фома Фомич Опискин из «Село Степанчиково и его обитатели». Он олицетворяет беспредельное самолюбие при полном ничтожестве. Именно такой тип человека приобретает авторитет при отсутствии публики, которая хочет и может пользоваться критической рефлексией. «Преступление и наказание» повествует о следствиях появления индивидов, оправдывающих свои действия логикой истории. Они решают, кто является сорняком, и кого надо уничтожить, поскольку он мешает новому обществу. «Бесы» повествуют о следствиях связи революционного радикализма с этическим нигилизмом. В «Братьях Карамазовых» описан атеизм не как следствие органического развития рационалистической традиции в лоне религиозной, а как специфически-русское мировоззренческое обоснование античеловеческих действий.

Я хотел бы провести параллель между указанными произведениями Достоевского и «уроками большевизма» как способа изме-

[128] См.: Экштут С. Предвестие свободы, или 1000 дней после Победы. М., Дрофа-Плюс, 2006

[129] См.: Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., Инфра-М, 2001

нения России и русских. В *Что делать?* и *Детской болезни левизны в коммунизме* Ленина дан образ революционера. В так называемой «Ленинской клятве» (которую я учил в школе) и *Экономических проблемах социализма в СССР* Сталина наиболее достойны внимания те фрагменты, в которых говорится о коммунистах как людях особого склада, скроенных из особого материала, об обязанности выполнить наказ Ленина по укреплению и расширению Союза Республик, для чего нужно укреплять Красную Армию и Красный флот, укреплять и расширять Коммунистический Интернационал - союз рабочих масс всего мира. Соотношение политики и морали при этом определялось идеей Ленина: морально то, что служит диктатуре пролетариата - насильственной и неограниченной никаким законом власти над врагами коммунистического порядка.

Метод устройства социальной жизни – это система техник и процедур модели, выбор которой принадлежит властвующей клике общества, в котором жизнь устроена по избранной модели. Геллер, Авторханов, Солженицын, Шаламов, Булгаков, Буковский, Зиновьев с разных сторон описали цивилизационный характер большевиков - творцов нового метода - и реального ленинизма.

Добавлю свое предложение к указанному списку авторов. В мировоззрении большевиков есть два типа на букву П:

1. Английский мистер Карл Поппер венского происхождения. Он дал такую интерпретацию Платона, согласно которой греческий философ является отцом-основателем традиции проектирования «закрытого общества». В таком обществе владычествует клика, связывающая деонтический и эпистемический авторитет. Первый вид авторитета – это предмет общеобязательных решений людей в сфере поведения, второй - предмет общих определений, связывающих людей в сфере представлений и воображений о мире.

2. Русский господин - ученый Иван Петрович Павлов рязанского происхождения, выходец из духовного сословия. Он создал теорию условных рефлексов и двух сигнальных систем. Эти теории позволяют связать социотехнику с двумя видами обучения: создание определенных условий; убеждение в форме «новояза».

Стало быть, буква П способна порождать не только термины одесского жаргона… В мировоззрении большевиков соединились Вена и Рязань, Карл и Иван, западная и русская традиции, филосо-

фия и наука. Английский мистер-философ родом из Вены и русский господин-ученый из Рязани выражают этого синтез.

3.6. Промежуточная рефлексия

Большевиков можно назвать также предшественниками А.Кардинера. Они предвосхитили его теорию, согласно которой сохранение идентичности социального порядка зависит от устойчивости и всеобщности «основной личностной структуры»[130]. Не исключено, что данная теория была известна и М.Геллеру, работа которого о машине и винтиках посвящена классическим темам Кардинера:

- «основной личностной структуре» советских людей, которая (в соответствии с моделью) формировалась на многих полях образования и социализации, при использовании множества техник контроля и корректировки;

- базисным институтам – организованным системам целенаправленной деятельности, которые действуют по определенной модели и плану образования, социализации и вмешательства для контроля и корректировки.

Деление советского общества под властью «внутренней партии» можно описывать по-разному. С точки зрения экономической социологии это общество делится на плановиков и исполнителей. Теория цивилизации при описании СССР позволяет использовать результаты политической и экономической антропологии. Образование и социализация процессов создания и воспроизводства «основной личностной структуры» в обществе нового типа связаны с такой практикой определения ситуации, при которой само определение есть элемент формирования ментальности ради успешного контроля представлениями и убеждениями.

Приведу фрагмент, в котором хорошо описан большевистский метод определения ситуации: «Если ты или я, или кто-то другой из нормальных людей в нормальных условиях захочет, к примеру, соврать, что потолок не белый, а черный, это покажется нам сразу крайне сомнительным. Мы начнем ходить вокруг да около, кашлять, указывать на тени в его углах, будем объяснять, что по существу он не совсем белый. Одним словом, мы будем пользоваться

[130] См.: Лефорт Клод. Формы истории. Очерки политической антропологии. СПб, Наука, 2007, с. 67-109

сложным методом, который в конечном счете не приведет к цели, поскольку никого не убедит в том, что потолок черный. А как поступают большевики? Они указывают на потолок и сразу говорят: «Видите потолок? Он черный как смола». И кончено – сразу доказали. Ты, наверное, думаешь, что людям важно, что истина совсем иная? А большевики на практике убедились, что истина вообще не имеет важности. Что утверждать можно все, что угодно, и утверждение зависит не от содержания, а от способа выражения. И вот мы видим, как они переходят к следующему этапу и говорят: «А теперь представьте, что есть подлые лгуны, враги любой научной истины, прогресса и знания, которые столь низко пали в своей никчемной лжи на деньги капиталистов, что осмеливаются врать в глаза, что потолок белый!» И собравшаяся толпа выразит свое возмущение, презрение и даже будет высмеивать очевидную ложь этих врагов истины»[131].

Думаю, мои соображения можно использовать при ответе на вопрос: почему марксизм был неудобен советской власти? Руководители силовых структур СССР получили негласное право устанавливать религию и идеологию потому, что они до сих пор исповедуют все ранее перечисленные стереотипы мысли и действия[132]. Эти стереотипы можно свести к той версии «русского вопроса», который упоминался в начале главы.

В версии литературных и идеологических холуев Сталина, а также их западных прихлебателей[133], «русский вопрос» - это проблема характера СССР с точки зрения западных ценностей. Однако в свете проблем, обсуждаемых в этой статье, «русский вопрос» - это проблема характера прошлого России и определения современной ситуации в стране вместе со сценариями поведения России в будущем.

При анализе большевизма нельзя уподобляться старым и новым «гимнюкам» (типа С.Михалкова, который трижды переписывал гимн СССР-России). Здесь нужна особая осторожность. Нельзя смешивать большевизм и Россию, признать Рюриковичей и Рома-

[131] Mackiewicz J. Droga donikad. London, 1989, s.107

[132] См., например: Николаев А.И. На переломе. Записки русского генерала. М., Современный писатель, 1998

[133] Под «прихлебателями» я имею в виду феномен американского «советоложества», детально описанный в литературе. См.: Бирман И. Я – экономист. М., Время, 2001, особенно главы 13-14

новых белыми, а большевиков – красными царями. Маркс и Энгельс к этому не имеют никакого отношения. Надо изучать генезис и следствия «Манифеста Коммунистической партии», а не искать разгадку большевизма в Тайной истории монголов (как предлагают старые и новые евроазиаты). Большевизм – лишь одна из версий марксистской практики, потерпевшая полный крах под влиянием проблем, порожденных самим большевизмом. Однако нет никаких оснований отождествлять ленинизм и большевизм с марксизмом, особенно с его советской версией.

Память об этом позволит избежать трех шаблонов:

- Сталинского изобретения троцкизма как мнимой ереси, которая ведет к измене марксистско-ленинской ортодоксии;

- Троцкистского изобретения сталинизма как уголовной девиации ленинизма – якобы приемлемой интерпретации марксизма;

- изобретения А.Грамши и Л.Альтюссером еврокоммунизма как феномена, который одновременно является и не является ленинизмом, а образует ленинизм без загрязнения российским ядом.

Однако указанные шаблоны мысли распространены в подавляющей массе социально-политической и исторической литературы как в России, так и в западных странах. Освобождение от них вызывает интеллектуальное и институциональное противодействие отечественных и европейских интеллектуалов и политиков.

Глава 4.
Интеллектуально-политические моды

Интеллектуальное сообщество современной России, - отмечает С.Кордонский, – это осколки аппаратов и экспертных институтов прежних и нынешних политических режимов (ЦК КПСС, Гайдара, Ельцина, Путина). Все они транслируют указанные мифологемы, мечтают вернуться во власть, заинтересованы в политических технологиях, а не знании. Политические мифологии базируются на трех мифологемах: *объективности знания* – убеждении, что реальность классифицирована, проанализирована и в целом уже объяснена; *конструктивности реальности* - убеждении в том, что социальное устройство кем-то сделано, сконструировано; *управляемости социальными процессами* - убеждении о том, что жизнь управляема; можно и нужно принять единственно верное решение; власть имущие этого решения не принимают и им надо объяснить, кто виноват и кого надо наказать. Большинство ученых-гуманитариев согласны с этими убеждениями.

Так называемые «современные проблемы» базируются на одной и той же схеме: лоббисты формулируют общую проблему, исходя из частных интересов руководителей здравоохранения, судей, преподавателей и пр. Затем эта формулировка транслируется в правительство, которое выделяет ресурсы на решение. Создается рабочая группа, пишется законопроект, который через правительство поступает в парламент, после вступления которого в силу под видом реформ наступает ад кромешный. Мозговые центры исходят не из реальных проблем, которые надо и можно решать, а из моделей реальности хозяйствующих субъектов, заинтересованных только в распиле бюджета[134].

Б.Капустин показал, что на развитии российской политологии отрицательно сказались коммерциализация и отсутствие критики как необходимого условия интеллектуальных инноваций (самые

[134] См.: Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. Под ред. В.Куренного. М., 2006, с.27-34

важные политические идеи всегда формировались теми, кто находился в оппозиции к статус-кво). Отсюда бесконечное топтание на парадигме «модернизации-либерализации-демократизации-глобализации». Большинство российских политологов используют третьесортный умственный материал советологии и постсоветологии, неспособны освободиться от злобы дня, выработать и сохранить дистанцию, нужную для критической рефлексии. Поэтому бесплодная оппозиция «западничества» и «славянофильства» опять воспроизводится в поле социогуманитарных знаний[135].

Как создать массив знания, невыгодного или неудобного ни большинству ученых-обывателей, ни властвующим кликам? Для ответа присмотрюсь к распространенным шаблонам мысли.

4.1. Шаблоны мысли

Концепт «заинтересованного лакейства». В массе интеллектуальной продукции распространено два шаблона: о том, что типы европейского интеллектуала и русского (славянского) интеллигента противоположны; о том, что русская интеллигенция играет особую роль в гармонизации отношений между властью и обществом. Для полемики с этими догматами и создания альтернативного проекта интеллектуала я предлагаю использовать:

Концепцию П.Джонсона – английского историка либерально-консервативного направления. Он поставил вопрос: соблюдали ли прошлые и нынешние властители дум в своей жизни идеологии, которые вырабатывали и пропагандировали? Для ответа П.Джонсон проанализировал следующие проблемы: первообраз интеллектуала; критика государства; частная жизнь интеллигенции; генезис художественной, интеллектуальной и политической богемы; отношение интеллигенции к деньгам, насилию и истине. На основании анализа указанных проблем П.Джонсон показал: никакого существенного различия между европейскими интеллектуалами и русскими интеллигентами не существует; «заинтересованное лакейство» фиксирует сходство данных типов[136].

[135] См.: там же, с. 65-67

[136] См.: Макаренко В.П. «Заинтересованное лакейство»: проблема сходства европейских интеллектуалов и русской интеллигенции // Гуманитарный ежегодник. Москва-Ростов-на-Дону, 2008

Обоснованное Г.И.Абелевым понятие «альтернативной науки». В СССР сложилась альтернативное научное сообщество, которое не смешивалось с официальным научным сообществом по причине разных ценностей и судеб. Оно соединяло свободу с поиском истины, чувствами долга, совести и достоинства в их вечном надындивидуальном измерении[137].

Политика как абсурд. Существует много пониманий политики. Я предлагаю:

В нормативном смысле использовать идею Х.Арендт о политике как сфере воплощения свободы, но дополняю эту идею антропологическим принципом политики: прежде всего речь идет о негативной свободе человека от своекорыстия, властолюбия и стремления к духовному господству. Этот принцип позволяет сравнивать все существующие системы власти и государства, но ни одну из них не превращает в идеал или критерий для сравнения с другими. Пока неизвестно ни общество, ни группа людей, в этом смысле свободных. Тем хуже для них…

В дескриптивном смысле рассматривать политику как воплощение абсурда и привожу для обоснования множество гносеологических аргументов[138]. Здесь я хотел бы обратить внимание на следующие тенденции:

Уже существует первичная классификация всей истории России XX в. по датам газетных публикаций (от 1 января до 31 декабря) с точки зрения абсурда[139]. Абсурд имеет непосредственное отношение к повседневной жизни (по этому вопросу существует богатая литература) и к политике СССР: «…абсурд состоял в том, что если человек строил государственную промышленность, добиваясь ее эффективности, его обвиняли именно в развале промышленности; если он отвечал за обороноспособность страны, в процветании которой был единственный смысл его жизни, его обвиняли в подрыве армии, в работе на иностранные разведки, в продаже секретов тем державам, против которых строилась оборона. Если человек отвечал за развитие науки, подбирал наиболее способные кадры, создавал им условия для максимальной отдачи сил, его обвиняли в

[137] См.: Абелев Г.И. Очерки научной жизни. М., Научный мир, 2006, с.274-279

[138] См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М., Праксис, 2002; Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М., Праксис, 2005

[139] См.: Безелянский Ю. Огненный век. М., Пашков дом, 2001

развале этой науки, в заведомом вредительстве и саботаже; если это был врач, боровшийся за жизнь своих пациентов, его заставляли признать, что подлинной его задачей было как можно скорее и как можно больше отправить людей на тот свет»[140].

Стало быть, социальная и политическая история СССР может рассматриваться как процесс вырождения профессионализма во всех сферах деятельности, включая политику. Влияние этого процесса на постсоветскую реальность тоже интересно[141]. Эмпирическим материалом может быть оппозиционная пресса, особенно циклы публикаций В.Шендеровича, А.Политковской, Т.Москвиной и других авторов [142].

Существует также теория абсурда. Ее онтологические аспекты намечены в трудах Д.Зильбермана[143]. В Цюрихском университете в 2001 г. прошла конференция, результаты которой опубликованы и включают разделы: теория абсурда; абсурд и общество; репрезентация абсурда в визуальных искусствах; грамматика абсурда; абсурд и литература; абсурд в науке; абсурд и философская мысль; абсурд и мистическая мысль; абсурд в фольклоре; абсурд на исходе XX века[144]. Логическим продолжением этого ряда будет тема «Абсурд и политика».

Концепт моды. Существует множество видов рефлексии о моде. Я понимаю *моду* в соответствии с теорией Х.У.Гумпрехта. Он развивает идею Г.Зиммеля о конформистско-индивидуалистической природе моды, которая позволяет одновременно вписаться в общество и дистанцироваться от него. Для объяснения этого феномена Гумбрехт описал исторические свойства моды[145] и вытекающую их них иллюзию: мода приводится в движение механизмами рынка и подчиняется воле его игроков.

---

[140] Никитин А. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. Москва, Аграф, 2000, с.133

[141] Но это не значит, что Российская империя была эталоном профессионализма, как пытается убедить нас целая серия книжной продукции под рубрикой «Империи». Противоположный ход мысли намечен в книге: Ливен Д. Российская империя и ее враги с ХУ1 века до наших дней. М., Европа, 2007

[142] См.: Шендерович В. Комментарий к событиям российской жизни (сентябрь-октябрь 2004 г.) // Континент. №№ 118-136; Политковская А. За что. М., Новая газета, 2007; Москвина Т. Энциклопедия русской жизни. СПб, Амфора, 2008

[143] См.: Гурко Е. Модальная методология Давида Зильбермана. Минск, Экономпресс, 2007

[144] См.: Абсурд и вокруг. Отв.ред. О.Буренина. М., Языки славянской культуры, 2004

[145] Исторические свойства моды состоят в следующем: периодичность изменений доминантных форм одежды; направление изменений определяется не индивидами, а интуицией

Загадочность моды определяется следующими свойствами: временный, злободневный характер; мода не стремится оказаться в авангарде современности; модельеры балансируют на грани между настоящим и будущим. Как же модельеры угадывают вкусы будущего сезона? Гумбрехт на этот вопрос отвечает так: индустрия моды навязывает потребителю новые формы и цвета; все нововведения абсолютно произвольны, для их изобретения не требуется ни таланта, ни чутья; модельеры придумывают формы и цвета, которые в будущем сезоне увеличат единомыслие и объемы продаж.

В мире моды новизна считается абсолютной ценностью. Но такой подход появился лишь в романтизме начала Х1Х в. На деле мода подчиняется капиталистическому императиву: не предугадывать, а провоцировать новые желания и потребности у потребителей. В итоге индустрия моды завоевала мировой рынок и добилась безраздельного господства.

Отсюда вытекает парадокс: в мире моды социальное признание и экономический успех не противоречат эстетической ценности; но при выборе индивидуального стиля попытка идти против течения не считается признаком хорошего вкуса. Основа моды - код принадлежности-исключенности: «Концентрируя все внимание на поверхностных слоях постоянно обновляющегося мира, любители моды никогда не пытаются ничего в этих слоях объяснить. У моды нет смысла. Если бы мода была наделена каким-то поддающимся расшифровке смыслом, ее приверженцам не хватило бы быстроты реакции, чтобы все время оставаться внутри той сиюминутной реальности, которая задается правилами их любимой игры»[146].

Для анализа данного парадокса в условиях России я предлагаю использовать идею В.Е.Кемерова, который описал особенности российской философской моды: неприязнь к логике - общее свойство русской и советской интеллигенции; равнодушие к методологии - общая характеристика профессиональных философов и обществоведов нескольких поколений, включая нынешнее; превалирование словесного творчества над анализом реальных проблем: «Журналисты, политики и чиновники постоянно говорят об исправлении общества, наведении порядка, сохранении единства Рос-

модельеров, обслуживающих рынок; модельеры представляют публике свои коллекции, которые должны вписываться в единый стиль, меняющийся от сезона к сезону.

[146] Гумбрехт Х.У. Три загадки моды // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Выпуск 1. Осень 2006, с.26

сии. Однако порядок, единство общества, сила государства – это *слоганы* из предвыборного жаргона, равно используемые различными политическими движениями. Порядок, единство общества и сила государства – это *проблемы,* которые еще нужно поставить перед людьми. Но для этого российской философии необходимо *разорвать дистанцию* (курсив мой, В.М.) с обыденным жаргоном и журналистской попсой»[147].

Эти констатации позволяют сформулировать общий вопрос: как «заинтересованное лакейство» проявляется в современной России и влияет на ее интеллектуализм? Для ответа на вопрос, анализа интеллектуально-политических мод и механизмов их воспроизводства я предлагаю использовать следующие положения теории моды: индустрия моды *навязывает* потребителю мнимо-новые формы интеллектуальной продукции; эти нововведения *произвольны*, изобретаются бездарями на вершине институтов производства идей и политико-мировоззренческих технологий; бездари-модельеры работают ради увеличения *единомыслия* граждан и *роста объема продаж* продуктов духовного производства; смысл большинства таких продуктов по меньшей мере дискуссионен.

4.2. Формы духовной продукции?..

В России на протяжении приобрели популярность множество интеллектуальных мод. Рассмотрю некоторые из них.

Хотя историософия является одним из суеверий Нового времени, оно существует до сих пор[148]. В настоящее время существуют следующие способы изображения истории России: хроника (с претензией на безоценочность); публицистика (отрицание принципа историзма, произвольное обращение с понятиями, категоричность оценок); сближение историографии с фольклором и художественной литературой (апология мистики, использование обыденного языка). Основой этих процедур служат разные концепции цивилизационной специфики России, содержание и реализация «русской идеи», «судьбы России». Стимулом такого изображения служит официальная концепция преемственности нынешней России с СССР и Российской империей: «В официозных дискурсах историо-

[147] Кемеров В.Е. О философской моде в России // Вопросы философии. 2000, № 11, с.9
[148] См.: Бохеньский Ю. Сто суеверий. М., Прогресс, 1993, с.72-73

софские «готовые формы» служат обоснованием геополитического позиционирования новой России при разработке идеальной модели многополюсного мира, аргументами в пользу ее особого положения между Западом и Востоком»[149]. Эти шаблоны превращаются в новые догматы веры при поиске новой государственной идеологии.

В таком русле работают неолибералы, неоконсерваторы, неоевразийцы, традиционалисты-почвенники. Все они эклектично соединяют историософию особого пути России со схемой политической историографии - описанием истории путем некритического соединения формационного и цивилизационного подходов. Большинство авторов обосновывают особую (цивилизационную, национально-культурную) идентичность России - выпадение из *нормы* при высоком духовном, нравственном, интеллектуальном, экономическом потенциале. Сюжет истории выстраивается из коллажа известных событий и персонажей. Но процедура «отнесения к известному» стирает дистанцию между исследователем и предметом и обусловливает легкость присвоения историческим понятиям произвольных значений, снимает проблему качественного и временного различения исторических событий. Для этого применяются стереотипы «уроки истории», «свое – чужое».

В историософии всегда присутствуют идеи континуальности событий, детерминизма (законы, закономерности, причинно-следственные связи), иерархической структуры «мирового исторического процесса» (цивилизации, эпохи, века, периоды, этапы), исторических типов и вневременных аналогий. Совмещение религиозно-этического, национально-культурного, национально-государственного, державно-имперского, геополитического измерений облегчают выбор и легитимацию базовых концептов и дискурсов. А стремление к правдоподобию реализуется за счет популярных политико-идеологических и социально-культурных концептов, которые выдаются за онтологические сущности.

Указанные построения неверифицируемы, нефальсифицируемы, самореферентны. Они используют старые схемы советского обществоведения - идеализм, провиденциализм, прогрессизм, мессианство, дидактика. Ссылки на модных авторов (от славянофилов и западников до Н.Бердяева и евразийцев) служат знаками концеп-

[149] Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсный анализ публикаций последних лет // Новое литературное обозрение. 2003, № 1/59, с.543

ций. Рабочие операции авторов в пространстве современных «историософских» («цивилизациологических») текстов – перекрестное цитирование и самоцитирование, использование непроблематизируемых слов-концептов и общей риторики – создают у читателя впечатление, что он приобщился к новому нормативному знанию. Используются стереотипы обыденного языка, знания и метафоры, что усиливает эффект реальности для потребителя текстов[150].

Новая историософия произвольно определяет смысл нескольких вербальных конструкций (Киевская Русь, принятие христианства, византизм, татаро-монгольское иго, ордынство, Московская Русь, Смута 1, петровская Россия, екатерининская Россия, самодержавие, Смута 2, сталинизм, Смута 3). При этом транслируется привычка мыслить в идеальном пространстве и условном времени (мировая, всеобщая история) и внеисторических клише (Россия, Запад, Восток, Азия, Европа).

Концепт российской цивилизации подразумевает некое онтологическо-телесно-духовное целое. Ее антропоморфизация осуществляется путем использования органицистских и биологических метафор (Гердера, Данилевского, Ильина, Бердяева, Гумилева и т.д.) для обоснования идеи единства российского суперэтноса как тела Российского государства: «Формируется апологетическая мысль о преемственности феноменов Державности и Империи в метаисторическом движении/восхождении Российской цивилизации через циклы»[151]. Тело государства персонифицируется в ряде личностей, а российская цивилизация сопрягается с телом русского народа в оппозиции к Западу.

Из этих посылок вытекают следствия: отказ от идеи прогресса (теории догоняющей модернизации), поскольку Россия не может подтвердить свое величие и державность социально-экономическими показателями; апология цикличного развития в рамках самоорганизующихся и самовоспроизводящихся территориальных, конфессиональных, духовно-психологических целостностей; опора на миф о коллективно-историческом, уникальном опыте народа, который выражается в «духовном складе», «националь-

[150] Например, прилагательное «русский» автоматически придает существительному новое значение. В либеральных концепциях слово «русский» прилагается к универсалиям (система, власть, популяция) и должно их преобразовать в новые (не западные) понятия. У неоевразийцев и традиционалистов-почвенников это слово приобретает статус сакрального.
[151] Зверева Г. Указ.соч., с.549

ном характере»; анализ настоящего и будущего государства и общества через культурно-историческое измерение.

Указанные процедуры выполняют полицейско-охранительную роль: «Новая *историография* ориентирована на поддержку атрибутов нового национального государства. Это выражается в активном использовании и семантической нагруженности концептов национальной культуры, менталитета, церкви, государства, державы, империи. Таким образом, она имеет «выходы» в современную социально-политическую практику и выглядит вполне прагматичной… В дискурсах отчетливо просматриваются связь новой «историософии» с «русским проектом» федеральной власти: постулируемая моноэтничность новой России подкрепляется идеей православной цивилизации, приверженности народа особым духовным и нравственным константам, которые якобы с древности определяют национальный (народный, общероссийский) характер, в том числе – такие его черты, как коллективизм, соборность; идея сильной вертикальной исполнительной власти и неактуальности концепта «гражданское общество» для России исходит из тезиса о переходности и пограничности российской цивилизации (третий путь), из исторического опыта Власти как системообразующего начала и из отказа от идеи «модернизации второго эшелона»; геополитические проекты многополюсного мира подтверждаются актуализированными неоевразийскими построениями, которые переводятся в практическую плоскость»[152]. Причем, большинство историков считают эти тенденции нормальными.

Итак, общие свойства постсоветской историософии состоят в следующем: методологическая неопределенность и охранительный характер; под видом новых выступают старые концепции, поскольку они идеологически близки власти, а в редуцированном виде не отличаются от формационного подхода, приправленного либеральной лексикой; имитация идеологического консенсуса, которого нет в российском интеллектуальном сообществе; отсутствие критериев взаимных оценок и продуктивного диалога. «В конечном счете построения новой *историософии* в постсоветской России выглядят попытками генерации и закрепления такого научно-публичного дискурса, который претендует на академическую нормативность в изменяющемся пространстве социально-гуманитарного знания и

[152] Там же, с.553-554

одновременно, в условиях становления российской государственной идеологии, стремится принять на себя властные догматические функции в общественной сфере и образовании»[153].

Н.А.Косолапов показал, что в этом дискурсе геополитика (далее ГП) занимает одно из главных мест и описал ее свойства[154].

Отрицание развития. ГП рассматривает историю как броуновское движение и непрерывную смену гегемонов. Формационный подход считает развитие неизбежным, цивилизационный - допустимым (у каждой цивилизации своя дорога; развитие состоит из множества дорог; все идут в разных направлениях). ГП исключает всякую магистраль развития.

Объяснение движущих сил внешней политики государств и динамики международных отношений (далее МО) множеством факторов (географическое положение, размеры, климат, топография, природные ресурсы, демография, уровень технологического развития, военно-экономический потенциал). В период появления ГП господствовала история дипломатии, всеобщая история (реестр войн и договоров) и нормативно-правовой подход. ГП (наряду с марксизмом и политическим реализмом О.Бисмарка-М.Вебера) была одним из направлений критики нормативного подхода. Но идеи классиков англо-американской ГП не подтвердились опытом политического развития в XX в. Только после распада СССР США обретают возможность контроля над мировым океаном.

Использование науки для обслуживания целей и интересов государства. По этому пути пошла германская ГП, в рамках которой родилась концепция «жизненного пространства». После прихода Гитлера к власти К.Хаусхофер стал советником по внешней политике. К чему привели эти советы – известно.

ГП не объясняет истории, а выступает апологетом внешней политики империй (Великобритании, Германии, России, США) и предшествует официальным политико-стратегическим доктринам второй половины XX в. ГП пытается объяснить только межимперские отношения эпохи. Но имперские правящие клики и специалисты-геополитики всегда пренебрегали интересами населения, проживающего в регионах противоборства империй. Эффективность

[153] Зверева Г. Указ.соч., с.556

[154] См.: Косолапов Н.А. О месте политики в эпоху глобализации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2003, № 4, с.128-151

политики в истории зависела от стихийного равновесия интересов империй. В настоящее время США оторвались от всех и претендуют на глобальную империю. А глобальная империя отрицает ГП: «…мир перерос имперские формы организации физического и социального пространства, а тем самым и геополитику; геополитическая модель неприменима более к описанию и пониманию реалий сегодняшнего и завтрашнего мира. Обращение к геополитике означает в духовном смысле риск очутиться среди идейной реакции, а в практическом – опасность обречь внешнюю политику своей страны в лучшем случае на неэффективность, в худшем – на тяжелейшие стратегические просчеты»[155].

В этом контексте и возникла идея глобализации. Речь идет о следующих процессах: формирование целостной экономики, опирающейся на транснациональные банки и корпорации как субъектов экономических отношений; международно-политическое оформление целостности ведет к дальнейшему ограничению суверенитета государств, занимающих второе и последующие места в фактической иерархии субъектов МО; стремление США и Англии воспользоваться этими процессами. После распада СССР ушла в прошлое дихотомическая модель глобализации. Она базировалась на военно-политическом и военно-экономическом противоборстве либерализма и коммунизма - крайних течений западной общественно-политической мысли и практики. Но в последние десятилетия рушится также Вестфальская система с идеей суверенитета и глобальной суперимперии Габсбургов, основанной на единстве светской и духовной власти. Снова повышается роль идеологий и религий. Размываются признаки государства как субъекта МО. Возникает мировая политика с новыми субъектами (транснациональные банки и корпорации, международные организации, политические движения и союзы, международная организованная преступность).

Политико-стратегическая глобализация - это процесс формирования супра-национальной общности, нормы и правила которой претендуют на приоритет над государственными. Эта общность складывается под влиянием: экономического обмена стран, транснациональных корпораций, коллективного нормотворчества; желания самой развитой части мира сделать процесс глобализации кон-

[155] Косолапов Н.А. Указ.соч., с.138

тролируемым; интересов и идей одного субъекта глобальных отношений. После 2000 г. США возглавили третий процесс. Они хотят воплотить идею Габсбургов - создать суперимперию и построить глобализацию на неоимперских началах. Возникает система глобального неформального господства США в мире – глобализация по понятиям, а не по международному праву.

Отсюда вытекают общие тенденции глобализации: одновременная ликвидация и распространение Вестфальской системы МО на весь мир; словесное признание и реальное ограничение суверенитета государств; МО номинально остаются светскими (не подвластными церкви и идеологии), а на практике реидеологизируются; законным признается только то, что укладывается в формулу «экономический либерализм – политическая демократия – военно-политический союз с Западом – вера в Бога»; вся эта связка и каждая ее часть есть идеология, утверждаемая в мире с мессианской самонадеянностью и фанатизмом; словесная терпимость к нехристианам на практике обостряет конфликт с мусульманами; стремление США и НАТО реализовать идею суперимперии. «Если … эта идея окажется реализованной, глобально-имперский миропорядок постигнет судьба всех его предшественниц-империй: продержавшись некоторое время, он будет взломан силами внутренней трансформации и надолго уступит место господству субглобализационных явлений и процессов всех типов и уровней»[156]. Тем самым понятие *«многополярного мира»* научно бессодержательно.

В настоящее время идет борьба трех моделей глобализации: стихийно- демократической (охлократический антиглобализм); олигархической (члены большой восьмерки и ЕС); авторитарной («программирующее лидерство» США). Эти модели осложняются становлением мирового общества (*world society*) и международного сообщества (*international community*). Субъектами первого выступают государственные элиты, второго – международные организации. Из-за переплетения интересов данных субъектов измена Родине стала универсальной: «Человек, личные накопления которого связаны с мировой экономикой и часто размещены за границей и/или в иностранной валюте; администратор, назначение и функции которого подчинены внутренним правилам транснациональной корпорации или существенно связаны с ними; политик, обязанный

[156] Там же, с.144

принимать во внимание не только интересы своего электората внутри страны, но и позиции различных сил и тенденций в мире; режим, легитимность которого изначально связана или в реальном масштабе времени во многом зависит от сил и процессов внешнего мира – все эти и подобные им явления, массовые и заурядные в мире даже уже последней четверти XX в., были бы немыслимы в системе геополитических отношений и несовместимы с ней, рассматривались бы в системе этих отношений однозначно как измена «своей» стране»[157].

Положение локальных элит двусмысленно: они первыми приобщаются к благам глобализации и действуют в ущерб интересам своих стран и народов; они зажаты в «клещи» между требованиями местных ортодоксов сохранять уклад, веру, традиции и образ жизни и требованиями мирового сообщества все больше открывать глобализации экономику и социальные отношения своих стран. Эти элиты коррумпированы, заняты выяснением отношений кланов и группировок, разжигают конфликты на этнической почве. Так вели и продолжают себя вести союзная и республиканские элиты накануне и после распада СССР. И такое поведение локальных элит – благо и цель для любых империй.

Глобальные элиты тоже стимулируют конфликты, связанные со стремлением удержать на долгую перспективу роль государства-лидера в системе МО. Они культивируют разрыв между лидером и ближайшими к нему странами и сползание все большего числа стран в состояние торможения, нулевого развития и регресса[158]. Провоцируют и создают направляемые конфликты для построения глобального миропорядка («программируемое лидерство» США дополняется «просвещенным неоколониализмом» ЕС). Одновременно во многих странах созрели силы, все громче призывающие: «Барин, приди и рассуди!». Новейшая волна колониализма движима снизу настоящими и будущими локальными элитами.

Отсюда вытекают следствия глобализации: ограничение суверенитета государств и сведение его к функциональным аспектам; рост полицейских функций государств; зависимость развития и

[157] Там же, с.145

[158] Возникает риск «…бунта одичавшего большинства против резко и далеко оторвавшейся от большинства человечества «глобальной» элиты, к числу которой могут оказаться причислены не только отдельные социальные страты, но целые страны и народы». Там же, с.146

стабильности от внешних инвестиций, из-за чего внешний мир может влиять на направление и темпы развития большинства государств; трансформация системы былых МО в глобальные и становление последних как нового вида социума, состоящего из государственных элит; приватизация функций государства (безопасность, оборона, социальная поддержка населения) транснациональными корпорациями, частными вооруженными формированиями и др.; международно-политическое оформление глобализации; попытка создания суперимперии США или развитого мира ЕС обречена на неудачу с труднопредсказуемыми последствиями; но эта попытка требует опоры на идеологию, подкрепляемой экономикой, технологией, военным делом, культурой, потребительским потенциалом ее носителей.

Н.А.Косолапов констатирует: в целом геополитика и глобалистика – важнейший признак того, что в мире наступила фаза глубокой, агрессивной и мощной идейно-политической реакции. Распад СССР не изменил систему МО, но стимулировал кризис левой идеи. С начала 1980-х гг. правые силы господствуют, а левые им прислужничают[159]. Перспективы изменения данного положения вещей становятся все более туманными.

Основным звеном в идейно-политической реакции выступает культурно-цивилизационный подход (далее КЦП). Он породил горы литературы – от школьных учебников до научных монографий и политических речей. Авторы всей этой продукции пренебрегают общими характеристиками КЦП: он отражает кризис исторического познания, концепции рациональности, разрыв классической и современной теорий познания, гносеологии и аксиологии; его риторика смешивает научные, мифологические и спекулятивные утверждения; радикализирует противоположные типы рефлексии: история очищается с помощью понятий (культурно-исторические типы, цивилизационный процесс, мировая цивилизация и т.п.) или познание очищается процедурой понимающего описания с помощью понятий (душа, лицо, стиль культуры, текст, дискуссия, эпи-система и т.д.); транслирует традиционное противопоставление фактов и ценностей; его философские посылки размыты, отвергают идеал истинности, отличаются многозначной семантикой.

[159] См.: Левые в Европе XX века: люди и идеи. М., 2001, с.398-425

КЦП - это идеология, выступающая средством рационализации и иррационализации противоречия между сущим и должным. Его познавательная функция включает универсалистские теории, тогда как адаптивная замыкается в смыслах отдельных культур. Поэтому семантика и семиотика КЦП дуалистичны и тенденциозны. КЦП – модус сервилизма науки перед властью[160].

Кроме того, в постсоветской России культурология стала формой выживания философии. Отцы-основатели советской культурологии (С.Аверинцев, А.Гуревич, М.Петров и др.) разрабатывали ее для противостояния советскому официальному дискурсу. Большинство современных культурологов не могут выдерживать определенный дискурс и соответствовать философскому уровню анализа. Культурология методологически несостоятельна. Она - дитя тоталитарной системы идеологического воздействия. Для обозначения этих свойств КЦП В.Савчук ввел понятие «культурала», конечная цель которого - популярность, обретение власти. Культурал подписывается под чем угодно, лишь бы вызвать интерес у теле- и аудиоаудитории. Он обращен к массовому, а не профессиональному сознанию. Его сверхзадача – удержать внимание и удержаться в кадре. Ради прибыли символического капитала культурал готов на все: «Культурал - производное системы, сети режима актуальности»[161].

Не менее важны политические следствия КЦП.

Концепт цивилизации – это *империализм фантазии*. Ренессанс делил Европу на север и юг, Просвещение - на запад и восток. Просвещенческая концепция цивилизации обосновывала колонизацию и захваты, устанавливая между землями вымышленную связь. «Прежде чем родиться на карте, Восточная Европа родилась в головах просветителей»[162]. Восточная Европа и Россия как ее часть возникла как интеллектуальная конструкция - набор хаотических наблюдений, которые связывали воедино совершенно разные земли и народы.

---

[160] См.: Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып.4. М., 1997; Наука и квазинаука. Под ред. В.М.Найдыша. М., Альфа-М, 2008, с.262-263

[161] Савчук В. Режим актуальности. Актуальная философия. Издательский дом СПбГУ, 2004, с.22

[162] Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., НЛО, 2003, с.517

Из Парижа Восточная Европа казалась идеальным полем для деятельности просвещенных монархов: деспотизм располагался на безопасном удалении, а философы могли помогать мыслью, советом и «планом цивилизации». Восточная Европа создавалась как опытное поле, где Просвещение могло претворять в жизнь свои социальные теории и политические мечтания[163]. Интеллектуальное господство Просвещения выразилось и в наименовании народов Восточной Европы – они получали имя в результате скрещения этнографии, антропологии, фольклора и расовой теории. В результате древнее представление о существовании восточных варваров (скифы, сарматы, славяне) было перенесено в ХУШ столетие. Тем самым «…дипломатия, картография и философия образовали треугольник, признавая, подтверждая и оправдывая друг друга… Изобретая Восточную Европу, Просвещение … создавало культурный контекст для амбициозных проектов порабощения, осуществлявшихся и в ХУШ веке, и позднее»[164]. Для поддержки завоевательной политики были мобилизованы английские, французские, немецкие и американские ученые. В XX в. такой подход к цивилизации развивали германские геополитики, американские культурологи (типа С.Хантингтона) и политологи (типа З.Бжезинского) и множество их последователей в сфере теории цивилизации.

Итак, деление Европы на Западную и Восточную – искусственный интеллектуальный продукт. «Восточная Европа» - это анахроничная, искусственная категория, хотя она до сих пор удобна по аналитическим и идеологическим соображениям. В современном Гарвардском университете воспроизводится стремление физиократов ХУШ в. разрабатывать рецепты для Восточной Европы и России.

Концепт цивилизации – иллюзия[165]. Его влияние на мировой процесс колонизации и современную ситуацию в России детально

[163] В России все еще предстоит создать (по мнению Вольтера); разрушить и создать заново (по мнению Лемерсье); в любом случае это пространство открыто для любого, «кто пожелает составить правильный план для преобразования здешней формы правления» (по мнению Руссо).

[164] Вульф Л. Указ.соч., с.523-524

[165] Вольтер в письмах Екатерине 11 предлагал «упорядочить хаос» - как интеллектуальную и военную цель. И царица ее реализовала в путешествии: «Иллюзорные превращения деревенских хижин в дворцы, потемкинских деревень в город подчеркивали самую главную иллюзии екатерининского путешествия в Крым, иллюзию цивилизации». Там же, с.205

исследовано М.Ферро[166]. Я предлагаю дополнить его выводы результатами анализа имперских внешнеполитических идеологий[167]. Между российской и западноевропейской территориальными экспансиями Х1Х в. существуют параллели: вслед за Британией и Францией Россия присоединяла земли, расположенные на другом континенте; оценивала завоеванные азиатские территории как отсталые и слабо развитые; ощущала собственную цивилизаторскую миссию; соперничала с другими европейскими колониальными державами.

Русская дипломатия в Азии ориентировалась на несколько идеологий:

1. Конкистадорский империализм - Азия рассматривалась как объект завоевания ради завоевания. Самым последовательным приверженцем этой идеи был Н.М.Пржевальский. Свои изыскания в Центральной Азии он считал «научной рекогносцировкой», предлагая повторить в этом регионе подвиги Кортеса с деньгами в кармане, штуцером в одной и нагайкой в другой руке, присоединить Монголию, Синьцзян и Тибет, воспользовавшись слабостью Китая[168].

2. Восточничество – вариант славянофильской идеологии, в котором подчеркивалось азиатское наследие России. Идеологом этого движения был князь Э.Э.Ухтомский. Он считал, что два века владычества монголов сблизили Россию с Востоком. Русская душа

---

[166] См.: Макаренко В.П. Колониализм: взгляд из сегодняшнего дня // Общество и экономика. 2002, № 8-9

[167] См.: Схиммелпеннинк ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // Ab Imperio:теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001, № 1-2, с.211-226. Под идеологией имеется в виду система идей о политике, обществе, поведении класса (группы), которая (система идей) оправдывает определенные действия.

[168] Например, при описании первого путешествия в Центральной Азии Пржевальский приводит такой эпизод. При встрече с местным князем тот начал расспрашивать про Россию: «Какая у нас религия, как обрабатывают землю, как делают стеариновые свечи, как ездят по железным дорогам и, наконец, каким образом снимают фотографические портреты. «Правда ли, - спросил князь, - что для этого в машину кладут жидкость человеческих глаз? Для такой цели, - продолжал он, - миссионеры в Тянь-дзине выкалывали глаза детям, которых брали к себе на воспитание; за это народ возмутился и умертвил всех этих миссионеров»». Пржевальский Н.М. Путешествия. М., Детгиз, 1958, с.96. Поэтому местное население резонно подозревало русского путешественника в тайных целях путешествия, определяя всех европейцев без различия наций как «заморских дьяволов». В свою очередь Пржевальский сообщал, что местное население крестится исключительно из-за материальных выгод, а «…репутация хорошего стрелка производит на азиатцев чарующее впечатление». Там же, с.177. См. также с.109, 248

ориенталистична, отторгает грубый материализм и одобряет автократическую власть. Русский царь – это современный хан. Ухтомский предлагал: воссоединить Россию с Китаем, поскольку Восток является слабым, отсталым и зависимым, а Запад воплощает зло республиканизма, атеизма и революции; отвергал военные средства - народы Азии сами тянутся к династии Романовых (в Азии для России нет границ, кроме необъятного синего моря); призывал к неограниченной экспансии на Восток ради единства России с Востоком перед лицом Запада. Эта идеология ушла под воду вслед за Балтийским флотом в Цусиме. Но после революции возродилась в «евразийстве», которое сегодня тоже существует в России.

3. Мирное проникновение – рост влияния России на Востоке мирными экономическими средствами. Главным идеологом был Витте С.Ю., который навязывал свое мнение силой и определял политику Петербурга в Азии. Его идею экономики как движущей силы внешней политики возродил В.И.Ленин после 1917 г. Сегодня та же идея пропагандируется русскими либералами.

4. Имперское видение военного министра А.Н.Куропаткина. По его мнению, империи должны заниматься не столько завоеваниями, сколько самозащитой. Аннексия чужих территорий не исключалась, но только ради укрепления границы против потенциальных нападений со стороны соседей. Он объединил в своей концепции европейские представления о противостоянии рас, культурный пессимизм и социальный дарвинизм с традиционной идеологией пограничья. Предупреждал о «желтой опасности» (трактовку которой тоже позаимствовал на Западе), сближая расу и религию. Предлагал в XX в. создать «…союз народов белой расы против народов желтой расы и чернокожих. Деление на эти две группы будет близко отвечать и делению на две группы по религиозным верованиям. В одном лагере будут христиане, в другом язычники. По причинам религиозным и политическим, особенно если столкновение белой и желтой рас ознаменуется первоначально успехами желтолицых, магометане могут соединиться с язычниками, чтобы общими усилиями свергнуть иго белолицых христиан. Тогда на каждого христианина будет приходиться два врага не христианина»[169]. Эта идеология сегодня воспроизводится в публикациях об угрозе «исламского фактора».

[169] Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., Полигон, 2003, с.351

Таким образом, под прикрытием цивилизации внешняя политика России/СССР воплощала элементы разных идеологий в зависимости от личных пристрастий, конъюнктуры и изменения политического курса.

Иллюзия цивилизации переплелась с использованием науки для маскировки колониальной политики. Показательный пример - борьба Англии и России в Средней Азии на протяжении от Петра 1 до заключения англо-российского договора 1907 г. В частности, экспедиция по захвату Хивы в 1839 г. была обусловлена тем, что Перовский хотел, чтобы англичане поглубже увязли в афганской авантюре и не смогли бы протестовать против аналогичной деятельности Санкт-Петербурга по смене властителя в Хиве[170].

В декабре 1864 г. министр иностранных дел России Горчаков распространил меморандум, в котором проводились параллели между отношением России к Центральной Азии и отношением Англии, Франции, Голландии и Америки к их колониальным владениям: «Позиция России в Центральной Азии, - гласил документ, - является точно такой же, как у всех цивилизованных государств, которые вступили в контакт с поселениями полудиких кочевников, не обладающих никакой определенной социальной организацией. В таких случаях более цивилизованное государство, как правило, вынуждено в интересах безопасности своих границ и коммерческих отношений осуществлять некоторое господство над теми, чей буйный и неуравновешенный характер делает их нежелательными соседями. В свою очередь, недавно умиротворенные регионы нуждаются в защите от грабежей племен, находящихся вне закона, и так далее. Вот почему российское правительство вынуждено было насаждать цивилизацию там, где варварский способ правления вызывает страдания народа, и оберегать свои границы от анархии и кровопролития. Такова судьба любой страны, которая оказывалась в подобном положении. Британия и прочие колониальные державы были неумолимо вынуждаемы не столько амбициями, сколько на-

[170] «Если бы стали просачиваться слухи о приготовлениях, то экспедицию надлежало официально характеризовать как «научную», направляющуюся для изучения Аральского моря, лежавшего как раз на пути. Действительно, в последующие годы «научные экспедиции» часто служили прикрытием активности русских в Большой Игре, тогда как англичане предпочитали посылать своих офицеров с аналогичными заданиями в «свободный поиск», что позволяло при необходимости от них отречься». Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. М., Рипол Классик, 2004, с.256

стоятельными потребностями к дальнейшему распространению своих владений. Самая большая трудность – принять решение остановиться. Мы будем признательны, если ведущие государства, у которых меньше нерешенных вопросов и выше организация, установят для нас с географической точностью пределы, на которых мы должны остановиться». На деле Горчаков просто хотел выиграть время для правительства. Российские завоевания не остановились на обещанных Горчаковым рубежах и продвинулись еще дальше на юг»[171].

Итак, под прикрытием разговоров о цивилизации европейские страны (включая Россию) расширяли свои владения. Концепт цивилизации маскировал двойную политику России. После меморандума Горчакова полковник М.А.Терентьев в книге «Россия и Британия в борьбе за рынки Центральной Азии» обосновывал необходимость агрессии. Позицию военных выразил генерал Скобелев после взятия крепости Геок-Тепе. Три дня он позволял пьяным войскам насиловать, грабить и резать. А в оправдание своих действий заявлял: «Я придерживаюсь того принципа, что продолжительность мира находится в прямой зависимости от резни, которую вы устраиваете врагу. Чем сильнее вы на них давите, тем дольше они сидят тихо». Это, утверждал он, куда более эффективный метод умиротворения неприятных соседей, чем традиционный британский, использованный Робертсом в Кабуле: публичное повешение главарей порождает только ненависть, а не страх»[172]. После аннексии Мерва русские ответили: «это произошло по требованию туркмен, которые пожелали, во-первых, покончить с состоянием анархии, а во-вторых, наслаждаться благами цивилизации»[173].

Стало быть, концепт цивилизации обслуживал связь дипломатии, шпионажа и военщины: «Это подтверждается другими примерами стратегии двойной политики России. Одна, исходящая из Санкт-Петербурга, была официальной и склонной к компромиссам. Другая, неофициальная и агрессивная, была в употреблении внутри страны, хотя при необходимости всегда могла быть дезавуирована»[174]. В то время граница была неопределенной линией на еще более сомнительной карте. Россия из завоеванных ханств создавала

[171] Хопкирк П. Указ.соч., с.365-366
[172] Там же, с.476
[173] Там же, с.486
[174] Там же, с.429

Центрально-Азиатскую империю. После взятия Коканда в 1875 г. оказалось: русские за десять лет аннексировали территорию размерами в половину Соединенных Штатов. Но официальное заявление гласило: царь Александр «уступил пожеланиям жителей Коканда стать российскими подданными». На деле большинство населения выступало как против русских, так и против их местных марионеток. А местные царьки (типа Якуб Бека) стравливали могучих соседей, используя их взаимную ревность, чтобы сохранить свои позиции[175].

4.3. Духовный неосоветизм – отрыжка или состояние?

Такая военно-политическая диалектика претерпела модификацию во внешней политике СССР. Эта политика базировалась на двух китах: явном (через Наркомат иностранных дел) и тайном (через Коминтерн и разведку). В середине 1920-х гг. сформировалось три главных принципа внешней политики нового государства: 1. СССР – оплот мировой революции; его укрепление равносильно укреплению революционного движения во всем мире; во имя СССР можно жертвовать революциями и партиями в других странах. 2. Мировая война между социализмом и капитализмом неизбежна, поэтому международное коммунистическое и рабочее движение есть резервная армия СССР. 3. Капиталистические страны – враги СССР, поэтому в их отношении надо проводить такую политику, которая сочетает шпионаж и подрывную деятельность с поддержанием нормальных дипломатических и торговых контактов[176].

Внешняя политика СССР воспроизвела политику Российской империи. Этот вывод обоснован во множестве исследований. Приведу пару свежих.

Бывший разведчик Э.Генри в середине 1960-х гг. написал записку в ЦК КПСС, но она увидела свет более 50 лет спустя. Я не буду сейчас анализировать подводную часть этого «айсберга» и выяснять идейные, политические, институциональные и конъюнктурные аспекты мировоззрения автора и публикаторов текста[177]. А

[175] Там же, с.414-417

[176] По этому вопросу существует громадная литература. Укажу одну из свежих книг: Фирсов Ф. Секретные коды истории Коминтерна. 1919-1943. М., АИРО-XX1; М., КРАФТ+, 2007

[177] Не исключено, что все эти аспекты можно свести к заключительным строчкам

только покажу, что даже записка позволяет отвергнуть стереотипы советской (и постсоветской) историографии и пропаганды. В целом Сталин проводил политику, которую «…он считал гениальной, выдержанной на уровне самого Талейрана, - политику перекройки карты мира не путем революций, как это предвидел Ленин и как этого ожидало международное рабочее движение, а путем тайного, закулисного сговора с империалистами»[178].

Такая политика была следствием сталинского ума: «Этот ум, столь натренированный в тактике подспудной внутрипартийной борьбы с помощью органов, в области международных отношений никогда не взлетал выше довольно тривиального восточного талейранства. Мысль Сталина всегда стелилась по земле; отсюда, как и от полуобразованности, ограниченность его политического зрения. Реальным и реалистическим во внешней политике Сталин, как правило, считал то, что лежало ближе всего на поверхности, например, поближе к государственным границам. Он подходил к мировой политике именно так, хотя в середине XX века прежние измерения политической мощи и безопасности великих держав на основе ситуации у их непосредственных границ уже были в значительной мере аннулированы на практике военной и политической техникой». «Вместо большой международно-революционной политики он проводил малую великорусскую политику – ту, которая в сущности исходила из таких же близоруких и давно отброшенных жизнью установок, что старая политика царей». «Он никогда в действительности не верил в рабочий класс, верил только в себя, в вооруженные силы, в хитрость, да еще в репрессивные органы. А для международной политики репрессивных органов было недостаточно». «Полицейская точка зрения всегда имела немалое значение в отношении Сталина к вопросам и людям международного коммунистического движения»[179].

заслуженной красноармейской песни:

С отрядом флотским
Товарищ Троцкий
Нас поведет
В последний бой!...

[178] Генри Э. К вопросу о внешней политике Сталина (записка). Прометей. М., «Русский раритет», 2007, с.33. Недаром Сталин так восхищался Талейраном и даже помиловал сидевшего в тюрьме историка Тарле, который написал книгу о Талейране в расчете на Сталина.

[179] Там же, сс.37-38, 41-42, 73

В итоге проведения сталинской внешней политики произошло территориальное расширение СССР на западе и востоке. Однако это вызвало ряд следствий: 1. Запрет на народно-демократическую революцию во Франции. В результате – спад революционной волны по всей западной части европейского континента после разгрома фашизма. 2. Восстановление буржуазных режимов во всех находившихся в руках Гитлера европейских странах за пределами зоны советской оккупации. 3. Стремительное возрождение реваншистского германского милитаризма за Эльбой. 4. Заключение военного союза между Западной Германией и великими державами капиталистического мира. 5. Неудача попытки овладения Западным Берлином. 6. Спад послевовенной революционной волны в Италии и Греции, утрата важнейших позиций у Адриатического и Эгейского морей. 7. Распространение политики культа на новые социалистические государства в Европе. В результате – сотрясения внутри новой социалистической системы в последующие годы (мятежи в Берлине и Венгрии, волнения в Польше, разрыв с Югославией, осложнения с Румынией, переход Албании в китайский антисоветский лагерь). 8. Прекращение сотрудничества военных лет между СССР и США, Англией, Францией, переход к длительной и изнурительной «холодной войне». 9. Распространение культа на Азию, поощрение маоцзедуновской диктатуры внутри китайской компартии. В результате в последующие годы – возникновение нового антисоветского лагеря в Восточной Азии и раскол мирового коммунистического движения. 10. Безуспешная атака на национальную буржуазию в Индии, Индонезии, Бирме, Малайе, на Филиппинах. В результате - отсрочка сближения между СССР и азиатским нейтрализмом. 11. Безуспешная атака на буржуазию Турции и Ирана. В результате – присоединение стран Ближнего Востока в антисоветскому Багдадскому пакту (ныне СЕНТО). 12. Безуспешная атака на японскую буржуазию. В результате – дальнейшее сближение Японии с США. 13. Безрезультатная война в Корее, способствовавшая новому сплочению антисоветских сил в капиталистическом мире. 14. Объединение всех империалистических государств в мировой антикоммунистический блок НАТО-СЕНТО-СЕАТО-АНЗЮС, вслед за окончательным провалом попыток антианглийских кругов в Вашингтоне договориться со Сталиным о прямом американо-советском соглашении относительно Германии. 15. Систематиче-

ское дальнейшее ухудшение советско-американских отношений. 16. Спад окрепших в годы войны просоветских настроений среди широких масс капиталистического мира в результате внутренней и внешней политики СССР.

Таков баланс. В итоге СССР попал в двойную осаду: антисоветский блок на Западе; антисоветский социализм в Азии. Никакой объективной необходимости попасть в такую осаду не было. Туда завела только внешняя политика Сталина. Поэтому вся внешняя политика Сталина (до и после второй мировой войны) – сплошной провал[180].

На первый взгляд, записка выглядит посмертным политическим иском старого Коминтерновского волка «вождю народов и другу физкультурников». Однако О.Гриневский показал, что такая военно-дипломатическая диалектика воспроизводилась в СССР и после Сталина. Машина советской внешней политики управлялась с вершины властной иерархии. Каждый день в Кремль поступала кипа телеграмм со всего мира (из посольств, резидентур КГБ и ГРУ). Но для Л.И.Брежнева советники отбирали 1-2 страницы всей мировой информации, сообразуясь с особенностями генсека: тот реагировал только на элементарные житейские ситуации и сердился на любые умные и глубокие обобщения. Вся поступающая информация сводилась к десятку сведений: кто на кого напал; где случилось землетрясение или катастрофа; кто куда поехал, какой скандал с кем приключился[181].

Глава советской дипломатии А.А.Громыко пришел в большую политику на волне сталинских «посадок» в конце 1930-х гг. Это навсегда лишило его человеческих чувств веры, дружбы, товарищества. Он руководствовался следующими принципами поведения: архиосторожность, стремление быть на стороне сильного, избегал принимать решения, в острых ситуациях ничего не делал – плыл по течению. И в таком направлении учил молодых советских дипломатов[182].

Советская военно-дипломатическая диалектика – продукт личных и институциональных отношений между Министерством Иностранных Дел, КГБ, Министерством Обороны и Международным

[180] Там же, с.101-104
[181] Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., Вагриус, 2000, с.128,14
[182] Там же, с.58,88,333

отделом ЦК КПСС, который курировал идеологию. С 1950-х гг. МИД конфликтовал с Международным отделом ЦК КПСС, поскольку руководители этих ведомств (Громыко-Пономарев) не терпели друг друга. С шефом КГБ Андроповым Громыко дружил. Независимо от этих отношений СССР проводил двойную политику в отношении сопредельных азиатских стран – Ирана, Ирака, Афганистана.

В этих странах вековые племенные и религиозные распри умножались на нищету народа и амбиции радикальных политиков, которые выступали под лозунгами марксизма, национального возрождения, арабского национализма. Эти лозунги обычно скрывают стремление силовых структур к власти. Молодые политики щеголяли верностью марксизму и цитатами из Ленина – в традициях Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где они учились. Например, йеменские политики бездумно перенесли в свою страну всю структуру власти СССР: всепроникающий партаппарат, многочисленные органы советской власти, молодежные и другие общественные организации. Но в СССР жило 250 млн., а в Йемене – всего полтора миллиона: «куда ни плюнь – везде начальник, а работать некому и нищета фантастическая. Сорок процентов бюджета страны тратится на содержание армии, не считая расходов на Министерство внутренних дел и госбезопасность!»[183].

Самый важный пункт воспроизводства сталинской политики после смерти Сталина – *отрицательное отношение советского руководства к революциям* в Иране, Ираке, Афганистане. Данное отношение зависело не от социальных процессов в данных странах, а от контекста противоборства между СССР и США. Американские аналитики на основе анализа иранской революции первыми зафиксировали альтернативу ближневосточных стран: военная или религиозная диктатура. Отсюда вытекала необходимость вмешательства США во внутренние дела. МИД, КГБ и международный отдел ЦК КПСС считали: несмотря на перспективу антиамериканской революции в Иране, «…Советский Союз не имеет к ней никакого отношения и не обладает реальными рычагами воздействия на ситуацию в стране»[184].

[183] Там же, с.98, 112
[184] Там же, с.171

Не менее важное следствие сталинского ума и политики - *вмешательство* КГБ в события. Ю.В.Андропов наладил контакты со всеми группами, которые имели реальные шансы влиять на политику. Первым делом вышел на контакт с окружением Хомейни. Оказалось, что тот очень осторожно относится к любым делам, касающимся Советского Союза. Когда в Иране взяли американских заложников, и США начало готовить их освобождение, СССР официально заявлял протест против вмешательства во внутренние дела Ирана, а на деле одобрял эти действия. В Кремле созревали планы вторжения в Афганистан. Американская акция в Иране могла служить оправданием: ввели войска, чтобы поставить предел американской экспансии. Такую позицию занимал Устинов[185].

Затем лидеры Ирана взяли курс на экспорт исламской революции: призвали иракских шиитов восстать против «атеистических палачей в Багдаде», а мусульман Персидского залива - свергнуть прогнившие королевские режимы, которые живут по законам «неверного Запада». Во время ирано-иракской войны Международный отдел ЦК выступал за Иран, Министерство Обороны – за Ирак, МИД и КГБ заняли среднюю позицию: военная победа любой стороны может привести к кардинальным изменениям в регионе, которые будут не в интересах СССР. Одновременно Советский Союз снабжал оружием противоборствующие стороны.

Саддам Хусейн нанес первый визит в Москву 11 декабря 1978 г., будучи вторым человеком при президенте Басре. Незадолго до поездки он обезглавил местную компартию (казнил 21 руководителя, многих арестовал по обвинению в проникновении в вооруженные силы). На заседаниях Совета революционного командования Саддам Хусейн стрелял в тех, кто пытался ему перечить, а потом как ни в чем не бывало продолжал вести заседание. Затем сделал переворот: 22 иракских руководителя были приговорены к смерти, 33 посадили в тюрьму на срок до 15 лет. По его указанию высшие руководители партии и государства лично приняли участие в расстрелах своих бывших товарищей. Так Саддам Хусейн стал президентом. Международный отдел ЦК предлагал отменить его визит. Но Громыко выступил в поддержку визита, мотивировав тем, что «Саддам Хусейн едет в Москву отчитаться о проделанной работе

[185] Там же, с.176,179

по сплочению арабов в борьбе против капитулянтской политики Садата»[186].

КГБ докладывал также о возможности свержения Дауда в Афганистане. Но информации ходу не давали, поскольку она не вписывалась в картину представлений об Афганистане. Международный отдел ЦК (Пономарев, Ульяновский) и КГБ (Андропов, Крючков) полагали: Афганистан – отсталая страна, где господствуют средневековые племенные отношения, а весь образ жизни определяется исламом. Поэтому социалистической революции в Афганистане быть не может – она преждевременна с точки зрения объективного уровня социально-политического развития афганского общества и государства.

Апрельская революция в Афганистане застала Москву врасплох. Громыко занял выжидательную позицию, Устинов молчал, Андропов и Пономарев доказывали: Афганистан не созрел для социалистической революции; создание однородного коммунистического правительства приведет к сплочению правой оппозиции, вызовет беспорядки, которые неминуемо повлекут за собой иностранное вмешательство; надо создать коалиционное правительство, в которое должны войти коммунисты наряду с другими партиями, но оставить за собой ключевые позиции – армию, полицию, госбезопасность.

На почве отрицательного отношения советского руководства к революциям в сопредельных азиатских странах возникла *проблема фундаментализма*. После иранской революции Москва впервые столкнулась с исламским фундаментализмом и встала в тупик: что это такое и как к нему относиться? Глава МИДа Громыко не сомневался: «Фундаментализм – это крайне реакционная религия… Мракобесие. Примерно так же оценивало фундаментализм руководство международного отдела ЦК. Пономарев, его заместители Ульяновский и Брутенц в один голос говорили, что это *клерикальная революция* и даже в некотором смысле контрреволюция»[187].

МИД решил разобраться, поскольку все страны Ближнего и Среднего Востока более-менее охвачены идеями исламского возрождения. Но в Москве специалистов не оказалось. Позвали «ученого из Баку». Тот прочитал апологетические лекции о прообразе «исламского общества», восходящего к Мухаммеду и имаму Али.

[186] Там же, с.181-182
[187] Там же, с.207

«Ученый из Баку» считал: путь к обществу исламской справедливости пролегал через внедрение ислама во все поры жизни. Исламская революция призывала свергнуть шаха, освободиться от разлагающего влияния Запада, запретить потребление спиртных напитков, обязать женщин носить чадру. Но отцы-основатели фундаментализма учили, что угроза для истинных мусульман исходит не только от «материалистического Запада», но и от «атеистического Востока». «А в борьбе против одной сверхдержавы не следует опираться на поддержку другой. Надо идти собственным мусульманским путем. Имам Хомейни так и говорил: - Америка хуже Англии, Англия хуже Америки, а Россия хуже их обоих»[188].

Дипломаты помельче считали: фундаментализм – это возвращение к древним национальным ценностям, которые обеспечат мир, благополучие и процветание; фундаментализм – отряд национально-освободительного движения. МИД решил установить деловой контакт с фундаменталистами, использовать их для вытеснения США и других западных держав с Ближнего Востока. С исламом бороться бесполезно, поскольку он впитался в повседневную жизнь и мировоззрение людей на Востоке глубже, чем христианство на Западе. Но оставались опасения относительно советских мусульман (Центральная Азия, Кавказ, Татария, Башкирия). А поскольку ясности не было, Громыко и Андропов решили ничего не делать, будучи заражены совчванством, которое проявляли вслед за Хрущевым[189]. Громыко и Андропов тоже считали, что в СССР все передовое – наука, культура и даже история.

Афганскую авантюру с самого начала пробивали Суслов и Пономарев, желая присоединить Афганистан к социалистическому лагерю. Начальник Генштаба Н.В.Огарков возражал против ввода войск, ибо регулярная армия не в состоянии справиться с горскими партизанами. Но Устинов привел к тому, что армия была вынуждена поддерживать акции КГБ. Так хвост начал крутить собакой[190].

О.Гриневский считает, что уроков из афганской трагедии не сделано, поскольку за Афганистаном последовала Чечня. Политбюро прикрывалось немощным Генсеком и превратилось в боль-

[188] Там же, с.209

[189] «Хрущев искренне сердился, когда ему говорили, что наша Солнечная система находится на окраине Вселенной. Он видел в этом подвох: как он, руководитель великого Советского Союза, может находиться на задворках?». Там же, с.212

[190] Там же, с.298,299,309

шое боярское гнездо, где каждый владел и управлял своей вотчиной. Согласие строилось на круговой поруке: ты не лезешь в мои дела – я не лезу в твои. На этой основе принимались главные политические решения. В этом боярском синклите никто друг другу не доверял, между собой не общались, но следили, чтобы никто не посягнул на их вотчинные владения. Лишь Андропов, Устинов, Громыко держались вместе, определяли военно-политический курс государства и никого к этому не подпускали.

Политические взгляды «тройки» были таковы: Устинов занимал левый фланг, уповая на силу, а разговоры о разоружении, политических и дипломатических средствах укрепления безопасности считал пустой болтовней для научных симпозиумов; Громыко занимал правый либеральный фланг, не оспаривал значение военной силы, но считал, что безопасность должна строиться на сочетании военных и политических акций; Андропов находился в центре. Громыко выступал генератором идеи компромисса с Западом, но при выработке конкретных позиций никогда не конфликтовал с военными, особенно если Андропов был на их стороне. В то же время поощрял заместителей на бескомпромиссность в отношениях с МО и КГБ. Если не удавалось выработать общую позицию, соглашался с военными, полагая, что на них лежит главная ответственность за оборону страны[191].

Итак, все указанные интеллектуально-политические моды скрывают влияние дипломатических, военных и разведывательных агентств на реальную политику и процессы производства идей. Следует ли считать такое влияние нормой или аномалией (в смысле Д.Норта)? свободны или несвободны люди, которые подчиняются данным модам и бездумно (иные – вполне осознанно) строгают историософские, геополитические и культурно-цивилизационные тексты? можно ли плыть против течения в мире интеллектуально-политических мод или лучше уподобляться «ученому из Баку» в московской или ростовской разновидности?

4.4. Распутье и выбор

Для ответа на эти вопросы напомню известные вещи. Зависимость настоящего от прошлого всегда интересовала социальную

[191] Там же, с.333-334

философию, в рамках которой сформировались теории эволюции, модернизации и исторических циклов. На протяжении XX в. эти три «великих видения истории» подтвердились частично. Возникли альтернативные теории – от трактовки идей как исторической силы до рассмотрения революций как пика социальных изменений. Но история СССР показала, что даже тотальное изменение общества не гарантирует достижения целей революции[192]. Определенного ответа о причинах этого явления нет.

В настоящее время монистическая интерпретация истории сменяется плюралистической. В рамках последней сложились классическая, неклассическая, неоклассическая и постмодернистская модели исторического познания. Каждая из них выдвигает свою версию исторического процесса, в том числе зависимости настоящего от прошлого[193]. Эта зависимость анализируется на разных уровнях – от религиозных доктрин, местных и общенациональных «изобретенных традиций» до устных преданий и биографических нарративов. Но неясно, почему прошлое для настоящего остается «чужой страной»[194].

П.Рикер описал общие свойства организации зависимости настоящего от прошлого. Социальные институты образуют системы опосредований, связывающие человека с прошлым определенного общества. Однако зависимость общества в каждый момент времени от прошлого проблематична, поскольку отличается от зависимости каждого индивида от его прошлого. Индивиды связаны с прошлым воспоминаниями о подлинности пережитого, тогда как зависимость общества от прошлого всегда отчуждена от индивида. Отчужденное прошлое присваивается через социальные институты, которые организуют пространство зависимости. Способы организации пространства имеют важное значение, поскольку от институционализации прошлого зависит настоящее. Главный элемент такой зависимости - замещение истории становления государств частными, локальными и культурными видами памяти. Но институциональная организация памяти неотделима от забвения. Поэтому соотношение памяти и забытья в обществе тоже проблематично[195].

---

[192] См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., Аспект-Пресс, 1996

[193] См.: Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005

[194] См.: Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб, «Русский остров», 2004

[195] См.: Рикер П. Память, история, забвение. М., Изд-во гуманитарной литературы, 2004, с.563

Эта проблема обострилась в постсоветском пространстве. Уже зафиксированы общие характеристики трансформации социальных институтов России на протяжении 1990-х гг: повторение советских институтов при фактическом распаде институциональных структур культурной репродукции; множество разрывов между центром и периферией (от поколенческих до географических) в цепи культурной трансмиссии без интеллектуальных инноваций; массовизация траслируемых образцов без модернизации базовых ценностей и институтов; цинизм большинства социальных групп и институтов[196].

Институциональное разложение советской системы подавляется природой советского человека, для которой характерен имморализм и традиционализм, а не продуктивные и инновационные способности. Структуры базовой социальной личности и формы социальной организации остаются «советскими». Поэтому большая часть изменений представляет собой реконфигурацию советских институтов, социальных групп и индивидов на фоне роста ксенофобии и изоляционизма. Схватить и убежать – таковы российские принципы политического действия, превращающие политику в синоним голой борьбы за власть и самообогащение. В российском обществе в 2002 г. 86% респондентов социологического исследования считали главным выгоду, а господство закона поддерживали только 9%[197].

Советская власть намеренно создавала предпосылки современных этнических конфликтов[198]. Но конкретно-социологические исследования показали: население России все более дифференцируется по линии собственности и имущества, а не этно-политической идентичности; государство не обеспечивает население социальными гарантиями, из-за чего развивается конфликт между собственнической, этнической и религиозной идентичностью; для маски-

[196] См.: Гудков Л., Дубин Б. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // НЛО. 2005, № 4/74; Гудков Л. Цинизм «непереходного» общества // Вестник общественного мнения. 2005, № 2 (76)

[197] См.: Левада Ю.А. «Человек политический»: сцена и роли переходного периода // Экономические и социальные перемены. 1996, № 4 с.11-12; Левада Ю.А. Homo post-sovieticus // ОНС, 2000, № 6, с.35; Гудков Л. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. Сост. Л.Гудков, М., ОГИ, 2005, с.7-9

[198] См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного 1У совещания ЦК РКП, 1923 г. М., «Иксан», 1992; Зубкова Е.Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР: 1953-1985 годы // Отечественная история. 2004, № 4, с.3-32

ровки провала реформ власть заигрывает с религиозными деятелями и институтами; возник союз между чиновниками и церковниками, которые сообща способствуют распаду общества; происходит институциональное возрождение РПЦ, а не возрождение православия: церковь использовала ситуацию, при которой власть позволила ей подняться после поражения в коммунистический период, а власть использовала церковь для легитимизации своей деятельности[199].

Анализ зависимости настоящего от прошлого осложняется тем, что в советское время социальные науки подвергались жесткому идеологическому диктату. На протяжении последних 20-ти лет ситуация меняется, но во многом остается прежней: «Коммунистическая утопия, - отмечает Э.Ю.Соловьев, - лишилась доверия, но категории и объяснительные схемы исторического материализма по-прежнему владеют умами. Даже в эталонно-демократических текстах за понятием «идеология» сохраняется кондовый ленинско-сталинский смысл. По-прежнему толкуют о «научной идеологии», об «идеологической работе», об «идеологическом вооружении» правового государства. По-прежнему дают заказы «на разработку» передовой идеологии, способной одушевить всех тоскующих россиян»[200].

Эта тенденция коррелирует с особенностями российского логического менталитета – стремлению к многозначности и отказу от требования непротиворечивости при описании действительности. Такая «логика» не поддается разумному объяснению, поскольку оперирует не с понятиями и высказываниями, а с объектами, не имеющими логического статуса[201].

Короче говоря, зависимость России от советского прошлого охватывает экономику, социальную сферу, власть, управление, политику и идеологию. Какие концепции описывают эту зависимость?

---

[199] См.: Губогло М.Н. Драма собственника нашего времени // Отечественная история. 2004, № 1, с.93-110; Красильникова М.Д. Доходы и потребление в условиях экономического роста // Вестник общественного мнения. 2005, № 1, с.8-12; Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах 2005/2006. Отв.ред. Толстых В.И. М., Русский путь, 2006, с.341

[200] См.: Философия не кончается… Из истории отечественной философии. XX век. 1960-80-е годы. Москва, РОССПЭН, 1999, с.117

[201] См.: Карпенко А.С. Логика в России. Вторая половина XX века // Вопросы философии. 1999, № 9, с.148-153

В 1990-х гг. социальные науки России осваивали зарубежные и реанимировали дореволюционные отечественные концепции. В настоящее время есть несколько концепций, которые объясняют зависимость России от прошлого: евразийство, теория конвергенции социализма и капитализма, марксистская концепция бюрократического перерождения советской власти, теория тоталитаризма, теория модернизации, цивилизационные теории, мир-системный анализ. Но как было показано, данные концепции ранее входили в состав советологии, которая не смогла предсказать крах СССР, рухнула вместе с ним, а теперь стремится выжить в виде «россиеведения»[202].

Ю.И.Игрицкий показал *частичную* эвристичность указанных концепций при описании зависимости России от прошлого. Наименее продуктивны евразийство и теория конвергенции капитализма и социализма. Из марксизма остается эвристичной только концепция бюрократизации советской и постсоветской власти. Наиболее продуктивными Игрицкий считает концепции корпоратизма и групп интересов. Он приводит при этом следующий аргумент: история щадит лишь те представления, которые не претендуют на глобальный и вневременной смысл, описывают конкретные параметры общественных процессов на основе внутренне присущих им свойств, сопоставимых с аналогичными чертами других обществах в ту же историческую эпоху: «Деидеологизированность, банальная заземленность понятий «корпоратизм» и «группы интересов» обеспечивают им долгую … жизнь во всех типах обществ»[203]. Сходные суждения высказывают и другие авторы[204].

Теория модернизации тоже используется для анализа зависимости настоящего от прошлого. Но ее применение к истории России привело к формулировке следующих условий модернизации: рациональная и нравственная бюрократия; сильное и беспристраст-

---

[202] См.: Брумберг А. Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Вып.2. Под ред. Т.А.Заславской. М., Аспект-Пресс, 1995; Петров Е.В. История американского россиеведения. Курс лекций. СПб, Изд. СПбГУ, 1998;

[203] Игрицкий Ю.И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1998, № 1, с.17. См.также: Игрицкий Ю.И. Общественные трансформации в СССР после 1985 г. Взгляды и концепции. М., 1998, с.101

[204] См.: Время мира. Историческая макросоциология в XX веке. Вып.1. Новосибирск, 1998, с.16-21; Перегудов С. Группы интересов в условиях перехода к информационному обществу // МЭиМО. 2004, № 6

ное государство, обслуживающее граждан по закону; развитое гражданское общество, контролирующее деятельность государства и бюрократии; наличие у граждан равных стартовых возможностей и предпринимательских способностей. «Поскольку ни одного условия в российском обществе не существовало, не могло быть ни демократической приватизации, ни демократического капитализма»[205]. Поэтому В.В.Согрин считает, что в России происходит авторитарная модернизация, и приводит следующие аргументы.

Процессы демократизации в России стали ослабевать с 1996 г. Авторитаризм – это заполнение важных государственных должностей военными и представителями спецслужб. При Б.Н.Ельцине лица с военным образованием составляли во властных структурах 6,7%, при В.В.Путине – 26,6%, а в высшем руководстве – 58,3%. При Путине по количеству миллиардеров Россия вышла на третье место в мире после США и Германии (в 2003 г. их было 25); в 2004 г. в России было 84 тыс. долларовых миллионеров. Одновременно существует 15-кратный разрыв между 10% самых богатых и самых бедных россиян. При Путине государство освободило себя от обязательств по обеспечению жильем нуждающихся граждан, а по объему социальных обязательств опустилось на уровень стран Запада в период до второй мировой войны. Путинский авторитаризм состоит в желании соединить вождизм и этатизм с либерализмом[206].

Однако вывод о существовании в России авторитарной модернизации оспаривается участниками «круглого стола» на эту тему. По их мнению, общие свойства авторитарных модернизаций состоят в следующем: подчинение всей политики, идеологии, общественной жизни целям развития; направленность промышленной политики на ускоренный рост и структурное развитие экономики, а региональной - на выравнивание диспропорций между регионами; ускорение и развитие сферы образования и науки; рост благосостояния большинства социальных групп, активная социальная политика; повышение социальной мобильности широких слоев населения; создание рыночной инфраструктуры, формирование эффективной кредитно-финансовой системы; формирование современной судебной системы и защита прав собственности; формирование ин-

[205] Согрин В.В. 1985-2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005, № 3, с.13
[206] См.: Согрин В.В. Указ.соч., с.14-22

ститутов власти, соответствующих задаче ускоренного развития страны; наличие идеи прогресса как идеологии преобразований). По всем этим признакам в России нет ни авторитарной модернизации, ни ее субъектов: «Скорее мы имеем дело со своеобразной мимикрией традиционализма, с возрождением русской архаики…, иррационализма и обскурантизма»[207]. Это возрождение приняло форму авторитаризма, который связан с доминированием исполнительной власти над законодательной и судебной, государства над обществом, деполитизацией, десоциализацией и демодернизацией общества (включая репрессии в отношении оппозиции)[208].

Главное свойство демодернизации – московский тип единства власти и собственности, который включает: господство власти над собственностью; неотчлененность собственности от власти; подчиненность собственника власти: «С начала 2000-х годов в России укрепилось господство приватизированных государственных структур, делающих принципиально непрозрачными отношения власти и собственности. Единство власти и собственности, нерасчленнность властно-собственнических элит превращает коррупцию в системную, несущую конструкцию всего экономического механизма»[209]. Российская демодернизация – это власть силовых структур, административной верхушки, идеологии национализма, контроль оппозиции. При этом ведущую роль играют элементы личностного, эмоционального и морального воздействия, образующие социокультурный контекст зависимости настоящего от прошлого[210].

Некоторые авторы отвергают советологические концепции корпоратизма, групп интересов и модернизации как средство познания России на основе аргументов, которые я уже приводил[211].

---

[207] Круглый стол «Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы» // Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 5, с.43. См.также: Шевцова Л. От России Ельцина к России Путина (эволюция выборной монархии) // http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm

[208] См.: там же, с.46-48. Действительно, на протяжении последних 20 лет КГБ-ФСБ занимается расколом шахтерского движения и нормальной оппозиции в России и других странах. См.: Судоплатов П.А. Победа в тайной войне. 1941-1945 годы. М., ОЛМА-Пресс, 2005, с.143-162

[209] Там же, с.48. См. также: Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., Международные отношения, 2005, с.290-291

[210] См.: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., Наука, 2001, с.34, 40-50

[211] См.: Малия М. Из-под глыб, но что?.. История западной советологии // Отечественная

Главные постулаты советологии воспроизводят стереотипы советской политики, идеологии и пропаганды на разных этапах существования СССР, а также старые эмигрантские установки. Российская эмиграция (группы «Смена вех», евразийцы, «младороссы» и меньшевики) после бегства из Германии в США содействовала созданию американской советологии. Именно эти группы хотели поставить потенциал эмиграции на службу Советской России, издавали газеты на советские деньги, толковали русскую революцию как творческий процесс, в ходе которого на почве России должен сложиться «новый синтез», признавали большевизм исконно русским явлением. Именно они сформулировали популярные в современной России (особенно среди правительственных кругов) идеи корпоративизма, третьего пути между либерализмом и большевизмом, национализма и империи[212].

Стало быть, при обсуждении проблемы зависимости настоящего России от ее советского прошлого одни используют, другие отвергают евразийство, теорию конвергенции, марксизм, концепции тоталитаризма, модернизации, корпоратизма и групп интересов. Все эти концепты обладают частичной эвристичностью, являются спорными и политически ангажированными в том смысле, что обслуживают разные звенья власти.

Существуют ли подходы, позволяющие сохранить критическое отношение ко всем перечисленным концепциям и одновременно иначе описать зависимость российского настоящего от советского прошлого?

Современная философия науки оперирует категориями исторической, гносеологической, онтологической неопределенности, а также неопределенности критериев оптимальности. Историческая неопределенность – это авантюризм прошлой и современной истории, потеря накопленного опыта и знаний, непредсказуемость будущего. Гносеологическая неопределенность включает ментальную, логическую, рациональную и психологическую неопределенности. Онтологическая неопределенность – это состояние агонии современного мира, вовлечение человечества в непредсказуемую авантюру. Неопределенность критериев оптимальности состоит в

история. 1997, № 5; Он же. Советская трагедия. История социализма в России. М., 2003

[212] См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919-1945). М., Новое литературное обозрение, 2004, с.157-159

том, что «…поиск оптимизации выходит за пределы всей мощи имеющихся в нашем распоряжении средств поиска, поиск оптимума превращается в конечном счете в … наихудшее, действие»[213].

В целом деятельность современного человека – это замкнутый круг ошибок, порождающий три типа непредвиденных последствий: результатов (пагубный результат важнее благоприятного), нововведений (чем больше изменений, тем больше все остается попрежнему) и угроз (ради улучшения общества подавляется свобода и упраздняются системы безопасности): «Ни для какого действия нет гарантии, что оно будет осуществляться в направлении, совпадающем с намерением»[214].

Такой подход позволяет применить разработанные мною теорию бюрократии и теорию власти для анализа социальных и политических процессов в современной России.

[213] Морен Э. Принципы познания сложного в науке XX1 века // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв.ред. Удумян Н.К. М., Наука, 2004, с.22-23. См.также: Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997, № 8, с.112-122; Бородкин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепция синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003, № 2, с.98-118;

[214] Морен Э. Указ.соч., с.24

Часть 2.
Бюрократия и власть

Глава 5.
Обслуга государственной машины России

В советском обществоведении тема бюрократии принадлежала к идеологическим табу, хотя бюрократизм критиковался постоянно. Я занимаюсь анализом бюрократии с 1974 года. Для доказательства теоретической и практической важности проблемы я реализовал исследовательскую программу. Она включала следующие задачи: реконструкция подхода К.Маркса и Ф.Энгельса к проблеме бюрократии на всем протяжении их творческой деятельности; выявление аналитического и политического потенциала взглядов В.И.Ленина на проблему бюрократии на всем протяжении его творчества; критический анализ теории бюрократии М.Вебера как составной части его методологии и социологии, оказавшей сильнейшее влияние на современные концепции западных ученых; применение результатов сравнительного исследования марксистского и веберианского подходов к описанию политической истории советского государства; использование выводов проведенного исследования в публицистических целях. Эта программа реализована в 5-ти монографиях и статьях, опубликованных в журналах «Вопросы философии», «Философские науки», «Советское государство и право», «Studia nauk politycznych» и др. Здесь излагаются некоторые результаты моих статей, опубликованные в первом российском энциклопедическом словаре по политологии[215]. Сохраняют ли они эвристическую ценность независимо от политической и идеологической коньюнктуры?

[215] См. статьи «Бюрократия», «Идеологическая бюрократия», «Политическая бюрократия» и др. в книге: Политология: энциклопедический словарь. Москва, Publishers, 1993

Как обычно, в литературе на этот счет высказывались разные точки зрения – от сдержанных и отрицательных[216] до положительных[217]. Поэтому есть смысл опять погрузиться в проблематику.

5.1. Основы теории бюрократии

В большинстве энциклопедической, учебной и научной литературы в России и за рубежом термин «бюрократия» используется в трех основных смыслах: система управления, осуществляемая с помощью аппарата, стоящего над обществом и наделенного специфическими функциями и привилегиями; слой людей, связанный с данной системой; «рациональная» система государственного управления. Эти определения отражают некоторые свойства бюрократии и могут использоваться в пропедевтических целях. Но при этом феномен бюрократии рассматривается как частный вопрос политической теории и властно-управленческой практики. Такой подход отражает установки социологического, юридического и политического сциентизма, нормативизма и позитивизма. В результате «рациональная бюрократия» Европы противопоставляется государственным аппаратам других стран. Проблема целостности знания о бюрократии остается в тени. Это затрудняет синтез теоретических и политических аспектов исследования в целях *дистанцирования* теории бюрократии от властно-политических и управленческих процессов и представлений в их пространственно-временной специфике. Для реализации данной цели я разрабатываю теорию бюрократии как предельно деэтатизированную отрасль социально-политического знания, свободную от любых государственных заказов, интересов государственного аппарата, политической коньюнктуры и культурно-цивилизационной специфики.

Определение и принципы исследования. Я определяю бюрократию как социальный организм-паразит на всем протяжении ее существования, отражение социальных конфликтов и материализацию властно-политического отчуждения. Для конкретного изображения бюрократий разных стран существенное значение имеет принцип целостности. Любая бюрократия органически связана с

[216] См.: Патрушев А.М. «Расколдованный мир» Макса Вебера. М., 1991; Левинсон А.Г. Термин «бюрократия» в российских контекстах // Вопросы философии. 1994, № 7-8

[217] «Работы В.П.Макаренко сыграли важную роль в теоретическом анализе проблемы бюрократии, что во многом подготовило начавшуюся во второй половине 80-х гг. дискуссию о социальной природе и характере советской бюрократии». См.: Социология в России: энциклопедический словарь. Под ред. В.А.Ядова. Москва, 1998, с.529

экономическими отношениями, социальной и политической структурой и моделями мира в их пространственно-временной специфике. Анализ бюрократии не сводится к эмпирическому описанию организационно-управленческой, властно-политической и культурно-идеологической сфер общества. Понятия и проблематика теории бюрократии – средство теоретического и практического противодействия обыденным и рафинированным формам проявления политико-управленческих иллюзий. Для познания данных иллюзий ключевое значение имеет диалектика социальных интересов. В социальной жизни иллюзии существуют на уровне отношений, деятельности и сознания. Они воплощены в социальных и политических институтах и формах мышления.

Для описания данных иллюзий я разработал систему понятий «бюрократическое отношение – государственный (властно-управленческий) формализм – политический рассудок». Данные понятия определяют структуру и проблематику теории бюрократии. Позволяют описать социальный феномен бюрократии в его целостности и разнообразии экономических, политических и идеологических отношений. В процессе такого описания могут использоваться разные методы социологического и политологического исследования и концепции бюрократии (от Гегеля и Маркса до М.Джиласа и М.Восленского, от М.Вебера до М.Крозье и П.Бурдье). Эвристичность данных методов и концепций определяется тем, насколько они позволяют выйти за пределы критики и апологетики интересов любого государственного аппарата. Эта цель пока не достигнута современным социальным знанием. Причины такого положения вещей я здесь описывать не буду, а только охарактеризую главные понятия теории бюрократии.

Бюрократическое отношение (БО) обусловлено социально-экономически, не зависит от сознания и воли индивидов, определяет их действия и является объективно-субъективным (интерсубъективным). БО – форма проявления конфликтов между госаппаратом и обществом, властью и подданными (гражданами). Эти конфликты не в состоянии постичь члены государственно-управленческих аппаратов, поскольку они являются элементом определенной системы практических и познавательных отношений. Ее основные свойства состоят в следующем:

1. Члены государственных аппаратов (ГА) отождествляют социальную действительность с государством и порядком управления, существующими в условиях данного места и времени. Любое государство в большей или меньшей степени идеализирует государственных служащих. Они ограждаются от господствующей системы экономических отношений и рассматриваются как субъект познания социальных процессов. Например, в современном международном разделении труда «…государственная служба и правительственные ведомства, на которые приходится от одной трети до половины рабочих мест в каждой отдельной стране, всегда ограждены от международной конкуренции»[218]. Из-за этого производительность труда государственных служащих была и остается одной из самых низких во всей истории – при принятии любой системы измерения производительности труда. Это определяет социально-политический статус чиновников. Остальные граждане разделяются на «лояльных» и «нелояльных» в зависимости от меры их согласия и реализации жизненного пути в соответствии с данной иллюзией.

2. Управление государством – это конкретно-историческая форма монополии отдельного слоя людей на политический разум и политическую мораль. В этом слое можно обнаружить все характеристики монополии. Чем большее число людей стремится попасть на государственную службу, тем глубже социальная почва бюрократии и тем более она превращается в «ленивую монополию»[219]. Для этого создаются официальные системы сбора социальной и политической информации, а также используется комплекс социальных наук. В данных системах всегда отражены частные интересы правительств и государственных аппаратов. Политическая этика чиновника сводится к прямой апологетике существующего государства или к либеральному «улучшению» государственной машины. Ее модификация укрепляет материальные и социальные интересы чиновничества. Формы бюрократического познания определяются данными установками. Они характерны для разных уровней

[218] Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Москва, 2000, с.107

[219] Термин «ленивая монополия» используется в современной экономической социологии для обозначения всех национализированных сфер промышленности – транспорта, связи, военно-промышленного комплекса, образования и т.д. В этих сферах обычно занята научно-техническая и гуманитарная интеллигенция.

и систем государственного управления, могут быть обнаружены в любых политических системах – от тирании и монархии до республики и демократии.

3. Государственное управление пока не вышло за рамки принципа иерархии, истоки которого коренятся в организации церкви. В переводе с греческого термин «иерархия» означает священноначалие: «Церковная иерархия имеет божественное установление от самого Иисуса Христа и апостолов… Иерархия не может считаться человеческим установлением. Источник ее полномочий лежит не в воле общества, а единственно в воле Основателя церковной жизни»[220]. В результате активность и сознательность граждан отождествляются с государственной службой как «священством» особого рода. Анализ и оценка социальной действительности становятся правом высшего уровня иерархии. В его сознании и действии усиливаются стереотипы бюрократического познания. Поэтому системы государственного управления всегда исключают себя из числа причин социального неблагополучия. Они обычно усматриваются в явлениях природы, приватной жизни и случайностях социального развития. Тем самым вина за социальные конфликты возлагается на природу и общество, а не на государство. В свою очередь, граждане и низшие уровни управленческой иерархии переносят такую вину на вершину. Аппарат управления - элемент связи государства с обществом. Но в результате таких процедур государственный аппарат исключается из сферы научного анализа или же анализ выступает в формах политико-административного нормативизма, эмпиризма и сциентизма.

4. Эти установки отражаются в писанных системах государственного права и административных традициях (которые М.Вебер совершенно необоснованно считал «рациональными»). В их состав обычно входят: установленные законы и принципы управления; установленные системы сбора и обработки социальной информации (сеть государственных ведомств, создаваемых с большей или меньшей степенью властного произвола)[221]; идеологические концепции (консерватизм, либерализм, социализм, марксизм) и вытекающие из них правовые идеологии; система официальных соци-

[220] Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х тт. Москва, 1995, т.1, с.578-579

[221] Сравнительный анализ такого произвола при создании государств Европы и Российской империи дан в книге: Сергеевич В. Русския юридическия древности. СПб, 1902, т-1-2

альных наук, поскольку она отражает интересы различных звеньев государственной машины. Чем дольше воспроизводство систем государственного права и административных традиций, тем больше степень бюрократизации права, управления, идеологии и социальной науки.

5. Все ранее описанные свойства отражаются в разных вариантах официальных историографий. В них отражена преимущественно история государств, а не обществ, народов и культур. С помощью историографии контролируется прошлое, а система социальных наук используется для контроля настоящего и будущего. В результате происходит легитимизация пространственно-временной специфики государств и присущих им аппаратов управления. Концепции легитимности обычно скрывают проблему непредвиденных последствий деятельности политических элит и госаппарата. Для этого используется комплекс юридических наук.

БО ведет к тому, что управление государством начинает базироваться на следующих неписанных правилах: существующие законы и принципы управления признаются «совершенными» или «подлежащими совершенствованию»; задача госаппарата – применение данных законов и принципов к действительности; высшие и низшие уровни связаны иерархией доверия и знания. Если хотя бы один государственный служащий руководствуется описанными свойствами БО в своей деятельности и поведении, то властно-политические структуры извращенно воспринимают действительность. Тем самым они способствуют ухудшению положения в обществе.

Для нейтрализации критики указанных познавательных и этико-политических установок государства обычно пользуются институционализованными и неинституционализованными формами борьбы с обществом. К ним относятся: насилие; официальная и неофициальная цензура; бюрократизация дискуссий по социально-политическим проблемам; жалоба. Эти формы детально описаны в моих книгах.

БО в целом порождает разные формы сакрализации (идеализации) государств, правительств и госаппаратов, способствует деполитизации граждан. Все указанные феномены выражаются в государственном формализме.

Государственный формализм (ГФ) – это превращение целей индивидов, групп и общества в задачи государственных учреждений и наоборот. Система государственных учреждений в истории государств формировалась более-менее самостоятельно. По мере их создания материальные интересы служащих связывались с фактом существования и формами регламентации деятельности данных учреждений, а не с социальными целями. Этим объясняется властно-бюрократическое преобразование социальных целей.

Социальная почва ГФ - формы собственности (индивидуальная, групповая, частная, общественная, смешанная), социальное и профессиональное разделение труда. В любом случае возникает госаппарат из множества должностей. Они были и остаются собственностью правительств, которые обращаются с ними по праву владения, пользования, распоряжения и уничтожения. Поэтому государственные аппараты есть политическая форма естественного (биологического, животного) состояния человеческого общества – «войны всех против всех». Они ведут явную и скрытую войну с обществом. Для маскировки состояния социальной войны могут использоваться разные религиозные и светские идеологии. Речь идет о христианских концепциях государства как «града земного» и «дела кесаря», либеральных концепциях welfare state, консервативных концепциях государства как гаранта порядка и безопасности, марксистских концепциях государства как орудия классового господства, националистических концепциях государства как носителя «национальной идеи» и т.п. В нормативно-оценочных системах отражаются эти иллюзии. ГФ соединяет иллюзорные формы отражения действительности с формами политического строя и охватывает исполнительную и законодательную власть, процессы становления общественного мнения, выработки и пропаганды идеологий.

Я детально проанализировал влияние ГФ на указанные сферы и на этой основе конкретизировал исходное определение бюрократии. Это – совокупность слуг правительства в экономике, социальной структуре, политике и идеологии. Государственная служба есть воспроизводство традиционных (родо-племенных, рабовладельческих, феодальных) отношений личной зависимости в политической сфере. К этому выводу я пришел в конце 1970-х гг. в результате чисто теоретического анализа. В 1990-е гг. появились сравнительно-исторические исследования, подтверждающие обоснованность

такого вывода по отношению к истории всех государств, включая Россию[222].

Государство может служить обществу лишь в той мере, в которой госаппарат совершенно свободен от БО и ГФ. Но таких государств никогда и нигде не было. Если индивиды и группы материально (формы собственности), профессионально (монополия определенных сословий на государственную службу), территориально и духовно (разнообразные геополитические и идеологические концепции) связаны с государством, то их политическая культура не свободна от перечисленных стереотипов и порождает определенную форму политического сознания и действия.

Политический рассудок (ПР) – следующая категория анализа бюрократии. ПР – это форма мышления, которая отражает становление БО и ГФ по мере образования государств. Эта форма генетически связана с лингвистической новацией Возрождения – появлением понятия raison d'etat для обозначения «государственного разума» и «государственных интересов» (что одно и то же).

Ф.Бродель показал, что данное понятие возникло в процессе противоборства Испанской и Османской империй в районе Средиземноморья в эпоху их наибольшего могущества. Raison d'etat отражал одни и те же процессы: появление класса государственных чиновников; феномен торговли государственными должностями; развитие конфликта между центром и периферией; использование финансов и кредита для достижения государственных целей. Обе империи не смогли справиться с данными процессами и потому рухнули[223].

Ж.Минуа показал, что термин raison d'etat возник в результате влияния иезуитов на совесть европейских королей в период Контрреформации. По сути дела понятие «государственного разума» и «государственных интересов» отражало секуляризацию и восхваление войны. В результате интерес короля стал рассматриваться как единственный критерий справедливой войны, а право войны и политического своекорыстия стало основанием так называемых «государственных интересов»: «Со второй половины ХУ11 в. термин reason d'etat стал магическим лозунгом, позволяющим самые

[222] См.: Хелли Р. Холопство в России. 1450-1725. Москва, Academia, 1998

[223] См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа 11. Часть 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., Языки славянской культуры, 2003, с.443-508

вопиющие несправедливости прикрыть заслонкой, которую никому не разрешается поднять»[224].

Социальная история и религиоведческая компаративистика подтверждают, что ПР есть дериват представления о raison d'etat, которое в русском языке обычно выглядит как некие «высшие государственные соображения». ПР определяется материальными интересами индивидов и социальных групп и претендует на всеобщность. Это выражается в квалификации государства как деятельного выражения общества и фетишизации властно-политической деятельности. На теоретическом уровне фетишизация выражается в квалификации власти как волевого отношения (одна из самых распространенных концепций, с которой я полемизирую во всех работах). А на уровне практики ведет к переплетению политического мышления с бюрократическим. Политическое отчуждение (ПО) воплощает единство обоих уровней.

В состав ПО входят: отношения собственности и разделение труда; кровнородственные связи и солидарности; разделение социального бытия на городскую и сельскую формы; разделение власти на исполнительную, законодательную и судебную; государственные налоги, займы и долги; социальные и политические свойства чиновничества; мононациональный (нация-государство) и многонациональный (империя) характер государства; типы вооруженных сил, политической полиции и управленческого аппарата; способы переплетения традиционного господства и подчинения с политической властью; регламентация экономики и октроированная система государственных финансов; формы соединения и нейтрализации противоположных интересов разных социальных общностей; системы международного права как предпосылки бюрократизации международной политики в деятельности дипломатических агентств; вербальные и невербальные формы политического языка. ПО – тотальная характеристика истории и общества, хотя и зависит от специфики политических систем.

Таким образом, проблема эффективности государственного управления может рассматриваться с учетом общих свойств БО, ГФ, ПР и ПО. Если управленческие процессы не отделены от производства материальных и духовных ценностей, то появление данных свойств возможно, но проблематично. Едва управление пре-

[224] Minois G. Church and War. London, Free Press, 1979, p.265

вращается в особую сферу деятельности, все указанные свойства становятся органической частью политических и властно-управленческих процессов. В этом случае конструирование моделей «эффективности управленческого труда» становится особым направлением научных, правовых, политических и организационно-управленческих идеологий. Все они учитывают лишь отдельные моменты бюрократического «целого» в зависимости от *произвольной* категоризации фактов и ценностей.

Управленческая деятельность может квалифицироваться как разновидность «абстрактного труда» (К.Маркс), «формальной рациональности» (М.Вебер), «субстанциальной рациональности» (К.Мангейм), «информационализма» (М.Кастельс) и т.д. Во всех случаях речь идет о попытках теоретиков решить вопрос: почему управленческая деятельность не создает ни материальных, ни духовных ценностей, но ее сфера расширяется по мере трансформации общества вместе с ростом сферы услуг (различные концепции «постиндустриального общества»)? Я предлагаю анализировать эту проблему в контексте теории бюрократии как универсальной социологической теории. Мера ее эвристичности определяется *возможностью противостояния* любым формам экономического, социального, политического и идеологического отчуждения в конкретных обстоятельствах места и времени. Однако эта возможность пока еще не реализована ни в одной социальной системе. Трагедия всех предшествующих революций и реформ состояла в том, что они способствовали росту бюрократии. Следовательно, БО, ГФ, ПР и ПО относятся к любым обществам и государствам в мирные и революционные периоды развития. Указанные категории образуют *общую часть* теории бюрократии и могут быть применены к анализу социальной и политической истории всех государств.

Особенная часть теории бюрократии – конкретизация исходных категорий в зависимости от специфики политической истории стран. Историография, юриспруденция и комплекс социальных наук любой страны могут селекционироваться по степени свободы от составных частей бюрократии. Такая свобода - недостижимый идеал, поскольку историография, юриспруденция и социальные науки подвержены влиянию общих свойств мышления и действия государственных аппаратов и сами (в большей или меньшей степени) являются их частью. Но по сравнению с историей других стран ис-

торию своей страны изучать легче. Госаппарат (ГА) Российской империи, Советского государства и Российской Федерации может служить моделью для конкретизации главных категорий теории бюрократии.

В цикле моих работ описаны различные аспекты российской политической традиции, сформулированы принципы исследования ГА России, изучена специфика бюрократического вмешательства в экономику и социальную структуру, охарактеризован национальный тип государственных служащих царской России, СССР и современной России. Показано, что главные направления русской экономической и политической мысли Х1Х-ХХ вв. не смогли освободиться от идеи регламентации экономических и социальных процессов.

Уже после реформы 1861 г. Российская империя *соединила* функцию наибольшего эксплуататора населения страны с функцией контролера остальных эксплуататоров. Это выразилось во множестве связей между ГА и капиталом: наличие наибольшего (по сравнению с остальными государствами мира) государственного сектора экономики, который включал многочисленные предприятия, целые отрасли хозяйства и государственные банки; государственные заказы на производство определенных товаров вели к одностороннему развитию отдельных сфер промышленности, ориентирующихся на удовлетворение потребностей государства, а не рыночного спроса; непосредственная деятельность государства в организации транспорта, больших предприятий и банков, переход собственности фирм-банкротов во владение государства; отсутствие свободы действия промышленных капиталистов, вытекающее из многочисленных административных ограничений и признания особых привилегий незначительного числа фирм; система государственных заказов как средство развития больших предприятий; финансирование больших предприятий и банков из государственного бюджета; антикризистая деятельность государства и сотрудничество с отдельными капиталистами в организации монополий; переход государственных чиновников в управление большими промышленными предприятиями. Все это создавало материальные и организационные предпосылки для бюрократизации экономики[225].

[225] См.: Бовыкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России // История СССР. 1959, № 3

Результаты исторических исследований я использую для выделения ГА России в особый предмет исследования, позволяющий конкретизировать общие категории теории бюрократии. Детально описаны следующие феномены: подход ГА к определению и решению социальных проблем; природа государственной статистики; концепция официального процветания общества; роль либеральной концепции прогресса в обосновании казенного славословия; главные характеристики ГА России и их отражение в деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти, уголовной и политической полиции, вооруженных сил, дипломатических и других ведомств; социальные и политические характеристики российских юристов. Все эти явления сильнейшим образом повлияли на политику и идеологию Российской империи и Советского государства.

5.2. Политическая бюрократия и интеллигенция

Накануне первой мировой войны Россия была страной высокоразвитого государственного капитализма. Но в ее социальной структуре возрастал класс *властителей-собственников,* унаследовавший все свойства российского государственного феодализма. Это привело к тому, что уже в начале Х1Х в. Россия начала *опережать* страны Европы в росте бюрократии[226]. Одновременно увеличивался класс российской буржуазии, связанный с ГА.

В условиях российского капитализма с отсталым сельским хозяйством в капиталистическом секторе было легче обогатиться. Члены ГА укрепляли свое политическое положение за счет роста собственности. А экономика зависела от их решений. Поэтому в экономической истории России взятка (наряду с прибылью и земельной рентой) стала новой формой прибавочной стоимости. Чем больше русский капиталист хотел обогатиться и одновременно не желал давать взятки чиновникам, тем высшим политическим положением он должен был обладать. Русские капиталисты были вынуждены либо становиться членами ГА, либо входить в клики и кланы (так называемый «высший свет»), составленные из властвующей бюрократии. Это обусловило принципиальное отличие соци-

[226] См.: Писарькова Л.Ф. От Петра 1 до Николая 1: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996, № 4

альной структуры России от социальной структуры стран классического капитализма.

В России на рубеже Х1Х-ХХ вв. сложилась суперклассовая структура: класс распорядителей средствами насилия включал чисто авторитарный слой ГА и класс властителей-собственников; класс капиталистов включал властителей-собственников и чисто буржуазный слой. К чисто авторитарному слою принадлежали царь с ближайшим окружением (которое не следует путать с царской семьей, члены которой тоже использовали свое положение для личного обогащения) и часть ГА (армия, уголовная и политическая полиция, дипломатические ведомства), которая не имела доступа к экономическим решениям. Класс властителей-собственников увеличивался за счет чисто буржуазного слоя. Таким образом, политическая бюрократия (ПБ или правительство) включала в свой состав чисто авторитарный слой ГА и класс властителей-собственников.

Эта характеристика имеет непосредственное отношение к ГА царской, советской и нынешней России и порождает следующие свойства ее ПБ: необъективность при отражении социально-экономической реальности; эмпиризм и оппортунизм; административно-политический волюнтаризм и идеализм; властно-административный прагматизм (не имеющий ничего общего с философским прагматизмом); отсутствие политической инициативы и эпигонство политического мышления; индивидуально-групповой макиавеллизм как господствующий тип политической морали (не имеющий ничего общего с искусством управления государством). Эти свойства выражаются в особом *искусстве внутренней дипломатии.*

Выражение *искусство внутренней дипломатии* я использую для анализа российских «революций сверху», периодов перехода от реформ к реакции, от революции к контрреволюции. Речь идет о следующих действиях, претендующих на политическое и даже «судьбоносное» значение.

Вначале публикуется правительственный документ (манифест, декрет, указ) о незыблемости режима, существовавшего до реформ. Параллельно производятся перемещения на высших уровнях власти. На пост, связанный с выработкой внутренней политики, назначается лицо, обладающее способностями демагога и пользующееся

репутацией «нейтрального», «центриста» и т.п. Демагог через СМИ поддерживает политические иллюзии населения.

Для этого используется эклектическая социально-экономическая и политическая концепция. В ней реформаторские, консервативные и реакционные установки ПБ переплетены с интересами властителей-собственников и связанных с ними социальных групп. Для политических демагогов идейно-политические традиции своей и других стран образуют «склад» таких концепций. В зависимости от коньюнктуры может использоваться любая из них в самых причудливых сочетаниях с остальными. Поэтому отношение ПБ к истории духовной и политической культуры всегда утилитарно (опять-таки этот утилитаризм не имеет ничего общего с концепцией И.Бентама).

Затем начинается период обработки общественного мнения. То, что раньше было или казалось «неприемлемым», становится содержанием СМИ и образует *временно-официальную идеологию.* Для поддержки содержащихся в ней иллюзий осуществляются вербальные и символические преобразования.

Одновременно приводятся в боевую готовность вооруженные силы и карательные органы. Их роль в политической системе усиливается. Параллельно в СМИ начинается борьба с временно-официальной идеологией. Особенно с теми людьми, которые отстаивают последовательность и радикальность социально-политических преобразований.

ПБ всегда стремится сохранить за собой монополию на использование и толкование любой идеологии, утилизирует краткость политической памяти населения, заполняя ее калейдоскопом мнимых политических событий.

По мере осуществления всех указанных действий наступает эпоха контрреволюции и реакции. В любой «революции сверху» в истории России можно обнаружить комбинацию указанных действий.

Суть *искусства внутренней дипломатии* – игра с общественным мнением, поддержка политических иллюзий и осуществление любых изменений в стране лишь в той степени, в которой они укрепляют господство ПБ и ГА. В этом качестве данное искусство входит в состав политического мышления правительства.

Политическое мышление правительства – это множество субъективных и институционализованных мнений членов государственной машины, претендующих на «объективность». Мнимая объективность обусловлена господством государства над обществом и всеми свойствами БО, ГФ и ПР. С одной стороны, данная форма мышления не зависит от опыта, сознания и воли правительств, существующих в любых странах в пространственно-временной определенности. Эта форма универсальна и присуща всем государственным аппаратам. С другой стороны, она зависит от административной карьеры лиц, образующих правительства разных стран. Особенности данной карьеры определяют специфику правительственного отражения социально-политической реальности.

Если члены правительства на предшествующих этапах карьеры были членами ГА, то во всех направлениях государственной политики отражаются общие свойства БО, ГФ и ПР. Отсюда вытекает ряд общих следствий деятельности правительств: запаздывание в реакции на события; стимулирование одних и подавление других социальных тенденций; использование любых фактов и событий для манипуляции общественным мнением; зависимость политической памяти правительства от искусства внутренней дипломатии предшественников; понимание политики как деятельности, протекающей в официальных государственных учреждениях; размножение учреждений в целях мнимого «укрепления» государства, поскольку на деле вместо государства укрепляются позиции различных отрядов ГА; использование классических принципов и современных приемов политического и духовного господства; создание социальных групп и целых классов, материально зависимых от правительства; преобразование данных групп в постоянный электорат, на который правительство делает ставку в процессах модернизации; деполитизация населения с помощью превращения эмоций, символов и персон в «постоянно действующий фактор» социальной войны; выработка таких программ социальных преобразований, которые ведут к усилению господства государства над обществом; использование интеллигенции для внедрения в массы идеи социального перфекционизма. В частности, стремление к личному и социальному «совершенству» связало русскую интеллигенцию с имперской, советской и современной бюрократией России.

Существует тесная связь между идеологическим и бюрократическим мышлением. Ориентиром практической деятельности становится долженствование. На его основе конструируются идеалы социального развития. Они создаются путем сложения «хороших» и вычитания «дурных» сторон действительности на основе морально-политических предпочтений интеллигенции и бюрократии. Эта процедура воплощается в радикально-бюрократических и умеренно-бюрократических программах социальных преобразований. В обоих случаях критерием отбора «хорошего» и «дурного» в социальной жизни является произвол интеллигента и бюрократа. В результате комплекс социальных наук подчиняется потребности оправдания настоящей или будущей системы власти. Формы воплощения произвола разнообразны: стратегии, программы и тактики достижения социальных идеалов; отношение к населению страны как к объекту деятельности и источнику ресурсов для достижения идеалов; убеждение в особой миссии интеллигенции; монополия бюрократии и интеллигенции на истину в последней инстанции; вербовка сторонников на основании критерия количества и эпигонства мышления и действия; отождествление идеально-целеполагающей стороны человеческой деятельности с практикой в целом; отстаивание концепции тождества мышления и бытия в ее философско-идеологических и политико-административных формах и т.д.

Указанные феномены образуют принципы деятельности идеологической бюрократии, сформировавшейся в России на рубеже Х1Х-ХХ вв. и превратившейся во властителей-идеологов Советского государства. Политическая эмиграция из России (от А.Герцена до А.Солженицына и А.Зиновьева) претендовала на ту же самую роль в государстве. Поэтому эмиграция не выработала никаких принципиально новых политических концепций по сравнению со всеми описанными стереотипами мышления.

5.3. Авторитарно-бюрократические тенденции революций

Я использую общую и особенную часть теории бюрократии для анализа революционного процесса, его влияния на политическую динамику Советского государства и развитие событий в посткоммунистической России. При этом анализируются следующие проблемы: структура авторитарно-бюрократических тенденций революций; влияние консерватизма на революционный процесс; причи-

ны укрепления бюрократии при социализме; теоретические и политические аспекты сталинизма; общие и особенные свойства режима личной власти в России; ленинско-сталинская модель политических споров; дискуссии 1920-х гг. о возможности построения социализма в одной стране; проекты и практика социалистической индустрализации; отношение между политикой и культурой в 1920-е гг.; философские дискуссии рубежа 1920-1930-х гг. и их влияние на становление советской идеологической бюрократии; отношение между репрессиями и идеологией; социально-психологические характеристики советского режима; специфика сталинской версии марксизма; роль Коминтерна в укреплении советского режима и развязывании второй мировой войны; отношение между сталинизмом и троцкизмом; война и послевоенные дискуссии; особенности советской философской и логической культуры; дискуссия о социальной природе советской бюрократии.

Обсуждение данных проблем предполагает критическое отношение к трем историческим идеологиям России – ленинизму, социал-демократизму и либерализму. В каждой из них содержится оценка Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Эта оценка не дает возможности адекватно описать авторитарно-бюрократические тенденции русских революций. В состав оценки входят бессмысленные утверждения.

Ленинизм включает три основных догмы: 1. По сравнению со странами Запада царская Россия была отсталой страной. В ее социальной структуре преобладало крестьянство, а капитализм только развивался. Помещики-дворяне были господствующим классом, а Российская империя выражала их интересы. 2. Процесс развития капитализма привел к Февральской революции – буржуазной по социальному содержанию. 3. В результате Февральской революции Россия вошла в состав капиталистических стран, но оставалась наиболее отсталым государством Европы и самым слабым звеном мировой системы капитализма. Это облегчило подготовку и проведение Октябрьской революции – социалистической по содержанию. Рабочий класс во главе трудового народа свергнул власть буржуазии для того, чтобы установить социалистические производственные отношения.

Догмы Ленина тиражировались в советской историографии, системе социальных наук и пропаганде на протяжении трех четвер-

тей века. Они до сих пор мешают понять тот факт, что партийно-государственный аппарат СССР был *суперклассом* (сосредоточившим в своих руках экономическое, социальное, политическое и идеологическое господство), а не «новым классом» (М.Джилас), «номенклатурой» (М.Восленский), «выдвиженцами» (М.Левин), «менеджерами» (Д.Бернхем) или «технокультурократией» (Д.Белл), которая осуществила модернизацию страны. Ленинские догмы все еще питают идеологические «рационализации», которые выработал класс тройного господства и от которых не свободны ученые.

Если считать царскую Россию «отсталой» по сравнению со странами Запада, то кто-то обязан был взять на себя роль «погонялы» социально-исторических преобразований. Тем самым обосновывается господство государства (компартии как вершины его социальной и политической иерархии) над населением страны. В соответствии с такой логикой, государство должно развиваться *быстрее* для того, чтобы обеспечить развитие общества. Тем самым рост бюрократии получает идеологическую санкцию. А если считать отсталость значительной, то советская держава (по примеру Ивана Грозного и Петра 1) *получает право применять чрезвычайные меры во имя прогресса.* Тем самым обосновывается рост военно-репрессивного аппарата.

Если эти меры применяются не «по назначению» (после 1934 г., когда репрессии пали на большевиков, обсевших как мухи все звенья аппарата), всегда сохраняется возможность истолковать их как «личную вину» Сталина, о тяжелом характере которого предупреждал «сам Ленин» в политическом завещании. Благодаря мудрости коммунистической партии, «ошибки и извращения» были устранены. Теперь не надо никого «догонять и перегонять». А надо развиваться «равномерно и гармонически» в направлении коммунистического общества. В соответствии с теорией Маркса и ее творческим развитием в трудах Ленина и постановлениях очередных партийных съездов. Ведь Ленин «доказал», что в отсталой стране буржуазная революция может «перерасти» в социалистическую…

Обе тенденции можно обнаружить в истории Советского государства.

<u>Социал-демократизм включает две догмы:</u> 1. Царская Россия была отсталой страной, а Февральская революция была буржуаз-

ной. Но именно по этим причинам, а также из-за слабости российского пролетариата, не надо было осуществлять «социалистический переворот». Лучше было бы сотрудничать с буржуазией в сфере экономики для эволюции капитализма в сторону социализма. 2. Постепенное перерастание капитализма в социализм в России уже бы произошло (по аналогии с развитыми странами Запада), если бы не ошибка большевиков в 1917 г. Именно они закрыли пути для «истинного социализма» в России. Перевели стрелку в «исторический тупик» с магистрали «закономерного исторического развития».

Нетрудно увидеть, что ленинизм и социал-демократизм базируются на одних и тех же постулатах: социализм как общественно-экономическая формация следует за капитализмом; переход к социализму – дело рук рабочего класса; свое преимущество перед капитализмом социализм должен доказать в сфере *экономики*. Различие ленинизма и социал-демократизма относится к стратегии политического действия. Но и оно несущественно, поскольку обе стороны согласны с Марксовым мифом о пролетариате как «освободителе всего человечества».

Либеральная догма обходит вопрос о сути Октябрьской революции. Либералы считают, что группа профессиональных революционеров просто захватила власть при особом стечении исторических обстоятельств (война, бездарность Керенского, происки Германского Генштаба, политический талант Ленина и т.д.). Однако захват власти – рядовое историческое событие. Правда, большевики захватили власть в огромной стране. И потому последствия захвата наложили отпечаток на всю историю XX в. Великая держава приняла большевистскую идеологию в качестве официальной. С этого момента «проблемы коммунизма» сводятся к международному влиянию СССР, а не к «борьбе классов». В результате захвата власти большевики лишили Россию «выбора», тогда как Февральская революция (завершившая противоборство либералов с самодержавием) такой «выбор» предоставила. Россия была «дикой и отсталой». Только в ней большевики нашли поддержку и начали «социальный эксперимент». В «состоятельных и просвещенных» странах Запада он немыслим. Эти страны уже давно «рационально» решают социальные проблемы методом «частичных улучшений».

Ленинские, социал-демократические и либеральные догмы широко распространены в современной историографии, социальных науках и публицистике[227]. К тому же по этим вопросам нет существенного различия между отечественными социальными науками, эмигрантской рефлексией и зарубежной советологией[228]. В чем причины такого сходства?

Во всех случаях мы имеем дело с определенной философией истории и вытекающей из нее программой социального переустройства, которая принимается или отвергается. Если программа принимается, то устанавливается телеологическая связь актуального состояния общества с Социализмом (Коммунизмом) – социальным идеалом и конечной точкой истории. По сравнению с «потоком богатств» в предполагаемом коммунизме их было немного в царской и советской России. И всегда меньше, чем в развитых странах Запада. То же самое можно сказать о реальных человеческих отношениях и уровне повседневной культуры в царской и советской России.

Запад выполнял роль промежуточной точки отсчета в ленинской и социал-демократической мысли. У либералов место социализма (коммунизма) занимает Капитализм – эффективная рациональная система стран Запада, лишенная социальных болезней. Все указанные направления мысли не выходят за рамки телеологической схемы: Социализм (Коммунизм) – Запад (Капитализм) – Россия (царская, советская или современная). В этой схеме – на пути к Социализму или Капитализму как социальному идеалу – Россия всегда остается «в хвосте исторического похода»…

Правда, «поход» происходит в мозгах идеологов с обеих сторон баррикады. Телеологическая схема ведет к *территориальному противопоставлению* Запада и России, которое сложилось задолго до появления ленинцев, социал-демократов и либералов. В постсоветской России эта схема сохранилась. Но теперь она нагружается культурно-цивилизационными, религиозными, геополитическими, ментальными и прочими характеристиками – в зависимости от фантазии авторов. В результате отечественная политическая мысль, историография и социальная наука оказались отброшенными на

[227] См.: Согрин В.Г. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопросы философии. 1996, № 8

[228] См.: Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997, № 5

двести и больше лет назад. Это объясняется тем, что противоборствующие стороны обходят методологическую проблему о *соотношении фактов и ценностей* в социальном познании и политике.

Например, западная советология сконструировала концепт «тоталитаризма», а официальная советская идеология оперировала понятием «реального социализма». При этом одни и те явления (официальная идеология, система террора, одна массовая партия, контроль над СМИ, контроль над вооруженными силами, централизованная экономика) оценивались с противоположным знаком. Но ни советские идеологи, ни основатели и адепты «теории тоталитаризма» не пользовались понятием «суперкласса» при анализе советской системы. Данное понятие фиксирует сущностную стратификацию советской системы - постоянное применение насилия к населению страны. В теоретической модели будущего социального устройства насилие квалифицировалось как «повивальная бабка истории» (К.Маркс). Отсюда Ленин вывел понятие «диктатуры пролетариата», а Советская власть применила диктатуру на практике. Следовательно, все другие свойства «реального социализма» или «тоталитаризма» можно объяснить посредством их выведения из материальной монополии «суперкласса» на средства насилия.

Иначе говоря, теоретическая проблема не сводится к фактографии. Теория объясняет сущность, а фактография – существование указанных свойств. Существование материальной, организационной и духовной монополии «суперкласса» советского общества известно давно из работ публицистов и историков. Как суждение о фактах оно просто банально. Но можно ли монополию на средства насилия считать сущностью систем, называвших себя «социалистическими», и объяснять их только на основании данной монополии? Если на вопрос ответить положительно, то теорию Маркса надо квалифицировать как разновидность теории насилия, а Бисмарка (а не Ленина) считать первым марксистом… Ложность такого вывода не нуждается в доказательстве. Значит, суть споров о теории и практике социализма не сводится к фактам и тенденциям, а к их интерпретации.

То же самое можно сказать о «теории тоталитаризма». Сторонник исторического материализма будет считать главным свойством «тоталитаризма» централизованное руководство экономикой. Сторонник институционального подхода к обществу – систему терро-

ра. Сторонник идеализма – наличие официальной идеологии. Адепт теории насилия – монополию контроля над СМИ, вооруженными силами и экономикой. Тем самым любые теоретические ориентации помещаются в рамки «тоталитарного синдрома». Но именно этот факт доказывает теоретическое убожество концепции «тоталитаризма».

Между тем именно политическая бюрократия способствует популяризации теоретически бесплодных концепций. Теоретик не обязан идти по этому пути. Теоретик сам накладывает на себя «вериги» категориального аппарата и языка науки, которой он занимается. Чисто эмпирическая ориентация снимает различие между научной и политико-бюрократической интерпретацией фактов, событий и тенденций. Значит, нет существенных различий между теориями «реального социализма» и «тоталитаризма». Ленинская, социал-демократическая и либеральная мысль не в состоянии строго сформулировать проблему бюрократии и описать авторитарно-бюрократические тенденции русских революций во всей их сложности и многообразии. При таких установках проблема бюрократии рассматривается как частный вопрос социальной теории и практики. А веберовская концепция – как образец «рациональной организации общества», в котором бюрократия выполняет функцию управления[229].

Я не согласен ни с концепциями «реального социализма» и «тоталитаризма», ни с концепцией М.Вебера и его последователей. Анализ множества конкретных проблем, указанных выше, позволяет заключить: на протяжении Х1Х – начала ХХ вв. в истории России причудливо смешивались государственный феодализм, государственный капитализм и государственный социализм. В результате такого переплетения Россия уже в начале ХХ в. *обогнала* страны Запада в создании госаппарата, объединяющего в своих руках власть, собственность и идеологию. Лишь после кризиса рубежа 1920-30-х гг. «отсталый Запад» начал вмешиваться в циклы конъюнктуры, превращать государство в субъект экономического развития, широко применять контроль над частной собственностью, обеспечивать переход государственных чиновников в состав ме-

[229] См.: Левинсон А.Г. Термин «бюрократия» в российских контекстах // Вопросы философии. 1994, № 7-8. В данной статье моя концепция бюрократии критикуется как раз на основании описанных посылок.

неджеров корпораций и фирм и наоборот и т.д. Эти методы царская Россия широко применяла уже в конце Х1Х в. Они были только усилены на протяжении всего периода «социалистического строительства», а сегодня еще более «совершенствуются» за счет непосредственного соединения насилия с рынком[230]. Первоначально такое соединение возникло на уровне государственного аппарата.

Все социальные и политические системы есть господство меньшинства над большинством. В итоге «социалистического строительства» в России меньшинство общества сосредоточило в своих руках средства и ресурсы, которыми не располагало ни одно меньшинство в истории. Обычно классы распорядителей средствами производства (собственники), насилия («государственные мужи») и индоктринации (попы, идеологи) были разделены. У них были определенные общие интересы. Это облегчало их союзы против класса трудового народа – создателей материальных и духовных ценностей, которые были лишены всех средств одновременно. И все же существуют различия между экономической эксплуатацией, физическим (политическим) насилием и духовным господством над людьми. Это порождало барьеры между указанными классами. В СССР эти барьеры были сняты. Возник класс властителей-собственников-идеологов.

Я уже анализировал количественные и качественные характеристики, социальные и политические трансформации данного класса на протяжении 1990-х гг.[231]. Эти трансформации пока не разорвали сложившиеся в предшествующей истории России связи между властью, собственностью и идеологией. Продолжается воспроизводство общих и особенных характеристик российской бюрократии. Они получают юридическое оформление. Например, в ныне действующем «Законе о государственной службе Российской Федерации» воспроизводятся все элементы БО, ГФ и ПО. Под таким углом зрения можно анализировать всю систему и структурные звенья современного российского законодательства. Для обоснова-

[230] См.: Волков В.В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства // Полис. 1998, № 5; Он же. Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антрпологии. 1999, № 3

[231] См.: Макаренко В.П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат (к методологии исследования) // Социс. 1996, № 11; 1997, № 7; Правительство и бюрократия // Социс. 1999, № 2

ния такого подхода я разрабатываю теорию оппозиции и легитимности.

5.4. Проблема оппозиции

В 1990-е гг. в России и других странах СНГ шло формирование политической оппозиции. Появились новые партии и движения. В парламентах возникли группы и фракции. Происходила поляризация политического сознания групп населения, оформлялась политическая «прописка» прежних и новых СМИ, систематически проводились выборы в разные органы власти и т.д. Однако становление оппозиции в бывших странах «реального социализма» идет с трудом.

Я начал разрабатывать эту проблему еще в период существования СССР. Специфика моего подхода – использование теории бюрократии для анализа методологических, содержательных и политических аспектов оппозиции. Суть дела состоит в том, что нынешняя власть в России и других государствах СНГ использует сложившиеся в советское время связи власти, собственности и идеологии. Значит, можно исходить из признания данной власти нелегитимной. Перспективы становления оппозиции зависят от того, насколько она сможет разрушить эти связи. Причем, не только в государственном аппарате, но и в аппаратах множества существующих партий. Политические процессы в России после 1991 г. лишь качнули, но существенно не изменили систему власти-собственности-идеологии, конфронтационное политическое мировоззрение и авторитарно-бюрократические методы управления обществом. Происходит срастание новых политических партий и общественно-политических движений со сложившейся структурой власти. Этот процесс можно рассматривать как частный случай бюрократизации политических систем. В России законодательные органы власти являются марионеточными и широко пользуются методами насильственно-манипулятивного воздействия на общество. Бюрократия попрежнему диктует свою волю, не несет никакой ответственности перед населением страны[232]. Формальная оппозиция воспроизводит бюрократические методы политической дея-

[232] См.: Чумиков А.Н. Насилие меньшинства как следствие несовершенства современной политической системы в России // Социс. 1996, № 4

тельности. Выборы и парламент не изменили систему БО, ГФ и ПО. Главная проблема политического развития России – создать такую политическую оппозицию, которая позволяла бы противодействовать данной системе. Для этого политическое недоверие должно быть направлено на политическую систему в целом – ее экономические, политические и идеологические основания.

Однако в России пока господствует другая точка зрения: оппозиция – это патология, а не норма политической жизни общества. Такая точка зрения глубоко укоренена в политической культуре и истории страны[233]. В результате оппозиционная деятельность смешивается с «антигосударственной», хотя на протяжении XX в. государство в России (Российская империя и СССР) уже дважды было разрушено бюрократией, соединившей в своих руках отношения «власти-собственности». При либеральном толковании оппозиции ее стремятся свести к политическим силам и группам, признающим основные принципы существующей политической системы, и исключить из политической жизни группы, высказывающиеся за ее полное изменение.

Это толкование неприменимо к политическому развитию России. Прежде всего потому, что нынешний ГА России на 80-90% состоит из экономической, политической и идеологической бюрократии СССР. Глупо надеяться на изменение системы «тройного господства» с помощью такого аппарата. Наследники советского «суперкласса» создают, толкуют, применяют и изменяют законодательные акты в своих интересах. Следовательно, нельзя считать формально-юридическое толкование оппозиции достаточным.

При формально-правовом подходе к проблеме смешиваются два вопроса: следует ли легализовать оппозицию? можно ли признавать оппозиционной деятельность, связанную с нарушением законов? В обоих случаях возникает проблема *различия между политикой и правом*. Это различие обостряется в период трансформации политической системы. Всякая монополия власти на толкование данного различия ведет к господству власти над законом. При этом надо учитывать, что на протяжении XX в. в странах Запада существовали коммунистические партии, которые ставили своей целью полное изменение политических систем данных стран. Тем не менее эти партии квалифицировались как оппозиция. Но в дан-

[233] См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995

ных странах не существовало системы «тройного господства». В России эта система образует политическую традицию и реальность сегодняшнего дня. Следовательно, в состав политической оппозиции следует включать только те социальные движения и политические партии, которые ставят своей целью *полный разрыв системы «власть – собственность – идеология»*. Правда, в России таких движений и партий еще нет. Но доказательство на основе прошлого опыта не является доказательством в строгом смысле слова (принцип Юма).

Кроме того, смешивание оппозиции с «антигосударственной деятельностью» базируется на властно-бюрократическом произволе. В результате снимается *различие идеологии и права* как господствующей правовой идеологии, системы установленных законов и порядка их применения. В России длительное время господствовала правовая идеология, обосновывающая приоритет государства над гражданами, власти над законом. Она прекрасно уживалась с самодержавной и с советской властью. Возрождение и пропаганда «евразийства» и «атлантизма» в нынешней России показывает, что геополитические концепции обосновывают тот же самый приоритет. На этих основаниях невозможно обеспечить развитие политической оппозиции в указанном смысле слова.

Смешивание правовой идеологии с системой установленных законов выражается в широком и узком толковании оппозиции. В первом случае ее представители попадают в разряд политических противников со всеми вытекающими последствиями. Во втором случае различия в политических взглядах служат основанием для репрессий.

Я считаю, что оба толкования надо отбросить без сожаления, поскольку они были «реализованы» до и после революций 1917 г. А сегодня они воспроизводятся в деятельности властно-управленческого аппарата России. Его члены традиционно смешивают собственную причастность к ГА с государством как формой политической организации общества. Советская власть длительное время пыталась воплотить в жизнь фикцию государства, в котором нет никаких политических различий между гражданами и социальными группами. А репрессивная политика обслуживала эту фикцию. Правда, закулисный конфликт различных звеньев государственной машины (партийный аппарат, армия, органы госбезопасно-

сти и МВД, дипломатические ведомства, технократия) всегда существовал, а в последнее время еще более усилился. Однако любое звено считало *нормой* переплетение власти с собственностью и идеологией. Этим объясняется и нынешняя «ожесточенность» политических дебатов, которые почти не несут никакой содержательной нагрузки, хотя нередко заканчиваются дракой[234].

Следует учитывать также, что нынешнее «размежевание» юридического сословия и органов прессы является мнимым. Три поколения советских юристов и журналистов воспитаны в условиях господства власти над законом и идеологической унификации. Сегодня они передают свой «опыт» наследникам. Наследники из среды финансово-промышленных кругов тоже отстаивают связь власти и собственности. А большинство населения страны считают эту связь нормальной. Таким образом, становление политической оппозиции затягивается.

Почва для нее уже имеется. Социологически доказаны различия между мнениями социальных и электоральных групп о месте России в мировом сообществе и выражением данных мнений в политической структуре; политическими ориентациями центра и провинций, столичной и региональной бюрократии с явно обозначившейся тенденцией скрыть эти ориентации[235]. Значит, политическая оппозиция не является «антигосударственной силой» и не тождественна несогласию социальных групп с курсом правительства. Если учитывать уроки истории СССР, то даже из самых суровых репрессий вытекает вначале моральная, а затем политическая оппозиция. Если правительство не желает ее радикализации, оно обязано терпимо относиться ко всем проявлениям реальной политической дифференциации и отказаться от навязывания собственной точки зрения через СМИ. Требуется публичная полемика с людьми, не согласными с курсом правительства и основаниями существующей политической системы. Система «власть – собственность» связывает нынешнюю систему с советской властью. Все политические си-

[234] См.: Плуцер-Сарно А. Государственная Дума как фольклорный персонаж // Логос. 1999, № 9

[235] См.: Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Москва, Аспект-Пресс, 1996; Соловьев А. Этика бюрократии: постсоветский синдром // Общественные науки и современность. 1995, № 4; Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. Москва, 1996

лы, высказывающиеся за полное или частичное воспроизводство данной системы, не могут быть квалифицированы как оппозиция.

К ней ближе те элементы российского политического менталитета, в которых власть квалифицируется как неопределенная, вездесущая и дьявольская сила[236]. Этот фольклорный стереотип в XX в. нашел наиболее скорбное подтверждение. Поэтому определение оппозиции не может быть оценочно-нейтральным, как предлагают позитивистски-ориентированные «мудрецы» из состава закордонных и отечественных политологов. Политическая оппозиция не обязана отдавать преимущество определения ситуации в стране правительству, всем звеньям законодательной, исполнительной и судебной власти, политическим партиям и избирательным блокам. Ведь ни один из указанных элементов политической системы не свободен от БО, ГФ и ПО. Значит, их оценка ситуации ни в коем случае не может быть преобладающей и господствующей. Этот момент особенно важен в период изменений политической системы, когда обычные демократические критерии большинства и меньшинства теряют свою силу.

Политическая оппозиция – это группы и движения, которые действуют организованно для того, чтобы отнять власть у правительства и передать ее другой политической силе. Специфика российской ситуации в том, что потеряли силу обычные критерии легальности и нелегальности[237] из-за переплетения теневой экономики с политической коррупцией[238]. По сути дела, эти выражения скрывают традиционную российскую связь власти, собственности и идеологии. Формирование политической оппозиции может начинаться с попыток теоретического описания данной связи и всех ее многообразных следствий для прошлого и настоящего России. Цель оппозиции – передача власти. Методы – организованные политические акции, ограниченные неприменением силы в тех пределах, в которых силовые структуры не вмешиваются в политику.

[236] См.: Макаренко В.П. Российский политический менталитет // Вопросы философии. 1994, № 1, с.38-39

[237] Под «нелегальностью» я имею в виду тот факт, что ни правительство, ни региональные органы власти, ни политические партии и избирательные блоки не раскрывают источников своего финансирования. Видимо, эта ситуация должна быть устранена путем разработки, принятия и применения соответствующего закона, в котором были бы четко обозначены источники финансирования любой партии.

[238] См.: Форум: теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа (афро-азиатские страны и Россия) // Восток. 2000, № 1-3

Однако в государствах с сильным авторитарным прошлым (к ним относится и Россия) такое вмешательство стало правилом. Поэтому мера вооруженности оппозиции есть лишь отражение вмешательства силовых структур в политическую жизнь.

По формам действия можно выделить конституционную, политическую и конспиративную оппозиционную деятельность. Под «конспиративностью» имеется в виду спектр власте-собственнических и власте-идеологических связей, которые стремятся скрыть правительство, бюрократия, партии и теневые структуры. По этим основаниям противодействие курсу правительства локализуется внутри ГА. Аппарат всегда склонен действовать скрыто, придавая собственным действиям видимость конституционности. Без борьбы с этой тенденцией невозможно создать новую политическую ситуацию.

Передача власти другой группе – определяющий, но не единственный признак оппозиции. Противоборствующие силы обычно удерживают или захватывают власть для того, чтобы навязать населению страны определенную политическую доктрину, развить политическую концепцию и реализовать политическую программу. Однако прошедшее десятилетие показало, что ни одна из противоборствующих сил не в состоянии предложить доктрину, концепцию и программу, свободную от интересов разных звеньев бюрократии и удовлетворяющую элементарным логическим и политологическим критериям[239]. Следовательно, в России идет борьба за власть, но нет политической оппозиции.

Постсоветская бюрократия обладает своими интересами, стремится стать над противоборствующими силами и сохранить за собой монополию на власть независимо от изменений политической коньюнктуры. Поэтому вместо оппозиции развивается лоббизм. Причем, все ныне существующие в России группы давления на правительство сложились при советской власти[240]. Большинство из них находятся внутри аппарата. Они стремятся воздействовать на правительство в соответствии со своими корпоративно-групповыми интересами для модификации политики в выгодном для них направлении. Тем самым усиливается бюрократизация политического процесса. Все группы давления предпочитают пользоваться бюро-

[239] См.: Элементы теории политики. Ростов-на-Дону, Изд. РГУ, 1991, с.187-204
[240] См.: Лоббизм в России: этапы большого пути // Социс. 1996, № 3-4

кратическими методами подбора кадров и персональными перестановками во всей структуре ГА. Еще ни одна группа давления не перешла открыто в ранг политической оппозиции. Крайне примечательно, что некоторые российские юристы обосновывают «законность» отечественного лоббизма со ссылкой на США[241]. Это лишний раз доказывает политическое недомыслие и верноподданность юридического сословия России.

Правительство тоже не собирается отдавать добровольно государственную машину в другие руки. Оно предпочитает действовать с помощью рутинных методов политической игры, используя для этого СМИ. Поэтому политическую оппозицию надо отличать от борьбы за власть внутри правящих групп, сращенных с государственной машиной. Эта борьба издавна ведется на вершине политической иерархии. Следствия тоже давно известны.

Политическую оппозицию надо отличать также от аморфной и распыленной *критики*, характерной для России, но слабо связанной с публичной политической деятельностью. Критика – это не оппозиция, поскольку большинство форм критики вписываются в БО. К тому же полновесной социальной критики в России пока не сложилось. Связь власти с собственностью и идеологией создала множество барьеров на пути реализации трех главных задач социальной критики: выставлять на всеобщее обозрение ложные условности российского общества; выражать наиболее глубокие идеи о должном социальном устройстве; показывать все формы существующей социальной лжи. Связи современной российской интеллигенции с традициями социального недовольства практически прерваны. Из-за этого процветает национально-народная апологетика. Население страны пока не способно занять критическую позицию в отношении государства и народа одновременно, остается пленниками и инструментами власти[242]. А мельтешащие на политической сцене лица не имеют никакого «политического характера» (в смысле М.Вебера) – т.е. не способны к выдвижению оригинальных политических идей. При таких условиях перспективы политической оппозиции остаются крайне неопределенными.

[241] См.: Малько А. Лоббизм // Общественные науки и современность. 1995, № 4

[242] См.: Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. Москва, Идея-Пресс, 1999, с.339

Следует проводить также различие между политической оппозицией и *гражданским сопротивлением* – различными формами публичного неповиновения власти. Традиция гражданского сопротивления в современной России почти безвозвратно утеряна, хотя ее теоретическая реконструкция и легитимизация уже началась[243]. По крайней мере, после гражданской войны население страны еще не выходило самостоятельно на политическую сцену. Поэтому возможность преобразования социальной критики (в указанном смысле слова) и гражданского сопротивления в организованное политическое действие остается открытой

В современной литературе отсутствие социальных движений в современной России квалифицируется как «величайшая тайна» и объясняется следующим образом: «В истории социальные движения были железным правилом, приводя в действие механизм социальных изменений. Наследие советского коммунизма является наиболее значительным в современной истории исключением из этого правила. Социальные движения были второстепенным фактором российской реформы как революции сверху, вышедшей из-под контроля. Парадокс усиливается отчетливой политической пассивностью, терпимостью российского населения к страданиям, причиненным трансформацией, к реализации циничной эксплуатации новыми «демократическими» спасителями, криминализации сегментов экономики и государства, национальному унижению и нескончаемому предательству их надежд. Россияне не соблазняются популистскими призывами слегка обновленных коммунистов и не доверяют неолиберальным экономистам – поклонникам Пиночета. Однако социальные движения не вырастают лишь на основе боли, страдания и угнетенности. Это почва для мятежа, но не для движения. Российское население в целом слишком образованно, чтобы взорваться без учета последствий своего восстания. В итоге индивидуальные и групповые стратегии выживания являются более приемлемым средством в ситуации, когда мир не может быть изменен…Пока способность людей генерировать новые идеалы не восстановится, не будет и социальных движений, а без них Россия не восстановится. Нынешнее обилие неправительственных организаций в России может стать прообразом новых форм социального из-

[243] См.: Ватлин А.Ю. Сопротивление диктатуре как научная проблема: германский опыт и российская перспектива // Вопросы истории. 2000, № 11-12

менения. Надо уловить, как россияне генерируют новые идеалы и как эти идеалы становятся источниками альтернативным форм общества»[244].

В России в настоящее время существует аморфная масса партий, напоминающая партийную структуру России после февраля 1917 г. Комплекс политических концепций и программ данных партий тоже не отличается оригинальностью. Извлечение из сундука всей этой партийно-идеологической ветоши происходит в обществе с радикально изменившейся (по сравнению с началом XX в.) технико-экономической, аграрно-урбанистической и социальной структурой. Зато связь власти с собственностью принципиально не изменилась. Поэтому все элементы БО, ГФ и ПО охватывают правительство и противоборствующие политические силы. Правительство стимулирует власте-собственнические тенденции во всей структуре управления страной. Тем самым оно сознательно сужает социальную базу оппозиции. В ней остались одни политиканы и их идеологическая обслуга. Оппозиция в современной России стала целью самой по себе. Превратилась в трамплин для политической карьеры лиц, слабо связанных со структурой социальных и политических потребностей населения. Правительство манипулирует СМИ для трансляции патерналистско-советского стереотипа: потребности населения будут удовлетворяться по мере выполнения «правительственных программ». Даже оппонентам, пытающимся играть роль «оппозиции», оно навязывает состязание обещаний и программ, ни одна из которых не выполнена. Транслируются также все остальные элементы искусства внутренней дипломатии. Происходит бюрократизация новых партий и избирательных блоков. Этот процесс начался еще до распада СССР. Новые партии формировались под контролем прокуратуры, МВД, КГБ и аппарата КПСС. Они полностью заимствовали властно-собственнические и властно-идеологические связи, характерные для данных структур.

Правовые условия деятельности оппозиции состоят в следующем: 1. Принцип строгого отличия политических противников от критически настроенных людей. Только тот может считаться оппозиционером, кто хочет и действительно является таковым. 2. Принцип открытых дверей должен обеспечивать нормальную жизнь всем людям, занятым оппозиционной деятельностью. 3. Законы не

[244] Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000, № 1, с.49-50

должны толковаться применительно к обстоятельствам борьбы между правительством и оппозицией.

Хотя юридическое оформление данных условий не составляет труда, их практическое соблюдение относится к сфере возможного, а не действительного. Серия убийств лидеров рабочего движения и журналистов подтвердила справедливость тезиса Ж.Сореля: выступать за соблюдение «прав человека» значительно легче, нежели противодействовать произволу конкретного «хозяина» или «директора» предприятия или целого ведомства. Дифференцированный подход к уголовной политике в целях противодействия властно-собственническим отношениям на уровне производственных предприятий и ведомств пока еще образует «белое пятно» отечественной и мировой юстиции[245].

Если судить по опыту демократических государств, оппозиция в них давно стала элементом бюрократической структуры. То же самое произошло в России. Поэтому «оппозиция» в той форме, в которой она существует в стране, заслуживает еще более критического отношения, нежели правительство и бюрократия. Для противодействия этому процессу я разрабатываю теорию легитимности.

5.5. Вопрос легитимности

Социальные и политические науки России на рубеже XX-XX1 вв. находятся в трудной ситуации. Требуется отбросить все наследство бывшей официальной идеологии, которая глубоко пропитала содержательную, понятийную и методологическую структуру социогуманитарного знания. Одновременно надо выработать противоядие от коррумпированной, коммерциализованной и пропагандистской западной политологии, которая в большинстве случаев выполняет в политических системах западных государств ту же функцию, которую в СССР выполнял «научный коммунизм» с его многочисленными ответвлениями. Не менее актуальной является задача противодействия различным формам консервативно-архаического возрождения российской идеологической и символической ветоши. Она нисколько не помогает разобраться во множестве современных проблем и является просто воспроизводством

[245] См.: Хеффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. Москва, Наука, 1994

сталинской ксенофобии в новых условиях. Каждая из указанных тенденций существует в современной России. В целях критического отношения к ним я предлагаю рассматривать проблему легитимности в контексте выводов из теории бюрократии и политической оппозиции.

По этой теме я опубликовал в 1993 г. статью, на основе которой в 1996 г. была опубликована коллективная монография «Легитимность политической власти: методологические проблемы и российские реалии». В ней рассматриваются следующие вопросы: кризис власти как глобальная проблема современности; система политических иллюзий и властно-управленческий традиционализм; феномены истощения идей и политического недоверия; сила и легитимность власти; реальная власть и официальная легитимность; объекты, типология и аргументация легитимности. Кратко опишу главные результаты исследования.

Кризис власти как глобальная проблема современности. В 1960-1970-е гг. на Западе появились работы, в которых отмечалось, что кризис власти есть глобальная проблема современного мира. Симптомы кризиса были зафиксированы во всех капиталистических, социалистических и развивающихся странах. В развитых странах Запада развивалось несколько тенденций: упадок идеологии и институтов welfare state; нарушение связей между экономической и политической системами; рост этнического и религиозного сепаратизма; экологический и энергетический кризис. В итоге рухнула вера в государство как защитника и опекуна общества.

Те же самые тенденции (с определенными модификациями) возникали в социалистических и развивающихся странах. Переход от государства диктатуры пролетариата к общенародному государству привел к изменению формы государств и падению коммунистических режимов. Экономическая необходимость децентрализации, введения рынка и дифференциации доходов противоречили эгалитаризму как элементу официальной идеологии и массовой психологии. Принцип неприкосновенности границ имперского и колониального периода усилил этнический, национальный и религиозный сепаратизм. Бюрократизация, коррупция, родственно-земляческие связи стали обычной практикой советского режима и развивающихся государств. Традиционные и новые политические элиты широко пользовались отсутствием строго определенных

правил в борьбе за власть. Насилие стало повседневной практикой развивающихся и социалистических стран. Системы образования и воспитания отставали от потребностей экономического и социального развития и становились дисфункциональными.

Таким образом, недоверие к любым политическим системам, институтам и руководителям – общая тенденция современного мира, включая Россию. Значит, легитимность надо рассматривать в этом контексте.

Система политических иллюзий и властно-управленческий традиционализм. В результате исследования бюрократии я пришел к выводу о принципиальном различии между верноподданным и гражданином. Верноподданный – это индивид, готовый признать истинным все, что говорило высшее лицо (генсек или президент) или группа (правительство) вчера, вещает сегодня и будет бубнить завтра. Гражданин всегда ставит под сомнение любое высказывание и решение официальных лиц и структур. В лучшем случае они признаются как один из возможных вариантов дальнейшего развития событий.

Советская власть систематически искореняла это различие, стремясь превратить граждан в верноподданных. Она использовала все экономические, политические и идеологические средства для выработки у населения страны убеждения: находящиеся у власти люди имеют полное право ее осуществлять. Проблема легитимности считалась вымыслом буржуазного права и принадлежала к идеологическим табу. Но указанное убеждение нисколько не отличается от традиционных представлений о власти. Для их обоснования использовались ссылки на «законы истории», классическая теория демократии, бихевиористская модель отношений между властью и гражданами, идеологические и политические обещания, трансформированные религиозные убеждения, интерналистские и экстерналистские установки личности, иерархический и групповой конформизм, технократические иллюзии и т.д. Системы законодательства, оплаты труда, ценообразования, государственных налогов и займов, распределения жизненных благ, образования и воспитания, подготовки руководящих кадров и пр. базировались на отождествлении интересов общества и государства, монополия на выражение которых принадлежала правительству. Общественный порядок толковался как обязательное подчинение госаппарату. При-

зывы к патриотизму обеспечивали добровольно-принудительную отдачу силы, труда, денег и других средств населения в руки государства. Призывы к единству прав и обязанностей скрывали подчинение личности государству в экономической, социальной, политической и идеологической сферах.

Эти элементы легитимизации советской власти включали следующие основные средства: насилие, материальные блага, организационно-управленческая эффективность власти, привычка и апатия населения. В трудах автора детально описано каждое из них. На этом основании подвергается критике распространенное (на Западе и в России) *отождествление* легитимной власти с экономической и организационно-управленческой эффективностью власти, а также с послушанием граждан. Разобраны главные аргументы в пользу такого отождествления. В их основании лежит идея этатизма. Она обосновывает внутреннюю деполитизацию всех сфер социальной жизни и социальных групп и обеспечивает изоляцию государства от внешнего влияния. В итоге управление государством приобретает форму безальтернативности, в состав которой входят следующие методы: 1. Официальная государственная идеология и связанный с ее разработкой и пропагандой идеологический аппарат обосновывает необходимость движения общества в одном направлении. 2. Ликвидация всех контридеологий и кругов интеллигенции, предлагающих другие способы видения будущего и настоящего и методы решения социальных проблем. 3. Перфекционизм - пропаганда представления о том, что существующий социальный порядок является лучшим из возможных, а органы государственной власти обеспечивают его сохранение и воспроизводство.

Данная схема политического мышления и действия транслирует стереотипы традиционных обществ. Власть в них опирается на убеждение в «естественном» характере существующих социальных отношений, которые осознаются как единственно возможные. Эта схема противостоит сознательному консерватизму, который оперирует принципом «Я должен жить так, как жили мои отцы и деды». Данный принцип возникает тогда, когда уже появляется возможность выбора разных путей индивидуального, группового и общественного развития.

Эмпирические исследования этих стереотипов мышления и поведения сложны, поскольку нужно выявлять то, что люди не осоз-

нают (или скрывают). Если такие стереотипы проявляются во властно-управленческой сфере, происходит деполитизация самих политиков. Возникает сфера *мнимо-политических решений* - бессознательной политической манипуляции. В ее состав входят: переоценка (недооценка) масштаба политических действий; приписывание положительных следствий только определенным политическим действиям, а негативных – факторам, независимым от действующего субъекта; сосредоточенность на позитивных и пренебрежение негативными последствиями действий; ограничение дискуссии о путях решения социальных проблем только одним вариантом, который квалифицируется как лучший из возможных; блокировка информации, которая не соответствует избранному варианту решения; упрощение образа социально-политической ситуации, схематичность и односторонность восприятия; пренебрежение к факторам, которые могут помешать реализации избранного варианта решения.

Все эти познавательно-практические процедуры порождаются БО и затягивают политические решения. Мнимо-политическим является любое решение, направленное на подавление альтернативных подходов к социальным проблемам. С помощью такой политики стремление к изменениям подавляется на фазах подготовки, принятия и реализации решения. Вся история царской и советской России есть цепь таких решений, из-за чего страна безнадежно отстала от Европы, США и Японии, а вскоре отстанет и от Китая.

Безальтернативные решения влияют на отношение центра и периферии и все направления внешней политики государства. Они ведут к постоянному росту затрат на ВПК и полицейско-репрессивный аппарат. Насилие, материальная обеспеченность и политическая пассивность населения, организационно-управленческая эффективность аппарата власти и управления не гарантируют стабильность государства и не могут считаться критерием легитимности. Перспективы становления легитимной власти в России зависят от того, насколько реальная власть сможет преодолеть всю систему описанных иллюзий. Поскольку они транслируются, недоверие к правительству и аппарату управления следует считать *нормальным* состоянием общества. Никакая власть не заслуживает абсолютного доверия и не может быть признана абсолютно легитимной. Недоверие должно быть направлено на полити-

ческую систему в целом – ее экономические, социальные, политические и идеологические основания, а не на отдельных представителей власти, политический курс правительства и политические институты. Если этого нет, проблема легитимности не может быть строго сформулирована.

Реальная власть, частичная и официальная легитимность. Веберовская теория легитимности канонизировала договорные концепции власти, подробный разбор которых содержится в моих книгах и статьях[246]. Теории общественного договора недостаточно обоснованы эмпирически, логически и методологически, а Веберовская теория типов господства и легитимной власти является ложной. Факт состоит в том, что никакая прошлая и современная государственная власть не смогла освободиться от БО, ГФ и ПО. Поэтому при обсуждении проблемы легитимной власти я исхожу из концепции К.Ясперса, который зафиксировал тотальную вину государственной власти[247]. Он выделял уголовную, политическую, моральную и метафизическую вину, которые в равной степени относятся к властвующим и подвластным. Уголовная вина состоит в нарушении правил человеческого общежития и установленных законов. Политическая вина заключается в ответственности каждого человека за преступления политического режима, существующего в данной стране. Моральная вина включает любую форму поддержки такого режима. Метафизическая вина вытекает из бездействия человека, когда рядом творятся преступления.

Данная концепция подтверждается опытом существования политических режимов XX в., включая СССР. Поэтому концепцию К.Ясперса можно использовать для строгой формулировки проблемы легитимности. Речь идет о *презумпции виновности любой власти*. Этот тезис аргументируется следующими соображениями: властные отношения тяготеют к концентрации единовластия и только сопротивление индивидов и групп данной тенденции приводит к конкретно-историческим формам властвования; общество и власть не совпадают по определению до тех пор, пока их отношения разворачиваются в политической системе координат; идеал народовластия никогда и нигде не был реализован, а механизмы его

[246] См.: Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия: критика социологии М.Вебера. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1988

[247] См.: Ясперс К. Вопрос виновности // Знамя. 1994, № 1

воплощения в жизнь до сих пор представляют сложную теоретическую и политическую проблему; любой приходящий к власти индивид и группа подменяют интересы общества собственными представлениями на этот счет; парадокс власти в том, что идеально народная власть вправе рассчитывать на доверие к ней, но народ может рассчитывать на идеальную власть только при постоянном недоверии к властвующим.

Презумпция виновности власти – это ситуация, когда любой представитель власти воспринимается критически, а само стремление к ней вызывает устойчивое подозрение со стороны общества. Этот феномен выражается в противоречии между юридическим толкованием и методологией познания легитимности. Юридический аспект проблемы сводится к различию понятий легальной и легитимной власти. Легальность – это юридическое обоснование законности (прерогатив, ресурсов и методов осуществления) законности политической власти. Легитимность – это признание необходимости (оправданности) политической власти со стороны индивидов, социальных групп и общества в целом. Легитимность не может быть навязана обществу самой политической властью и ее идеологами, хотя такие попытки осуществляются постоянно. Легитимность есть мера добровольного признания власти, субъективного выражения согласия сторон властных отношений. Эта мера вытекает из единообразия (многообразия) политических традиций, нравов, установок, политической культуры конкретных стран и регионов.

Юридический подход явно или неявно подменяет феномен легитимности вопросом о легальности (конституционности) власти. Однако никакая конституция не свободна от БО, ГФ и ПО. Поэтому юридический подход не дает возможности систематически описать все конфликты между властью и гражданами. Появление в XX в. юридической социологии (при любом ее понимании) фиксирует ограниченность любых систем права. Однако от такой ограниченности не свободны и методология познания легитимности. В большинстве случаев эта проблема толкуется как частный вопрос политической теории и практики. Темы вины (ответственности) власти и презумпция ее виновности при этом не затрагиваются.

Легитимность можно сравнить с кредитом доверия, который подвластные дают властвующим, а также государству как форме политической организации. Властвующие и государство в целом –

это постоянные должники общества. Но кредит доверия не должен превышать критической точки, за которой кредитор попадает в зависимость от должника. Постоянная передвижка этой точки и связанные с ними конфликты (внутри государств и международные) фиксируют меру такой зависимости. Если кредит доверия постоянен, власть имеет большую свободу действий. Она может совершать больше ошибок, предлагать непопулярные решения и даже выдерживать давление со стороны других государств без роста социальной напряженности, конфликтов, восстаний и революций.

При анализе проблемы легитимности Ю.Хабермас, С.Липсет, Р.Дал, М.Хайслер, Б.Ховет и др. пишут о положительной оценке, моральном одобрении и поддержке гражданами существующей политической системы. В принципе, с таким подходом можно согласиться. Но его надо радикализировать в соответствии с презумпцией виновности власти. Из понятия легитимности надо исключить насилие и страх перед возможностью его применения, материальное благосостояние общества, организационно-управленческую эффективность власти и политическую пассивность граждан. Легитимность – это такое состояние политической системы и всех ее элементов, когда они признаются и одобряются всеми гражданами на том основании, что обладают политической правотой и научной истиной. Однако критерии политической правоты и научной истинности были и останутся дискуссионными. Поэтому ни одна из политических систем прошлого, настоящего и будущего не является абсолютно легитимной и не заслуживает полного доверия. Социальные движения, оппозиционные и революционные партии – необходимые элементы легитимности. Легитимация власти – это процесс постоянного завоевания доверия граждан, а не навязывания им экономикоцентристских, кратоцентристских и идеократических убеждений и методов под угрозой применения силы.

Такую угрозу Вебер считал главным критерием легитимной власти. Моя концепция позволяет отбросить данный критерий и выдвинуть тезис о *частичной легитимности* любой власти и политической системы, из которого вытекает правомочность гражданского сопротивления. Такой подход позволяет указать следующие направления анализа: степень согласия граждан с аргументами, которыми пользуются властвующие и стремящиеся к власти группы;

степень публичного и приватного самооправдания власти; процессы обретения и утраты легитимности.

Анализ указанных проблем позволяет сформулировать понятие *официальной легитимности*. Это – множество индивидуальных и коллективных субъектов, транслирующих, высказывающих, пропагандирующих и навязывающих гражданам аргументы в пользу оправдания прошлой, настоящей и будущей власти. Главным из них - обоснование приоритета власти над законом и отождествление легальности и легитимности.

Цепь понятий «политическое недоверие – презумпция виновности – частичная легитимность – официальная легитимность» может служить основанием для создания теории легитимности, которая по посылкам и результатам не сводится к обслуживанию интересов какой бы то ни было власти. Существуют следующие *объекты легитимации*: общественный строй, государство, политическая структура, политические программы, политические решения, международные союзы, политические вожди и лидеры. Каждый из этих объектов может быть рассмотрен на теоретическом и конкретно-историческом уровнях, включая историю Советского государства. Это позволяет уточнить Веберовскую типологию традиционной, рациональной и харизматической легитимации.

Легитимизирующие аргументы могут рассматриваться как элемент авторитарно-бюрократических тенденций русских революций, описанных в теории бюрократии. В их состав входят телеология, достижения и успехи, способность к руководству и патриотизм.

Телеология имеет особое значение для легитимации власти. Хилиазм и связанные с ним представления о будущем всегда были присущи радикальным движениям. Аргумент от будущего стал одним из основных аргументов оправдания советской власти. Этот аргумент занимал центральное место в концепции социализма, поскольку его строительство рассматривалось как исходный пункт и главная цель коммунистического движения. Легитимация от будущего существовала в трех формах: обещания «светлого будущего»; утверждения о революционной исторической миссии рабочего класса; ссылки на законы развития общества.

Эти формы легитимации использовались на всех этапах существования СССР. Особенно сильный акцент на легитимацию от будущего был сделан в третьей программе КПСС, в которой опреде-

лялись конкретные сроки наступления «светлого будущего». Концепция «развитого социализма» была следствием осознания нереальности поставленных целей. Она сняла различие между настоящим и будущим в соответствии с принципом: «Решая проблемы сегодняшнего дня, мы вступаем в день будущий». Были поставлены более конкретные задачи – равновесие сфер народного хозяйства, гармоническое развитие социализма, осуществление хозяйственной реформы, продовольственная программа, жилищная программа и т.д. Но ни одна из этих задач тоже не была выполнена. Поэтому легитимация от будущего может рассматриваться как мера утопичности идеологии и политики.

Революционная легитимация тесно связана с предыдущей формой. При этом революция рассматривается как главное средство достижения конечной цели. Суть такой легитимации сводится к утверждению: великая цель оправдывает все средства, включая насилие, нарушение законов и политическую непоследовательность. Революционная легитимация противостоит легальной легитимации, которая базируется на соблюдении установленных законов. В политической истории СССР роль революционной легитимации постепенно слабела, зато сохранялась революционная фразеология[248]. В любом случае она оправдывала необходимость ограничения демократических права и свобод, выдвигая интересы «социалистического государства» в число ведущих. А толкование этих «интересов» было монополией правящик клик на вершине власти и целиком соответствовало концепту raison d'etat.

Роль аргумента от *достижений и успехов* возрастает в любой политической системе, которая при установлении не пользуется поддержкой большинства населения страны[249]. Советское государство относится к таким системам. Поэтому список достижений и успехов постоянно возрастал в соответствии с лозунгом Ленина:

[248] Например, М.Горбачев при обосновании «перестройки» выдвинул тезис «Революция продолжается», а Б.Ельцин квалифицировал действия ГКЧП как «контрреволюционные». Это является одним из многих доказательств мнимости политического противоборства последнего генсека КПСС и первого президента России.

[249] «Новый и ранее неизвестный политический режим может обретать легитимацию только на основании своих «достижений и успехов». По отношению к правящим коммунистическим партиям это значит, что прогресс в благосостоянии, силе государства и расширении его влияния на международные отношения есть исходный пункт любой легитимации». Field J. Social Consequeces of Modernization in Communist Societies. Baltimore, 1976, p.106

«Социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны» и охватывал все сферы производства – от тракторов и паровозов до АЭС и спутников, от преодоления классовых антагонизмов до всеобщего доступа к благам культуры и т.д. Этот аргумент занимал главное место во всех публичных выступлениях официальных лиц и определял содержание СМИ. Убеждающая сила этого аргумента состоит в его мнимой идеологической нейтральности, хотя на деле в нем воплощается технократическая идеология. Правда, в периоды политических кризисов (правление Н.Хрущева и М.Горбачева) увеличивалась критика определенных периодов, лиц и решений в истории Советского государства. Но параллельно с ней шли в ход аргументы типа: «нельзя отрицать бесспорные достижения и успехи», «впадать в критиканство», «заниматься очернительством истории нашей страны» и т.п. Такая аргументация существует до сих пор в публицистике определенных политических сил и является частным случаем бюрократического сочетания «хороших и дурных сторон» при изображении социальной действительности. Оно настолько глубоко проникло в массовое сознание и деятельность СМИ, что всякое изменение неуловимых пропорций «хорошего» и «плохого» мобилизует противостоящие политические силы.

Существует две разновидности легитимации от достижений и успехов: сравнение настоящих достижений с недостатками прошлого; сравнение достижений данной страны с недостатками внешнего мира. Оба вида использовались на всем протяжении существования советской власти. Вплоть до середины 1960-х гг. достижения СССР сравнивались с показателями царской России в 1913 г. Сегодня та же процедура используется с противоположным знаком. В последние десятилетия советской власти произошло изменение акцентов: социальные науки и пропаганда обращали внимание не на царскую Россию, а на присущие странам Запада проблемы безработицы, нищеты, социальной патологии, преступности и т.д. В последние годы та же процедура используется с противоположным знаком – для обоснования непопулярных мер и решений правительства по принципу «всюду так делают».

Однако аргумент от достижений и успехов содержит определенные опасности. В ситуации кризиса его использование увеличивает социальную апатию и фрустрацию. Любые достижения и ус-

пехи со временем подвергаются инфляции, обусловленной действием поколенческих механизмов. Поэтому власть вынуждена доказывать собственную эффективность новыми достижениями или прибегать к другим аргументам. Но выбор точки отсчета всегда произволен, о чем свидетельствуют почти столетние дебаты о природе и направлениях модернизации.

Аргумент о *способности к руководству* использовался для обоснования руководящей роли КПСС, хотя был и остается разновидностью административного элитаризма, возникшего в середине Х1Х в. в Англии для обоснования миссии белых чиновников повелевать индусами и прочими непросвещенными народами. *Патриотическая легитимация* тоже была важным средством оправдания советской власти (начиная с советско-польской войны 1920 г.). По мере укрепления советской власти роль аргумента от патриотизма возрастала, включая вербальные и символические формы (празднование юбилеев и годовщин жизни и смерти исторических лиц и национальных эпосов, возвращение к офицерским званиям, строительство памятников, музеев и могил Неизвестного солдата и т.п.). Все эти формы сохранились в современной России.

Конечно, приведенная выше типология аргументов не является строгой, поскольку один и тот же аргумент может использоваться в разных типах легитимации. Например, аргумент о месте СССР в мире можно рассматривать как легитимацию через достижения (второе место в мире по ВНП) и как доказательство государственной мегаломании, переплетенной с имперскими традициями России[250]. К тому же сам критерий ВНП изобретен ЦРУ США в 1950-е гг., а затем начал использоваться КГБ, ЦСУ и социальными науками СССР. Здесь ситуация не изменилась вплоть до настоящего времени[251]. Нередко разные аргументы выступают во взаимосвязи, что затрудняет их систематизацию. В особом анализе нуждается также конкретно-историческая характеристика частоты аргументов на разных этапах существования СССР во всех направлениях деятельности правительства и властно-управленческого аппарата.

Тем не менее общую тенденцию можно зафиксировать: на протяжении существования советской власти произошла передвижка

[250] См.: Каменский А. Российская империя в ХУШ веке: традиции и модернизация. Москва, НЛО, 1999.
[251] См.: Бирман И.Аномальное полузнайство // Свободная мысль. 1997, № 9

акцентов. Телеологическая легитимация, легитимация от достижений и успехов и особой руководящей способности КПСС была вытеснена патриотической, этатистской и технократической легитимацией. Нынешняя власть в России широко эксплуатирует эти аргументы, накопленные в российской истории.

Глава 6.
Русская власть: «свой чужой»

Моя концепция русской власти включает общую, особенную и специальную части. Вначале я формулирую понятия анализа. Затем использую их для поиска правил и закономерностей генезиса и функционирования русской власти. Материалом служат главные события истории России от Киевской Руси до 1917 г. При этом я подвергаю систематической критике официальную версию советской историографии[252], опираясь на труды Кембриджской школы экономической истории. И применяю полученные выводы для анализа процесса и результатов революций 1917 г. в России[253]. Скажу об этом кратко.

6.1. Главные проблемы и понятия

При описании русской власти я анализирую несколько методологических проблем: соотношение социальных и политических ценностей; политический язык, культ государства и социального порядка; политическое отчуждение; кумуляция господства на протяжении истории Московского царства, Российской империи и СССР.

Соотношение социальных и политических ценностей. При описании социального бытия невозможно исключить влияние ценностей. Они затрудняют проведение строгого различия между философской рефлексией и мифологизацией. Большинство вариантов философии истории не определяют эту границу, постулируя взамен связь индивидов со становлением и развитием государств. На деле эта связь дискуссионна. Государства не являются носителем социального порядка, а действия государственных мужей и аппарата

[252] См.: История СССР с древнейших времен до конца ХУШ в. Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983

[253] См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, 1998

управления государством не воплощают смысл истории. Любая философия истории – это разновидность нормативно-ценностного порядка, прилагаемого к историческому процессу. Разные варианты философии истории обычно состоят из мифологических утверждений, которые не удовлетворяют критериям истинности и лжи, но используются для аксиологической квалификации социальных (исторических, политических) фактов. Все разновидности философии истории, которые пытаются учитывать *«уровень развития»* индивидов, социальных групп, этносов, наций и пр., есть модификации политической мифологии. Понятия свободы, прогресса, порядка, равенства, рациональности и т.д. обычно используются как мифические конструкции при отражении и попытках изменения пространственно-временных определенностей. Поэтому философско-политическое обоснование любых действий любых государств в большинстве случаев есть произвольный отбор одних и исключение других параметров социальной жизни, исторического процесса, политической ситуации и т.п.

Существует множество вариантов мифологизации социально-исторической реальности. Все классические идеологии Нового времени (либерализм, консерватизм, социализм, марксизм) содержат мифические утверждения, которые ведут к противоположным следствиям в теории и на практике. Я считаю, что политическая теория может строиться на основе анализа мифических (ошибочных) утверждений всех идеологий, а не одной из них[254]. Однако весь массив социогуманитарных знаний последних трехсот лет и вытекающие из него проекты социально-политического переустройства базируются на опережении оценки над познанием. С этой точки зрения различия идеологий несущественны. Все они превращали отдельные параметры социального развития в критерии сравнения обществ и стран. На этой основе невозможно построить теорию исторического процесса. Общая ошибка всех идеологий – отсутствие строгого различия фактов и теории. То же самое относится к концепциям «*тоталитаризма*», «*модернизации*», «*открытого общества*» и т.п. Все они теоретически бесплодны, поскольку лю-

[254] Например, аксиологические основания либерализма и этатизма едины, но различаются акцентами на индивидуальную или групповую свободу. Либерализм не разработал теории *человеческой природы*, которая сопоставляется с фактами, модифицируется, уточняется или отбрасывается из-за невозможности их объяснить.

бая социально-политическая ценность может быть доказана теориями, которые базируются на противоположных посылках.

Теория политических объектов и типов политического мышления предполагает синтез концепций рациональности, философии науки и философии языка. Такого синтеза в современной науке пока нет. Значит, ни одна идеология не может считаться образцом для подражания и практического воплощения. Дело в том, что: в большинстве исторических текстов при описании исторического процесса не проводится различие между именами и дескрипциями; все идеологии при описании природы политического воображения тоже не проводят различие имен и дескрипций; возникшие на основе такого воображения проекты политического управления и переустройства общества ложны или к ним неприменимы классические и релятивистские критерии истины и лжи; вытекающие из этих проектов теории пренебрегают проблемой адекватного описания социополитического мира; грамматики, в которых используется предикат бытия в отношении социально-политических объектов (в классическом смысле слова) укрепляют политические мифологии и идеологии; писаная история культуры снимает различие актуального и потенциального бытия.

Вытекающие отсюда следствия я иллюстрирую на примере соотношения политического языка, культа государства и социального порядка. Политический язык отличается следующими свойствами: скрытая аксиология; перемещение смысла политических текстов в сферу непроверяемости; оперирование смыслами, которые ложны или выходят за рамки критериев истины и лжи; рост агрессивности по мере использования СМИ; привлечение теоретических моделей для маскировки этой агрессивности. С учетом этих свойств политические факты всегда дискуссионны или ложны.

В современной методологии существуют нормативно-элиминационная и конструктивно-генетическая концепции факта. Обе позволяют эксплицировать универсалистские концепции политики, государства и власти и типологически их локализовать в зависимости от эмпирического содержания, влияющего на процедуру выбора. Методологическое пространство процедуры задается возможностью полной редукции политических фактов к языковым системам при нормативности последних или отожествлением поли-

тических фактов с теми аспектами человеческого опыта, сознания и бытия, которые не поддаются строгому определению.

Если согласиться с первой возможностью, то государственные деятели и политики всех времен и народов были «*идеальными логиками»*, а свойства политического языка являются нормой научного исследования. Первое следствие не соответствует действительности, второе снимает различие науки и политики. Если согласиться со второй возможностью, то политический язык совпадает с религиозно-мистическим освоением мира, а процессы образования государств во времени и пространстве совпадают с формированием языков и вообще духовной культуры человечества.

Оба вывода фиксируют предельные основания политического языка и не являются образцами для подражания. Значит, познание мира политики может базироваться на логическом круге (и продуцировать парадоксы политического бытия), или на утверждении собственной достоверности (и продуцировать догмы для укрепления естественного догматизма и оппортунизма людей, вовлеченных в социополитические процессы не по своей воле, или профессиональных политиков, сражающихся за власть добровольно).

Кроме проблемы методологического выбора существуют социальные и институциональные факторы, которые затрудняют дистанцирование исследователей от социальной и политической коньюнктуры. В либерализме, марксизме, социал-демократизме и ленинизме образцом такой апологетики является категория *интереса*. Если считать интересы конституирующими, то грань нормы и патологии в социальном бытии становится неуловимой. Эта грань заполняется иллюзорными представлениями о государстве и социальном порядке, вследствие чего указанные направления политической мысли и действия смыкаются с консерватизмом[255]. Основанием такой смычки являются разные модификации этатизма.

Культ государства и социального порядка привносят в научное исследование более или менее осознанную апологетику. Этатистские концепции обычно базируются на категории интереса, трактовке власти как волевого отношения и представлении об обществе как организме. Данные концепции используются классическими (либерализм, консерватизм, социализм, марксизм) и романтиче-

[255] См.: Макаренко В.П. Проблема общего зла. Расплата за непоследовательность. М., Вузовская книга, 2000

скими (традиционализм, фашизм, национализм) идеологиями. Эти категории и концепции становятся тем более популярными, чем большее число государств применяют классическую концепцию суверенитета для достижения явных и скрытых политических целей. То же самое относится к идеологеме *выбора*. Она используется тогда, когда реального выбора уже нет. В итоге весь комплекс социальных наук используется для манипуляции обществом.

Нормативно-ценностный порядок всех государств базируется на отождествлении прав и обязанностей индивидов, идее иерархии ценностей и отождествлении обязанностей и ценностей. Все государства используют данные схемы мысли и преобразуют их в *нормы* деятельности госаппаратов независимо от специфики политических режимов (особенно это относится к органам полиции, разведки, вооруженных сил, дипломатии). Данные аппараты через СМИ и другие идеологические службы навязывают указанные схемы мышления всему населению. Институциональный схематизм политического мышления не зависит от специфики государств и идеологий, но всегда маскирует господство госаппаратов над обществом. Поэтому политическое отчуждение входит в структуру теоретического мышления и обычно определяет его содержание.

Отождествление индивида с данным социальным и институциональным порядком – это интегральный консерватизм, который может уживаться с любыми типами идеологии. Интегральный консерватизм культивирует специфическую философию: человек рассматривается как продукт внешних обстоятельств (биологических, экономических, политических, социокультурных) или трансцендентных сил (идеи, судьбы, провидения и т.п.). Приспособление к данным обстоятельствам и силам толкуется при этом как главная гарантия обоснованности индивидуального поведения. Ядром такого поведения является социальная мимикрия, характерная для всех обществ и государств и влияющая на политическое отчуждение.

Феномен политического отчуждения – это целостность интересов, властно-политических технологий и идеологий. Идеи «естественных прав», «общественного договора», «прав человека» и вытекающие из них концепции власти не позволяют постичь природу **политического отчуждения**, которое обусловлено формированием государств. В его состав входят: формы мышления, которые объясняют властные отношения экономическими, политическими,

идеологическими и культурными факторами; толкование воли (единичной, особой, всеобщей) как основания власти; формы иллюзорной общности людей (семья, этнос, нация, корпорация, гражданское общество, партия, государство); преобладание групповой солидарности (примордиальной, этнической, национальной) над духовными связями людей; разделение государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную; властные формы политической, юридической и бюрократической софистики; государственные налоги, займы и долги; толкование государства и государственного управления обществом как «необходимого» и «естественного» процесса социальной жизни; специфические свойства лиц, осуществляющих власть и управление; типы вооруженных сил, полиции, дипломатии и госаппарата; мононациональный или полинациональный характер государства; способы освоения властью времени и пространства.

Указанные свойства политического отчуждения универсальны и отражаются в реальной истории и историографии наций и государств. История любой страны есть конкретизация общих свойств политического отчуждения. В результате властная регуляция социальных отношений рассматривается как «объективный» процесс по типу природных и космических.

Власть как социальное явление есть непредвиденное следствие множества частичных действий множества частичных властителей. Она вытекает из соперничества, борьбы и сотрудничества групп людей, располагающих средствами насилия и манипуляции[256]. Отношение властных действий к общему числу действий индивидов определяет меру **гражданского отчуждения**. Оно существует при любом государственном строе. Монополия на применение средств насилия и манипуляции была и остается у государства, включая демократию. Поэтому демократия не является ни идеалом, ни нормой государственного устройства. Прежде всего потому, что отказ от прямых методов физического насилия при демократии сопрово-

[256] В состав средств насилия и манипуляции входят: грабеж, реквизия, уничтожение имущества, убийство, заключение в тюрьму, лишение воли, переселение, интернирование, нанесение телесных повреждений, отравление, иные методы физического и психического воздействия (террор, пытки, обман, клевета), правовые, экономические и социальные ограничения свободы индивидов и групп, отказ от сотрудничества, материальные вознаграждения и символические отличия, привилегии, коррупция, провокация и скрытая помощь.

ждается культивированием опосредованных методов манипуляции гражданами[257]. Чем больше манипуляция входит в состав политической технологии государств, тем важнее учитывать уровень гражданского сопротивления.

Если власть с помощью насилия и манипуляции контролирует публичные действия, отношения, высказывания и мнения индивидов, наступает атомизация общества. В результате коллективные действия вне официально санкционированных форм становятся невозможными. Граждан как социальной группы не существует, они деклассированны, десоциализированы, маргинализованы. Так возникает социальная почва гражданского отчуждения. Оно существует при всех формах политического устройства общества, поскольку нет государств, которые не используют насилие и манипуляцию.

Понятие **гражданского сопротивления** позволяет эмпирически измерить абсолютное и относительное количество граждан, не согласных с данной политической системой и системой осуществления власти. Они могут культивировать мирные и вооруженные способы борьбы с властью (оппозиция, гражданское неповиновение, восстание, революция) в зависимости от того, какие средства она применяла на протяжении определенных периодов времени. Любое государство в его пространственно-временных параметрах есть пересечение политического и гражданского отчуждения с мерой гражданского сопротивления. Это обстоятельство не учитывается большинством политических теорий, которые предлагают разные варианты властно-политической технологии.

Властно-политическая технология – это способность властвующих и подвластных применять методы насилия и манипуляции для достижения целей, правомерность и обоснованность которых всегда дискуссионна. Невозможно утверждать, что либеральный, консервативный, социалистический и марксистский проекты развития общества имели когда-либо на своей стороне абсолютное большинство человечества. Поэтому ни один из них не может претендовать на доминирование. Каждый лишь выдвигает свою гипотезу об идеальном состоянии общества и соотношении средств и целей по его достижению. Эта гипотеза обычно объективируется в

[257] «Происхождение демократии – это переодетая полиция, это штатскость – для конспирации наблюдения». Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. 2-е изд. М., ИМЛИ РАН, 2006, с.150

нормативно-ценностном порядке, которому подчинены политическая теория и практика. Однако соотношение средств и целей при реализации любого проекта остается вечной проблемой. Для ее блокировки обычно используется социальная инженерия. В ее состав вошла и наука. Поэтому последняя заслуживает не больше доверия, нежели религия.

Для критического отношения к властно-политическим технологиям предлагаю развести критерии силы и успеха власти. *Сила власти* – это отношение общего числа властных приказов и к числу выполненных гражданами приказов. *Успех власти* – этот параметр позволяет судить, насколько выполняемые гражданами властные приказы приводят к реальным состояниям, соответствующим замыслам властвующих. Чем более крупны и широки по охвату властные замыслы, тем меньше шансов их реализации. Между социальными проектами, властными замыслами, приказами и реальными состояниями всегда существует пространственно-временной зазор. Это – мера утопичности политики, от которой не может целиком освободиться никакая власть. Власть тем меньше эффективна, чем больше при реализации своих проектов и замыслов использует средства насилия и манипуляции. Политическое воображение обычно отождествляет данные критерии и трактует власть как творческое начало при реализации любых идеей и проектов. В итоге возрастает политическое и гражданское отчуждение.

Трактовки власти как «рационального действия» смешивают данные критерии и не являются истинными, хотя широко распространены в социальных науках и властно-политической практике. Это свидетельствует о том, что власть всегда обладает тенденцией к десоциализации граждан и превращению науки в средство собственной апологетики. Универсальный интерес любой власти – максимальное расширение сферы регуляции. Поэтому наибольшим доверием пользуется наиболее репрессивная власть, которая использует манипуляцию гражданами как вспомогательное повседневное средство. Если демократия не в состоянии предотвратить манипуляцию, она тоже не заслуживает доверия.

Стремление повелевать и подчиняться есть выражение животного, а не социального, творческого и духовного начала в человеке. Властно-политические технологии выражают животное начало, поскольку никаких универсальных средств его искоренения еще не

придумано. Ни одна из религий и государств пока даже не ставит такой задачи.

Большинство социальных теорий используются для обоснования идеологии власти. Такая идеология извращает отношение власти и граждан, скрывая следующие социальные факты: отношение власти и граждан обычно опирается на насилие и манипуляцию; интерес власти – подчинение общества до пределов возможного и самостоятельное определение этих пределов; деление людей на властвующих и подвластных вечно, а общность их интересов – явление случайное и выполняет служебную роль в политических системах. Ни одно государство не смогло отменить эти факты. Поэтому любая государственная власть может заслоняться разными идеологиями. Они обычно систематизируют мотивы, с помощью которых жители всех государств оправдывают собственное послушание перед силой, на которую они либо не имеют влияния, либо одной силе и манипуляции вынуждены противопоставить другую силу и манипуляцию.

Если признать истинность теорий цивилизационных циклов (которые были и останутся дискуссионными), то любая власть в равной мере может быть признана одновременно легитимной и нелегитимной. Задача социальных наук – распредмечивание любых форм политического и гражданского отчуждения. Массы нуждаются в способности к гражданскому сопротивлению во всех пространственно-временных координатах, где и когда власть использует хотя бы один метод насилия и манипуляции, если он выходят за пределы соблюдения элементарных форм человеческого общежития.

Я рассматриваю историю Московского княжества, Российской империи и СССР как ***процесс аккумуляции господства***. В СССР после 1917 г. сложился класс тройного господства, который сосредоточил в своих руках экономическую, политическую и идеологическую власть. Официальная идеология скрывала следующие факты и тенденции: антагонизм между интересами трудового народа и класса тройного господства; природу советской эксплуатации человека человеком; роль индивидов и групп в освобождении от экономической эксплуатации и политического господства. Одновременно марксизм сомкнулся с либерализмом, трактуя экономические интересы и развитие экономики как надысторический феномен, средством реализации которого выступает государство. В ре-

зультате комплекс социальных наук в СССР скрывал факты и тенденции, которые способствовали тому, что уже на рубеже XIX-XX вв. «отсталая царская Россия» применяла такие способы воздействия на экономику, к которым «передовой Запад» пришел лишь полстолетия спустя: вмешательство государства в циклы конъюнктуры; активная роль государства как экономического субъекта; рост контроля над частной собственностью; переплетение госаппарата с экономической бюрократией.

В настоящее время социальные науки России и стран Запада широко культивируют ленинские, социал-демократические и либеральные догмы. Все они используют телеологию при обсуждении процессов социально-исторического развития и заканчиваются территориальным противопоставлением Запада и России. После 1991 г. это противопоставление стало универсальным. В результате отечественная социальная наука отброшена почти на двести лет назад. Эта тенденция укрепляется за счет использования тех схем эмигрантской и западной социально-философской мысли, в которых история России XX в. трактуется как воплощение «тоталитаризма» или «модернизации».

Данные схемы и шаблоны объясняются тем, что большинство социальных теоретиков в России и на Западе пока не освободились от связи с комплексом «власть-собственность-идеология». У социальных теоретиков не хватает мужества порвать все связи с официальным миром власти, денег и массовой культуры. Толпы западных интеллектуалов и русской интеллигенции по-прежнему хотят жить под крышей власти и богатства. Большинство в этой толпе не может освободиться от культа государства и связанных с ним иллюзий. Однако материальное своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству никогда не были благородными человеческими побуждениями. Чтобы обнаружить их низменность, надо исходить из принципиального различия мотивов и реальных следствий человеческой деятельности.

Для анализа данных различий социальная наука должна отбросить иллюзии органичности государства и обосновать антиэтатистскую познавательно-практическую установку. Однако индивиды и группы, профессионально занятые в политико-управленческих и идеологических сферах, преобразуют своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству в «норму» социального и по-

литического бытия людей. На этой основе формируется квазиполитика.

Квазиполитика – это следствие отождествления единичных, групповых и общих интересов с историческими и политическими формами их институционализации. Социальные и политические институты преобразуют интересы в формальные действия и ликвидируют возможность теоретического обсуждения и практического решения проблем политического и гражданского отчуждения. Государственная власть при этом квалифицируется как универсальное явление, а социальные конфликты власти и граждан осознаются и решаются в пользу данного государства. Квазиполитика создает и культивирует мнимые формы участия граждан в политике, сгущает абстрактные характеристики индивидов, а государство транслирует конфликты социального и политического бытия индивидов. Политико-управленческая деятельность есть множество случайных актов и событий, выступающих в упаковке «государственных интересов», «государственной необходимости» и т.д.

Политическая и властно-управленческая деятельность не создают материальных и духовных ценностей, а в лучшем случае их распределяют. Однако критерии справедливого распределения являются дискуссионными. Взамен постоянного обсуждения данных критериев политическая и властно-управленческая деятельность претендует на главную роль в обществе и способствуют этатизации социально-политической мысли. Для критики данной тенденции требуется такое описание всех социальных конфликтов, которое было бы свободно от материальных, политических и идеологических интересов, т.е. от любых форм связи власти с собственностью и идеологией. Осуществить эту задачу крайне сложно, поскольку требуется отрыв сознания от институционализованных социальных и политических форм, а также от иллюзорных форм отражения действительности. В этом смысле антиэтатистская методология может быть только тотальной. Ее состав определяется совокупностью конфликтов социально-политического бытия.

Антиэтатистская методология связана с определенным политическим идеалом, который не тождествен ни идее (ценности) государства, ни реально существующим государствам, ни способам распределения в них власти, ни этатистским политическим теориям. Любая связь власти с собственностью и идеологией при созда-

нии такого идеала квалифицируется как абсолютно отрицательная ценность. В реальных государствах власть абсолютно или относительно неподвижна, а собственность или идеология только укрепляют эту неподвижность. Все проекты переустройства общества по либеральным, консервативным, социалистическим и т.п. сценариям не свободны от указанных связей и потому являются вариантами квазиполитики.

Политическая история России и русской политической мысли – один из показательных примеров этатистской традиции. Я использую эту историю для конкретизации теории политического отчуждения и анализирую главные события этой истории под углом зрения сформулированных принципов исследования.

6.2. Аккумуляция господства

Вторая часть теории власти посвящена описанию генезиса властно-собственнического синдрома в истории России. При этом рассматриваются конкретные проявления политического отчуждения. Выделяются следующие крупные проблемы: начало русской власти; первая суперклассовая борьба; система русской власти; формы государственного обогащения; государство как верховный учетчик и контролер.

При описании ***начал русской власти*** вычленяются три феномена: социальный смысл «татаро-монгольского ига»; украденная независимость; «объединение земель вокруг Москвы» как двойное угнетение.

Социальный смысл «татаро-монгольского ига». Монголы стремились расколоть коренное население и православную церковь. Ее клир первым начал сотрудничать с врагами. Одновременно монголы использовали местных князей для собирания дани. По этим причинам православная религия и власть становились **чужими**. Монастыри и княжества обогащались за счет собственного населения. Типичный князь целые столетия был монгольским сборщиком дани. Верноподданность князей в отношении чужой власти позволила преодолеть феодальную раздробленность и создать собственное государство. Монголы создали также механизм конкуренции кандидатов на центральную власть. В результате происходил отбор лиц, обладающих низкими моральными качествами. Эти качества

позволяли подавлять свой народ, достигать успеха в политической конкуренции и были конкретным проявлением животного начала возникающей русской власти. Основанная на них система конкуренции стала предпосылкой для «скачка в ее развитии» (как сказал бы гегельянец). Для укрепления своей власти использовалась чужая военная сила. Поэтому при генезисе Московского княжества интересы русской власти стали параллельны интересам врагов. Так татаро-монгольское иго стало московским игом.

Независимость Московского княжества была украдена у монголов. Московские князья культивировали насилие в отношении населения. Преобразование внешнего насилия во внутреннее – архетипический элемент власти Москвы. Она с самого начала боялась населения, выступая представителем чужого государства и противостоя обществу в целом. Таков был общий интерес власти Московского княжества.

Двойное угнетение. После устранения монгольского гнета власть оказалась перед выбором: быть свергнутой или усилить угнетение. Она пошла по второму пути. Первое проявление этой тенденции – подавление и присоединение к Москве Новгородской республики. Объединение земель вокруг Москвы заключалось в навязывании им модели абсолютной власти. Православная церковь освятила данную тенденцию.

Для социальной опоры Московское княжество создало первый в истории Европы двойной класс помещиков-дворян. В его поведении слились властолюбие с корыстолюбием, политическая и экономическая власть. Из таких людей состоял госаппарат – главный элемент политического отчуждения. Поместная система служила усиливала этот процесс. Государство создавало классы по своему усмотрению. Русское дворянство – первый в истории Европы носитель политического и экономического отчуждения одновременно. Связанная с Московским княжеством власть кажется автохтонной, а на деле с самого начала своего существования была чужой населению.

На этой основе в России возникла ***первая суперклассовая борьба*** в истории Европы.

Рост военно-чиновничьей касты – общая тенденция генезиса государств. Специфика ее проявления в России состоит в том, что данная каста сформировалась как класс властителей-

собственников. Вершина политической иерархии была вынуждена считаться с его общими интересами. Класс двойных угнетателей (дворян-помещиков) начал борьбу с классом одинарных угнетателей (бояр). Властители-собственники выступили против обычных собственников. Главной ставкой борьбы было двойное (политическое и экономическое) господство над населением.

Одновременно возникающий госаппарат выступал как проявление верховного произвола. Этот произвол постепенно распространялся на все слои населения, включая православный клир. Центр возникающей державы заселялся людьми, готовыми быть опорой власти. Они стали исполнителями возникающей системы массового террора, что привело к еще большему росту абсолютной власти. Опричнина соединила готовность опричников к массовому истреблению населения с достижением материальных интересов данного слоя. В итоге центр стал верховным эксплуататором, а система террора ударила прежде всего по классу одинарных собственников.

Смысл опричнины и социальный характер государства. Опричнина – естественное продолжение процесса политического отчуждения. Основной интерес класса властителей-собственников – устранение прежнего класса собственников. Чтобы сломить его сопротивление, первые прибегли к социальному террору и разрушили характерную для феодализма автономную структуру собственности. Это привело к упадку экономики (крестьянского хозяйства), затрагивая интересы обоих классов одновременно. Сопротивление политике террора со стороны класса властителей-собственников привело к тому, что острие террора постепенно направлялось против самих исполнителей.

В период опричнины впервые было создано государство в государстве: интересы вершины политической иерархии переплелись с интересами исполнителей террора. Социальный состав опричнины был общенациональным и интернациональным – принадлежность к опричникам давала право на поместье. Московскому государству не надо было заботиться о равновесии сил, поскольку сословий в европейском смысле слова здесь не существовало. Сословия в России означали ранги государственной службы. Верховная власть представляла интересы властителей-собственников, образующих ядро госаппарата. Русские дворяне никогда не угрожали

власти царя, поскольку он наделял их квазисобственностью, которую они в любой момент могли потерять. Право собственности надо было подтверждать в каждом поколении – идти на «государеву службу». Русские помещики тоже трепетали перед произволом верховной власти и вынуждены были приобретать мерзкие человеческие свойства ради победы в борьбе за квазисобственность.

Органы самоуправления в России (Земский собор, земства) выражали прежде всего интересы абсолютной власти. Их главная задача состояла в собирании налогов и передаче их в государственную казну. Чиновники этих органов обязаны были действовать по принципу «круговой поруки» – коллективной ответственности за свою вину и вину своих сотрудников. Смертная казнь назначалась не только за обычные злоупотребления (взятка), но и за недонесение на *злые умыслы* населения и собственных коллег. Наградой за донос были земля и имущество конкретных лиц. В итоге двоедушие стало внутренним свойством госаппарата и органов самоуправления. Поэтому социальный смысл русского феодализма и самодержавия один и тот же: нивелировка населения страны перед госаппаратом и его главой.

Первая гражданская революция и русский национальный характер. В период становления самодержавия акты индивидуального сопротивления были делом «юродивых во Христе». «Нормальные» люди не могли сопротивляться насилию, поэтому от имени общества выступали «ненормальные». Первые понимали, вторые не понимали бессмысленности индивидуального сопротивления. Поэтому норма и девиантность в России неразличимы. Юродивые во Христе как социальная фигура канонизировались православной церковью и сыграли роль в становлении русской интеллигенции.

Крестьянские восстания в истории России направлялись против властителей-собственников – членов госаппарата и непосредственных исполнителей государственного угнетения. Массовое бегство населения из центра на окраины – естественная реакция на хаос в центре, порожденный сочетанием верховного произвола с деятельностью госаппарата. Волна крестьянских восстаний XVI в. завершилась первой в истории России крестьянской войной 1606-1607 гг., поддержанной разными слоями общества. Само государство вызвало первое мощное гражданское сопротивление. Общность интересов граждан превалировала над различиями экономических ин-

тересов социальных слоев. Государство-собственник впервые было осознано как главный социальный враг населения. Все слои общества выступили против собственного равенства в бесправии.

Крестьянская война начала XVII в. – первая гражданская война населения с государством. Толкование ее как «Смуты» отражает стремление официальной историографии и социальной науки связать господ вчерашнего дня с господами сегодняшнего, выражает сервилизм научного сообщества. В состав граждан входит не только неимущее население (народ), но и собственники, которые владеют собственностью независимо от вершины власти и госаппарата. Социальная война граждан с государством шире войны с конкретными эксплуататорами. В такой войне независимые собственники становятся естественной политической элитой масс, усиливают сопротивление и притягивают к гражданской войне нерешительных. В этом смысле гражданская война – универсальное явление истории государств, в которых власть переплетена с собственностью. Она может рассматриваться также как зачаток всех народно-религиозных движений, выступающих против госаппарата и связанного с ним клира.

Непосредственным результатом первой гражданской войны было введение принципа наследования, применение которого растянулось на целое столетие. Связь власти с собственностью постепенно ослаблялась. Но этот процесс был формой бюрократизации государства, а не правовой тенденцией. Русское правительство не могло контролировать данный процесс. Гражданская война ограничивает связь власти с собственностью и вынуждает государство выступать в виде обычной политической власти. В этом смысле для истории России восстания, революции, гражданские войны органичны, поскольку были предпосылкой и главным критерием становления снизу гражданского общества. Но эта предпосылка до сих пор не реализована.

Европейские критерии гражданского общества (городское самоуправление), легитимное (на основе права) сопротивление власти и корпоративная организация общества неприменимы к истории России. Первая гражданская война была единственной, которая непосредственно угрожала столице царей. Впервые центр осознавался как источник социального зла. В этом состояла специфика гражданского общества в России. Последующие восстания и граж-

данские войны происходили уже в провинции. Отстранение русской власти от прямой связи с собственностью связано с тем, что она прекращает даже минимальную заботу о подданных и отдает их во власть частных собственников. Но гнет последних был меньше властно-собственнического угнетения. Главный кошмар России – постоянная роль государственной власти в ее истории.

На протяжении XVII в. сформировалась единая форма собственности: собственник мог произвольно распоряжаться землей, но всегда был обязан служить государству. Тем самым оно могло скрываться за произволом собственника и одновременно выступать в маске «покровителя» и «радетеля» интересов всего общества и каждого подданного. В результате патернализм приобрел ранг политической и экономической традиции: дворян заставляли нести государственную службу в армии или администрации, а крестьян – платить налоги и нести другие повинности.

Эти процессы повлияли на становление русского национального характера (ментальности). Главной причиной различных форм классовой борьбы в русской истории было государство. Его экономическая политика всегда была направлена против интересов населения. Об этом свидетельствуют даже названия бунтов (соляной, медный, картофельные и т.п.). Поэтому неверно вслед за А.С.Пушкиным называть русский бунт «бессмысленным и беспощадным». В любом восстании был смысл, поскольку оно позволяло скорректировать политику государства. За жестокость бунтов тоже отвечает государство: русским людям на протяжении столетий было у кого научиться жестокости. Ведь никто не заставлял русских князей соединять власть с собственностью. Бессмысленной и беспощадной была политика государства, которая никогда не отличалась смыслом и милосердием.

Социальная структура России уже в XVII в. переплелась с государственной властью. Социальная структура в целом состояла из «служилых людей», контролируемых государством. Каждый элемент структуры имел обязанности, но не имел прав, гарантирующих влияние на государство. Переплетение власти и собственности стало принципом бытия и функционирования государственного аппарата. Этот принцип культивировал взаимное предательство (измена) – главный мотив политического поведения аппарата (впервые этот мотив проявился в поведении руководителей дворянских отря-

дов в гражданской войне под руководством Болотникова). Классы и группы в России создавались по произволу государства.

Такой способ формирования социальной структуры отличался от западноевропейского. В Европе самостоятельность сословий базировалась на происхождении и правовых привилегиях; каждое сословие обладало особым локальным и профессиональным статусом, который передавался через систему унаследованных политических прав. В России класс властителей-собственников создан сверху для социальной опоры ненавистной власти, после краха ее татарских покровителей. Этот класс никогда не был независимой от власти социальной силой, подобно западным сословиям земельных собственников.

На этих основаниях возникала ***система русской власти***. Государство стало элементом базиса русского общества уже в период феодализма. Социальные и революционные движения России XVII-XVIII вв. не нарушили отношения собственности, поскольку государство было главным фактором их трансляции и консервации. Оно нивелировало борьбу экономических классов и не способствовало прогрессу и социальной динамике. Государство свело механизм социального развития к выравниванию распределения экономических благ. В Европе этот механизм начал формироваться лишь в последней трети XIX в., после крушения классического либерализма. В России он существовал уже в феодальную эпоху. Русское государство свело борьбу экономических классов к роли второстепенного фактора социального развития. Главным фактором выступала борьба политических классов, обладающих или претендующих на монополию власти-собственности.

В русском обществе на протяжении столетий экономика и политика выступали способами социального контроля. Общая модель развития частно-собственнического уклада включает следующие элементы: деление на сельский и городской уклады; тождественность отношений между ними; циклы развития обеих укладов включают следующие фазы: рост отчуждения труда-социально-революционные движения-эволюция отношений собственности; в результате такой эволюции распространяются отношения собственности с более высоким показателем развития.

В России третьим элементом отношения между городом и деревней выступало государство, точнее – властно-собственнический

госаппарат. Он подчинялся другим закономерностям и воздействовал на развитие других сфер. Поэтому не был механизмом формационного перехода и всегда нарушал общую модель развития.

По сравнению с экономической системой развитие политической системы происходит иначе: рост политического насилия способствует росту гражданского отчуждения; отчуждение граждан от государства ведет к социальным и революционным движениям; власть подавляет эти движения за счет преимущества в средствах насилия и тактике; происходит усиление аппарата власти и расширение политического гнета; гнет порождает деклассирование и десоциализацию граждан; за счет деклассирования государство достигает равновесия, поскольку разрушение социальных связей не позволяет организовать новое гражданское сопротивление.

Отсюда вытекают два правила развития государств: выход из фазы революционных движений увеличивает гражданское отчуждение; государство поддерживает гражданское отчуждение выше границы гражданского деклассирования. Власти выгоднее десоциализация граждан, нежели их мирное отношение к распорядителям средств насилия. Для выхода из революционного кризиса власть увеличивает сферу насилия и контроля. Поэтому в мирное время она может уменьшать то и другое. В любом случае власти выгодно доводить гражданское отчуждение до пределов. Она провоцирует гражданские волнения для того, чтобы в будущем располагать не только социальным миром, но и расширенной сферой насилия и контроля.

Отсюда вытекают еще два правила: при давлении граждан на частную собственность распорядители производительных сил вынуждены улучшать положение трудящихся до тех пор, пока те не прекращают давления; при давлении граждан на власть она увеличивает насилие до тех пор, пока не лишит граждан малейшей возможности дальнейшего сопротивления. Экономическая сила частных собственников усиливается в ходе эволюции отношений собственности и ослабевает в результате революционных волнений. Политическая сила властителей возрастает в период роста гражданского отчуждения. Но они стремятся так укрепить свою власть с помощью технических и организационных средств, чтобы навсегда подчинить себе граждан. В этом смысле всякая система власти претендует на вечность и переплетается с религией.

Если властители являются одновременно собственниками, это ведет к следующим модификациям:

- при экономических конфликтах с непосредственными производителями материальных и духовных ценностей власть использует преимущественно политические методы разрешения конфликтов;
- частный собственник может оказаться беззащитным перед производителями, государство всегда готово к защите и нападению;
- власть осуществляет эскалацию репрессий для разрушения социальной структуры сопротивления и десоциализации граждан;
- поэтому любой экономический конфликт обладает политической тенденцией и угрожает взрывом в масштабах всего общества;
- эта тенденция усиливает естественную склонность власти к расширению своей сферы за счет ограничения и лишения сферы свободы всех граждан;
- власть осуществляет десоциализацию – разрушение автономных социальных связей граждан;
- десоциализация осуществляется путем физического уничтожения, репрессий и принуждения граждан к разрыву социальных связей.

Государство-собственник – больший угнетатель, нежели обычная иерархия власти. В государственном секторе рост производительности труда исключен по определению или укрепляет властно-собственническую иерархию. Связь власти-собственности политизирует всю экономику. В результате госаппарат может не только подавлять производителей, но и вести игру с классом собственников в целом. Частные собственники тоже могут нуждаться в государстве для подавления непосредственных производителей. Связь власти-собственности ведет к тому, что власть самостоятельно определяет, кто является и не является частным собственником. Из-за этого частный сектор тоже погружается в стагнацию. Трудящиеся и частные собственники вынуждены кормить растущий слой надзирателей-управленцев.

Все указанные свойства экономики и политики сложились в России в начале XVII в. Государство стало верховным собственником-эксплуататором. После восстания Болотникова шла дальнейшая бюрократизация госаппарата и превращения его в самого

крупного земельного собственника[258]. Для регламентации жизни государственных крестьян и управления ими было создано особое министерство. Госаппарат стал верховным эксплуататором, отнимая прибавочный продукт и накладывая на население огромные налоги. Эта дань в основном шла на содержание аппарата.

Государство установило и транслировало монополию на производство и продажу особо доходных товаров. Внутренняя и внешняя торговля были монополией государства. Для этого оно заимствовало у Западной Европы политику меркантилизма. На протяжении столетий (при царях, большевиках и нынешних правителях России) государство присваивало прибавочный продукт промышленности и сельского хозяйства, грабило население налогами и осуществляло вторичную перераспределение доходов без участия населения. Этот факт до сих пор не учитывается большинством направлений русской социально-исторической мысли и политики. Зато упорно транслируется другой стереотип: русское государство было и есть двигатель прогресса во всех отраслях экономики и социальной жизни. На деле государство было и остается главным собственником-эксплуататором российского общества и прилегающих территорий. Значит, русская социально-политическая мысль должна быть направлена на разрушение этого стереотипа.

Связь насилия и эксплуатации повлияла также на отношение «нация – государство». В Европе Нового времени связь между ними была главным социальным отношением. Оно повлияло на всю социально-политическую мысль. Таков критерий для оценки классических и современных теорий интересов и институтов.

Тогда как социальная структура России была и все еще остается следствием регламентации социальной жизни. Обычно правовые определения санкционируют уже сложившуюся социальную дифференциацию. Бюрократическая регламентация есть акт вмешательства официальной статистики и социальной науки в социальную структуру и процессы. При этом границы социальных классов и групп устанавливаются сообразно интересам госаппарата. Он присваивает себе право решения сомнительных и неопределенных ситуаций, а социальная наука ему не противодействует. Поэтому бюрократическая регламентация противостоит правовым определе-

[258] На протяжении 180 лет (1678-1858 гг.) число государственных крестьян в России возросло почти в 13 раз, тогда как число помещичьих крестьян - только в 3 раза.

ниям социальной структуры. Переплетение правовой и бюрократической регламентации впервые реализовано в Табели о рангах и до сих пор определяют социально-групповую структуру.

Отсюда вытекает принципиальное различие сословий в Европе и в России: в Европе принадлежность к сословиям (происхождение) была связана с привилегиями и правами, в России любые привилегии были связаны с произволом царя, а права никогда не получали политического оформления; в Европе государственная служба никогда не была основанием допуска в «благородные» сословия, в России достижение определенного ранга на государственной службе автоматически влекло за собой принадлежность к «благородным» сословиям. Иначе говоря, в России критерием «благородства» была и остается сфера занятий, не создающая ни материальных, ни духовных ценностей. Поэтому сами критерии дифференциации социальной структуры отражают связь власти-собственности. Следовательно, русская власть никогда адекватно не отражала ни общие интересы населения, ни интересы слоев и групп (производителей и собственников), а реализовывала свои интересы, придавая им ранг государственных[259].

Русское государство и проблема Петра I. В Европе цеховая организация обладала монополией на средства производства и сбыта и стала предпосылкой автономных цеховых связей, независимых от государственной власти. В российской промышленности и торговле не было европейских цехов (корпораций). Государство преобразовывало богатых горожан в чиновников, сообразуясь прежде всего со своими интересами, а не интересами возникающей буржуазии.

Возникающие абсолютные монархии в Европе вели политическую игру с прежними и новыми классами собственников. В России социальные и политические процессы шли в другом направлении. Если термин «абсолютная монархия» понимать в социально-политическом (а не юридическом) смысле, в России она существовала задолго до европейских абсолютных монархий. На рубеже XVII-XVIII вв. (реформы Петра I) русское государство осуществило одну из наиболее эффективных попыток вернуться назад и стать исключительным собственником.

[259] Эту идею можно использовать для оценки любых отечественных и зарубежных работ по описанию социальной структуры Российской империи, СССР и современной России.

Для абсолютных монархий Европы характерна модель политики как лавирования между социальными силами для реализации определенной программы. Эта модель неприменима к русскому государству, поскольку она сконструирована для обществ, условием равновесия которых является состояние социального мира, а не насилия над обществом. Петр I насильственно создавал промышленность, торговлю и новые классы. Эта модель не может быть применена и к периодам относительно «нормального» развития России (например, царствование Екатерины II). Русская власть взяла на себя инициативу создания и ликвидации целых классов и групп. От этой модели Россия не отступала никогда, включая современные преобразования.

Суть реформ Петра I – усиление (а не разрушение) связи власти-собственности. В итоге его деятельности любая частная инициатива ликвидировалась, а возникающая русская буржуазия наглухо привязывалась к государственной телеге. Петр I реализовал политику Ивана Грозного другими методами. Суть его политики – бюрократизация, а не терроризация общества (как при Иване Грозном). Петр создавал русскую буржуазию как средство полного подчинения дворянства государству. Поэтому Петр I двигал Россию назад, а не вперед.

Такова же специфика восходящего к Петру I русского государственного атеизма: он инициирован верховной властью, а не был следствием длительного развития рационализма в лоне религиозной традиции и добровольного свободомыслия граждан.

Реальная агрессия и миф реформаторства. Со времени Ивана Грозного захват других земель, морей и гор стал постоянной тенденцией внешней политики русского государства. Петр I придал традиционной агрессивности русского государства европейские измерения. В общем виде агрессия – важнейшее средство расширения сферы контроля одной властной иерархии на другую властную иерархию. Эта тенденция начала проявляться после того, как в России власть уже полностью подчинила себе население (с помощью конкретно-исторических средств технического контроля). Власть не может быть агрессивной до тех пор, пока не овладела собственной социальной территорией. Она становится агрессивной после установления контроля над всеми социальными территориями (т.е. различными группами населения). Ради расширения контроля

власть готова вступить в войну с другой властной иерархией. Поэтому главная причина агрессивности Российского государства – насилие над собственными подданными. С учетом дополнительных факторов (размеры страны, количество населения, минеральные богатства, политическая традиция) внутреннее насилие есть условие внешней агрессии.

Миф Петровских реформ базируется на первом догмате ленинизма: отсталая страна «обязана» развивать экономику; государство свободно от мотивов своекорыстия и прибыли и может выражать интересы всего общества; никто (кроме государства) не в состоянии выражать интересы, направленные на вхождение страны в разряд «цивилизованных»; для развития экономики можно применять «варварские» методы. Последний тезис соединяет ленинизм с либерализмом. В основе этого мифа лежит убеждение об экономике как главном факторе социального развития, а его составными частями являются телеологизм, идеализм и индивидуализм.

Петр I не изменил ранее указанные закономерности генезиса и функционирования системы русской власти. Реформы Петра I объясняются следующими обстоятельствами: на рубеже XVII-XVIII вв. власть в России была слабой для того, чтобы повторить опричнину, и потому стремилась найти союзника; русская буржуазия в то время тоже была слабой; поэтому Петр I направил свою деятельность на создание подчиненной государству буржуазии; а поскольку сила буржуазии зависит от распоряжения производительными силами, постольку власть развивала промышленность руками буржуазии. Реформы Петра не превратили русскую буржуазию в сильного союзника государства (как на Западе), а воплотили в жизнь и усилили гражданское отчуждение. Производительность труда в России была низкой, поскольку население одновременно подвергалось политическому насилию и экономической эксплуатации. Петр I превратил государственных холопов-крестьян в государственных холопов-рабочих. Государственный холоп-рабочий трудится еще хуже по сравнению с государственным холопом-крестьянином. Поэтому реформы Петра еще больше снизили производительность труда. Русская власть превратила холопов-крестьян в современных рабов. А поскольку власть связала буржуазию со своими интересами, постольку государство еще более усилило эксплуатацию. Одновременно оно ограничило спрос на продукцию собственной промыш-

ленности. Насилие государства ликвидировало также волю к гражданскому сопротивлению. В этом смысле реформы Петра I обнажили до предела конфликт власти и собственности, политики и экономики.

Бюрократический хаос, властный произвол и большой скачок. Табель о рангах обеспечила воспроизводство госаппарата уже в начале XIX в. Этот факт отражает главные тенденции русской власти: количественный рост госаппарата доказывает, что он становился господином русского общества; это укрепляло положение государства как третьей силы (между народом и дворянством) - оно приобретало надклассовый характер; одновременно оно затрудняло образование политических и интеллектуальных элит народа – способные индивиды получили канал социального продвижения при условии верноподданности государству. Особенно опасной была третья тенденция. Она ликвидировала казачество как потенциальную социальную и интеллектуальную силу крестьянства. Казачество потеряло свой социальный и революционный потенциал – главную предпосылку политической и интеллектуальной элиты.

Госаппарат выражал прежде всего свои интересы и интересы государства, а не интересы общества, что объясняется его общими и специфическими свойствами:

Русская система управления эффективна в смысле предельного усиления интересов власти, а не в смысле выражения интересов общества, которому обязано служить государство (а некоторые действительно служат). Русское государство минимально служило общим интересам населения страны прежде всего из-за своей неэффективности. Это кажется патологией, если рассматривать госаппарат с нормативной точки зрения – т.е. полагать государство и его аппарат слугами общества. Но государственную власть можно считать машиной господства над обществом, которая действует независимо от намерений конкретных лиц (властно-управленческой иерархии) и может быть ограничена только силой граждан. Поэтому количественный рост госаппарата – естественный результат расширения власти водителя над пассажирами государственной машины. Положение отдельного служащего в структуре власти зависит от числа подчиненных ему людей. Поэтому каждый рекрутирует столько людей, сколько должностей ему удается создать. Функционеру безразлично, служат или не служат они обществу.

Ему важно, чтобы они служили лично ему. Интерес каждого чиновника – создание новых должностей, расширение сферы государственной регуляции социальной жизни, выполнение указаний начальников, не вникая в их смысл.

Бюрократический хаос в сфере законов, указов и инструкций тоже соответствует интересам власти. При таких условиях легче принимать произвольные решения сообразно интересам служащих каждого уровня власти. При хаосе укрепляется социальное положение чиновника – ему приписывается знание запутанной сферы законов, уставов и инструкций по причине времени, которое он проводит в государственных учреждениях. В нормальной политической системе знание законов и прав принадлежит юристам. В бюрократической системе власть, вытекающая из знания законов и прав, оказывается в руках государственной службы. Хаос в сфере законов, уставов, инструкций затрудняет контроль каждого уровня власти сверху и снизу. Если вершина власти (в данном случае царь) не обладает всей информацией о социальных процессах, это тоже соответствует интересам аппаратчика, ибо уменьшается вероятность раскрытия его действительной роли. Аппаратчик прекрасно чувствует себя в состоянии правового хаоса, среди толпы подобных, занимающих кабинеты и коридоры государственной пирамиды. Наиболее выгодная ситуация для него возникает тогда, когда вершина власти выполняет роль орнамента бюрократической пирамиды, поскольку она поглощает и «представляет» гражданское общество. В этом и заключается интерес власти как социального (политического) класса, социальная база которого была закреплена петровской Табелью о рангах. Таков механизм российского преобразования гражданского общества в бюрократическое государство.

Следовательно, реформы Петра I – это становление системы политико-экономического двоевластия, в котором бюрократическая система уже существовала, а системы массового террора еще не было. Зато интересы госаппарата уже господствовали над интересами частных собственников.

Екатерина II создала предпосылки «новояза» (извращения смысла слов в политических целях) и систему тотального господства дворянства над подданными при одновременном сохранении за подданными права на донос. В этой системе бюрократия и дворянство определяли государственные интересы – совокупные инте-

ресы властителя и собственника. Государство приобретало духовную власть за счет надзора за церковью, культурой и наукой. В этом и состояла модификация европейской системы «равновесия» и «гармонии» интересов указанных классов, определяющих «общие интересы» русского государства. Отсюда вытекает следующая закономерность функционирования русской власти: уменьшение государственного вмешательства в одну сферу социальной жизни («освобождение дворян» при Екатерине II) компенсируется ростом вмешательства в другую сферу (духовное производство) для возмещения потери и сохранения возможно большей сферы глобального контроля государства над социальной жизнью.

К русскому обществу неприменима марксова схема, поскольку в истории России не было периодов, когда государственные интересы выражали или хотя бы приспосабливались к интересам частных собственников. Власть всегда распоряжалась средствами насилия и средствами производства. Главный интерес государства был прежде всего политическим, а не экономическим. Поэтому русское государство никогда не выражало ни интересы частной собственности, ни интересы «всего общества» и не служило социальным целям. Власть отвергала любые социальные проекты, связанные даже с малейшими социальными преобразованиями. Со времени Николая I в политическую культуру бюрократии вошло отрицательное отношение к любым социальным инициативам, даже если они предлагались привилегированными лицами и группами. Наиболее широкие социальные проекты декабристов закончились виселицей и каторгой. Поэтому безусловно прав Дж. Кеннан: при анализе системы управления Россией надо удивляться не тому, что «…ссылка административным порядком создает террористов, а скорее тому, что она еще не сделала террористами весь народ»[260].

Таковы следствия воспроизводства бюрократии и крестьянского менталитета чиновников. Русское государство как верховный собственник-эксплуататор было самым консервативным. Вопросы социально-экономического развития интересовали его лишь в той мере, в которой позволяли поддерживать прежний уровень насилия и расширять контроль над гражданами.

[260] Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886). Т.1. СПб, Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999, с.240

При сравнении стран Запада и России зарубежная и отечественная либеральная историография обычно подчеркивают, что в России не сложилась идея правового государства. Это положение фиксирует лишь истину о фактах, а ссылка на византийскую или монгольскую традицию просто сдвигает проблему в прошлое. Теория политического отчуждения позволяет истолковать этот факт иначе:

1. Власть свободна больше при выполнении указаний сверху относительно конкретных лиц и ситуаций, нежели при применении абстрактных норм права. Начавшаяся при Петре I и завершившаяся при Николае I тенденция бюрократизации расширила сферу властного произвола. Власть и управление сводились к выполнению приказов вышестоящих лиц, а не к применению норм права.

2. Отсутствие прав и обязанностей властвующих и подвластных позволяло власти произвольно расширять свою компетенцию и контроль над гражданами и потому было ей выгодно, особенно с учетом принципиального отличия идеи единства прав и обязанностей в Европе и России.

3. Идея главенства закона над властью ограничивает ее, поскольку обязывает искать правовые основания решений, а граждане на основе законов могут ставить под сомнение властные решения. Законы и права в некоторой степени ограничивают рост господства власти над гражданами

В целом европейские концепции власти неприменимы к анализу России. Идея и система правового государства не была принята в России, поскольку противоречила элементарным интересам автохтонной власти. Россия «прыгнула» из феодализма в социализм потому, что уже при феодализме связала власть с собственностью. Она намного раньше достигла состояния, к которому страны Запада пришли лишь в период позднего капитализма – т.е. после второй мировой войны.

При анализе ***форм государственного обогащения*** надо учитывать: деятельность державы как средства грабежа и наживы; движение от бюрократической опричнины к государственным имуществам; реформа 1861 г. как новая Табель о рангах; проблема выбора процедуры объяснения.

Держава как средство грабежа и наживы. Главные источники первоначального накопления в России состояли в следующем: рас-

хищение общинных и государственных земель; колониальная политика; война и казенные поставки; фаворитизм; внешняя и внутренняя торговля; система государственного кредита; откупа, монополии, выкупные операции. Все источники связаны с деятельностью государства. Все русские капиталисты более-менее опирались на военно-экономическую силу государства. В такой степени она не применялась нигде. Здесь Россия тоже опередила страны Европы. Поэтому ложна всякая аналогия между ролью протестантов на Западе и ролью старообрядцев в России в формировании капитализма. В России только государство было «нормальным каналом» социального продвижения. На успех могли рассчитывать только верноподданные и пассивные люди со средними способностями. Предприимчивость и инициатива как социальные свойства были и остаются вне государства и этатизированного общества.

Накануне аграрной реформы 1861 г. значительно возросла абсолютная и относительная экономическая сила государства-собственника. На эту тенденцию мало обращают внимания дореволюционные, советские и нынешние отечественные историки (проверить по современным учебникам для обсуждения вопроса о причинах реформы).

<u>От бюрократической опричнины к государственным имуществам</u>. Классический тезис либерализма: государство есть орган обслуживания интересов и потребностей граждан – ложен и неприменим к истории России. Главный интерес русской власти – колонизация крестьян и огосударствление всех подданных. Для обоснования этого интереса использовалась мораль. Русские законы формулировались «по совести» – т.е. на основе морали. Чем более моральной была власть, тем она была хуже. Поэтому в России идея приоритета морали над политикой и наоборот имеет другой смысл, чем в Европе. Зато свободу в России можно было купить за деньги.

Реформа 1861 г. выразила уже сложившиеся властно-собственнические интересы. При Иване Грозном они привели к опричнине, при Петре – к бюрократической, при Александре-Освободителе – к экономической опричнине. Законодательное творчество русского правительства соответствует всем признакам бюрократического. На протяжении 300 лет государство трижды (Грозный, Петр I, Александр II) подрывало экономическую силу класса, на которую (согласно схемам советской и либеральной ис-

ториографии) оно опиралось. Одновременно никто из русских дворян не соблюдал принципы христианской морали. Русская бюрократия всегда их нарушала.

Социальный смысл всей внутренней (экономической) политики власти заключался в ослаблении ее главного экономического соперника. Огосударствление – главная причина деполитизации русского дворянства. Отсюда вытекает правило: чем больше социальный слой (класс, группа) привязан к государственной телеге, тем больше его деполитизация. Перед реформой 1861 г. было проведено огосударствление жителей городов.

Таковы были предпосылки реформы 1861 года.

Реформа 1861 г. была просто новой Табелью о рангах. Ее социальный смысл - ослабление экономической и политической силы дворянства как главного соперника власти и усилении государственного контроля над крестьянами. С помощью реформы государство сломило экономическую силу дворянства. Реформа не была реализацией стремления правительства попасть в ногу с прогрессом и вывести Россию на рельсы цивилизационного развития. Такая посылка образует суть цивилизационных и историографических теорий. Но она не дает возможности понять интересы политического класса России. Определение русского дворянства как главной опоры трона и резервуара государственных служащих фиксирует его второстепенные социальные свойства. Сущностная характеристика политического класса – это социальные интересы, которые реализует человек при вхождении в структуру власти, независимо от принадлежности к привилегированному экономическому классу. По мере вхождения он подчиняется ее правилам, главное из которых – укрепление собственного политического положения.

Реформа проведена для усиления власти на местах. Она еще более уравняла население страны перед властью и расширила сферу государственной регламентации. Реформа повторила Табель о рангах в новых обстоятельствах. Земские собрания (на которые уповали русские либералы) повторило главную характеристику Земского собора: законодательная власть полностью зависела от исполнительной. Земские собрания не могли выполнять свои решения без согласия исполнительной власти, а губернатор мог их просто отменить. Реформа самоуправления – следствие политико-бюрократической тенденции русской власти. Общее правило со-

стоит в том, что никакая власть не отказывается добровольно от расширения сферы регуляции, а принуждается к такому отказу только под давлением гражданского сопротивления. Земства не ограничили права бюрократии и не увеличили права городской буржуазии и рабочих. Основное содержание реформы – рост контроля над крестьянами с помощью представительных учреждений.

Зато реформа 1861 г. позволяет постичь природу политических уступок. Госаппарат (ГА) России противодействовал введению всеобщего образования и парализовал инициативы земств в этой сфере, сводил к минимуму все уступки при ослаблении гражданского сопротивления, постоянно воздействовал на вершину политической иерархии и создал миф об абсолютной власти для маскировки собственных интересов[261], заменил идею представительства в принцип передачи управленческих полномочий низовым органам, но это управление осуществлялось под надзором правительства. Одни бюрократические действия вызывали другие и потому всякая реформа увеличивала власть бюрократии. Решающая сила перехода к капитализму в России – материальные интересы ГА, а не буржуазии. В процессе перехода ГА осуществил еще большую нивелировку общества и расширил сферу властной регламентации. Возникающая русская буржуазия была новым социальным классом, созданным для опоры власти.

Есть два способа решения проблемы выборы процедуры объяснения реформы 1861 г.:

1. Реформа была осуществлена потому, что русское общество уже состояло из класса властителей-собственников и класса собственников. Интерес первых заключался в элиминации вторых и этатизации экономики. Накануне и после реформы класс собственников раздваивался на землевладельцев и капиталистов. Государство поддерживало новый класс собственников исключительно для трансляции собственных интересов и ослабления прежних собственников.

2. Основная цель правительства России – укрепление ее международного положения; в период индустриализации международное положение страны зависит от ее промышленного развития, а последнее предполагает ликвидацию феодальных отношений; цель

[261] Напомню, что к мифу о *культе личности* русская/советская бюрократия всегда прибегала в кризисных ситуациях.

правительства после Крымской войны заключалась в сохранении статуса России как мировой державы; правительство осознало необходимость поддержки нового и ослабления старого класса, а также цивилизационную отсталость России по отношению к странам Запада; по этим причинам осуществлена аграрная реформа.

Какую из процедур объяснения избрать? Надо учитывать, что цивилизационные теории с момента появления служили для обоснования либеральных, социал-демократических и ленинских схем объяснения истории Европы и России. Эти теории более-менее поддерживали сциентистский миф о том, что существуют некие «чистые факты», не деформированные теорией, а государство является абсолютно положительной ценностью. Этот миф до сих пор успешно используется разными отрядами русской бюрократии и ее идеологической обслуги. Концепция власти-собственности позволяет подорвать сциентистско-этатистский миф и объяснить политическую историю России удовлетворительнее других историографических, философско-исторических и цивилизационных концепций. Этим объясняется мой выбор первой процедуры объяснения, хотя он нуждается в дальнейшем доказательстве.

Тема ***государство как верховный учетчик и контролер*** включает следующие проблемы: анализ марксистской и либеральной концепции степени экономического развития России; властно-экономический хищник; русская община: факты и теория; этатистская эрозия российского общества.

Проблема степени экономического развития России. Либеральные политики и историки полагают: промышленная и аграрная политика России на рубеже XIX-XX вв. свидетельствуют о переходе страны на фазу ускоренного развития капитализма. Но существует операциональные критерии измерения ускоренного развития экономики: быстрый рост ВНП; понижение доли продукции сельского хозяйства с 50-60% до 10-20% ВНП; повышение доли продукции промышленного производства до 40-50% ВНП; рост сектора услуг в национальном доходе[262]. Применение данных критериев к исследованию развития России в указанный период свидетельствует: оно не подпадает ни под либеральную, ни под марксистскую схему. Власть произвольно навязала схему развития стране, преследуя

[262] Хотя критерий ВНП сомнителен, он до сих пор используется для анализа социальных трансформаций.

прежде всего свои интересы. И потому квалификация развития промышленности в России как «бурного» или «революционного» противоречит действительности. Проблему надо сформулировать иначе: если существовал цивилизационный разрыв между развитием промышленности и стагнацией сельского хозяйства, то кто главный виновник и одновременно транслятор такого разрыва?

Властно-экономический хищник. На протяжении всего периода после реформы 1861 г. до 1913 г. доходы русского государства росли за счет следующих источников: участие в капиталистических предприятиях; государственные налоги; монополия на табак и водку. Госсобственность на землю осталась нерушимой. Значит, после реформы государство оставалось самым зверским эксплуататором населения. Одновременно оно начало эксплуатировать и контролировать класс буржуазии, который создан государством еще до реформы. Новые собственники были вынуждены приспосабливаться к навыкам «государственных мужей» России.

Существовали следующие формы связи власти и капитала в России:

- самый крупный в мире государственный сектор экономики (предприятия, отрасли хозяйства, банки);
- государственные заказы на производство определенных видов продукции способствовали развитию одних сфер производства за счет других;
- экономика удовлетворяла потребности власти и государства, а не рынка и граждан;
- государство участвовало в организации транспорта, больших предприятий, банков;
- переводило в состав госсобственности обанкротившиеся (близкие к банкротству) фирмы;
- свобода действия промышленных капиталистов в целом административно ограничивалась, но некоторые предприятия получали особые привилегии;
- госзаказы служили средством развития крупных предприятий;
- крупные предприятия и банки в больших масштабах финансировались из государственного бюджета;
- антикризисная деятельность государства и соучастие в образовании больших монополий;

- обмен чиновниками между госаппаратом и экономическими организациями;

- капитал контролировался государством.

Развитые страны Запада только в конце XX в. достигли такого состояния. Современные мыслители (например, Ю.Хабермас) определяют его как «самопрограммируемую циркуляцию власти». Россия инициировала эту циркуляцию в начале XX в., опередив Запад в переплетении политической власти с экономической. Поддержка государством русской буржуазии на рубеже XIX-XX в. была параллельным своекорыстием.

Идеальный тип русского капитализма включает следующие свойства: переход госчиновников в аппарат промышленных предприятий; этот переход происходил прежде всего в столицах и включал в свой состав бюрократию, аристократию, лиц из царской семьи; обмен чиновниками вытекает из стремления обоих к богатству и образует ядро российского капитализма; укрепление связи власти-собственности за счет новых властителей-собственников; русская буржуазия – это новое издание прежних дворян-помещиков; главный интерес этого класса заключался в контроле общества путем одновременного применения политических и экономических средств; чиновники поддерживали интересы капиталистов против интересов помещиков; концентрация российского капитала и производства – результат стремления властителей-собственников к тотальному контролю; при размещении государственных заказов русское правительство руководствовалось прежде всего личными связями, а не экономическим расчетом. В этом контексте формировались и другие свойства русского капитализма.

Взятка была и остается государственной формой прибавочного продукта в иерархии «промышленная прибыль-торговая наценка-финансовый процент». Взятка – это та часть прибавочной стоимости, которая соответствует месту в иерархии власти, если от нее зависит возможность хозяйственной деятельности. Чем больше производитель и промышленник самостоятельны, тем меньше они тратят прибавочного продукта на взятки представителям власти. Если без разрешения последних хозяйственная деятельность невозможна, расширяется социальная база коррупции политико-управленческих элит. Коррупция в России не ограничивалась элитами, а затрагивала низшие уровни управления и социальные низы.

В этом смысле она транслировала связи, характерные для азиатской системы дара.

Административные ограничения любой социальной деятельности связаны с применением законов – главного средства властителей-собственников. Последние распоряжаются законами по мере приоритета власти над законом. Ограничения «рациональны» с точки зрения властителей-собственников, поскольку они руководствуются соображениями максимальной власти, а не максимальной прибыли. Главный критерий экономической деятельности в России – наличие своих людей в аппарате власти. Такова специфика русского корпоративизма, лоббизма и тип управленца. Он был и остается следствием следующих процессов: на первом этапе происходила организация промышленников; затем они устанавливали контакты с госаппаратом; по мере развития контактов возникало представительство промышленников в структурах законодательной и исполнительной власти; но оно не выражало интересы промышленников, а стимулировало их оперативную реакцию на сигналы госаппарата. Тем самым система управления русской промышленностью начала воспроизводить государственную систему управления.

Русские властители-собственники начали вмешиваться в коньюнктурные, формационные и цивилизационные циклы раньше своих западных коллег. Развитие капитализма в России сформировало класс, который стремился одновременно к росту наживы и сферы социального контроля. Концентрация финансов и подчинение ей экономики – естественный способ вмешательства властителей-собственников в экономическую жизнь страны. Отсюда вытекает общее правило русского капитализма: чем больше участие государства в сфере производства, тем ниже ее экономическая эффективность.

Из правила вытекают два следствия: по мере вхождения любой сферы производства в орбиту влияния государства ее эффективность понижается; самой низкой экономической эффективностью отличаются сферы производства, целиком организованные государством. Примером могут служить картели и синдикаты царской России и деятельность ВПК в советской и современной России.

Реальная история капиталистических предприятий России – это подчинение экономики власти и навязывание экономике политиче-

ских критериев. Так формировался класс властителей-собственников. Русская военная промышленность до революции предвосхитила будущее социалистическое общество в российском исполнении, в котором экономика целиком подчинялась власти. Русское государство всегда выражало интересы класса властителей-собственников. Он возник в результате слияния аппарата власти с капиталом. С политической точки зрения русская власть не выражала интересов всего общества, а с экономической – не выражала интересы класса собственников[263].

Русская община: факты и теория. При ликвидации общины государство руководствовалось двумя мотивами: развитие сельского хозяйства будет способствовать развитию промышленности и обеспечит больше прибыли для буржуазии; эти прибыли увеличат доходы членов аппарата власти. Из них вытекает главный социальный мотив: разрушение общины подчинит крестьян государственному контролю, поскольку они будут вырваны из своего социально-мировоззренческого мира, в который до сих пор власть не могла проникнуть. Главная цель столыпинской реформы – замена общины прямым подчинением госаппарату.

Этатистская эрозия российского общества. По мере укрепления капиталистического государства происходит этатистская эрозия экономики. Ее политическим следствием является тоталитаризм в его советской и фашистской модификациях. Целые столетия русская власть занималась угнетением и подавлением подданных в такой мере, которая неизвестна европейской цивилизации. Эта власть лишила русский народ возможности самостоятельно организовать свою жизнь и сформировала рабскую (холопскую) ментальность. Без нее невозможно было выжить. А затем *государственные мужи* из состава русских либералов и марксистов-ленинцев начали ссылаться на эту ментальность для легитимизации собственной власти.

Механизм русской конкуренции – это подмена принципа зарабатывания на основе деятельности другого человека принципом господства над этой деятельностью. Поэтому русское государство проскочило капитализм как стадию социального развития и уже в

[263] Нетрудно понять, что идеальный тип русского капитализма можно построить и по принципу отрицания всех перечисленных реальных свойств для оценки прошлого, настоящего и будущего России, а также меры эффективности государственной политики. Такая процедура будет принципиально отличаться от веберовской методологии идеальных типов. Но данную проблему я здесь не рассматриваю.

начале XX в. начало обгонять страны Запада. Первая догма ленинизма (по сравнению со странами Запада Россия была отсталой страной, главной социальной базой которой было крестьянство, а капитализм только развивался; господствующим классом России были помещики-дворяне, а их интересы выражало царское государство), повторяемая социал-демократами и либералами, ложная. Если бы в России велась только классовая борьба и не было класса властителей-собственников, то в стране не возник бы реальный социализм и Россия просто повторила бы путь развития других европейских стран.

6.3. Парадигма революционной власти

Политическое наследство России стимулировало несколько процессов: развитие экономики способствовало преобразованию феодальных властителей-собственников в капиталистических; рост госаппарата усиливал связь власти и собственности путем вмешательства в экономику; рост численности буржуазии, связанной с данным аппаратом. Эти процессы повлияли на Февральскую и Октябрьскую революцию и феномен отчуждения революции.

Эта крупная проблема распадается на ряд подчиненных: становление двойного класса; предпосылки закабаления граждан; революционные иллюзии; революция как предмет рефлексии.

Проблема ***становления двойного класса*** включает подпроблемы: суперклассовая структура и государственная экономика; интервенция и институционализация; мнимая альтернатива и действительные интересы.

Суперклассовая структура и государственная экономика. Накануне революции русское общество состояло из городского и сельского общества. Первое базировалось на системе распределения, второе – на иерархии и социальной изоляции. В капиталистическом секторе было легче обогатиться. Члены аппарата власти обычно стремятся укрепить политическое положение за счет движимого и недвижимого имущества, реального и символического капитала. В государственной экономике возможность экономической деятельности зависит от властных решений. Взятка в России (наряду с процентом и земельной рентой) стала новой формой прибавочной стоимости. Русские капиталисты находились в ситуации выбора:

чем больше они стремились накопить капитала и имущества и чем меньше давать взятки, тем более высокое политическое положение должны были занимать – входить в аппарат власти или в «светские круги». Любой выбор снижал производительные и профессиональные способности бизнесмена.

На рубеже XIX-XX вв. в России сложилась суперклассовая структура, завершившая длительную традицию: в состав распорядителей средств насилия входили чисто авторитарный слой и класс властителей-собственников; в состав распорядителей производительными силами (капиталистов) входили класс властителей-собственников и чисто буржуазный слой. К чисто авторитарному слою принадлежали две группы: царь и его ближайшее окружение; часть бюрократической иерархии (Министерство Внутренних Дел и Военное Министерство), которая по роду занятий не имела доступа к решениям в сфере экономики. Зато в России полицейское и военное ведомство имели возможность влиять на цену государственной формы прибавочного продукта. Госаппарат в целом состоял из бездарных и коррумпированных чиновников. Механизм их отбора действовал на протяжении столетий, а взяточничество не имело равных на Западе. Обычно война увеличивает бюрократию. Во время войны класс властителей-собственников поглотил большую часть чистой буржуазии, количественно вырос и укрепил свое преимущество над другими слоями господствующих классов.

Основанные на переплетении власти-собственности системы кажутся сильными и непобедимыми. Но их слабость сразу обнаруживается при конфликте с системами, базирующимися на разделении власти и собственности. Пораженная структурами власти экономика обычно проигрывает экономике, которая диктует власти свои правила. Властитель-эксплуататор получает деньги за принятие экономических решений, выгодных для обычных эксплуататоров. Наиболее показательным примером в России является ВПК. Первая мировая война показала, что этатизация экономики и социальной жизни противостоит развитию техники (в том числе военной). Поэтому поражение России в войне было обусловлено не ее экономической отсталостью, а именно **опережением** других стран в соединении власти с собственностью.

Интервенция и институционализация. Государственная форма прибавочного продукта отличается от обычной прибыли экономи-

ческим бесплодием и сращиванием коммерческой и государственной тайны. Мотив социального контроля начала переплетаться с мотивом финансовым. Война увеличила количество и социальное положение властителей-собственников, к которым начали подключаться журналисты. Властители-собственники во время войны создали разветвленный аппарат военно-государственного управления экономикой. Этот класс увеличил государственное вмешательство в экономику с одновременным привлечением частной собственности. Госсобственность не является высшей ступенью исторического прогресса по сравнению с частной. Война усилила этатизацию экономики в самой этатизированной стране мира и институционализацию буржуазии. Государство создало военно-промышленные комитеты (ВПК) для управления экономикой, а в обществе были многочисленные общественные организации (включая органы по самоуправлению промышленными предприятиями).

Отсюда вытекает общее правило: властитель-собственник наносит вред любой конкретной деятельности, включая само осуществление власти и управления.

В России до революции уже существовала не одна, а две бюрократии. Они начали сближаться, поскольку в основе обоих лежала связь власти и собственности. Русская буржуазия отреагировала на войну институционализацией собственной деятельности. Буржуазная бюрократия заимствовала все стандарты поведения у царской бюрократии.

Мнимая альтернатива и действительные интересы. Во время войны сложились тенденции этатизации и институционализации. Интересы русской буржуазии совпали с интересами царской бюрократии даже в сфере методологии социального познания и вытекающих из нее программ социального развития. Примером может быть либерально-бюрократические варианты социальной теории и практики (типа отношения между фактами и оценками).

Для оценки разных вариантов экономического национализма и национальных интересов поставлю вопрос: возможен ли вообще глубокий патриотизм наряду со страстью к наживе? Именно во время войны начала действовать громадная институциональная структура, вовлекающая в себя сотни тысяч людей. Причины ее создания не объясняются «любовью к Родине». Дело в том, что эта структура гребла деньги лопатой в своей собственной стране, жи-

рела за счет собственного населения. Это противоречит патриотической трескотне, распространившейся во время войны. Значит, интересы возникшего в России двойного класса невозможно объяснить при помощи экономического детерминизма, обыденного здравого смысла, современных позитивистских и нормативистских теорий организации. Количественный рост бюрократии и организаций объясняется не их внутренней природой, а потому, что организаторы извлекают из этого экономический и политический капитал.

Теперь рассмотрим ***предпосылки закабаления граждан***. Русская буржуазия выиграла от институционализации экономики и общественной жизни. Вслед за бюрократией она приобрела деньги и власть. Для буржуазии власть становилась менее инструментальной и более самостоятельной ценностью, а для госаппарата – более инструментальной и менее самостоятельной ценностью. Но оба пути социального продвижения не были связаны с соблюдением прав и законов на каждом начальственном месте. Соединение чина с собственностью – типичная форма русской власти. Русская буржуазия пошла по этому пути. Она начала во время войны создавать единую организационную структуру, которая охватила все российское общество. Эта структура давала ее творцам и участникам деньги и власть одновременно. Власть стала знаком собственности, а собственность давала возможность власти. Для полного симбиоза властителей с собственниками надо было устранить чисто авторитарный слой госаппарата (руководствующийся только властными мотивами) и чисто капиталистический слой буржуазии (руководствующийся только экономическими интересами). Первый процесс завершился в Феврале, второй начался в октябре 1917 г.

Милитаризация труда. После катастрофы первых месяцев войны производство вооружения было переброшено из казенных предприятий в частные. Благодаря этому вооружение и снабжение армии улучшилось без всякой милитаризации труда. Система принудительного труда распространилась в то время, когда положение на фронте ухудшилось. Главная причина этого явления – появление властителей-собственников из состава госаппарата и буржуазии. Милитаризация труда ускорила этот процесс. Члены этого класса стремились максимизировать доходы и власть **одновременно** и постепенно отделялись от чисто авторитарных властителей и чисто капиталистических собственников. Милитаризация труда направ-

лялась против чисто капиталистических собственников и против рабочих. Властители-собственники расширяли контроль над неохваченными сферами социальной жизни. Ломали сопротивление традиционных собственников с опорой на институциональную структуру, которая еще до революции начала пожирать социальные ткани российского общества. Эта структура предвосхитила русский социализм. Одновременно гражданское сопротивление властно-собственническому симбиозу еще до революции показало неорганичность русского государства.

Положение царя и социальный хаос. Полное господство бюрократии в России началось в период первой мировой войны. Для этого она использовала институциональные структуры, возникшие в результате инициативы снизу. Эти люди ежедневно принимали решения о промышленных объединениях фабрик и заводов России и переходе их под контроль государства. Бюрократия столкнула традиционных собственников на вторые роли. От нее начинала зависеть любая деятельность во всех сферах экономики, поскольку она располагала громадными суммами денег. Всеобщий интерес заседающего в созданных во время войны конторах класса был тождествен интересу традиционных властителей: поставить в зависимость от себя как можно большее число людей, постоянно демонстрировать свое социальное присутствие и силу, расширять формальные действия в обратной пропорции от умения содержательно действовать. Этот всеобщий интерес переплетался со специфическим интересом русской власти – распространение власти на производителей и потребителей одновременно. Обе группы граждан оказывались в зависимости от власти.

Царская Россия – первая капиталистическая страна, в которой сформировался властно-собственнический класс. В этом смысле она действительно опередила страны Запада, в которых экономика, техника и технология были более развиты, чем в России. Одновременно Россия была (и остается) первой страной, которая обрела опыт слабости мнимо-всесильной системы власти. Этим опытом она не воспользовалась на протяжении всего XX в. Дело в том, что марксисты и либералы объясняли данный опыт как следствие экономической и технико-технологической отсталости России. Этим объясняется популярность в нынешней России теории модерниза-

ции в ее различных версиях. Все они более-менее пренебрегают данным опытом.

Либеральные воры и их политические представители. Главная причина кризиса снабжения накануне Февральской революции – этатизация и институционализации экономики, а социальная функция голода обусловлена интересами властителей-собственников. Этот класс формировался из либеральной бюрократии и буржуазии. Под прикрытием патриотических лозунгов он с самого начала делал ставку на авторитарную власть, подчинил бюрократическому комплексу все наличные организационные структуры и постоянно создавал новые (типа Прогрессивного блока). Такова специфика русского либерализма.

Как падала царская корона. Либеральные черви в интересах нового класса вовсю пожирали Россию, включая ее государственный и общественный аппарат, и сожрали царя – вершину власти. Этот класс контролировал огромный госаппарат и большую часть экономики. Специфика русского либерализма – акцент на необходимость авторитарной власти при одновременном отсутствии строгой идеологии и программы действий. Из-за политической бездарности либералы не смогли планировать голод. Зато они предвосхитили методы социального действия большевиков, предоставляя событиям (до поры до времени) развиваться своим чередом. Деятельность русского либерально-бюрократического комплекса – эталон и идеал политической деятельности либералов: вначале комплекс пожирает экономику и приводит ее в состояние разрухи; затем ответственность за собственные действия перебрасывает на вершину иерархии; это вызывает раздражение всего общества; вершина иерархии падает, а новые властители-собственники моментально занимают освободившиеся должности. Связь власти и собственности «протолкнула» Россию через капитализм к социализму.

При анализе ***революционных иллюзий*** надо учитывать, что после Февраля 1917 г. Россия вступает в период, над которым все больше клубится идеологический туман. Чем больше действительное развитие России отклонялось от постулатов марксизма, тем больше последний в его ленинско-сталинской и националистической интерпретации выполнял роль идеологии.

Идеологический туман и всеобщая регламентация экономики и общественной жизни. Идеологический туман базируется на одном

и том же убеждении: настоящая (будущая) революция имеет (будет иметь) характер буржуазной. Это убеждение вытекает из догмы: царская Россия – отсталая страна с точки зрения уровня социального развития. Данная догма характерна для либерализма, социал-демократизма и ленинизма. Все они рассматривают материальные интересы людей как главный фактор социального развития или базис иерархии фактов и ценностей и не учитывают переплетение власти с собственностью. В этом смысле Россия не отставала, а опережала страны Запада.

Февральская революция ликвидировала чисто авторитарный слой. После революции государство усилилось, а не ослабло, поскольку завершился процесс переплетения власти с собственностью. Об этом свидетельствует экономическая политика Временного Правительства, прежде всего монополизация сбыта товаров и установление твердых цен. Буржуазное правительство проводило антибуржуазную политику, поскольку государственная монополия на товары уменьшала прибыль определенной категории капиталистов. Только слабость Временного Правительства не позволила ввести всеобщую государственную монополию на все товары. Следовательно, возникшее после Февральской революции государство было протосоциалистическим, поскольку оно связывало власть с собственностью и стремилось подчинить экономику государственной власти. Попытки планирования народного хозяйства осуществлялись до Февральской революции, а после нее стали тенденцией. Временное правительство увеличило налоги (подоходный, с оборота и т.д.) и вело регулярную экономическую войну с остатками чистой буржуазии. В этом смысле советское государство – законный наследник Временного правительства. Основание действий того и другого – материальные интересы людей, одновременно удовлетворяющих своекорыстие и властолюбие. Пренебрежение данной связью свидетельствует о том, что ложь одинаково присуща либеральным, социал-демократическим и ленинским концепциям.

Политическая ложь и возможность антибюрократических действий. Временное правительство и Советы выражали типичную для России тенденцию властно-экономического контроля общества. Эта тенденция выразилась в общей схеме правительственных действий: вначале властители-собственники устранили различие между реальным и формальным выражением соотношения сил в госап-

парате; затем установили контроль над аппаратом насилия (МВД, армия) и аппаратом управления экономикой; после этого происходит рост и укрепление господства над всеми гражданами; для этого могут использоваться два способа: насилие и голод; второй метод – следствие ранее установленного государственного контроля экономики; после этого власть одновременно комбинирует разные пропорции насилия и голода.

Госаппарат России никогда не выражал интересы граждан и не заботился об «общем благе». Его интерес концентрировался на власти и деньгах. Эти ценности до сих пор претендуют на универсальность. Поэтому подлинный либерализм, демократизм и социализм состоит в борьбе с властью и деньгами одновременно. Однако русские либералы, меньшевики и социалисты предали социализм как ценность в пользу социализма как необходимости. А русский госаппарат всегда претендовал на ранг носителя такой «необходимости». Ее природа в том, что в России государство всегда хотело оставаться исключительным собственником.

Временное правительство вело политику в двух направлениях: ослабление буржуазии путем лишения ее новых источников дохода; раскол масс, спонтанно создававших органы контроля за властителями-собственниками. Массы были вынуждены тратить время на удовлетворение элементарных нужд. Поэтому не могли генерировать такой потенциал социальной инициативы, которая нужна для превращения населения в постоянную угрозу бюрократии. Эту возможность Временное правительство успешно блокировало в городе.

Консервация аграрных отношений и расширение социальной базы революционной власти. Временное правительство стремилось нейтрализовать деревню за счет поддержки существующих аграрных отношений и социального неравенства деревни. В период от февраля до октября 1917 г. оно вело одновременно внешнюю и внутреннюю войну. Это вызвало ослабление государства и увеличило крестьянские выступления. Данное государство тоже не отражало интересы народа. Февральская революция осуществлена в интересах аппарата власти, который проводил политику в двух направлениях: стремился отрезать систему советов от народных масс и втянуть членов советов в бюрократический процесс управления страной.

Вовлечение ведущих деятелей социалистических партий в управление страной объясняется тем, что аппарат данных партий получил от этого выгоду. Переплетение аппаратов данных партий с частью бюрократического аппарата и частью буржуазного аппарата начался задолго до Февральской революции. Тем самым властители-собственники имели в распоряжении властно-бюрократические, либерально-буржуазные и социалистические элементы. Советы тоже были поглощены властителями-собственниками. В обмен на включение партийных деятелей в аппарат власти партийные аппараты изменили программы социалистических партий и устранили из Советов революционно-гражданскую составляющую. В результате идея социализма толковалась так, что она обосновывала и рационализировала одновременный контроль политики и экономики. В России 1917 г. не было социальной силы, которая смогла бы противостоять классу властителей-собственников и разорвать связь власти и собственности – основной принцип организации общества в России. Эта возможность осталась нереализованной, а социальная структура данной связи была сохранена и перенесена в новые условия.

Проблема *анализа Октябрьской революции* является предметом столетних разговоров. До сих пор большинство оттенков политической мысли рассматривало эту революцию как начало новой социалистической формации (социально-экономической). Тогда как цивилизационный подход просто вливает старое вино в новые мехи. Взамен я предлагаю другой набор проблем.

Одна или две революции? Если либералы признают регулирующую роль государства в отношении общества, падает различие между ними и социалистами. Все они в разной степени (это различие количественное и не имеет существенного значения) не свободны от культа государства и связанных с ним противоречий политического мышления, типичных для консерватизма. Тем самым консервативная составляющая входит в структуру либерального и социалистического мышления. Государство и общество (отношение между ними) воспринимается через призму «порядка» как главной ценности. Поэтому ни один из типов политического мышления не в состоянии сделать проблему соотношения фактов и ценностей центральной (подумать).

По отношению к истории и нынешнему состоянию России это означает пренебрежение или одобрение связи власти и собственности как «естественного», «необходимого», «объективного»» «единственно возможного» факта и тенденции русской жизни. Ни один тип политического мышления не ставит задачу разрыва связи власти и собственности как центральную проблему практической политики и динамики России.

Судить об этом можно на основе сравнительного анализа национальных типов революционности. Любую стратегию любой политической партии кто-то должен выдумать, а затем склонить партию к ее применению. Последняя задача значительно сложнее. Особенно в том случае, если естественное стремление к власти толкает партию в другом направлении. Именно так обстояло дело в случае с РСДРП(б). После Февральской революции она ничуть не меньше других социалистических партий стремилась попасть в аппарат власти, поддержать Временное правительство и таким образом обрести политический вес и влияние. Об этом свидетельствует факт цензуры в «Правде» ленинских «Писем из далека». В них Ленин первоначально сформулировал тезис о буржуазном характере Временного правительства. Редакция «Правды» не только изъяла те части текста, в которых формулировался данный тезис и выдвигался лозунг «Никакой поддержки Временному правительству» со стороны революционного пролетариата, но и осуществила редакционные поправки в опубликованных частях. Поправки заключались в изъятии фамилий членов Временного правительства и поддерживающих его социалистов.

Иначе говоря, при отсутствии вождя среди большевиков господствовало естественное желание войти в возникающую систему правления. Ленин сразу выступил против этого. И только его авторитет стал препятствием объединения большевиков с другими социалистическими партиями. В этом убеждает тот факт, что на Всероссийской конференции РСДРП(б), в которой участвовало 120 членов партии, Сталину с большим трудом (большинством в четыре голоса) удалось устранить из текста резолюции пункт, выражающий поддержку Временному правительству. Позиция самого Сталина заключалась в выжидании иного момента, когда Временное правительство исчерпает свои силы и дискредитирует себя в ходе реализации революционной программы.

В условиях нормальной борьбы за власть грузину Джугашвили было далеко до русского Ульянова. Грузинский политик-революционер подходил к делу просто: Временное правительство реализует ту же программу, под которой и мы подписываемся; но если ему не удастся ее реализовать, то мы получим большие политические дивиденды, поскольку сразу его не поддержали. Русский политик-революционер был хитрее грузинского. Ленин заслонил простодушие Сталина мастерски. Для этого он выдумал целую доктрину о «перерастании буржуазной революции в социалистическую», а затем нашел поддержку для нее в укладе социальных сил, вытекающих из внутренней войны с русским обществом, которую вело Временное правительство.

Если использовать слова Макса Вебера, русский революционер был «политическим виртуозом». Грузинский революционер просто выражал естественное желание партийной массы скорее попользоваться хоть частью власти. Русскому революционеру куска власти было недостаточно, он хотел захватить ее в исключительное пользование. Для этого ему пришлось увлечь за собой всю партию. Но сделать это было непросто. Большинству русских революционеров куска власти вполне хватало. И мираж немедленного участия в ней был настолько силен и заманчив, что идея нового объединения с меньшевиками пользовалась большой популярностью в большевистской партии. По инициативе меньшевиков на 4 апреля было назначено объединенное заседание большевиков и меньшевиков, на котором предполагалось принять решение об объединительном съезде обеих партий. Едва приехав в Россию, Ленин сразу выступил против участия большевиков в заседании. Однако большинство большевиков решило участвовать в нем, и Ленин тоже вынужден был явиться. С громадным трудом ему удалось сорвать заседание. Из 50 большевистских делегатов зал заседания покинули вместе с Лениным 30 человек. Партия была накануне раскола. И все же в ближайшие недели Ленину удалось склонить партию принять его стратегию. Затем события показали, что он был нрав.

Смысл этой правоты первоначально был изложен в телеграмме большевикам, отъезжающим в Россию: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата – единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого

сближения с другими партиями»[264]. Ее трудно было понять партии, стремящейся к участию во власти. Однако Ленин был выдающимся русским революционным политиком, убежденным в том, что борьба с Временным правительством принесет партии большую власть, нежели союз с ним. На чем базировалось это убеждение и почему партия поверила Ленину?

Дело в том, что ленинская доктрина двух революций позволяла обосновать один из главных политических мифов советского государства и общества: независимо от последующих событий начало советской власти вытекает из действительной воли народа. Как известно, представление о «начале» – главный и исходный элемент мифологического мышления, идеологических рационализаций и определенного нормативно-ценностного порядка. В этом смысле либеральная и марксистская концепция прогресса могут использоваться для легитимизации любой власти.

Политические чудеса. Советы стали началом социальной бюрократии. Акцент на технику движения выражал не личные пристрастия большевиков, а предпочтение технологии власти ее идеологическому обоснованию еще до взятия власти. Партия становилась совокупностью организаций, а не множеством индивидов с единой программой, стремящихся к ее реализации. Этатизм стал главным элементом организации большевистской партии еще до того, как она взяла власть. Идея рабочего контроля заимствована Лениным у военно-промышленных комитетов и Временного Правительства. Этот контроль должен быть тотальным на уровнях отдельных предприятий и страны в целом и осуществляться всеми организациями, включая политические партии. Социальный смысл постулата всеобщего контроля: чем большее число предприятий находится под рабочим контролем, который уже контролировался партией, тем большее число экономических решений перейдет в руки партии и будет изъято у государства и частных собственников. В итоге партия станет контролером экономики. Большевики идеологически санкционировали анархистские элементы гражданского сопротивления, становясь вначале руководителями, затем участниками и наконец единственными субъектами рабочего контроля.

[264] Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.31, с.7

Советы были второй властью. Они возникли в результате сопротивления народных низов концентрации и централизации насилия и собственности на вершине власти. В итоге революции русский властно-собственнический комплекс выполз из трехсотлетней кожи. Политический смысл лозунга «Вся власть Советам» – организация с помощью масс нового тоталитарного государства в старом. Социалистические партии предали интересы рабочих и крестьян во имя учреждений и должностей. Любая партия так толкует исходную идеологию и программу, чтобы за счет толкования захватить учреждения и должности для кадров своей партии. Лозунг «Земля крестьянам» имеет два исторических и политических смысла: 1. Стремление большевиков ослабить бюрократический комплекс, затрудняя политику изоляции деревни. 2. Действительный смысл состоял в трансляции древней российской традиции: земля принадлежит государству. Смысл лозунга «Мир народам»: солдаты были готовы поддержать любую партию и правительство, которые выдвинут лозунг мира.

Рождение тройного класса. Лозунги ленинской программы социалистической революции объясняются тем, что Ленин сделал ставку не на борьбу экономических классов России, а на происходящие в ней социальные процессы, которые были следствием реакции народа на действия властно-собственнического комплекса. Эта программа выражала стремление к организационному господству над социальными процессами, вызванными действиями властителей-собственников. Так в идеологию партии вошел исторический и политический идеализм. Идея о том, что громадное количество людей сможет добровольно отказаться от привилегий, связанных с распоряжением средствами насилия и производительными силами – вершина исторического, социологического и политического идеализма. В результате концепция власти как волевого отношения (со всеми ее практическими и теоретическими следствиями) вошла в политическое действие русских коммунистов. Исторический и социологический идеализм Ленина и других вождей большевистской партии был идеологической модификацией, бездарно привязанной к экономической интерпретации политики.

Идеологическая мистификация действительных интересов большой организации может быть проиллюстрирована сравнитель-

ным анализом идеальных типов чистой власти и власти-собственности.

Интерес чистой власти, не основанной на собственности, заключается в том, что такая власть осознает необходимость поддержки со стороны граждан, если даже они не считаются ее источником. При этом часть граждан (собственники) располагают независимым от власти источником социальной силы. Остальные (непосредственные производители материальных и духовных ценностей) создают минимум для защиты от власти в собственных интересах. Чистый властитель должен заботиться хотя бы о пассивной поддержке со стороны граждан, поскольку они от него независимы экономически. Но такая схема власти неприменима к интересам русской власти.

Русский властитель-собственник находился в иной ситуации. Граждане на протяжении всей русской истории (со времен Ивана Грозного) постепенно теряли независимые от власти источники существования. Русские властители-собственники не должны были заботиться о собственной поддержке со стороны подданных, хотя она бы им не помешала. Тогда как русско-советский или советско-русский (под термин «русский» в данном случае подводятся все нации и народности, находящиеся в составе Российской империи и Советского государства) властитель-собственник-жрец (идеолог) не должен был заботиться о поддержке со стороны подданных-собственников-верпоподдаиных, ибо такая поддержка для него была вредной. Русско-советский и советско-русский властитель-собственник-жрец сам был и остается единственным основанием своей физической, экономической и духовной власти. Если подданные отваживались поддерживать этого «тройного» господина (по причине «усердия не по разуму», «преданности коммунистической идее», «патриотизма» и т. п.), то это означало, что они считали свою волю значимой для властителя. А такая мысль для «тройного» господина опасна, потому что она ограничивает его власть. Поэтому русско-советские и советско-русские властители-собственники-жрецы не только не заботились о поддержке со стороны подданных, но манифестировали им же свое собственное пренебрежение и презрение. Идеальный властитель, сложившийся в условиях Российской империи и Советского государства, всегда мог сказать:

«Даже в вашей поддержке я не нуждаюсь, вы – лишь предметы моих действий, которые сами себя легитимизируют».

Таким образом, если власти переплетена с собственностью и духовным господством, она презирает всех, кто зависит от нее в сферах экономики, политики и духа. Так сложилась система троевластия.

Этот момент важен для оценки теорий модернизации. Они не учитывают качественное различие между классовым обществом и системой троевластия. В итоге вся совокупность экономических программ коммунистов рассматривается как *продолжение* более ранних программ модернизации России, восходящих прежде всего к Петру I. Прежде и теперь, в нашей стране и за рубежом большинство ученых и политиков считают, что сталинская программа индустриализации существенно не отличалась от целей его царских предшественников. Ведь русские цари и коммунисты якобы хотели преодолеть отсталость России и обеспечить ее независимость от внешнего мира…

Такой взгляд не учитывает, что в системе троевластия социальные функции индустриализации были связаны с усилением до пределов экономического, политического и идеологического отчуждения. Учет лишь экономической стороны данного процесса присущ марксистской и либеральной историографии: «Запоздание промышленной революции в России несет ответственность за политическую революцию, в ходе которой власть перешла в руки диктаторского правительства. Такое правительство может удержаться у власти лишь тогда, если сможет убедить людей в том, что оно выполняет важные социальные функции, которые без него не могут быть реализованными»[265].

Однако на протяжении почти всего XX в. «такое правительство» совершенно не нуждалось в выработке указанного убеждения на основании производства тракторов и паровозов, комбайнов и самолетов. Значительно более эффективным средством его выработки был террор. Именно в результате массового террора советские граждане вынуждены были наперегонки манифестировать свое абсолютное подчинение, включая убеждение об «исторической неизбежности» коммунистической системы троевластия. Нельзя считать такое убеждение неискренним, потому что неис-

[265] Black C. The Transformation of Russian Society. Camdridge, 1960, p. 28

кренность убеждений при Сталине вообще не давала шансов па выживание, а после Сталина принуждала к чисто вегетативному существованию. Тот факт, что данное убеждение было обусловлено монополией экономического, политического и духовного насилия, не дает оснований его игнорировать. Конечно, сила есть грубый и малоприятный факт. Зато изменения, которые она вызвала в психике советских людей нескольких поколений, весьма тонкие и загадочные. Невозможно утверждать, что сегодня они до конца понятны. В то же время эффекты систематического применения силы могут исчезать очень быстро, под влиянием революционных изменений. История царской России и Советского Союза может рассматриваться как резервуар фактов в подтверждение того и другого вывода.

Система троевластия в России сложилась раньше модернизации. Ее социальные функции были связаны с усилением до крайних пределов экономического, политического и идеологического отчуждения. Ленинцы, социал-демократы и либералы это не учитывают.

6.4. На пути к троевластию

В момент осуществления Октябрьского переворота духовное закабаление всего населения бывшей Российской империи было делом недалекого будущего. Все еще выходили газеты других партий. Русская интеллигенция была еще далека от марксизма в его ленинско-сталинской версии. Большинство народа находилось под влиянием православной церкви. Чтобы партия большевиков могла монополизировать функцию жреца-идеолога и соединить ее с властно-собственническими функциями, она вынуждена была немало потрудиться. Эта работа не прекращалась на всем протяжении существования советской власти. Ее наследники из либерального, социалистического и консервативного лагеря ведут работу и сегодня.

В октябре 1917 г. партия взяла бразды правления страной в свои руки из рук представителей бюрократического комплекса. Начался процесс социального, затем физического устранения и уничтожения класса властителей-собственников, который образовывался на протяжении нескольких десятилетий развития государственного капитализма в России. Прежние властители-собствен-

ники частично рекрутировались из государственного аппарата или из буржуазии. На их место пришли новые «государственные мужи» из рабочих и солдатских организаций. Они тоже были властителями-собственниками, так как продолжили тот же самый процесс контроля над силами принуждения и производительными силами. Правда, «красные дворяне и вахлаки», если воспользоваться метафорой А. Платонова, были чужды «белоручкам» с точки зрения социального происхождения, а идеологический туман затемнял их действительную роль. Но это способствовало еще большей жестокости в применении к народу и обществу сильнодействующих методов.

Персональный состав класса властителей-собственников менялся. Места «белых воротничков» занимали «кожанки», «синие блузы», «толстовки», «сталинки» и обычные пиджаки. Однако социально-политическая структура России оставалась нерушимой. Новые господа по-прежнему аккумулировали власть и собственность, хотя и более успешно, будучи генетически связанными с социальными низами. Но в истории России подобный процесс мало что изменил, а в истории русской власти не изменил ничего. Благодаря большевикам история развивалась в том же самом направлении концентрации власти и собственности в одних руках. Правда, теперь эти руки остервенело писали, что народные массы принимают ключевые политические и экономические решения, что они руководят страной, а завтра будут руководить всем миром.

Следовательно, Октябрьская революция не вела от капитализма к социализму как общественному строю, основанному на началах справедливости. Русское общество, в котором она совершалась, уже не было капиталистическим ни в марксовом, ни в веберовском смысле слова. Это общество было переходной формой на пути к тоталитарному обществу. Оно состояло из двойных классов – властителей-собственников и подданных – непосредственных производителей. Это было классовое общество в квадрате, однако данный факт экономической и социальной жизни марксова теория успешно маскировала и потому стала его идеологией.

Октябрьская революция не вела сразу к реальному социализму как к системе троевластия. Русско-советские властители-собственники не могли в один прием связать свои жреческо-идеологические функции с властью и собственностью. Этот процесс был дли-

тельным и после Октября 1917 г. делал только первые, несмелые шаги. Поскольку эта революция не изменила социальную структуру, она не была также межформационным переломом. Причем персональные изменения в социальной структуре стали возможны лишь потому, что предшественники новых властителей-собственников своей политикой вызвали гражданское сопротивление русского народа и всех других народов, населяющих Российскую империю. Но это сопротивление умело направлялось и контролировалось новой государственной структурой. Без такого гражданского сопротивления рабочих, крестьянских и солдатских масс Ленин со своим политическим именем и большевики со своими организационными способностями и самоотверженностью в действиях не сделали бы ничего. Да и так они сделали немного: одних помещиков заменили другими – и только!

Иначе говоря, Октябрьская революция была процессом гражданского сопротивления русского общества социал-либеральной власти, конечным этапом которого стал большевистский переворот. Изолировать эти процессы и события невозможно, ибо в противном случае нельзя объяснить победу большевиков в гражданской войне и всеобщую ненависть русского народа к прошлым «кадетам» и нынешним «либералам» и «демократам». Однако такая изоляция постоянно встречается в исторической и политической литературе. Прошлые и нынешние сторонники «умеренного» или «демократического» социализма пренебрегают этим неудобным фактом – именно социал-либеральная политика вызвала бунт рабоче-крестьянских масс, которым воспользовались большевики.

Чем же был революционный процесс в России в XX в.? Почему его хотят забыть представители почти всех направлений современной политической мысли России? Он был выражением гражданского сопротивления масс существующей русской власти. После любых восстаний и революций на некоторое время происходит уменьшение политического и фажданскош отчуждения. Новая власть пытается в определенной мере удовлетворить ожидания и потребности масс. Так было и в данном случае. Первый декрет советской власти дал землю крестьянам, в результате чего 150 млн десятин земли перешло в их распоряжение. Достаточно сравнить эту цифру с длящейся более полувека царской аграрной реформой и нерешительной аграрной политикой «умеренных» социа-

листических партий, чтобы понять причины победы большевиков в гражданской войне. В этой войне против них выступили все силы царской России вместе с силами «умеренного» социализма. Массы пошли за большевиками, потому что первоначально их политика была наиболее близкой интересам и чувствам большинства русских людей. Из-за этого «десять дней» действительно потрясли мир. Русская революция па целые десятилетия стала источником вдохновения художественного авангарда Запада. А почти все цепное в художественной культуре великого русского народа в XX в. связано с первыми годами и десятилетиями после революции и ее импульсом.

Однако Февральская и Октябрьская революции незаметно надели на русский пород кандалы и наручники, в результате чего первичное гражданское сопротивление своей чужой власти было опутано по рукам и ногам. Уступки массам были сведены на нет все более усиливающимся бюрократическим комплексом. Спустя полгода с небольшим после октября 1917 г. те же самые крестьяне, которые получили землю, были подвергнуты первому давлению аппарата, которое по ошибке или недоразумению (злой умысел тоже нельзя исключать) нарекли «военным коммунизмом». Десять лет спустя землю у крестьян отобрали, ее властителем-собственником стал партийный аппарат. Как назвать поворот от революционной анархии к диктатуре'? К сожалению, пока не выработано надежное теоретическое понятие для описания этого процесса. Воспользуемся пока метафорой «политические кандалы и наручники», к которым вскоре добавились и духовные.

В русском языке есть слово «сволочь». Оно означает аркан, который татары набрасывали на толпу наших предков перед их уводом в плен. Из романов Н. Лескова можно узнать, что таким же арканом пользовались русские помещики при переселении крепостных на новые земли. Действительно, русское государство долго вило аркан переплетения власти и собственности для русского народа. Февральская революция закрепила систему двоевластия. Октябрьская революция открыла перспективу троевластия, и такую перспективу коммунисты успешно использовали. Здесь они тоже никакой Америки не открывали – достаточно вспомнить систему троевластия иезуитов в Парагвае или государство ордена крестоносцев, недалеко отстоящее от системы троевластия. Коммунисты

начали использовать все три источника социального могущества. Данный процесс уже был слабо связан с идеологическим содержанием марксизма. Наоборот, идея борьбы с эксплуатацией в интересах угнетенных масс составляла определенную угрозу для новой власти (достаточно вспомнить «рабочую оппозицию» и реакцию Ленина на нее). Правда, и эта опасность была незначительной. Идея любви к ближнему тоже была помехой в стремлении церкви к тотальной власти, однако духовные отцы ее умело обошли и обходят до сих пор. М. Вебер показал, что всякая идеология первоначально стремится изменить мир. Но едва эта цель связывается с материальными интересами ее пропагандистов и распространителей (жреческим сословием или идеологическим аппаратом), начинается процесс ее приспособления к существующим социальным и политическим отношениям. Вообще говоря, влияние идеологий на интересы незначительно. В случае конфликта между ними за дверь выбрасываются всегда идеологии. Подтверждением истинности данною тезиса является тот факт, что та же самая судьба постигла марксизм.

Итак, Октябрьская революция была выражением действительного гражданского сопротивления русского народа социал-либеральным властителям-собственникам. Этот процесс нарастал на протяжении всего 1917 г., хотя гражданское сопротивление было слепым. Оно сразу начало опутываться теми, кто хотел «вышибить из седла» прежних властителей-собственников и занять их место. Тем не менее русский народ воспротивился связи власти и собственности. Четыре года спустя этот процесс привел к восстанию матросов и рабочих Кронштадта. Все восстания против советской власти, вплоть до событий в Новочеркасске (1962 г.), могут рассматриваться как ею развитие. После второй мировой войны тенденция усилилась в странах-сателлитах СССР: Берлин (1953 г.), Будапешт и Познань (1956 г.), Чехословакия (1968 г.), польское побережье Балтийского моря (1970 г., 1980-1981 гг.). Поэтому сравнивать революции в Югославии, Китае, во Вьетнаме и па Кубе с Октябрьской революцией нельзя. Их родоначальником была Февральская революция в России.

В октябре 1917 г. большевики направили гражданское сопротивление русского народа своей чужой власти в иное русло. Результат получился противоположным. Октябрьская революция бы-

ла началом новой цепи исторических и политических событий – народных движений против фашистского насилия и эксплуатации, а затем против социалистического насилия, эксплуатации и духовного господства. Февральская революция стада родоначальником ряда социалистических революций. Октябрьский переворот открыл ряд революций, направленных против социализма.

Смогло ли руководство России выступить во главе процесса разрыва связи власти и собственности или же события последних лет просто возрождают связи, уже накопленные в русской истории? Напомню, что революция не изменила социально-политическую структуру страны. Новые господа попрежнему аккумулировали власть и собственность, хотя делали это более успешно, поскольку генетически были связаны с социальными низами. Революционный процесс с России XX в. был выражением гражданского сопротивления масс существующей русской власти. Это сопротивление потерпело поражение. Поэтому своя власть по-прежнему остается чужой. Россия пока не смогла стать во главе процесса разрыва власти и собственности.

Не менее важно то, что в социальных науках реабилитировано понятие «идеология», а концепция отчуждения оказалась почти позабытой. Теоретическая и политическая проблема состоит в следующем: как культивировать политическую ментальность, которая будет способствовать разрыву с указанными стереотипами мысли и действия?

Я предлагаю здесь фрагменты своей исследовательской практики.

Глава 7.
Советское бюрократическое государство

7.1. Становление политической рутины

Советское государство после революции развивалось в двух противоположных направлениях: создание новых институтов, реализация социально-политических программ и форсированное воплощение в жизнь революционных идей; превращение революционного огня в рутину повседневной политической жизни, эрозия чрезвычайных решений и поворот к нормальным методам политической деятельности. Эти изменения были взаимосвязаны. Поэтому стабилизация государства переплелась с дерадикализацией. По мере превращения идеологии в предмет обучения исчезали связанные с нею эмоции. Установленные институты формировали механизмы собственного воспроизводства.

По мере отдаления революции в прошлое ее достижения становились самоочевидными. Люди уставали от революционной риторики, повседневная жизнь не подтверждала идеального образа будущего. Новые герои не могли заменить выдающихся фигур прошлого. Новые поколения не обладали революционным опытом. Идеалы и принципы советского государства излагались в учебниках. Повседневная жизнь шла иначе. Менялись вожди и клерки.

Общество и государство переходили от утопии к самодостаточности. Революционный радикализм, жертвенность и творчество заменялись консерватизмом, апатией, эгоизмом, верноподданностью. Равенство трансформировалась в многообразное неравенство, на котором базировалась социальная стратификация. Автаркия и ксенофобия заменялись все большей зависимостью государства от внешней торговли и международных отношений. Харизматическое руководство преобразовывалось в институциональное, кадры руководителей старели. Неопределенность и террор в отношении управленческого аппарата заменялись стабилизацией и безопасностью. Идейные работники перерождались в бюрократов.

Творцами революции были люди идеи, для воплощения которой в жизнь они не останавливались ни перед чем. Со временем они стали опорой статус-кво.

Партия большевиков создавалась для разрушения старого общества. Но со временем она стала творцом нового социального порядка и бастионом защиты новых социальных привилегий. По мере угасания революционного энтузиазма государство возвращалось к давно известным шаблонам. В России традиции имперско-бюрократического управления были сильны и сумели устоять перед революционной бурей. До революции царская бюрократия была единственным орудием удержания единства империи, после революции аналогичную роль стала выполнять большевистская партия. По мере преобразования бюрократических тенденций революции в режим личной власти новая бюрократия все более напоминала царскую. Государством руководил консервативный, самообновляющийся аппарат, в котором армии и органам госбезопасности принадлежало особое место. Цензура становилась еще более строгой, чем при царизме. Передовые слои интеллигенции переходили в пассивную оппозицию существующему режиму. Сталин превратил национализм в стереотип государственной политики, возвратил армейские чины и звания, а наркомов переименовал в министров.

Наиболее характерная черта сложившегося при Сталине государства — стремление руководить всеми сферами общественной жизни из одного центра. Политическое руководство в такой системе не тождественно обычному управлению, когда центр оставляет свободу постановки и решения текущих задач нижним уровням. Советское руководство государством было подобно управлению армией или промышленным предприятием. Деятельность иерархической организации невозможно детально описать, если учитывается только ее формальная структура или намерения руководителей.

Анализ советского государства должен осуществляться на базе фиксирования принципиального *несоответствия* между сферой власти и сферой социальных задач и потребностей. Власть образует множество руководящих иерархий, вмешивающихся во все сферы социальной жизни. Вершина государства обладает неограниченной властью над обществом. На низах существуют индивиды, целиком зависимые и беззащитные перед официальными иерархиями. Тако-

во главное свойство бюрократического государства. Оно влияет на все процессы принятия политических решений.

Советское государство было моноорганизационным. Взаимосвязи между его элементами создает единый центр, который передает приказы во все ячейки социальной жизни. Каждая из них существует для выполнения приказов. Поэтому политика является бюрократической.

Бюрократический характер советской политики маскировался демократическими политическими механизмами (Советы, комитеты, собрания, конференции и т. п.). На ранних фазах существования советского государства эти механизмы обладали определенной самостоятельностью, но со временем они преобразовались в придатки моноорганизации. Они служили для укрепления государства, мобилизуя людей на выполнение очередных программ и задач, поступающих из центра. В этом смысле советское государство подобно корпорации.

В каждой корпорации есть система производства, структура статусов и политики. Но действия, связанные со статусом и политикой, осуществляются тайно. Они являются источником маневрирования начальства, которое обсуждает и решает вопросы внутренней структуры и политики корпорации. Внутренние конфликты влияют на процессы и результаты производственной деятельности. Поэтому производство организуется так, чтобы обслуживать систему статусов и политики. Каждый отдельный начальник больше заинтересован проблемами власти и служебного продвижения, нежели улучшения производства.

Корпоративный характер советского государства определялся тем, что оно контролировало всю социальную жизнь. Общество и государство были организованы иерархически. Вершины власти достигали те, кто неустанно карабкался по административной лестнице. Невыполнение приказа грозило смертью или разжалованием. В СССР не было никакой политики, протекающей вне государственных учреждений. Поэтому все социальные интересы осознавались и выражались бюрократически.

Общество существовало не само по себе, а ради выполнения приказов партии и правительства. Сталин говорил о Советах, профсоюзах и других массовых организациях как «приводных ремнях» между партией и обществом. Он имел в виду постоянную готов-

ность общества выполнять его приказы. Эта готовность была комбинацией энтузиазма, принуждения и информации. Например, пленум ЦК КПСС посвящался вопросам сельского хозяйства. В докладе обычно говорилось о достоинствах и недостатках данной сферы, определялись главные задачи и средства их преодоления. После пленума проводились собрания актива на уровне республик, областей, городов и районов, затем — собрания коммунистов по месту работы. Все эти формы публичной жизни принимали резолюции, в которых выражалась поддержка решения ЦК. Аналогичные собрания проходили в профсоюзах, комсомоле и прочих массовых организациях. На фабрики, заводы, колхозы высылались целые дивизии лекторов, которые разъясняли людям очередное решение. Информация об этом преобладала в прессе, радио и телевидении. Несколько позже проводился второй раунд собраний - пленумы партийных комитетов, от республики до предприятий, на которых принимались уже конкретные обязательства, вытекающие из постановлений ЦК. Вопрос приобретал партийно-государственный характер, поскольку рассматривался исполкомами Советов.

Весь этот механизм имел определенную цель - держать общество в состоянии постоянной готовности, стимулировать энтузиазм и общественную поддержку. Каждый индивид, а руководитель особенно, должен был осознать, на каких конкретных целях политическое руководство стремится сосредоточить активность масс и как эти цели согласуются с общими целями, которые определялись очередной программой партии.

Обмен опытом и совещания были формами политической жизни, обслуживая иерархическую организацию государства. На разных уровнях и в различных сферах социальной жизни (хозяйство, здравоохранение, просвещение, борьба с преступностью и пр.) постоянно проводились слеты, сессии, конференции и совещания. Государство было устроено иерархически. Поэтому каждый член государственной машины почти не знал, что делают члены других иерархий, действующих в той же сфере социальной жизни.

Никто еще не подсчитал число сложившихся в СССР бюрократических структур. Но все привыкли к тому, что функционеры различных уровней иерархии должны сообразовывать свои действия с социальными приоритетами, информацией о политике других сфер деятельности, учитывать существующие трудности, опыт коллег и

т. п. В результате отношения между людьми в обществе определялись совокупностью наличных иерархических структур.

Для анализа этих отношений можно использовать различие между механистическими и органическими структурами, которое существует в теории организации.

В механистической системе возникающие проблемы и задачи членятся по принципу специализации. Каждый решает свои особые задачи, а вершина отвечает за их взаимное согласование. Власть и обязанности каждой функции определяются четко, а отношения между людьми сводятся к отношениям между руководителями и подчиненными. Вся система управления базируется на принципе: полное знание о социальной ситуации и ее проблемах есть привилегия вершины. Руководство использует систему контроля, при которой каждый уровень фильтрует информацию снизу и усиливает приказы сверху.

Органическая система возникает тогда, когда проблемы и правила деятельности невозможно разделить между отдельными ролями в рамках иерархии. В этом случае индивиды должны выполнять свои задачи, сообразуясь со знанием о системе в целом. Положение каждого члена организации не является строго определенным, поскольку сфера его власти и обязанностей постоянно переформулируется в результате контактов с другими участниками совокупного действия. Взаимодействие между людьми становится результатом горизонтальных ситуаций, а не иерархического командования. Вершине не приписывается всезнание.

Советское государство было механистическим, поскольку включало разработанную систему ролей, совокупность процедурных предписаний, иерархию власти и ответственности. В то же время оно обладало некоторыми органическими свойствами, которые отражали потребности и специфику деятельности бюрократического сословия. Поддержание в обществе постоянной готовности по пионерскому принципу «Будь готов – всегда готов» может рассматриваться как применение на практике органической модели. Члены общества постоянно готовились к выполнению неопределенных задач. Каждый должен был самостоятельно определять свои задачи, сообразуясь с ситуацией и контактами с другими людьми. Каждая очередная кампания меняла формальные обязанности и структуру ролей, приспосабливая их к текущим задачам.

Поэтому отношение между партией и государством имеет ключевое значение для анализа советского государства.

Партия была носителем информации о социальных целях и текущих приоритетах. В ней воплощался органический аспект государства. В государственном аппарате воплощался механистический аспект. Но такое различие относительно. Партийные функционеры давали руководящие указания и контролировали деятельность государственного аппарата, не вникая в детали. Однако главным правилом функционирования государства было то, что общие принципы деятельности партии никогда не превращались в ясные и строго определенные правила. Сфера ее деятельности определялась взаимодействием между различными элементами общества и государства. В рамках этого взаимодействия существовали разные модели.

Уже в 1920-е гг. обнаружились следующие линии раздела партийной бюрократии: между различными поколениями в рамках одной иерархии; между ветеранами гражданской войны и функционерами, всплывшими на вершину власти в период борьбы с оппозицией; между центром и периферией; между верхами и низами. Существовали также этнические различия, различия в социальном происхождении, а также клики сталинских выдвиженцев - «людей Сталина», как их определил Р. Медведев.

Стереотип политических документов советской эпохи - обвинения региональных партийных властей в местничестве. С ним обычно связано землячество — обычай продвижения на вершину власти людей из одной местности. Такой обычай длительное время был постоянным элементом политики на высшем уровне. Старые школьные и иные связи проявлялись в ней регулярно. Такую относительно целостную группу образовали выпускники Института Красной Профессуры и Московской ВПШ. (По мере усиления власти Брежнева несколько выпускников Днепродзержинского металлургического института стали функционерами самого высокого уровня.)

Не менее важным фактором бюрократической политики были этнические различия. В политических документах советской эпохи постоянно говорилось о «националистических» тенденциях, особенно тогда, когда менялось руководство в нерусских республиках. Неоднократно велась кампания против казахской партийной верхушки, которая противодействовала заселению целинных земель,

справедливо полагая, что это приведет ко многим социальным и политическим проблемам. То же самое можно сказать об обвинениях центра в адрес местных организаций, которые использовали национальные языки в практике административной работы.

Хрущев был прав, определяя местничество как скрытую форму национализма и снимая с постов деятелей Узбекистана или Латвии. Но отсюда не следует, что в центре не было местничества. Оно росло по мере идентификации вершины власти с имперским прошлым России. Тем самым вершина все более становилась множеством великорусских шовинистов. Например, грузинские земляки Сталина были широко представлены на вершине власти. Когда Хрущев занял главное место, большинство ведущих позиций в партии и правительстве заняли его друзья и коллеги по работе на Украине и в Москве. Аналогично поступал и Брежнев.

Эти примеры помогают понять специфику бюрократического патронажа в рамках моноорганизационного общества. Новый руководитель не начинает деятельность с тотальной замены всего административного персонала своими друзьями. В то же время в бюрократической системе оценка начальника при назначении на тот или иной пост является важным критерием карьеры. Это создает предпосылки для формирования клик на вершине власти. Должности в центральном аппарате власти занимают бывшие подчиненные первого секретаря. Другие принадлежат людям, которые имеют что-то общее с ним и пользуются его доверием.

Такой тип поведения не особенность советской бюрократии, а перенос патернализма в сферу политики. Отец-шеф опекает своих подчиненных, прощает им ошибки и недостатки. Представляет их деятельность в полезном свете перед своим начальством. Тогда как подчиненные доносят ему информацию о настоящих и будущих опасностях, вырабатывают общую стратегию поведения в той или иной ситуации. Так возникают действительные центры власти в любой организации. Партийная бюрократия СССР не добавила сюда ничего нового.

Однако этот способ выдвижения кадров Сталин превратил в правило функционирования государства. После его смерти оно существенно не изменилось. Сплошь и рядом снимаемые с постов партийные чиновники обвинялись в формировании кадров по принципу личной преданности. Наиболее часто клики возникали

вокруг первых секретарей обкомов и республик. Это неудивительно, если учитывать доминирующее положение секретаря на любом уровне партийной иерархии. Складывающиеся на этой основе отношения могут оказаться устойчивыми. Идущий «в гору» деятель создает целую сеть своих «клиентов», разбросанных на различных уровнях различных организаций.

7.2. Тип советского политика

Партия как организация профессиональных революционеров была заменена организацией профессиональных властителей и руководителей. Современный руководитель - продукт бюрократизации партии, а не культивирования в ней демократических тенденций. Обычно у него есть кое-какие знания в определенной сфере, он имеет дело с различными проблемами и стремится удовлетворить наибольшее число интересов наименьшей ценой. Он должен уметь приспосабливаться к множеству различных обстоятельств и обязанностей, обладать эластичными взглядами, награждать друзей и бороться с соперниками. Но в то же время помнить, что сегодняшние друзья завтра могут стать врагами, и наоборот. С одной стороны, руководитель должен быть предан телом и душой тому учреждению и должности, в котором он служит и которую занимает. Но — быть готовым занять другое место в другом учреждении. Высшие партийные власти постоянно переносили аппаратчиков с одного места службы (должности) на другое, повторяя китайские стандарты управления государством.

Эти особенности аппаратной деятельности создали определенный тип политика. Ему редко удавалось связать административную карьеру с профессиональным ростом в другой сфере деятельности или знания (например, в журналистике, юриспруденции, хозяйстве, науке), зато давала возможность получать без особого труда все формальные признаки данной сферы (высшее образование, ученые степени и звания, почетные звания и награды). Поэтому административная карьера становилась единственным смыслом жизни. Если руководитель не чувствовал себя уверенно в другой сфере деятельности, для него пропадали шансы смены профессии. Поэтому советского руководителя можно уподобить попу или офицеру, кото-

рые выбирают профессию на всю жизнь вместе с образом жизни и менталитетом.

Сходство между карьерой аппаратчика и профессионального священника или военного (офицера) состоит в следующем. Аппаратчик начинал службу с низов административной иерархии и постепенно поднимался выше, если располагал для этого необходимыми качествами. Работник райкома партии спустя время становился работником обкома или крайкома, республиканского или центрального аппарата. На различных этапах карьеры его назначали в государственный или ведомственный аппарат. От аппаратчика постоянно требовали, чтобы он повышал квалификацию на различных курсах и в школах. Успешно идущий по административной лестнице офицер спустя некоторое время становится слушателем Академии Генерального штаба. Аппаратчик становился слушателем высших партийных школ или Академии общественных наук. Способные попы попадали в духовные академии.

Эта учеба имела своей целью создание кадров профессиональных политических руководителей общества, которые могут руководить разными сферами социальной жизни на основе учета идеологических цели и интересов правящей партии. Связь формального образования с практическим опытом — главный принцип формирования профессиональных аппаратчиков. Как правило, они занимали определенную должность 3—5 лет. Если за это время аппаратчик создавал о себе мнение, что может решать проблемы промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и т. п., — его перебрасывали туда, где эти проблемы обострялись. В то же время успех в карьере зависел от политических и административных способностей и связей с сильными покровителями.

Короче говоря, советский руководитель функционировал исключительно в бюрократической среде. Партийный аппарат был важнейшей частью советской бюрократии. Поэтому власть руководителя зависела от его положения в ней. Аппаратчик должен был уметь комбинировать, идти вперед даже «по трупам», не сворачивать с пути и умело приспосабливаться к окружению. Он был обязан постичь все правила борьбы внутри бюрократии, оперативно воспринимать изменение политического курса, партийной линии и приоритетов, знать восходящие и падающие «звезды», занимать «правильную» позицию в важных вопросах. А соперников сталки-

вать на позицию «неправильную». Ключом успеха карьеры аппаратчика было не профессиональное знание и не число людей, которые его поддерживают, а умение поддержать нужного человека в нужное время.

Стратегия и тактика аппаратчика приспособлены к учреждениям и кабинетам. Он должен быть верноподданным по отношению к начальству и принципиальным в отношении подчиненных. Его значительно меньше интересует содержание того или иного вопроса, нежели подспудная проблема: «Кто кому будет приказывать?» Чтобы победить в борьбе за власть, Сталин, Хрущев, Брежнев стремились завоевать большинство среди партийной иерархии, состоявшей из людей, которые затем стали их соратниками и подчиненными. Каждый аппаратчик стоял перед аналогичной проблемой: он может подняться на вершину власти лишь тогда, когда умеет поддержать сотрудника, который со временем станет ключевой политической фигурой.

Внутренняя борьба в аппарате усиливалась во время смены политического руководства. Но вершина партийной иерархии всегда была небольшой группой. Число членов Политбюро колебалось между 10 и 15, с 1919 по 1961 г. в их состав входило лишь 45 человек, а среднее время выполнения этой функции равнялось 10 годам.

Руководители поднимались на вершину власти по каналам партийного аппарата, из-за чего со времени укрепления власти Сталина усиливалась тенденция к доминированию аппаратчиков. Их интересы обслуживали идеологи и технократы. Сталинское политбюро в 1949 г. состояло из людей с различным социальным происхождением и уровнем образования, причем одна четвертая состава вообще не имела никакого образования. Президиум ЦК при Хрущеве в 1962 г. состоял на 80% из бывших аппаратчиков, имевших высшее образование. Эта тенденция отражает переплетение партийной бюрократии с технократией на различных уровнях власти. Она влияла также на выражение социальных интересов в советском государстве.

Период застоя отразил тенденции, сложившихся на предыдущих фазах бытия советского государства. Социально-экономические преобразования достигли пункта, в котором исчезла потребность их политического форсирования. С другой стороны, идея преобразования социальной структуры в направлении бес-

классового общества тоже была отложена на неопределенное будущее. Поэтому период застоя можно определить как такую фазу развития, в которой политическое форсирование было заменено обычной эволюцией всех элементов социальной системы.

На этой фазе правящая партийная бюрократия потеряла свою традиционную функцию: ускорять социально-экономическое развитие во взаимосвязи с революционным преобразованием общества сверху. Советское государство никогда не стояло перед выбором между благосостоянием населения и военным могуществом страны. С года «великого перелома» развитие страны пошло по второму пути. Индустриализация и коллективизация проводились методами насилия и бюрократического контроля. Действие рыночных механизмов было исключено. Эти тенденции выразились в абсурдной системе ценообразования, диспропорциях в развитии производства, распределении ресурсов рабочей силы, в плохом качестве производимых товаров, растрате народных денег, систематической коррупции и т. п. У обычного советского гражданина исчезли социальные мотивации к труду, за исключением сохранения и улучшения собственной «норы». Для аппаратчика главным мотивом стала карьера.

Период застоя означал: большинство советских граждан вместе с большинством бюрократии потеряли всякую надежду на радикальное изменение существующего положения дел, привязались к статус-кво и боролись за его сохранение. Аппарат втихую сложил с себя обязанности использовать политическую власть для идеологически мотивированных социальных изменений. Отказался строить коммунизм и социализм. Но перед ним встала проблема: как удержать за собой монополию политических решений? Если аппарат хочет удержаться у власти, он должен находить новые организационные формы и методы деятельности и так модернизировать политическую идеологию, чтобы они обосновывала эту монополию.

Никакое государство не может функционировать без форм выражения социальных интересов. Возникшее после революции государство готово было уничтожить целые слои населения ради достижения коммунизма. Но даже в этом случае перед ним возникала проблема предпочтения одних социальных интересов другим, поскольку власть не может сохраниться в условиях всеобщего антагонизма всех социальных интересов. При сталинском режиме существовали целые классы и слои населения, которые не принимали

никакого участия в политике, хотя у них были свои интересы. Послесталинский режим отменил лозунг борьбы с враждебными классами внутри страны, поскольку сама бюрократия становилась классом. Поэтому она отказалась от сталинских методов проведения «революции сверху».

Было признано, что власть должна учитывать интересы различных социальных групп. Но при этом считалось, что при социализме могут существовать только «неантагонистические» противоречия интересов. Отсюда следовало, что между ними возможен конфликт, но он может и должен преодолеваться с помощью высшей бюрократической мудрости. Тем самым монополия на политические решения превратилась в монополию аппарата на социальный арбитраж.

Он осуществлялся незамысловато. Различные секторы бюрократии выступали представителем интересов той сферы, которой они руководили. Этот метод не требовал изменений в организации и деятельности партии. Предполагалось, что заведующие отделами (секторами) строительства, транспорта, промышленности сельского хозяйства в различных партийных структурах будут представлять свои ведомственные интересы на вершине власти. Назначенный сверху профсоюзный руководитель выражал социально-культурные и бытовые интересы населения. Высшая военная бюрократия имела право голоса при обсуждении военного бюджета и выражала свои взгляды при обсуждении военно-стратегических вопросов внешней безопасности государства. Руководители КГБ высказывали свои соображения относительно внутренней безопасности. Руководители молодежных организаций выступали представителями интересов молодежи. И бюрократическая машина катилась по наезженной колее.

Проложил дорогу Сталин. После его смерти такая псевдопредставительская деятельность стала элементом повседневной управленческой рутины, поскольку она не содержала в себе никакого риска. Со временем сложилась норма, согласно которой главные представители различных интересов предварительно консультируются со своими сотрудниками и подчиненными. Сфера консультаций расширилась, поэтому местные и центральные аппаратчики получили возможность действовать как неформальные группы. Такой способ выражения интересов был минимальной формой выска-

зывания социальных потребностей и с успехом использовался в период Хрущева и Брежнева.

Этот способ ставил аппаратные барьеры перед открытым политическим плюрализмом и предохранял от политических кризисов. В то же время выражение интересов было избирательным. Оно опосредовалось аппаратом и не исключало ошибки при оценке социально-политических ситуаций и принятии решений. Тем самым проблема выработки адекватной социальной информации становилась проблемой эффективности политического руководства.

Более непосредственное выражение интересов общества проявлялось в периоды политических кризисов. Партийное руководство реагировало на них принятием очередных резолюций и организацией более демократических форм выражения интересов. Но спустя непродолжительное время эти действия теряли свое значение и становились звеном бюрократической машины.

До перестройки не существовало никаких устойчивых организационных форм выражения интересов общества. Самоуправление наталкивалось на дилемму: как согласовать свободное выражение интересов с подчинением всего государства партийной бюрократии? Ведущая тенденция заключалась в фундаментальных изменениях принципов деятельности партии. Ее члены все больше поступали в соответствии со своими убеждениями и степенью осознания остроты социальных проблем. Централизованное руководство затрагивало все меньшее их количество.

С другой стороны, существовали проблемы, которые не могли быть решены без глубоких изменений государства и догматов, выступающих в упаковке марксизма-ленинизма. Радикальные экономические и социальные реформы невозможно было провести без демонтажа бюрократии и без автономии экономики от вмешательства государства. Свободное циркулирование критической информации с нижних уровней управления на высшие требовало выработки эффективных правовых гарантий. Воспитание командиров производства имело смысл лишь тогда, если они разделяли «ревизионистские» подходы к экономическим проблемам.

Но создание свободных коалиций социальных интересов трудно было согласовать со стабильным патронажем партийной бюрократии. Каждую такую коалицию можно было обвинить во фракционности и зачатках политического плюрализма. В то же время их

появление свидетельствовало о нестабильной структуре политического руководства и служило одной из причин политических кризисов. Если в правящей партии группы борются за контроль над всей партией, то она теряет роль независимого арбитра интересов социальных групп и все более демократизируется.

Однако такой процесс не может свободно развиваться без критического отношения к стереотипам политической жизни. До сих пор группы людей, находящиеся на вершине политической иерархии, не были свободными выразителями различных интересов общества. В лучшем случае они могли влиять своими советами и аргументами на решения верховного политического руководителя. Артикуляция интересов осуществлялась в бюрократических рамках и не могла мобилизовывать массы.

Даже сам факт свободного обсуждения сложных социальных проблем в прессе требовал разрешения руководства. Оно полагало, что всякая острая социальная проблема должна формулироваться «умеренно и аккуратно», без попыток сформировать группу сторонников того или иного решения и таким образом оказать давление. Политическое руководство не допускало свободной борьбы различных групп за общественное мнение, желая сохранить над ним абсолютный контроль. Если правящая партия выступает арбитром различных интересов и разрешает опосредованные формы их выражения, она становится рабом собственного аппарата.

Таким образом, советский партийно-государственный аппарат сковывал экономические и социальные реформы, тормозил научно-технический и политический прогресс. Неадекватно реагировал на существующие и возникающие социальные потребности и приводил к политическим кризисам. Поэтому надо присмотреться к вершине и главным институтам этого аппарата.

7.3. Вершина власти и главные институты

На протяжении последних двадцати лет появилось бесконечное число публикаций о вершине советской и постсоветской политической иерархии. Это свидетельствует об интересе общества к политическим руководителям. А также о том, что мы до сих мало знаем о тех, кто нами руководил. До перестройки они не были склонны к публикации материалов, затрагивающих скрытые пружины власти.

Предполагалось, что эти темы относятся к государственным тайнам. Но давно известно, что знание о морали, мотивах и взглядах властвующих помогает понять специфику политических процессов.

Я попытаюсь посмотреть на эти проблемы без эмоций. Только таким путем можно продвинуться вперед в знании об элите власти и группах, образующих ее основу. Не буду заниматься здесь проблемами дефиниции и критериев, по которым можно установить: кто входил и входит в состав этой элиты? где она кончается и начинается? Труднейшие вопросы политологического анализа оставлю в стороне. Займусь группами, которые можно считать элитой и опорой власти на основе повседневного наблюдения.

Я буду исходить из того, что элитой и опорой власти являются институты и принадлежащие к ним группы, образующие в совокупности государственную машину. Речь идет о партийном аппарате, кадрах профессиональных военных, государственной администрации и органах госбезопасности. Есть еще одна группа, которая не является институтом, но без ее анализа образ структуры советской власти был бы неполным. Например, Андропов начинал свое политическое руководство с совещания со старшими товарищами — пенсионерами вышеуказанных институтов. Они тоже играют определенную роль в политическом режиме. Отсюда не следует, что в данных институтах не существует явных и скрытых противников данного политического режима или политического курса, а в других слоях общества — сторонников. Но в обществе всегда имеются институты, которые являются базисом и опорой власти. Без них власть не смогла бы ни удержаться, ни функционировать.

Что общего между указанными группами и могут ли они считаться консервативной частью политического режима, вступившего в фазу демократических преобразований?

В книге о сталинизме я показал, что основными политическими ценностями советской власти были сила, приказ, регламентация социальной жизни. Каждое звено государственной машины воплощало в жизнь эти ценности. В коммунистической партии насчитывалось около 19 млн человек, т. е. примерно 7% населения страны. Если прибавить к ним около 3 млн профессиональных военных и 20 млн человек, занятых в военной промышленности, то это дает примерно 32 млн людей, включенных в различные иерархические организации, или 25% трудоспособного населения страны. Несмот-

ря на дифференциацию, эти люди принадлежали и принадлежат к опорам советской власти. Из этой среды рекрутируется гражданская и военная номенклатура, обладающая властью и привилегиями. Даже простой рабочий оборонной промышленности обеспечен лучше, чем его гражданский коллега.

Эта группа имеет против себя 85-90 млн рабочих и крестьян, которые живут от получки до получки. Три четверти трудоспособного населения СССР ведет обычный образ жизни: часами стоит в очередях, не имеет никаких привилегий, не интересуется ни производством, ни сбытом произведенных товаров, живет от получки до получки и пропивает больше получки. Такова масса современного советского общества, сформированного в результате длительного господства государства над обществом.

В период застоя аппарат был не в состоянии ни осуществить социально-экономические реформы, ни выдвинуть из своей среды реформаторов. Даже если на высшем уровне объявлялся какой-то смельчак, он не находил группы, которая хотела и могла бы его поддержать. Официальная пропаганда до бесчувствия твердила о «коллективном руководстве», что само по себе было важным консервативным фактором. Давление и контрдавление различных групп в аппарате оказывалось уравновешенным и не допускало важных изменений.

Здесь нет никакой новизны. Давно известно, что самокооптируемая олигархия — наиболее консервативная форма власти. Даже при монархии появление нового монарха может означать изменение политического курса. Тогда как способ функционирования советского партийно-государственного аппарата не менялся более полустолетия. Он способствовал росту и усилению советского военно-промышленного комплекса.

Если судить по 1970-м годам, положение советского общества было предельно стабильным. Из средств массовой информации ежедневно можно было узнать, что происходит в США, Франции, Англии, даже Китае. Но нельзя было узнать, что происходит внутри страны. В повседневной жизни каждый наблюдал монотонность, рутину, бедность, нищету. На этом фоне происходил прогресс военной технологии, рост вооружений, осуществлялись шахматные ходы политики «разрядки». Официальные идеологи скрупулезно комментировали самые незначительные высказывания Брежнева и

его клики, если эти речения имели связь с международной политикой. Но не придавали никакого значения тому, что говорилось о внутреннем положении страны. В таких высказываниях не было ничего нового по сравнению с тем, что всем хорошо было известно.

Сегодня этот период называют «застоем». Уместнее было бы говорить об окостенении и параличе общества — как отражении процессов, источник которых находился в партийно-государственном аппарате. Привилегированные слои предавались своим занятиям и интригам, но были достаточно сильны, чтобы подавить любое социальное движение, которое могло бы изменить ситуацию. Время от времени вспыхивали стихийные стачки рабочих (в Темир-Тау в 1959 г., в Новочеркасске в 1962, в Тольятти в 1979-1980). «Инакомыслящие» продолжали борьбу за права человека и изменение режима. Но усиление репрессий уменьшало их влияние на состояние умов в обществе. Режим был не менее прочен, чем при Сталине. Закостенелый и неподвижный, он способствовал радикализации определенных слоев общества. Но радикализация уходила в темные углы, приятельские разговоры и выпивку.

В этой ситуации внешняя экспансия оказалась единственным выходом для советской бюрократии, потому как ничего иного она не умела. Абсурдно задаваться вопросом: почему футболист не занимается фигурным катанием, а боксер не прыгает в высоту. Аппарат не оставлял обществу иного выбора, ибо никакое «мирное соревнование» с Западом не могло мобилизовать энергию тех, кто привык думать только о своей карьере. Так создавался и набирал силу военно-промышленный комплекс социализма.

Его целям соответствовала внешняя экспансия. После смерти Сталина были попытки ограничить военный бюджет и влияние армии на высшие эшелоны власти, но ни одна из них не закончилась удачно. Идеологическое клише о «преимущественном развитии средств производства за счет средств потребления» не означало ничего иного, кроме первенства военной сферы над гражданской. А этот приоритет был постоянным и нерушимым с начала 1930-х гг. Армия использовала малейшую оказию, чтобы усилить свою политическую роль. Известно, например, что вмешательство военных было причиной введения войск в Венгрию в 1956 г., в Чехословакию в 1968 г. и введения военного положения в Польше в 1981 г.

Сила и приказ связали военные ценности с политическими. Власть военно-промышленного комплекса не обязательно связана с преобладанием военных на вершине партийно-государственной иерархии. Речь идет о специфическом политическом мировоззрении, которое со времени Сталина сформировало и интегрировало господствующие слои советского общества. Они давно освободились от марксизма и преобразовали его в чисто инструментальную пристройку к данному мировоззрению.

Мир воспринимается как такое соотношение сил, в котором моментом истины является действительная или потенциальная война. Идеологический штамп «мировая победа социализма» означал только господство силы над миром. Даже в официальных высказываниях это говорилось с полной откровенностью, типа хрущевского: «Мы вас закопаем». Такое представление о мире, истории и человечестве не является «теорией», поскольку не имеет никакого отношения к проблеме истины и лжи. В то же время на его основе господствующие слои СССР воспринимали и изменяли мир.

По мере окостенения партийного аппарата армия и связанные с ней круги занимали место расширяющейся пустоты. Партийный аппарат десятилетиями жил и функционировал в ирреальном, иллюзорном мире. Армия не могла себе этого позволить. В результате она оказалась единственным современным и эффективно функционирующим сектором советского общества.

Армия систематически собирала самые талантливые научно-технические и инженерные силы. Армия выиграла войну независимо от партийного вмешательства. Отношение к марксизму в армии было и осталось еще более инструментальным, чем в партии. Например, журнал «Огонек» сообщал, как полковника Высшего военно-морского училища исключили из партии за то, что он высказал свою точку зрения на экономическое учение Маркса[266]. Этот случай типичен с точки зрения существующих в армии идеологических стандартов, переплетенных с иерархией.

Армия была отделена от остального общества и в меньшей степени подверглась всеобщему беспорядку и хаосу. Маловероятно, чтобы руководители оборонной промышленности когда-либо провозгласили: цель производства ракет достигнута, поскольку определенное количество сошло с конвейера и направлено в военные

[266] См.: Андреев Н., Вознесенский М. Подвергай все сомнению //Огонек. 1989. № 14.

части. Там их разберут из-за отсутствия запчастей и заново соберут, чтобы выполнить план боевой подготовки. А именно такая ситуация была типичной для гражданского производства.

Армия меньше пострадала от внутренней борьбы клик и кланов, типичной для партийного аппарата. Перед армией никогда не стояла проблема обоснования того, что она делает и чем занята. Ее цели считались самоочевидными и не требующими доказательств. Верхи армейской иерархии принимали непосредственное участие в устранении Берии, обеспечив тем самым для себя политический авторитет на последующие десятилетия. Не исключено, что это действие было реакцией на довоенное избиение командных кадров органами НКВД. Когда Брежнев почувствовал свое положение неустойчивым, он тоже обратился к армии.

Короче говоря, армия вышла из войны, сталинского режима, первой десталинизации и застоя организационно нерушимой. На ней до сих пор лежит слава спасителя советского общества. Она осознает, что другие секторы элиты власти находятся перед ней в долгу, хотя никогда не говорит этого открыто. В армии по-прежнему господствует чувство миссии и ответственности за страну. Оно укрепляется убеждением в успешности собственных методов деятельности, поскольку социализм до сих пор мог соперничать с капитализмом только в сфере вооружения и военной техники. На это средств не жалели.

Перед армией никогда не стояла проблема использования товарно-денежных отношений для повышения эффективности производства и потребления. Каждый офицер и генерал убежден, что обществом и экономикой можно управлять с помощью административных методов, ибо иных армия испокон веков не знала. Этим определяются отношения между армией и другими секторами элиты власти.

Армия — это группа с высокой степенью организационной и пространственной изоляции от общества. Военные городки располагаются за высокими заборами, в лесах и степях, вдали от постороннего глаза. Мундир и другие атрибуты военной службы укрепляют типичные для всех армий кастовость и корпоративность. Они переплетены с культивированием посредственности, как показал писатель А.Азольский. Армия отсечена от конкурирующих ценно-

стей и источников информации. Все это укрепляет ее податливость на манипуляцию с помощью пропаганды.

Если оценивать эти качества армии с точки зрения перестройки — они облегчают и будут облегчать в будущем культивирование в среде профессиональных военных убеждения: демократия ничем не отличается от анархии, которую можно и нужно ликвидировать с помощью военных методов. Офицерский корпус армии в большей степени независим от общества, чем, например, местное и ведомственное руководство. Последнее так или иначе должно учитывать социальные реалии и настроения масс для того, чтобы выполнять поставленные планы и избегать массовых проявлений социального недовольства.

Одновременно армия все еще пользуется высоким социальным престижем и доверием. Офицерский корпус практически не участвовал в борьбе за личную власть между различными кликами и кланами в партийном аппарате. Достаточно было просто дослужиться до определенного звания и должности, чтобы автоматически войти в состав местных и центральных партийных органов. Офицерский корпус практически не знал перебросок из одной сферы деятельности в другую и перекрещивания различных функций, типичных для партийного и государственного аппарата. Все это придавало армии не только чувство независимости, но и предохраняло ее от обвинений в коррупции, злоупотреблении служебным положением, участии в групповых баталиях за высшее место в иерархии и т. п.

Такая ситуация культивировала в офицерском корпусе убеждение в собственной честности и моральной чистоте. Отсюда вытекала гордость, подозрительное отношение военных к гражданским элитам, особенно к партийному аппарату, поскольку застой и кризис социализма был его делом. Ситуация в Армении и Азербайджане показала, что этот аппарат не в состоянии решать сложные проблемы сегодняшнего дня и не отличается высокой моралью.

Существенным элементом этоса армии является ее отношение к странам-участникам Варшавского договора. Офицерство и генералитет Советской армии тесно связаны с армиями других социалистических стран посредством служебных и личных контактов, учебы, браков и т. п. В то же время ясно, что в армии в любой момент могут возобладать антивенгерские, античехословацкие или

антипольские настроения, как это показали события 1956, 1968 и 1980-1981 гг. Генералитет советской армии имеет безусловное доминирование в организациях Варшавского договора. Он контролирует ключевые системы дружественных армий и одновременно снабжает их устарелым вооружением. Поэтому под прикрытием «интернационального долга» среди профессиональных военных существует обычный патернализм и великорусский шовинизм.

Перестройка обнажила множество социальных и политических проблем. Она ухудшила экономическое положение граждан. До революции Ленин критиковал Временное правительство за то, что оно распределяет продукты потребления с помощью карточек. После революции этот способ распределения товаров пришлось использовать и Советской власти, в том числе на 73-м году ее существования. Мало того, что такой способ распределения является реакционно-бюрократическим. Консервативно настроенные круги армии и других секторов власти могут использовать социальное недовольство по мере ухудшения экономического положения страны, поскольку гарантии перестройки всей экономической системы все еще остаются гипотетическими. Обыденный и идеологический консерватизм всегда влечет к старым решениям.

С другой стороны, в обществе нарастает критика всех звеньев государственной машины, включая армию. На этом пути возникает специфическая проблема сегодняшнего дня: можно ли организацию и способ функционирования армии и оборонной промышленности распространить на все хозяйство, а данные сферы перевести на хозрасчет? Здесь возникает много трудностей.

Чтобы реформировать гражданское производство по образцу военного, недостаточно переключить оборонные предприятия на другие цели, сократить расходы на оборону и забрать у армии технику и обслуживающий персонал: «Как недавно стало известно, оборонщики только в 1988 г. изготовили 10 млн телевизоров, 95% всех отечественных холодильников, 62% стиральных машин, 69% пылесосов. Почему этими сугубо гражданскими товарами занимаются военные заводы? И не потому ли они такие дорогие? Если и дальше электронщики будут делать оборудование для производства обуви, а авиаторы — линии по розливу молока, то, боюсь, у нас так и не будет ни достаточного числа персональных компьютеров, ни хороших молокозаводов, ни приличных башмаков. Класси-

ки литературы такую ситуацию уже описали, в связи с попытками щуки ловить мышей»[267]. Опасение небезосновательное...

Приведенные цифры свидетельствуют о яростных попытках военно-промышленного комплекса удержать за собой монополию в производстве товаров, которыми рынок еще не насыщен и производство которых дает повышенные дивиденды военным заводам. Для осуществления глубокой экономической реформы необходимо изменить менталитет всего управленческого персонала снизу доверху. Этого нельзя сделать директивами и постановлениями. Мотивации военных и оборонщиков никогда не были экономическими, а переплетены с определенными политическими ценностями: сила, приказ, национализм, которые до сих пор укреплялись ростом вооружения и внешней экспансией.

Новая реформа для обычного управленца из гражданского производства выглядит только пятнадцатой версией старых. И потому, по его мнению, она так же обречена на неудачу, как предыдущие. На основе этого убеждения современный бюрократ будет лицемерить, как ранее. Но для конструктора самолетов, ракет или подводных лодок каждое новое изделие является прогрессом по сравнению с предыдущими. Оборонщики находятся на переднем крае научно-технического прогресса, их труд связан с материальными привилегиями.

Однако эти привилегии нельзя увеличить с сегодня на завтра и распространить на все трудящееся население. Нет гарантий, что повышение зарплаты потянет за собой изменение отношения к труду. В то же время никаких других методов изменения экономических мотиваций пока нет. Нужно увеличивать уровень жизни, а лишь затем ожидать повышения производительности труда. Этого сделать нельзя, поскольку резервы уже исчерпаны.

Кроме того, всякая настоящая экономическая реформа требует повторения опыта И. Худенко во всесоюзном масштабе. Но если этот опыт не удался даже в рамках отдельного совхоза, то нет гарантий, что он удастся в рамках страны. Образ жизни всего государственного аппарата до сих пор был неразрывно связан с политическим режимом. Если сохранить такую связь, то опыт показывает, что миллионы привилегированных, образующих единственную

[267] Киреев А. Сколько тратить на оборону? // Огонек. 1989, № 19

опору режима, успешно саботируют всякую социально-экономическую реформу.

Социальные изменения возможны тогда, когда за ними стоит мощный социальный слой. Нужны миллионы людей, движимых иными материальными и политическими установками, чем мотивации, которые сложились в период сталинизма и брежневщины. Реформа должна быть направлена на разрушение таких мотиваций в сфере производства и управления.

Можно ли указать такой слой? Можно ли считать, что партия и ее аппарат им является? Для ответа на эти вопросы нужно учитывать способы формирования партии и партийного аппарата, сложившиеся на протяжении последних 50 лет. Какой человеческий материал поступал в партию со времени сталинских репрессий? Кто в ней избирался и назначался на руководящие посты, как ему это удавалось и как его изменяла карьера в партийном аппарате?

Уже целые десятилетия многие вступали в партию не потому, что знают марксизм и верят в его общечеловеческие идеалы, а потому, что партийный аппарат установил неписанное правило: занимать определенные посты и заниматься определенными видами деятельности невозможно без принадлежности к правящей партии. Без этого сделать карьеру становилось все труднее. К тому же далеко не каждого коммуниста привлекала карьера в партийном аппарате. Разрыв между словом и делом, ложь, лицемерие и привилегии аппарата были очевидны для всех. Отсюда можно заключить, что в партию вступали люди, руководствующиеся верноподданностью и цинизмом как главными политическими ценностями. Но весь исторический опыт советского общества свидетельствует, что члену партии лучше было не перебарщивать в верноподданности. Сталин сменил Ленина - и полетели головы ленинцев. Хрущев сменил Сталина - и полетели с мест сталинцы. Брежнев сменил Хрущева - загремели хрущевцы. После прихода к власти Горбачева постепенно, но неуклонно тоже меняется весь партийно-государственный аппарат. Отсюда можно заключить, что личная верноподданность еще не гарантирует, что аппаратчик всегда может удержаться на поверхности. Пример Микояна пока был исключением из правил, не говоря о возможности отрицательной оценки этого «примера».

Другими словами, цинизм и прагматизм до сих пор были главными критериями отбора людей в партийный аппарат. На этой основе происходило отчуждение аппарата от общества и от остальной массы коммунистов, что способствовало выработке других, не менее важных, мотивов поведения аппаратчиков.

Члены аппарата отличаются солидарностью и послушанием руководящим указаниям. Такое поведение ложно понимается как партийная дисциплина. Аппарат выполняет функции коллективного диктатора по отношению к обществу и может устранять руководителя, мешающего осуществлять эту диктатуру. Аппарат парализует инициативы сверху, если они не отвечают его интересам. Тем самым послушание действует в рамках определенной политики и общих интересов аппарата. Новые руководители постоянно окружают себя своими людьми.

Другой мотив поведения членов аппарата - отсутствие индивидуальности. Если какой-то человек ею обладает, он старательно маскируется, поскольку такое поведение подозрительно. И этот стиль поведения тоже давно известен: выпускники Оксфорда и Кембриджа научились блестяще производить впечатление тупых, пока интеллигентность не стала идеалом джентльмена. Неписаные правила поведения партийной бюрократии еще более строги по сравнению с оксфордскими. Если аппаратчик руководствуется прагматизмом, цинизмом, послушанием и старательно маскирует свое истинное лицо, - он не может обладать политическим характером. С каждым порывом политического ветра он должен быть готов к осуждению своих друзей и убеждений, следовательно, к вероломству и предательству.

Конечно, не всякому партийному чиновнику понравится сказанное выше. Вооруженный множеством недавних постановлений о том, как демократически осуществлять партийное руководство перестройкой, он будет спорить. Но такая полемика с его стороны окажется только ироническим подтверждением дарвиновского принципа победы сильнейшего. В аппарате существует борьба всех против всех. Но его члены всегда связаны между собой в оппортунистические и изменчивые кланы. Это гарантирует отбор и выживание самых способных. К чему? Опять же к выживанию и карьере — даже при условии изменения политического руководства и курса.

Выживание и карьера предполагают воспитание особых качеств. Нужно научиться ловко и успешно лгать. Нюхом чувствовать тех, кто идет в гору и кто летит вниз. Присоединиться к первым и отстраниться от других. Льстить начальству и опекать или пренебрегать подчиненными, в зависимости от обстоятельств. Нужно уметь выбрать клику, к которой хочешь подключиться. Распознать, кто в ней сильный, а кто - слабый. Быть готовым к быстрой смене клана, если ветер подует с другой стороны. Выработать в себе умение найти общий язык с новым начальством, предавая и очерняя вчерашних друзей и начальников.

Нужно научиться своевременно создавать собственную клику и быть проницательным, чтобы вовремя почувствовать маневры своих соперников. Заблокировать и уничтожить их в зародыше. В то же время уметь приукрашивать свои собственные цели и намерения. Обвинять в неверности членов своей клики, если они в чем-то ущемили твои интересы, и вербовать в нее новых членов.

Таково содержание человеческого материала, делавшего до сих пор карьеру в партии.

В аппарате всегда существуют образования, которые можно обозначить как группу местного князька или центрального бонзы. Значение этой группы обычно состоит в том, что она имеет непосредственный доступ и влияние на лидера. Последний, в свою очередь, играет ключевую роль в местной и центральной системе власти, влияя на нее своими взглядами и характером.

Группа лидера обычно вырабатывает политический курс, который можно определить как случайную величину от множества внутренних и внешних влияний. Как правило, лидер пользуется двумя девизами: «Кто не с нами - тот против нас» и «Кто не против нас - тот с нами». Первый девиз означает принятие лидером авторитарных техник управления обществом и подчиненной ему группой, второй - умеренно-бюрократических. В первом случае от каждого гражданина требуется выполнение воли лидера, во втором - соблюдение законов, социальная апатия и умение держаться подальше от политики. Первый принцип означает высокий уровень политических и моральных репрессий, второй их понижает и культивирует относительно либеральную политику в сфере культуры. Но оба принципа предполагают фактическое отбрасывание марксизма, замену его национально-государственными идеологиями и

политическим прагматизмом в подходах к текущим экономическим и социальным проблемам.

Если сопоставить политические курсы Сталина и Брежнева, то можно сказать, что первый использовал тоталитарную, второй - авторитарно-корпоративистскую модель устройства советского государства. Вторая модель ведет к постепенному отказу от абсолютной монополии на принятие решений и от принципа безусловного единомыслия. Каждая сфера социальной жизни имела определенные права на выражение своих интересов, если они ограничивались профессиональной или ведомственной сферой. Власть в то же время сохраняла монополию на важнейшие вопросы функционирования экономической и политической системы.

Например, до сих пор было так, что любая организация имела право требовать улучшения условий своей деятельности и не имела права высказывать социальные и политические требования в отношении власти. Никакого политического диалога между обществом и государством не велось. Аппарат относился к обществу как неразумной, движимой эмоциями и лишенной политического реализма толпе, которую нужно защищать от нее самой. Такая установка способствовала тому, что на уровне власти воспроизводился патернализм и просвещенный абсолютизм. Предполагалось, что партия есть нечто вроде орудия судьбы, ведущей общество по неизведанным тропам.

Первые годы перестройки показали, что аппарат понес значительные потери. Всем известна система коррупции и личной власти местных партийных олигархов - уездных князей в советском издании. Этой же болезнью был поражен центр. Каждому честному человеку стало ясно, что партия не выполняет своих задач перед обществом. Все более повсеместной становится сдача партбилетов. По Ленинградскому телевидению один человек осуществил эту акцию публично, в знак протеста против всесилия аппарата.

Этот аппарат не является единообразным. В значительной степени он состоит из людей, которые пришли сюда в период власти Брежнева. Они не знают, что такое политическая деятельность, и не умеют вести политического диалога с гражданами. Перестройка затрудняет стабилизацию кадров и ослабляет позиции аппаратчиков. Карьера партийных деятелей все в большей степени зависит от капризной воли партийных низов. Это не только деморализует аппа-

рат, но и уменьшает его престиж в глазах других секторов элиты власти.

Можно считать, что с 1985 г. на местном и центральном уровнях партийной власти постепенно кристаллизуются две тенденции. Во-первых, партия теряет статус и авторитет безусловного центра власти. Значительно возрастают роль местной администрации и самостоятельность предприятий. Пассивная партийная бюрократия постепенно теряет право на контроль и принятие решений во всех сферах партийной жизни. Хотя все еще раздаются голоса о «партийном руководстве перестройкой», - никто в партийном аппарате толком не знает, как воплощать в жизнь этот лозунг на фоне все более развертывающейся самодеятельности масс. Конечно, наиболее сознательная часть аппаратчиков стремится овладеть демократическим процессом. Но на передний план все более выдвигаются предприимчивые и энергичные люди, не имеющие отношения к аппарату. Они рассматривают его как такой сектор элиты, который постепенно лишается правомочности и утрачивает доверие общества, поскольку у него отсутствует компетентность для решения сложных социально-экономических задач.

Другая тенденция – это судорожное, но малоуспешное стремление найти новые аргументы для выполнения партийным аппаратом руководящей роли. Вполне вероятно, что старые партийные кадры образуют базу для всех сторонников жестких решений, что они мечтают о повороте к принципам сталинско-брежневского «фундаментализма». Развертывание реальной (а не бумажной) демократии для этой группы означает угрозу их карьере, привилегиям и политическим ценностям. Такие поддержат каждого, кто выдаст им отпущение старых грехов и гарантии возврата к прежнему методу управления.

Но такие попытки все больше вызывают сопротивление внутри самой партии. Выборы партийных комитетов, проводимые по новой системе, показывают, что на местном и центральном уровне появляются деятели нового типа. Как правило, они не имеют большого опыта в руководстве партией и управлении хозяйством, но пользуются поддержкой партийных низов. В значительной степени они отличаются сильным антагонизмом по отношению к старому аппарату. Партийная карьера все больше становится просто пере-

рывом в профессиональной деятельности, а не выбором жизненного пути.

Все это дает новым кадрам определенную независимость от профессиональных аппаратчиков и высших партийных инстанций. В самых различных точках страны они постепенно утверждают новый стиль, поскольку всерьез относятся к идеям перестройки и ищут способы ее практического воплощения здесь и сейчас. Утверждаются партнерские отношения с администрацией других сфер социальной жизни, грани самостоятельности которой все более увеличивается.

Означает ли это, что в партии и партийном аппарате образуется база либерально-демократического и реформаторского крыла? Может ли оно вообще возникнуть, поскольку выборы делегатов на XIX партконференцию и на Съезд народных депутатов обнаружили целую систему изощренного аппаратного противодействия демократическим процессам? Пока на эти вопросы можно ответить только предположительно. Правда, уже обнаружилась тенденция блока партийного аппарата с отсталой частью рабочих и крестьян: «Значительное количество советских людей полагает, что мы очень богаты, средства в закромах имеются — надо лишь навести порядок. Безжалостно. Железной рукой. Вожди и фюреры издавна и до самозабвения любили это слово, особенно с эпитетом «новый». Свою любовь они завещали нам, и она оказалась поразительно живучей»[268]. К этому можно добавить только то, что значительная часть аппаратчиков - потенциальные сталинисты, ибо никаких других методов работы, кроме авторитарно-бюрократических, они не знают.

Чтобы устранить раковую опухоль партийной бюрократии, длительное время уничтожавшей и ограничивающей в росте социальный организм, нужно изменить структуру партии таким образом, чтобы она стала мотором демократизации всего общества. Марксизм не знает абсолютно универсальной модели организации партии. Ленинская модель однопартийной системы возникла в конкретно-исторических обстоятельствах революции и гражданской войны. Сталин сделал ее обязательной. Хрущев, Брежнев, Андропов и Черненко существенно ее не изменили.

[268] Захаров М. Без программы // Огонек. 1989, № 16

Удастся ли так модифицировать деятельность партии, чтобы в ней сохранялись права партийного меньшинства? Для этого требуется немногое — создание действительной свободы публикации и обсуждения различных политических взглядов в отношении всей совокупности проблем, стоящих перед страной. Должна существовать свобода выборов и социального контроля над деятельностью всех партийных инстанций, включая право отзыва низовыми партийными организациями всех аппаратчиков, вплоть до ЦК. Члены партии должны обладать правом критики всех направлений внутренней и внешней политики.

Короче говоря, нужно сделать еще немало, чтобы аппарат потерял свою господствующую позицию в партии, а отношения между партией и обществом стали демократическими. Постоянная ротация кадров есть не только средство преодоления различных культов личности, но и барьер для возникновения кланов и клик в аппарате. Отмена материальных и иных привилегий необходима, чтобы преодолеть сталинскую практику покупки аппарата, который до сих пор был преданной гвардией преторианцев очередного генсека.

Тут возникает вопрос: не приведет ли это к расколу партии и ослаблению ее способности к действию? Напомним, что все перечисленные меры были общепринятыми до X съезда партии. Резолюция о единстве партии была обусловлена тяжелой ситуацией в стране. Но даже тогда Ленин не исключал возможность возврата к практике избирательных платформ. Конечно, опыт прошлого не является главным аргументом при решении сегодняшних проблем. Существуют ли, однако, какие-то другие способы организации партийного меньшинства, кроме выражения и защиты им своих взглядов на основе платформ? И разве сейчас в партии нет различных групп и тенденций? Лучше, чтобы они не действовали скрыто, через аппарат, а открыто формулировали свои взгляды.

Понятно, что такой способ организации партии потребует еще более критического отношения к другим звеньям государственной машины. Об армии уже шла речь. Критика органов госбезопасности только начинается. В основном она концентрируется вокруг отдельных личностей вроде Берии или Семичастного. Анализ места и роли КГБ в политической системе социализма пока остается делом будущего. В то же время можно уже сейчас высказать некоторые соображения.

Аппарат госбезопасности усиливался на протяжении всего времени существования Советской власти. И хотя политические изменения на высшем уровне обычно затрагивали и аппарат безопасности, нельзя исключать, что в настоящее время он интегрирован меньше армии. Члены этого аппарата обычно убеждены, что они являются важнейшей спицей в государственной телеге, а другие секторы элиты власти многим обязаны своим стражам. Но на этом и кончается подобие между армией и органами госбезопасности.

Эти органы издавна испытывали специфическую раздвоенность. Постепенная демократизация публичной жизни, отмена смертных приговоров посмертно, переоценка роли КГБ в ее борьбе с «инакомыслящими» в 1960-70-х гг., уменьшение числа политических заключенных, - все это связывает руки госбезопасности и постепенно уменьшает ее роль в государстве. Такое положение вещей порождает агрессивность или апатию, связанную с ощущением бессмысленности исполняемой работы. В 1960-начале 80-х гг. КГБ приложил свою руку к фабрикации многочисленных дел, в результате которых многие честные люди были репрессированы или изгнаны из страны. Между тем, пока что-то не слышно инициатив об организации типа «Мемориала» жертвам этих репрессий. В газетах и журналах вовсю идут материалы об исполнителях приговоров и следователях сталинской поры. О брежневско-андроповских пока молчат. Может быть, они до сих пор в аппарате и критический пыл прессы в отношении их предков им только на руку?..

Надо учитывать, что Сталин для укрепления своей власти использовал органы ГПУ-НКВД, Хрущев и Брежнев опирались на армию. Несмотря на застой, она удержала относительно высокий авторитет в обществе. Этого нельзя сказать об органах МВД и КГБ. Тем самым увеличилось отчуждение данных органов от общества. Но они всегда были кастой, еще более замкнутой, чем армия.

Эта кастовость не определяется только институциональной автономией данной группы — особыми привилегиями, сетью замкнутых социальных институтов, атмосферой тайны и неприкосновенности. Надо учитывать и тесные личные связи. Работники аппарата безопасности часто являются детьми его более престарелых сотрудников, женятся на сотрудницах или социально близких людях. Круг их общения обычно замкнут коллегами по профессии.

Другими словами, члены этого аппарата уже не являются просто хорошо интегрированными сотрудниками определенного звена государственной машины. Речь скорее должна идти об особой социально-психологической группе, профессия которой передается по наследству.

Если она изолирована от общества, движима корпоративным духом и чувствует свое положение неустойчивым, - нет гарантий, что эта группа не предпримет попыток корректировки политики в том направлении, какое ей выгодно. Она может также отдаться тем силам в остальных звеньях государственной машины, которые обещают такие изменения. Убийство беззащитных женщин в Тбилиси, проект закона об оскорблении или дискредитации государственных органов и общественных организаций, забастовка милиционеров в Ленинграде и пр. - все это звенья одной цепи, отражающей охранительные тенденции современных Штирлицев. При любых политических изменениях они захотят сохранить максимальную автономию и свободу деятельности.

Руководящие кадры министерств и ведомств дифференцированы на несколько уровней: высший, средний и низший. Но и их можно трактовать как относительно самостоятельную группу со своим этосом. Об этом свидетельствует не только роман А. Бека «Новое назначение», но и результаты социологических исследований. Они, в частности, показывают, что существует сильная связь между занятием руководящей должности в государственной и ведомственной администрации и поддержкой сложившегося способа деятельности власти.

Первые годы перестройки обнаружили, что роль государственной администрации постепенно возрастает как на центральном, так и на местном уровнях. Отношения между партийным и государственным аппаратом становятся более равноправными. Возросло значение ведомственной администрации, несмотря на кампанию «борьбы с технократией», которую ведут литературно-художественные журналы и вершина партийной власти.

Как бы низко ни оценивать результаты первых лет хозяйственной реформы, сфера самостоятельности предприятий и ответственности директоров заметно возросла. Нельзя отрицать, что эти изменения положительно повлияли на мораль этой группы. Речь идет о местной администрации типа директоров заводов и предсе-

дателей колхозов. Многие из них поддерживают политику децентрализации управления и увеличения сферы самостоятельности предприятий. Многие работники районного звена тоже разделяют эти установки и не имеют ничего против того, чтобы снять с экономики корсет сверхцентрализации.

Но не следует переоценивать силы и значение этой группы. Увеличение самостоятельности предприятий и замена централизованного управления рыночными механизмами означает подрыв социального статуса и угрозу повседневному существованию работников центральных министерств и ведомств. Центральная бюрократия готова сделать все, чтобы удержать статус-кво. Многочисленные примеры свидетельствуют, что она пока еще в состоянии сопротивляться хозяйственной реформе. Сохранение или переименование большинства центральных министерств и ведомств показало: позиции этой группы все еще сильны.

Она не склонна к публичному отстаиванию своих интересов и хочет сохранить свое положение путем обычной бюрократической волокиты, тем более что обилие ведомственных инструкций дает возможность делать это. Она пользуется инерцией институтов и сопротивляется пассивно. Действия членов этой группы осуществляются не в рамках какой-то согласованной стратегии (хотя и такого варианта исключить нельзя), а имеют своей целью прежде всего защиту партикулярных интересов. Их сумма создает все еще непреодолимые барьеры для реформаторских действий в рамках всей социальной системы.

Пока еще трудно полагать, что эта группа интегрирована и располагает какой-то определенной идеологией и программой. Но если судить по материалам прессы, ничего нового по сравнению с технократической идеологией публицисты этой группы не высказывают.

Всякая технократия предполагает защиту сложившихся социальных отношений, а не создание новой организации общества. Как правило, она уклоняется от обсуждения широких социальных проблем и стремится свести их к техническим. Одновременно предполагается, что технические проблемы слишком сложны и не могут решаться путем публичной и демократической дискуссии. В результате таких установок наиболее острые социальные проблемы автоматически расчленяются на множество мелких технических и

административных задач. Затем множество мелких решений «увязывают и согласовывают», предполагая, что эта процедура дает решение общей социальной проблемы.

Но каждое частичное решение базируется на механическом расчленении единичного, особенного и всеобщего. В результате все недостатки политических решений толкуются как недостатки отдельных сфер - министерств, ведомств, научных учреждений. Каждое из них вырабатывает свой способ защиты от постановки фундаментальных социальных проблем на уровне политики как центрального, так и местного звена. В этом - суть технократической идеологии, которая прекрасно уживается с существующим разделением труда, корпоративной организацией общества и бюрократическим решением социальных и политических проблем.

Отдельные члены этой группы могут совершенно искренне высказываться за необходимость изменений, рационализацию хозяйства, сокращение бюрократии. Но в целом эта группа будет поддерживать тех, кто ищет ответ на недостатки политической реформы в централизации, увеличении сферы централизованного контроля и непосредственном управлении экономическими процессами. Чиновник везде одинаков — в партии, армии, органах внутренних дел и безопасности, других министерствах и ведомствах. Его не интересует дело, к которому он приставлен. Его интересует собственное существование. Чтобы заставить его работать, приходится создавать контролирующие органы — новых чиновников. Еще Моммзен в «Истории Древнего Рима» заметил тенденцию контрольных органов покрывать своих подконтрольных. Ведь контрольный орган не просто контролирует, он еще и отвечает за то, чтобы у них «было все в порядке». Если обнаруживаются недостатки в контролирующей системе, приходится создавать новые органы, последовательно контролирующие друг друга. В идеале все население превращается в чиновников. Государственная машина до сих пор способствовала тому, что стремление построить социализм в России привело к созданию *общества всеобщей бюрократии.*

Во всех частях государственной машины, даже тех, кто публично высказывается за реформу, существует искушение держаться за старые, испытанные способы деятельности. Каждый «государственный житель» хочет сбежать в известный и безопасный мир должностных и личных связей, инерции, консерватизма и коллек-

тивной безответственности. Он органически не желает предпринимать рискованное путешествие в океан рыночных механизмов. В этом смысле он подобен капиталистическому рантье, описанному Марксом более ста лет назад. С единственным дополнением - тихой гаванью безбедного существования оказывается советское государство.

Старые товарищи, ветераны, отставники, пенсионеры и им подобная публика — разновидность таких рантье. Эта группа дифференцированна, ее нельзя безоговорочно причислять к элите власти. В то же время она является ее тылом и принимает определенное участие в формировании общественного мнения. На эту группу стоит обратить внимание не только потому, что ее костяк составляют люди, сложившиеся при режимах личной и бюрократической власти, но и потому, что она обычно уходит из поля зрения политологов. Речь идет о бывших работниках всех звеньев государственной машины — партийного и ведомственного аппарата, армии и органов госбезопасности, директората предприятий и председателей колхозов и т.п.

Они до сих пор пользовались привилегиями, в том числе привилегией раннего ухода на пенсию или в отставку. Многие из них сохранили силы и здоровье, знают, что такое политика в ее доперестроечном измерении, умеют ею заниматься и располагают необходимым для этого свободным временем. Разве их мало в органах кадров, в школах, общественных организациях, домкомах, в сфере торговли и обслуживания?

Нужно присмотреться к идеологии этой группы. За незначительным исключением в ней господствуют ортодоксальные сталинско-брежневские взгляды и ностальгия по прошлому. Существуют также крайне радикальные правые взгляды с примесью демагогического популизма и авторитарности. Эта группа имеет существенное значение для консервативных элементов в современном партийно-государственном аппарате, поскольку пользуется их доверием.

В повседневной деятельности эти люди могут использоваться там, где консервативные элементы аппарата чувствуют себя недостаточно уверенно и когда требуется массовое участие людей, заслуживающих доверия. Например, при организации выборов, формировании общественного мнения через газеты и другие органы массовой информации, при воспитании отношения молодых

людей к перестройке и к истории СССР, при выработке патерналистской позиции в отношении неформальных объединений молодежи и в других кампаниях, где надо напомнить о «непреходящих ценностях социализма». Под такими ценностями эти люди понимают не свободу и демократию, а силу, приказ и регламентацию общественной жизни. Ортодоксальность и последовательность членов этой группы позволяет заключить, что при всяком обострении ситуации она станет на стороне наиболее радикальных сил авторитарно-бюрократического порядка.

Итак, современная государственная машина дифференцированна и требует пристального научного анализа, свободного от апологетики. Пришла пора освободиться от сталинской идеи о том, что укрепление государства тождественно построению социализма. Сталин отверг марксову идею об отмирании государства ради укрепления собственной власти. Надо поискать альтернативы сталинской традиции мысли и действия.

Глава 8.
Постсоветская бюрократия

Первой альтернативой может быть идентификация властно-управленческих групп советского и российского общества[269]. Меня интересуют три группы: группы власти, различающиеся по природе (государственная, хозяйственная власть) и по объему власти (группы высшего, среднего и низшего уровней); группы, связанные с народным хозяйством в их ведомственной принадлежности; группы хозяйственных руководителей, различающиеся рангом власти (руководители объединений, предприятий и их подразделений)[270].

Для анализа социально-экономических процессов в посткоммунистической России существенное значение имеют два факта: 1) 60-70% бывшей номенклатуры и сегодня занимают элитные позиции, сравнимые с должностями советского периода, 15% оказались лишь на одну ступеньку ниже прежнего элитного уровня, а 15% из них сегодня занимаются собственным бизнесом[271]; 2) в результате данных процессов в России возник бюрократический капитал, пронизывающий все сферы общественной жизни[272].

Таким образом, воспроизводство традиционных для советского общества властно-управленческих групп продолжается. В целях связи социологического аспекта проблемы с экономическим воспользуюсь понятием экономической инерции: «Экономическая инерция - ярко выраженная объективно-субъективная связь и отношение по сохранению сложившихся и рождающихся стереотипов

---

[269] Эта глава была первоначально опубликована в виде статей. См.: Макаренко В.П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат (статья первая) // Социологические исследования. 1996, № 11; Он же. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат (статья вторая) // 1997, № 7; Он же. Правительство и бюрократия // Социологические исследования. 1999, № 2. Исследование выполнено по гранту

[270] Экономическая социология и перестройка / Общ. ред. Заславской Т.И. и Рывкиной Р.В. М., 1989. С. 78- 82.

[271] Ершова И.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Заславской Т.И. и Арутюнян Л.А. М.. 1994. С. 154.

[272] Шматко Н. Становление российского патроната и бюрократический капитал // Социол. исслед. 1995. № 6.

экономической деятельности, а значит, и их отражению в нашем сознании. Экономическая инерция не может быть "изгнана" раз и навсегда из хозяйственной практики уже просто потому, что характеризует состояние устойчивости, сохранения каждого экономического отношения»[273]. Каков механизм связи интересов властно-управленческих групп с экономической инерцией? Для ответа на вопрос я воспользуюсь результатами экономико-социологических исследований, проведенных как раз в тех странах, которые в наибольшей степени продвинулись к рыночной экономике.

8.1. Определяется ли групповое поведение материальными интересами?

Вплоть до 1970-х годов проблема образования, существования и структуры групповых интересов рассматривалась в традиционном ключе. Большинство экономистов, социологов и политологов полагали, что в обществе существуют интересы различных групп. Критерием выделения таких групп и их интересов считалась *система убеждений,* в соответствии с которой люди организуются в группы для реализации своих экономических и иных целей.

Но уже тогда проницательные ученые считали, что в условиях экономического и политического плюрализма господство высших классов не прекращается, а только меняет форму. Поэтому программы правительственной помощи и организации беднейших слоев общества с помощью государственных субсидий не приводили к желаемым результатам. В свою очередь сторонники государственного регулирования социальной политики в США на основании социологических исследований показали, что группы рабочих промышленности и фермеров организованы лучше по сравнению с группами потребителей и соседских общин. При этом классическая проблема социально-политической мысли - насколько лидеры социальных групп отражают действительные интересы и взгляды их членов - рассматривалась в русле теории олигархизации экономической и политической власти Р. Михельса. А дефиниция Д. Трумена считалась базисной: «Группы интересов - это группы, состоящие из людей, руководствующихся определенными интересами и

[273] Щербина В.Ф. Противоречия перестройки. Экономико-философский анализ. Л., 1989. С. 15.

взглядами, с целью оказания влияния на другие социальные группы. Группы, которые пользуются для достижения своих целей помощью правительственных организаций, являются политическими группами интересов»[274].

В 1965 г. М. Олсон опубликовал книгу "Логика коллективного действия", которая значительно изменила исследовательскую проблематику. На основе посылки об индивидах как рационально действующих субъектах, ориентированных на достижение экономических интересов, автор пришел к выводу: «Люди, разделяющие определенную совокупность политических убеждений, ведут себя нерационально, если они создают группы, стремя-щиеся к получению правительственных субсудий, поскольку такие субсидии могут достаться как членам данных групп, так и индивидам, никак не связанным между собой»[275].

Членство в группах обычно связано либо с материальной пользой, либо с определенными формами принуждения. В этом случае групповые цели являются лишь побочным продуктом достижения материальных интересов и благ, к которым стремятся индивиды. А если группы ставят перед собой исключительно экономические цели (например, хотят перераспределить правительственный бюджет в свою пользу), то такие группы нестабильны и трудно организуемы.

Познавательная перспектива группируется вокруг следующих основных вопросов: как организованы группы экономических и политических интересов и кто несет расходы по их организации? Почему люди вообще становятся членами групп, выражающих политические или экономические взгляды и цели? Каков процент лиц, обладающих определенными экономическими и политическими убеждениями, становятся членами групп, превращающих данные убеждения в политику и идеологию? Какую роль играет социально-экономическое и политическое положение группы для ее руководителей и рядовых членов? Как оно влияет на степень совпадения взглядов руководителей и членов групп интересов? На эти вопросы даются различные ответы. Рассмотрим некоторые концепции.

Теория социального порядка и конфликта. Трумен в 1953 г. выпустил книгу "Процесс управления", в которой вслед за Аристо-

[274] Truman D. The Governmental Process. New York, 1953. P. 31.
[275] Olson M. The Logic of Collective Action. Cambridge, 1965. P. 231.

телем рассматривал человека как "политическое животное", члена соседских, профессиональных, этнических, религиозных и других групп. Если группа лиц с аналогичными убеждениями достигает определенной численности, возникает потребность в процедурах, регулирующих ее активность, внутренние и внешние конфликты. При организации групп люди руководствуются принципом солидарности и взаимопомощи в решении волнующих их проблем. Почти все группы в определенные моменты своего существования вынуждены обращаться к властным структурам для разрешения конфликтов с другими группами и смягчения последствий, экономических и социальных кризисов.

Итак, возникновение групп — естественный результат социального взаимодействия. Большинство индивидов принадлежит к нескольким группам одновременно, что порождает внутригрупповые конфликты. Например, члены профсоюза металлургов противостоят любым программам контроля над окружающей средой, поскольку такой контроль ставит под угрозу их материальные интересы. Одновременно члены того же союза выступают за экологический контроль, если входят в общество рыболовов, если в их семьях есть члены с болезнями дыхательных путей и т.п. Вероятность внутреннего совпадения позиций тем меньше, чем больше группа интересов и чем более ее организация является формальной. Чем более формализованный характер приобретает группа, тем больше вероятность конфликта между руководителями и рядовыми членами.

Однако Д. Трумен пренебрег анализом таких конфликтов, считая главной задачей руководства погашение конфликтов путем пропаганды и ссылок на внешнюю угрозу.

Теория непредвиденных последствий групповых интересов. М. Олсон развил свою концепцию на основе противоположной посылки: индивиды - эгоисты и стремятся только к реализации собственных материальных интересов и повышению благосостояния. Их принадлежность к группам объясняется возможностью достижения материальных (польза, выраженная в вещной и денежной формах), социальных (польза общения и солидарности, вытекающая из принадлежности к группе и участия в ее деятельности) и политических благ (польза, вытекающая из идеологических установок и задач

группы, но не связанная с непосредственными материальными благами).

М. Олсон различает также селективные и коллективные блага (первые могут быть получены только в результате принадлежности к группе, вторые не связаны с нею). Обе типологии перекрещиваются, так что материальные и социальные блага могут быть селективными и коллективными, а политические - только коллективными. Однако стремление к достижению только материальных интересов приводит к непредвиденным последствиям: «Располагая определенной информацией, индивиды стремятся к максимальному удовлетворению своих материальных интересов, и поскольку они являются рациональными существами, принимают решения о вступлении в группу интересов на основе расчета доходов и расходов. Но достижение коллективных благ, вытекающее из группового лоббирования, редко зависит от индивидуальных решений о вступлении в группу, а также по определению включает индивидов, не принадлежащих к группе. Поэтому рационально действующие индивиды обычно стремятся паразитировать на группах вместо того, чтобы вступать в них. Они не несут расходов, связанных с принадлежностью к группе, извлекая одновременно экономическую пользу из ее существования. Явление паразитизма имеет место даже тогда, когда доступ к коллективным благам превышает расходы, связанные с принадлежностью к группе»[276].

Вывод парадоксален: индивиды, стремящиеся только к достижению материальных интересов, увеличивают свое материальное состояние путем паразитирования на любых социальных группах, но нисколько не способствуют их укреплению. Не теряя доступ к коллективным благам, они одновременно стремятся свести к минимуму собственные расходы (денежные взносы, вещественные вклады, затраты времени и труда), связанные с существованием групп интересов. В таких условиях группы интересов вынуждены либо прибегать к принуждению, либо привлекать участников путем обещания групповых селективных благ и благ общения. А экономическая и политическая активность групп интересов есть побочный результат и непредвиденное следствие (т.е. чисто случайная величина) удовлетворения селективных благ.

[276] Olson M. The Logic of Collective Action. Cambridge, 1965. P. 231.

Таким образом, создание любых групп интересов проблематично. Чтобы сформировать такую группу, индивиды должны осознать: коллективные блага им недоступны до тех пор, пока группа не будет организована, а индивидуальная часть коллективных благ превысит расходы по созданию групп. Такая ситуация возникает и тогда, когда расходы одного индивида на организацию превышают расходы других, а члены группы располагают средствами контроля над паразитарными тенденциями индивидов. Если доля потенциальных организаторов в гипотетических благах незначительна, группа не может возникнуть. Появление групп интересов наиболее вероятно не только тогда, когда индивидуальная польза высока, а расходы на контроль паразитарных тенденций незначительны, но и тогда, когда расходы организации ниже индивидуальной доли коллективных благ. После создания группы новые члены принимаются в нее как на основе их стремления к селективным благам, так и с опорой на механизм принуждения.

Короче говоря, из концепции индивида, которой пользуется М. Олсон, вытекает, что любое индивидуальное поведение является своекорыстным, а любые блага - селективными и групповыми. В то же время из концепции неожиданных последствий групповых интересов можно вывести две гипотезы и применить к ним процедуру фальсификации: 1. Лишь незначительный процент потенциальных участников группового лоббирования становится и остается в группах интересов по своей воле. Если лоббизм считать разновидностью групповой активности по обретению коллективных благ, то рационально действующие (т.е. своекорыстно) индивиды предпочтут паразитировать на группах интересов. 2. Если большинство индивидов становятся членами групп интересов по мотивам селективных благ, то при социологических зондажах они должны давать адекватный ответ.

Эмпирические исследования, проведенные для проверки гипотез, не дали однозначных результатов. В соответствии с первой гипотезой лишь небольшое число людей с общими интересами становятся членами групп, их представляющих. Но проблема степени паразитизма, как главного мотива воздержания от вступления, остается открытой. Что касается второй гипотезы, то и она подтверждается лишь частично. К тому же сторонники концепции М. Олсона скептически относятся к социологическим данным, поскольку

в большинстве случаев люди дают такие ответы о мотивах собственного поведения, которые социально одобряются. Но наиболее важно, что если группа стремится к селективным и политическим благам, то групповые интересы подвергаются специфической идеологизации с одновременной демонстрацией идеологической нейтральности.

Хотя проблема соответствия между индивидуальными интересами руководителей и интересами остальных членов группы в сфере политических целей остается открытой, эффект неожиданных последствий групповой активности выражается в следующем: «Не существует никакой последовательности там, где индивиды становятся членами групп интересов по мотивам индивидуальных и коллективных материальных благ, а не по мотивам коллек- тивных политических благ»[277].

Теория обмена. Для более адекватного изображения взаимосвязей между индивидуальными и групповыми экономическими и политическими интересами Р. Солсбери разработал концепцию, которую можно свести к следующим основным положениям.

Группы интересов не возникают стихийно как результат взаимодействия людей (связанных общими интересами) и реакция на внешнюю угрозу. Хотя появление таких групп всегда проблематично, в любом случае требуется индивид, который хочет взять на себя расходы по организации, рекрутированию членов, разработке и реализации плана деятельности и убеждению других людей в том, чтобы они расходовали время и средства на группу. Но групповой паразитизм универсален, большинство людей руководствуются своекорыстием и не желают тратить время и средства на достижение "общего блага".

Отсюда вытекает не менее универсальное явление: организаторы любых групп взамен своих затрат и активности требуют руководящих постов в административном аппарате новых организаций. Эти мотивы объясняют генезис политических партий, профсоюзов, союзов потребителей, защитников охраны окружающей среды. Их организаторы претендуют на артикуляцию "общих" групповых интересов, но сама эта претензия свидетельствует лишь о том, что они ведут себя как типичные мелкие буржуа, способные расходовать

[277] Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 81.

свои средства только взамен финансирования их будущих административных должностей.

«Большая часть групповой активности. - пишет Р. Солсбери, - не имеет ничего общего со стремлением изменить политические решения страны, а направлена на внутренний обмен благами, для достижения которых организуется и существует группа»[278]. Причем по мере роста группы материальные и селективные блага выходят на место ведущих мотивов групповой деятельности, а руководители, едва группа интересов принимает формы организации, стремятся любыми способами сохранить ее как источник постоянных материальных благ и административного статуса.

Различия между убеждениями руководителей и членов групп не имеют значения до тех пор, пока материальных и селективных благ достаточно для поддержания членства. Соответствие между ними тем больше, чем больше коллективные политические блага образуют главную мотивацию членства. Вероятность преобладания в деятельности руководителей материальных мотивов и мотивов административного статуса повышается, если группы образуются по национально-этническому признаку. По сравнению с другими социальными слоями мелкие буржуа (предприниматели и торговцы) в большей степени движимы мотивом занять должность в административном аппарате. Этот вывод американских социологов и экономистов совпадает с выводами исследователей фашизма о типичных мотивах поведения лидеров и членов нацистского движения[279]. Одновременно создатели групп интересов всеми силами пытаются создать впечатление "деловых людей".

Теория обмена доминировала в американской экономической социологии до 1980-х годов. В рамках данной концепции был сформулирован еще ряд интересных положений. Члены большинства групп предпочитают политические коллективные блага селективным материальным благам и благам общения, они больше вовлечены в достижение политических групповых целей по сравнению с лицами, которые не являются членами групп. Правительственные агентства и фонды играют значительную роль в организации и финансировании многих групп интересов. 30% организаций,

[278] Salisbery R. An Exchange Theory of Interest Groups // Midwest Journal of Political Science. 1969. № 13. P. 20.
[279] Райх В, Неспособность к свободе // Дружба народов. 1994. № 10.

выражающих групповые интересы и действовавших в США на протяжении 1970-х годов, вообще не имели членов и кормились за счет государственной казны, а некоммерческие и гражданские организации на 24% и 43% соответственно субсидировались правительством и частными лицами. Все большее число организаций (групп интересов, профсоюзов, политических партий) все менее зависят от членских взносов и все более финансируются правительствами. Эта тенденция становится универсальной. Административный аппарат групп
интересов и других организаций заинтересован в их существовании независимо от социальных и политических изменений, а за руководителями остается значительная свобода в формулировке и реализации собственных политических планов взамен заработной платы ниже средней по стране[280].

С точки зрения соответствия между интересами руководителей и рядовых членов, группы интересов тяготеют к двум типам: 1) селективные материальные блага являются главным мотивом деятельности; 2) коллективные блага являются главным мотивом политической деятельности. Если в организациях первого типа нет соответствия между политическими взглядами руководителей и рядовых членов, то в организациях второго типа соответ- ствие зависит от способности руководителей отражать и формировать политические взгляды последних, причем отсутствие информации о текущей деятельности руководителей затрудняет адекватное восприятие их политических взглядов со стороны членов группы.

Таким образом, теория обмена показывает, что члены групп интересов не всегда руководствуются лишь своекорыстием и способны брать на себя расходы по достижению групповых благ. Этот аспект исследован еще одной теорией групповых интересов.

Теория ангажированности базируется на эмпирическом исследовании политических партий, в которых руководители обычно занимают более крайние идеологические позиции по сравнению с рядовыми членами. Политическая активность руководителей (затраты времени, энергии и средств) вытекает из их "веры в правое дело", а главным мотивом членства являются предполагаемые коллектив-

[280] Cigler A., Loomis B Interest Groups Politics. Washington, 1986. P. 87-94.

ные блага, на достижение которых направлена деятельность группы. Эти блага могут быть материальными (финансовая прибыль, вытекающая из изменений в законодательстве), политическими и идеологическими (места в парламенте и возможность влияния на общественное мнение в нужном для группы направлении). Во многих случаях стремление к достижению таких благ совпадает. Эгоистическое своекорыстие совпадает со стремлением к улучшению социальных условий, политическому успеху и чувством собственного достоинства. Однако только индивиды, которые считают материальные интересы главными, стремятся замаскировать их идеологическими соображениями и всеми силами "выбиться" в лидеры группы. Ангажированность возрастает по мере продвижения вверх, так что наиболее политизированные и идеологизированные индивиды в наибольшей степени своекорыстны, хотя и маскируют этот мотив соображениями о коллективных благах.

Теория ангажированности объясняет генезис групп интересов деятельностью индивидов, связывающих собственное материальное своекорыстие с достижением политических целей группы. Именно они заинтересованы в идеологиях, оправдывающих своекорыстие в индивидуальном, групповом и социальном измерениях. Однако политизированные и идеологизированные индивиды не составляют большинства в группах интересов. Групповой и социальный паразитизм переплетается с политической безучастностью: "У большинства потенциальных членов групп интересов не хватает времени и средств на материальную и идеологическую ангажированность, необходимую для присоединения к группе. Большинство людей не интересуются и не ориентируются в политических проблемах"[281].

Чем больше политические и идеологические мотивы становятся главными в деятельности руководителей, тем больше их отрыв от экономических интересов большинства группы и бюрократизация административного аппарата.

Итак, теории групповых интересов позволяют внести коррективы в объяснение взаимосвязи материальных интересов с административным аппаратом, политикой и идеологией. Для конкретного изображения данной взаимосвязи необходимо учитывать социологические параметры: генезис групп интересов; природу группового

[281] Lau R., Sears D. Political Cognition. Hillsdale, 1986. P. 206.

членства; показатели участия; степень соответствия между убеждениями руководителей и членов; значение административно-политических процессов.

Теория социального порядка и конфликта объясняет генезис групп интересов как результат естественных социальных взаимодействий, членство - как следствие естественного взаимодействия людей с аналогичными интересами и убеждениями, показатель участия - как относительно высокий, соответствие убеждений руководителей и членов - как результат стремления руководителей свести к минимуму несоответствия между убеждениями членов для укрепления своей руководящей роли, значение административно-политических процессов - как возрастающее во времени.

Теория неожиданных последствий те же самые параметры объясняет как результат ситуации (незначительное число потенциальных участников и низкие расходы на организацию), как результат стремления к селективным благам и принуждения, как очень низкий по причине группового паразитизма и паразитизма руководства, как низкое по причине селективных материальных благ, как незначительное.

Теория обмена объясняет генезис групп как результат деятельности индивидов, ориентированных на административную должность в будущем аппарате, членство - как результат стремления к селективным и политическим благам, показатель участия не анализируется, соответствие убеждений руководителей и членов - как зависимое от материальных благ (незначительное для селективных и высокое для коллективных), значение административно-политических процессов - как низкое, но зависимое от материальных благ.

Теория ангажированности объясняет генезис групп как результат целенаправленной деятельности индивидов или организаций, членство - как результат стремления к материальным и политическим коллективным благам, показатель участия - как низкий по причине неопределенности политических убеждений большинства при полном несоответствии убеждений руководителей и членов из-за политико-идеологического экстремизма руководителей с одновременным ростом значения административно-политических процессов.

8.2. Рабочая гипотеза и проблема типологии

Какие же социологические характеристики групповых интересов принять в качестве исходных при описании властно-управленческого аппарата нынешней России? Чем объясняется сходство (о котором пишет В. Ойкен) властно-управленческих аппаратов различных стран, принадлежащих, на первый взгляд, к различным социально-экономическим системам? Мне неизвестны социологические исследования, где бы ставилась цель описать группы интересов в нынешней России с использованием всех указанных теорий для уточнения и иерархизации указанных социологических параметров в соответствии со спецификой социальной структуры СССР и нынешней России. Однако на основе разработанной мною теории бюрократии и реального господства в СССР политико-административных методов управления можно предложить следующую рабочую гипотезу социополитических характеристик групповых интересов властно-управленческого аппарата.

Групповые интересы аппарата были и остаются связанными с правительством. Стремление получить правительственные субсидии ведет к нерациональному поведению групп интересов, возникающих внутри аппарата. Такие группы отличаются нестабильностью, а их лидеры не руководствуются мотивом смягчения групповых и социальных конфликтов.

Любые групповые интересы порождают и усиливают тенденцию к групповому (социальному) паразитизму. Эта тенденция усиливается в той степени, в какой члены групп руководствуются материальными интересами. Политическая активность есть случайная величина групповых интересов аппарата, а лоббизм - следствие группового паразитизма.

Чем больше властно-управленческий аппарат формируется по национально-этническим признакам, тем больше в нем доминируют своекорыстие и чисто административные мотивы поведения. Стремление занять руководящие посты в аппарате выражает мелкобуржуазную ментальность и сближает аппарат с группами фашистского толка. Сохранение любой организационно-управленческой структуры есть следствие материального своекорыстия и административных мотивов поведения. Группы интересов в аппарате более идеологизированы и сращены с политическим истеблишмен-

том. Идеологизация аппарата тем больше, чем больше его члены руководствуются материальными интересами. Группы, существующие в нем, испытывают наибольшую потребность в идеологии, маскирующей групповые интересы аппарата.

Естественно, что данная гипотеза может быть уточнена в процессе социологического исследования, программа которого, на мой взгляд, должна быть максимально дистанцирована от властно-управленческого нормативизма, господствующего в юридической и управленческой науке. В целях продвижения по этому пути рассмотрю еще один немаловажный аспект.

В теории организации и управления показано, что управленческие структуры (в экономике, политике и идеологии) следует рассматривать не как монолит, а как совокупность элементов, обусловленных различными причинными связями. Формы управленческих структур определяются тремя силами: 1. Целенаправленными действиями по рационализации управленческого аппарата ради более эффективной реализации его социальных функций. 2. Системностью управленческих структур. 3. Защитными действиями данных структур по разрешению конфликтов между ними и обществом, между членами данных структур и между руководством и членами аппарата.

В общем виде можно сказать, что для анализа властно-управленческого аппарата следует учитывать структурную детерминацию поведения всех его членов, влияние внешней среды с ее социальными и культурными институтами, профессиональную этику и управленческую субкультуру (систему символов, ценностей и оценок) аппарата. Для экономической социологии, объясняющей влияние социальной структуры на экономические процессы (и наоборот), особенно важно установить: способен ли аппарат оперативно реагировать на экономические и социальные инновации? Чем объясняется его стремление к "равновесию" даже за счет понижения социальной эффективности? Каковы макро- и микросоциальные последствия деятельности аппарата?

Иначе говоря, явление "экономической инерции", о котором шла речь в начале главы, целесообразно конкретизировать путем описания типичных форм реакции аппаратов на изменения социально-экономической среды общества: «Рынки - важное, но не единственное средство осуществления экономической координа-

ции. Наиболее важные тому примеры - решения, принимаемые внутри частных фирм и правительственных учреждений. В иерархической системе порядок устанавливается не через спонтанные действия обособленных индивидуумов, а посредством директив, которые менеджеры направляют своим подчиненным. Цены обычно не играют большой роли в передаче информации. Вместо цен действуют различные данные, доклады, инструкции и правила. Материальные стимулы, такие как премии и повышения, воздействуют на подчиненных, но эти премии имеют мало общего с рыночными ценами. Для служащих основным стимулом к подчинению менеджерам является тот факт, что они согласились на эту субординацию, как на условие их вступления в организацию»[282]. Каковы следствия подмены действия экономических механизмов иерархической системой управления?

Для ответа на этот вопрос необходимо социологическое исследование групп, существующих в аппарате нынешней России. К сожалению, такое исследование, с использованием всех средств социологического инструментария, насколько мне известно, пока не проводилось. Поэтому я воспользуюсь классификациями, которые уже существуют в науке и нуждаются в социологической конкретизации.

Данная типология может быть дополнена общей характеристикой «постноменклатурного конгломерата» (термин предложил М. Чешков), который включает государственную администрацию, государственную буржуазию, бюрократическую буржуазию, региональные олигархии смешанного состава и сращивающиеся с ними частно-предпринимательские слои. Хотя бывшая номенклатура раскололась на конфликтующие центры власти (легислатура - администрация, органы государственной власти регионов - муниципалитеты городов, бюрократия - директорат, банкиры, руководители АПК), ее ротация не превысила четвертой части состава (региональные элиты изменились на 17,7%, высшее руководство - на 25%, правительство - на 25,7%). «Невозможно провести границу между «общественным» предпринимательством администраций и част-

[282] Долан Э. Микроэкономика. СПб., 1994. С. 21.

ным (частно-корпоративным) предпринимательством администраторов»[283].

В результате, как уже говорилось, образовались бюрократический капитал - сращивание чиновников-дельцов с частным предпринимательством и тотальная коррупция государственной службы. Капитализация правящего постноменклатурного слоя прогрессирует в условиях сверхмонополизма социальной власти, а концентрация экономической и политической власти в руках узких олигархических групп закреплена в «реформированных» учреждениях российского государства.

Посткоммунистические общества унаследовали от СССР гетерогенную экономическую структуру, которая включает: элитно-номенклатурную, военно-промышленную, "гражданскую", натурально-аграрную, криминально-мафиозную экономику и экономику "черного рынка". Политические институты страны сегодня представляют власть плутократии. Под флагом "приватизации" на экономической арене идет борьба за контроль над наиболее ценными государственными активами четырех экономических групп:

1. Директорат государственных предприятий и "капитаны" колхозно-совхозной системы. Они все еще пользуются влиянием на общество и готовы поддерживать экономические реформы лишь в той степени, в какой они гарантируют им контроль над обществом.

2. Бывшая партгосноменклатура - средний слой государственной машины. Она ищет свое "место под солнцем" и не брезгует смычкой с организованной преступностью.

3. Часть бывшей комсомольско-партийной номенклатуры, которая еще до приватизации пошла в бизнес, а сегодня стремится легализовать накопленный капитал и создать благоприятные условия для его инвестиций.

4. Независимые предприниматели и бывшие кооператоры. Хотя у них еще нет надлежащей экономической почвы, они тоже хотят урвать свою часть пирога на основе капитала, заработанного в постперестроечный период[284].

С учетом данных типологий и процессов есть основания использовать классификацию политико-управленческих клик, разра-

[283] Афанасьев М. Правящие элиты России: образ деятельности // Мировая экономика и междунар. отношения. 1996. № 3. С. 52.

[284] Полунеев Ю., Загоруйко Ю. Культурный шок в посткоммунистических обществах в период рыночной трансформации//Современность. 1994. № 10.

ботанную М. Дальтоном на основе сравнительного исследования систем государственного управления и хозяйственно-экономического аппарата в различных странах, для анализа властно-управленческого аппарата современной России[285].

Клики - это малые группы, которые существуют в рамках больших групп. Они возникают стихийно, принадлежат к скрытым элементам социальной структуры (системы неформальных связей, существующих в любых институционализированных структурах общества). С помощью разнообразных закулисных действий клики стремятся так сформировать социально-экономические и организационно-управленческие структуры и отношения, чтобы всегда занимать в них господствующее положение в целях получения наибольшей выгоды. М. Дальтон выделяет пять типов клик, существующих в любых властно-управленческих структурах:

Симбиотическая клика с вертикальной структурой. Ее организатором является лицо, занимающее высокое положение в социальной и политико-управленческой иерархии. Через систему взаимных поддержек и протекций оно привязывает к себе лиц, занимающих средние и низшие посты в аппарате управления. Эта клика использует следующие виды взаимных услуг: начальник потакает слабостям подчиненных, а они ведут в его пользу шпионаж, информируют о настроениях и опасностях, поддерживают при выборах, организуют общественное мнение.

Паразитическая клика с вертикальной структурой отличается от предшествующей неравенством услуг. Некоторые подчиненные выступают фаворитами начальства, а оно за счет этого покупает их преданность и с их помощью подчиняет остальных членов организации. Вокруг фаворитов создается ореол особых возможностей и влияния, что порождает страх среди индивидов, не принадлежащих к клике. Такая клика действует по древнему принципу "разделяй и властвуй".

Защитная клика с горизонтальной структурой возникает в период экономических и социальных реформ, связанных с изменением политического курса правительства. В этом случае члены властно-управленческого аппарата объединяют свои силы (речь идет не о формальном договоре, а о типичных реакциях аппарата на изме-

[285] Dalton M. Man Who Manage. Wiley, 1979.

нения) для того чтобы противостоять изменениям при помощи уголовно ненаказуемого саботажа - чисто формальной и символической деятельности.

Агрессивная клика с горизонтальной структурой появляется в результате перекрещивания различных групповых (материальных, социальных, политических) интересов и имеет целью изменения существующего расклада сил, а не сохранение статус-кво. Для конституирования такой клики наиболее важно то, что ее члены занимают примерно равное положение во властно-управленческом аппарате и имеют возможность выдавать свои групповые интересы за общие интересы населения. Для достижения собственных групповых интересов члены клики поддерживают друг друга в борьбе за власть, связывая с нею прежде всего достижение своих материальных интересов.

Случайная клика возникает на основе личных отношений и вытекающих отсюда взаимных услуг, связанных с желаниями, вкусами и причудами людей, ее образующих.

Нетрудно убедиться, что приведенная классификация во многом совпадает с ранее описанными свойствами групповых интересов. Мне неизвестны социологические исследования, в которых бы ставилась цель зафиксировать специфику проявления данных характеристик в отечественном властно-управленческом и хозяйственно-экономическом аппарате. Поэтому я буду исходить из того, что в период трансформации экономической и социальной системы России и других государств СНГ ее властно-управленческий аппарат представляет собой единство четырех типов государственных служащих, четырех экономических групп и пяти типов клик. Специфика этого единства должна быть раскрыта на федеральном, региональном, ведомственном, муниципальном и местном уровнях с привлечением всего инструментария социополитических исследований.

8.3. Норма или патология?

Властно-управленческий аппарат является причиной экономической инерции. Наиболее четко групповые интересы аппарата выражаются в его бюрократизации. Феномен бюрократии детально описан в литературе. Но ни один политический лидер СССР и ны-

нешней России не взялся за практическую реализацию рекомендаций, вытекающих из теории бюрократии. Все они ограничивались кампаниями по «борьбе с бюрократизмом», обычно для укрепления собственного аппарата власти. Такие кампании являются разновидностью политической риторики. В этом смысле поведение политиков подтверждает истинность теории бюрократии. Политикам помогают некоторые ученые, объявляя бюрократию нормальным, а бюрократизм - ненормальным явлением или предлагая изучать отношение населения к бюрократии. При этом обычно забывают, что грань между нормой и патологией в социальном бытии неуловима. Она требует постоянного уточнения, предварительным этапом которого должно быть обсуждение методологической проблемы соотношения фактов и ценностей в социальном познании и политике, соотнесенной с конкретно-историческими обстоятельствами генезиса и функций государственного аппарата в условиях данного места и времени. Без такого обсуждения квалификация бюрократии как «нормального» или «необходимого» явления общественной жизни всегда будет оставаться разновидностью произвола, который на руку любому государственному аппарату, включая отечественное «крапивное семя».

Конфликты аппарата с обществом - исходная характеристика бюрократии. Генезис этого явления вытекает из типичных реакций аппарата на явления социальной жизни. Первая реакция - минимизация ответственности, сфера которой в иерархии всегда превышает сферу контролируемой деятельности. Поэтому любая стандартизация деятельности соответствует интересам государственных служащих, поскольку она исключает неопределенность в принятии решений и снимает личную ответственность. Изменчивость среды, развитие науки и техники ведут к тому, что знания любого чиновника - от мелкого писаря до министра - не поспевают за меняющейся реальностью. Запаздывание реакции ограничивает либо исключает выбор из процесса принятия решений и служит причиной специфического канцелярского языка и поведения (общие фразы, неопределенные выражения, стремление обезопасить себя процедурами, которые исключают альтернативность).

Стремление реагировать на недостаточную эффективность аппарата умножением предписаний - такова вторая реакция чиновников на ситуацию. Ее благовидная цель - учесть «все возможные

случаи». Чиновники на высшем уровне иерархии обычно заняты разработкой норм, правил и предписаний, которые соответствуют ожиданиям представителей других уровней. По отношению к гражданам нормотворчество выполняет роль амортизатора, снимающего с чиновника личную ответственность и перекладывающего ее на анонимного творца канцелярской «мудрости». Так возникает замкнутый круг ошибок: недовольство граждан низкой эффективностью аппарата влечет за собой умножение законов и инструкций; законы и инструкции влекут за собой дальнейшую формализацию деятельности; в итоге аппарат становится «ученым невеждой», который не в состоянии решать нетипичные проблемы.

Следует отметить, что «ученое невежество» порождается всей системой современного образования. Система ценностей и институтов индустриального общества превращает правовое государство в идеал, который вынуждает рассматривать законодательную и нормативную деятельность как самоцель, независимую от социальных функций аппарата. В повседневной практике управления цели отходят на второй план. Вся система оценивания и вознаграждения служащих базируется на такой подмене, в результате чего эффективность аппарата не обсуждается и не является предметом целенаправленных изменений.

Профессиональная автономия против социального контроля - следующая характеристика аппарата. Веберовский тип бюрократии базируется на соответствии между профессиональной автономией аппарата и политическим контролем, осуществляемым над ним определенными силами и группами общества. Однако такое «соответствие» невозможно операционализировать. Если аппарат господствует над обществом, а контроля над ним со стороны общества не существует, то бюрократизация государства неизбежна. Если профессиональная автономия нарушается, происходит политизация аппарата. Профессиональная этика заменяется политическими критериями, внеэкономическими и идеологическими оценками, личными предпочтениями. Ситуация осложняется тем, что обе тенденции в различных сферах социальной жизни существуют одновременно, хотя обычно одна из них преобладает (например, в кадровой политике КПСС всегда предпочитались политические критерии профессиональным). Бюрократизация аппарата профессиональных

организаций может служить защитным механизмом от давления со стороны политических институтов.

Не менее актуальна проблема измерения степени расхождения между указаниями политиков и реальной деятельностью управленческих структур. С ней связана проблема определения степени, с какой данные структуры гарантируют и соблюдают права граждан на контроль аппарата, а с какой он навязывает им собственные «правила игры» (если занимает монопольное положение). Групповые интересы заставляют аппарат применять следующие стратегии: меняется смысл новых законов путем ведомственных инструкций, позволяющих использовать традиционно-бюрократические процедуры там, где новая политика сформулирована недостаточно строго; проведение новой политики блокируется системой исключений из правил и тенденциозным препарированием информации, которая, передвигаясь снизу вверх по пирамиде, несет сведения о результативности политических решений. Обе стратегии усиливаются при отсутствии независимых каналов передачи информации.

Неожиданные последствия прошлых решений - еще одно измерение групповых интересов аппарата. Возникает очередной «замкнутый круг ошибок»: нестрого сформулированные цели аппарата влекут за собой комплекс инструкций и правил, определяющих его структуру; ужесточение структуры влечет за собой неожиданные последствия внутри (дублирование функций) и вне («ученое невежество» в отношениях с гражданами) аппарата, для предотвращения которых издаются новые инструкции и правила. Характерно, что эта система действует как при плановой, так и при рыночной экономике.

А. Гоулднер еще в 50-х годах провел исследование индустриальной бюрократии США и показал, что управленческий аппарат, действующий в условиях рыночной экономики, переносит в нее традиционалистские методы поведения Если действия чиновника ограничиваются правилами и инструкциями, он действует на минимально ненаказуемом уровне. Управленческий персонал западных предприятий, как и наших, изощрен в чутье невидимой грани между работой, которая не вызывает административных санкций, и действиями, за которыми следует увольнение. Стремление не пере-

напрягаться – важный мотив деятельности в условиях, когда негативные санкции доминируют над позитивными.

В таких ситуациях верхушка реагирует на низкую эффективность подчи-
ненных двумя способами: умножает контролирующие инструкции либо усиливает непосредственный надзор. Такие методы пытался применить в государственных масштабах Ю.В. Андропов, что лишний раз доказывает типично бюрократический характер предлагаемой им «реформы» и эпигонский стиль его политического мышления. Усиление надзора дает понять людям, что профессиональной автономией они не обладают. В социологии организации и социологии малых групп различают два типа ситуаций: властную (когда один индивид подчиняется другому по причине его более высокого положения в иерархии) и управленческую (когда индивиды подчиняются безличным инструкциям, которые обязательны для руководителей и подчиненных).

Особенно сильно это различие проявляется в политических культурах, где эгалитарные нормы (идеалы «равенства») являются социальной и политической традицией. Чем более эта норма распространена в данной культуре
(русская культура служит примером), тем более бюрократичны властно- управленческие структуры государства. Поэтому выводы А. Гоулднера можно распространить как на мирные периоды развития страны, так и на периоды революций и социально-экономических реформ. Групповые интересы аппарата выражаются еще в одном "замкнутом круге ошибок": низкая эффективность и деятельность аппарата на минимально ненаказуемом уровне влекут за собой усиление непосредственного надзора. Надзор (ситуация власти) понижает мораль и мотивации служащих. Эгалитарные нормы способствуют переходу от ситуации власти к ситуации управления путем формализации надзора. А это еще более понижает эффективность аппарата.

Как известно, власть состоит в осуществлении выбора и принятии решений в нестандартных ситуациях, которые невозможно исключить из управленческого процесса. Они образуют сферу неопределенности, так что контролирующие получают право для навязывания своей воли. Положение последних укрепляется по мере того, как из управленческого процесса устраняются точки неопреде-

ленности. В идеальной бюрократической машине они вытесняются на вершину иерархии. Положение главного лица (или органа) укрепляется по мере того, как действия всего аппарата регламентируются. Но регламентация вершины в принципе невозможна. Вот почему она становится неконтролируемой. Стремление заменить власть управлением ведет к тому, что каждый уровень управления (поскольку он ориентирован на вершину) становится источником навязывания властной воли подчиненным. Эта тенденция тоже способствует увеличению инструкций и все большей централизации управления независимо ни от логики управленческого процесса, ни от потоков информации. Эгалитарные нормы усиливают данную тенденцию и одновременно укрепляют волюнтаризм каждого звена управления.

В индустриальном обществе сохраняются партикуляризм и привилегии различных слоев и групп, из-за чего усиливается их социальная изоляция и затрудняются коммуникации. Чем более развита социальная стратификация, тем выше степень бюрократизации всех социальных институтов. В такой ситуации представители всех социальных групп и государственных учреждений в соотношениях между собой руководствуются «моралью и солидарностью заключенных», направленной против остальных социальных групп и вышестоящего начальства. Элиминация отношений непосредственного господства и подчинения способствует культивированию авторитарной власти во всей структуре управления. Это тоже способствует групповым интересам аппарата и порождает еще один «замкнутый круг ошибок», состоящий из множества звеньев: демократические ценности и навыки порождают стремление избегать ситуации власти в пользу ситуации управления; это влечет за собой умножение инструкций и формализацию управленческих процессов и аппаратов. Те же самые ценности и навыки порождают множество политических игр вокруг уменьшения сферы неопределенности (навязывания властной воли) и связанных с нею привилегий на различных уровнях управленческих аппаратов.

В результате умножается число инструкций и растет неумение аппаратчиков учиться на собственных ошибках. Вот почему программы совершенствования административной деятельности создаются на базе минимальной эффективности. Подобная тенденция усиливается отсутствием обратных связей аппарата с социальной

средой, поскольку любое государство предпочитает содержать аппарат на "казенный кошт", а не ставит его в непосредственную финансовую зависимость от населения. Стремление к равенству и социальная дифференциация порождают изоляцию уровней внутри аппарата. Как показал Макс Вебер, демократические движения нисколько не противостоят бюрократическим тенденциям, а лишь усиливают их. Властно-управленческий аппарат может рассматриваться как носитель политического традиционализма и его главной ценности «лучше меньше работать, чем больше зарабатывать».

Конкуренция между экономическими и политическими субъектами в условиях развитого разделения труда тоже укрепляет групповые интересы аппарата. Дифференциация целей и функций социальных институтов происходит в условиях уменьшения общего количества средств, распределяемых между различными организационными структурами. Цели управленческих аппаратов всех государственных ведомств обычно формулируются пре- дельно абстрактно и слабо связаны между собой. Стремление перевести абстрактные формулы на язык конкретных программ деятельности требует раз- работки промежуточных целей. Чем больше они уточняются, тем выше вероятность их рассогласования. Вследствие дифференциации целей внимание
концентрируется на изолированных вопросах. Происходит абсолютизация задач и функций каждого звена управления и потеря представления об общих
целях. Групповая интеграция управленческой машины доминирует над внешними контактами. Одновременно разворачивается соперничество между ведомствами за средства, ресурсы и должности. Каждое ведомство заинтересовано в самосохранении любой ценой, а каждый чиновник занят решением частных задач.

Отсюда вытекает еще одно правило аппарата: сложившиеся структуры сохраняются даже тогда, когда они выполнили свои задачи и больше не нужны. Примером может быть переквалификация совпартшкол, возникших для ликвидации неграмотности коммунистической бюрократии. Они превратились в высшие партийные школы, затем в кадровые центры, наконец, в академии государственной службы при Президенте РФ.

Организационные структуры в современном обществе переполнены фиктивными функциями и должностями (Советская Рос-

сия и здесь опередила «дикий Запад»). Они нужны для того, чтобы избежать ограничений в фонде зарплаты. Создание любой новой должности ведет к росту чисто формальных действий, связанных с определением сферы и задач деятельности и обоснованием потребности в новых организационных структурах и функциях. Каждая стремится не только к самосохранению, но и расширенному воспроизводству. Отсюда вытекает рост числа подчиненных и общей численности аппарата.

Таким образом, стабилизация бюрократического аппарата дисфункцио- нальна. К его чертам можно отнести: паразитирование на социальных группах, институтах и государственных структурах; переплетение материальных интересов с вытеснением решений на вершину иерархии; преобладание групповых интересов и негативной солидарности над интересами населения страны; создание новых структур не для решения новых проблем, а для воспроизводства аппарата; стремление получить правительственные субсидии любой ценой. За любым политическим решением скрываются групповые интересы аппарата (в сфере политики цен и заработной платы, фискальной и финансовой политики государства, экономических и социальных стимулов производственной деятельности, распределении государственного бюджета). Групповые интересы государственной машины доминируют над интересами населения.

Экономическая социология, используя результаты теории бюрократии и социологии организаций, рассматривает властно-управленческий аппарат как естественный процесс, не отличающийся от других биологических процессов. Если перефразировать К. Лоренца, можно сказать: с государственным аппаратом «…дело обстоит почти так же, как с обществом крыс, которые так же социальны и миролюбивы внутри замкнутого клана, но сущие дьяволы по отношению к сородичу, не принадлежащему к их собственной партии»[286]. Сходные взгляды выражены в концепции "аутопойесиса" Н. Лумана, а также теории политического фетишизма П. Бурдье[287].

Почему же эффективность государственного аппарата не соответствует структуре социально-экономических потребностей? По-

[286] Лоренц К. Агрессия: так называемое "зло". М., 1994. С. 234.

[287] См.: Луман Н. Почему необходима "системная теория"? // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994; Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

чему частичные улучшения не меняют его сути? Почему административные реформы обычно заканчиваются крахом? Почему наиболее эффективные методы администрирования заканчивают свое существование на бумаге? Ни одна из существующих экономических систем не дает удовлетворительного ответа и потому не может считаться примером для других. Бюрократизация аппарата и организационных структур - следствие неразрешенности проблем как рыночной, так и плановой экономики.

8.4. Отражает ли аппарат общие интересы?

Речь идет о лоббизме и корпоративизме. Эти явления в отечественной социологии начинают изучаться. Но характерно, что большинство ученых исходят из возможности сочетания в деятельности государственного аппарата единичных, особенных и всеобщих социальных интересов. Предполагается, что государство способно обеспечить сочетание интересов всех социальных групп и слоев. Ранее такое предположение выдвигалось в отношении советского государства, теперь - российского. Например, Л. Абалкин пишет, что при рассмотрении внутреннего и внешнего аспектов национально-государственных интересов России «…акцент должен быть сделан на внутреннем - на осознании реальности неких общих интересов, стоящих выше интересов различных классов, социальных слоев и групп»[288]. Такая точка зрения в российской литературе является преобладающей. Верно ли она отражает реальность?

Данная точка зрения не учитывает вся гамму групповых интересов, их преобразование в бюрократические формы, усиливающие экономическую инерцию. Не учитываются также способы искажения интересов в политике и управлении: "Исследование интересов экономических (распределения материальных благ), социальных (распределения статусов) и политических (распределения власти) выглядит весьма привлекательно. Однако существуют ряд предпосылок искажения интересов в политике и управлении: сложность получения достоверной информации о механизмах распределения власти и характере ее реального использования; незримое присутствие властных интересов в других видах интересов (экономиче-

[288] Абалкин Л. О национально-государственных интересах России // Вопросы экономики. 1994. № 2. С. 5.

ских, социальных), вследствие чего ученый ограничен в возможности отличить властные интересы от экономических, выдать одни за другие. Ученый, приписывая государству функции выразителя общих интересов, не учитывает того обстоятельства, что социальный кризис в России был создан искусственно «сверху». Цель - создание благоприятных условий для первичного накопления капитала в руках номенклатуры. Она использует ссылки на общие интересы для легализации групповых интересов, создает лоббистские механизмы во всех ветвях власти: законодательной, исполнительной, судебной.

По характеру групповых интересов в литературе выделяют экономическое, финансовое, военно-промышленное, социальное и политическое лоббирование; по времени действия - одноразовое и постоянное; по властным институтам - законодательное (правотворческое - в законодательных органах, и правоприменительное - в актах применения законов), исполнительное, судебное, а также лоббирование СМИ. Существует также лоббирование политических партий и общественных движений, ведомственно-отраслевое, региональное, иностранное и национальное, причем лоббирование иностранных интересов ведется более активно, нежели отечественных»[289].

Я привел эту длинную цитату для аргументации элементарной мысли: точка зрения о существовании неких общих интересов, стоящих выше групповых и классовых, не выдерживает критики. Л.Абабкин полагает, что государство выражает общие интересы тем лучше и успешнее, чем более демократичным оно является. Так ли это на самом деле?

Убеждение в том, что демократические институты выражают "общие интересы", возникло в классической теории разделения властей, согласно которой одна ветвь власти (исполнительная, законодательная, судебная) является противовесом другой. Однако подобное толкование упрощает проблему групповых интересов, оно все более подвергается критике в современной социологии. «Понятие "противовеса сил" легко можно распро- странить на позицию левых, черных меньшинств, феминистских и экологических движений, организующих сопротивление вашингтонской администрации. Но в любом случае мы сталкиваемся с противо-

[289] Малько А. Лоббизм // Общественные науки и современность. 1995. № 4, с.60

стоянием групп инте- ресов и лобби институту разделения властей»[290]. Этот тезис Э. Макферленда можно считать ключевым для систематизации результатов исследований о противостоянии групповых интересов и лобби разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. В 60-80-е годы в западной экономической социологии и политологии было установлено: понятие «равно- весия сил», используемое в классической теории демократии для обоснования необходимости разделения власти, является метафорой и не отражает социально-политическую реальность. М. Олсон показал, что легче организовать группу, выражающую особые интересы небольшого числа людей, нежели группу, представляющую «общие интересы» многих людей: «В результате возникает общество хорошо организованных партикулярных групп интересов. На протяжении двух следующих поколений специфические группы экономических интересов начинают тормозить развитие экономики. Такое торможение обычно осуществляется путем влияния на правительство для того, чтобы оно спонсировало займы или дотации, устанавливало завышенные цены, поддерживало олигополистические рынки, ставило барьеры, ограничивающие конкуренцию внутри страны и за рубежом, или ограничивало количество товаров. Со временем рост влияния лобби со стороны групп интересов приводит к уничтожению рынков, конкуренции и замедлению темпов экономического роста. Возникает явление блокады групп интересов, свидетельствующее о застое и даже упадке экономики»[291].

Сделаю предварительный вывод: связь групповых экономических интересов с правительством через систему лоббизма ведет к замедлению и упадку экономики. Мнение некоторых исследователей о том, что лоббизм - нормальное явление общественной и политической жизни, нельзя считать корректным.

Т. Лови заметил склонность американских законодателей избегать четкой формулировки законов: «Законодатели все в большей степени предпочитают неясную формулировку законов, которая делегирует способ интерпретации административному аппарату.

[290] McFarlend A. Interests Groups and Political Time: Cucles in America// British Journal of Political Science. 1991.
№ 21. P. 34.
[291] Jslon M. The Rise and Deedline of Nations: Economic Growth Staglation and Social Rigidities. New Haven, 1982, P. 187.

Этот аппарат обладает несокрушимой склонностью толковать нечетко сформулированные законы в пользу хорошо организованных групп. Таким образом, американское правительство становится гигантской дойной коровой, которую сосут сотни организованных групп интересов»[292].

В противовес традиционной метафоре «равновесия сил» (система противовесов и сдерживаний в классической теории демократии) американские социологи разработали операциональное понятие «блокады групповых интересов» для обозначения реального процесса связи интересов с демократическими институтами: хорошо организованные группы получают контроль над политикой правительства. В результате правительство не в состоянии предложить политические изменения во имя «общих интересов» и общего блага. Причину американские социологи видят в плюрализме групповых интересов, экономических и политических элит.

Концепция «блокады групповых интересов» исходит из того, что группы с наиболее сильным потенциалом организованы лучше и стремятся контролировать действия правительства в своей сфере. Однако исследования Д. Уилсона и Д. Уолкера показали, что другие группы стремятся им проти-водействовать, снижая степень их доминирования. В настоящее время сложились две позиции: приверженцы элитаристских теорий власти подчерки-
вают тенденции, которые ведут к застою, сторонники плюралистских теорий делают акцент на противовесе групповых интересов и полагают, что благодаря ему можно избежать "блокады групповых интересов".

Теория плюрализма элит подчеркивает равновесие сил конкурирующих групп и рассеивание политической власти как важный фактор функциониро- вания демократии, отвергает существование одной-единственной властвую- щей элиты и рассматривают политику как сферу, состоящую из множества политических арен. Большинство из них контролируется так называемыми «железными треугольниками» - соглашениями между законодательной властью (комиссии и комитеты Конгресса), лоббистскими группами и правительственными агентствами. «Железные треугольники» не допускают проведение политики, представляющей «общие интересы» избирателей, парламента и президента.

[292] Lowi T. The End of Liberalism. New York, 1969. P. 58.

Если группа интересов действует во имя общего блага, то ее члены теряют мотивацию к сохранению группы. Проблема социального паразитизма обостряется по мере роста численности группы. Большие группы теряют влияние и прекращают существование. В малых группах меньше организованных расходов и социального паразитизма. Поэтому при демократическом устройстве малые группы организованы лучше и побеждают большие группы.

Широкие и неорганизованные массы податливы на нерациональное восприятие действительности. Они смешивают символы с сущностью вещей. Элиты легко манипулируют их интересами и общественным мнением путем создания демократических форм. Последние - только иллюзия того, что проблемы решаются, а правительство проводит нужную народу политику. «В противоположность этому малые группы руководствуются рациональной стратегией, нередко они защищают экономические интересы широких кругов населения»[293]. Политические интересы демократии только помогают малым группам блокировать «общие интересы». С одной стороны, общие интересы репрезентируются институтом президентства, Верховным судом и парламентом. С другой стороны, политика штатов и локальных общин и вся система административной политики не подчиняется публичному контролю президента и федеральных судов; поэтому она лучше обслуживает партикулярные групповые интересы и помогает привилегированным группам побеждать действительно «общие интересы». Иначе говоря, структура институтов демократии и идеология децентрализации лишь способствует доминированию групповых интересов. С этим связан процесс бюрократизации законодательных органов.

В 1970-е годы члены Конгресса США научились увеличивать вероятность повторных выборов благодаря реформе федеральной бюрократии, создавшей множество новых нормативных актов. Затем члены Конгресса помогли кандидатам своих штатов "пробиться" через сети норм, что увеличило их популярность. Так возник "вашингтонский истеблишмент" - коалиция групповых интересов. Вырабатывая законодательство, гарантирующее соблюдение общих интересов", законодатели создают неясно сформулированные законы, которые способствовали появлению множества подзаконных актов и бюрократических инструкций. Неясные законы дают воз-

[293] Culhane P. Public Lands Politics. Baltimore, 1981. P. 124.

можность группам интересов контролировать механизм их осуществления.

Обобщая исторический опыт, можно заключить: чем в большей степени демократические институты государства детерминируются экономическими групповыми интересами, тем больше политика становится неэффективной и не выражает общих интересов населения страны. Коалиции групповых интересов, связанные с демократическими институтами исполнительной, законодательной и судебной власти, не в состоянии проводить эффективную экономическую и социальную политику ни при рыночной, ни при государственно регулируемой экономике.

Зарубежные социологи считают: в странах Запада наступил закат плюралистической демократии. «В плюралистических обществах группы интересов обладают свободой организации без каких-либо ограничений со стороны правительства. Однако логика коллективного действия приводит к тому, что группы специфических экономических интересов побеждают группы, представляющие общие интересы широких кругов населения. Со временем это приводит к неэффективной политике правительства. Оно дотирует олигархическую организацию хозяйства и тем самым задерживает развитие экономики»[294]. Правительственные субсидии не развивают экономику, а способствуют ее олигархизации. Субсидии превращают одни группы экономических интересов в фаворитов, но за счет других: «В высокоразвитых обществах дело обстоит таким образом, что круги бизнеса и профессиональные лобби мобилизуют политические силы для принятия полезных им законов и подзаконных актов. Однако такие законы и акты, как правило, ограничивают доступ к данной сфере бизнеса или к данной профессиональной группе, ослабляют темп развития новых фирм, элиминируют конкурирующие товары и услуги, устанавливают протекционистские тарифы, замораживают цены и приводят к борьбе за субсидии из фондов, которые предназначаются для других социальных сфер и целей»[295].

Правительственная политика поддерживания привилегированных групп экономических интересов ведет к постоянному росту расходов и становится экономически неэффективной. «Железные

[294] Culhane P. Public Lands Politics. Baltimore, 1981. P. 101.
[295] Bentley A. The Process of Goverment. Cambridge, 1967. P. 44.

треугольники» также способ- ствуют увеличению правительственных расходов, в результате чего прави- тельственная бюрократия постоянно расширяется, ибо правительственные агентства сотрудничают со своими союзниками в целях увеличения их бюджета. Экономические и политические инновации в условиях демократии весьма неустойчивы, они подчиняются экономической и политической олигополии. Главным измерением политики государства становятся явные и тайные торги между экономическими элитами. Они торгуют взаимной поли- тической поддержкой для получения правительственных субсидий: «Например, представители предприятий военно-промышленного комплекса, расположенных в штате Калифорния, могут согласиться на поддержку субсидий для предприятий, строящих дома на северо-востоке страны, и наоборот. Производители молочной продукции продают свою поддержку чиновникам властно-управленческого аппарата, которые создают новые постановления в поддержку молочной промышленности, по цене голосов избирателей, поддерживающих повышение цен на молоко и т.д. В результате подобного политического торга меньшинство населения, поддерживаемое хорошо организованными группами лобби, получает кратковременную прибыль, но в итоге терпит убытки. Правительство выделяет все больше денег; возрастает дефицит бюджета, поскольку отдельные группы интересов получают налоговые льготы; экономика приходит в упадок»[296].

Из всего сказанного вытекает спорность мнения о том, что лоббизм - здоровое и жизненно необходимое явление, институт демократического представительства групповых интересов. В демократических странах лоббизм выражает кризис классических институтов демократии. Он является формой обхода данных институтов с целью влияния групп давления на управленческие решения государственных органов для удовлетворения интересов определенных социальных структур (организаций, ассоциаций, территориальных образований, слоев граждан). Россия только начинает культивировать демократические институты, одновременно заимствуя их кризисные формы. Значительно больше оснований считать лоббизм следствием переплетения групп интересов с обычным бюрократическим управлением.

[296] Petrarca M. The Politics of Interests. San Francisco-Oxford, 1992. P. 187.

8.5. Правительство и бюрократия

Состояние кризиса посткоммунистических обществ требует пристального внимания к связям между их правительствами и бюрократическими аппаратами. Правда, такие связи существуют при любых типах экономических процессов (рыночных, плановых, смешанных), в мирные и кризисные периоды развития политических систем и режимов. Однако влияние данных связей на поведение членов правительств, аппаратов и принимаемые политические решения почти не изучено отечественной социологией и политологией. Опыт "советологии" и разнообразных "восточных исследований" тоже вряд ли может быть признан репрезентативным, поскольку он был "подверстан" под полити- ческую конъюнктуру и идеологические цели стран Запада. Ситуация может быть определена афоризмом: "Правительства и аппараты есть, а программ их исследования нет". Такое положение не может считаться нормальным. Я попытаюсь систематизировать лишь некоторые аспекты указанной проблемы.

Миф о раздельности политики и управления типичен для общественного мнения, правительств, аппаратов и большинства исследований в сфере со- циальных и политических наук. В нем можно видеть влияние рационалисти- ческих и сциентистских утопий, хотя важнее подчеркнуть, что поддержка данного мифа соответствует интересам политиков, чиновников, технократов и ученых в той степени, в которой последние сращены с политическим и управленческим истеблишментом.

С точки зрения управленцев, фикция аполитичности их социальной роли позволяет им вмешиваться в социально-экономические процессы без определения меры ответственности (уголовной, моральной, политической и мировоззренческой, по типологии К.Ясперса) за каждый акт и результаты такого вмешательства. Влияние властно-управленческих аппаратов на социальные и политические процессы всегда есть цепь случайных событий. Однако она всегда претендует на "необходимость", а при желании в любой момент может быть "научно обоснована" (например, при определении социальных, технических, юридических и т.п. критериев решений во всех сферах государственной политики). В результате дей-

ствия членов аппарата воспринимаются гражданами, политиками и чиновниками как процесс применения нейтральных критериев к любому политическому и управленческому решению. Теория решений в ее рационалистической и психологической разновидности санкционирует такой "нейтралитет".

Это облегчает социальную поддержку решений, которые при демаскировке их действительного политического содержания вызвали бы противодействие со стороны общественного мнения или отдельных политических сил (конечно, в той степени, в которой они сами свободны от данной фикции).

Иллюзия автономного существования политики и управления одновременно увеличивает сферу свободы политиков, хотя за такой свободой просто скрывается уход от ответственности. У политиков всегда имеется возможность "переброски" острых социальных проблем в сферу действия аппарата. А он всегда свободен от объяснения своих действий перед избирателями в следующих выборах (феномен специфической "гордости" чиновников от того, что они "пережили" или "пересидели" многих начальников частично объясняется этой свободой). Политики всегда пытаются прямо или косвенно влиять на решения неполитических институтов. Но одновременно имеют возможность скрыть свою позицию, которая тем более существенна, чем более остра та или иная социальная проблема. В результате данных процедур функции правительства освобождаются от публичного и политического контроля путем передачи их в сферу деятельности "независимых" комиссий, научно-технократических элит и т.п. Другие политические силы тоже заинтересованы в сохранении мнимой нейтральности аппарата. Она даже может приобретать ранг особых законов о государственной службе. Благодаря трансляции таких интересов и законов, а также связанных с ними представлений, новые лидеры и правящие группы тоже освобождаются от социального и политического контроля в предположении, что решения аппарата соответствуют "общим интересам" населения страны, фрагментированным в соответствии со структурой правительственных дел и вертикально-горизонтальными звеньями управления.

От этой иллюзии не могут освободиться как закордонные, так и отече- ственные ученые, работающие в веберовской парадигме различия этосов "политика" и "бюрократа" и вытекающей из данного

различия идеи о "рациональности" бюрократии, государственной службы, управленческого аппарата и т.п. Веберовскую концепцию сегодня пытаются применять для обсуждения проблем политической трансформации России, включая проблемы социального управления. Однако веберовское разделение политических и административных (бюрократических) функций оставляет политиков и правительство "один на один" с прежними и новыми методами давления со стороны групп интересов, лобби и клик. Последствия такого давления тем более разрушительны, чем менее предвидимы. Иногда они толкуются даже как "норма" политических процессов. Однако чем менее фиксируется влияние корпоративно-групповых интересов на выработку и проведение политики, тем труднее ее контролировать с помощью всей системы демократических институтов. Не случайно по мере экспансии политики во все сферы общественной жизни все чаще раздаются голоса о кризисе и бесплодности политики как сферы деятельности. Причем такие мнения высказываются теоретиками и философами совершенно противоположных направлений.

Например, основатель концепции информационного общества П. Дракер пишет о кризисе современного государственного управления во всех индустриально развитых странах: «Вопрос о функциях и функционировании правительства должен стать центральным как для политической мысли, так и для практической политики. Мегадержава (тип государства, который был реализован в нынешнем столетии) - как в тоталитарной, так и в демократической версии - уже продемонстрировала свою неэффективность. Она не выполнила ни в одной стране ни одного из своих обещаний. Действия же правительства через уравновешивающий механизм лоббирования не являются ни эффективными, ни привлекательными. Фактически нынешние правительства парализованы»[297]. Сходные идеи формулируют традиционалисты (Р. Генон), неомарксисты и феноменологи (Ю. Хабермас, П. Рикер), представители миросистемной теории (И. Валлерстайн, Н. Луман) и др.

Эти замечания нисколько не исчерпывают критических аргументов по адресу мифа о раздельности и независимости политических и управленческих решений. Но причины его "убедительности"

[297] Дракер П. Эпоха социальных трансформаций // Современность. 1996, № 11, с. 57.

тоже нуждаются в специальном исследовании, которое, я думаю, не может обойтись без констатаций существующего положения дел.

Типология правительственной активности. В соответствии с существующей в социологии классификацией можно выделить два типа правительственной деятельности:

1. Активность, направленная на учет и взаимосвязь внешних и внутренних условий деятельности правительственных агентств на федеральном, региональном и местном уровнях. Главная цель такой активности - не служение неким "общим интересам", а выработка политики сохранения данного агентства любой ценой. Активность госаппарата в целом направлена на перевод всех форм влияния на мнимонейтральный язык государственных документов (законов, указов, инструкций, "научных рекомендаций" и т.п.). "Высчитать" соотношение общих, групповых, корпоративных, ситуационных, личных и иных интересов в каждом документе и всей их массе практически невозможно. Причем субъектами и объектами внутреннего и внешнего влияния выступают все ведомства одновременно.

2. Активность, направленная на формализацию деятельности аппаратов различных уровней. Правительственные функционеры взаимодействуют с официальными и неофициальными участниками политических процессов. Само это взаимодействие обычно регламентируется и редко совпадает с важностью социальных проблем. "Текущие вопросы" в деятельности любого агентства всегда оказываются важнее принципиальных, по которым не может быть однозначных решений. Неформальные группы давления на правительство могут иметь квазиофициальный статус (разнообразные группы "советников", "президентских команд" и т.п.), а поведение членов аппарата в целом и отдельных уровней диктоваться его групповыми интересами.

Способы взаимодействия правительства с официальными и неофициальными группами, структурами и лицами, легитимизация данных способов и шансы влияния на реальный политический процесс всегда есть случайная величина, которая, однако, всегда выступает в упаковке "государственных интересов", "интересов нации", "государственной необходимости" и т.п. политического и идеологического жаргона. Тем важнее подчеркнуть нетождественность интересов общества, государства и правительства во всех

сферах правительственной активности. Все попытки их отождествления и "теоретического" обоснования я бы предложил называть квазиполитикой.

В общем виде квазиполитика есть мера влияния аппарата на политические решения. В ее составе можно выделить:

1. Служебные отношения между главой любой структуры государственного аппарата и подчиненными ему чиновниками. Сущность этих отношений уже описана в литературе: "Отягченные множеством давлений со стороны различных групп и политических институтов, а также обязанностями по руководству разветвленными бюрократическими аппаратами, министры и другие члены правительства в современных государствах не в состоянии охватить и понять новые и острые социальные проблемы, в том числе информацию, необходимую для принятия решений" [3]. По этой причине деятельность современных правительств становится все более символической, а большая часть решений принимается после консультаций с высшими чиновниками или вообще делегируется на их уровень. Так обеспечивается анонимность политических решений. В современных политических системах это явление стало универсальным.

2. Перетягивание государственного бюджета в свою пользу, доказательство необходимости, легитимности, социальной ответственности данного агентства, поскольку остальные обычно стремятся ограничить его бюджет и автономию.

3. Готовность государственного аппарата реагировать на множество корпоративно-групповых интересов, особенно если они выражены на вершине правительственной иерархии.

4. Влияние на общественное мнение при помощи рекламы, пропаганды позитивного имиджа лица или конторы, "заказных" научных исследований, юридических разработок и т.п.

Следует подчеркнуть, что в современной России большинство теневых кабинетов, политических партий, оппозиционных движений считают квазиполитику единственно возможным видом политики. И потому стремятся получить как можно более мест в правительстве и государственном аппарате. Классический постулат М. Вебера "Государство - лишь одна из сфер проявления политического" пока еще не усвоен ни массовым и политическим сознанием, ни большинством представителей юридических и социальных наук.

Тем важнее присмотреться к неформальным способам влияния на политический процесс.

От правового к неправовому взаимодействию. В современных политических системах отношение между корпоративно-групповыми интересами и бюрократическими аппаратами во многом остается ключевым. На одной стороне существуют правительственные агентства, представляющие "авторитет" и "беспристрастие" государства, на другой - группы интересов. Взаимодействие между ними может быть обоюдовыгодным, хотя общество в целом от него страдает. Наибольшее влияние групп интересов на бюрократию отмечается как раз в тех странах, в которых положение бюрократии было и остается высоким. Позитивное отношение общества к ней облегчает выработку позитивной политики в отношении групп интересов. Законодательная и исполнительная власть обычно конкурируют между собой в стремлении монополизировать выражение и реализацию групповых интересов.

Бюрократия никогда не действует как единая группа. Она состоит из множества лиц, уровней и структур, интересы которых могут совпадать (не совпадать) с интересами различных групп населения. Эта возможность увеличивается, если группы интересов действуют эластично и на протяжении длительного времени. Бюрократия нуждается в поддержке со стороны групп интересов, рассчитывая на их связи с другими участниками политических процессов и информацию, необходимую при разработке и пропаганде правительственных программ. Группы интересов считают бюрократию главным каналом влияния на принятие и реализацию политических решений в свою пользу. Динамика взаимных потребностей при одновременном росте несогласованности и несовместимости различных видов государственной власти объясняет феномен солидарности между бюрократией и группами интересов.

Если судить по опыту демократических стран, в составе правового взаимодействия между правительством и группами интересов можно выделить: корпоративизм (неокорпоративизм); консультации и соглашения; использование групп интересов как средства реализации государственной политики.

В нашей стране преобладает государственный корпоративизм в ущерб социальному. В результате правительство санкционирует монополию отдельных групп интересов на политические решения,

ограничивает доступ идей, концепций и информации к административным аппаратам и использует группы интересов как средство социального контроля в ситуациях угрозы для политики правительства. Консультации и соглашения не гарантируют учет интересов общества, а только доступ отдельных групп к процессам принятия решений (т.е. к обычной бюрократической рутине). Вмешательство правительства на всех этапах рассмотрения всех социальных и политических вопросов способствует их бюрократизации. В результате корпоративизм (макро-, мезо- и микро-) все более становится альтернативой традиционным политическим институтам демократии - выборам и парламенту. Государственная Дума уже давно стала его носителем. Если армия, церковь и сама бюрократия используются как средство реализации государственной политики, то это способствует маскировке социального паразитизма (в смысле Т. Веблена) данных институтов.

Главное следствие правового взаимодействия между группами интересов и правительством - перераспределение государственного бюджета и других активов. Если аппарат занимается таким перераспределением, то он обычно стремится осуществить его за счет других социальных групп, исключив себя из этих процессов. Аппарат маскирует собственные интересы с помощью разнообразных процедур и идеологем (использование научно-технических знаний только в том объеме, в котором они позволяют "обосновать" то или иное решение с одновременным исключением конкурирующих концепций; допуск к процессам принятия решений конкурирующих групп для того, чтобы можно было обосновать любое решение; использование классических концепций "государственных интересов", "суверенитета", "социального консенсуса" и пр. в изменившейся социальной реальности; покупка научных титулов и званий для придания большего веса обычным административным решениям). Разобраться в комбинации таких идеологем и процедур просто некому в каждом конкретном случае и решении, тем более что законодательный процесс в России тоже является разновидностью корпоративизма (три поколения советских юристов сложились в условиях господства государства над обществом, власти над правом; поэтому юридический корпус современной России в отношении к обществу обычно руководствуется властным нормативизмом).

Если правительство не может проводить в жизнь решения о перерас- пределении, оно передает эту функцию группам интересов и региональным "командам", используя для легитимизации концепцию "самоуправления" в ее земском или социалистическом исполнении. При этом забывается, что земство в России не смогло предотвратить революции, а "самоуправленческий социализм" в Югославии привел к национальной гражданской войне. Однако переброска права на решение группам интересов и региональным командам обычно не сопровождается ликвидацией центральных правительственных агентств.

Они всегда стремятся сохранить за собой роль "наблюдателя", "посредника", "эксперта", "третейского судьи" и тем самым уйти из зоны социальной критики и роспуска. Если группы интересов монополизируют в своих руках специальную информацию и экспертизу (примером могут быть группы врачей и юристов в США, состоящие преимущественно из евреев - от 30% до 50% в отдельных штатах), то "самоуправленческие процессы" могут стать монополией одной нации. Этот процесс в странах СНГ набирает силу, а в России его региональные эквиваленты пока маскируются соображениями о "субъектах федерации".

Клиентелизм - следующий этап и тип движения на пути от правового к неправовому взаимодействию между группами интересов и правительством. Клиентелизм - это неофициальное признание аппаратом "законного" влияния определенных групп интересов на политические решения в отличие от его правовой легализации. Отношения клиентелы тоже сужают информацию о социальных интересах путем приведения ее в соответствие с мнениями различных групп и лиц в правительстве, которые пропагандируют данные мнения через СМИ. Клиентелизм особенно характерен для стран, в которых сильны традиции авторитаризма. В этом случае бюрократия признает только те группы интересов, которые традиционно находятся под опекой правительства, а иногда и могут составлять его социальную базу (ВПК и аграрный сектор).

В результате развития клиентелизма падает способность связанных с правительством групп выполнять информационные и политические функции в общественной жизни, происходит деполитизация и бюрократизация социальных интересов. Клиентельный симбиоз правительства и групп интересов направлен на создание

"естественных" и искусственных групп поддержки правительства, сохранение контроля над политическим процессом и решениями, упрощение социальной среды в соответствии с ее бюрократическим видением. Этому видению социальной реальности в значительной степени способствуют такие направления социальной, правовой, экономической и политической мысли, которые рассматривают общество и его модификации (семья, группа, этнос, нация, государство) как надындивидуальные образования[298]. Тем самым внутри социальной науки создаются, так сказать, "теоретические" предпосылки для интеграции определенной части научного сообщества с бюрократией и правительствами, хотя ученые об этом обычно не задумываются.

В западной социологии и политологии продолжается спор о том, насколько клиентелизм есть универсальное явление индустриальных и постиндустриальных обществ. Однако общая тенденция просматривается без особого труда: управленческие функции государства все более вытесняются клиентелизмом и самоуправлением (неолиберализм, например, делает особый акцент на "соседские общины"; неосоциализм - на "социальное государство" и т.п.). Тем самым деятельность правительств все более лишается смысла. Из-за этого они максимально заинтересованы в таких идеологиях, которые бы доказывали наличие неких общих "государственных" или "национальных" интересов при любом столкновении с групповыми интересами. "На протяжении XIX-XX вв., - пишет Д. Ружемон, - произошло присвоение национального идеала государственным аппаратом, и национальное государство дождалось сакрализации. Культ этатизированной родины стал единственным абсолютом, от имени которого руководители государства могут издавать указы. Централизованное и объединенное национальное государство таким образом прибегает к власти традиционных империй, несмотря на то, что не обладает ни характерным для них этническим и языковым плюрализмом, ни универсальным характером. Оно стало частью, которая стремится к величию целого. Современное единое и абсолютное национальное государство есть не что иное, как неудачная империя. В этом и заключается главная истина двадцатого

[298] См.: Капустин Б.Г. "Национальный интерес" как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996, №3.

века - эры наций"[299]. Следовательно, взаимосвязь национальных идеологий с бюрократическим видением социальной реальности становится крайне актуальным - с теоретической и политической точек зрения - аспектом исследования.

Правительства обычно пользуются идеологемой "общих интересов" для маскировки своих групповых интересов. Поэтому деятельность правительства направлена на поддержку таких групп, которые заинтересованы в существовании и пропаганде данной идеологемы (она может приобретать и геополитический характер, как показывает пример неожиданной популярности "евразийской" идеологии). Идеологема "общих интересов" переплетена с существованием правительства, поскольку его отождествление с государством было и остается стереотипом массового политического сознания и большинства эшелонов политической мысли. В результате практического воплощения данной идеологемы происходит приватизация государственной власти. Этот процесс является функцией политических стратегий аппарата, отдельные агентства которого находятся в состоянии постоянной борьбы между собой.

Если учесть, что ни у одного правительства мира нет точных, эффективных и справедливых методов распределения финансов и ресурсов (под каждый метод может быть подведена соответствующая концепция и идеология развития)[300], то распределение в пользу одних ведомств и сфер социальной жизни всегда вредит населению страны в целом. В этом, на мой взгляд, и состоит реальный смысл идеологемы "общих интересов".

Группы интересов придают "смысл" деятельности правительства, а его фрагментация способствует росту клиентелизма. Каждое министерство стре-
мится добиться поддержки в проведении такой распределительной и финансовой политики (внутри страны и в международных связях), которая соответствует его интересам. В результате усиливается противоборство между участниками борьбы за распределение бюджета и других социальных благ. Не надо доказывать, что участники этой борьбы сосредоточены в "столицах", которые на определенном этапе развития могут совершенно оторваться от страны и

[299] Ружемон Д. Открытое письмо к европейцам. Париж, 1970, с. 137.
[300] См.: Неклесса А. Контуры Нового мира и Россия: геоэкономический этюд //Знамя. 1995, № 11.

превратиться в автономное образование. Старый спор между столицей как местом кормления монарха и столицей как центром государства в современной России неожиданно актуализировался. В столицах возникают также "триады сил" или "железные треугольники" - блоки правительственных агентств, парламентских комитетов и лобби. Эти блоки либо стремятся обойти демократические институты, либо использовать их в собственных групповых интересах. Причем, ВПК и другие комплексы, церковь и региональные органы власти, сложившиеся в советское и продолжающие вегетатировать в постсоветское время, всегда оказываются в выигрыше, подчиняя себе большую часть электората. Им способствуют поверхностно мыслящие ученые, предлагающие называть отечественный лоббизм "нормальным явлением" политической жизни России[301].

Парантелизмом принято называть кровно-родственные, земляческие и кланово-этнические связи между группами интересов и правительством. Этот тип взаимодействия еще больше отдаляется от правового и типичен для обществ XX в., переживающих период модернизации, в которых одна партия или армия господствуют в политической системе. Речь идет о коммунистических и посткоммунистических странах, большинстве стран Африки, Азии и Латинской Америки, в которых групповые интересы определяются связями с правящими структурами партии или армии, а не связями с определенными сегментами экономики и общества. Если в политических системах доминирует партия или армия, то парантелизм становится просто дополнительным средством контроля экономической и социальной жизни. Это обеспечивается спонтанным стремлением "местных Дюруа" вступать в брачные или близкие связи с семьями вершины политической иерархии, включением некоторых групп интересов в правительственную бюрократию. В этом случае новые группы интересов и политические партии образуются лишь тогда, когда они согласны с явным или закулисным контролем гегемонистской партии, клана, группировки.

[301] См.: Лоббизм в СССР: этапы большого пути // Социологические исследования. 1996, № 3-4; Малько А. Лоббизм // Общественные науки и современность. 1995, № 4.

Тем самым происходит усиление контроля над аппаратом во всех направлениях государственной деятельности. В наибольшей степени парантелизмом поражены опять-таки столицы.

Поведение групп, вовлеченных в парантельные отношения, становится функцией официальной идеологии и программы господствующей партии. Она может быть "левой" или "правой", но в любом случае стремится сохранить за собой распределительную роль или же наделить такой функцией зависимые от нее группы в правительстве. Ресурсы, финансы, блага и услуги постоянно перераспределяются между "своими" группами, которые поддерживают правительство, но перед общественным мнением выступают как "представители" интересов тех или иных сегментов экономики и общества. Парантелизм смыкается с государственным корпоративизмом, влияет на законодательную и нормативно-распорядительную политику и формирует информационные процессы в соответствии с давлением сверху.

Наконец, неправовое взаимодействие между правительством и группами интересов существует в двух основных формах: как функция политической системы, если отсутствуют возможности политической дифференциации групп населения; как функция групп интересов, если их право на представительство сфер экономической и социальной структуры не сформулировано в виде закона. Но в обоих случаях признание "законности" тех или иных интересов остается монополией правительства, из-за чего группы интересов тоже формируются по властным, а не правовым критериям.

В состав неправового взаимодействия между группами интересов и правительством входят корпоративные, клиентельные и парантельные отношения, поскольку их невозможно регламентировать. Само появление групп интересов свидетельствует о властном, а не правовом характере способов удовлетворения потребностей экономической и социальной структуры, из-за чего граждане вынуждены постоянно выходить за рамки закона и обусловленной им политики (использование насилия против правительства). Причем, произвольные исключения определенных социальных групп из процессов давления на правительство существуют и в "открытых" политических системах: «Например, в США существует сильная традиция влияния групп интересов на аграрную политику правительства. Но в 1970-е гг. одна из них - Национальная организация

фермеров - по чисто практическим соображениям была квалифицирована как "незаконная". В результате ее члены на тракторах вторглись в Вашингтон и окружили Белый Дом. Если политическая система не только игнорирует, но и стремится подавить активность групп интересов, фрустрация может быть значительно сильнее, а неправовое взаимодействие стать источником существенных изменений»[302].

Но если даже неправовое взаимодействие приносит успех тем или иным группам, это лишь увеличивает перераспределительную роль правительства и государственной администрации. Характерно, что в концепциях "нового индустриального общества" (Д. Гэлбрейт и др.) специфика современной политики усматривается именно в перераспределении! Так возникает "замкнутый круг" современного этапа политического развития: чем более государство довлеет над обществом, тем более социальные группы стремятся модифицировать перераспределительную политику; это стремление лишь увеличивает сферу неправового взаимодействия между группами интересов и правительством, одновременно усиливая социальную роль правительства и бюрократии.

Попытка синтеза. Для оценки ситуации в посткоммунистической России важно подчеркнуть, что корпоративные, клиентельные и парантельные отношения между группами интересов и властью свидетельствуют о стабильности системы социальных интересов и институционализации политического влияния групповых интересов. При неправовом взаимодействии это влияние эпизодично. Однако ни одна форма взаимодействия между групповыми интересами и властью не содержит и намека на некие "общие интересы". Правительство и государственная администрация тоже не являются ни выразителем, ни носителем "общих интересов". Следовательно, они не могут быть выражены целиком и в существующем законодательстве.

Правовое взаимодействие между группами интересов и правительством предполагает свободный доступ к политическим процессам. Любые ограни- чения в этой сфере, а также кризис классической концепции "гражданина" (в современных демократических го-

[302] Хадвингер Д. Старое, новое и генезис министерства сельского хозяйства США // Паблик Администрейшн Ревью. 1986, № 36, с. 76.

сударствах "граждан" просто нет, поскольку лишь 10-20% населения интересуются политикой) понижают вероятность отражения в правительстве "общих интересов" населения. Правовое воздействие на правительство тоже не является достаточным условием их выражения. Торги между групповыми интересами более благоприятствуют выявлению "общих интересов", однако любая форма доминирования групповых интересов на любом уровне власти превращает экономическую и социальную политику в частную (приватную) политику доминирующих групп, интересы которых переплетены с интересами государственной администрации. В результате проблема соотношения политики и права в современном политическом процессе обостряется до предела, но Государственная Дума пока не собирается стать "долгим парламентом" и обсудить все аспекты данной проблемы.

Предварительно заметим, что движение от правового к неправовому взаимодействию между группами интересов, администрацией и правительством есть процесс появления незаконных и нелегитимных групповых интересов на любой стадии и в любой властно-управленческой структуре. Их роль возрастает по мере роста диапазона групповых интересов. Но если эту меру определяет правительство (а оно пока не собирается отказаться от регламентации электоральных процессов в свою пользу), оно тоже становится особой группой интересов, в которой переплетаются все указанные отношения. Следовательно, групповые интересы играют особую роль в посткоммунистической России, подрывая стабильность ее политической системы. Любая форма группового воздействия на государственную администрацию не имеет больших шансов на успех. Но их накопление привело к кардинальным изменениям политической системы России без изменения социальных и политических функций правительства и бюрократии. Эти, так сказать, "субъекты" обслуживают самое себя!

Появились первые публикации, подтверждающие этот вывод. Я. Станишкис усматривает сущность посткоммунизма в том, что личные связи здесь не являются результатом ограничения государства, а наоборот - кульминационным процессом организации централизованной власти. В этом случае образование специфической корпорации из экономических и профессиональных элит и среднего уровня государственной администрации служит укреплению поли-

тики государства и удерживает состояние раскола и атомизации общества. Сходные мысли высказывает В. Пастухов[303]. Проблема, видимо, заключается в сведении воедино множества эмпирических исследований электорального и политического сознания, квазипарламента и квазипартий современной России, а также идеологем (консервативной, либеральной, социалистической), существующих в гибридной форме и пытающихся через средства массовой информации и журналистский корпус заполнить духовный вакуум посткоммунистического пространства. В. Ойкен давно обратил внимание на сходство правительств и властно-управленческих аппаратов стран, принадлежащих к различным социальным системам. На этой основе можно сформулировать рабочую гипотезу социополитических свойств групповых интересов властно-управленческого аппарата современной России. Эта гипотеза является попыткой синтеза современных теорий групповых интересов (социального порядка и конфликта, неожиданных последствий, обмена, ангажированности) с разработанной мной теорией бюрократии, политической оппозиции и легитимности.

Групповые интересы аппарата были и остаются связанными с корпора- тивными интересами правительства. Стремление получать субсидии из госу-
дарственной казны, одновременно используя древние и новые методы "доения" рабочего места, ведет к асоциальному поведению групп интересов, возникающих внутри аппарата. Эти группы не отличаются стабильностью, но и не руководствуются мотивом смягчения социальных конфликтов. Групповые интересы порождают и усиливают тенденцию социального паразитизма. Она укрепляется в той степени, в которой члены групп руководствуются материальными интересами. Политическая активность нынешней администрации России есть случайная величина групповых интересов аппарата, а связанных с ними лоббистских групп - следствие группового паразитизма. Чем больше властно-управленческий аппарат формируется по национально-этническим и региональным признакам, тем больше в нем доминируют своекорыстие и административные мо-

[303] Станишкис Я. Посткоммунизм: попытка социологического анализа. Препринт; Пастухов В. Парадоксальные заметки о современном политическом режиме // Про эт Контра. 1996. осень.

тивы поведения, освобождающие от ответственности перед обществом.

Давно известно, что стремление занять руководящие посты в структурах управления, а не создавать материальные и духовные ценности, выражает мелкобуржуазную ментальность и характерно для генезиса групп в фашистском движении (В. Райх, С. Липсет). Это стремление опирается на длительную традицию переплетения власти с собственностью в царской, советской и нынешней России. Ни одно из направлений политической мысли России еще даже не поставило задачу разорвать власть с собственностью. Сохранение властно-управленческих структур под флагом их "реформирования" есть следствие данной традиции и ее усиления в новых условиях.

Группы интересов в аппарате сращены с политическим истеблишментом и идеологизированы. Идеологизация аппарата тем больше, чем больше его члены руководствуются материальными интересами. Группы, существующие в нем, испытывают наибольшую потребность в идеологии, маскирующей их групповые интересы. Этим объясняются нынешние призывы к созданию «новой идеологии». Под таким углом зрения можно рассмотреть идеологические гибриды, распространенные в современной России: «евразийство», «атлантизм», «русская идея», «национально-государственная идеология», «интегративная идеология» и пр. Их связь с различными эшелонами столичной и региональной бюрократии, а также влияние на тематику и структуру всей системы социальных наук нуждается в особом исследовании.

Глава 9.
Производство свинины и господство над структурами

Эта проблема уже осознана. Например, бывший выпускник Ростовского университета, затем спичрайтер Л.И.Брежнева и сотрудник ЦК КПСС А.Бовин пишет: «Я не был палачом и не был жертвой. Но я был неотъемлемой частью того большинства, молчание которого сделало возможным появление палачей и жертв… Как ни ужасна правда, которая открыта нам, правда, которая еще не открыта, вернее, открыта не полностью, наверное, во сто крат ужаснее»[304]. Что же это за скрытая ужасная правда? Этот вопрос не в моей компетенции. Буду руководствоваться парафразой, извлеченной из книги И.С.Кона: как научиться работать над темами, которые не могут быть использованы государственным аппаратом для укрепления своей власти?[305] Обобщу некоторые свежие публикации, посвященные вершине власти.

Попутно попытаюсь свести воедино несколько направлений моей читательской и исследовательской практики для дальнейшей аргументации когнитивного сопротивления интеллектуально-политическим модам. Как было показано, теория модернизации, культурно-цивилизационный подход, историософия и глобалистика являются результатом воздействия на научное сообщество экстранаучных интересов и институтов, для которых истина не является главной ценностью. То же самое можно сказать о теории элит. В СССР теория элит считалась выдумкой буржуазного обществоведения. В нынешней России распространены убеждения: элиты в стране есть; члены государственного аппарата относятся к элите. Но с этим согласны не все.

[304] См.: Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003, с.118
[305] См.: Кон И. 80 лет одиночества. М., Время, 2008, с.136

9.1. Тройка несогласномыслящих

Д.Эпштейн считает, что нынешних правителей страны можно считать элитой, если методологией решения вопроса взять брошюру «Совхоз «Элита» - высокорентабельное хозяйство», изданную в 1958 году[306]. Вывод Д.Эпштейна таков: отборные свиньи и нынешние российские элиты – одно и то же.

В исследовании Левада-Центра на основе применения всех социологических методик (включая интервью с представителями власти) доказано: профессиональные элиты в России были всегда, но политических элит не было в СССР и нет в современной России; были и есть квазиэлиты, которые негативно влияют на все сферы социальной, экономической, политической и культурной жизни России[307].

По мнению Ж.Т.Тощенко, квалификация современного руководства России как «элиты» есть очередная мода. Обычно в состав так называемых «российских элит» включают три группы: бывшую партгосноменклатуру; теневиков; искателей богатства и славы. Ни одну из этих групп нельзя назвать элитой. Ж.Т.Тощенко полагает, что элита – это не обладание властью, а служение национальным интересам в международном и внутреннем смысле; патриотизм и гражданственность; высокий интеллектуальный уровень; преемственность. Ни одного из этих качеств у современной власти нет. Отсюда Ж.Т.Тощенко делает вывод: элит в СССР/России не было и нет; страной правят клики[308].

---

[306] Этот совхоз снабжал свининой Омскую область и выставлял экспонаты на ВДНХ: «Кропотливая работа над имиджем элитных экспонатов начиналась задолго до их вывоза в столицу. Особый контингент «Элиты» уже с раннего детства отделялся от основного свинопоголовья. Воспитанники содержались в особом хлеву улучшенного типа с отдельным выгульным двориком. Богатейшая спецкормокухня готова была круглые сутки удовлетворять непрерывно возрастающие потребности спецконтингента. «Режим неограниченного кормления» - вот как называлось ноу-хау «Элиты». А после ударного откорма – долгая счастливая жизнь в монументальном павильоне «Свиноводство». Его парадный подъезд по обеим сторонам украшен барельефными портретами представителей элиты – дородных, вальяжных, даже величественных. С таким пиететом в советские времена изображали только вождей. Наша элита ничем не хуже». Эпштейн Д. Совхоз «Элита» // Отечественные записки. 2005, № 5, с.293-294

[307] См.: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России. М., 2007

[308] См.: Тощенко Ж.Т. Элита? Кланы? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правил нами? // Социс. 1999, № 11, с.123-133.

Приятно, что коллеги развивают идеи, которые я сформулировал «на заре» отечественного бума на элитологию. Я давно считаю, что принадлежность к правительству и аппарату управления не может быть критерием элиты, а влечет за собой персональный (групповой) эквивалент социального паразитизма и политического отчуждения. Для обозначения вершины и остальных уровней властных аппаратов более уместен социологический смысл термина *клика*[309].

Клика – это малая группа в рамках больших социальных групп. Она возникает стихийно, принадлежит к неформальным связям, которые существуют в рамках социальных и институциональных структур. Клики стремятся с помощью явных и скрытых действий так сформировать структуры, чтобы занять в них господствующее положение и получить наибольшую материальную пользу. Цель клики - полное господство над структурой без ее изменения.

Ранее были описаны типы клик, существующих во властно-управленческих аппаратах. На этой основе можно изучать симбиотические, паразитические, защитные, агрессивные и случайные типы клик в государственном аппарате СССР/России, на вершине иерархии и на местах, в главных и второстепенных государственных ведомствах. Эта работа уже проделана. В свежей книге российский социум квалифицируется как кликократия[1]. Под таким углом зрения можно писать историю Российской империи/СССР/Российской Федерации как историю своего хутора. Хутора потому, что мне неизвестны работы, в которых бы доказывалось: политическая история СССР/России свободна от всех перечисленных типов клик и связанных с ними отношений.

Для аналитических целей я предлагал разделить коллектив и клику по следующим критериям: коллектив реализует цели на основе норм морали и права; клика движима своекорыстием и властолюбием, но избегает явных нарушений уголовного кодекса; клика объединена на основе господства-подчинения как мнимо-объективной связи, которая направлена на достижение ее целей; члены коллектива связаны социальной, моральной, политической или идейной солидарностью; клика имеет иерархическую структуру, хотя она не всегда заметна и обычно переплетена со способом

[309] См.: Макаренко В.П. Социальная структура: явные и скрытые элементы. Ростов-на-Дону, Логос, 1992

возникновения и принципами данной организации; коллективы обладают публичной структурой, которая вытекает из организационных схем. Указанные характеристики связывают клики с мафиозно-гангстерскими и родственно-земляческими группировками.

Я уже обращал внимание на то, что не только аппарат КПСС (как считалось во время перестройки), но и главные государственные ведомства (обороны, МВД-КГБ, иностранных дел), а также их возрастные когорты (так называемые «ветераны» - т.е. пенсионеры всех перечисленных ведомств) являются предпосылкой авторитарно-бюрократических тенденций революций и реформ[310]. Это предвидение целиком подтвердилось: современный режим в России является авторитарно-бюрократическим, в котором силовые структуры играют первую скрипку[311].

Итак, у читателя возник выбор: примкнуть к большинству и полагать, что политические элиты в России есть; или считать их свиньями, квазиэлитами, кликами. Если читатель реализует первый вариант, ему придется промусолить 2310000 сайтов, которые висят в данный момент в Рунете на тему политических элит России. На худой конец прочесть книгу одного из членов советской элиты, которого кремлевские жители назвали «примкнувшим», а он даже на старости лет сам себя определяет наоборот[312]. Если же читатель заинтересуется мнением несогласномыслящих, ему придется двинуться в библиотеку и вместе со мной прочесть всего пару-тройку книг, чтобы вникнуть в проблему.

9.2. Проблематизация

Я же оттолкнусь от статьи Б.Г.Юдина. Он отмечает, что сегодня под влиянием успехов биологии в массовом сознании преобладает взгляд: генетические, а не социальные детерминанты играют ключевую роль при объяснении природы и поведения человека. Происходит массовое «обращение в генетическую веру». На этой почве место социальных утопий заняли утопии индивидуальные. Объектом индивидуальных утопий является будущее самого уто-

[310] См.: Макаренко В.П. Революция и власть: размышления политолога. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1990

[311] См.: Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. М., ОГИ, 2012

[312] См.: Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., Вагриус, 2001

пающего, его детей и близких: «Вожделения направляются на такие объекты, как крепкое здоровье, способность добиваться высших достижений в тех или иных областях деятельности, комфортная, счастливая, активная (в пределе – бесконечная) жизнь… Неисчерпаемым источником, питающим утопическое мышление наших дней, являются биологические науки, и прежде всего – генетика»[313].

В этом контексте Б.Г.Юдин обсуждает проблему возобновления истории. Например, Ф.Фукуяма в книге «Наше постгуманистическое будущее: последствия биотехнологической революции» описал четыре биотехнологических пути к постчеловеческому будущему: расширение знаний о мозге и биологических основах человеческого поведения; нейрофармакология и манипулирование эмоциями и поведением; продление жизни; генетическая инженерия. Все эти пути ведут к возрождению евгеники на индивидуальном уровне. Распространение психотропных препаратов в США демонстрирует три мощных тенденции: желание людей как можно больше медикализировать свое поведение с тем, чтобы снизить ответственность за свои действия; давление экономических интересов; расширение сферы терапевтических воздействий: «Никто, никакая тоталитарная власть, - пишет Б.Г.Юдин, - не загоняет людей в этот новый мир. Он будет (если будет) построен путем свободных решений, множества актов свободного и добровольного выбора, осуществляемых самими людьми»[314]. Одним из вариантов решения этой проблемы становится конструирование человека[315].

---

[313] Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв.ред. Удумян Н.К. М., Наука, 2004, с.263-264

[314] Юдин Б.Г. Указ.соч., с.272

[315] «Некоторое время назад, - пишет Б.Г.Юдин, - мне стало известно о таком факте, имевшем место в Москве. Группа достаточно состоятельных родителей обратилась к психологам с предложением подготовить специальную образовательную программу для школьников. Родители обеспокоены тем, что существующая в России система образования воспроизводит детей с определенным набором личностных черт, таких как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства. По мнению этих родителей, дети с такими чертами личности будут недостаточно приспособленными и успешными в будущей самостоятельной жизни, где необходимо проявлять противоположные свойства… Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с проектом создания молодых людей с заранее заданными личностными свойствами. Только в этом случае речь идет не о биологическом или генетическом, а о психологическом и социально-психологическом конструировании». Там же, с.275-276

Сегодня общественное мнение некритически воспринимает обещания пропагандистов генно-инженерных технологий. Этот факт является результатом социально-психологической обработки. В публичном восприятии перспектив генетики снова распространяется механистический подход. СМИ почти каждую неделю сообщают об открытии нового гена, «ответственного» за ту или иную болезнь, привычку или черту поведения.

Б.Г.Юдин констатирует: существуют принципиальные различия между прежними и нынешними проектами конструирования человека: прежние основывались на концепциях, описывающих реальность в терминах детерминации (генетическая конституция или законы истории), современные – на конструировании и реконструировании человеческого существования; прежние акцентировали внимание на сущность индивида, современные обращают внимание на детали и технологию, оставляя в стороне или игнорируя более глубокие уровни человеческой жизни и существования[316].

Возникает вопрос: существует ли связь между верой большинства в существование элит и массовым обращением в генетическую веру?

9.3. Культурный коктейль или проблема классификации стайных животных

Взгляд Д.Эпштейна на российскую элиту можно уточнить на основе использования пространственно-магистического подхода. Его разработал В.Ю.Михайлин для анализа детерминированности культурных практик территорией, на которой находится индивид или группа. При этом термин «территория» (или «зона») понимается в культурно-антропологическом, а не пространственном смысле. В.Ю.Михайлин опирается на теорию Оуэна Лавджоя, который описал факторы, породившие человека как биологический вид. Определяющим в этом процессе было изобретение «детского сада», в котором несколько женщин присматривают за всеми детьми племени. Тогда у большинства племени развязываются руки для иных способов «потребления территории» и снятия «ограничителя рождаемости». Возникают три зоны: центральная соответствует территории проживания всей группы; серединная соответствует женской

[316] Юдин Б.Г. Указ.соч., с.276-280

пищевой территории; окраинная пищевая территория принадлежит самцам. Каждая культурно маркированная территория автоматически включает адекватные ей формы поведения и исключает все остальные. Магистика – это власть кода над человеком. В.Ю.Михайлин считает, что внутри современного городского человека плещется «культурный коктейль», в котором соединяются архаика и современность[317].

Для доказательства этого ключевого концепта В.Михайлин анализирует русский мат, который стал общепринятым советским кодом. Магический смысл известной всем жителям Евразии ключевой формулы мата означает, что мать оппонента была осквернена псом; не существует разницы между воином и собакой. Оппонент становится нечистым, проклятым и фактически мертвым сразу по трем позициям: 1. Его отец не является человеком, а сын хтонического существа сам есть существо хтоническое. 2. Мать оппонента актом коитуса с собакой теряет право называться женщиной и становится сукой. Оппонент приобретает имя сукин сын. 3. Пространство, на котором состоялся такой коитус, не может быть «нормальным» для зачатия человеческого ребенка. Оно является Диким полем – маргинальным, хтоническим пространством, противоположным «правильному» домашнему прокреативному пространству.

На этой основе в разных культурах формировался корпус эпических песен. Они были «стайным» делом, исполнялись носителем коллективного знания. Эти песни адресовались мужскому собранию в походе или на празднике.

По мере перехода от военной власти к жреческой власти военный вождь лишался власти над центром. Его харизма становилась маргинальной. Овладение колесом и техникой верховой езды лишила волчью зону естественных внешних границ. Весь мир превращался в Дикое поле, за исключением центральной культурной части. Рост мобильности волчьих стай вел к практике набегов на соседние области с целью добычи (вначале стад и отар). Пребывание в маргинальном статусе становилось нормой существования, поскольку давало возможность быстрого достижения высокого социального и экономического статуса. Набеги за добычей превращаются в территориальные захваты. Хозяевами на новых террито-

[317] См.: Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные коды в индоевропейской традиции. М., НЛО, 2005, с.11-14

риях становятся лидеры стаи. Новая жизнь организуется по законам общежития и Дикого поля. Война делается основным и единственным достойным занятием, агрессивность поведения – культурной нормой.

«Стая» и милитаризованные общества изначально расположены к единобожию и монотеизму. Начиная с древнего Рима армия была основным рассадником монотеизма, поскольку монотеизм - потенциальный союзник вожаков стай. Отсюда вытекает понятие воинствующей церкви (от газавата в исламе до крестовых походов в христианстве). Духовные воинские ордена – частный случай альянса между военной аристократией и церковной иерархией

На этой основе возникает тенденция неизбежного скатывания революций к империи при параллельном восстановлении большинства прежних структур старого режима (полицейско-карательных учреждений, тайного сыска, бюрократического аппарата, подчиненной власти церковной иерархии), которые на первом этапе революции пытаются разрушить. Маргинальные волчьи клики постепенно врастают в специфическую государственность. Она сочетает в себе признаки Дикого поля с гипертрофированной тягой к сакрализации центра и вождя и выстраивании жестких центростремительных структур. Волчья стайность входит в сочетание с высокой моралью и нравственностью, которые поддерживаются всеми доступными средствами.

В.Михайлин считает, что все перечисленные явления и тенденции образуют основание советского героического дискурса[318], и приводит аргументы. Каждая культура создает своего героя и героическую эпоху. Линейная организация времени предполагает исходную точку, от которой ведет историю любое человеческое сообщество. В мифомагистическом мышлении идеи центра и периферии переплетены с понятиями сакрального и профанного. Любое нециклическое движение центробежно или центростремительно. Обычно героическая эпоха помещается в начало времен, соединяется с космо- и теогонией или в эпоху освоения новой территории. Основанием для героизации событий является их расположение на временной прямой между героической эпохой и современностью.

[318] См.: Михайлин В. Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и советской культурной традициях // НЛО. 2001, № 1/47, с.278-320

Основным содержанием эпического текста (преданий и песен) является героическая смерть. Герой изначально мыслится как магический мертвец. В этом качестве он совершает подвиги и принимает смерть. Любой человек, вышедший за пределы окраинной хозяйственной зоны, обретает звериный, волчий статус и является магически мертвым: «Его возвращение равносильно воскрешению из мертвых»[319]. Боевое бешенство – главная характеристика провидческих способностей героя, атрибутивными животными которого являются волк и ворон. Умирающий или мертвый воин ближе всего к героическому воплощению. Одержимость, боевое бешенство – инвариант смерти. Интимные отношения со смертью играют могучую психотерапевтическую роль на социальном и индивидуальном уровне. Основные мифические сюжеты связаны с сезонными изменениями воинских ролей волка и собаки. Эти роли представляют две ипостаси единого образа. Во всех регионах воинские мужские союзы демонстрируют зависимость своего поведения от этого образа. Одновременно есть различие между псом и волком: связанность/несвязанность (наличие у пса ошейника и цепи); ориентированность агрессии в пространстве (у пса изнутри вовне, у волка извне вовнутрь).

Изначально мужские воинские союзы соответствовали волчьей сезонности – с мая по ноябрь они проводили в поле, а зиму в культурной человеческой зоне, оставляя Дикое поле настоящим волкам. С этим связана привычка собирать волосы так, чтобы образовать волчий хвост для обретения грозного вида и вселения страха во врагов. Рабы не имели права на такую прическу.

Магическая речевая дуэль перед боем – это аналог собачьего лая, задача которого – повысить свой и понизить воинский статус оппонента. Понижение восходит к общему источнику с ключевой формулой русского мата[320]. Смысл взаимных инвектив состоит в следующем: волки обвиняют псов за рабство, привязанность к домашнему хозяйству, бабью природу, постоянную связь с женщинами, когда настоящие воины воюют; но при встрече с волками псы подвергаются насилию и сами становятся бабами; псы обвиняют

[319] Там же, с.281

[320] В блатной среде «сукой» назывался вор, пошедший на сотрудничество с властью или принявший из ее рук оружие. Блатная и армейская среда наиболее ригидны в плане консервации форм и норм поведения.

волков в дикости (пожирании падали, братоубийстве), неспособности к продолжению рода.

Деление членов воинского мужского союза на волков и псов связано с дихотомиями: привязанность/непривязанность к «центру» (земле, семье, собственности, дому, храму, государству); способность/неспособность к продолжению рода. При этом женщина выполняла две роли: показателя одомашненности волка/пса, символа его собачьей ипостаси; провокатора, валькирии, воспитателя и символа воинской удачи бойца, его боевой подруги. Во второй роли главными являются следующие свойства женщины: а) девственность как социально-магический статус, связанный с недозволенностью/невозможностью брака и правильного рождения детей; б) агонистический характер – активность и агрессивность, провоцирующий героя на сюжет.

Жрец в мифе выполняет опосредующую функцию между волком и собакой. Воплощаясь в образе свиньи (вепря), он существует в двух ипостасях – домашней (пса) и дикой (волка). Будучи травоядным, может выступать и хищником, опасным для человека. Желуди и буковые орехи в древнегерманской культуре употреблялись в пищу людьми и свиньями, домашними и дикими. Все священные рощи были дубовыми или буковыми.

В эпоху ранних варварских королевств (У-У1 вв.) произошла трансформации волчье-собачьего комплекса, которая повлияла на дальнейшие пути эпической героики. Римские провинции были пищевыми территориями, на которых уничтожались все очаги вооруженного сопротивления и которые старательно оберегались от постороннего «харчевания». Отношения варягов и славян были аналогичны.

Профессионализация армии ведет к окончательной утрате ее связи с почвой, со столицей как сакральным центром. Чем дальше от него отстоит армия, тем меньше она отличается от варварских дружин разбойников, и постепенно ими заменяется (казачество). Облик полководца, императора, цезаря начинает сливаться с обликом предводителя стаи. Он использует любую территорию (как варварскую, так и свою) для снабжения пищей; с точки зрения местного населения не существует никакого различия между профессиональной армией и стаями разбойников; с этими стаями связаны

национально-освободительные движения; профессиональная армия подрывает у населения навык самообороны.

Вождь имеет право распоряжаться территорией по своему произволу, при условии соблюдения пищевых интересов стаи. С этим связана быстрая институционализация завоеванных земель, одержимость законодательным творчеством. Наведение порядка и законодательная база есть институционализация структуры пользования пищевой территорией. Раньше в Диком поле сезонные волчьи стаи бегали за добычей. В государстве территория становится добычей (может раздариваться и пр.) и местом постоянного проживания одновременно.

Государство держится на волчье-собачьем принципе «все в дом», хотя волчий центробежный принцип (потребление на месте) постепенно взял свое. В результате волки превращаются в псов за одно-два поколения. Так появляется право наследования и издание громадного числа законов, которые регулируют нормы потребления территории. Цвет европейского рыцарства рекрутируется по стайному принципу близости и сопричастности к вожаку. Критерии свободы относятся к воину-дружиннику, а не к вольному землепашцу. Связь с почвой – т.е. собачья привязанность к земле - сакрализуется и становится неразрывной.

Сакрализация центральной власти опирается на принятие христианства исключительно сверху. При этом суть христианской доктрины никогда не интересовала вожаков стай, зато они были всегда готовы нести ее в свой народ любыми средствами, вплоть до огня и меча (это типично для всех религий). Основным рассадником монотеизма всегда была армия – вне зависимости от содержания доктрины. Любая жесткая структурированная вера была потенциальным союзником власти.

«Крестовые походы получают высшую санкцию «священной войны», джихада-газавата против язычников и неверных. Статус «государева пса» или «пса господня» становится одной из наиболее привлекательных ролей. Происходит также взаимопроникновение героического и агиографического жанров – собака и жрец идут рука об руку и объединяются в одном сюжете и лице»[321].

Все сформулированные констатации В.Михайлин применяет для описания антропокультурной истории СССР. Установление со-

[321] Там же, с.309

ветской власти началось с Дикого поля – огромного по пространству и населению. Оно соответствовало территории, подконтрольной Западной Римской империи. Отсюда вытекает базовое сходство механизмов формирования и функционирования европейского и советского героического дискурса, поскольку там и здесь на любом уровне присутствует насилие.

В.Михайлин описывает следующие процессы указанного сходства. Скорость институционализации подконтрольного новой власти пространства и сакрализация новых институтов. Суть большевистской партии – стайный принцип. Но статус стаи изменился, поскольку она сумела захватить огромную населенную территорию. Возникла задача осмысления новой роли и новой системы потребления территории. Вначале кормление власти происходило по нормальным волчьим законам (продразверстка, экспроприации, реквизиции). Затем произошла маргинализация большой части неподконтрольного власти вооруженного населения, которое успело распробовать вкус «крови и свободы». Эта часть не признавала права власти на землепользование. Как только истинная природа новой власти была осознана населением, оно начало борьбу с нею ее же методами – гражданской войны. Реформирование волчьей стаи в собачью произошло за два–три года (лихорадка декретов, административное строительство, сакрализация режима с помощью новой религии). Возникла задача выживания новой власти любыми средствами, а затем ее приращение по мере сил соседних территорий. Сформировалась мифологизированная нормативная эпоха. Основой официальной стайной риторики стало противопоставление «красных героев» и «гидры контрреволюции». Обмундирование с варяжскими шлемами снабдило «красных героев» былинными конотациями. Лишь после компрометации этой формы (в период поражений первых лет войны) следует структурно равнозначный имиджмейкерский ход – в армии вводятся ненавистные погоны. Красные песни связаны с героикой блатного романса. Лозунги свободы, равенства и братства обладают волчьими корнями. Образы женщин эпохи гражданской войны (в творчестве Фадеева, Фурманова, Островского) обладают всеми признаками публичной женщины. Любовь подается как искушение, через которое герою надо пройти на пути становления. У Фурманова «собака» (комиссар) одерживает

победу над «волком» (Чапаевым), который умирает героической смертью. Создается агиография – от Чапаева до Штирлица.

Итак, пространственно-магистический подход позволяет использовать концепты стаи и животных (волка, собаки, свиньи) для анализа проблемы элиты. Образ свиньи - элемент мифо-магистического мышления. В этом типе мышления жрец (т.е. член духовного сословия) выполняет опосредующую функцию между волком и собакой. Он воплощается в образе свиньи и существует в двух ипостасях – домашней (собаки) и дикой (волка). Будучи травоядным, свинья может выступать также описанным для человека хищником. При этом важно отметить, что наведение порядка и законодательная база советской власти – это институционализация структуры пользования пищевой территорией. Государство держится на волчье-собачьем принципе «все в дом», хотя волчий центробежный принцип (потребление на месте) постепенно взял свое. Сакрализация центральной власти опирается на принятие христианства исключительно сверху. Основным рассадником монотеизма всегда была армия – вне зависимости от содержания доктрины. В 1930-е гг. в СССР произошло усиление жречески-собачьей охранительной имперской идеологии, открывшей притягательность исторической преемственности.

9.4. Приставка «квази…».

Теперь детальнее рассмотрим положение о том, что профессиональные элиты в России есть, а политических нет или они являются квази-элитами. Военные традиционно считают себя профессионалами, а после проигранной войны обычно обвиняют политиков. С этой точки зрения С.Минаков проанализировал военную элиту СССР 1920-30-х гг. на материале впервые вводимых в оборот архивных источников. Отмечу те моменты его исследования, которые позволяют продвинуться в нашем анализе.

М.Тухачевский был убежден в существовании связи «евреи-христианство-социализм». Считал эту связь сущностью западной цивилизации. По его мнению, эта связь разрушала «коренные» ценности России, концентрировавшиеся в самодержавии. Тухачевский разделял славянофильское убеждение в том, что западная цивилизация базируется на деньгах и капитале. Суть противоречий между Россией и Западом – различие фундаментальных цивилизационно-культурных основ. Такой основой для России является дух,

язычески воплощавшийся миллионами религиозно заряженных воль в харизматической личности – «земном Боге», «человеко-боге», «Сверхчеловеке» (по Ницше), «Антихристе» (по христианскому канону). Основа западной цивилизации - материальные ценности, капитал, и носители этой идеи – евреи, западные христиане и социалисты. Большевиков М.Тухачевский социалистами не считал[322].

Он полагал, что России нужна новая религия: «Под знаменем марксизма мы скорее, чем с нашим крестом, войдем в Византию и вновь освятим Святую Софию… Революционная Россия, проповедница борьбы классов, распространяет свои границы далеко за пределы, очерченные договорами»[323]. Его отношение к марксизму как религии было двойственным: он считал марксизм ценным как религию «нового язычества»; но иронично относился к фанатикам марксизма. Мироощущение Тухачевского определялось Апокалипсисом «мирового пожара» и «священной войны»: «Мы встряхнем Россию, как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир… Мы войдем в хаос и выйдем из него, только полностью разрушим цивилизацию»[324].

Л.Троцкий считал военную элиту профессионалами (ремесленниками) на службе политиков. М.Тухачевский полагал, что в революционной войне социально-политические и социокультурные факторы предопределяют оперативно-стратегические ориентации. Военная элита в революционной войне обязательно связана с политикой: быть стратегом и не быть политиком в ней невозможно: «Концепция Тухачевского создавала предпосылки для широко распространенного мнения, что командир вообще и выдающийся военачальник в частности, это не хороший ремесленник, а одаренный природой «герой», «военный вождь», «демон войны»[325]. На этой почве формировалась идея о харизматических свойствах вождей Красной Армии (Л.Троцкий, М.Тухачевский, С.Буденный, В.Примаков, Г.Гай, Г.Котовский и др.). Но фактически 77,8% крас-

[322] См.: Минаков С. Военная элита 20-30-х годов XX века. Москва, «Русское слово», 2004, с.142
[323] Там же, с.144
[324] Там же, с.145
[325] Там же, с.162-163

ных генералов попали в элиту благодаря связям с ведущими политическими деятелями[326].

Показательна общая характеристика военной элиты Западного фронта в 1922-24 гг. Ее национально-этнический состав был следующим: 56% - великорусы, 23% - польско-литовско-белорусского происхождения, 9% - латыши, 8% - украинцы и кубанцы. Отсюда вытекали свойства военной элиты: большинство бывших «золотопогонников» (командиры корпусов, дивизий, полков, батальонов) были носителями социокультурной атмосферы Российской империи; они хотели выслужиться в новых условиях; отличались крестьянской ненавистью к богачам и интеллигенции; в этой группе была притуплена острота красно-белого противостояния; культивировалось полное политическое равнодушие; возрождались дореволюционные военно-бытовые привычки и традиции (дуэли); были распространены антисемитизм, пьянство, амурные подвиги (независимо от классовой принадлежности объекта ухаживания)[327], взяточничество, воровство казенного имущества.

Структура белой и красной военных элит воспроизводила дружинный принцип формирования. Успех на полях сражений был результатом способностей, умения и боевого счастья героев-командиров. Авторитет командира дивизии определялся его связью с комсоставом и держался до тех пор, пока его признавали своим вождем снизу. Репутация вождя была обусловлена числом его командиров-выдвиженцев. Они несли в военную массу стихийную легенду вождя и способствовали преобразованию ее в официальную. Личная преданность командиру и бонапартистское подсознание были нормой. После ликвидации Врангеля главной опасностью для советской власти стала Красная армия (особенно армия Буденного, Червонное казачество, Богунская, Таращанская бригады). Задача власти состояла в том, чтобы оторвать популярных командиров от войск, раскассировать спаянные общей боевой судьбой и

[326] Там же, с.172

[327] Здесь они следовали за М.Тухачевским. Вот характерная реакция полковой парторганизации: «В 1924 г. ячейка одного кавполка вынесла следующее постановление: «Заслушав доклад о коммунистической этике и классовой морали, постановили считать необходимым для каждого коммуниста жениться исключительно на коммунистке, все остальные связи признать неэтичными… Воздержаться всем членам ячейки от половых сношений в течение двух лет для того, чтобы показать пример не на словах, а на деле беспартийным массам». Там же, с.198

пролитой кровью части. На этой основе самостийный принцип формирования военной элиты заменялся номенклатурным.

Уже в июле 1919 г. ВЧК обнаружила заговор в Полевом штабе Реввоенсовета Республики. То был самый ранний случай политической нелояльности и антиправительственной конспиративной деятельности военных. Заговорщики хотели подчинить властные политические структуры Генштабу, определяя оборону и армию как приоритетные направления государственного строительства. Затем они начали группироваться вокруг Тухачевского, настроения которого опирались на национализм и антисемитизм. В 1923 г. ОГПУ ликвидировало «Орден русских фашистов» среди командиров Западного фронта. Однако ОГПУ прикрывало аресты военнослужащих по причине политической нелояльности обвинением их в «шпионаже» и «утечке секретной информации». Впервые после революции возник конфликт между военными и чекистами. Но власть держалась не на институтах власти, а на личностях лидеров. Поэтому в обстановке «политической прострации» страны удельный вес советской военной элиты повышался.

Отсюда вытекает главное свойство военной элиты – политическая неблагонадежность армии в стране с преобладающим крестьянским населением. Она была расколота на множество группировок вокруг конкретных лиц (троцкисты, тухачевцы, фрунзенцы и пр.). «Буденовцы» в 1930-е гг. отличались тщеславием, позой, стремлением быть на виду, завистью к молодежи.

Становление советской военной элиты было переплетено с дискуссией между геостратегическими концепциями, которая шла в 1924-28 гг. В рядах Рабоче-Крестьянского Красного Флота остались представители русского морского Генштаба (М.Петров, Б.Жерве, Н.Игнатьев, Н.Власьев, А.Тошаков). Они разработали концепцию «владения морем». В этой концепции предполагалось, что СССР есть морская держава, а ее главным противником выступает Англия. В отличие от моряков пехотинец М.Тухачевский поддерживал «континентальную» концепцию, согласно которой судьба СССР будет решена на суше, а главные противники – «лимитрофы» (Польша, Румыния, страны Балтии, Финляндия), затем более серьезные противники, обеспечивающие поддержку «лимитрофам» (Великобритания и Франция). Потенциальными друзьями он считал Германию, Италию, Венгрию.

А.Свечин и другие русские предтечи современной геополитики считали: Версальская система нестабильна и создана в интересах Франции, всегда стремившейся к созданию неустойчивых образований на своих границах и в целом в Европе. Тухачевский выдвинул идею «революции извне». Поддержка китайской гоминьдановской революции военными советниками во главе с В.Блюхером была реализацией этой идеи.

Для розыгрыша «национально-патриотической карты» Тухачевский в декабре 1927 г. встречался с А.Кутеповым. Встреча была подготовлена ОГПУ. Именно тогда появилась формула А.Деникина о двойной задаче Красной армии: она сначала разгромит внешнего врага, затем свергнет Советскую власть и установит «национальную» военную диктатуру. На деле советские организаторы встречи достигли тройной цели: внесли раскол в руководство РОВС и нейтрализовали боевую решимость белого военного зарубежья; создали почву для оперативной игры ОГПУ с легендой о заговоре Тухачевского; создали условия для отставки Тухачевского и радикальной чистки советской военной элиты.

«Германская модель» И.Уборевича была совершенствованием внутри старой системы, основанной на опыте Первой мировой войны, и представляла консервативную модель модернизации Красной Армии. Она предполагала тесные отношения с Рейхсвером. Но Рейхсвер первым выступил против контактов - германские военные предприятия в СССР пожирали много денег[328]. Программа Тухачевского была иной. В русле концепции «революции извне» он постулировал, что «грандиозные войны, пока большая часть света не станет социалистической, являются неизбежными», и поэтому считал, что «задачей компартии является настойчивая, повседневная пропаганда борьбы против пацифизма»... В этом контексте прежняя стратегия сокрушения и революция извне соединялась с технической модернизацией Вооруженных Сил... После того, как нацисты в 1932 г. стали первой по величине парламентской фракцией, «следовало нейтрализовать их антисоветизм информацией о наличии в СССР родственной им по политическим и идеологическим настроениям тайной силы, которая вот-вот захватит власть». В феврале 1936 г. Тухачевский тайно встретился с представителями РОВС,

[328] Там же, с.372-378

«рассчитывая использовать их связи для установления контактов с германским политическим и военным руководством»[329].

Все перечисленные факторы становления связи между военными и политиками в СССР приобретают особый смысл с учетом следующего факта: лидер Союза младороссов А.Казем-Бек уже в октябре 1933 г. усматривал на советских верхах две тенденции и две партии: полицейско-интернационалистическую и военно-националистическую. Первая была выражена в старой гвардии коммунизма, партаппарате, инородческих и семитских элементах, которые группировались вокруг ГПУ - полиции режима. Военно-националистическая (патриотическая) тенденция представлена в первую очередь армией. По его мнению, в борьбе военной и полицейской партии решится судьба Русской революции[330].

9.5. Кремлевская популяция

Решение этой судьбы уже обсуждалось при анализе книги О.Гриневского, который описал взаимосвязь военных, дипломатов, чекистов, политиков и идеологов во время холодной войны. При этом революции, которые происходили в странах, сопредельных с границами СССР, заставали руководство страны врасплох. На вершине власти не было адекватной информации о происходящих событиях. Феномен революции воспринимался не как научная и политическая проблема, а в контексте личных и институциональных отношений между Министерством обороны, Министерством иностранных дел, Комитетом государственной безопасности и Международным отделом ЦК КПСС, который занимался вопросами согласования официальной идеологии с текущей политикой.

О.Гриневский констатирует: уроков из афганской трагедии не сделано, поскольку за Афганистаном последовала Чечня. Брежнев не отвечает за случившееся, поскольку он мало понимал. Политбюро прикрывалось немощным Генсеком и превратилось в большое боярское гнездо, где каждый владел и управлял своей вотчиной. Согласие строилось на круговой поруке: ты не лезешь в мои дела – я не лезу в твои. На этой основе принимались главные политические решения. В этом боярском синклите никто друг другу не дове-

[329] Там же, с.378-380, 387,426
[330] Там же, с.442-443

рял, между собой не общались, но следили, чтобы никто не посягнул на их вотчинные владения. Лишь Андропов, Устинов, Громыко держались вместе, определяли военно-политический курс государства и никого к этому не подпускали.

Политические взгляды этой «тройки» были таковы: Устинов занимал левый радикальный фланг, уповая только на силу, а разговоры о разоружении, политических и дипломатических средствах укрепления безопасности считал пустой болтовней для научных симпозиумов; Громыко занимал правый либеральный фланг, не оспаривал значение военной силы, но считал, что безопасность должна строиться на сочетании военных и политических акций; Андропов находился между ними, в центре. Практически это выглядело так: Громыко выступал генератором идей достижения компромисса с Западом, но при выработке конкретных позиций никогда не шел на конфликт с военными, особенно если видел, что Андропов на их стороне. В то же время поощрял заместителей на бескомпромиссность в отношениях с МО и КГБ. Если не удавалось выработать совместную позицию, он соглашался с военными, полагая, что на них лежит главная ответственность за оборону страны. А Брежнев их слушался.

В заключение О.Гриневский ссылается на беседу с Огарковым, который в отставке говорил: «Бога надо благодарить, что при таком боярском правлении случился только Афганистан. А еще ведь могли быть и Польша, и Ближний Восток или даже … страшно подумать – ядерная война… И такое обсуждалось»[331].

А.Бовин на основе анализа коллектива российского посольства в Израиле дал общую характеристику профессиональных групп советских (российских) дипломатов и разведчиков.

Дипломаты отличаются следующими свойствами: крайняя скупость, не выписывают никаких журналов и газет (за пять лет никто не подписался ни на одну газету и журнал), не ходят в театры и концерты, если надо покупать билеты; крайняя грубость, особенно в консульских отделах; крайне низкая общая культура, не знают литературу, искусство, философию, современную мировую общественную мысль; не умеют смотреть на себя со стороны, с долей иронии; в МИДе их заедает чиновничья текучка, за границей хотят прибарахлиться; усердие подменяют суетой и холуйством – перед

[331] Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., Вагриус, 2000, с.334

визитом начальства появляется лихорадочный блеск в глазах; крайняя бюрократизация, коррумпированность и скаредность; распустили профсоюз, поскольку надо платить 1% зарплаты в качестве членских взносов; даже доллары на шекели меняют не в своей бухгалтерии, а у знакомого менялы на рынке; уклоняются от выполнения служебных обязанностей, пьянствуют, перепродают на местных рынках закупленные с дипскидкой товары[332]. В целом за претензиями на голубую дипломатическую кровь скрывается комплекс неполноценности.

25% дипломатов посольства в Тель-Авиве – работники спецслужб. За пять лет работы, - пишет А.Бовин, - я не столкнулся ни с одной государственной тайной. Вместо этого – безбрежное поле чиновничьего произвола, облеченного в форму инструкций. Свойства дипломатов переплетаются с качествами сотрудников КГБ и ГРУ как института и социальной группы. Советская разведка всегда перебарщивала по части массовости, вербуя в свои ряды шоферов, врачей, уборщиц в посольствах; «товарищи из органов» выступали при послах как комиссары и полиция нравов, хотя их собственные нравы не отличались строгостью; большинство разведчиков - малоквалифицированные люди, которых слали за рубеж по знакомству и которые вели себя там как хозяева; отличаются безделием, кляузничеством; собирают сведения, какие наши девушки встречаются с израильскими гражданами; отличаются допотопным мышлением - имеют склонность сводить крупные политические проблемы к козням, интригам, проискам сионизма; стремятся восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 1990-х гг. были сужены; для этого муссируют идею повышения бдительности и безопасности; так происходит «…возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями. Если согласиться с предлагаемым порядком, то «загранучреждения» превращаются в подсобный цех разведки»[333].

Говорят, - резонирует в заключение Бовин, - что данные, которые поставляет политическая разведка, необходимы для принятия политических решений. «Я бы дорого дал, чтобы узнать, какая ин-

[332] Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003, с.143,468,41,73,108,160,182,339
[333] Бовин А. Указ.соч., с.70-71, 258-259,292-293,387.528

формация, полученная Москвой помимо посольства, от «соседей», пригодилась для формирования политики, принятия решений. Жаль, что я так и не узнаю этого»[334]. Все перечисленное определяет эффективность работы посольства. За пять лет (1992-1996 гг.) не удалось реализовать ни один крупный российско-израильский проект. Все застревало в бюрократическом болоте[335].

9.6. Констатация

Такова подпочва нынешних элитологических штудий, а также деклараций из кругов «Единой России», представители которой настаивают на том, что в России есть политические элиты. Стереотипы мышления, поведения и действия так называемых «политических элит» связаны с убеждением в «особом пути России». При этом самодержавие (авторитаризм) рассматриваются как главная ценность. С ним связываются преобразование марксизма из научной идеологии в язычество как новую религию, в которую входит древняя идея «священной войны». Роль военных, чекистов и идеологов определяется их связью с политическими деятелями. При этом всегда существует явный или скрытый конфликт между военными, чекистами и идеологами. Он выражается в различных позициях по поводу определенных политических ситуаций. Эти позиции обычно связаны с житейским и политическим оппортунизмом всех участников политического процесса. Оппортунизм влияет на движение знания и информации. Интеллектуально-политические моды скрывают влияние дипломатических, военных и разведывательных агентств на реальную политику, процессы производства идей и гуманитарного знания в целом. В этом контексте формируется политика в области гуманитарного знания в России. Нынешнее отрицательное отношение к революциям и интерес к фундаментализму – следствие ошибок политического руководства СССР/России. Проблема сводится к анализу механизмов их воспроизводства и бездумного следования большинства научного сообщества тому, что им вдувает в уши пропаганда. В.В.Маяковский предупреждал: «Дыра в ушах не у всех сквозная – иному может запасть».

[334] Там же, с.292
[335] Там же, с. 117, 294, 339

Глава 10.
Наука и власть

В XX веке государство стало носителем научно-технической контрреволюции, в которой главную роль играли закордонные и советские «техно-якобинцы» (представители научно-технической интеллигенции) – командиры науки и техники, а также гуманитарии[336]. В современной России теория элит пропагандируется очередными акынами государства. Особенно характерна здесь позиция Г.К.Ашина, который в советское время отвергал буржуазную теорию элит, а потом пропагандировал ее на всех углах. Ему вторит Р.А.Медведев, написавший кучу книг о советских вождях, их сообщниках, а также о нынешних «замечательных людях» России. На этой почве возникло целое направление оживленной журналистской болтовни под названием «элитология».

Этот факт можно считать частным случаем российской модели взаимосвязи науки и власти. Данная модель определяется свойствами российского научного сообщества: наука есть государева служба, т.е. знание под руководством и охраной власти; ученые обслуживают процессы усиления и централизации государства; должны постоянно доказывать отсутствие связи между развитием науки и смутами. На основе указанных свойств в России возник и существует до сих пор разрыв гражданского и профессионального статуса ученых - признание науки источником экономического и военного могущества одновременно усиливало подозрение к ней. Поэтому российская профессура еще до 1917 года вышла на передний край политической борьбы с самодержавием, но одновременно состояла в высших слоях бюрократии[337]. В СССР вторая тенденция многократно усилилась, поскольку власть физически уничтожила и морально развратила большинство ученых.

[336] См.: Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2011

[337] См.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Под ред. Э.И.Колчинского. СПб, «Дмитрий Буланин», 2003, с.335-344

10.1. Генезис «замечательных людей»

Проблема генезиса морально-политического разврата ученых увлекательно описана в книге О.Шишкина. Постараюсь рассказать о ней кратко, но не упустить важных вещей.

После смерти Ленина в Кремле возникла паника. Вожди большевиков были к ней уже готовы. Они решили: ключи бессмертия могут дать врачи и ученые. Для этого власть поставила перед ними несколько задач: добиться омоложения, вечной молодости, обосновать интеллектуальную исключительность правящих. Весь этот «джентльменский набор» был вынут из средневекового сундука. Но он стал списком научных интересов советской власти, которая «…решила, что в среде ученых всегда найдутся те, кто с радостью пойдет ей навстречу. И действительно, такие люди вскоре нашлись и предложили свои услуги»[338].

После смерти Ленина возникло состояние мистики, стихийной массовой истерии, коллективного мифа, в которое впало большинство отечественных и зарубежных политиков и интеллектуалов. Материалист Бухарин отмечал у Ленина экстраординарные качества: «По случайному разговору с деревенской старухой он угадывал биение пульса в крестьянке»… Бухарин указал на наличие у вождя не головы, а «мощного головного аппарата»… Отсюда возникала уже и рабочая гипотеза для научного поиска: возможно, бесконтрольный рост этой головы в последние годы и стал причиной трагического финала? А может быть, перед нами еще неизвестный науке антропологический тип человека? Вопросов было много, и все их следовало адресовать компетентным ученым»[339]. Авторы траурных статей заявляли: Ленин - совершенное существо с необычными качествами (не характерными для Homo sapiens), и называли его сверхчеловеком. Приват-доцент 2-го МГУ Н.Ш.Мелик-Пашаев в статье 1928 г. пророчествовал о массовом появлении в ближайшем будущем в СССР «грядущего сверхчеловека, для которого гениальность поистине станет ординарным явлением». Г.Уэллс подчеркивал нечеловеческую волю, ум и способность Ленина к мышлению.

---

[338] Шишкин О. Красный Франкенштейн. Секретные эксперименты Кремля. «Ультра. Культура», М., 2003, с.33

[339] Там же, с.37

При вскрытии тела Ленина были извлечены мозг, сердце, пуля и часть других органов. Все они были разложены по особым сосудам и являлись святынями. Среди большевиков не нашлось человека, который подписал бы приказ об уничтожении дорогих каждому сердцу кишечника, печени, почек. С мозга были сделаны слепки, которые прилагались к анатомическому материалу и входили в коллекцию советских мощей.

Ю.Анненков сообщает такой факт: «Приехав в Москву недели через три (после смерти Ленина, - В.М.), я был немедленно вызван в Высший военный редакционный совет, где мне предложили отправиться в основанный в Москве Институт В.И.Ленина для ознакомления с фотографической документацией ввиду предполагавшихся иллюстраций для книг, посвященных Ленину. «Ознакомление с документацией» продолжалось около двух недель. В облупившемся снаружи и неотапливаемом внутри Институте В.И.Ленина … меня прежде всего поразила стеклянная банка, в которой лежал заспиртованный ленинский мозг, извлеченный из черепа по время бальзамирования трупа: одно полушарие было здоровым и полновесным, с отчетливыми извилинами; другое, как бы подвешенное к первому на тесемочке, - сморщено, скомкано, смято и величиной не более грецкого ореха. Через несколько дней эта страшная банка исчезла из Института и, надо думать, навсегда. Мне говорили в Кремле, что банка была изъята по просьбе Крупской, что более чем понятно. Впрочем, я слышал несколько лет спустя, будто бы ленинский мозг был перевезен для медицинского исследования куда-то в Берлин»[340].

Для изучения ленинского мозга Клара Цеткин рекомендовала пригласить немецкого невропатолога, профессора Оскара Фогта - «человека с мировым именем и коммуниста по убеждениям». Этот коммунист по убеждениям с 1919 г. руководил Институтом исследования мозга в Обществе содействия наукам имени кайзера Вильгельма, был директором Нейробиологического института Берлинского университета. Впоследствии Институт исследования мозга вступил в связь с гестапо, которое поставляло ему человеческий экспериментальный материал. Фогт занимался генетикой и евгеникой, изучая мозг и генетические механизмы выдающихся людей. На этой основе он создавал теорию элит, к которым (по его мне-

[340] Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., Вагриус, 2005, с.616

нию) принадлежат высшие расы, успешные нации, закрытые властные группы – вроде кремлевской знати. Он хотел обнаружить в генетическом аппарате клетки механизма, способного дать ключ к созданию идеального человека. Его подруга Клара Цеткин считала Ленина одним из идеальных людей.

В феврале 1925 г. Фогт прибыл в Москву. Его пригласили на заседание светил советской медицины в Институт В.И.Ленина. Среди них был помощник директора Института В.И.Ленина и по совместительству заведующий Секретным отделом ЦК ВКП(б) И.Товстуха – око Сталина. Уже на первом заседании все светила высказались положительно на вопрос председателя: может ли цитоархитектоническое исследование дать указание на материальное обоснование гениальности В.И.Ленина?

Но Фогт просил отправить мозг Ленина в Берлин в свой институт, где есть сотрудники, уникальная аппаратура и «единственный в мире специалист по данному вопросу проф. Фогт». Советские вожди запретили перевозку серого вещества и предложили изучать мозг Владимира Ильича в России. Решение Кремля стало началом создания при московском Институте мозга сверхсекретной лаборатории расовой биологии. Фогт считал ее перспективной наукой.

Первый Расовый биологический институт был открыт в Упсале (Швеция). Его директор Герман Лундборг опубликовал в 1924 г. на страницах русского евгенического журнала статью, которая заканчивалась пассажем: «Значение народа не измерить числом его внешних военных сил, но его пригодностью в расовом отношении и его культурными вкладами. Для всех народов важно не только следовать за развитием, но, по возможности, идти во главе его»[341]. В научной среде СССР тоже были сторонники теорий неравенства рас и «отсталых народов». Многие русские и советские ученые (включая «гуманиста» и иммунолога, Нобелевского лауреата И.И.Мечникова) разделяли взгляды Гобино и Чемберлена о неравенстве рас. Даже убежденный атеист, профессор Никольский писал, что у европейцев средний объем мозга около 1400 куб.см., а у низших пород современного человека редко спускается до 1000 куб.см.

В СССР развивалась евгеника – наука об улучшении природы людей: «Евгеника – религия будущего, и она ждет своих проро-

[341] Цит. по: Шишкин О. Указ.соч., с.48

ков», - провозглашал Кольцов на страницах своего журнала. Кольцов и был таким пророком. А богом этой религии он видел искушенного генетика, творящего с помощью микроскопа расу будущих суперменов»[342].

Всю эту ученую публику О.Шишкин называет «интеллигентные лакеи Кремля». Один из них - Мелик-Пашаев - писал: мозг Ленина - прототип мозга грядущего сверх-человека. Фогт считал Ленина «ассоциативным атлетом», поскольку в третьем слое коры головного мозга обнаружил фантастическое количество больших пирамидальных клеток. Но профессор Шпильрейн в «Энциклопедии душевных болезней» указал: такие же пирамиды есть у идиотов. Работа германо-советского института развивалась в общих интересах советской и нацистской диктатур. «Нацизм и коммунизм волновали близкие темы: родословные, генетические и мозговые проблемы чистокровного homo nordikus и уникального super homo. Наука с энтузиазмом обслуживала интересы государственных мизантропий»[343].

27 мая 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) получило от института доклад «Изучение мозга Ленина». Мощность мозга Ленина приравнивалась к мощности десяти полушарий «средних людей» и превышала мощность головы Куйбышева, Луначарского, Менжинского, Богданова, Мичурина, Маяковского, акад. Павлова, Клары Цеткин, Циолковского. У Ленина обнаружили «самый высокий процент борозд лобной доли в мозгу». Кремлевские вожди хотели получить от науки доказательство, что в канун смерти Ленин не был идиотом, а переходил «в другое интеллектуальное измерение. И догадливая наука услужливо поддакивала Кремлю»[344].

Так возникла альтернатива - омоложение или смерть. Сказки об эликсире бессмертия и вечной молодости существуют давно. После смерти Ленина 31 января 1924 г. К.Ворошилов выступил на пленуме с докладом «Об охране здоровья партверхушки». Вожди СССР сформулировали лозунг «беречь старую гвардию», выделить особого товарища для наблюдения за здоровьем и условиями работы партверхушки. Психиатры Осипов и А.Залкинд пугали партию опасностью преждевременного старения.

[342] Там же, с.50
[343] Там же, с.59
[344] Там же, с.61

10.2. Обезьяночеловек и сотрудницы особого назначения.

Итак, в СССР произошло переплетение религии, политики, зоологии. Для этого уже были предпосылки. В 1910-1920-к гг. в Париже русский хирург С.А.Воронов занимался пересадкой человеку половых желез обезьяны. Победы над старостью вскружили ему голову. Он стал делать операции мужчинам и женщинам. У дверей его кабинета образовалась очередь богачей. Их цена не пугала. Они считали, что любая плата за обретение утраченного полового влечения и молодости будет незначительной. Воронов стал известным как кинозвезда. Он пророчествовал: «Недалеко то время, когда пересадка эндокринных желез обезьян, сделавшаяся доступной каждому хирургу, отметит собой значительный прогресс человеческой терапии»[345].

Советские вожди ухватились за эксперименты Воронова. Поставили перед учеными задачу преодолеть старение. Для борьбы со старостью Институт органопрепаратов в 1925 г. был реорганизован в Институт экспериментальной эндокринологии. Начались эксперименты по омолаживанию. Трансплантатором назначили зав.хирургическим отделением Боткинской больницы В.В.Розанова. Для вождей СССР «…уверенность в хирургах не каприз, а часть государственной безопасности»[346]. Розанову как активному «борцу за здоровье трудящихся» дали диплом «Герой труда». Но он, его родственники и друзья находились под наблюдением ОГПУ и могли ответить головой за неудачную операцию. Авторитет Розанова был помножен на особую близость к верхушке Кремля, включая Г.Ягода. Розанов стал также главным консультантом больницы ОГПУ.

Вся номенклатура находилась в поле зрения Лечебной комиссии и Сталина, который через секретариат ставился в известность о пациентах. После смерти Фрунзе (лечебная комиссия настаивала на его операции) «в кремлевских коридорах почувствовали, что врачи могут быть не только спасителями, но и тихими палачами»[347]. Через два месяца после операции (29 декабря 1925 г.) Розанов отправил в Институт экспериментальной эндокринологии депешу: Бот-

[345] Там же, с.74
[346] Там же, с.76
[347] Там же, с.83

кинской больнице в год нужно до 50 штук обезьян для трансплантации желез внутренней секреции людей.

Профессор И.И.Иванов занимался искусственным оплодотворением животных. В 1908 г. при поддержке акад. Павлова он организовал физиологическое отделение Лаборатории ветеринарного управления в Санкт-Петербурге. Возглавил Ветеринарную лабораторию МВД, которое нуждалось в увеличении поголовья породистых лошадей. После работы в Асканьи-Нова Иванов занялся созданием биологических драконов, сочетавших качества разных животных. Он использовал метод искусственного осеменения млекопитающих для постановки опытов гибридизации между различными видами обезьян и между последними и человеком. Русский Франкенштейн мечтал создать идеальную обезьяну - искусственное существо, способное занять на лестнице дарвиновской эволюции промежуток между человеком и обезьяной. Он считал свой труд общечеловеческой миссией.

Сторонниками его эксперимента были математик Шмидт (авторитет в большевистских кругах), ученый секретарь научно-технической секции Государственного ученого совета (ГУС) и сексот ОГПУ, а также французские бактериологи Эмиль Ру и Альбер Кальметт – директор и заместитель Института Пастера. В 1923 г. Кальмет создал в колониальной Гвинее лабораторию. На обезьянах ставились опыты, отрабатывалось действие сывороток против человеческих инфекций (туберкулеза, проказы, рака). Иванов написал Луначарскому письмо, в котором предстоящий эксперимент обрамлялся марксистскими лозунгами и ссылками на то, что они поддержаны Институтом Пастера.

В письме Иванов жаловался, что во времена царизма его опыты напоролись на инквизиторов Святейшего синода. Он считал, что Советское правительство могло бы использовать выведенное живое существо в интересах науки и пропаганды естественно-исторического мировоззрения. Просил 15000 долл. Но сразу добиться поддержки правительства не удалось. Тогда Иванов написал А.И.Рыкову. Увещевал Предсовнаркома в необходимости создания нового животного или нового человека. Затем письмо легло на стол начальника управления делами Совнаркома СССР Н.Горбунова. Бывший секретарь Ленина имел авторитет в большевистской среде, был председателем комиссии по содействию работам АН и выпол-

нял конфиденциальные поручения ОГПУ. Он стал ангелом-хранителем Иванова и энергично включился в работу по созданию невиданного существа.

Его поддержал также директор Института экспериментальной эндокринологии Шервинский, который с энтузиазмом отнесся к идее гибридизации[348]. Физико-математическое отделение АН предложило ему сделать доклад о проекте экспедиции в Западную Африку, после чего деньги дали. Иванов понимал, что индустрия омоложения потребует десятки и сотни обезьян для вождей СССР, их родственников и руководителей крупных парторганизаций в провинции. Поэтому он выдвинул идею - создать на юге СССР питомник, где будут содержаться обезьяны, будущие гибриды и их человеческие родители в особых условиях. Иванов мечтал создать обезьяноводство как новую отрасль животноводства.

Ч.Дарвин давно зафиксировал родство между идиотами-микроцефалами и обезьянами: те и другие волосаты; обнюхивают каждый кусок пищи перед едой; сильны и деятельны; чешутся, резвятся, прыгают, гримасничают; на четвереньках взбираются по лестницам, мебели и на деревья. Сподвижник Дарвина А.Уоллес считал: ныне существующие первобытные народы - родственники шимпанзе. Первая версия истории любви обезьяны и девушки вышла на экраны мира в 1933 г. и стала фетишем поп-культуры. За шесть лет до этого советский ученый разработал план совокупления человека и обезьяны.

Построения Дарвина стали руководством к действию для вождей Третьего рейха и советских дарвинистов-практиков. Последние опирались не только на наследие Дарвина, но прежде всего на марксизм. Исследования 1980-х гг. подтвердили гипотезу Дарвина об общем предке гориллы, шимпанзе и человека. И доказали моменты сходства обезьяны и человека: наличие речи (язык глухонемых), подобие религии, общие болезни (сифилис) и привычки (потребление алкоголя).

Судьбу обезьян пытались предопределить не только зоологи и трансплантаторы, но и Штаб РККА. Начальник Военно-химического управления Яков Фишман весной 1925 г. был Германии в секретной командировке в качестве неофициального военно-

[348] Мелик-Пашаев писал, что существа, родившиеся от такого оплодотворения, будут служить источником материала для замены органов и омоложения.

го атташе в рамках программы сотрудничества с рейхсвером. В 1925 г. боевые отравляющие вещества (ОВ) были запрещены. 48 стран подписали «Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств». Но втайне все страны развернули гонку по увеличению числа ОВ. Химическая пропаганда в СССР была связана с подготовкой химических войск в Красной армии. Она облегчалась секретными соглашениями с рейхсвером о совместной постройке в России завода по производству иприта. В лабораториях Военно-химического управления велись эксперименты на собаках, кошках и людях: «Газовой проверке должны были подвергнуться представители всех слоев советского общества, кроме обитателей кремлевского холма. Драгоценные сверхчеловеческие жизни требовали другой терапии»[349]. Публикации в зарубежной научной прессе спровоцировали опыты на людях. Риск и здоровье экспериментаторов компенсировались денежными вознаграждениями (начсоставу), усиленным питанием (красноармейцам), увеличением отдыха и ежегодным курортом для лиц, подвергавшихся экспериментам.

Руководителем Лаборатории научно-испытательного химического полигона был физико-химик Давид Львович Талмуд. В 1934 г. он стал членом-корреспондентом АН СССР и «перебрался из одной живодерской лаборатории в другую, находившуюся в ведении ОГПУ-НКВД»[350]. Показательный факт: среди лиц, участвовавших в советских опытах в качестве «субъектов» или «объектов», не было директоров крупных химических предприятий, партийных боссов, ветеранов ВКП(б), военных из руководства РККА. (Я: видимо этим объясняется их неучастие в социологических исследованиях со ссылкой на Л.Гудкова). Единственным нововведением в систему опытов, проходивших в лаборатории Н1 Отдела оперативной техники НКВД СССР стала замена устаревших терминов субъект и объект термином «птички»[351].

Обезьяньи проблемы заинтересовали химотдел РККА. Здесь готовились купить партию обезьян для газовых экспериментов. Обезьянам суждено было первыми пройти ад газовых камер. Как считали стратеги в Кремле и в Берлине, «ошибиться в дозах боевых

[349] Там же, с.132
[350] Там же, с.137
[351] Там же, с.137-138

отравляющих веществ здесь было нельзя, так как за приматами должны были последовать и люди»[352].

Инициативу по созданию обезьяньего питомника одобрил сам академик Павлов. Но от Иванова она перешла к официальному учреждению – Институту экспериментальной эндокринологии: «Это было логично, ответственность должна была нести не личность, а организация. Она смогла бы аккумулировать государственные деньги и развернуть подготовительную работу»[353].

Для выполнения задачи Иванов съездил в Германию и Францию. Европейские профессора поддержали его начинание, посоветовали ехать в Африку для проведения операции, предлагая сперму взять у негра. В СССР взамен расовой проповедовалась социальная гигиена. А.Залкинд рассматривал революции как важный евгенический механизм в истории человечества: «Великая французская революция, - писал он, - как массовая лечебная мера была полезнее для здоровья человечества, чем миллионы бань, водопроводов и тысячи новых химических веществ»[354].

Все это происходило на фоне обезьяньих процессов в США. Во вторую поездку Иванов взял с собой молодого сына. Русский эмигрант журналист Ткачев подозревал, что сын будет непосредственно оплодотворять шимпанзе. Однако обстоятельства ловли обезьян были неудачными. Африканские негры - мужчины и женщины – отказывались вступать в половые контакты с обезьянами. А охота на обезьян превратилась в кровавое сафари.

Вся затея находилась под присмотром ОГПУ-НКВД. Руководство питомника смотрело на Иванова как на поставщика будущего сырья и соблюдало свои личные интересы. Кремлю обезьяны были нужны для трансплантации желез внутренней секреции. Иванов был одержимым и не понимал последовательности приоритетов экспедиции: сначала омоложение, потом гибридизация, а не наоборот. Поэтому доверие Кремля к профессору пошатнулось. Но Иванов по-прежнему выдвигал идею создания обезьяноводства как специальной отрасли животноводства: «Эту перспективную отрасль сельского хозяйства правильнее было бы назвать «экспериментальным человеководством». А продукт ее – «ценным гибри-

[352] Там же, с.142
[353] Там же, с.143
[354] Там же, с.153

дом», незаменимым в кремлевской медицине и газовых камерах РККА»[355].

Институт экспериментальной эндокринологии выступал посредником между обезьянником и Кремлевской больницей. Сотрудники Института ждали материала для трансплантации: «…им не терпелось побыстрее осуществить омоложение кремлевских старцев и таким образом повысить и свой научный статус. Их не волновали проблемы эволюции обезьян, их беспокоила своя собственная эволюция в коридорах Советской власти… Чтобы еще больше убедить будущих высоких пациентов в необходимости и элементарности будущих операций по омоложению, энодокринологи стали устраивать различные конференции с сообщениями об успехах геронтологии во всем мире. Директор Института экспериментальной эндокринологии Шервинский в начале 1928 года огорошил своих подчиненных рассказом о новой победе над старостью итальянских медиков… Выступление Шервинского было озаглавлено как «Новые опыты омоложения женщин». В нем он сообщал «о поразительном случае омоложения 67-летней старухи» (Я: это выступление сразу опубликовано в «Красной газете»). Оказывается, не только дедушкам, но и бабушкам хирурги-эндокринологи могут вернуть утраченное половое влечение. А сколько старых большевичек, с нерастраченным потенциалом, могли бы приобрести давно забытое сексуальное влечение, если бы в СССР наладилось дело с обезьянами?»[356]. О.Шишкин называет этих научных сотрудников «инженерами человеческих тел» (в отличие от советских писателей – «инженеров человеческих душ»).

1929 г. начался для Страны Советов с научных достижений. Январский номер журнала «Наши достижения» сообщил: доктора С.С.Брюханенко и С.И.Чечулин получили фантастический результат: отрезали у одной собаки голову и начали пропускать через кровеносные сосуды головы с помощью насоса кровь другого пса. И голова жила. 10 января 1929 г. в Ленинграде открылся Первый Всесоюзный сьезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. «Он напоминал штаб опьяненной победами армии, рассчитывающей на законное мародерство. Пропагандистская шумиха … рисовала образ торжествующей чудо-науки, гото-

[355] Там же, с.245
[356] Там же, с.246-247

вой сделать для новой власти все что угодно»[357]. 19 апреля 1929 г. было проведено совещание, на котором выступал И.И.Иванов по вопросу: «О возможности постановки в Сухумском питомнике опытов гибридизации путем искусственного осеменения между антропоморфными обезьянами, а также между последними и человеком». В это же время профессор Г.М.Попова выводила исчезнувшие сорта пшеницы, академик ВАСХНИЛ М.М.Завадовский превращал петухов в куриц, куриц в петухов, готовился изучать семенную жидкость у гомосексуалистов, хотя гомосексуализм в СССР преследовался как уголовное преступление.

Главными фанатиками улучшения человеческой природы были С.Г.Левит и А.С.Серебровский. Первый закончил Институт красной профессуры, получил от США Рокфеллеровскую стипендию для изучения евгеники. По его мнению, искусственный отбор цивилизованного общества, гарантированный современной медициной, вел к накоплению в генетическом аппарате негативных черт и отягощению разных наследственных недугов с каждым новым поколением. Поэтому С.Левит считал развитие человека немыслимым без революционных методов селекции и размножения. А.С.Серебровский предлагал отделить любовь от деторождения, искусственно осеменять женщин рекомендованной спермой, а вовсе не обязательно от «любимого мужчины». Моральные ценности и семья должны отмереть. По его мнению, отказ женщин от искусственного осеменения должен квалифицироваться как поступок антиобщественный, аморальный, недостойный члена социалистического общества. Он считал, что от одного выдающегося мужчины-производителя можно будет получить от 1000 до 10000 детей. (Очень важно: Нереализованная идея!) Фанатик евгеники применял ее принципы и к своей семье. У него имелось многочисленное потомство. В целом утопия Левита-Серебровского - это «государство будущего, находящееся под тотальным контролем генетиков»[358].

Физико-математическое отделение АН СССР приняло еще 30 сентября 1925 г. постановление о большом научном интересе работ И.И.Иванова. Секция естественных и точных наук Комакадемии выделила средства на генетические исследования Левита-

[357] Там же, с.263
[358] Там же, с.272

Серебровского. 19 апреля 1929 года на заседании Совнаркома решилась судьба опытов по скрещиванию человека с обезьяной[359].

Короче говоря, советская власть «…подталкивала профессора к сенсации, осуществление которой откроет дорогу к дальнейшим экспериментам на людях и их гибридах, а впоследствии и путь к другой цивилизации. Цивилизации еще неизвестных нам существ»[360]. Генетика соединит человеческий ум с несокрушимой силой обезьяньих мускулов.

Для создания Сухумского обезьяньего питомника были учреждены секретные финансовые счета. Абхазия стала зоной особого доверия вождей. Они постоянно интересовались, как идут дела с обезьянником. Газета «Советская Абхазия» регулярно сообщала о поступлении в Сухумский питомник новых спасителей советской власти[361]. В мае 1929 г. «Советская Абхазия» сообщила, что в здании местной психушки будет создан естественнонаучный музей, экспонаты которого будут доказывать родство человека с обезьяной. Ч.Дарвин считал идиотов возвращением в животное состояние. А в столице Абхазии «…два мира – мир антропоидов и сумасшедших – стали вглядываться друг в друга»[362]. Экскурсанты посещали то и другое для научного назидания и зримого примера. Об обезьяннике писали газеты, приехала кинобригада. Партия поставила задачу снять фильм «Обезьяны и человек» как иллюстрацию к труду Ф.Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Но обилие туристов превратило питомник в зоопарк. Обезьяны нервничали. Иванов считал, что проведение экспериментов невозможно.

---

[359] Научная секция Совнаркома вынесла вердикт: продолжить опыты межвидовой гибридизации в Сухумском питомнике между отдельными видами обезьян и между обезьянами и человеком; женщины должны давать расписку о согласии подвергнуться искусственному осеменению спермой антропоида; опыты должны протекать в условиях изоляции женщин, исключающей возможность естественного осеменения; должны быть поставлены на возможно большем числе женщин (не менее 5); в распоряжение Иванова предоставить врача; выделить специальную сумму на подопытных женщин и помощников.

[360] Там же, с.279-280

[361] 19 сентября 1928 года газета сообщила: «На днях в сухумский обезьяний питомник прибывает из-за границы новая партия обезьян в количестве 46 штук. В числе прибывающих имеются 4 орангутана, 8 шимпанзе, 25 гамадрилов и 8-10 разных видов павианов». Там же, с.255

[362] Там же, с.283

Однако власть ждала гениталий. Здесь она отражала определенные тренды в общественном мнении: по сравнению с негритянками европейские женщины были более согласны вступить в половой контакт с обезьянами; в Советской России оказалось еще проще найти желающих принять участие в историческом эксперименте. Не пигмеи и банту, а русские бабы и мужики готовы были пойти на жертвы. В ответ на публикации в газетах в обезьянник добровольно обратились мужчины и женщины с просьбой использовать их в опытах бесплатно, «исключительно ради науки и просвещения подверженных религиозному невежеству сограждан»[363]. Возле вольер с обезьянами поселились девицы - «сотрудницы особого назначения». Самые любопытные бляди просили смотрителя познакомить их с шимпанзе – будущим сексуальным партнером. Это чуть не стоило жизни одной из них.

10.3. Секретные исследования и интеллигентные лакеи Кремля

Но тут перед Ивановым возникло неожиданное препятствие. Жизнь советских институтов – это интриги, связанные с борьбой за власть и финансирование научных проектов. Заместитель директора Института экспериментальной эндокринологии по обезьянам Тоболкин многих раздражал, поскольку держал и распределял кредиты[364]. Руководство института знало о проведении летом опытов по скрещиванию человека с обезьяной. И обвинило Тоболкина в том, что он саботирует передачу животных для трансплантации половых органов деятелям партии и Советского правительства. 10 января 1930 г. на заседании правления института Сухумский обезьянник был выделен из состава института в самостоятельное учреждение Наркомздрава. Тоболкин выставлялся за порог научного учреждения, зато освобождалась ставка. Эта акция должна была осветить вождям роль Тоболкина в подготовке операций по омоложению партийных кадров, что могло вызвать гнев Кремля, привести к крушению статуса питомника и Тоболкина.

Тоболкин решил упредить дальнейшие шаги врагов: 6 февраля 1930 г. он направил в Комитет по заведованию учеными и учебны-

[363] Там же, с.295

[364] «Опираясь на помощь кремлевских иерархов, он фактически создал собственное независимое даже в финансовом смысле учреждение, что не устраивало руководство его родного Эндокринологического института». Там же, с.285-286

ми учреждениями ЦИК СССР разъяснение, суть которого – передать питомник в ведение самого Комитета. Из ЦИКа направили запрос в Наркомздрав. Тот ответил, что питомник должен находиться в его ведении. Тоболкину отказали. Наркомздрав направил в питомник комиссию для проверки финансовой деятельности. «Это было началом платы за независимость и своенравие, следствием которого стал отказ Тоболкина поставлять обезьян для донорских операций с гениталиями»[365]. Кремль и Наркомздрав вначале не знали, как себя вести с взбунтовавшимся начальником обезьянника. Затем делом занялась РКИ, которая под маской проверки Эндокринологического института фактически была направлена на проверку действий Тоболкина в Сухуме. В итоге Тоболкина перевели зав.питомником и его научным руководителем.

Отвечать за все был вынужден Иванов. Его арестовали 13 декабря 1930 года. Обвинили в помощи международной буржуазии, враждебной деятельности против СССР и шпионаже. Иванов признал все свои преступные замыслы и был выслан на 5 лет в Казахстан. Сухумский питомник передали в Управление научных институтов Наркомздрава. В июне 1931 г. Иванов поселился в Алма-Ате, а 1 февраля 1932 г. постановлением Коллегии ОГПУ его освободили от стражи. Но 20 марта накануне отъезда в Москву он помер.

Жизнь обезьянника вновь оживилась после его передачи Всесоюзному институту экспериментальной медицины под руководством И.П.Павлова. Операции по омоложению с помощью пересадки семенных желез обезьян были признаны неэффективными. Сталин предпринял еще одну попытку решить проблему старости - перевел павловский институт (как будущий бастион бессмертия) из Ленинграда в Москву. Союзником вождя в борьбе со старостью выступил М.Горький – после чтения книги Б.Рассела «Научное предвидение». Тот писал о том, что медицинская наука должна перейти к эксперименту с человеком. Практическое осуществление этой идеи невозможно в консервативной Европе, зато по силам СССР. В планах научных работ института на 1935 г. тема «Старение» занимает десятое место, а остальные направления содержат секретные «оборонные темы» по заказам НКО и НКВД.

В секретном институте вместо науки омоложения детально разрабатывается наука умерщвления. Объектами исследования ста-

[365] Там же, с.291

новятся люди. Организуется токсикологическая лаборатория с во главе с Г.М.Майрановским. В 1938 г. НКВД доверило ему испытания ядов и отравляющих газов на приговоренных к смерти. В июле 1940 г. на закрытом заседании Ученого совета ВИЭМ он защитил диссертацию на соискание степени доктора биологических наук. Оппонентами выступали корифеи советской науки – Н.И.Гаврилов, директор Государственного Союзного научно-исследовательского института органической химии и технологии (п/я 702). В опытах принимали участие добровольцы, которым на кожу наносили отравляющие вещества. Приехавшие из деревни молодые люди хотели устроиться в Москве. Здесь им предлагали работу, общежитие, питание и за дополнительную плату – участие в научных опытах.

Спустя некоторое время Сталин охладел к ВИЭМ: «Много занимаются теорией, мало дают в практику и не занимаются проблемой продления жизни». Такой вывод Сталина был равносилен смертному приговору. Неудача с омоложением, другие просчеты ВИЭМ и Лечсануправа Кремля (неудачи в лечении Горького, Жданова и самого Сталина) подсказали ему простую мысль: «Ученые и врачи составляют в СССР большую организацию дипломированных аферистов и убийц. Вначале они выкачивают из государства деньги, а потом уже и кровь из его не в меру доверчивых вождей. Репрессии разочарованного и подозрительного диктатора не заставили себя долго ждать»[366]. В конечном счете евгеника (или зоотехния) попала в расизм.

Но вождей еще долго мучила жажда бессмертия и омоложения. Профессор А.Богомолец создал «сыворотку молодости». В 1970-е гг. глава 4-го Главного управления при Минздраве СССР академик Чазов способствовал практике американского врача Молнара, который хотел применить ткани человеческих зародышей для омоложения.

Кремлевская популяция была уверена в собственной сверхчеловечности, «явившейся плодом их жестокой политической борьбы и коварства изворотливого ума, то есть всего того, что сделало их лидерами среди других человеческих особей»[367]. Даже в 1960-е гг. продолжались исследования ленинского мозга и поиски рецептуры для репродукции новой элиты. Книги И.М.Забелина по физической

[366] Там же, с.311
[367] Там же, с.314

географии содержат ту же идею. 20 октября 1969 г. под грифом «Секретно» в ЦК КПСС поступила записка министра здравоохранения СССР Б.Петровского, в которой он предлагал воздержаться от публикации результатов исследования мозга Ленина, мотивируя это тем, что мозг надо сравнивать с мозгом выдающихся людей. Новые «выдающиеся люди» Суслов, Кириленко и Подгорный поставили под этим подписи.

Общий вывод О.Шишкина однозначен: люди стали объектами экспериментов потому, что «…в среде ученых всегда было достаточно разнузданных садистов и мерзавцев, одержимых желанием осчастливить человечество с помощью требуемых для науки человеческих жертв»[368]. Так, американский генетик Джеймс Нил на деньги Комиссии по атомной энергии США в джунглях Амазонии заражал вирусом кори индейцев и хладнокровно наблюдал их гибель; русский врач Кидихин в ущельях Памира занимался опытами по регенерации: «В своей собственной тайной лаборатории он отрезал у животных и насильно удерживаемых людей конечности и другие органы, а затем пытался с помощью своих «чудодейственных» лекарств вернуть им ампутированное»[369].

Думаю, что вывод О.Шишкина надо поставить в контекст российской модели отношения между властью и наукой. Эта модель навязывает ученым способ социального поведения, они вынуждены приспосабливаться к интересам власти. При таком подходе с власти снимается ответственность. Та же схема лежит в основании представлений об элите. Теория элит не может рассматриваться как элемент при разработке независимых от власти социогуманитарных наук. Тогда как общие модели взаимодействия науки и власти могут быть исходным пунктом для анализа политико-гносеологической почвы, на котором растет элитология[370]. В СССР религия и политика переплелись с зоологией. Результатом этого переплетения была секретность научных исследований и участие в них спецслужб – от секретных отделов партии до НКВД.

Кроме того, в состав советской модели взаимодействия науки и власти входят ряд других элементов:

[368] Там же, с.316
[369] Там же, с.316
[370] См.: Макаренко В.П. Наука и власть: контекст социальной истории науки // Логос. 2005, № 6

- состояния массовой мистики, истерии и мифа, в которые впадают большинство политиков и интеллектуалов после смерти вождей – т.е. вершины бюрократической иерархии;

- создание и сохранение анатомических материалов, содержание которых трудно отличить от «священных мощей»;

- создание секретных научных лабораторий и доверенных врачей ради продления жизни вождей;

- квалификация этих структур и лиц как части государственной безопасности;

- слежка за лицами и ликвидация различий между животными и человеком в таких структурах;

- связь научной деятельности с секретным сотрудничеством в структурах государственной безопасности; создание особой медицинской индустрии для вождей, членов партийного аппарата, военно-полицейской верхушки и их родственников;

- учреждение особых финасовых счетов для указанных структур и лиц;

- исключение этих персон из состава субъектов и объектов обычных научных исследований;

- солидарность европейских ученых с советскими властно-ориентированными научными исследованиями;

- стремление поставить все государство под контроль генетиков;

- развертывание внутри научных учреждений сети интриг ради борьбы за власть и финансирование научных проектов;

- использование мигрантов в секретных исследованиях;

- зачисление полической бюрократии в состав «выдающихся людей».

Из всего сказанного вытекает, что советская наука была элементом российского феномена власти-собственности.

Теперь рассмотрим один из показательных эпизодов, характеризующих деятельность политической бюрократии в постсоветской России.

Глава 11.
Распад империи: война в системе «центр-периферия»

Я предлагаю анализировать политику империй как мир реализованного абсурда. В СССР «…абсурд состоял в том, что если человек строил государственную промышленность, добиваясь ее эффективности, его обвиняли именно в развале промышленности; если он отвечал за обороноспособность страны, в процветании которой был единственный смысл его жизни, его обвиняли в подрыве армии, в работе на иностранные разведки, в продаже секретов тем державам, против которых строилась оборона. Если человек отвечал за развитие науки, подбирал наиболее способные кадры, создавал им условия для максимальной отдачи сил, его обвиняли в развале этой науки, в заведомом вредительстве и саботаже; если это был врач, боровшийся за жизнь своих пациентов, его заставляли признать, что подлинной его задачей было как можно скорее и как можно больше отправить людей на тот свет»[371].

Социальная и политическая история советской империи может рассматриваться как процесс вырождения профессионализма во всех сферах деятельности, включая политику. Влияние этого процесса на постсоветскую реальность требует специального исследования.

Как показал Фернан Бродель, при изучении империй следует учитывать их универсальные проблемы и процессы распада. Появление и рост класса чиновников, торговля государственными должностями, конфликт центра и периферии, использование финансов для достижения политических целей – универсальные проблемы, которые не могут быть решены имперской властью. Поэтому политика империй превращается в замкнутый круг одних и тех же проблем, в отношении которых бессильны реакционеры, реформаторы и революционеры. В периоды распада империй возникаю-

[371] Никитин А. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. Москва, Аграф, 2000, с.133

щие на их обломках государства становятся «змеиным клубком интересов» (Б.Льюис), зависимостей и карьер. Государство превращается в самодовлеющую силу – оно неспособно решать социальные проблемы, хотя удовлетворяет материальные интересы все большего слоя людей, не создающих материальных и духовных ценностей. В состав этого слоя входят силовые структуры и бюрократия. Поэтому постимперские государства сохраняются даже при неблагоприятных обстоятельствах. Правящие клики с помощью силовых структур и бюрократии преобразуют государство в сословный институт.

11.1. Коллапс государства

Как проявляются эти проблемы и процессы в постсоветской реальности? Для ответа я взял две книги. Книгу В.А.Тишкова можно рассматривать как методологическую. Он считает, что современная обществоведческая мысль остается в рамках схоластических метатеорий и популярных методологий, которые доминируют в исследованиях проблем мира и конфликтов. Все они слабо работают на уровне конкретного анализа конфликта. Примером популярной методологии В.А.Тишков считает методологию риска, которая воплотилась в проект государственного коллапса – инвентаризации государств на предмет их краха и распада. За период 1955-1994 гг. проанализированы 113 случаев государственного коллапса по 75 переменным и составлен список государств с высокой, средней и низкой степенью риска распада. Выделены 4 важнейшие факторы краха государства и возможности его распада: отсутствие демократии, крупная внешняя задолженность, высокая детская смертность, значительный процент молодежи среди населения. Россия зачислена в список государств с высоким риском распада. В.А.Тишков с этим несогласен. Он критикует глобальные теории и проекты, концепцию самоопределения, цивилизационно-этнографический романтизм, частные объяснительные модели[372]. Но сам использует концепцию модернизации с обратным знаком, называя ее демодернизацией. В.А.Тишков проанализировал различные аспекты российско-

[372] См.: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., Наука, 2001, с.34-50

чеченской войны 1994-1996 гг. и пришел к выводам, из которых отметим:

В доктринальном и политическом плане «национальная независимость» Чечни легитимизирована российской идеологией и практикой тех лет, когда представлялось, что вместо улучшения правления есть более естественный путь реализации демократических преобразований – суверенитет на этнической основе. Лидеры государства не смогли найти компромиссного подхода к манифестным формам поведения и уязвленной эмоциональности мятежных политиков периферии. Приход к власти Дудаева начат как вариант проводившейся центром декоммунизации, облеченной в форму и риторику народной революции, а завершен в форме политического мятежа. Никакой угрозы территориальной целостности России не было. Это миф, как и миф чеченской независимости. Тот, кто поверил в эти мифы, стали принимать решения и отдавать приказы. Они должны квалифицироваться как главные виновники трагедии[373].

Б.Ельцин пришел к мысли о начале войны в Чечне под влиянием силовиков Степашина, Грачева, Егорова и Лобова. За ними стояли военно-промышленный комплекс, бюрократия и собственники. Ключевую роль в эскалации насилия сыграли обоюдная жестокость армии и внутренних войск в отношении гражданского населения и вооруженных групп в Чечне к федеральным военнослужащим. Тотальное насилие связано с характером государственных институтов, правовой и политической культурой, ментальностью и историческим наследием российского народа[374]

Российские командиры ввели таксу на выдачу каждого трупа убитого, зная, что мусульманин готов отдать последнее, чтобы похоронить павших по обычаю предков. Одновременно брошенные русские трупы лежали штабелями и сами же русские не позволяли их хоронить. Русские подбирали трупы чеченцев, уродовали голову и сдавали по акту как труп российского солдата. Российские солдаты убивали друг друга за деньги. Контрактники вербовались из заключенных по системе МВД и МИД. Русских - жителей Грозного - тоже не щадили. Допускали групповое изнасилование русских и чеченских женщин в анонимной обстановке. На этом основании

[373] Тишков В.А. Указ.соч., с.241-243
[374] Там же, с.354

изнасилованные чеченские женщины затем становились камикадзе[375].

До 1999 г. МВД и ФСБ России занимались освобождением из заложников только политиков, крупных военных чинов, иностранцев и журналистов. Своих солдат и мирное русское население оставляли на произвол судьбы. Это стимулировало похищение людей (в 1995 г. - 272, 1996-338, 1997-1140, 1998-1415, 1999-более 1500 человек). Тема заложников стала использоваться в пропагандистских целях только после освобождения еврейского мальчика Ади Шарона и французского журналиста Бриса Флетье. Министр внутренних дел В.Рушайло лично доставил первого в Израиль, а президент В.Путин имел телефонный разговор с французским президентом после освобождения Флетье. Первыми заложников стали брать федералы, заставляя чеченцев выкупать своих арестованных и даже убитых. Точные данные о заложничестве недоступны, даже задавать вопросы на эту тему опасно. Русская сторона подчинила освобождения людей большой политике и групповому соперничеству[376].

Для моей книги особенно важны следующие выводы В.А.Тишкова:

1. Военный конфликт задействовал безумие партикулярного национализма и машины пропаганды западных и российских СМИ. Места для истины в смысле единой и общей версии происходящего не осталось[377].

2. Эксперты ФСБ и армии не знали, не понимали и игнорировали культурной природы чеченского общества[378].

3. Он называет войну «зримым, трагически осязаемым проявлением абсурда, который пропитал все поры российского общества, всю общественную и личную жизнь людей»[379].

Для анализа эмпирического уровня данного абсурда я воспользуюсь хроникой первой российско-чеченской войны (1994-1996 гг.), составленной российскими журналистами и правозащитниками[380]. Этот текст включает описание политических предпосылок

[375] Там же, с.365-372
[376] Там же, с.390-397
[377] Там же, с.485
[378] Там же, с.505
[379] Там же, с.515
[380] См.: Россия-Чечня: цепь ошибок и преступлений. Составители Орлов О.П., Черкасов

российско-чеченского конфликта, хронику военных действий, перечисление множества конкретных фактов нарушения прав человека российской и чеченской стороной и общие выводы. Естественно, для решения поставленной задачи могут использоваться материалы чеченской стороны и независимых организаций. Но такими материалами я не располагаю. Указанная хроника – один из относительно надежных историографических источников. Я сосредоточусь на политических предпосылках и ходе вооруженного конфликта.

11.2. Политическая коньюнктура

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. активизировалось движение за политическое самоопределение Чечни. Это объясняется рядом факторов: актуальность выживания чеченцев как этнической общности, все поколения которой хранили память о войне с Российской империей, сталинских репрессиях и депортации; местная партийная власть *прятала* этот вопрос, который дал эффект бумеранга, едва возникла возможность обсуждения политических тем; заявления Б.М.Ельцина о том, что каждая республика может брать столько суверенитета, сколько потребуется[381]; Ельцин хотел поднять статус России, его противники - статус территорий России.

Следует учитывать, что в СССР не было юридического и политического равенства союзных и автономных республик. При создании СССР Ленин и Сталин придали юридическим формулам ритуальную роль. Унитарная вертикаль власти базировалась на структурах ВКП(б)-КПСС, союзной индустриальной и силовой бюрократии. По мере ослабления диктатуры становилось явным отсутствие правовой и политической базы сохранения СССР как единого государства. Реальная власть номенклатурно-правовых систем союзных республик ограничивалась, но структура была тождественной «центру». Поэтому союзные республики могли претендовать на роль независимых политических субъектов с точки зрения формальных требований международного права[382].

А.В. Москва, Звенья, 1998. Все факты, цитаты и документы приводятся по этой книге.

[381] В июне 1990 г. Ельцин стал Председателем Верховного Совета РСФСР и лидером в борьбе с разваливающимся СССР, который отождествлялся с союзным центром по главе с М.С.Горбачевым

[382] «Ирония истории» в том, что после второй мировой войны Сталин требовал

По этому пути пытались пойти автономные республики. Но их формально-правовое положение отличалось от союзных. В автономиях не было политической инфраструктуры для контроля общественного порядка без поддержки Москвы. Право свободного самоопределения наций вплоть до образования самостоятельного государства провозглашено в Декларации прав Народов России 2/15 ноября 1917 г., а затем перешло в международные документы. Но в мировой практике нет юридических стандартов и механизмов его реализации. Реальная политика в этом вопросе по-прежнему базируется на сочетании произвольных решений.

Указанные явления авторы считают политическими причинами российского *парада суверенитетов*[383]. Руководители автономных республик, областей и краев выступали за независимость от России и включенность в Россию одновременно. Они подчеркивали значение того или другого в зависимости от политической коньюнктуры. Руководство России как части СССР было заинтересовано в поддержке со стороны всех территорий и не пыталось установить правовые отношения с ними.

М.С.Горбачев санкционировал применение силы против населения регионов (Нагорный Карабах, Грузия, Литва, Латвия, Фергана), в которых созрели мощные центробежные движения. Ельцин нашел общий язык с руководителями союзных республик. Он использовал альянс с ними для укрепления *российской* Москвы и своего статуса руководителя государства. Союзный центр не мешал внутрироссийскому сепаратизму для противовеса усилению позиций Ельцина и правящих клик других союзных республик. Консультант Ельцина по правовым вопросам политики С.М.Шахрай сочинил *теорию противостояния* союзного и российского центров власти в Москве, полагая распад СССР жертвой ради сохранения целостности России.

«зачислить» в члены ООН все 16 советских республик. Но ООН приняла туда только Россию, Украину и Белоруссию. При распаде СССР руководители союзных республик (начиная с Ельцина) жонглировали термином «суверенитет», придавая ему экономическое, культурное и даже экологическое содержание. В настоящее время большинство бывших союзных республик приняты в ООН. Значит, постсоветские руководители и ООН полвека спустя реализовали план Сталина (В.М.).

[383] Этот термин впервые использовал М.С.Горбачев, а затем он стал некритически применяться в советской и постсоветской публицистике и политических науках.

Эта коллизия наиболее резко проявилась в Чечне[384], которая считалась самой *советской* автономной республикой. С 1983 г. ею руководил типичный партийный бюрократ Д.Завгаев. Он полагал главной идеологической задачей обкома КПСС сокрытие реальной истории Кавказа. Но 27 ноября 1990 г. он (в качестве председателя Верховного Совета Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики) подписал декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики, согласно которой за нею признавались атрибуты независимого государства. Такой ход Завгаева делал уступку антикоммунистической оппозиции, одновременно приобретая шанс лавирования между Кремлем и Белым домом, в котором чеченец Р.Хасбулатов был вторым человеком. Российские и союзные властные структуры не протестовали против этого акта.

Формально Завгаев выразил волю Общенационального съезда чеченского народа (далее ОЧСН), состоявшегося 23-25 ноября 1990 г. Съезд объединил умеренных неформалов, либерально-коммунистических бюрократов и часть национал-радикалов. Председателем Исполкома ОЧСН избран генерал Д.Дудаев - бывший командир авиадивизии, участник афганской войны. Перспективы его влияния на ситуацию в республике в Москве не обсуждались. Вскоре Исполком ОСЧН раскололся на национал-радикалов и либерал-демократов. Дудаев стал лидером национал-радикалов, обеспечив их победу над реформаторами-демократами. Первое его заявление - призыв распустить Верховный Совет ЧИР[385].

Весной 1991 г. Чечню посетил кандидат в президенты России Ельцин и повторил: «Берите столько суверенитета, сколько сможете понести». Он не встретился с Дудаевым и руководителями ОСЧН, не считая их серьезной общественно-политической силой. Завгаев формально поддержал кандидатуру Ельцина в президенты России. Но 19-20 августа 1991 г. он был в Москве и лишь 21 августа выступил против ГКЧП[386]. Между тем ОСЧН преобразовался в Общенациональный Конгресс Чеченского Народа. Его Исполком уже 19 августа собрал многотысячные митинги в Грозном и квалифицировал действия ГКЧП как государственный переворот. После

[384] Однако главным источником внутрироссийской национально-региональной фронды был Татарстан.
[385] В марте 1991 г. Дудаев вышел в отставку и поселился в Грозном.
[386] Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению.

его провала митинговая атака переведена на Завгаева и Верховный Совет Чечено-Ингушетии. Москва на это не реагировала, поскольку претенденты на власть в Грозном (Завгаев и Дудаев) оказались «чужаками».

В сентябре 1991 г. в Чечне был ряд официальных российских делегаций, которые предупредили Завгаева о недопустимости силового разрешения кризиса власти. ОКЧН в это время формировал национальную гвардию, захватывая оружие с армейских складов. В конце августа она взяла под контроль республиканское телевидение и здания исполнительной власти (включая Совет Министров)[387]. 14 сентября в Грозный прибыл и.о.председателя Верховного Совета России Хасбулатов, под руководством которого прошла последняя сессия ВС Чечено-Ингушетии. По рекомендации Хасбулатова принято решение об отставке Завгаева и самороспуске ВС. Новые выборы назначались на 17 ноября, а на переходный период власть передавалась Временному высшему совету Чечено-Ингушской Республики из 32 депутатов. Вскоре этот совет раскололся - от его имени стали действовать разные группы. Четверо сторонников Дудаева издали законы и постановления для правовой базы деятельности ИК ОКЧН как верховного органа власти. Группа в пять человек объявила эти документы юридически недействительными: «В Чечне начался период перманентного двоевластия, грозящего перейти в гражданскую войну. При этом на фоне двух крупных центров власти и влияния (ОКЧН и Временный высший совет. - В.М.) возникали и другие независимые, неформальные властные группы различного уровня» (с.97).

6 октября в Грозный прибыла делегация во главе с вице-президентом России А.В.Руцким, пытавшимся сыграть роль «миротворца». Под его патронажем на один день собрался Временный высший совет. Но в Москве Руцкой 8 октября сделал доклад в Верховном Совете России с резкой оценкой ситуации. В тот же день вышло постановление Президиума Верховного Совета России «О политической ситуации в ЧИР», в котором Временный высший совет признавался единственной законной властью и требовалось разоружить *незаконные военизированные формирования*. В ответ ОКЧН постановил: действия Руцкого рассматривать как вмеша-

[387] 6 сентября при невыясненных обстоятельствах был выброшен из окна председатель Городского совета Грозного В.Куценко.

тельство во внутренние дела Чечни и объявление вооруженного противостояния Москвы и Грозного; замыслы российского правительства противостоят чеченскому народу; отозвать из Вооруженных Сил СССР военнослужащих-чеченцев, мобилизовать всех лиц мужского пола от 15 до 55 лет и привести в боевую готовность национальную гвардию[388].

10 октября Верховный Совет России принял постановление «О положении в Чечено-Ингушской республике», а Руцкой распорядился подготовить указ о введении чрезвычайного положения в Чечне. 19 октября Ельцин обратился к лидерам ОКЧН с фактическим ультиматумом[389]. 20 октября сделан следующий шаг на пути к силовым решениям – дислоцирующиеся на территории России внутренние войска МВД СССР передавались под юрисдикцию Рос-

[388] Следует подчеркнуть, что национальные гвардии к тому времени уже существовали в Прибалтийских республиках и Грузии и формировались в Абазии и Северной Осетии, но не квалифицировались Москвой как «незаконные военизированные формирования».

[389] Привожу его полный текст: «Обращение к лидерам Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа. На протяжении последних недель мирная земля Чечено-Ингушетии превратилась в арену массовых беспорядков и вооруженных столкновений, сопровождающихся захватом государственных учреждений, погромами, бесчинствами и гибелью людей. Причина этого – в откровенно антиконституционных, противозаконных действиях Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа и его лидеров, которые стремятся дестабилизировать ситуацию в республике и взять власть в свои руки путем использования организованных ими вооруженных отрядов так называемой «национальной гвардии». Все предпринятые в рамках политических переговоров меры не привели к восстановлению спокойствия и гражданского согласия. Напротив, обстановка становится все более непредсказуемой и чреватой самыми серьезными последствиями для настоящего и будущего республики. Такое положение не может быть терпимо. Исходя из интересов обеспечения безопасности граждан и охраны конституционного строя Чечено-Ингушской республики, на основании представленных Конституцией и Законами РСФСР полномочий и лежащей на мне ответственности за судьбы народов и жизнь людей требую от лидеров Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа и поддерживающих его группировок прекращения противоправных действий и безоговорочного подчинения Закону. Предлагаю в течение трех суток: а) выполнить Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О политической ситуации и Чечено-Ингушской республике» № 1733-1 от 10 октября 1991 г.; б) освободить все захваченные здания и помещения, принадлежащие государственным органам и общественным организациям; в) сдать все имеющееся оружие органам внутренних дел республики; г) распустить незаконно созданные вооруженные формирования. 17 ноября 1991 года совместно с Временным Высшим Советом Республики провести демократические выборы Верховного Совета Чечено-Ингушской республики, референдум о государственном устройстве Чечено-Ингушской республики согласно действующему законодательству РСФСР. Предупреждаю, что в случае невыполнения этих требований будут приняты все предусмотренные Законами РСФСР меры в интересах нормализации обстановки, обеспечения безопасности населения и защиты конституционного строя. Президент РСФСР Б.Ельцин».

сии (указ президента № 146 от 20.10.1991 г.). 24 октября президент РСФСР назначил народного депутата РСФСР А.Арсанова своим представителем в Чечено-Ингушской республике. Арсанов - член фракции *Коммунисты России* - не пользовался уважением в Чечне, зато его род был авторитетен. Это - первая попытка российского руководства возродить и сыграть на родовых отношениях одновременно с подготовкой силового решения проблемы, что еще более дестабилизировало обстановку в республике.

27 октября 1991 г. (в отличие от указанного Ельциным 17 ноября) состоялись выборы президента и парламента Чечни. Президентом избран Дудаев. Его сторонники утверждали, что в выборах участвовало 72%, а за Дудаева проголосовало 90,1% избирателей. Противники утверждали, что в выборах участвовало менее половины избирателей на меньшинстве избирательных участков. Первым указом Дудаев объявил независимость Чеченской Республики. Временный высший совет не признал выборы. Арсанов организовал в районах республики митинги в поддержку Временного высшего совета. 2 ноября Председателем Верховного совета России был избран Хасбулатов, который тоже признал незаконность выборов в Чечне. 8 ноября указом президента России в Чечне вводилось чрезвычайное положение (с 9 ноября по 9 декабря) и отменялись назначенные на 27 ноября выборы промосковских деятелей: «Есть основания полагать, что в окончательной выработке решения о принятии Указа № 178 (о введении чрезвычайного положения в Чечне - В.М.) участвовал небольшой круг людей, но кто персонально уже не удастся установить» (с.100)[390].

Министр внутренних дел СССР В.П.Баранников и председатель КГБ РСФСР В.Иваненко отказались выполнять указ о чрезвычайном положении и сняты с постов. Зам.министра обороны СССР и председатель Госкомитета РСФСР по оборонным вопросам П.С.Грачев, министр внутренних дел РСФСР А.Дунаев и генеральный прокурор РСФСР В.Г.Степанков поддержали указ. На заседании Верховного Совета РСФСР 11 ноября в том же ключе выступили Руцкой, Степанков, Хасбулатов и Шахрай, который признал за собой долю ответственности за появление указа. Представители

[390] Непосредственным поводом выпуска Указа № 178 послужила шифротелеграмма из Грозного в Москву за подписью А.Арсанова, который впоследствии отрицал факт ее отправки.

фракций выступили против. Указ отменялся, а в постановлении Верховного Совета требовалось парламентское расследование обстоятельств его появления. Этот пункт не выполнен.

В начале 1992 г. ситуация изменилась. Москва приняла двусмысленную позицию Дудаева: сочетание антироссийской риторики с отсутствием международной деятельности по реализации независимости Чечни, отрицательное отношение к распаду СССР и преданность идее единого советского государства. Москва не хотела принимать серьезные политические решения, отодвинула чеченскую проблему на второй план, фактически признала полномочия Дудаева, должностных лиц и институтов власти, законов и парламента Чечни. Но в официальных российских СМИ, выступлениях и заявлениях высших лиц государства вопрос статуса Чечни не упоминался. Такое положение сохранялось в 1992-1993 гг[391].

Осенью 1991 г. началась массовая пропажа оружия со складов дислоцированных в Чечне воинских частей. Вначале его похищали *неизвестные лица*, затем брало под контроль дудаевское правительство. В феврале 1992 г. Дудаев предложил министру обороны России Е.И.Шапошникову план раздела военного имущества: 50% вывозится, а 50% остается в Чечне. Шапошников не согласился. После его отставки новый министр Вооруженных сил России Грачев 28 мая 1992 г. зафиксировал передачу Чечне 50% боевой техники, вооружения, имущества и запасов материальных средств. Фактически не было равного раздела оружия и военного имущества. Попытки его вывоза с территории Чечни блокировались[392]. Под кон-

[391] В эти годы Москва занималась татарами, а не чеченцами.

[392] Авторы приводят данные Комиссии Государственной Думы России по расследованию причин и обстоятельств кризиса в Чеченской Республике, полученные из Генерального штаба Вооруженных Сил России. По состоянию на 1 января 1992 г. на территории Чечни имелось: пусковые установки ракетных комплексов сухопутных войск – 4, учебно-тренировочные самолеты (Л-39, Л-29) – 260, танки – 42, боевая машина пехоты – 34, бронетранспортер – 14, малые легкобронированные тягачи – 44, автомобили – 1063, артиллерийские системы – 139, противотанковые средства – 101, зенитно-ракетные комплексы войск противовоздушной обороны – 4, зенитные орудия – 9, зенитные установки – 18, пусковые зенитно-ракетные комплексы – 88, стрелковое оружие (автоматы, пулеметы, пистолеты, карабины, винтовки – 33748, боеприпасы (вагонов) – 27, авиационные ракеты Р-23, «; (штук) – 117, авиационные ракеты Р-60 (штук) – 126, авиационные снаряды ГШ-23 (тысяч штук) – 7, зенитные управляемые ракеты С-75 (штук) – 105, снаряды с готовыми (стреловидными) поражающими элементами ЗВШ-1 и ЗВШ-2 (штук) – 590, горючее (тонн) – 3050, вещевое имущество (комплектов) – 38000. За исключением небольшого различия в автомобилях, противотанковых средствах, пусковых зенитно-ракетных комплексах и стрелковом оружии все это вооружение и военная техника

троль Дудаева перешло все вооружение, находившееся на территории Чечено-Ингушетии, аэропорты Грозный-Северный, Ханкала, Калиновская, шахты стратегических ракет в районе Бамута. В Чечне организовывалась национальная гвардия по образцу национальной гвардии Северной Осетии, которая не требовала выхода из России. Таким образом, Москва заключила соглашение о выводе войск с территории, которую считала своей, и передала вооружение войскам, которые считала *незаконными вооруженными формированиями*. Центр дал пример абсолютного отсутствия законности.

Во внешней политике Дудаев предпочитал личные контакты протокольным мероприятиям, чему Москва не препятствовала. Первые министры иностранных дел Чечни - выходцы из Иордании[393]. Официальные контакты Чечни и Грузии в обход Москвы оказались блокированными после того, как Дудаев в союзе с российскими войсками поддержал Абхазию в грузино-абхазском конфликте 1992-1993 гг. Личный фактор был рефреном всей деятельности Дудаева (как и других постсоветских политиков). Главным инструментом урегулирования отношений с Москвой он считал личную встречу с Ельциным: «Противоречие в намерениях двух президентов именно по этому поводу послужило одной из главных причин начала и эскалации кровопролития» (с.108).

Дудаев назначил своим личным представителем в Москве Ш.Юсупова, аккредитованного правительством России. При его участии велась подготовка переговоров, решались практические вопросы (Центральный банк России разблокировал счета Банка Чеченской Республики с целью переводов для социальной сферы, разрешена выдача загранпаспортов граждан России жителям Чечни). Открытые переговоры начались в Сочи 12-14 марта 1992 г.[394] и в Москве 26-28 мая 1992 г.[395]

была передана (или захвачена) Чеченской республике по состоянию на 10,08.1992 г. (с.106-107).

[393] Из общей численности 865 тыс. по состоянию на 1985 г. 5000 чеченцев проживает в Иордании. См.: Народы мира. Историко-этнографический справочник. Под ред. Бромлея Ю.В. Москва, Советская энциклопедия, 1988, с.508

[394] По результатам встречи в Сочи был принят «Протокол о результатах встречи российской и чеченской групп экспертов». Он гласил: «Российская и чеченская группы экспертов, проводившие предварительную проработку вопросов, планируемых для обсуждения официальными полномочными делегациями республик, приняли для них нижеследующие рекомендации: 1. Провести переговоры официавльных делегаций обоих сторон в третьей декаде апреля 1992 года в г. Сочи («Дагомыс»). Возглавляют делегации заместители Председателя Верховного Совета Российской Федерации и Парламента

В декабре 1992 г. подготовлен вариант Договора между Россией и Чечней, одобренный высокими должностными лицами законо-

Чеченской республики. Численный состав каждой делегации 15-20 человек. 11. В повестку дня предстоящих переговоров между делегациями Российской Федерации и Чеченской Республики эксперты обеих сторон предлагают включить следующие вопросы: 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ: О признании политической независимости и государственного суверенитета Чеченской Республики; об определении политико-правовой формы взаимоотношений между Чеченской Республикой и Российской Федерацией. 2. ПРАВОВЫЕ: Оформление межгосударственных, межпарламентских взаимоотношений; охрана прав, свобод, законных интересов граждан, проживающих на территории обоих государств, независимо от их национальности, в соответствии с общепризнанными международно-правовыми нормами. 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ: Об экономическом пространстве Российской Федерации и Чеченской республики; о банковской и финансовой системах; о социальной, ценовой и таможенной политике; о научно-техническом и культурном сотрудничестве; информационном обмене; о транспортных и коммуникационных связях, включая магистральные трубопроводы; об энергетике; о выделении доли золотого, алмазного и валютного запаса Чеченской республике из бывшего союзного фонда. 4. КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: О совместной военной безопасности; вооруженных силах и воинских формированиях, их материально-техническом обеспечении; о военном командовании; об охране и защите государственных границ, иных вопросах коллективной безопасности. 111. До официальных переговоров полномочных представителей Российской Федерации и Чеченской Республики провести в конце марта текущего года в г.Москве встречу групп экспертов каждой из сторон для выработки проектов документов по вопросам, включенным в повестку дня. 1У. Рекомендуем разрешение вопросов, включенных в повестку переговоров официальных делегаций, оформить Договором между Российской Федерацией и Чеченской Республикой. У. Конкретную дату встреч и персональный состав официальных делегаций и экспертных групп стороны сообщают друг другу за семь дней до начала переговоров. У1. Для согласования протокольных процедур представители обеих сторон встречаются за три дня до начала переговоров. Совершено в двух экземплярах. Каждый имеет одинаковую юридическую силу. Глава группы экспертов Российской Федерации: Заместитель Председателя Совета Республики Верховного Совета Российской Федерации В.Жигулин. Глава группы экспертов Чеченской Республики Председатель Комитета Парламента Чеченской Республики З.Яндарбиев. 14 марта 1992 года. г.Сочи».

[395] По результатам встречи в Москве был принят «Протокол о результатах встречи групп экспертов Российской Федерации и Чеченской республики в г.Москве 26-28 мая 1992 года». Он гласил: «Российская и чеченская группы экспертов, исходя из полномочий, представленных им соответственно руководством Верховного Совета Российской Федерации и Парламента Чеченской Республики, подтверждая Протокол о результатах встречи сторон в г.Сочи от 14 марта текущего года и в соответствии с ним, считают целесообразным предложить к рассмотрению Верховному Совету Российской Федерации и Парламенту Чеченской Республики следующие вопросы: а) о принятии политической Декларации о взаимоотношениях сторон; б) о проектах Договоров от российской и чеченской сторон, проанализированных в ходе настоящей встречи. Рассмотренные в законодательных органах проекты документов экспертам согласовать на очередной встрече в третьей декаде июня 1992 г. в г.Грозном или в г.Кисловодске и представить их на утверждение полномочных делегаций республик. Глава группы экспертов Российской Федерации В.Жигулин. Глава группы экспертов Чеченской Республики З.Яндарбиев. 28 мая 1992 года»..

дательной и исполнительной власти России. Но Договор и другие соглашения не были подписаны, а встречи на высшем уровне не состоялись. Москва занималась отношениями с Республикой Татарстан, с которой заключено соглашение о разграничении полномочий. Предполагалось таким же путем разрешить разногласия с другими провинциями (включая Чечню). Но в ноябре 1992 г. в президентских структурах Москвы возродилась идея силового разрешения *чеченского вопроса*. Поводом послужил осетино-ингушский конфликт.

2 ноября 1992 г. Дудаев заявил о нейтралитете Чечни в этом конфликте. Российские войска прошли Пригородный район Северной Осетии, Ингушетию и вышли на рубежи Чечни. Е.Т.Гайдар утверждал, что федералы готовились войти в Чечню и только его личное вмешательство при посещении региона позволило отменить принятое решение. 10 ноября в ответ на выдвижение российских войск Чечня ввела чрезвычайное положение и мобилизацию, а 14 ноября – военное положение в пограничных с Ингушетией районах. 15 ноября кризис разрешен, войска отведены на 5 км. от границы Чечни. 18 ноября на переговорах Москвы с парламентско-правительственной делегацией Чечни утверждена достигнутая договоренность. В конце 1992 г. российскому руководству опять стало не до Чечни. Конфликт Ельцина с Хасбулатовым едва не привел к кризису власти в России. Последовали перестановки на вершине власти. Несмотря на смены занимаемых должностей, Шахрай влиял на ситуацию.

В январе 1993 г. возобновились переговоры и достигнут промежуточный результат: принято Коммюнике и Протокол о результатах встречи делегаций Российской Федерации и Чеченской республики. Правовой и политический смысл этих документов означал: Россия официально признает Чечню субъектом права, а ее фактически действующие властные структуры – субъектом равноправных переговоров с открытым исходом и не оспаривает возможность международно-правового признания независимости ЧР; стороны обязываются найти формы межреспубликанского образования, объединяющего Россию и Чечню на основе делегирования полномочий; отвергается силовое решение политического статуса Чечни.

Перед российским референдумом о доверии президенту Центральный Банк России в последний раз дал дотацию Чечне для по-

гашения задолженности по выплате пенсий и пособий за 1992 г. В 1992-1993 гг. в России и других бывших союзных республиках советские деньги были заменены на новые дензнаки. Государство в очередной раз ограбило население, превратив трудовые сбережения в труху. Чечня не признала денежную реформу и не изъяла из обращения советские рубли. С территории бывшего СССР в Чечню хлынули банкноты, «прокрутка» которых на чеченском рынке была выгоднее обмена по установленному курсу. Но этот акт практически не влиял на упадок российской экономики.

На протяжении 1992-1993 гг. в России и Чечне развивался конфликт бюрократии (президентской и исполнительной власти) и парламента. Дудаев в письмах Ельцину предлагал российскому президенту обсудить вопрос окончательного признания суверенитета Чечни, а после референдума о доверии президенту распустить Верховный Совет России и провести референдум по новой конституции. Весной-летом 1993 г. Дудаев ливидировал прламент и другие нелояльные ему институты и должности. Отстраненные чеченские функционеры заявили о незаконности действий Дудаева и желании продолжать исполнение своих функций. Среди них были ключевые фигуры российско-чеченских переговоров, что послужило причиной их блокирования. В мае 1993 г. Дудаев оценил переговоры как провал и предложил возобновить их на уровне бюрократии: «В политических системах с не определившейся правовой базой и не установившейся правовой традицией представления о преемственности обязательств достаточно слабы» (с.116). Конфликт бюрократии и парламента привел к тому, что взятые обязательства были отвергнуты обоими сторонами.

В октябре 1993 г. Ельцин прислушался к Дудаеву, расстрелял парламент и разогнал Верховный Совет России. 7 октября Дудаев направил Ельцину письмо, в котором одобрял «подавление коммунистическо-фашистского мятежа» в Москве. После этого возобновились переговоры между Москвой и Грозным. Чеченские чиновники потребовали признания независимости, российские отвергали саму постановку вопроса. Обе стороны использовали конфронтационную риторику. 19 октября Чечня обратилась к народам Северного Кавказа в развязывании кавказской войны. Это имело определенные основания. Политика Москвы в отношении Грозного стала приобретать конкретные очертания. 2 ноября 1993 г. Ельцин утвер-

дил «Основные положения военной доктрины РФ». У российской армии внутри страны появился противник - *незаконные вооруженные формирования*. Журнал «Обозреватель»[396] оценил негативно *незаконные вооруженные формирования* Северного Кавказа[397] и потребовал увеличить в Северо-Кавказском Военном Округе число танков (лимитированное международными соглашениями) за счет техники, выведенной из Центральной Европы.

5 ноября 1993 г. Шахрай подал записку Ельцину о политическом урегулировании ситуации. Он предлагал переговоры с одновременным силовым давлением на Чечню с целью заставить ее снять вопрос самоопределения вне России, свержение власти Дудаева и замену ее марионеточным правительством. 6 ноября Ельцин одобрил записку и поручил Госкомитету России по делам федерации подготовить предложения. Через месяц (8 декабря) правительство Чечни выразило протест против силового давления на республику.

12 декабря 1993 г. утверждена новая конституция России, согласно которой Чечня оставалась обычной российской провинцией. Инициаторы и исполнители распада СССР квалифицировали территориальную целостность России как высший приоритет[398]. 16 декабря создан Временный совет Чеченской Республики, а 26 декабря обнародовано Заявление о его создании. Марионеточная структура базировалась в Надтеречном районе Чечни, руководители которого не признавали власть Дудаева. Иначе говоря, провозглашение территориальной целостности России не помешало Москве сделать ставку на внутричеченских сепаратистов. Создание промосковской бюрократии не вызвало энтузиазма населения, предпочитавшего сохранять нейтралитет. Временный совет Чечни (его возглавил глава администрации Надтеречного района У.Автурханов) получил

[396] Издается военно-политической группой «РАУ-Корпорация». Она возникла на базе бывшей Академии Общественных наук при ЦК КПСС – главной советской идеологической структуры, преобразованной в Российскую Академию Управления, а затем – Российскую Академию Государственной Службы при Президенте Российской Федерации. Эта корпорация связана с силовыми структурами, исполнительной властью, коммунистическими и националистическими кругами России.

[397] Но в начале года (январь 1993) на встрече делегаций Российской Федерации и Чеченской Республики в г.Грозном отмечалась «особая роль Чеченской Республики в урегулировании осетино-ингушского конфликта» - т.е. ее вооруженных формирований, которые теперь стали квалифицироваться как «незаконные» (с.113).

[398] Это вызвало протест Дудаева, который добавил слово «Ичкерия» к названию республики.

оружие и военную технику для своих военных формирований. Итак, на протяжении двух лет Москва дважды вооружила противоборствующие политические силы.

23 февраля 1994 г. Государственная Дума России амнистировала участников октябрьских событий 1993 г., включая Хасбулатова. Он поехал в Чечню, выступал за ее сохранение в составе России, был противовесом Дудаеву и имел шанс вернуться на высший уровень московских коридоров власти. Оба чеченских лидера были неприемлемы для Москвы. Поэтому она начала подготовку силового разрешения конфликта. С апреля 1994 г. на полигонах российского Министерства обороны части спецназа готовились к действиям в Чечне. В мае зам.министра Внутренних Дел, командующий Внутренними Войсками России А.С.Куликов в частной беседе сказал: «Кризисная ситуация в Чечне, связанная с высоким уровнем организованной преступности, сросшейся с властными структурами, не может быть разрешена иначе, как с помощью силового вмешательства федерального центра» (с.118). В Москве создан план *маленького блицкрига*, на реализацию которого отводилось две недели.

Добыча, переработка, продажа и транспортировка нефти – еще одна политическая предпосылка российско-чеченской войны[399]. Режим Дудаева монополизировал продажу нефти, доход от которой составлял 5-6 млрд. долл. в год. Торговые операции проводились под личную ответственность высокопоставленных лиц. Однако по справке Государственного таможенного комитета России от 1 марта 1995 г. официально не зафиксировано случаев продажи чеченской нефти за рубеж в обход российской таможни. Грозненская нефть шла в Россию, а нефтеперерабатывающие заводы Чечни до 1993 г. работали на сырье, поступающем из России. Но с 1992 г. объем транспортировки нефти в Чечню стал падать: от 11077 тыс.т. (1991 г.) до 89 тыс.т. (1994 г.). 16 июля 1993 г. Шахрай направил Ельцину справку, в которой предлагал прекратить поставку нефти в Чечню и поручить Министерству безопасности России контролировать поступление нефтепродуктов. В обоснование выдвигались доводы экономического и политического характера[400]. Их суть –

[399] Основные промышленные запасы нефти в Чечне исчерпаны и составляют менее 1% от разведанных на территории России. С 1991 г. размер добычи нефти в Чечне постоянно падал (за 11 месяцев 1994 г. добыто 1180 тыс.тонн, что составило 29% от добычи 1991 г.

[400] Приведем цитату из этого документа: «Формальное наличие поставок нефти на нефтеперерабатывающие заводы в Чеченской республике имеет ряд чрезвычайно

сохранить за Москвой монополию на нефть с одновременным расширением функций органов безопасности.

Контроль участка нефтепровода Баку-Новороссийск, проходящим по территории Чечни, был еще более важным для России. Перед началом войны российский премьер В.С.Черномырдин и американский вице-президент А.Гор подписали соглашение о *прозрачности* нефтепроводов на территории России. Соглашение обязывало Москву изменить ситуацию, поскольку она не контролировала чеченский участок нефтепровода. Значит, США внесли свою лепту в подготовку силового решения конфликта.

1994 г. - период взаимоисключающих действий и высказываний российских и чеченских политиков. Москва камуфлировала подготовку силового решения. Представители Чечни многократно приезжали в Москву, настаивая на встрече Дудаева с Ельциным, не оговоренной условиями. Руководитель аппарата президента России С.А.Филатов заявил: разговор возможен при условии формального и официального признания Чечни субъектом России, подпадающим под действие ее Конституции и законов. На этой основе Ельцин в апреле поручил правительству провести консультации с представителями органов власти и политических движений Чечни и подгото-

---

негативных для России последствий, а именно: - используя формально наличие поставок нефти на НПЗ в Чеченской Республике, коррумпированные элементы в России и Чечне осуществляют переработку больших количеств неучтенной нефти и реализацию полученных нефтепродуктов за рубеж. Так как правоохранительные органы в Чеченской Республике не функционируют и фактически это зона беззакония, приостановить хищения при продолжении функционирования нефтепровода невозможно; - регионам России, добывающим и поставляющим нефть на НПЗ в Чеченской республике по внутренним ценам, наносится существенный экономический ущерб, так как нет обратных равноценных поставок нефтепродуктов в эти или другие регионы России; - поставка и переработка нефти используются режимом Д.Дудаева для реализации своих внутриполитических целей – закупки значительных количеств оружия и вооружения своих сторонников, создания видимости бесплатной раздачи нефтепродуктов населению, оплаты нефтепродуктами поставок муки и искусственного поддержания снижения цен на хлеб (большая часть муки расхищается), подкупа ряда влиятельных религиозных авторитетов, оплаты наемников из Прибалтики и Западной Грузии и т.д.; - поставка и переработка нефти используются чеченским руководством и для внешнеполитических целей. Перед западными странами создается видимость серьезной нефтяной страны (большей частью за счет похищенной нефти, так как в Чеченской республике добывается только 3 млн.тонн в год), в отношениях с Грузией и Арменией поставки нефтепродуктов служат средством политической торговли; - постепенно окрепнув за счет бесконтрольной продажи нефтепродуктов за рубеж, накопив валютные средства, режим Д.Дудаева превращает Республику в перевалочную базу наркотиков и оружия. В этот процесс добровольно или под угрозой все больше и больше втягивается часть сотрудников органов государственной власти России» (с.119-120).

вить проект Договора о разграничении предметов ведения между Москвой и Грозным о взаимном делегировании полномочий. Представители Дудаева эту схему отвергли.

Затем Москва три месяца формировала делегацию для переговоров с Чечней во главе с *ястребом* Шахраем. Дудаев многократно заявлял о нежелании вести переговоры с ним. Значит, российская бюрократия не считала диалог реальным решением вопроса и затягивала переговоры для подготовки к войне. Парламент России тоже принял ряд обтекаемых документов, которые не удовлетворяли Чечню, но содержали положение: все споры о Чечне должны решаться мирными способами и средствами. Однако принятое 25 марта Постановление «О политическом урегулировании отношений федеральных органов государственной власти с органами власти ЧР» исключало переговоры с Дудаевым, а условием договора с Чечней выдвигало проведение новых выборов под международным контролем.

В мае 1994 г. С.А.Филатов заявил: власти Чечни публично отрубают людям головы, использовав при этом ложную информацию[401]. Вслед за этим (27 мая и 30 июня) начались теракты по одному сценарию: захват автобусов с заложниками в районе Кавказских Минеральных Вод, требование крупной суммы денег и предоставление вертолета для вылета в Чечню. Оба раза требования удовлетворялись, инциденты заканчивались без жертв. Эти события не влияли на отношения Москвы с Грозным[402]. Но после третьего захвата (28 июля) Куликов отстранил от операции подразделение «Альфа» и силами своих подчиненных из подразделения «Вега»[403] штурмовал вертолет, в котором находились террористы с заложниками. Операция закончилась провалом. С этого момента захват заложников уже использовался для обвинения Чечни в покровительстве террористам.

Все лето российские СМИ создавали позитивный образ Временного совета Чечни как законопослушной структуры, готовой

[401] Действительно, отрезанные головы трех членов одной из преступных группировок были выставлены на площади Грозного родственниками ранее убитых этими преступниками людей. Но если советская власть не устранила обычай кровной мести как элемент родовых отношений, могла ли это сделать дудаевская власть?

[402] Помощник президента России по национальной безопасности Ю.М.Батурин летал в Грозный и благодарил Дудаева за содействие в пресечении попыток терроризма.

[403] Ранее этот отряд входил в структуру КГБ, но готовился для диверсий на территории противника, а не для борьбы с терроризмом.

свергнуть Дудаева. Марионетке приданы все атрибуты правительственной структуры. Несколько месяцев чеченцы воевали между собой, но решения антидудаевской коалиции принимались с участием московских чиновников. В частности, Федеральная Служба Контрразведки России пыталась консолидировать оппозицию режиму Дудаева. Но сотрудник ФСК (подполковник С.Крылов) был арестован Департаментом Государственной Безопасности Чечни и рассказал об этой работе перед телекамерой. Российские спецслужбы определяли, какую из сил и фигур следует поддерживать[404].

Осенью 1994 г. российские деятели высшего уровня власти уже не предлагали компромисса с Дудаевым. Выбор между миром и войной свелся к альтернативе: политическое давление в сочетании с экономической блокадой и локальными военными акциями – силовое наведение порядка. Второй вариант не афишировался, хотя аэрофотосъемки Чечни в военных целях велись с середины августа. В сентябре Дудаев сделал вывод о неизбежности военного столкновения с федералами и начал действовать как военный, а не политик: выслал из Чечни российских журналистов, представителей миротворческих и правозащитных организаций. Но он не сделал никаких официальных заявлений о военных приготовлениях Москвы. Наоборот, он приветствовал русских националистов и партию Жириновского. Вскоре их гостеприимно встречали в Грозном российские генералы.

До конца ноября чеченская тема не затрагивалась в официальных заявлениях российских властей и находилась на периферии российского информационного пространства[405]. Лишь после прова-

[404] Об этом свидетельствует аналитическая справка ФСК: «Анализ ситуации в Чечне показывает следующее распределение сил. С одной стороны, генерал-президент Дудаев стремительно теряет контроль над ситуацией… С другой стороны, существует треугольник, связанный с именами Р.Хасбулатова, бывшего председателя Чечни Д.Завгаева и У.Автурханова. Определенные круги в Кремле явно симпатизируют Д.Завгаеву. Но именно из-за нерешительности Завгаева пришел к власти Дудаев. В силу этого попытки Завгаева встать у руля оппозиции неминуемо приведут к расколу последней. В этом случае у Автурханова не будет другого пути, кроме установления более тесного союза с Хасбулатовым. С другой стороны, в силу негативного отношения в кругах высшего руководства России к фигуре Хасбулатова перспективы дальнейшей помощи после победы над Дудаевым весьма призрачны. По всей видимости, фигура У.Автурханова наиболее предпочтительна. По нашим сведениям, в ближайшее время У.Автурханов посетит Москву, и по результатам его визита можно прогнозировать дальнейшее развитие ситуации в Чечне». Прежние сотрудники КГБ принимали также участие в первых боях с отрядами Дудаева и получали за это награды.

[405] Предупреждения о возможности войны прозвучали только в выступлениях

ла штурма Грозного силами Временного совета ЧР и разоблачений тайных обстоятельств этой операции внимание приковалось к событиям в Чечне. Все политические силы Москвы осудили действия силовых ведомств. Но это ни к чему не привело. На протяжении двух недель перед началом войны в Грозный постоянно ездили депутаты Государственной Думы России, заявляя о стремлении не допустить военного конфликта. Это не имело реальных политических последствий, поскольку они не располагали серьезными полномочиями и не желали обсуждать предложение московских общественных организаций установить в Грозном постоянную депутатскую наблюдательную миссию[406]. Следовательно, большинство российских парламентариев участвовало в политической манипуляции, а Дудаев тоже не желал ее предотвратить.

Дудаев всерьез отнесся к переговорам с российским министром обороны Грачевым 6 декабря в станице Орджоникидзевская. Здесь был достигнут договор решить чеченский вопрос мирными политическими средствами. Но решение ввести российские войска в Чечню уже было принято. Европарламент квалифицировал встречу как важное событие по предотвращению вооруженного конфликта и сознательно поддерживал политические иллюзии. Последний официальный контакт перед началом войны – переговоры во Владикавказе 12 декабря, когда федеральные войска вступили на территорию Чечни. При этом действия по срыву переговоров объявлялись направленными на предотвращение их срыва[407]. Российская делегация на переговорах во Владикавказе поставила перед ЧРИ ультимативные требования, а во время переговоров в Чечню вводились войска. ЧРИ прервала переговоры (для консультаций с Дудаевым) и они больше не возобновлялись.

Анализ истории и характера политических отношений властей России и Чечни в августе 1991-декабре 1994 гг. правозащитники завершают выводами: смена власти в Грозном в августе-ноябре 1991 г. произошла вопреки законодательству РСФСР и СССР; провоз-

представителей «Демократической России» и малоизвестных публицистов и журналистов.

[406] Когда Г.С.Явлинский приехал в Грозный с таким планом, он был отвергнут Дудаевым.

[407] Так, в обращении к гражданам России 11 декабря президент России обосновал ввод войск следующим образом: «Наша цель состоит в том, чтобы найти политическое решение одного из субъектов Российской Федерации – Чеченской Республики… На 12 декабря 1994 года намечены переговоры между правительствами России и Чечни. Мы должны предотвратить их срыв» (с.125).

глашение и создание политических, военных и экономических атрибутов независимости Чеченской Республики нарушало Конституцию и законодательство России; попытка Москвы силой вернуть Чечню в рамки правового поля России (ноябрь 1991 г.) оправдала в глазах значительной части чеченского общества неправовые силовые действия сторонников независимости Чечни; власть России и Чечни не выработала реалистического подхода к выходу из политического кризиса, из-за чего возможности политического решения конфликта не использовались по вине обоих сторон; секретные силовые акции федеральных ведомств на территории Чечни консолидировали чеченское общество на антироссийских позициях и снизили возможность разрешения кризиса невоенным путем; военное решение кризиса не может быть оправдано политическими, военными и нравственными соображениями.

11.3. Предметы рефлексии

Каждый из этих выводов нуждается в коррекции. Рассмотрю три направления критики.

Первое из них определяется тем, что журналисты и правозащитники относятся к праву наций на самоопределение как модификации прав человека, субъектом которых выступают государства, национальные и этнические движения. Действительно, в период распада СССР в республиках возникли национальные движения. Они возродили лозунг самоопределения, но трактовали его в ленинском духе. Зарубежные советологи тоже утверждали, что народы СССР испытывают угнетение и поэтому имеют право претендовать на политическое самоопределение. Между тем в постсоветское время на законодательном уровне в России не было даже попыток строго определить этот термин. Таким же образом обстоит дело в международной правовой практике. Вопрос о самоопределении запутан, а международно-правовые документы противоречивы. Поэтому ООН не высказывает официального мнения о содержании права народов на самоопределение. Парадигма самоопределения остается наиболее политизированным вопросом.

По сравнению с периодом советской власти никакого изменения в трактовке самоопределения в России и других государствах СНГ не произошло. На протяжении 10 лет все реформы советской

национальной политики сводятся к разработке множества законов, концепций и программ, каждый из которых можно оспорить. Создаются различные государственные институты по регламентации этнонациональной ситуации в России. Все это свидетельствует о том, что под видом самоопределения народов самоопределяются властно-управленческие клики государств СНГ. Россия стала пионером этого процесса. Требование самоопределения не выражает единую и общую волю населения этих государств. Оно есть продукт фальсификации данного требования этнонациональными кликами.

Этот вывод можно доказать теоретически и эмпирически. В российской и зарубежной литературе показано: современная этнология не дает строго научного обоснования принципу самоопределения, поскольку невозможно в принципе и в каждом конкретном случае определить, кто может и не может претендовать на это право. Существует ряд нерешенных проблем концептуализации, правового обеспечения и реализации принципа самоопределения: недоказано, что сам принцип относится к базовым правам человека и обеспечивает его интересы; нет однозначных международных правовых норм толкования и реализации этого права; нет четких критериев определения возможных субъектов права на политическое самоопределение; нет бесспорных (с точки зрения демократических принципов) процедур осуществления этого права; нет универсальных способов совмещения политического самоопределения с другими правовыми нормами по поддержанию политического порядка и интересов всех этносов и наций.

Итак, категория *естественных, фундаментальных, неоспоримых прав человека* является конвенциональным правом, а связанный с ним принцип самоопределения (политического, национального, этнического) являются заблуждением[408]. Следовательно, сама дискуссия между центром и периферией, связанная с попытками утвердить те или иные государства (Россию или Чечню) как *субъекты права на самоопределение*, не отражает интересы населения, а воплощает волю властно-управленческих клик.

Во-вторых, трактовка и оценка российско-чеченской войны через призму прав человека и самоопределения наций развивается и в

[408] См.: Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001, № 2, с.3-17; Нации и национализм. Перевод с английского. Москва, Праксис, 2002

научных публикациях. Так, в декабре 1999 г. в Москве проведена научная конференция на тему «Чечня и Россия: общества и государства». Ее организовали Фонд А.Сахарова, Музей им. А.Сахарова и Сахаровский общественный центр «Мир, прогресс, права человека». Результаты конференции опубликованы[409]. Но они сдержанно оцениваются чеченскими учеными, которые непосредственно наблюдали ситуацию в Чечне.

Например, Я.З.Ахмадов положительно оценивает примат прав человека над государственными интересами и антимилитаристскую направленность конференции. Он отмечает также важность задачи убедить воюющие стороны перейти к переговорам, заключить мир и дать Чечне такой суверенитет, который не позволит больше России развязывать на ее территории предвыборные войны и полностью или частично депортировать коренное население. Однако такой подход содержит недостатки[410].

Ряд российских, западных и чеченских ученых стремятся утвердить в современных исторических, этнографических и политических науках тезис о социально-исторической *самобытности* чеченского народа, господстве в его среде средневековых религиозных и первобытно-родовых институтов. Такой подход – разновидность анахроничной теории *единого потока*: все чеченцы под руководством Дудаева выступили за свободу и независимость Чечни, а затем поднялись на войну с Россией. В европейской и американской политической науке господствуют ложные взгляды на историю Чечни, уровень развития чеченского общества и современное состояние русско-чеченских отношений. Европейские, американские и российские ученые считают, что в этой войне русские воевали с чеченцами. В соответствии с теорией Т.Скокпол предполагается[411], что все русские идентифицируют себя с *бюрократическим государством*, а боевые качества чеченцев (у которых не было государства за всю историю) вытекают из особой *этнической традиции*. Теории *единого потока* и противопоставления *бюрократического государ-*

[409] См.: Чечня и Россия: общества и государства. Публикации Музея и общественного центра имени А.Сахарова. Вып.3. Москва, 1999

[410] См.: Ахмадов Я.З. Рецензия на сборник: Чечня и Россия: общества и государства // Этнографическое обозрение. 2001, № 6, с.130-142

[411] Patrz: Skocpol T. Francja, Rosja, Chiny: strukturalna analiza rewolucji spolecznych // Wladza I spoleczenstwo. Warszawa, Scholar, 1995, s.248-259

ства и чеченского *этноса* не подтверждаются конкретными фактами.

Российско-чеченская война 1994-1996 гг. – это первая война между группами, кланами, интересами государств-членов НАТО и исламских религиозных организаций, а не между нациями. Национальные интересы стран Запада не совпадают с национальными интересами России и Чечни. При поддержке властных групп России Чечня завоевана собственным маргинально-криминальным элементом. В Чечне столкнулись **государственно-мафиозный и национально-радикальный терроризм**. Ни один из них не ставил цель создание правового государства. В итоге уже 10 лет длится истребление чеченского народа. Великие державы, члены Совета безопасности ООН (включая Россию, на чьей территории происходят массовые преступления), не вмешиваются в события. Международные инциативы сводятся к требованиям переговоров России с официальной чеченской властью. По сути дела, авторы анализируемой хроники стоят на той же позиции и не описывают специфику режима Дудаева. Между тем этот режим продуцирует внешние и внутренние войны в силу социальной природы. Чеченский народ оказался между молотом и наковальней. Массы чеченского народа не участвовали в войне, поскольку им была отвратительна «къу эдал» (воровская власть) Дудаева.

К власти в Чечне пришли люди без корней и определенных занятий, незнакомые с этническими ценностями своего народа. Уголовные и полууголовные элементы рассматривали *чеченскую революцию* как средство освобождения от российского прокурора и имперской тюрьмы. Большинство чеченцев не вмешивалось в борьбу за власть между *коррумпированным партократом* Завгаевым и *городским сумасшедшим* Дудаевым. Победа Дудаева осенью 1991 г. объясняется тем, что по приказу Москвы ему передали местную агентуру Министерства Внутренних Дел и КГБ. Поэтому режим Дудаева базировался на системе внутреннего шпионажа.

Режим Дудаева систематически боролся с демократической оппозицией. 4 июня 1993 г. Дудаев совершил государственный переворот – распустил парламент, расстрелял Городское собрание Грозного, разогнал митинг демократической оппозиции. После этого начались гонения на СМИ. Преследовались телекампании и телеканалы, разгромлены редакции оппозиционных газет с конфикацией

имущества, закрывались (из-за прекращения финасирования) газеты и журналы, которые не желали петь панегирики правящей верхушке. При Масхадове перестала выходить даже общенациональная газета на чеченском языке.

Режим Дудаева (и сменившего его Масхадова) не интересовался развитием национальной культуры. Кунтахаджинский зикр театрализован и превращен в механизм мобилизации национального протеста по образцу хорового пения в Прибалтике[412]. Под видом исламизации шла фактическая арабизация школы и культуры. Осуществлялись гонения на национальную интеллигенцию и вузы как рассадники свободомыслия. Запрещено преподавание философии, взамен введены религиозные дисциплины. Культивировался запрет на профессии, светское образование ущемлялось в пользу религиозного. Разрушена система образования и медицинского обслуживания. Дисквалифицировались и пропадали учителя, врачи, инженеры, писатели и поэты. Шариатские суды практиковали убийства по этническому признаку, массовое похищение и торговлю людьми. На этой почве возникал религиозный фундаментализм[413].

Режим Дудаева систематически уничтожал независимых от него политических деятелей районного, городского и республиканского масштабов. Дудаев предпринял 11 карательных походов на чеченские села и города, которые отказывались ему подчиниться. В этих боях погибло до 1500 человек, тысячи людей ранено. В каждом селе было создано *народное ополчение*, которое уже в 1993-1994 гг. громило банды Басаева, Масхадова, Арсанукаева и Гелаева. Эти банды оплачивались из бюджетных доходов и поступлений денежной массы из России. Народное ополчение не признавалось ни

[412] «Дело в том, что истинные кунтахаджинцы никогда не делали из зикра театрального представления, для громкого зикра есть положенные ситуации и дни. Ни один истинный мюрид Кунта_Хаджи не выйдет исполнять зикр на нечистое место, поэтому люди, бегающие перед видокамерами на загаженных площадях Грозного вызывали стойкое отсвращение у народа как пародирующие священный зикр. В действительности этот «обрад» вывели на улицы Грозного «революционеры» типа Дудаева и Удугова». Ахмадов Я.З. Указ.соч., с.135

[413] Например, ваххабиты в Чечне получают деньги за вступление в секту, за несение военной службы, на свадьбу, похороны и т.д. Поэтому среди чеченских ваххабитовмного выходцев из неблагополучных семей, людей с ограниченным образованием, сирот, полусирот, людей иноэтнического происхождения. Они имеют свои военизированные структуры, систему дальней связи с Ближним Востоком, субкультуру, одежды, мечети, проповедников. Их конечная цель – взятие Иерусалима и мировая война с язычеством и христианством.

режимом Дудаева, ни российской стороной. Успешная борьба народного ополчения с режимом Дудаева и марионеточным правительством одновременно прервана вторжением российских войск. Под флагом российско-чеченской войны[414] федералы и режим Дудаева наносили удары по чеченскому народу. А применение регулярной армии против населения неизбежно ведет к геноциду.

Геноцид породил кричащие последствия в социальной структуре. В настоящее время по результатам социологических опросов Чечни (в разных возрастных группах) только 2-7% трудоспособного населения живут за счет государственной зарплаты, 30-40% за счет мелкой торговли, 9-14% перебиваются случайными заработками. Иначе говоря, 40-60% чеченцев стоят перед выбором: голод или разбой.

Итак, Дудаев создавал *свободную республику* работорговцев и рабов. Он грабил сырьевые запасы, воровал бюджетные доходы, занимался продажей оружия, наркобизнесом и т.п.[415]. Чеченская интеллигенция понимала, что зло воплощено в отрядах Дудаева и российских войсках одновременно. Многие представители интеллигенции уехали из Чечни, чтобы не участвовать в коммерческой войне федералов и дудаевцев. Интеллигенция удерживала народ от участия в боевых действиях. Чеченский народ в целом не хотел независимости от России ценой зависимости от режима Дудаева, который оправдывал существование *борьбой за свободу и независимость Чечни*.

Третье направление критики будет рассмотрено в конце главы.

11.4. Вооруженный конфликт

При распаде СССР центр занимался дележом союзного имущества и не интересовался событиями на окраинах. В первой полови-

[414] В этой войне министры и полевые командиры Дудаева раскатывали по Чечне на «Джипах» и «Мерседесах», снабженные всеми пропусками и под охраной спецслужб. Воюющие в окопах 1-2 тыс. боевиков происходили из низовых сельских и городских семей, для которых война и охранная служба была единственной возможностью сделать карьеру. К «кадровым» боевикам спорадически присоединялось еще 3-4 тыс. человек из состава безработной молодежи, уголовных элементов, наркоманов, психически неустойчивых личностей. Среди них были люди, мстившие за гибель родных, восставшие против насилия федералов, взявшиеся за оружие из религиозных и патриотических побуждений.

[415] Один английский документальный фильм о Дудаеве называется «Вор нации».

не 1994 г. еще была надежда на мирное разрешение кризиса. В январе Ельцин заявил, что основа урегулирования отношений - проведение в Чечне свободных демократических выборов и переговоры о разграничении полномочий с центром. Государственная Дума 25 марта 1994 г. приняла постановление, в котором указывалось предварительное условие начала переговоров - проведение в Чечне выборов в республиканские органы власти и российский парламент под международным контролем. 14 апреля 1994 г. Ельцин поручил правительству провести консультации с Грозным и на их основе подготовить договор между Россией и Чечней.

Но в июне Временному Совету Чеченской Республики (центр считал его законной властью, контролирующей значительную часть территории Чечни и способной стабилизировать ситуацию) было выделено 150 млн.руб. (с.28). Итак, центр финансировал борьбу с режимом Дудаева, подразумевая под *оппозицией* марионеточное правительство и собственные силовые структуры. 26 ноября они штурмовали Грозный. Танки дошли до центра города и расстреляны из гранатометов. Выяснилось, что все танкисты - российские военнослужащие или служащие спецслужб. 27 ноября в Грозном телекорреспондентам показали пленных. Они признались в принадлежности к российской армии и в том, что наняты по контракту Федеральной Службой Контрразведки. 2 декабря газета «Известия» опубликовала статью, в которой приведены соответствующие документы. Теперь контрразведка признала причастность к операции. Минобороны России направило в Государственную Думу письмо, в котором отрицался факт принадлежности указанных людей к российской армии. Значит, военные вначале признали незаконность российских военных формирований, боровшихся с чеченскими незаконными военными формированиями.

Крах спецоперации и поражение антидудаевской оппозиции в виде российских спецслужб поставили президента и правительство России перед выбором: взять на себя ответственность за случившееся и вернуться к политическому решению конфликта. Но центр не захотел признать провал *маленького блицкрига* и стал на путь эскалации конфликта, включая прямое участие в нем армии и внутренних войск. Деятельность российских спецслужб в Чечне началась провалом и закончилась перерастанием спецоперации в открытую войну.

События1994 г. 1 декабря *неопознанные* самолеты и вертолеты начали бомбить Грозный. Штабы Военно-Воздушных Сил и Противо-Воздушной Обороны России отказались подтвердить факты налетов. 9 Декабря правительство России постановило возложить на ряд министерств и ведомств обязанности по введению и поддержанию на территории Чечни особого режима без объявления чрезвычайного положения.

В результате обстрелов российскими войсками населенных пунктов появились жертвы мирных жителей. 12 декабря у с.Новый Шарой жители блокировали дорогу. Продвижение войск привело бы к стрельбе по невооруженным людям, а затем к столкновению с организованным в каждом селе народным ополчением. Солдаты и офицеры к этому не были готовы. 15 декабря Грачев отстранил от управления войсками группу старших офицеров, которые отказались воевать с народом. Они выдвинули законное требование: дать письменный приказ Президента как Верховного Главнокомандующего «…перед началом крупной войсковой операции, способной повлечь за собой большие жертвы среди мирного населения». Такого приказа не было. Взамен руководство операцией возлагалось на командующего Северо-Кавказским Военным Округом генерал-полковника А.Н.Митюхина. Итак, Президент переложил собственную ответственность на территориальное звено управления армией.

16 декабря Совет Федерации России предложил президенту прекратить боевые действия и вступить в переговоры. Но президент игнорировал это постановление. С 18 декабря по Грозному наносились ракетно-бомбовые удары. Бомбы и ракеты падали на жилые дома и места, где не было военных объектов. Появились большие жертвы мирного населения. 27 декабря президент заявил о прекращении бомбардировок, на деле авиация продолжала бомбить Грозный. Итак, президент обманывал население страны и мировое сообщество.

19 декабря по плану вся чеченская операция должна была завершиться. В этот день А.Н.Митюхин отстранен от руководства как не справившийся. Руководство группой войск возлагалось на Э.А.Воробьева – заместителя командующего Сухопутными войсками России. Он отказался из-за неподготовленности операции и отправлен в отставку.

23 декабря министр иностранных дел России А.В.Козырев в телефонном разговоре просил находившегося в Грозном Уполномоченного по правам человека России С.А.Ковалева выяснить у Дудаева, на каких основаниях он готов к переговорам с Москвой. Ковалев связался с Дудаевым, который сообщил о готовности к немедленному двустороннему прекращению боевых действий и началу переговоров по всем спорным вопросам, включая разоружение своих формирований. Вечером того же дня Ковалев сообщил об этом Козыреву, который обещал доложить о готовности Грозного к переговорам на заседании Совета Безопасности России. Однако никакой реакции центра не последовало. Значит, российская дипломатия была продолжением агрессивной политики центра.

17 декабря указом президента России под руководством Н.Д.Егорова создавалось Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти в Чечне, которое исполняло функции гражданской администрации и контролировало марионеточное Правительство Национального Возрождения. 31 декабря начался штурм Грозного частями российской армии. Войска понесли большие потери из-за того, что планирование операции, управление войсками, комплектование и подготовка частей осуществлялись по традиции достижения результата любой ценой и пренебрежения человеческими жизнями[416].

События 1995 г. 2 января пресс-служба российского правительства сообщила, что центр чеченской столицы полностью контролируется федеральными войсками, а президентский дворец блокирован. Вернувшиеся из Грозного депутаты Государственной Думы (Л.А.Пономарев, Г.П.Якунин, В.Л.Шейнис) заявили о поражении российских войск. После этого руководитель пресс-службы президента признал потери армии в живой силе и технике. Но ложная информация об овладении Грозным использовалась для пропаганды и принятия решений. 6 января Совет Безопасности России передал функции по *налаживанию правопорядка* силам Министерства Внутренних Дел. 3 января авиация нанесла удар по рынку и больнице в Шали шариковыми кассетными бомбами. 55 чел. погибли, 186 ранены. 9 января федералы обстреляли 2-ю детскую больницу в Грозном.

[416] 131 (Майкопская) отдельная мотострелковая бригада и 81 мотострелковый полк были полностью разгромлены, более 100 солдат попало в плен.

9 января Ковалев предложил Черномырдину объявить перемирие для уборки трупов, эвакуации мирных жителей, обмена ранеными и пленными. Черномырдин согласился и просил Ковалева связаться с командованием сторон. Чеченская сторона поддержала перемирие. Ковалев пытался связаться с Моздоком, где располагался штаб Объединенной групировки федеральных сил. Генералы А.В.Квашин и Л.В.Шевцов *исчезли* со связи. 16 января Черномырдин в телевыступлении впервые публично предложил начать переговоры о прекращении огня. 17 января он встретился с Т.Абубакаровым и У.Имаевым (министры экономики и юстиции в правительстве Дудаева). Достигнута договоренность о поэтапном прекращении огня. Но 18 января Ельцин в телевыступлении заявил: «Мы не будем говорить с Дудаевым». Вечером этого дня Абубакаров и Имаев приехали в Назрань. Представители российского командования на встречу не явились. 19 января Черномырдин заявил в телеинтервью: «С бандитами мы не разговариваем». 27 января Н.Д.Егоров освобожден *по состоянию здоровья*. Руководителем Территориального управления в ранге зам.председателя правительства России назначался Н.М.Семенов – бывший секретарь Чечено-Ингушского республиканского комитета КПСС. 27 января в зону конфликта вылетела делегация ОБСЕ для инспекции фильтрационного пункта в Моздоке. Ковалева на борт самолета не допустили. 8 февраля члены группы Ковалева обнародовали число погибших мирных жителей Грозного – около 25 тыс.человек. Итак, правительство России проталкивало на официальные посты бывших коммунистических функционеров, а руководители силовых структур игнорировали руководителей правозащитных органов России.

1 февраля командующим группировкой назначен Куликов – командующий Внутренними Войсками МВД России. Квашнин переведен на должность командующего Северо-Кавказского Военного Округа. 18 февраля обе стороны нарушили срок и условия перемирия. Федералы возобновили ракетно-артиллерийский обстрел чеченских позиций на линии Шали-Аргун-Гудермес, чеченские боевики напали на федеральные войска в южной части Грозного. Одновременно автоколонна с чеченской делегацией следовала к месту переговоров в станицу Слепцовскую. На посту МВД России у села Самашки им было заявлено, что приказ о пропуске делега-

ции не поступал. Попытки связаться с командованием федералов закончились безуспешно.

1 марта подписано соглашение между В.В.Курочкиным (депутат Совета Федерации России) и Дудаевым: решение вопроса о статусе Чечни откладывалось, предполагалось начать переговоры представителей командования обоих сторон 3-4 марта, а 5 марта объявить перемирие и прекращение огня. Однако центр не поддержал соглашение. 3 марта представители командования вооруженных сил Чечни не были допущены в Слепцовскую. 6 марта внутренние войска России заняли Черноречье - южный район Грозного. Только через три месяца после начала боевых действий Грозный перешел под контроль федералов.

14 марта в Москве под совместным председательством зам.председателя Совета Федерациии России Р.Г.Абдулатипова и С.А.Ковалева состоялась конференция «Мирная инициатива на Кавказе». В ней участвовали ведущие российские политики, представители регионов России и разных чеченских группировок, общественные и религиозные деятели. Принят компромиссный «План о прекращении огня и дальнейшего мирного урегулирования чеченского кризиса», осуществление которого возлагалось на группу посредников. Однако Ельцин и Черномырдин не участвовали в конференции, а вице-премьер Шахрай заявил: у правительства есть собственный план, который вскоре будет обнародован. Тем самым дезауировался смысл конференции.

3 апреля президент издал указ «О временных объединенных силах в ЧР», которым был придан формальный статус. 7-8 апреля Отряд Милиции Особого Назначения и Внутренние Войска Росссии провели операцию по *зачистке* села Самашки с массовыми убийствами мирных жителей, грабежами и поджогами жилых домов. 9 мая Ш.Басаев заявил о необходимости диверсионно-подрывной деятельности, мотивируя ее тем, что только такая тактика вынудит российский центр сесть за стол переговоров. 19 мая Ельцин отклонил принятый 12 апреля Государственной Думой России закон «О мерах по урегулированию чеченского кризиса» как «противоречащий Конституции РФ, ее международным обязательствам и могущий стать дополнительным дестабилизирующим фактором». Президент исключил парламент из числа политически значимых факторов.

24-26 мая федералы провели наступление на Веденском и Шатойском направлениях. Усилились артобстрелы, бомбо-штурмовые удары по горным селам, что привело к жертвам мирного населения. 27 мая командующий юго-западным фронтом Вооруженных Сил Чечни заявил: если к исходу дня авиация федеральных сил не прекратит бомбардировки, будут казнены 5 российских солдат. Масхадов это заявление опроверг, но в этот день расстреляны два пленных российских офицера.

2 июня гуманитарная организация «Врачи без границ» получила от Куликова предписание покинуть южные районы Чечни. По его словам, «никакая благотворительная организация не имеет права появиться на территории юга Чечни в течение двух последующих месяцев». 4 июня Ельцин подписал указ о формировании постоянно дислоцирующейся на территории Чечни 58 общевойсковой армии. Таким образом, на армию возлагались полицейские функции, а центр не рассчитывал на скорое окончание конфликта. 14 июня отряд Басаева захватил в Буденновске 1500 заложников и закрепился в больнице. Во время операции имелись жертвы мирного населения. Иначе говоря, чеченские боевики наследовали пример российских внутренних войск.

30 июня Ельцин отправил в отставку министра по делам национальностей и региональной политики Егорова, министра Внутренних Дел В.Ф.Ерина, директора Федеральной Службы Контрразведки С.В.Степашина и главу администрации Ставропольского края Е.С.Кузнецова. 5 июля Куликов назначен министром Внутренних Дел, а В.А.Михайлов (бывший заведующий Отделом национальной политики ЦК КПСС, при котором начались события в Горном Карабахе) – министром по делам национальностей и региональной политики России. Таким образом, бывшая номенклатура и руководители силовых ведомств делали карьеру на чеченской войне.

В ночь на 30 июля подписано Соглашение по блоку военных вопросов между командующим Объединенной группировкой федеральных войск А.А.Романовым и начальником Главного штаба Вооруженных сил ЧРИ Масхадовым: обмен военнопленными и другими насильственно удерживаемыми лицами по принципу *всех на всех*; разоружение *незаконных вооруженных формирований*, поэтапный вывод федеральных войск; пресечение террористических

актов и диверсий. На следующую ночь Дудаев заявил о нелегитимности соглашения. 31 июля Конституционный Суд России завершил проверку конституционности указов президента и постановлений правительства о вводе федеральных сил в Чечню. Указы признавались соответствующими, а постановления – не соответствующими конституции. 8 из 18 судей Конституционного суда не согласились с таким решением и опубликовали особое мнение. Но оно осталось без последствий. Значит, с юридической точки зрения конституционность деятельности президента была сомнительной.

8 октября российские самолеты бомбардировали село Рошни-Чу (где бывал Дудаев), что привело к разрушению жилых домов и гибели мирных жителей. 24 октября опергруппа комендантского подразделения СКВО совершила налет в Ингушетии на аэропорт в Слепцовской. Боевиков там не оказалось, но в результате стрельбы убит 1 и ранены 2 гражданских лица. 24 октября боевая машина пехоты 506 мотострелкового полка раздавила «Жигули» с пассажирами. Свидетели устроили самосуд и убили 3 солдат. 14-15 октября в Шали прошел съезд общественно-политических сил Чечни, на котором Басаев заявил: выборы в Чечне не состоятся до тех пор, пока на ее территории находятся российские войска; он располагает 4 контейнерами с радиоактивными отходами.

Центр отказался от диалога с Дудаевым, сменил руководство и начал готовить выборы марионеточного правительства. 29 октября указом Ельцина руководство по обеспечению безопасности, законности прав и свобод граждан, охране общественного порядка, борьбе с преступностью, разоружению незаконных вооруженных формирований на территории Чечни возлагалось на Куликова. Командующий войсками СКВО Квашнин назначался ответственным за координацию деятельности Вооруженных Сил России и временных объединенных сил на территории Чечни, а В.В.Тихомиров – командующим временными объединенными силами. Замена полицейского генерала Шкирко на армейского предвещала активизацию боевых действий, одновременно нарушая исполнительную вертикаль командования вооруженными силами. 5 ноября марионеточное правительство постановило провести выборы 16 декабря – в день выборов в Государственную Думу России.

Итак, полгода переговоров не дали никаких результатов. Центр использовал перемирие для подготовки выборов и легитимизации

марионеточного правительства. Чеченские отряды использовали передышку для подготовки к новым боям. Следовательно, внутренняя политика пристегивалась к интересам силовых структур.

События 1996 г. 31 января Тихомиров впервые назвал переговоры под эгидой ОБСЕ *роковой ошибкой*, чеченцев – *бандитами*, и объявил о проведении *спецопераций*. 7 февраля Ельцин заявил о разработке 7 вариантов окончания войны в Чечне, анализом которых занимается группа по главе с Черномырдиным. Если всерьез относиться к этому заявлению, оно отражает рост бюрократических структур и документов в ходе войны.

15 марта федеральные войска в селе Самашки наступали под прикрытием *живого щита* из жителей села. 19 апреля генералы Тихомиров и В.Шаманов заявили, что военный путь и *спецоперации* - единственные способы разрешения кризиса. В ночь на 22 апреля убит Дудаев. Тихомиров сообщил агентству ИТАР-ТАСС, что федеральные войска не имеют отношения к гибели Дудаева: «Это дело внутри этих бандформирований». Но в Москве 24 апреля представитель МВД заявил прессе, что Дудаев погиб в результате акции возмездия за недавнее уничтожение боевиками воинской автоколонны у села Ярышмарды. 7 мая Тихомиров заявил: «Я планирую в мае месяце показать несколько таких контактных предметных уроков, которые вообще не позволят больше оголтелым любителям демократии, вседозволенности бросать тень на армию». Эти высказывания свидетельствуют о примитивном понимании демократии руководителями силовых структур.

7 апреля министр России по делам национальностей и региональной политики заявил: основа переговоров по урегулированию в Чечне - возобновление работы Специальной наблюдательной комиссии; субъектами переговоров предлагались полевые командиры. 30 апреля первый вице-министр правительства России В.В.Каданников заявил: для разрешения кризиса надо привлечь полевых командиров и общественно-политические движения (независимо от их взглядов), имеющих влияние на обстановку в республике. В тот же день в СМИ появилось определение сторонников ЧРИ как *вооруженной оппозиции*. Эти высказывания российского руководства свидетельствуют, что оно стремилось манипулировать противником.

Но утром 28 мая (когда делегация Чечни находилась в Москве на спецобъекте «АВС»), Ельцин вместо встречи с нею вылетел в Моздок, затем в Чечню, где поздравил российских военнослужащих с победой в войне. В 17.30 он вернулся в Москву. Президент России опять обманывал общественное мнение. События в Чечне становились *внутренним делом* не России, а Ельцина, которому перед выборами надо было отчитаться о военных успехах и мире одновременно. Видимость мира (*мирный план* Ельцина) сохранялись в Чечне до окончания президентских выборов в России, после чего возобновились боевые действия.

8 июня в Урус-Мартане в результате теракта убит глава районной администрации Ю.Эльмурзаев. Формально он был ставленником марионеточного правительства, но сохранял корректные отношения со сторонниками ЧРИ, сделал район зоной мира и согласия и пользовался авторитетом населения. 9 июня завгаевское правительство заявило о нежелательности пребывания на территории республики Группы содействия ОБСЕ. 14-16 июня в Чечне проведены *выборы* депутатов Народного собрания Чечни и президента России. 17 июня Группа содействия ОБСЕ заявила: порядок выборов не отвечает принципам свободного и справедливого волеизъявления граждан, а сами выборы проводились с массовыми процедурными нарушениями и фальсификациями.

6 июля Михайлов заявил: конфликт вошел в стадию, когда переговоры должны вести представители чеченского сопротивления и правительства Завгаева. 9-10 июля обстреляны села Гехи и Махкеты, что привело к разрушениям и гибели 450 мирных жителей. В ходе боев у села Гехи погибли Д.Махаев (полевой командир ЧРИ) и зам.командующего Северо-Кавказского Военного Округа Внутренних Войск МВД генерал-майор Н.В.Скрипник. 19 июля командующий СКВО Квашнин согласился встретиться с Масхадовым при условии: предметом обсуждения будет ситуация в Чечне и личная судьба Масхадова. 11-12 июля в Москве произошли взрывы в троллейбусах. 33 человека были ранены. Мэр Москвы Ю.Лужков дал указание милиции об *ответных действиях* против всей чеченской диаспоры столицы. Такой способ действия является чисто бюрократическим.

6 августа в Грозном возникла непонятная ситуация. В 5.30 вошли вооруженные формирования ЧРИ, а в 6.30 выведено 1500 во-

еннослужащих внутренних войск, в том числе подчинявшийся Завгаеву полк чеченской милиции. Ситуация требовала решительных действий. Но военное командование и гражданские чиновники России стремились не омрачать дурными известиями инаугурацию Ельцина. В следующие дни федеральное командование рапортовало о контроле центра города, журналисты опровергали эти сообщения. 9 августа состоялась церемония вступления Ельцина в должность президента. В тот же день Черномырдин поручил министру обороны России И.Н.Родионову (бывшему карателю в Тбилиси, сделавшего карьеру в чеченском конфликте) и Куликову разрешить ситуацию в Грозном. Но положение в городе вышло из-под контроля федералов. 10 августа Ельцин объявил днем траура в связи с событиями в Грозном. А.И.Лебедь назначен полномочным представителем в Чечне. 10-11 августа федералы захватили в заложники около 500 человек из числа персонала, пациентов 9 городской больницы и местных жителей. 17-18 августа опять захвачена группа заложников в 20 чел. мирных жителей. К 21 августа из-за бомбардировок и обстрелов в городе оставалось 50-70 тыс.человек. С 6 по 22 августа в Грозном по неполным данным погибло и ранено около 2 тыс.человек. Потери мирных жителей никто не считал, хотя журналисты называли цифру 2 тыс. 220 тыс. беженцев покинули Грозный.

13 августа министр юстиции России В.А.Ковалев выступил против введения чрезвычайного положения на территории Чечни. 16 августа Лебедь назвал Куликова главным виновником трагедии в Чечне и обвинил его в саботаже мирного урегулирования. В соответствии с бюрократическим принципом ответственность опять возлагалась на отдельное лицо, а не на Президента страны, исполнительную власть и силовые структуры в целом. Российская армия вышла из Чечни в августе 1996 г. не в результате военного поражения, а вследствие сговора властных групп России (с согласия Ельцина) с верхушкой боевиков.

11.5. Логика остановленного времени

Журналисты и правозащитники отмечают, что осенью 1991 г. центр впервые был вынужден решать проблему отношений с Грозным и сразу подошел к грани вооруженного конфликта. Победа над

внутренней оппозицией в 1993 г. в Грозном и Москве означала господство исполнительной власти над законодательной. Грозненский и московский режимы встали перед выбором – переговоры или конфронтация. В октябре 1994 г. в Чечне установилось неустойчивое равновесие. Центру казалось, что для победы достаточно оказать финансовую, агентурную и вооруженную помощь марионеточному правительству. Она была оказана наемными войсками, которые потерпели поражение.

После этого в военных кругах центра разработан план *маленького блицкрига*, который предполагал подавление режима Дудаева в течение двух-трех недель. План оказался блефом. По мере затягивания войны опросы общественного мнения России показали падение рейтинга исполнительной власти. На 16 февраля 1995 г. назначалось выступление Ельцина с посланием Федеральному Собранию. Продолжение безрезультатных боевых действий было плохим фоном этой акции. Затем приближалось 50-летие победы СССР во второй мировой войне. Боевые действия в Чечне снизили бы международный престиж России и поставили под вопрос приезд в Москву лидеров ряда стран на праздник победы. Тем самым внутренняя война становилась аналогичной сталинской практике взятия городов в войне с немцами к праздничным датам.

Через полгода после начала войны федеральные силы заняли Грозный, плоскостную Чечню, основные горные районы, рассекли и оттеснили отряды Дудаева к грузинской границе. Казалось, центр близок к победе, поскольку исчезли календарные, внутри- и внешнеполитические причины замедления военных действий. Считаться с жертвами центр не собирался. Но послебуденновский мирный процесс не привел к политическому и военному урегулированию. Он позволил лишь в течение полугода избегать крупных боевых действий. Обе стороны затягивали выполнение договоренностей по причине нежелания. Ни режим Дудаева, ни режим Ельцина не признавали законность народного ополчения.

В октябре 1995 г. обстановка в Чечне осложнилась. Российские войска вели систематические артобстрелы и авианалеты на чеченские села, контролируемые администрацией ЧРИ. Чеченские отряды обстреливали российские посты. Мирный процесс сворачивался – сократилась численность Группы содействия ОБСЕ, прекратилась

работа Специальной наблюдательной комиссии, тяжело ранен ее сопредседатель Романов.

При переходе от первого ко второму году войны авторы фиксируют отличия данных периодов, повлиявших на характер изложения.

События 1994-1995 гг. - элементы единого процесса: федеральные войска наступают и захватывают территорию Чечни (Грозный, плоскостные и горные районы) при сопротивлении чеченских отрядов: «В действиях тех и других есть общая логика, и *хронологическое* перечисление событий является одновременно *логическим*. Отбирая эпизоды для нашей «Хроники», мы могли руководствоваться этой логикой, полагая, что вне этого процесса значимых событий не было» (с.63). Журналисты и активисты неправительственных организаций наблюдали за происходящим в соответствии с единством хронологии и логики. Поэтому даже внезапные события не были неожиданными, что обеспечивало эффективность журналистской работы. Журналисты вовремя оказывались на месте, а репортажи складывались в одну картину.

Через полгода после Буденновска война возобновилась. Теперь силы сторон размещались на одной территории, каждая из которых заявляла о своем контроле над ней. Война приобрела повстанческо-партизанский характер. Место и время операций стороны определяла в соответствии со своими представлениями и планами. В результате хроника потеряла единую логику. Поскольку события определялись инициативой сторон, хроника должна быть многолинейной. Но российские журналисты и правозащитники не могли выполнить эту задачу. Управление федеральными войсками осуществлялось из 4-х штабов (Объединенной группировки, Группировки Вооруженных сил, Группировки внутренних войск, Главного управления оперативных штабов Министерства Внутренних Дел) и не было согласованным. На чеченской стороне самостоятельно воевало 15 фронтов. В этих условиях действие журналистов стало хаотичным, а появление на месте событий - случайным (например, в марте 1996 г. две съемочные группы НТВ не передали ни одного репортажа о штурме Самашек, хотя были рядом). Хаос военных действий увеличивался по мере роста влияния политического процесса в Москве на события в Чечне: «Перед президентскими выборами важно отслеживать логику московского времени, выстраивая в

хронологию основные события «остановившегося времени» в Чечне» (с.64). По мнению авторов, такой подход позволяет разглядеть в следующих 8 месяцах войны контуры мира.

В первые 2-3 месяца войны внимание журналистов и общественности было приковано к информации из Чечни, которая шла первой в программах новостей. Российские журналисты могли работать на чеченской стороне и давать оперативную информацию. Федералы не допускали журналистов, отделываясь официальными сводками, которые не влияли на информацию из зоны конфликта. После перемещения боев из Грозного в сельские районы (февраль 1995 г.) сообщения с театра военных действий исчезли с первых полос газет. Правда, в экстремальных ситуациях журналисты, депутаты Федерального Собрания, представители неправительственных организаций привлекали внимание к событиям (после Самашек) и даже меняли их ход (после Буденновска). Надежда влиять на события с помощью прямых репортажей стимулировала работу журналистов и правозащитников. Отряды Дудаева не ограничивали информационный поток.

Через год все изменилось. Российские СМИ начали пользоваться официальными сообщениями, а федералы осуществляли информационную блокаду *нежелательных* районов. Интерес общества к *бесконечной истории* войны упал. Рухнули надежды журналистов, депутатов и правозащитников изменить течение событий. Чеченцы тоже начали подозрительно относиться к российским журналистам. Поэтому картина второго года войны на основании российских СМИ неадекватна. Поток официальных сообщений заглушил все. В нем потонули немногие репортажи из Грозного, а из горных районов репортажей почти не было.

Май 1996 г. – месяц наиболее показательного *мнимого мира* в Чечне: закулисных переговоров; единственной (за всю войну) встрече глав правительств и единственного посещения Чечни Ельциным; активизации гуманитарного процесса (мирно разрешена ситуация в Шали, произошло массовое освобождение гражданских заложников). Одновременно федералы не соблюдали мораторий на боевые действия, проводили операции, занимали ранее неприступные базы сопротивления, проводили *зачистку* и *проверку паспортного режима* в населенных пунктах. Продолжалась подготовка выборов (президента России и Народного собрания Чечни) для леги-

тимизации марионеточного режима. Иллюзия мира сохранялась до конца выборов. 7 июля проходил второй тур выборов, на исход которого могло повлиять наличие (отсутствие) информации об успехе (неудаче) *мирного плана* в Чечне. План действовал до завершения выборов, после чего возобновились бои.

В августе предполагалось возобновить переговоры с режимом Дудаева и подписать декларацию о прекращении огня. Но федералы сочли, что после разгрома повстанческих отрядов переговоры надо вести с позиции силы. План вывода федеральных войск предполагал одновременное усиление МВД и ФСБ в Чечне. Такова была *новая тактика*: в каждом районе создавался центр дислокации мобильных отрядов в составе райотдела милиции (100 чел.), оперативно-следственной группы из России (10 чел.), отряда ОМОН (50 чел.), комендатуры, военкомата, суда, прокуратуры и комендантской роты. Руководство их деятельностью возлагалось на Координационный центр МВД. На деле эта тактика усилила господство силовых структур в регионе.

11.6. Нарушения прав человека и норм гуманитарного права Россией и Чечней

На основе хроники авторы констатируют: по массовости нарушений прав человека, числу жертв и жестокости события в Чечне беспрецедентны для России со времени прекращения в 1950-х гг. массовых репрессий. Чеченцы правы, сравнивая события 1994-1996 гг. с депортацией 1944-1956 гг. По размаху боев этот внутренний конфликт аналогичен гражданской войне в Советской России в 1918-1921 гг. Чечня составляет примерно одну сотую населения России, в войне погибло несколько десятков тысяч человек. Если потери чеченцев перевести на российские масштабы, Россия потеряла бы несколько миллионов человек. Война в Чечне – воспроизводство и новый этап конфликтов Советской власти с коренным (подавление Кронштадтского и Тамбовского восстаний) и нерусским населением периферии (борьба с повстанцами в Средней Азии в 1920-1930-е гг., антипартизанские действия в Западной Украине и Прибалтике в 1940-1950-х гг., вооруженные конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии, Таджикистане в 1980-1990-е гг.). Но все указанные конфликты проходили в советской России, а затем на

территории СССР[417]. Российская республика перенесла советские методы решения внутренних конфликтов на свою территорию.

Россия подписала ряд международных конвенций, но не объявила чрезвычайное положение в зоне конфликта. Это сделано потому, что при введении чрезвычайного положения надо четко определять перечень ограничений прав граждан, полномочия федеральной власти в зоне чрезвычайного положения. Для продления действия чрезвычайного положения каждый раз надо обращаться в Совет Федерации России для утверждения указов президента. Вместо конституционного способа действий центр пошел по пути бесконтрольности и беззакония (с.138-139). Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, государственные органы России не имели правовых оснований для ограничения или приостановки осуществления гражданами прав, гарантированных этим пактом.

Этим объясняются главные нарушения прав человека и норм гуманитарного права российской стороной: неизбирательные нападения, чрезмерное применение силы (неприцельные бомбардировки и артобстрелы населенных пунктов и дорог; операции по занятию и штурмы населенных пунктов; неизбирательные нападения, обстрелы и бомбардировки населенных пунктов, находящихся под контролем федеральных сил, а также в период перемирий; использование систем оружия неизбирательного действия, неизбежно ведущее к большим жертвам гражданского населения); преднамеренные нападения на гражданское население; применение принципа коллективной ответственности и наказания; исчезновения людей, казни без суда; незаконное задержание гражданских лиц, жестокое и унижающее достоинство обращение с задержанными и арестованными, пытки и издевательства над задержанными участниками вооруженных формирований ЧРИ (на фильтрационных пунктах, в неофициальных местах содержания задержанных); использование заложников и *живого щита*; ограничение свободы передвижения, препятствование выходу населения из блокированных населенных пунктов, недопущение в блокированные населенные пункты врачей и представителей гуманитарных организаций; грабежи и уничтожение имущества гражданских лиц; уничтожение объектов культуры;

[417] Осетино-ингушский конфликт 1992 г. длился шесть дней, унес несколько сотен жертв и несопоставим с российско-чеченским.

нарушение избирательных прав граждан; нарушение права на свободный поиск, получение и распространение информации.

Нарушения прав человека и норм гуманитарного права вооруженными формированиями и властями Чеченской Республики Ичкерия аналогичны, но меньше по масштабу: неизбирательное ведение огня, размещение военных объектов рядом с гражданскими; воспрепятствование выезду мирных жителей из Грозного; теракты за пределами Чечни (захваты заложников, преднамеренные нападения на гражданское население и медицинские учреждения, бессудные казни, использование *живого щита*); захват в заложники гражданских лиц, находившихся на территории Чечни; условия содержания пленных российских военнослужащих и насильственно удерживаемых гражданских лиц; бессудные казни, вынесение смертных приговоров на основе процедуры упрощенного судопроизводства, исчезновения людей; телесные наказания.

В целом российское командование не предотвратило массовую гибель мирного населения и нападения военнослужащих и сотрудников спецслужб на мирных граждан. Правоохранительные органы России не смогли расследовать и наказать в соответствии с законом военнослужащих и сотрудников других силовых структур. Правоохранительные органы режима Дудаева тоже не расследовали преступлений членов вооруженных формирований против гражданского населения и пленных военнослужащих. Уголовный кодекс режима Дудаева противоречил международным правовым нормам (в сфере основных определений, системы наказаний, несоразмерности и непропорциональности наказаний, нарушения прав и свобод человека). Таким образом, правовые системы России и Чечни во время войны были подчинены интересам центра и силовых структур.

С учетом всего сказанного можно согласиться с общей оценкой В.В.Волкова: современное российское государство сохранило символический фасад государственности, но прекратило существование с точки зрения ключевых внутренних функций – охраны населения, сбора налогов и обеспечения правопорядка; современное российское государство – это частное охранное предприятие с конторой в Кремле; определенные группы (президентская власть, армия и другие силовые структуры) контролируют средства организованного насилия и называют себя российским государством[418]. Эта

[418] См.: Волков В.В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского

оценку можно дополнить теориями, которые позволяют интерпретировать множество фактов, событий, процессов и тенденций распада империй в более широком смысловом контексте.

11.7. Превращенный сепаратизм и колониальная война

Собранный журналистами и правозащитниками материал позволяет описать в первом приближении механизм проявления общих проблем и особенностей распада империй в постсоветском пространстве. Суммирую факты, явления и процессы, вытекающие из этого материала.

Realpolitik Москвы, Грозного и других *субъектов самоопределения* базируется на произвольных решениях. Союзный центр не препятствовал внутрироссийскому сепаратизму для борьбы с Ельциным. Российский центр возрождает и играет на родовых отношениях одновременно с подготовкой силового решения проблемы. Политическая ответственность за появление указа № 178 (о введении чрезвычайного положения в Чечне осенью 1991 г.) до сих пор не установлена. Российские СМИ в период подготовки силового решения чеченского вопроса были подверстаны под интересы вершины российской власти. Ни о какой независимости СМИ от данных интересов не может быть речи. Центр устанавливает иерархию и очередность решения политических проблем, в которой содержится возможность войны.

Центр дважды способствовал расползанию оружия среди населения Чечни. Предпочтение личных контактов протокольным мероприятиям в постсоветской политике маскирует произвол правящих лиц и клик. Решения законодательной власти России и Чечни не выполняются, а ответственность за невыполнение не установлена. Перестановки на вершине власти в период подготовки силового решения проблемы усилили позиции российских *ястребов*. Возможность международно-правового признания независимости тер-

государства // Полис. 1998, № 4, с.46-47. Следует напомнить, что уже в рескрипте Павла 1 на имя генерала Гудовича от 5 января 1797 г. ставилась цель создания федеративного государства из кавказских земель под эгидой российского императора. Но эта цель не реализована царской, советской и нынешней российской властью, включая лидеров кавказских республик. Взамен Российская империя развязала Кавказскую войну, которая продолжалась 60 лет, а имам Шамиль создал теократическое государство. Силовые структуры режимов Ельцина и Дудаева пошли по стопам русских и кавказских тиранов.

риторий используется центром для манипуляции общественным мнением и введения в заблуждение мирового сообщества. Российское государство по-прежнему грабит население.

Решение политических проблем исполнительной властью усиливает опасность войны. Россия не выполняет международных обязательств по лимитам на вооружение внутри страны. Центр (как и в советские времена) использует тактику насаждения марионеточных правительств. Но уже не в других странах, а на территории, которую считает своей. Проблема территориальной целостности России ставится и решается в зависимости от интересов высшего уровня власти и политической коньюнктуры. Отрицая сепаратизм на словах, центр делает ставку на региональных сепаратистов. Приемлемость (или неприемлемость) для вершины власти конкретных лиц может служить поводом вооруженного конфликта центра с периферией. Для этого расширяются функции органов безопасности, которым поручается (как и в советское время) контроль экономики в целях сохранения монополии центра на природные ресурсы. В этом контексте власти США играют значительную роль в подготовке силовых решений региональных конфликтов.

Противоположные действия (высказывания) политиков центра маскируют подготовку силового решения. Центральная бюрократия не считает диалог решением политических вопросов и сознательно затягивает переговоры для подготовки войны. Она использует также ложную информацию и перебрасывает ответственность за терроризм со своих силовых структур на периферийные власти и сопредельные государства. Спецслужбы определяют содержание и состав политической оппозиции. Интересы русских националистов совпадают с интересами силовых структур сторон, которые находятся в политическом конфликте. Российский парламент играет значительную роль в политической манипуляции, а Европарламент поддерживает политические иллюзии.

Наконец, есть пункты сходства режимов Дудаева и Ельцина. Оба режима расстреляли неугодную им законодательную власть, совершили государственные перевороты, базируются на системе внутреннего шпионажа и предотвращают появление политиков, независимых от властвующих клик. Режим Дудаева предпринимал карательные экспедиции против местностей, которые не желали ему подчиниться. Центр осуществил такую же экспедицию против Чеч-

ни. Оба режима не признавали народного ополчения. Применение регулярной армии против населения привело к геноциду. В этом контексте этнические ритуалы используются для политической карнавализации и мобилизации. В Чечне и в России сталкиваются государственно-мафиозный и национально-радикальный терроризм. Для защиты обоих используются силовые структуры. Оба вида терроризма отвергают теорию и практику правового государства. Независимость любого региона от центра не означает, что население данного региона признает возникающее государство, которое официально выступает за независимость.

Победа над внутренней оппозицией в Грозном и Москве обеспечила господство бюрократии и силовых структур над парламентом. Центр финансировал борьбу с режимом Дудаева, понимая под *оппозицией* марионеточное правительство и собственные вооруженные силы. В самом начале войны российские военные прямо признавали незаконность противоборствующих военных формирований и собственной карательной деятельности. Тогда как деятельность советских/российских спецслужб началась провалом и закончилась перерастанием спецопераций в открытую войну. В начале войны президент переложил собственную ответственность на территориальное звено армейского управления. По мере краха плана блицкрига на армию начали возлагаться полицейские функции. Президент Совет Федерации, вводил в заблуждение население страны и мировое сообщество, исключил парламент из числа политически значимых факторов и подчинил ведение войны собственным избирательным интересам. Ведение этой войны аналогичной сталинской практике взятия городов к праздничным датам. Выборы во время войны проводились с массовыми нарушениями и фальсификациями. Российская дипломатия продолжала агрессивную политику центра. С юридической точки зрения деятельность президента сомнительна, а действия мэра Москвы чисто бюрократические.

Оба режима не признавали законность народного ополчения. Центр создал Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти, которое исполняло функции гражданской администрации и контролировало марионетку. В ходе войны ложная информация использовалась для пропаганды и принятия решений. Центр стремился представить власть бывшим коммунистиче-

ским функционерам[419], одновременно дезавуируя деятельность уполномоченного по правам человека и решения конференций по реализации мира. Оба режима постоянно нарушали сроки и условия перемирия. Бывшая партгосноменклатура и руководители силовых ведомств делали карьеру на чеченской войне. Внутренняя политика пристегивалась к интересам силовых структур, которые осуществляли информационную блокаду и одновременно все более занимали информационное пространство России. Хаос военных действий увеличивался по мере роста влияния политического процесса в центре на события в Чечне.

В ходе войны произошло соединение армии, органов внутренних дел и госбезопасности. Эти структуры извращенно и примитивно понимают демократию. Они не понесли никакой ответственности за массовую жестокость. Завершение войны - следствие сговора властных групп России с верхушкой чеченских боевиков. Этот сговор увеличил влияние силовых структур в регионе, а затем и в стране в целом. Россия перенесла советские методы решения внутренних конфликтов на свою территорию.

Данные тенденции можно рассматривать как способ проявления общих характеристик бюрократического управления, а также закономерностей и особенностей распада империй в условиях постсоветской России. У уже приводил мнения ученых, квалифицирующих российско-чеченскую войну как *коммерческую*, *мафиозную*, *избирательную* и т.д. Но эти мнения надо вписать в определенную концепцию. М.Ферро разработал концепцию *превращенного сепаратизма*, которая, на мой взгляд, позволяет глубже осмыслить природу этой войны и интерпретировать описанные факты и тенденции[420].

На основе общей теории колонизации и применения ее к объяснению политической истории Российской империи и СССР М.Ферро ставит проблему вопроизводства колониализма в современной России. Такой подход совпадает с мнением российских ученых[421]. Деколонизация в СССР началась после того, как Ельцин

---

[419] В хронике упоминаются около 100 членов бывшей партгосноменклатуры, имевших прямое или косвенное влияние на события в Чечне.

[420] См.: Ferro M. Historia kolonizacji. Warszawa, Bellona, 1997

[421] См.: Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Под ред. Заславской Т.И. Москва, Аспект-Пресс, 1996

стал президентом России, провозгласил суверенитет России и роспуск КПСС. Тем самым он дал свободу остальным союзным республикам, которые поступили аналогичным образом. Центр стал инициатором центробежного движения. Такого в истории еще не было. Внутри России эта тенденция привела некоторые автономные республики (Татарстан, Чечено-Ингушетия) к разрыву (Татарстан) и войне (Чечено-Ингушетия) с Москвой.

Но хотя СССР формально распался, после 1993 г. общие свойства СНГ превзошли прежнее единство[422]. Новизна ситуации определяется этническими конфликтами на Кавказе, в Средней Азии, Молдавии и Прибалтике. Эти конфликты спровоцированы властно-управленческими кликами. Центр счел их настолько опасными, что начал спешно репатриировать Советскую армию в Россию[423]. Как известно, в странах бывшего *советского блока* после второй мировой войны армия подавляла восстания и революции (ГДР, Венгрия, Польша, Чехословакия). Этим частично объясняется тот сплав военных и карательно-полицейских функций армии, который реализован в Чечне. Они вписываются в общее отношение центра и периферии, сложившееся в период распада СССР и влияющее на ситуацию в современной России.

Дело в том, что мусульманские республики обладали собственным властно-управленческим аппаратом до провозглашения независимости[424]. Республиканские органы внутренних дел и безопасности раньше других властно-управленческих структур стали национальными, а не советскими. Этим объясняется самостоятельность бывших союзных республик и превращение их силовых структур в носителей национализма. Но независимость мусульманских республик не тождественна сепаратизму. В республиках возник феномен *превращенного сепаратизма*: руководство республик

[422] Речь идет о следующих явлениях, типичных для всех постсоветских республик (включая Прибалтику): дезорганизация экономики; сохранение политических клик от 30% до 90% в зависимости от расстояния от Москвы (таково принципиальное отличие СНГ от стран Восточной Европы); сохранение властных связей внутри и между бывшими республиками.

[423] До 1992 г. Москва стремилась замедлить репатриацию армии для сохранения мифа военного присутствия в Центральной Европе.

[424] При Брежневе узбеки руководили Узбекистаном, азербайджанцы – Азербайджаном и т.д. После армянских погромов в Баку Горбачев выразил удивление невмешательством МВД и КГБ республики в эти события. Ему отвечали: «Азербайджанцы не будут стрелять в азербайджанцев для защиты армян».

стремилось захватить власть над центральными ведомствами СССР[425]. Поэтому в конфликте Горбачев-Ельцин руководство мусульманских республик поддержало первого, а не второго[426].

В России *перестройка* была воспринята как движение к свободе. Властно-управленческие клики мусульманских республик сочли ее опасной для традиционных социальных отношений, которые еще более окрепли при Советской власти[427]. В период *гласности* Москва приписала мафиозные интересы только Узбекистану, поскольку там производился мак (непищевой продукт). Едва руководители мусульманских республик потребовали строительства мечетей, центр квалифицировал это как *происки Тегерана*. Между тем Москва давно вступила в открытую связь с Русской Православной Церковью. Следовательно, центр подтолкнул возрождение всех видов религиозно-политического исламизма. Модификации ислама укрепляли идентичность мусульманских республик в отношении соседей, но одновременно направлялись против возрождения советского Туркестана и подчинения мусульманских республик Турции, Ирану и Пакистану. Исламская революция предшествовала распаду СССР и затормозила тягу советского ислама к указанным государствам.

Среднеазиатские республики бывшего СССР являются постколониальными, поскольку исход русского населения предшествовал провозглашению независимости. При других обстоятельствах этот процесс можно назвать удачной деколонизацией, если бы эти республики не задержали представителей российских силовых структур и не согласились на базирование российской армии. В республиках Кавказа возродились прежние этнические конфликты, которые предшествуют господству России в этом регионе. На Кавказе возникла оригинальная ситуация: грузины стремятся освободиться от русских, отрицая собственную колониальную власть над Аджарией и Абхазией. Поэтому современный Кавказ находится в доко-

[425] Например, министр финансов Павлов (участник государственного переворота) был связан с узбекским госаппаратом и мафией. Т.Гдлян обнаружил множество других связей московских чиновников с узбекскими властно-управленческими кликами, но ему не дали довести дело до конца.

[426] Горбачев хотел сохранить Союз, Ельцин – инициатор республиканского сепаратизма, провозгласивший суверенитет России и ликвидировавший пользу центра для республик. Поэтому руководство мусульманских республик в массе стояло на стороне заговорщиков в событиях августа 1991 г.

[427] Местные секретари КПСС, председатели советов и прочее начальство происходило из кланов прежних ханов, беков, мулл и т.п.

лониальной, а не постколониальной ситуации. Россия опять выступает арбитром в пограничных конфликтах и стремится выступать посредников в экономических контактах данных республик с Турцией и странами Европы.

Положение мусульманских и кавказских республиках аналогично положению Сибири[428]. Главная проблема современной России (и других стран СНГ) – отрицательное отношение к централизации власти при принятии решений. Но никакой специфики в этом нет. Таково общее свойство всех национальных движений в колониях. В России возродился старый антагонизм исполнительной и законодательной власти[429]. История Российской империи, СССР и Российской Федерации может рассматриваться как аннексия и колонизация низших уровней представительной власти (выразителей непосредственной демократии) высшими уровнями бюрократии (с помощью демократического централизма в СССР и силовых структур в современной России).

За этой дихотомией скрывается реальная проблема: *верхи* и *низы* игнорируют разделение властей. Например, Ельцин начал свою деятельность назначением наместников в области и края, губернаторы которых тоже назначаются Москвой. Следует напомнить, что в 1917 г. местные советы состояли из неграмотных людей, которым принадлежала реальная власть. В нынешней России советы состоят

[428] Весной 1992 г. в Красноярске состоялся Сибирский Конгресс, делегаты которого не требовали отделения от России, а отделения от правительства России, подчеркивая одновременно роль Конгресса как средства давления на Москву. Это событие выявило два обстоятельства: на Конгрессе отсутствовали главы исполнительной власти (представители Москвы), что фиксирует конфликт центра с представительными институтами; автономные республики и округа Сибири (Тува, Якутия-Соха, Бурятия, Эвенкия) объясняли отсутствие на Конгрессе нежеланием отождествления их с «сепаратистами» и требовали перехода от национальной к территориальной автономии в рамках России, а не Сибири. Эти факты показывают принципиальное отличие национальной идентичности от этно-сепаратистских тенденций. Если христианские нации выступают за национальную идентичность, в других районах эта тенденция слабее. Например, Татарстан потребовал суверенитета потому, что его руководство (татары и русские) желает *самостийно* распоряжаться природными ресурсами. В Сибири аналогичное требование выдвигают одновременно русские, якуты и буряты.

[429] В Российской империи роль органов представительной власти выполняли земства, в СССР – советы. Но ни те, ни другие не добились приоритета над администрацией, несмотря на высокую компетенцию (земство) и реальную репрезентативность (советы). В 1988 г. Горбачев пытался возродить советы и вернуть им права законодательной власти. В 1993-1994 гг. Ельцин ликвидировал советы. Известный российский *демократ* и мэр Санкт-Петербурга А.Собчак не постеснялся сказать, что советы бесполезны, бессильны и только торпедируют решения.

из образованных людей, но не имеют никаких законных прав, кроме противостояния исполнительной власти. Тем самым представительные учреждения тоже игнорируют разделение власти. Поскольку они остаются бессильными, центр самостоятельно устанавливает и исполняет законы. Поэтому проблема национальной идентичности России стала подвижным и постоянным элементом проблемы власти.

Итак, конфликт центра и периферии, исполнительной и законодательной власти скрывает множество тенденций воспроизводства колонизации в современной России. Местная власть наиболее сохранилась с советских времен и периода перестройки. Губернаторы и другие областные руководители на 80% состоят из представителей бывшего партаппарата. Номенклатура взяла реванш с помощью представительной власти от имени региональных интересов граждан. Она является носителем превращенного сепаратизма, этноцентризма и антиреформаторских тенденций. Силовые структуры стали носителем национализма, господствующего в центре. Поэтому конфликт центра и периферии в современной России является мнимым. Этим объясняются уступки Ельцина противникам свободного рынка, которые вчера стремились свергнуть Горбачева. Ельцин применял ту же тактику лавирования, но все больше опирался на силовые структуры. Российско-чеченская война закрепила эту тенденцию и превратила ее в постоянно действующий политический фактор современной России.

Означает ли все сказанное, что руководство современной России в своей политике возвращается к точке зрения В.И.Ленина: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны»[430], высказанной им накануне Октябрьского переворота? Этот вопрос нуждается в особом исследовании.

[430] Лени В.И. Полн.собр.соч., т.31, с.435

Часть 3.

Демократические пропозиции

В этой части я рассмотрю другой вопрос: как закрыть механизмы воспроизводства политической бюрократии, а также исключить интеграцию российского общества через властно-управленческий аппарат? Острота проблемы определяется многими обстоятельствами. Даже анализ терминов, которые используются при описании современной России, показывает, что наша страна является феодальным обществом[431]. К тому же данная терминология скрывает влияние военно-полицейских агентств на реальную политику и процессы производства гуманитарных знаний[432]. Властно-управленческая структура современной России содержит все характеристики дворцового государства, а партия власти «Единая Россия» является реанимацией партии, созданной полицейским департаментом Российской империи в начале XX века для интеграции властно-управленческого аппарата в целях борьбы с политической модернизацией страны[433]. Значит, проблема смещается к ре-

[431] Первая группа терминов содержит общие определения общества («нормальное», «переходное», «трансформационное», «православная цивилизация», «евроазиатская цивилизация»). Вторая группа включает политические характеристики («монархия», «избираемая монархия», «патерналистское общество», «управляемая демократия», «суверенная демократия», «суперпрезидентская республика», «криминально-синдикалистское государство», «авторитаризм», «тоталитаризм», «путинизм», «демократическая форма царизма», «феодализм», «расколотое общество», «российская демократия». Третья группа описывает экономическую структуру российского капитализма («олигархический», «дикий», «криминальный», «клептоманный», «гангстерский», «хищный», «рыночный большевизм», «клановый», «незрелый», «капитализм джунглей», «корпоративное общество», «феодализм лавочников», «бюрократическо-олигархический», «номенклатурный», «управляемый бизнес». Четвертая группа подчеркивает национальную идентичность («общество этнических русских», «евразийская нация», «интернациональная империя», «страна для всех живущих в ней народов», «часть западной цивилизации», «европейская нация». Пятая группа фиксирует положение России в мире («супердержава», «энергетическая супердержава», «сырьевой придаток развитых стран»). См.: Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008 с.17-18

[432] См.: Макаренко В.П. Интеллектуально-политические моды и проблемы концептологического анализа Кавказа // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия «Политология и социология». 2/6/2011

[433] См.: Глебова И.И. «Дворцовое государство» в современной России // Политическая

конструкции политических идеологий, которые помогают критически относиться к указанным тенденциям. Рассмотрю некоторые пропозиции в контексте основной проблематики книги.

Глава 12.
Что такое «демократическая вселенная»?

12.1. Библиографический сюжет

Роберт Даль – признанный авторитет в политической науке. Среди множества других своих книг в 1989 г. он опубликовал труд «Демократия и ее критики». В 2003 г. книга издана в России тиражом 1000 экз. Примерно по одному экземпляру книги на 140000 жителей. Не слишком ли много времени потребовалось на перевод и публикацию книги и не слишком ли мал тираж для России, в которой проживает более 140 млн. граждан?

Возьму первое попавшееся сопоставление.

Книга Льва Копелева «Хранить вечно» была издана за рубежом в 1975 г., а в СССР в 1990 г., т.е. спустя 15 лет[434]. Но для выхода книги Копелева потребовалась перестройка и демократизация страны, элементом которых было возвращение Льву Копелеву советского гражданства. Книга Льва Копелева издана тиражом 100000 экз. – примерно по одной книге на 3000 жителей СССР, который тогда насчитывал примерно 300 млн. хозяев «необъятной родины своей». Спустя год после выхода книги Копелева на русском языке Советский Союз «крахнул» (если использовать жаргон Ленина – одного из основателей советской политической машины).

Идеологические барьеры пали, Россия (согласно конституции) стала демократическим государством. Однако на издание в России книги классика современной политической мысли Роберта Даля ушло почти столько же времени, сколько прошло между зарубежным и первым советским изданием книги Льва Копелева «Хранить вечно». Одновременно привлекательность демократии в стране резко упала. Со времени перестройки и «нового мышления» для

концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011, № 2; Она же. Русская власть и ее партии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011, № 3

[434] См.: Копелев Л. Хранить вечно. М., 1990

обозначения демократии в быт прочно вошел термин «дерьмократия». Приведу лишь один пример.

«Как если бы заматеревшие людоеды, - пишет философ Карен Свасьян, - заговорили вдруг о необходимости вегетарианства или даже раздельного питания, а обслуживающие их интеллектуалы подвели этот бред под графу «новое мышление». Поверить в то, что отечественные людоеды заделались либералами, мог только дурак»[435]. Трудно отказаться от удовольствия выслушать все аргументы философа против либерализма и демократии. Ограничусь самыми яркими.

По мнению Карена Свасьяна, путь России в демократию вымощен благими намерениями, и уже привел в ад. За пару лет российская власть вызвала у избирателей тоску по коммунистическим временам и Сталину. Свасьян считает, что нельзя подозревать очередного партийного избранника Горбачева в том, что он поставил себе целью прочистить семидесятилетний большевистский запор слабительными парламентской демократии. «Просто коммунистическая идея, изжив себя в своей большевистской форме, облачается в иные, более жизнеспособные формы… Демократизация России – была и остается лишь злой коммунистической шуткой, прощальным свинством сходящего с копыт маразматика, короче, последним решением Политбюро». Карен Сарьян полагает, что чем яростнее Россия тщится усвоить навыки европейской демократии, тем очевиднее выявляют себя в Европе замашки большевизма. Евросоюз – это не Соединенные Штаты Европы, а Союз Европейских Социалистических Республик (тоже 15) со столицей в Брюсселе, откуда по образцу прежней Москвы осуществляется руководство братскими странами. Это новоиспеченное Политбюро. «Стремление нынешней России вступить в Евросоюз перекликается с некогда напрасными тщаниями Болгарии быть принятой с семью братских советских республик». «Равнение на западный дух уступило место равнению на западное брюхо». «Демократия по-русски – это государственно гарантируемая возможность совершать преступления без наказания». «Демократия – это тот же коммунизм, только в более изощренном, извращенном виде»[436].

[435] Карен Свасьян. Растождествления. Evidentis, 2006, с.74
[436] Свасьян К. Указ.соч., с.22-31, 41-47

Затем Свасьян обращает внимание на связь между модными нынче русскими философами-изгнанниками и строителями советского государства. Бердяев, Булгаков, Шестов – это «пятая колонна Сталина в его истребительной войне против России». Интеллектуальная элита современной России – это «ум интеллектуальных отморозков послегорбачевского десятилетия». «Философы, - резонирует Свасьян, - набрасывают общие идеи, которые потом плодотворно внедряют в жизнь сотрудники умственной службы» (речь идет о ЦРУ, КГБ-ФСБ и аналогичных структурах, В.М.).

О государственном аппарате Свасьян пишет не менее смачно. По его мнению, чиновник в России всегда оккупант, нечто среднее между чужаком и врагом, остаточная аберрация татаро-монгольского ига, мимикрирующая под европейские поведенческие нормы. России недостает не свобод и прав, а чиновников, день которых начинался бы с оглядки на чемодан. «То, что в сегодняшней России носит название властных структур, имеет к государственности не большее отношение, чем коэффициент интеллектуальности к уму». Кремль – это место, откуда планировался и осуществлялся большой террор. Ему «приличествовало бы быть взорванным, но не подпасть посмеянию». Политикам тоже досталось. «Нет более мнимой величины, чем политика, и более ненужных людей, чем политики. Политика в наше время – это уже не (бисмарковское) искусство возможного, ни даже (наполеоновская) судьба, а последнее прибежище негодяев, годных самое большее на то, чтобы быть народными избранниками. По существу, негодными избранниками, если угодно, избранными негодяями»[437].

Короче говоря, после попытки политического руководства СССР/России внедрить демократию сверху множатся инвективы в ее адрес. Однако возникает вопрос: добавляют ли высказывания рафинированного интеллектуала Карена Свасьяна что-либо новое в реакционную риторику, которая обычно переплетена с прогрессивной риторикой? На этот вопрос можно ответить отрицательно. Шаблоны риторики списаны Свасьяном у Ленина, который приписывал демократии служебную роль в партии и государстве: «Ленин, долгие годы проживший в Швейцарии и в других местах Западной Европы, мог находиться под сильным влиянием современной ему европейской атмосферы, пропитанной ядовитой нутряной враж-

[437] Там же, с.40-61

дебностью к демократии. На эту атмосферу, выражение которой можно найти в трудах Парето, Сореля и многих других, нередко возлагалась ответственность за возвышение фашизма. На мой взгляд, данная альтернатива заслуживает куда больше доверия»[438]. Однако Свасьян не обсуждает ленинскую версию демократии.

Является ли вообще критика демократии Свасьяном оригинальной, выражает ли она его личные политические убеждения или же эти убеждения сложились под влиянием Фридриха Ницше, который творил одновременно с Парето и Сорелем и как раз является представителем «ядовитой нутряной враждебности к демократии»? Вопрос уместен, поскольку Свасьян специалист в творчестве Ницше.

Ответить на вопрос мешает другой советский шаблон, согласно которому социализм был построен только на пространстве большей части бывшей Российской империи. Этот шаблон был официально распространен в СССР. Затем А.Зиновьев отождествил коммунизм с социально-политическим порядком, который существовал в России с 1917 года по 1991 год. Такая идеология внедрялась сверху в СССР. Затем сверху стали внедрять демократию. На этой основе нетрудно связать советский социализм (коммунизм) с внедряемой сверху демократией, как получилось у Свасьяна. Между тем при таком подходе приходится снимать проблему отношения между марксизмом Маркса и «марксизмом» его многочисленных последователей, в том числе в России. Для широкой публики это простительно. Никакого марксизма, кроме того, о котором писалось в учебниках, на заборах и праздничных транспарантах, население России не слыхало. В ее сознании до сих пор существует советская схема четырех вождей «Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин». О других выдающихся марксистах – от Каутского и Люксембург до Грамши и Альтюссера, и вождях (хотя бы И.Тито и Мао Цзедуне), которые отвергали теорию и практику советского ленинизма-сталинизма, публике почти ничего не известно или известно в тех версиях, которые входили в состав советской пропаганды.

При таких обстоятельствах выпуск книги Роберта Даля можно считать почти геройским поступком. Но не слышно, чтобы за книгой выстраивалась очередь. Пусть любопытные читатели сами оп-

[438] Альберт О.Хиршман. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М., ГУ-ВШЭ, 2010, с.160

ределят параметры популярности книг по теории демократии. Даже элементарный подсчет позволяет сделать вывод: число потенциальных читателей книги Роберта Даля уменьшилось в 45 раз по сравнению с потенциальными читателями книги Льва Копелева.

Этот частный факт вписывается в общие тенденции российского книжного рынка и библиотек: на протяжении 1990-2005 гг. в России резко сократилось получение научной иностранной литературы; по этой причине крупнейшие национальные и региональные библиотеки парализованы; удельный вес переводов научной литературы с иностранных языков в структуре российского книгоиздания тем меньше, чем ближе к так называемым “национальным темам”; даже российское образованное сообщество закрыто для сложных западных идей[439].

С учетом этих тенденций будет уместно прежде всего прорефферировать главные идеи книги Роберта Даля. А затем сделать акцент на тех моментах его концепции, которые требуют особого внимания для применения в российском контексте с учетом главных проблем моей книги.

12.2. Трехмерная ткань

Роберт Даль полагает, что вся история демократии состоит из трех преобразований: в Древней Греции произошел переход от правления немногих к правлению многих граждан; в Европе Нового времени национальные государства вытеснили феодальные города-государства, идея демократии была применена в широких масштабах, возникли новые политические институты, понятие демократии в строгом смысле слова; стоим ли мы перед третьей трансформацией и надо ли к ней стремиться? – так ставит вопрос Р.Даль. Для ответа он анализирует возможности и пределы демократии.

Термин «демократия» функционирует как популярная идея, а практика демократии ставит вопросы, на которые нет ответа. Это удобно для критиков.

Р.Даль выделяет три группы критиков демократии: Платон и его последователи отвергают демократию по причине ее нежела-

[439] См.: Дубин Б. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // Новое литературное обозрение. 2005, № 74

тельности; Р.Михельс и его последователи отвергают демократию по причине ее невозможности; сторонники демократии скептически относятся к ней, не замечают или скрывают ее реальные проблемы: «Критику первых двух разновидностей можно назвать противоборствующей, а третьей – благожелательной»[440]. Р.Даль предлагает разрабатывать теорию демократии на основе анализа возможностей, пределов и проблем, намеченных ее врагами и друзьями. Для этого он выявляет скрытую теорию демократии - неизученные посылки, на которых базируется явная и строгая теория.

В состав скрытой теории демократии входят сентенции: «народ» существует как масса людей; право на управление имеет небольшое множество людей из состава народа - те, кто обладает необходимой компетенцией; демократия не зависит от масштабов (полис, нация-государство); процедуру коллективного принятия решений можно обосновать.

Все эти посылки не доказаны или решены насильственно. Конфуций и Ленин сформулировали концепцию правления немногих. Несмотря на различия между Китаем и Россией, конфуцианство и ленинизм до сих пор имеют наибольшее число сторонников.

Концепция Р.Даля направлена прежде всего против конфуцианства, платонизма, ленинизма и их эпигонов. Для объяснения специфики своего подхода Р.Даль использует метафору «демократической вселенной»: «Я склонен рассматривать теорию демократии как некое подобие большой трехмерной ткани (web). Она слишком велика, чтобы охватить ее одним взглядом. Образована она переплетенными волокнами различной эластичности. Тогда как ее некоторые части состоят из жестко соединенных нитей (строго дедуктивных аргументов), другие части более свободны, а иные соединения совсем слабы. Подобно хорошо известной модели вселенной, эта материя конечна, но безгранична. В результате, когда вы пробираетесь вдоль нити рассуждения, вы не достигнете конечной точки, которая установит предел демократической вселенной»[441].

Невозможно создать удовлетворительную демократию, исходя лишь из одной основы и прямо двигаясь к результатам. Демократия – это большое смелое начинание, в котором взаимосвязаны правовые, эмпирические, предвзятые, критические, исторические и уто-

[440] Даль Р. Демократия и ее критики. М., РОССПЭН, 2003, с.9
[441] Там же, с.15

пические аспекты. Р.Даль перестраивает скрытые посылки в рациональное целое, на котором базируется строгая теория демократии. В общем виде демократия – это уникальный процесс принятия связывающих коллективных решений. Такой подход позволяет указать параметры для отделения демократии от других типов правления и применить их для оценки реальных политических систем.

Теория Р.Даля состоит в разработке ключевых проблем: истоки современной демократии; противоборствующие критики демократии; теория демократического процесса; проблемы демократического процесса; пределы и возможности демократии; на пути к третьему демократическому преобразованию. Рассмотрю их последовательно.

12.3. Происхождение и враги демократии

Истоки демократии - это первое и второе преобразование на пути к демократии современной. В античном городе-государстве обнаружились пределы полисной демократии - исключение многих из участия в управлении, отрицание универсальных прав на свободу и равенство, небольшие масштабы охвата. Эти пределы вытекают из человеческой природы и из характера политических институтов. В Новое время возникли республиканизм, представительство, принцип равенства.

Республиканская традиция заимствовала у Аристотеля идею человека как социального и политического животного; подчеркнула опасность коррупции государственной власти; сделала акцент на конституционных гарантиях равновесия интересов одного, многих, всех для общего блага; первым поставила под сомнение идею представительства интересов разными институтами.

Одновременно возник ряд нерешенных проблем: идея человека как политического и социального животного соединяет демократическую и антидемократическую мысль; в обществе трудно разделить интересы на единичные, особые, всеобщие; неизбежность конфликта интересов; невозможность применить республиканские идеи для демократизации больших государств.

Представительная система была введена как институт монархии и аристократии, а не демократии, и породила ряд последствий: народоправство могло охватывать большие территории; примене-

ние идеи демократии для национального государства; развитие в национальном государстве новых концепций прав человека, личной автономии и свободы. Главная проблема состоит в том, что система политических институтов заменила непосредственную демократию; «общее благо» раскололось на индивидуальные и групповые интересы.

Политическое равенство базируется на принципе: несколько лиц создают группу, которая независима от внешнего контроля, а все ее члены компетентны для принятия решения. Однако этот принцип возник стихийно, независимо от теории демократии; он исключает из группы всех остальных.

Противоборствующие критики демократии – это анархизм и попечительство.

Главные принципы анархизма выработаны христианством: никто не обязан поддерживать плохое государство; народ имеет естественное право ниспровергнуть несправедливое государство; любое государство есть средство насилия; любое насилие и любая иерархия есть зло по своей сущности; вполне возможно общество без государства. Эти принципы были укреплены в процессе революций в Северной Америке и Франции.

Из указанных принципов вытекают следствия: если государство использует насилие, государство есть зло; если государство есть зло, никто не обязан быть ему послушным; поэтому все государства (включая демократические) надо свергнуть; поскольку единодушие людей может быть только добровольным и исключает применение насилия, постольку любой социальный союз не является государством.

Для показа продуктивности анархизма Р.Даль анализирует концепцию современного теоретика Р.Уолффа. По мнению Р.Уолффа, государство – это группа лиц, которая имеет право выступать в качестве высшего авторитета в пределах определенной территории. Повиновение авторитету государства – это подчинение чиновникам на основании того, что они обладают правом приказа. Указанное определение государства базируется на различии между авторитетом и властью, которое никогда не соблюдается в действительности. Если ответственность предполагает выбор, то люди не могут избежать ответственности за свои действия. Но люди обычно выполняют приказы, не размышляя о том, насколько они являются

хорошими или плохими. Тем самым люди отказываются от моральной автономии. Конфликт между мнимым авторитетом государства и личной автономией неразрешим. Отсюда вытекает справедливость анархизма. Все государства были, есть и будут несовершенными. Политический анархизм предлагает критерии оценки государств, а «…философский анархизм, видимо, является единственным разумным политическим убеждением просвещенного человека»[442]. Квалификация насилия как зла фиксирует сходство между анархизмом и демократией.

После изложения основных аргументов «за» анархизм Р.Даль систематизирует аргументы «против»: насилие оправдано, поскольку невозможно исключить преступления в человеческом общежитии и вероятность гангстерского государства[443]; лучше создать удовлетворительное государство, чем жить в обществе без государства; государство подобно авторитету врача, в отношении которого мы полностью или частично отказываемся от автономии; наилучшее возможное общество должно иметь как можно лучшее государство. В отличие от анархистов демократы утверждают: любое государство должно быть демократическим, поскольку оно не является абсолютно добровольным союзом.

Но правление попечителей намного хуже анархизма: «Попечительство – … это альтернатива демократии… Под попечительством я понимаю строй, при котором государством управляется заслуженными властителями, которые представляют собой очень небольшую группу зрелых людей, которые не зависят от демократического процесса»[444]. В результате государственный аппарат берет под контроль избирательные процессы.

В данном случае Р.Даль использует идею Платона об идеальном страже государства[445]. Одновременно его анализ направлен на

[442] Там же, с.66

[443] «Если при этом делается вывод, что соотношение выгод от создания государства превышает затраты, то тогда, с утилитарной точки зрения, было бы разумно сделать вывод в пользу государства». Там же, с.68

[444] Там же, с.87

[445] «Безупречный страж государства будет у нас по своей природе обладать и стремлением к мудрости, и стремлением познавать, а также будет проворным и сильным» (Государство. 376с). «Ведь если сапожники станут негодными, испорченными и будут выдавать себя не за то, что они есть на самом деле, в этом государству еще нет беды. Но если люди, стоящие на страже законов и государства, таковы не по существу, а только такими кажутся, ты увидишь, что они разрушат до основания все государство, и только у них одних будет случай хорошо устроиться и процветать» (Государство. 421а). Цит. по: Платон. Сочинения

отрицание конфуцианско-платоновско-ленинской идеи идеального правителя.

Попечительство исторически переплетено с иерархией – формой правления, в которой руководители осуществляют одностороннюю власть над подчиненными. Есть два критерия выделения иерархической системы: подчиненные не могут мирно устранить руководителей путем непосредственного или опосредованного голосования; руководители устанавливают, с кем, когда и на какую тему консультироваться. Эта система старше и выступает в истории чаще демократии. Поэтому она - наиболее сильный и грозный враг демократии. Существует несколько концепций попечительства (иерархической системы): платонизм, конфуцианство, ленинизм, концепция Скиннера и пр.

Правда, есть и общие посылки демократии и попечительства: необходимость государства вытекает из того, что ради общего блага граждане должны подчиняться общеобязательным законам; интересы всех людей должны трактоваться одинаково; руководить государством должны только специалисты. В этом контексте Д.С.Милль поставил проблему: если члены общества в любой момент не обладают необходимой квалификацией, но одновременно не могут рассчитывать на то, что руководители будут защищать их интересы, то какое решение будет наилучшим?

Для маскировки этой (не решенной до сих пор) проблемы и защиты иерархии разработана концепция меритократии. Меритократия – это множество чиновников, избранных на основе заслуг и конкуренции, которые подчиняются правительству, премьеру, президенту, парламенту и т.д. Меритократия – это демократическая бюрократия. Она избрана на основе заслуг и остается под контролем руководителей, а не граждан. Отсюда вытекает производная проблема: где должна проходить граница между наличием и отсутствием политической компетентности?

Обычно предполагается, что правительство обладает политической компетентностью, которая включает: моральную компетентность (моральное понимание целей политики); моральное право на управление; инструментальную компетентность (необходимость в специализации). Но Д.Ролз показал, что все люди равны с точки зрения морали или способности рационально определять, что такое

в трех томах. Том 3. Часть 1. М., Мысль, 1971, с.154, 208

справедливость. Кроме того, «… в социальных науках, при приобретении понимания интересов наших сограждан, информационные затраты для большинства из нас слишком велики»[446]. Большинство политических проблем имеют технический аспект. В результате соображения технической компетенции, специализации и исторический опыт говорят в пользу попечительства.

Однако Р.Даль осуществляет тотальную критику попечительства. В концепциях попечительства обычно не различают два логически независимых суждения: знание общего блага и способа его достижения есть «наука», состоящая из объективных и проверенных истин (типа физических и математических); таким знанием может обладать меньшинство людей. Но даже истинность первого положения не влечет за собой истинности второго, а если ложно хотя бы одно, рушится вся аргументация. Поэтому никакой «науки об управлении» (включающей моральные и эмпирические суждения) не существует.

Идею объективности морального знания невозможно обосновать, поскольку: эксперты пользуются неопределенными процедурами, которые не позволяют оценить важность их утверждений; это не дает возможности достичь согласия относительно истинности общих суждений; установленные общие законы не являются совокупностью нетривиальных утверждений и не ограничивают моральный выбор. Не соответствует также действительности убеждение сторонников попечительства: правильный выбор лучшей политики в публичных вопросах зависит от эмпирического знания лиц, принимающих решения. Итак, ни моральное, ни эмпирическое знание не является достаточным для принятия решений.

Эксперты-технократы не могут быть политиками по следующим причинам: эксперт знает все ни о чем; не существует дисциплины, связывающей эмпирическое и моральное знание, необходимое для принятия решений, и нет специалистов в ней; технические суждения зависят от принципов, которые выражают некие онтологические убеждения, но не имеют строго научного характера.

Не существует знания об общем благе, существующем отдельно от индивидов. Органические метафоры общества и государства мешают осознать этот факт. Все политические решения связаны с риском, неопределенностью и выбором. В таких ситуациях поведе-

[446] Там же, с.92

ние экспертов не отличается от поведения дилетантов. Поэтому в современных обществах угроза злоупотребления власти больше, чем во все предшествующие времена.

Наконец, опыт тоталитарных режимов XX в. позволяет заключить: «Во-первых, подтвердилась глубокая истина грустного афоризма Эктона («Любая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно» - В.М.). Во-вторых, в подобных системах наблюдается сильная предрасположенность к грубым ошибкам, ибо власть правителей ведет к искажению информации как теми, кто им докладывает, так и в силу необузданной эксцентричности самих правителей. В-третьих, никто так и не разработал удовлетворительных способов выявления, рекрутирования и подготовки попечителей к их деятельности или же смещения высокопоставленных попечителей в случае их неудовлетворительной работы»[447]. Поэтому и сегодня «мир политики находится в пещере, где истина никогда не бывает полностью доступной»[448].

Итак, любые разновидности попечительства есть платоновско-конфуцианско-ленинско-гитлеровская идея.

12.4. Теория демократического процесса

Исходный вопрос теории демократического процесса - возможно ли разумно обосновать идею равной присущей ценности? - свидетельствует о неразрешенности методологических проблем. Но главную посылку анализа можно сформулировать: жизнь в обществе предполагает принятие решений о принципах, правилах и законах его функционирования. Эти решения должны быть обязательными для индивидов и они обязаны им подчиняться. Поскольку решения такого типа отличаются от индивидуальных выборов и решений, они являются управляющими или связывающими коллективными решениями. На основе этой посылки развертывается аргументация.

Демократия – это стремление к созданию наиболее пригодной во всех условиях системы. Термин «наиболее» означает укорененную в культуре Запада норму: идею (принцип) присущего равенства, согласно которому при принятии коллективных решений все

[447] Там же, с.117
[448] Там же, с.119

люди равны друг другу. Фактически важнейший аспект принципа присущего равенства выражается в постулате равного учета интересов: «В процессе коллективного принятия решения интересы каждого человека, затронутого этим актом, должны быть истолкованы в пределах максимально возможной точности и публично объявлены. Очевидно, что без этого интересы каждого «субъекта» не будут учтены, не говоря уже о равном их учете. Данный принцип не предполагает, что «субъект», чьи интересы следует принять во внимание, должен также быть и «толкователем». А толкователю отнюдь не обязательно надлежит принимать решения»[449]. Отсюда вытекает необходимость принятия нейтральных решений в отношении любого притязания любого человека.

Однако идея присущего равенства не в состоянии строго определить допустимое неравенство. Она не утверждает, что субъекты - лучшие интерпретаторы собственных интересов. Значит, надо определить понятие «интересы». Сторонники демократии обычно толковали основные «интересы» людей трояко: «Люди должны иметь – ибо это в их интересах – возможности достичь максимума осуществимой свободы, полностью развивать свои способности и потенциал, а также добиваться удовлетворения всех других интересов, которые они считают важными в рамках выполнимого и справедливого отношения к другим. Можно утверждать, что демократия есть одно из основных средств удовлетворения этих фундаментальных интересов»[450].

Демократия как средство гарантирования максимума свободы включает общую свободу, свободу самоопределения и моральную автономию индивида. В сфере свободы самоопределения главной проблемой становится отношение большинства и меньшинства. Аргументы в пользу демократии как политической системы господства большинства ставились под сомнение трояким способом: проигравшее меньшинство подлежит законам, с которыми несогласно; чем больше людей, тем больше свобода самоопределения и поэтому требуется единодушие; в действительных демократиях попрежнему руководит меньшинство.

Демократия как средство человеческого развития – это эмпирическая верификация гипотезы о связи между свойствами полити-

[449] Там же, с.129
[450] Там же, с.131-132

ческого строя и качествами граждан. До сих пор все попытки описания свойств демократической личности не увенчались успехом. Для решения проблемы Р.Даль конституирует модель человека, который обладает следующими свойствами: умением заботиться о своих интересах; моральной автономией – принятие решений, имеющих значение для себя и других; ответственностью – учет последствий альтернативных способов поведения; готовностью учитывать чужие права и обязанности; готовностью к открытой дискуссии на тему моральных оценок.

Однако большинство людей лишь потенциально способно развивать такие свойства, а их фактическая сфера зависит от обстоятельств. В целом концепция присущего равенства недостаточна для обоснования демократии как средства охраны личных интересов. На этом пути возникает ряд острых проблем.

Личная автономия. Строгий принцип равенства универсален, означает равную компетентность граждан в сферах управления собой и политических решений и базируется на двух посылках:

1. Демократия есть правление народа, и опирается на утверждение: простые люди компетентны управлять собой, поэтому они не должны управлять собой, если не в состоянии это делать.

2. Все члены достаточно компетентны для участия в выработке коллективных решений, обязательных для ассоциации и в значительной мере затрагивающих их благо или интересы. В любом случае никто не подготовлен лучше других, чтобы на него следовало бы возложить разработку коллективных и связывающих решений.

Первая посылка фиксирует гипотетический минимальный, а вторая – гипотетический максимальный уровень компетенции всех членов общества, которого не достигает никто. Множество лиц, к которым относится этот принцип, называется демосом, популусом или корпусом граждан, члены которого являются полноправными гражданами.

Важность строгого принципа равенства всех граждан вытекает из рациональной уверенности в демократию. Но эта уверенность не отвечает на вопрос: кто является гражданином? Следовательно, мы попадаем в порочный круг. Вырваться из него можно только масштабами (объемом) сферы участия в управлении.

Не менее важен другой принцип: никто не может лучше заинтересованного оценить, в чем состоит его интерес и благо и лучше

действовать в его пользу. Этот принцип - краеугольный камень демократических и либеральных убеждений. Отсюда выводится презумпция личной автономии: при отсутствии убедительных свидетельств обратного каждого следует считать наилучшим судьей своего блага или интересов. Таково одно из правил благоразумия. Хотя чужие интересы познать трудно, обоснование демократии не зависит от решения неразрешимых эпистемологических и онтологических проблем на тему природы моральных суждений. Гораздо важнее учитывать реальные предпочтения, желания и потребности. Интересы и человеческий опыт позволяют связать принцип компетентности с понятием полноправного гражданина.

Нормативная теория демократии начинается с анализа трех проблем теории демократического процесса:

А) Исходные посылки в пользу политического порядка (т.е. политическая онтология). Для создания союза требуется принятие правительственных или связывающих коллективных решений. При этом Р.Даль отвергает различие между обществом (социальные связи) и государством (политические связи): «Хотя ассоциация могла бы быть государством, воспринимаемым в привычном смысле как некий принудительный порядок, она могла бы и не быть им. Точно так же правительству ассоциации не нужно быть правительством государства. Таким образом, мы в силах описать общую теорию демократического процесса, применимую к ассоциациям, независимо от того, составляют ли они некое государство»[451].

Любой политический порядок включает два этапа процесса принятия связывающих решений: формирование повестки дня (отбор вопросов для решения); определение результата (стадия решения) - окончательное одобрение (отказ от) определенной политики.

Б) Исходные посылки в пользу демократического политического порядка базируются на положении: никакой законодатель не стоит над законом. Это положение опирается на принципы честности (никто не может навязывать другим законы, которым сам не подчиняется) и справедливости (редкие блага должны разделяться справедливо или все должны иметь равные шансы их достижения). Политика – это средство достижения целей, благ или интересов.

[451] Там же, с.159-160

В) Критерии демократического процесса – это комплекс идеальных процедур, дающих в итоге идеальное демократическое правительство[452].

К ним относятся:

1. Эффективное участие – на всем протяжении процесса принятия решений граждане должны иметь адекватные и равные возможности для выражения предпочтений относительно конечного результата, для постановки вопросов на повестку дня и для выражения причин одобрения одного, а не другого результата.

2. Равенство голосования на решающей стадии принятия коллективных решений – каждому гражданину должна обеспечиваться равная возможность выразить свой выбор, который признается равнозначным выбору любого иного гражданина.

3. Просвещенное понимание – каждый гражданин должен иметь адекватную и равную возможность для определения и обоснования (в рамках времени, отводимого согласно необходимости в обсуждении) такого представления по вопросу, подлежащему решению, которое наилучшим образом отвечает интересам данного гражданина. Этот критерий должен определять форму политических институтов. На деле большинство политических институтов и политических систем скрывают информацию, облегчают доступ к информации только некоторым, принуждают принять решение без дискуссии.

4. Контроль над повесткой дня тоже недостаточен во всех политических системах. Демос должен обладать исключительной возможностью решать, каким образом проблемы должны быть поставлены в общий перечень проблем, решаемых путем демократического процесса[453].

Именно здесь встречаются наибольшие отклонения. Они определяют повестку дня **«бесполой демократии»**: конституция остается неизменной, но демократические институты используются для решения локальных вопросов (дорожное движение, уборка улиц и пр.); принятие решений по некоторым вопросам переходит в руки судей и администраторов в соответствии с принципом иерархии; военные руководители находятся под номинальным контролем

[452] Именно в этом пункте Р.Даль говорит о нормативной теории демократии: это перспектива ангажированного гипотетического наблюдателя, который стремится достичь (сформулировать) нормативные суждения. Эмпирические условия анализируются в гл.17.
[453] Там же, с.162-171

гражданских лиц, которые знают, что они «сразу же лишатся своих постов или с ними случится нечто худшее, если они не будут приспосабливать свои решения к желаниям военных»[454].

Все эти критерии противостоят классической концепции обязанностей гражданина. Она потеряла смысл в современных условиях из-за нерешенных проблем: является ли решение о включении в демос произвольным или настолько обусловлено историей и культурой, что невозможно никакое общее решение? почему при принятии решений следует предпочесть любую из версий принципа большинства? что важнее – субстантивная или процедурная справедливость и права? если демократия означает правление народа, то кто составляет «народ»? существует ли универсальный набор институтов, которые необходимы для демократического процесса как такового (независимо от города-государства и нации-государства)? какую степень приближения к идеалу можно считать удовлетворительной для того, чтобы назвать политическую систему «демократией»? можно ли и желательно ли сократить разрыв между полиархией и демократией? какова судьба древнего идеала политической добродетели и общего блага в условиях конфликта идей, идеалов и целей? каковы пределы и возможности демократии и какова судьба недемократических правительств, которые превалируют в современном мире?

Эти проблемы не имеют окончательных решений и образуют предмет анализа Роберта Даля.

Проблема включения означает ответ на два вопроса: кто может правомерно притязать на включение в демос? каковы правомерные пределы его власти? Обычно государство устанавливает законы для лиц, которые: не являются его гражданами; не имеют права участвовать в установлении законов; ни имплицитно, ни эксплицитно не выражали согласия с данными законами, но вынуждены им подчиняться[455].

В отличие от сложившейся практики Р.Даль формулирует пятый критерий демократического процесса: демос – это все взрослые, подчиненные обязательным коллективным решениям ассоциации, а не государства. Такова основа теории гражданства.

[454] Там же, с.169

[455] «Все государства поступали так в прошлом, и есть все основания предполагать, что все, даже самые демократичные из них, продолжат действовать таким же образом и в будущем». Там же, с.179

До сих пор гражданство устанавливалось произвольно. Однако нормативные вопросы не должны определяться ни историческими фактами, ни предрассудками большинства политических философов. Надо подвергнуть критике все исторические обстоятельства, определяющие включение в состав демоса. Надо отвергнуть концепции Руссо и Локка, которые отождествляли понятия члена общества и гражданина. Признание гражданства не требует теоретического обоснования. Гражданство как безусловное право базируется на различии между понятиями члена общества и гражданина.

Гражданство как обусловленное компетентностью включает: безусловный принцип принадлежности - каждый, кто подчиняется правлению и его законам, обладает неограниченным правом быть членом демоса – гражданином; обусловленный принцип принадлежности - всем способным к правлению лицам следует быть членами демоса – гражданами.

Принятие первого императива укрепляет демократию и ослабляет исключающие концепции (аристократии, элиты и пр.).

Иначе говоря, принцип компетенции имеет значение при решении вопроса о включении в демос; но решение о моральной и интеллектуальной компетенции всегда проблематично. Уточненный безусловный принцип гражданства гласит: «Каждый взрослый, подчиненный правлению и его законам, должен считаться достаточно компетентным, чтобы быть членом демоса и обладать ничем не ограниченным правом на это»[456].

Все перечисленные критерии определяют политическое равенство и должны быть использованы для решения проблемы. Если они не выполняются, политического равенства не существует. В целом ни один политический строй, включая демократию, не удовлетворяет условиям демократического процесса.

12.5. Проблемы демократического процесса

К основным проблемам демократического процесса относятся: правление большинства и демократический процесс; другие возможности принятия коллективных решений; процесс против существа дела; процесс против процесса; условия готовности народа к демократическому процессу.

[456] Там же, с.191

Правление большинства и демократический процесс. Теория демократического процесса не определяет правил, которыми надо руководствоваться для принятия коллективных решений. «Проблема правила большинства – болото, через которое мы можем с трудом пробираться, пока не рухнем от усталости. Я надеюсь, что мы сможем обойти большую часть этой топкой местности»[457].

Существует четыре оправдания принципа большинства: максимизированное самоопределение – если члены любого общества для достижения своих целей должны принять коллективное решение, то в рамках данного общества принцип большинства позволяет максимально самоопределиться ее членам; правление большинства как необходимое следствие разумных требований – соединение, анонимность, нейтральность в отношении предмета спора;
большая вероятность принятия верных решений; максимизация выгоды (расчет расходов и доходов).

Отсюда вытекает, что никакое иное правило принятия решений не является лучшим по сравнению с принципом большинства.

Главные проблемы принципа большинства связаны с реальным функционированием демократии, которое определяет механизм выборов: всегда есть множество альтернатив; имеют место циклические большинства; существует контроль (манипуляция) над порядком голосования; возникает проблема границ коллективно решаемых вопросов и границ самой группы; принцип большинства ослабляется под влиянием конфликта между непосредственной и представительной демократией; в праве и управлении учет предпочтений большинства всегда ограничивается; утилитаристский принцип действует не всегда; трудно добиться нейтральности.

Но из всех этих трудностей не вытекает, что принцип большинства надо заменить другим правилом принятия коллективных решений.

К числу других других возможностей принятия коллективных решений для выработки публичной политики относятся квалифицированное большинство, ограниченная демократия, квазипопечительство и тирания большинства.

Квалифицированное большинство больше обычного большинства и меньше единодушия. Но имеет ряд недостатков: позволяет меньшинству блокировать принятие решений большинством и ог-

[457] Там же, с.255

раничивает число граждан, пользующихся самоопределением; не позволяет обойти неразрешимую проблему циклических голосований; благоприятствует поддержанию статус-кво и охраняет существующую несправедливость перед реформаторскими движениями большинства.

Поэтому квалифицированное большинство соответствует интересам консерваторов.

Главные аргументы в пользу концепции ограниченной демократии (которая изобретена В.Райкером – специалистом в сфере общественного выбора) состоят в следующем: не существует такого правила принятия коллективных решений, которое не вело бы к произвольным и бессмысленным решениям; поэтому надо отбросить все попытки создания политической системы, удовлетворяющей требованиям демократического процесса (В.Райкер называет ее «популистской демократией»); более реальная цель – создать настолько демократическую систему (он называет ее «либеральной демократией»), чтобы она позволяла время от времени отзывать чиновников.

Квази-попечительство – это использование парламента и суда для решения экономических вопросов и экономических прав. Оно отличается фатальными недостатками: ограничивает, но не отменяет власть попечителей; требует признать принципы только одного попечителя, безошибочности попечителей и постоянного согласия в группе, принимающей решения. Поскольку это не соответствует демократии, постольку все трудности принципа большинства воспроизводятся внутри данной группы. Поэтому при анализе деятельности парламента и суда надо использовать все аргументы против попечительства.

Наконец, тирания большинства ничуть не лучше тирании меньшинства.

Значит, ни применение, ни ограничение принципа большинства не гарантирует справедливости при принятии решений. Опыт применения данного принципа в демократических странах показывает, что в большинстве из них он не используется. Принцип большинства популярнее в теории, нежели на практике демократии. Причины этого состоят в следующем: отсутствуют сравнительные исследования связи стран с демократическими идеями; использование

альтернативных способов принятия решений объясняется особыми обстоятельствами.

В конечном счете применение принципа большинства зависит от множества факторов: однородности политических установок (аттитюдов) населения страны; ожиданий членов меньшинства на то, что завтра они станут большинством; убеждения меньшинства в том, что коллективные решения никогда не нарушат его образ жизни (экономическую безопасность, язык, религию и пр.). Ни в одной стране мира эти условия не выполняются. Поэтому принцип большинства заменяется альтернативными методами принятия решений. Все они имеют свои недостатки: «В различных обстоятельствах демократический процесс может правильно продвигаться при неодинаковых правилах принятия коллективных решений»[458].

Следующая проблема теории демократического процесса – отношение между процессом и существом дела. Недостаток любого способа принятия решений состоит в том, что он может вести к неожиданным последствиям. Отсюда вытекают два главных возражения против демократического процесса: он способен нанести вред; может привести не к общему благу, а к несправедливым решениям. Первое возражение ведет к ограничению и замене демократического процесса под предлогом того, что результаты важнее процессов. На деле оно является банальным обоснованием концепции попечительства и лживым прикрытием фактически диктаторского режима. Второе возражение ведет к тому, что демократический процесс обслуживает реализацию партикулярных интересов и не служит достижению общего блага.

Главный предмет дискуссии смещается к отношению между материальными и процедурными ценностями[459].

Р.Даль отвергает ошибочные представления: о том, что процедуры лишены морального значения; что требования материальной справедливости противоречат формальным процедурам. Он исходит из того, что власть (наряду с богатством, прибылью, образованием, доступом к информации) является главным благом в любом обществе. Поэтому демократический процесс определяет разделе-

[458] Там же, с.229

[459] Здесь возникает сомнение: тождественно ли отношение между материальными и процедурными ценностями отношению между материальными и формальными ценностями в смысле Макса Вебера, поскольку Даль использует эту дихотомию? Вполне возможно, этот вопрос надо адресовать переводчику книги Даля на русский язык.

ние власти и является разновидностью распределительной справедливости. Демократические процедуры неразрывно связаны с материальными ценностями.

Но есть реальная проблема: как можно предохранить большинство от несправедливого нарушения его фундаментальных прав и интересов? При определенных обстоятельствах правильность демократических процедур не зависит от оценки их последствий для увеличения пользы, счастья, приятного и т.п. Поэтому основные законы и принципы справедливости не могут оцениваться по утилитарным мерам.

Д.Ролз указал следующие типы процедур измерения справедливости: 1. Совершенная – гарантирует результат, который считается справедливым на основании независимых критериев. 2. Несовершенная – когда пользуются наиболее доступной процедурой, если даже она ведет к нежелательным результатам. 3. Чистая – когда отсутствуют независимые критерии закономерно результата, зато есть честная процедура, любой результат которой является верным и честным, если она правильно применяется.

В реальных условиях трудно применять любой тип. Совершенная процедура невозможна или крайне редко встречается на практике. Независимые критерии недостаточны для определения справедливого результата. Среди практически возможных могут быть несколько в равной степени несправедливых. Поэтому обычно используется *квази*-чистая процедура – наилучшая в применении. Даже в демократической стране многие вопросы социальной и экономической политики решаются на основе квази-чистой процедурной справедливости. Нет системы процедурных политических правил, гарантирующих справедливое законодательство. Любая процедура принятия решений гарантирует только несовершенную процедурную справедливость.

Отсюда вытекает: при принятии коллективных решений невозможно не нарушить какие-либо интересы. Ни процедурная, ни материальная справедливость этого не гарантирует. Поэтому политика демократических стран не всегда является совершенно демократической.

Демократический процесс versus равный учет интересов. Конфликт между материальными правами (интересами) и демократическими процедурами Р.Даль анализирует на основе различия меж-

ду типами притязаний: 1. Материальный интерес – это право на интегральный элемент демократии (свобода мнений, собраний и т.п.). 2. Материальное право и благо могут быть внешними, но одновременно - необходимыми условиями демократических процедур (если граждане неравны в доступе к богатству и другим благам). 3. Материальное право и благо является внешним и случайным условием демократических процедур, но образует необходимое условие соблюдения принципа равенства (честный процесс в уголовном праве).

Последний случай особенно важен. Демократические процедуры могут нарушать собственные основания: не трактовать одинаково все интересы, если они не артикулированы и не институционализированы; существуют столь фундаментальные интересы, что демократические процедуры никогда не должны их нарушать. Речь идет о первичных правах, в которых совпадают мораль, политика и онтология, и которые не могут нарушаться демократическими процедурами. Все политические права выводятся из фундаментального права управлять самим собой на основе демократических процедур. Это право имеет моральный характер.

Притязания на присущие демократическому процессу блага. Конфликт между материальными результатами и демократическими процедурами может исчезнуть, если: правило большинства ведет к лучшим материальным результатам; результатом является право, привилегия и обязанность как интегральный элемент демократических процедур; демократические процедуры ведут к лучшим результатам в той мере, в которой выполнены условия «просвещенного познания» интересов.

Стало быть, материальные интересы связаны с комплексом политических прав: принадлежность к группе, полное гражданство, равный голос и равные возможности участия в принятии решений, разумное пользование своими интересами и контроль над принятием коллективных решений. Эти права есть элемент демократических процедур.

В конечном счете Роберт Даль отрицает конфликт между материальными интересами и демократическими процедурами, отвергая тем самым всю либеральную традицию. Нет тирании большинства, есть нарушение большинством прав меньшинства. Оно формулируется в виде парадокса: если большинство не имеет права нарушить

права меньшинства, то оно лишено определенных прав; а если имеет права, то может лишить их меньшинство. Отсюда вытекает: никакая процедура не может быть одновременно демократической и справедливой. Однако этот парадокс мним, поскольку на практике сильное меньшинство лишает большинство его прав. Большинство обычно не руководствуется логикой. Оно может верить в демократию и одновременно нарушать ее принципы, не признавать ее, использовать демократические процедуры в целях уничтожения демократии. Поэтому без моральных и конституционных ограничений демократические процедуры противоречивы.

Возникает вопрос: имеет ли право демос сделать все, что эмпирически может сделать? Все упирается в убеждение людей в справедливости демократических процедур, которое выражается в обычаях, практике, политической культуре, существовании сословия юристов. «В этом случае, даже если сохранены первичные демократические права, а принцип равного учета интересов соблюден и в других отношениях, демократический процесс посягнет на неотъемлемые блага, интересы или права»[460].

Интересы, просвещение и свободная дискуссия. Сам конфликт между процедурами и результатами не является конфликтом между справедливостью и демократическими процедурами, а свидетельствует о слабости последних. Возникает проблема их выполнимости. Но кроме совершенствования демократических процедур никакого иного пути не существует.

Процесс versus процесс. Нарушения демократического процесса ведут к нарушению материальных прав и принципов справедливости, если: группы используют несовершенство демократических процедур для нарушения прав (например, свободы слова); неграмотность, нищета, низкий статус затрудняют участие в принятии решений; принятые на основе демократического процесса решения наносят вред правам, интересам, благам. Но отсюда не вытекает необходимость отказа от демократического процесса. Все это – неизбежная цена его достоинств. Недостатки осуществления демократического процесса Р.Даль предлагает рассматривать на примере полиархий.

«Полиархия – это режим, обладающий уникальным набором политических институтов, которые в совокупности отличают ее от

[460] Там же, с.264

других режимов. Полиархии могут быть представлены в качестве правлений, в которых необходимые для реализации демократического процесса институты достигли определенного уровня развития. Хотя полиархии являются наиболее полными из всех известных в истории воплощений демократического процесса в масштабах больших наций-государств, достижения полиархий весьма далеки от соответствия критериям демократического процесса»[461]. Пунктом описания достоинств и недостатков демократии являются США.

Возможны следующие способы устранения недостатков: замена полиархии иной системой; совершенствование; использование недемократических процедур (типа Верховного Суда); продолжение принятия решений на основе несовершенных процедур.

Дело в том, что существуют внешние, но необходимые для демократического процесса нарушения прав и благ.

При отсутствии демократических убеждений, традиций и социально-экономического равенства процедуры принятия коллективных решений не могут быть полностью демократическими. Нужен анализ интересов, несущественных для реализации демократического процесса. Этот анализ включает эпистемологический (как узнать, какие интересы имеют для индивидов фундаментальное значение?), содержательный (какие интересы выше демократического процесса?) и процедурно-институциональный (на какие процедуры или институты лучше всего положиться, чтобы защитить эти интересы?) аспекты.

Ответ на первый вопрос связан с просвещенным пониманием интереса: «Интерес или благо личности заключается в том, что эта личность изберет, имея наиболее полное реально доступное понимание результатов данного выбора, а также наиболее подходящих ему альтернатив»[462]. Это определение можно применять к познанию интересов других людей на основе эмпатии и мысленного эксперимента.

Ответ на второй вопрос звучит так: нерушимы те интересы, которые интегрально связаны с демократическими процедурами.

[461] Там же, с.270. Эти критерии описаны в главе 8 книги Р.Даля, которая посвящена теории демократического процесса.
[462] Там же, с.276

Ответом на третий вопрос служат институциональные решения, которые зависят от политической культуры, истории и конституции страны: 1. Расширение или уменьшение демоса. Наибольшие нарушения фундаментальных и политических прав появляются тогда, когда те, кто подлежит решениям демоса, из него исключатся. В крайнем случае это решение требует абсолютной независимости: из одного государства возникают два; происходит децентрализация решений в определенных вопросах. 2. Голосование, выборы, законодательные процедуры имеют два недостатка: нет гарантий того, чтобы меньшинство пользовалось ними только для защиты своих фундаментальных прав; большинству часто сложно их модифицировать, если меньшинство злоупотребляет властью, которую оно имеет благодаря специальным механизмам. 3. Формирование общественного мнения для укрепления Идеи Присущего Равенства интересов. 4. Использование недемократических процедур. Важнейшей из них является квазипопечительство, которое анализируется на основе деятельности Верховного суда США.

Если демократические процедуры не в состоянии защитить права и интересы, то остается доверить их защиту чиновникам-квазипопечителям. Они не подлежат демократическому контролю, принимают решения в рамках демократической системы, но не подчиняются ей. В демократических странах эту функцию выполняет суд, имеющий власть над процедурными и материальными гарантиями, а также возможность выносить решения о неконституционном характере парламентских узаконений. В 13 стабильных полиархиях из 21 существует судебный надзор, а Верховный суд США – наиболее показательный пример.

Могут ли вообще юристы защищать основные права и интересы? Для ответа надо учитывать свойства юристов как социальной группы: провинциализм, порождаемый системой высшего образования и практикой; суд увеличивает власть юристов как профессиональной группы над конституцией и политической системой; власть юридических органов в значительной мере зависит от того, насколько конкретные постановления соответствуют идеологическим оценкам юристов; эти оценки зависят от поворотов в политике и глубины преобразований[463].

[463] Данные свойства особенно характерны для американских суцких.

В соответствии с этими свойствами надо выделить юридическую бюрократию в особый предмет исследования. Существует обратное соотношение между полномочиями квази-попечителей и властью демоса. Чем больше прав и интересов подлежит юристам, тем более сужается сфера демократических процедур и тем более юристы определяют политику. Федеральная схема (когда Верховный суд отменяет решения низших властей, если они нарушают конституцию) не является универсальной. Права могут охраняться и без верховного суда[464]. Не доказано, что юридическая бюрократия лучше охраняет фундаментальные права и интересы. Юридическая бюрократия налагает внешние ограничения и отрицательно влияет на политическую культуру. Опыт США свидетельствует, что судебный надзор не гарантирует лучшую охрану от нарушения прав и интересов со стороны демоса и его представителей. Верховный Суд США всегда защищает интересы имущих. Юридическая бюрократия неизбежно становится орудием коалиции, получающей постоянное большинство в общенациональных выборах. Обычно президент не назначает тех юристов, взгляды которых отличаются от взглядов большинства законодателей. Юридическая бюрократия тормозит изменения в политике страны. Чем более она вмешивается в специальные вопросы, тем более сужает сферу демократических процедур. Квази-попечители должны соответствовать демократическим процедурам, поскольку их компетенция ограничивается в соответствии с тремя типами ранее описанных прав. Движение от первого к третьему ведет к ограничению компетенций юридической бюрократии.

Отсюда вытекает: нет конфликта между материальными интересами и демократическим процессом, есть конфликт одного права с другим. «То же самое относится и к народу. Насколько он лишен возможности действовать самостоятельно и направляется попечителями, настолько ему будет трудно чувство ответственности за свои коллективные действия»[465].

О готовности народа к демократическому процессу можно судить на основе анализа проблемы демократической единицы, ее

[464] Еще никто не доказал, что Новая Зеландия, Голландия, Норвегия, Швеция, Швейцария (в которых нет Верховного Суда) менее демократичны, чем США.
[465] Там же, с.297

иллюзорных решений, специфики федерализма и критериев демократической единицы.

Проблема демократической единицы состоит в том, что принцип большинства может относиться только к индивидам – гражданам территориального государства. Полис и нация-государство были историческими формами демократии. При установлении национальных государств насилие было главным, а ценности (справедливость, демократия, самоуправление, успешность и т.д.) служили для рационализации желаний победителей.

Самоопределение и политическая автономия не решают проблему. Принцип «Каждый народ сам себя определяет» резюмирует только исторический опыт и не может служить основанием для ответа на вопрос: какие из противоположных притязаний более справедливы и надо ли изменить (оставить) существующее положение вещей? В истории единственным ответом были насилие и пропаганда. Политическая автономия как абсолютное право означает, что всякая организация (не исключая демократической) может нанести вред интересам лиц, к ней не принадлежащим.

Федерализм тоже порождает проблемы. Неясно, как его совместить с существованием национальных и наднациональных образований, что считать повесткой дня или сферой компетенции, поскольку проблема централизации и децентрализации претендует на то, чтобы занять главное место в федерации[466]. К тому же США (мнимый идеал федерализма) де факто не отличается от централизованной системы. Как же совместить федерализм с принципом большинства? Для решения проблем современного общества федеральные системы должны преобразоваться в централизованные. Поэтому ответ на вопрос: должны ли быть объем и сфера принципа большинства присущи данной единице? - зависит от принципов, независимых от принципа большинства и даже от теории демократии. Короче говоря, федерализм формулирует ряд дискуссионных эмпирических и утилитаристских суждений.

Наконец, «критерии демократического процесса предполагают правомерность единицы как таковой»[467] и означают государство, в

[466] «При условии, что в рамках одного из сообществ все граждане обладают доступом к квазиоткрытой повестке дня, федерализм, по своей сути, не в меньшей степени способен соответствовать критериям демократического процесса, чем унитарная система». Там же, с.311

[467] Там же, с.322

котором: 1. Есть четкая идентификация сферы и широты власти. Чем более неопределенны территориальные границы и чем более они зависят от исторических и географических обстоятельств, тем более данная единица будет раздираема юридическими спорами и гражданскими войнами. 2. Люди активно стремятся к политической независимости по всем вопросам (от местного контроля за школьным образованием до полного суверенитета). 3. Люди настаивают на демократическом управлении. 4. Власть не покушается на первичные политические права и другие фундаментальные права и ценности. 5. Интересы лиц в данной сфере подвержены угрозе решений, принятие которых они не контролируют. 6. Существует консенсус среди людей, интересы которых нарушены больше, чем в рамках любых других реальных границ[468]. 7. Достижения превышают издержки (связанные с коммуникацией, переговорами, управлением, экономической эффективностью и пр.) в соответствии с критерием рационального выбора и оцениваются на основе шести предшествующих критериев.

Эти критерии требуют качественных суждений, а количественные суждения всегда обманчивы, поскольку они обычно опускают, подменяют или затемняют большую часть принципиальных выводов. Наилучших решений не существует. Поэтому защитники (оппоненты) каждого будут преувеличивать то или другое. «В реальном мире ответ на вопрос, что создает «народ» для реализации демократического процесса, - пишет Р.Даль, - скорее всего, может быть получен в ходе политических действий и конфликтов, часто сопровождаемых насилием и принуждением. Куда менее вероятно получить необходимый ответ путем рационального выведения его из демократических принципов и практик. Это объясняется тем, что … демократическая теория не продвинулась далеко в решении данной специфической проблемы… демократические идеи не дают в подобном случае определенного ответа. Они предполагают: этот ответ уже был или будет дан историей и политикой»[469].

Таким образом, **способ выделения государства как политической единицы всегда будет противоречить интересам индивидов**. В определенных обстоятельствах места и времени одни де-

[468] «Ряд границ лучше других в той степени, в какой он позволяет большему количеству людей делать то, что они хотят». Там же, с.324
[469] Там же, с.325-326

мократические единицы лучше (хуже) других на основании рациональных критериев. Проблема не в том, что суждения о лучшем и худшем невозможны: «Трудность здесь состоит в том, что эти суждения будут скорее всего неокончательными и весьма спорными»[470].

12.6. Пределы и возможности демократии

Эта кардинальная проблема распадается на ряд производных вопросов.

Вторая демократическая трансформация: от города-государства к национальному государству. В античных и средневековых городах-государствах правление народа уступило место империи, олигархии или нации-государству. На протяжении последних 50 лет XX в. демократия стала универсальной политической идеей, стремлением и идеологией одновременно.

Трансформация – это радикальное преобразование институтов и практики демократии, в ходе которого возникло 8 следствий: система представительной демократии как следствие расширения электората и деспотизма бюрократии; неограниченное расширение; ограничение непосредственной демократии (чем больше страна, тем меньше возможности демократии, даже при использовании электронных средств коммуникации)[471]; разнообразие – чем больше страна, тем больше различия граждан в политически важных вопросах (локальный патриотизм, расовая и этническая принадлежность, религиозные верования, политические и идеологические убеждения, профессия, стиль жизни); конфликты как необходимый элемент политической жизни; полиархия; социальный и организационный плюрализм, суть которого - независимость групп и организаций от правительства; распространение индивидуальных прав.

Указанные изменения привели к созданию полиархии. Отсюда вытекает исходная проблема: малые сообщества культивируют не свободу, а нетерпимость к нонконформистам; чем больше страна, тем меньше каждый человек знает сограждан и тем больше оказывается для них чужим.

---

[470] Там же, с.326

[471] В дальнейшем термины «непосредственная демократия» и «политическое участие» используются как синонимы.

Полиархия призвана решить эту проблему. Термин «полиархия» подчеркивает главное - институциональную разнородность современной демократии. Полиархия – это: множество институтов, которые отличают современную демократию от всех политических систем; продукт усилий по демократизации и либерализации политических институтов национальных государств; особый вид порядка и политического строя, отличающегося от недемократических систем и малой демократии; система политического контроля, при котором высшие государственные сановники обязаны конкурировать с другими кандидатами, группами и партиями в очередных выборах; система политических прав; комплекс институтов, без которых невозможны демократические процедуры в большой стране.

Указанные аспекты взаимно дополняют друг друга.

Полиархия – это политический строй, который отличается двумя общими свойствами: гражданство распространяется на большую часть взрослого населения; граждане имеют право и возможность выступать против правительства и смещать его голосованием.

Необходимыми условиями полиархии являются семь институтов: выборные власти имеют конституционное право контролировать политические решения правительства; в свободных и справедливых выборах не используется принуждение и манипуляция; включающее избирательное право; почти все взрослые (за исключением невменяемых) могут выдвигать свою кандидатуру на выборах на правительственные должности; свобода выражения мнений – безнаказанная критика властей, правительства, режима, социально-экономического порядка, господствующей религии и идеологии; граждане имеют право искать альтернативные источники информации, которые существуют и защищены законами; право граждан создавать независимые ассоциации, организации, политические партии и группы интересов.

Всякая регламентация деятельности данных институтов ведет к авторитаризму и попечительству.

Эти институты выполняют роль критериев демократии, но не являются ее достаточным условием. Современные национальные государства оказались перед множеством проблем, связанных с функционированием демократических институтов: 1. Как понять в условиях современного и постсовременного мира непосредственную демократию, которая не достигнута даже в малых демократиях

и республиках? 2. Ставит ли полиархия условия, которые отсутствуют и будут отсутствовать в большинстве стран? Является ли большинство стран неподходящими для полиархии, склонными к крушениям демократии и авторитаризму? 3. Возможна ли крупномасштабная демократия или будут господствовать тенденции бюрократизации и олигархизации? 4. Действительно ли плюрализм ослабляет перспективы достижения общественного блага? Существует ли общественное благо? 5. Можно ли преодолеть исторические пороги демократии на пути к более полным достижениям демократического процесса? Является ли (с учетом пределов и возможностей) третья трансформация реальной вероятностью?

Кратко рассмотрим эти проблемы.

Демократия, полиархия и участие. Можно ли в настоящее время реализовать непосредственную демократию, теоретически возможную, но никогда не реализованную даже в малых демократиях и республиках? На протяжении XX века выяснилось, что (с учетом технических сложностей) термин «действительная или истинная демократия» означает: мнимую демократию; действительное угнетение; то и другое.

Все коммуны, в которых возможна непосредственная демократия (от религиозных общин до еврейских кибуцев и китайских коммун) распадались или включали небольшое число населения; добровольные коммуны ни в одной стране не привлекали более 2% населения. Существуют две концепции непосредственной демократии: универсальная, согласно которой ни одно сообщество не должно быть настолько большим, чтобы система участия была невозможной; локальная - только некоторые общества могут управляться демократически.

Первая концепция обнаружила свою утопичность. Отсюда вытекает ложный вывод: полиархия в больших национальных государствах невозможна и они должны быть недемократическими.

Как полиархия складывалась в одних странах, но не в других. Действительно, до недавних пор «естественной» нормой считалось иерархическое, а не демократическое управление. В итоге демократия стала рационализацией власти господствующих групп, которые меняют смысл термина *демократия* для легитимизации режима.

Р.Даль анализирует три периода развития полиархии (1776-1930, 1950-1959, с 1980 до настоящего времени), прослеживает их в

разных странах и на этой основе ставит вопрос: какие условия благоприятствуют (затрудняют) развитие, консолидацию и стабильность полиархии? Для ответа он использует общую схему демократической трансформации: в стране формируются прочные условия, благоприятствующие переходу к полиархии и политический строй постепенно становится стабильной полиархией; условия не возникают или незначительны, остается недемократический политический строй (НДС); при неоднозначных условиях полиархия рушится в краткое время (примерно за 20 лет) или наступает новая демократизация или государство осциллирует между НДС и полиархией.

Почему полиархия утверждалась в одних странах, а не в других. История последних 150 лет дает примеры всех указанных линий развития. Но наиболее вероятными условиями являются: гражданский контроль над институтами насилия; современное плюралистически организованное общество; плюрализм субкультур; убеждения политических активистов.

Гражданский контроль над институтами насилия. Государство может использовать все экономические, социальные, психологические и физические средства насилия, но обычно доминируют физические (армия и полиция). Прежде и теперь армия и полиция используются для подавления демократических тенденций. Для предотвращения этого надо: подчинить армию и полицию гражданскому контролю; подчинить гражданских контролеров над аппаратом насилия демократическим процедурам.

Возможность контроля над армией и полицией зависит от двух факторов: организации аппарата насилия и состояния военной техники; использования надлежащих средств контроля над ними.

Первый фактор является политическим следствием состояния военной организации и военных технологий. Шансы демократии были тем больше, чем больше государство было способно мобилизовать большое количество легко вооруженных солдат (на Западе)[472]. Но в целом развитие военной техники и организации увеличило угрозу в XX в. применения централизованного насилия.

Второй фактор – укрощение насилия. Чтобы предотвратить военные перевороты и лишить военно-полицейские структуры спо-

[472] Уже в У11-У1 вв. до н.э. термин «демос» означал часть населения (гоплитов), которая стремилась к политическому влиянию.

собности к насилию демократические государства используют следующие средства: ликвидируют вооруженные силы или оставляют небольшую армию с учетом соотношения сухопутных и морских сил; ставят армию и полицию под контроль местной власти; формируют вооруженные силы из людей с демократическими убеждениями, которые соответствуют большинству граждан; идеологически обрабатывают профессиональных военных.

Однако профессионализм создает социальную и психологическую пропасть между военными и гражданскими. По мере роста и усложнения военно-полицейских структур затрудняется гражданский контроль над ними. Существует также связь между военными и различными звеньями власти (особенно парламентом).

В целом не существует однозначной связи между состоянием военной организации и техники и наличием (отсутствием) полиархии.

Современное динамическое плюралистическое общество. Обычно полиархии возникали в обществах, которые обладали следующими свойствами: высокий средний прожиточный уровень, постоянный рост доходов и имущества населения; урбанизация; уменьшение аграрного населения; большая профессиональная дифференциация; развитие просвещения и большой процент лиц с высшим образованием; экономическая система, в которой продукция независимых предприятий руководствуется требованиями внутренних и внешних рынков; высокий показатель благосостояния (число врачей, коек на одного жителя, низкая смертность новорожденных, длительность человеческой жизни, большое число лиц с товарами длительного пользования).

Эти показатели связаны и определяют тип современного динамического плюралистического общества (далее СДПО), которое может становиться СДП-страной.

Все свойства СДПО как предпосылки полиархии можно разделить на две категории: те, что способствуют децентрализации власти, влияния и контроля и переходу их на уровень индивидов, групп, союзов и организаций; те, что укрепляют установки и убеждения, подготавливающие почву для развития демократических идей.

Общая черта СДПО – рассеяние политических ресурсов (деньги, знание, статус, доступ к организациям), стратегических локали-

заций (сферы экономики, науки, образовании, культуры) и переговорных (открытых и латентных) позиций (экономика, наука, коммуникации, образование и пр.). Полиархия возникает, если власть распределена между таким числом групп, когда ни одна из них не может ни уничтожить конкурентов, ни укрепить свою гегемонию.

Однако не существует прямой зависимости между развитием СДПО и полиархией. СДПО не является необходимым и достаточным условием полиархии по следующим основаниям: децентрализация власти не устраняет общего неравенства в доступе к ней; полиархии возникали в странах, в которых нет СДПО (Индия), большинство населения было независимыми фермерами и проживало в деревнях[473]; в конце XX в. в странах с преобладанием аграрного населения нет ни фермеров X1X в., ни СДПО XX в., из-за чего в них отсутствуют два главных свойства демократии, и они не являются почвой для развития полиархии; полиархии нет также в СДП-странах (Югославии, Тайване, Южной Корея).

Значит, надо учитывать и другие факторы.

Плюрализм субкультур. Шансы полиархии падают, если убеждения населения способствуют политическим конфликтам и наоборот. Основой субкультур являются этнические, религиозные, расовые, языковые, региональные различия, исторический опыт и мифы. Чем сильнее и специфичнее субкультура, тем более она внутренне консолидирована и тем слабее связи между ее членами и остальными гражданами страны. В итоге члены субкультуры образуют особую нацию в стране (браки, дружба, спорт, развлечения, фестивали, обряды, религиозная жизнь, экономические предприятия отделяют одних от других). Эта корреляция может быть обусловлена и другими факторами. Поэтому нет прямой связи между унификацией культур и полиархией.

Однако полиархия может сохраниться и функционировать при плюрализме субкультур. Швейцария, Бельгия, Голландия и Австрия дают пример консоциативной демократии: для предотвращения взрывов все общие политические решения принимаются при согласии руководителей субкультур; правительство формируется из коалиции руководителей субкультур; существует взаимное вето на все решения, связанные с интересами субкультур; все субкультуры

[473] В 1800 г. в США в селах жило 94% населения, то же относится к Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Норвегии, Швеции, Дании и Швейцарии.

имеют представителей в правительстве и других органах пропорционально численности; все субкультуры автономны в решении внутренних вопросов. Однако политические активисты и функционеры любого лагеря обычно выступают против любых изменений.

Дополнительные благоприятствующие условия полиархии состоят в следующем: политические элиты убеждены в желательности, возможности и реализации согласия; ни одна субкультура не преобладает над другими; существует многопартийная система. Но такая система эффективна лишь в малых странах, в которых существует угроза со стороны большой державы.

При объяснении конкретных случаев убеждения политических активистов надо рассматривать как самостоятельный (не детерминированный) и не менее важный фактор, чем остальные. Факты и исторический опыт многих стран свидетельствуют: «Богатая и комплексная система политических убеждений … присуща только незначительному меньшинству»[474]. Страны различаются степенью убеждения политиков в легитимности полиархии, но такие убеждения не зависят от социально-политического строя. Шансы полиархии тем больше, чем более укоренено убеждение в ее легитимности.

Политические лидеры и государственный аппарат обычно выступают за ту или иную форму попечительства, представляя свои режимы как особый тип демократии или необходимый переходный этап к ней. С помощью таких аргументов защищается однопартийная система (СССР, Восточная Европа, Китай) или военная диктатура.

Надо также учитывать политическую культуру – совокупность убеждений, установок и предрасположенностей относительно власти: ее успешности в решении главных проблем страны по сравнению с альтернативными методами; степень доверия к власти элит и граждан; отношение людей к конфликту и сотрудничеству. В большинстве стран нет политической культуры и практики, соответствующей полиархии.

Иностранное влияние и контроль не способствуют полиархии, если интервенция не осуществляется демократическими государствами. Однако политика демократических стран до сих пор обусловлена стратегическими, экономическими и геополитическими сооб-

[474] Там же, с.400

ражениями. Поэтому демократические страны могут поддерживать авторитарные режимы.

В целом шансы демократии в мире зависят от всех перечисленных условий и факторов.

Неизбежно ли господство меньшинства? – один из кардинальных вопросов, поставленных в книге Роберта Даля. Он пишет, что К.Маркс, Г.Моска, В.Ленин, В.Парето, Р.Михельс, А.Грамши в той или иной форме соглашались с теорией двух классов - управляющих и управляемых. Согласно этой теории, демократическая идея никогда не будет реализована, а господство меньшинства неизбежно. Поэтому критик скажет: даже если согласиться с тем, что полиархия продвигает в сторону демократии, в большинстве современных государств демократия является идеологическим фасадом господства.

Для полемики с таким подходом Р.Даль ввел **различие** между теориями господства меньшинства и теориями, описывающими упадок демократии, политического равенства и свободы в современном обществе. Упадок обусловлен неравенством граждан в отношении их политических ресурсов, явных и скрытых стратегических позиций и рыночных возможностей. Даль выделяет главные интерпретации неравенства – от оптимизма до апокалиптических взглядов и пессимизма:

1. Неравенства не требуют коррекции, а при потребности их легко устранить.

2. (A) Неравенства ограничивают демократический процесс. (B) Даже в этом случае полиархии демократичнее и желательнее альтернативных вариантов, в которых отсутствует один или более институт полиархии. (C) Неравенства можно уменьшить для улучшения демократических качеств полиархии и изменений.

3. A и B формулируются так же, но C иначе: неравенства невозможно уменьшить (без ущерба для других ценностей), поскольку они представляют неисправимый аспект наилучшей возможной системы в несовершенном мире.

4. (A) Следствия неравенства столь велики, что позволяют (B) существовать в полиархиях лишь тривиальным аспектам демократического процесса. (C) Однако для создания «реальной демократии» неравенства можно устранить в процессе полной революционной трансформации. (D) Пока не завершилась революционная

трансформация, все общества будут управляться господствующим меньшинством.

5. (A) и (B) как в пункте 4, но (C) неравенство и его последствия неустранимы. (D) Тогда все общества всегда будут управляться доминирующим меньшинством.

Пункт 1 не заслуживает внимания. Исследование пределов и возможностей демократии принадлежит к пункту 2, хотя некоторые ограничения неисправимы (пункт 3). Р.Даль анализирует теории правящего класса 4 и 5 видов, которые типичны для СССР, Китая и постсоветских стран: «По иронии судьбы, авторитарная система, до недавнего времени бывшая неизбежным результатом ленинистских революций или режимов, фактически превратила апокалиптическое видение четвертой перспективы в еще один вариант мрачных пессимистических теорий правящего класса пятой из перечисленных возможностей»[475]. По его мнению, основателем теории господства меньшинства является К.Маркс. В.Ленин подчеркивал роль насилия, А.Грамши делал упор на гегемонию идей и культуры. Р.Михельс, В.Парето, Г.Моска создавали свои теории господства для опровержения Маркса. Что общего между всеми указанными теориями?

При ответе на вопрос: почему и как управляет меньшинство? решающую важность имеют следующие факторы:

1. Паттерны господства - устойчивые («но и в конечном счете мимолетные») социальные, экономические, политические структуры и институты. Они на протяжении длительного времени влияют на формирование предпочтений и возможностей большого числа людей. В течение последних двух веков эти паттерны определялись структурами и институтами капитализма, рынка и буржуазного общества. Но если в стране управляют военные, то в группу правящих могут попасть немногие. «Верхушка пирамиды пространственно ограничена; а по определению, все теории правления меньшинства интерпретируют мир как искусственную структуру власти, в которой вершина сравнительно меньше основания»[476].

2. Структура правящего класса определяется конфигурациями типов людей, которые начал описывать Н.Макиавелли. Индивиды с определенным набором качеств (хитрость, проницательность, на-

[475] Там же, с.407
[476] Там же, с.409

пористость, амбиции, сообразительность, трезвомыслие, беспощадность) добиваются господствующего положения уже внутри структур. Моска, Парето, Михельс описали также особые качества управляемых (привычки, убеждения, склонность к порядку, стремление избегать риска, послушность, конформизм, восприятие иррациональных мифов, потребность масс в руководстве, их политическая благодарность, культ лидеров). Эти качества способствуют принятию и даже жажде господства.

3. Польза и нужда в специализированном знании и навыках зависит от требований институтов и структур исторического периода. Ресурсы и одаренность (образование, благосостояние, знания, информация, статус) распределяются в зависимости от наследственности, социального класса, удачи и достижений. Действие этих факторов проявляется *внутри* ограничений, установленных основными институтами и структурами.

4. Сила и убеждение используются правящим меньшинством для безопасности и обеспечения господства.

Кто кем управляет, как и почему? Все теории господства меньшинства служат разным идеологиям и политическим устремлениям на основе мнимо объективных и научных данных. Маркс, Ленин, Грамши были марксистами, Моска, Парето, Михельс – антимарксистами. Из-за расхождения в идеологических намерениях «…идея господства меньшинства не составляет набор более или менее последовательных теорий, но являет скорее гетерогенное собрание взаимно противоречивых построений»[477].

Противоречия теорий господства меньшинства нетрудно обнаружить в их методологии и содержании. Речь идет о следующих элементах:

А) Термины и концепции. Маркс говорил о буржуазии как правящем классе. Моска использовал термин управляющий класс как синоним политического класса. Парето использовал термин правящий класс, который одновременно является доминирующим классом и элитой с определенным артиклем (политическая или властная). Р.Даль взамен всех указанных терминов предлагает термин доминирующее меньшинство.

Б) Описание состава доминирующего меньшинства – оценка значимости бизнесменов, собственников больших экономических

[477] Там же, с.411

предприятий, политиков, правительственных руководителей, интеллектуалов, бюрократии, военных и полицейских. Уточнение состава – необходимый шаг для возможности любой эмпирической верификации или опровержения теории господства меньшинства.

В) Выводы о возможности прекращения господства – от оптимизма у Маркса до пессимизма (Моска, Парето, Михельс).

Критика теорий господства меньшинства исходит из принципа: все эти теории – искаженное отражение банальных истин. Но их авторы претендуют на большее и утверждают, «…что даже удовлетворительное приближение к демократии является в одном из вариантов теории решительно невозможным, а в другом – возможным только при условиях, которые до настоящего времени не существовали на протяжении всей письменной истории и способны остаться недостижимыми для человеческих усилий в предстоящем будущем»[478]. Значит, теории господства меньшинства развивают религиозную идею о жребии (уделе) рода человеческого. **Поэтому для опровержения теорий господства меньшинства нужна детальная критика религии**.

Теории господства меньшинства невозможно подтвердить или опровергнуть по нескольким причинам: они представлены на столь высоком уровне обобщения, что трудно определить, какие доказательства надо собрать для подтверждения или отбрасывания основных гипотез о господстве меньшинства; каждая из них может быть «спасена» от окончательного опровержения любым свидетельством, которое можно добыть; большинство социальных теорий противятся строгой верификации или опровержению; в каждой такой теории приходится основывать суждения на неясных и спорных «тестах»; теория господства меньшинства – это теория высокого уровня, которая не допускает рациональных решений.

Все теории высокого уровня - *«концептно двусмысленные»* вследствие нерешенной проблемы: как определять значения концептов и применять их на практике в семействе родственных понятий (власть, влияние, контроль, господство, гегемония, принуждение и пр.)? Указанные термины пользуются дурной славой из-за трудности их интерпретации и строгого употребления в эмпирических исследованиях. Особенно проблематичны концепты «потенциальной (латентной) власти» в противоположность «манифести-

[478] Там же, с.415

рованной власти», «обладание властью» в отличие от «осуществления власти». Например, характерная черта придворных – попытки предвосхитить желания владык. Поэтому господствующие меньшинства осуществляют контроль и с учетом предвосхищаемых реакций.

Особенно это заметно в странах, где военные являются политическими акторами. Гражданские власти постоянно ожидают, что военные их сместят, если они будут проводить политику, идущую вразрез с желаниями военных. Для описания такой ситуации Р.Даль вводит концепт *«недопускаемая политика»*. «Господствующий военный истеблишмент редко допускает действительно свободные выборы, свободу выражения мнений и оппозиционных партий… это означает, что конечный контроль над ней (повесткой дня, В.М.) остается не за демосом, а за военными, которые по праву могут быть названы господствующим меньшинством в стране»[479].

Недопускаемая политика распространяется и на другие сферы: распределение, земельную реформу, налогообложение, другие социальные и экономические вопросы. Но процесс предвосхищения реакций трудно или невозможно наблюдать, а утверждения о нем сложно верифицировать или опровергнуть.

Качественная оценка отличается неопределенностью, не позволяет сравнивать разные степени или количества неравенства в политических системах, порог перехода неравенства в принуждение и господство. Неопределенность концептов власти и влияния вытекает из отсутствия удовлетворительной количественной оценки этих явлений. В итоге теории господства меньшинства «…зависят по большей части от того, насколько они соответствуют нашим исходным взглядам на устройство мира»[480]. Их защитники обязаны ответить на вопросы: что означает господство меньшинства? что отличает его от других форм или степеней неравенства применительно к власти? кто над кем господствует? какими способами и в каких отношениях достигается доминирование?

Основными способами доминирования большинства являются принуждение, убеждение, индоктринация (воздействие на взгляды). Убеждения обычно формируются под влиянием коррупции и индоктринации. Вследствие этого господство становится косвенным,

[479] Там же, с.417
[480] Там же, с.418

неявным и неопределимым. А.Грамши обосновал идею о замещении принуждения культурной гегемонией. В ее укреплении и поддержании ключевую роль играют интеллектуалы – создатели, интерпретаторы и поставщики идей и убеждений.

Соперничество, соревнование и цена управления. Сторонники господства меньшинства принижают значение организованного соперничества как инструмента, при помощи которого нонэлиты[481] могут влиять на поведение политических элит. Проблема сводится к различию между соперничеством предприятий в экономике и соревнованием политических партий в борьбе за власть.

При незначительных барьерах на пути создания новых фирм или партий невозможно сопротивляться господству монополий. Это хорошо понимают правители однопартийных авторитарных политических систем. Если оппозиции дано право формировать политические партии, которые имеют право участвовать в свободных и честных выборах, высшие посты в государстве занимают те, кто выигрывают выборы, тогда соревнование между политическими элитами делает более вероятным то, что политика правительства будет со временем отвечать предпочтениям большинства голосующих.

Взамен анализа этого процесса Р.Михельс сформулировал железный закон олигархии: политическая партия – это организация, порождающая господство избранных над избирателями, обладателей мандатов над дающими мандаты, делегатов над делегирующими. Однако Р.Михельс неправ, поскольку он перенес обобщения об отдельных политических партиях на системы правлениями полиархиями: из олигархического характера партий не следует, что они обязательно создают олигархическую политическую систему[482]; из невозможности демократии в одном элементе системы (партии) не вытекает невозможность демократии в системе в целом.

Большая часть теоретиков господства меньшинства почти не имела опыта изучения систем конкурирующих партий в странах с широким избирательным правом и соревновательными партийными системами. Маркс не заметил действие массовой демократии в

[481] Р.Даль вводит понятие нонэлиты для совокупного обозначения всех социетальных групп, которые не получают статус политических элит.

[482] Например, бизнес-структуры имеют олигархический характер, но не создают монополистический контроль над потребителями и рынком. Соревнование между ними предохраняет от образования монополии.

Британии, Ленин тоже не имел с ней дела, Парето, Моска, Михельс, Грамши были свидетелями только начала ее развития.

Звенья в цепи контроля между правящими и управляемыми. До сих пор не существует теории, трактующей господство меньшинства как общее свойство полиархически управляемой страны. Р.Даль ранжирует прямые и косвенные способы господства правящей элиты. Все они включают большее или меньшее смешение контроля с помощью предугадывания реакций:

Господствующее меньшинство: 1. Контролирует решения и политику правительства государства. 2. Определяет, что включается в повестку дня правительства (налагает вето на определенные вопросы). 3. Устанавливает границу между сферами правительственной и неправительственной деятельности (контролируя 1 и 2). 4. Создает и поддерживает господствующие убеждения по поводу действий, изложенных в пунктах 1,2,3. 5. Создает и поддерживает убеждения в легитимности, желательности или приемлемости основных политических, социальных и экономических структур. 6. Не создает, но поддерживает убеждения по поводу 1,2,3 и структур 5. 7. Не создает и не поддерживает убеждений по поводу 1,2,3 и структур 5, но занимает привилегированные позиции благодаря этим убеждениям.

Первые шесть способов господства устанавливают границы контроля господствующего меньшинства: оно пытается контролировать все вопросы пунктов 1-6 или только особо важные для него вопросы[483]; оно обладает эксклюзивным контролем или в контроле участвуют индивиды или группы, которые не входят в господствующее меньшинство.

Для существования господствующего меньшинства оно должно успешно преодолевать любую оппозицию его правлению. Однако свидетельства господствующего меньшинства включают разные трактовки оппозиции: она представляют «существенную» угрозу господству меньшинства и открыто противодействуют ему; она существенна, но действует скрытно; она несущественна. Число возможных комбинаций абсурдно велико (формально 486).

Возможны два противоположных варианта господства меньшинства:

[483] Особая важность устанавливается на основе мнений господствующего меньшинства или суждений внешнего наблюдателя, использующего свои критерии оценки важности проблем для господствующего меньшинства.

1. Меньшинство прямо и косвенно контролирует все пункты повестки дня правительства. Создав всеобъемлющую систему контроля и поддерживая надлежащие убеждения, меньшинство встречает лишь незначительное противодействие. Поэтому его контроль и интересы оказываются неоспоримыми «беспроблемностями».

2. Меньшинство обеспечивает политику, которую считает благоприятной для своих интересов. Достигает этого непосредственным воздействием на правительство и косвенным влиянием на его убеждения. Сталкивается с существенной оппозицией, но не может ее победить без коалиции с другими группами. Поэтому в вопросах, которые не затрагивают самых важных интересов, его влияние слабо, союзники немногочисленны. Противники сильнее, неудачи в контроле - обычное явление. По многим пунктам меньшинство мало или вообще не стремится прямо или косвенно влиять на политику. Претенденты на избрание сражаются за места. В результате меньшинства оказываются господствующими в аспектах, которые считают наиболее важными[484].

В первом случае есть господство меньшинства и правящий класс, но нет демократии. Во втором варианте тоже возникает слабое господство меньшинства, но демократический компонент в такой системе значителен.

Проблема доказательства. Доказательства теоретиков господства меньшинства многообразны и неопределенны. Парето и Моска предлагают исторические интерпретации. Михельс делает выводы из изучения единственной политической партии. Тесты Грамши содержат прозрения, но (в силу обстоятельств их написания) скупы в плане систематических данных.

Итак: «Ни одна из теорий господства меньшинства … не выявляет адекватно детали предлагаемой его цепи контроля и не обеспечивает необходимых свидетельств, чтобы удовлетворительно продемонстрировать: предполагаемая теоретически цепь контроля действительно существует»[485]. На этой основе Роберт Даль делает принципиальный вывод: теории господствующего меньшинства уводят от реалистической оценки ограничений и возможностей современной демократии; внушают необоснованные надежды на апо-

[484] Фермеры – по фермерским субсидиям, пожилые люди – по пенсиям и медицинской помощи, экологи – по загрязнению воздуха и воды, военачальники – по затратам на оборону и т.д.
[485] Там же, с.425-426

калиптическую революционную трансформацию, которая окончательно утвердит свободу, самореализацию и равенство людей; не оставляют надежды и рекомендуют прямо или косвенно отказаться от античного представления об обществе, в котором граждане обладают всеми необходимыми для демократии ресурсами и институтами, управляют собой как свободные и равные граждане.

Плюрализм, полиархия и общее благо. Говорят, что существует общее благо (ОБ), о котором обязаны заботиться правители. Во всех обществах большинство убеждено, что хороший правитель стремится к ОБ. Но крайне трудно ответить на вопрос: как понимать эту обязанность в демократическом и недемократическом обществе? Ни одно направление политической мысли не решило эту проблему. Так существует ли, в чем состоит и как реализовать ОБ?

А) Идея ОБ включает традиционалистскую, модернистскую и плюралистскую версии. Но обычно в дискуссиях на тему ОБ термины благо, интересы, благосостояние (с предикатами всеобщее, общее, публичное) используются как синонимы. И хотя термины общий интерес и общее благо исторически не равнозначны, Р.Даль придает им общий смысл. Он сознательно не пользуется термином интерес, а понятия общее и публичное благо использует как тождественные.

Из общего убеждения вытекает, что в непосредственной демократии демос, а в представительной – граждане и их представители должны стремиться к достижению ОБ. Так возникает проблема: при демократии «народ» и его представители должны управлять во имя ОБ; одновременно «народ» образует ряд самостоятельных и относительно независимых союзов; так *какой* же «народ», в каких вопросах должен управлять самостоятельно и к *чьему* ОБ должен стремиться?

Возможны два исходных пункта анализа:

- малая централизованная единица (государство, политический союз), члены которой лояльны только по отношению к ней, а не к партиям, группам давления, локальным органам управления;

- семья, группа товарищей, производственное предприятие, которые номинально не участвуют в политической жизни, хотя реально на нее влияют.

Как демократический идеал ОБ включает два суждения: нормативное (ОБ есть цель, к которой должны стремиться граждане в

своих общих делах) и эмпирическое (такая система достижима). Однако эмпирическое утверждение не подтверждается историческими фактами, а как рекомендация гражданских добродетелей идея ОБ наталкивается на три трудности:

1. Философские затруднения не привели к согласию по вопросу понятия и бытия ОБ. Значит, любое описание идеала должно исходить из посылки: конфликт в понимании ОБ – норма политической жизни. Поэтому надо отбросить аристотелевскую и родственные ей концепции политики, настаивающие на социальной гармонии. Ведь наиболее репрессивные режимы в истории имели свой источник в убеждении правителей: конфликт есть зло, и его можно и нужно искоренить! Все социальные институты надо рассматривать не с точки зрения цели, а с точки зрения того, какого конфликта они являются сценой.

2. Практические затруднения - все рекомендации на тему ОБ (типа концепции Д.Ролза) являются ограниченными или общими предписаниями для всеобщего признания и практического употребления. Если понимать ОБ как благо каждого индивида, возникает проблема пределов: где ограничить это благо - человечеством, государством, обществом или семьей? Если понимать ОБ как комплекс целей и ценностей (мир, порядок, благосостояние, справедливость, общество), то это не относится ни к одной из реальных политических систем, а цели противоречат друг другу.

3. Разумные критерии порождают конфликт рекомендаций при принятии решений. Благосостояние как цель политики может означать относительное и абсолютное улучшение. Разумные критерии политики ОБ включают утилитаристскую (максимализация общего благосостояния; увеличение благосостояния наибольшего числа лиц) и кантианскую (улучшение относительного благосостояния наибольшего числа лиц; улучшение абсолютного положения самых бедных) концепции. Они не согласуются друг с другом и никакая политика не может удовлетворять всем критериям; их комбинации ведут в бесконечность.

Итак, «…никто еще не смог создать концепцию общего блага, которая не была бы слишком общей для того, чтобы служить релевантным руководством для коллективных решений, либо имела бы подходящий уровень специфичности, но вела к неприемлемой политике. … огромное количество академических дискуссий относи-

тельно общего блага ведется философически настроенными учеными, от которых никогда не требовалось задачи строго применять свои идеи к коллективным решениям»[486].

Б) ОБ как исторический феномен – пустая фраза, за которой скрывается защита частных интересов. Все исторические утверждения о гражданских добродетелях и ОБ сводятся к следующим типам: философы, теологи, политики считали, что гражданские добродетели желательны и при определенных условиях могут стать достижимой целью хорошего политического порядка; эта идея была господствующей, разделяемой всеми или большинством участников политической жизни; большинство участников фактически в своей деятельности руководствовались ОБ. В большинстве публикаций на эту тему идет речь о первом утверждении. Второе и третье обычно не доказываются.

Третье утверждение допускает следующие возможности: граждане стремятся к ОБ и согласны в том, что это такое; стремятся, но не согласны; согласны, но не стремятся; не стремятся и не согласны.

Первое состояние не существовало ни в одном обществе. Остальные эмпирические утверждения на тему ОБ (в прошлом, настоящем и будущем) должны уточнить, о какой возможности речь с учетом их противоположности и внутренней противоречивости.

В) Плюрализм и ОБ. В современном мире ОБ и гражданские добродетели надо соотнести со всеми типами политического устройства, включая полиархию. Трансформация изменила условия достижения ОБ и гражданских добродетелей. Рациональная дискуссия на эти темы невозможна на основе старых образцов общества и теорий. Границы ОБ стали неуловимыми.

С учетом восходящей к Ж.Ж.Руссо антиномии общей и частной воли современные демократические страны стоят перед двумя проблемами:

1. Общественное благо какого общества? Вопрос имеет моральную природу, хотя большинство авторов его не обсуждают. Использование абстрактных понятий в применении к сложным социальным структурам не дает ответа на вопрос. ОБ – это все граждане данной страны, из которых обычно исключаются две группы: дети, иностранцы, нелегальные иммигранты; не живущие и не под-

[486] Там же, с.436

лежащие законам данной страны. Ни одно правительство не считается с их интересами и потому подлежит моральным оценкам.

По мнению Р.Даля, в объект анализа надо включать всю сферу миграции - регламентации поведения людей при их движении между государствами. Таков средний пункт между провинциальным (город-государство) и универсальным пониманием ОБ (Кант). Сфера ОБ определяется следующими критериями: включение всех, к кому относятся политические решения; исключение всех, для кого решение не имеет последствий; включение только тех, для кого решение имеет значимые последствия (в том числе нерожденные).

Но ни одно правительство ни одной страны не пользуется указанными критериями.

2. Могут ли плюрализм и полиархия достичь общего блага? Монистические теории демократии на этот вопрос отвечают на основе принципов пренебрежения последствиями (для лиц, живущих за пределами государства) и надежды (на то, что в определенных обстоятельствах граждане будут действовать в пользу самосохранения и всеобщего благосостояния). Оба принципа абсурдны, поскольку ограничивают демократию границами и альтруизмом или комбинацией разумного эгоизма с общим благосостоянием.

В применении к большим национальным государствам люди убедились, что права человека и гражданина недостаточны для охраны их интересов. Уже с 1832 г. американцы начали создавать союзы. Значит, ОБ не может быть реализовано единичным суверенным правительством, а только через множество интересов множества групп. Но такое решение имеет три недостатка: не учитывает интересы лиц за пределами страны; не учитывает интересы лиц, не принадлежащих ни к каким союзам; не решает проблему отношения политического равенства граждан к влиянию организаций. Эту проблему первыми поставили анархо-синдикалисты, а корпоративный плюрализм только ее обострил.

Таким образом, надо отвергнуть любую монистическую демократию: «Чтобы разрушить плюрализм, потребуется авторитарный режим, который приведет в конце концов к чудовищному принуждению. Монистическая система – идеал, приемлемый для авторитаризма; он не может быть идеалом для демократов»[487].

[487] Там же, с.454

Общее благо как процесс и субстанция. В большом демократическом государстве плюрализм не гарантирует, что политические решения служат ОБ. Как уменьшить его недостатки? В современной политической теории и практике существует несколько ответов:

1. Коммунитаристы предлагают вернуться к старой концепции «утраченной традиции» гражданской добродетели и ОБ (т.е. к аристотелизму)[488]. Данная концепция не выдерживает проверки фактами; оплакивает процесс отмирания взглядов на тему добродетелей и ОБ; базируется на недоказанной посылке: следствием данных взглядов был более высокий уровень морали в политической жизни, нежели в настоящее время; наносит больше вреда, чем пользы.

2. Либералы настаивают на возврате к малым общинам. Однако такой ход мысли наталкивается на две трудности: в современном мире малые однородные бесконфликтные общины не гарантируют элементарных условий достойной жизни; если бы даже этого удалось достичь, все ранее описанные проблемы возникли бы вновь.

3. Социалисты предлагают изменить экономические структуры. Но суть дела состоит не в типе собственности, а в степени децентрализации экономических решений и допустимой независимости предприятий. А это не зависит от формы собственности («капитализма» или «социализма»). Наиболее острыми являются не экономические, а религиозные, этнические, языковые конфликты локальных общностей. Эти конфликты имеют идеологический источник. В децентрализованном (частном или общественном) хозяйстве интересы связаны с отдельными предприятиями (отраслями), а не с ОБ.

4. Социокультурный релятивизм предлагает вообще отказаться от определения ОБ, а определять его через отдельные типы решения. Эта концепция толкует справедливость как ряд конкретных благ (безопасность, благосостояние, деньги, услуги, труд) и приводит следующие аргументы:

---

[488] Наиболее четко эту идею сформулировал А.Макинтайр: ««Современная систематическая политика, будь то либеральная, консервативная, радикальная или социалистическая, прямо должна быть отвергнута по той причине, которая питает истинную преданность традиции добродетелей, поскольку сама современная политика в своих институциональных формах являет систематическое отрицание данной традиции»». Цит по: Даль Р. Указ.соч., с.457

а) Данные блага образуют разные сферы распределительной справедливости. Критерии распределения одной сферы не могут применяться в другой. Общих принципов распределительной справедливости не существует, зато есть стандарты в каждой сфере и обществе;

б) Стандарты одной сферы релятивизированы к «социальному смыслу», которое индивиды приписывают благу. Поэтому при распределении нет оснований ссылаться на разум, социальный договор, природу, естественное право, интуицию, процедуры[489];

в) Справедливость и ОБ соотнесены с культурой (время, место, исторический опыт, социальных групп;

г) Социальный смысл отдельных благ определяет политическое сообщество, к которому относятся города, страны, и государства, которые на протяжении длительного периода времени формировали свою внутреннюю жизнь.

Однако социокультурный релятивизм крайне релятивизирует социальные смыслы, дает описание, но не может считаться нормой; пренебрегает анализом процедур; не отвечает на вопрос: какое политическое сообщество соответствует демократическим целям?

Таким образом, в большом и сложном обществе принципы распределительной справедливости и ОБ не могут быть принципами политического строя. ОБ должно пониматься процедурно и материально одновременно. Оно конституируется практиками, институтами и процедурами, а не предметами, действиями и отношениями. Главный элемент значения термина ОБ для членов определенной группы – это то, что они бы избрали, если бы полностью понимали, каковы будут последствия сделанного выбора и альтернативных выборов. Политическое сообщество должно удовлетворять критериям демократической единицы[490]. Только на такой основе возможно движение вперед.

---

[489] ««Справедливость коренится в отдельных пониманиях мест, наград, работ, вещей всех видов, которые составляют общий способ жизни. Попирать данные понятия всегда значит поступать несправедливо»». Там же, с.464

[490] Напомню, что речь идет о государстве, в котором существует: 1. Четкая идентификация сферы и широты власти. Чем более неопределенны территориальные границы и чем более они зависят от исторических и географических обстоятельств, тем более данная единица будет раздираема юридическими спорами и гражданскими войнами. 2. Люди активно стремятся к политической независимости по всем вопросам (от местного контроля за школьным образованием до полного суверенитета). 3. Люди настаивают на демократическом управлении. 4. Власть не покушается на первичные политические права и другие

12.7. На пути к третьей трансформации

В этом контексте Р.Даль обсуждает проблему демократии в завтрашнем мире и дает набросок контуров развитой демократической системы.

Демократия в завтрашнем мире. Концепция демократии Р.Даля ставит людям максимальные требования. Это – концепция политической системы, члены которой относятся друг к другу как политически равным, обладают коллективной суверенностью и располагают всеми возможностями, средствами и институтами для управления самими собой.

Демократический процесс превосходит все способы управления по следующим причинам:

- дает наивысшую степень личной и коллективной свободы, моральной автономии и специфических свобод, имманентно связанных с демократическим процессом, обусловливающих их и возможных потому, что люди благоприятствуют другим свободам;
- способствует развитию, самоопределению, моральной автономии и ответственности человека за свой выбор;
- является самым надежным способом защиты и свершения человеческими существами тех интересов и представлений о благе, которые они разделяют с другими людьми.

Теория и практика демократии предполагает также три вида равенства: сущностное моральное равенство; равенство личной автономии в определении того, что для человека является наилучшим; политическое равенство граждан, определенное критерием демократических процедур.

Возможность третьей демократической трансформации – следствие изменений условий и масштабов политической жизни, структур и сознания. При обсуждении *перспектив* демократизации в недемократических странах надо учитывать изменения, котолрые произошли в XX в.:

фундаментальные права и ценности. 5. Интересы лиц в данной сфере подвержены угрозе решений, принятие которых они не контролируют. 6. Существует консенсус среди людей, интересы которых нарушены больше, чем в рамках любых других реальных границ. 7. Достижения превышают издержки (связанные с коммуникацией, переговорами, управлением, экономической эффективностью и пр.) в соответствии с критерием рационального выбора и оцениваются на основе шести предшествующих критериев.

Все правители для легитимизации собственной власти и обоснования авторитарного управления как необходимого этапа для перехода к «истинной» демократии используют концепцию «народоправства».

Демократические страны с СДПО стали для остальных образцом будущего. Это обусловлено не только достижениями, но и неудачами авторитаризма и централизованной экономики в других государствах.

Рост неправительственного влияния демократических стран на мировую экономику, безопасность, военное дело, массовую и элитарную культуру и т.д. Поэтому поддержка демократизации недемократических стран приобрела важность, которую никогда прежде не имела.

Важнейшие решения вышли за границы национальных государств и принадлежат к наднациональным центрам власти и влияния. С точки зрения судеб демократии это изменение наиболее проблематично и еще не закончилось.

Будущая судьба полиархии связана со следующими сценариями: оптимистическим; пессимистическим; осцилляцией между ними; стабилизацией числа полиархий.

Оптимистический сценарий маловероятен, поскольку в современном мире мало стран, удовлетворяющим всем необходимым и достаточным условиям полиархии.

При исключении глобальной катастрофы пессимистический сценарий тоже маловероятен. Он зависит от того, продержалась ли демократия в одной стране не менее 20-ти лет.

Наиболее вероятна осцилляция - число полиархий будет стабильно, а в остальных странах будут идти противоположные процессы.

Недемократические страны по-прежнему будут ссылаться на «народоправство» для легитимизации своей власти.

Значит, **надо детально изучать недемократические системы**. Демократические страны осуждены жить в недемократическом мире. Но нельзя смотреть на мир по-манихейски. Такой взгляд морально неверен, эмпирически ошибочен и политически опасен. При анализе конкретных недемократических стран надо учитывать динамику, направление и темп изменений. На краткий срок возможности становления полиархии в недемократических странах ни-

чтожны. Но на длительный срок демократические страны должны последовательно поддерживать демократические процессы в недемократических странах. Опыт показывает, что зарубежная экономическая помощь недостаточна для становления СДПО. При таком подходе культурные условия (политическая культура и демократические убеждения) недооцениваются. Внешняя интервенция не в состоянии ликвидировать конфликты между субкультурами.

Итак, надо уточнять общие критерии в отношении отдельных стран.

Перемены в масштабах политической жизни. Национальные государства свели к нулю непосредственную демократию, античные концепции гражданина и ОБ. Зато стала универсальной представительная система и единая правовая система. Сегодня из-за интернализации политических решений «…члены демоса не могут использовать свою национальную систему правления и … свои местные системы правления для того, чтобы осуществлять прямой контроль над внешними акторами, решения которых оказывают важное воздействие на их жизнь»[491]. Поэтому в экономике и в безопасности будет нарастать тенденция превращения национальных государств в разновидность локальных.

Однако автономное демократическое государство есть миф потому, что демос страны имеет все меньше возможностей влиять на важные для него дела и вопросы. Независимый полис и суверенное национальное государство были фикциями. Независимость и суверенитет постоянно нарушалась войнами, торговлей и финансами. Качество внутренней демократии национальных государств не зависело от масштабов их автономии. Чем меньше страна, тем больше благосостояние ее жителей зависит от внешней торговли. Одновременно возрастает вероятность вторжения и зависимости от союзников. Осознание этой зависимости стимулировало правительства малых демократий использовать международные силы для преодоления потенциальных угроз, над которыми эти правительства не имеют контроля.

В этих условиях возможны следующие стратегии адаптации.

А) Повторение второй трансформации на международном уровне. Но чувство такой общности (за исключением Европы) слабо.

[491] Там же, с.485

Б) Однако шансы даже на умеренную демократию наднациональных образований ничтожны. Решения в них принимаются назначенными представителями национальных правительств.

В) Поэтому они слабо связаны с демосом, а демократические процедуры практически не развиты.

Стало быть, в XX веке возникла главная угроза: третья трансформация способствует победе попечительства на международном уровне. Как ее преодолеть?

Контуры развитой демократической системы – это модель развитого демократического общества, которая резюмируют итоги предшествующих рассуждений:

1. Надо создавать большие страны и крупномасштабное управление ними.

2. Подвергать их моральному суждению. Граждане такой страны будут обладать политическими ресурсами, которые им потребуются для участия в политике на равных условиях. «Ни политическое равенство, ни демократический процесс нельзя определить как нечто благое само по себе. Скорее они оправданы в качестве наиболее надежных средств защиты интересов всех тех лиц, которые обязаны подчиняться коллективным решениям»[492]. Демократический процесс и политическое равенство обеспечивают свободу, самореализацию, ценность личности и защиту всех прочих взаимных интересов.

3. Публичная политика. Развитое демократическое государство будет вынуждено выполнять трудноосуществимую задачу - регулировать свои социальные, экономические и политические структуры для достижения политического равенства. «Мне кажется невероятным, что граждане способны успешно препятствовать чиновникам, в особенности руководству государством, использовать свои гигантские возможности для увеличения собственной власти и привилегий. Значит, конструкция, сооруженная во имя политического равенства, приведет к политическому же неравноправию и угнетению. Последствия для эффективности экономического роста, креативности и продуктивности тоже будут, без сомнения, катастрофичными»[493].

[492] Там же, с.489
[493] Там же, с.491

4. Максимальное политическое равенство сохранит неравенство граждан в обладании политическими ресурсами, способностями и возможностями.

5. Развитая демократическая страна убавит причины общего политического неравенства: в свободе, возможностях личной самореализации, осуществлении и защите значимых интересов.

6. Уменьшит неравенство в способности граждан эффективно участвовать в политической жизни, вызванное распределением экономических ресурсов, позиций и возможностей, знаний, информации и когнитивных навыков.

7. Экономика развитой демократической страны должна быть не только средством производства и распределения товаров и услуг, но и способом реализации демократических ценностей.

Экономический строй развитой демократической страны является следствием обсуждения и решения трех проблем:

Столкновение теоретических перспектив. Р.Даль отвергает классическую и неоклассическую экономические школы, которые рассматривают мужчин и женщин как производителей и потребителей товаров и услуг и не видят необходимости в распределении власти и влияния.

Руководство экономическими предприятиями. Внутренний деспотизм и попечительство в руководстве предприятиями надо отвергнуть, поскольку работа занимает центральное место в жизни большинства людей.

Оправдан ли демократический процесс на экономических предприятиях? В коммерческих фирмах надо реализовать право на оппозицию. Для этого надо создать системы внешней и внутренней поддержки.

Демократия, господство меньшинства и современные попечители. Еще более серьезные проблемы возникают в руководстве государством при реализации древней идеи равного участия граждан в политике. Аксиомой классической республиканской теории было утверждение: власть и собственность обычно совпадают. Но Р.Даль не обсуждает проблему разрыва власти и собственности. Взамен предлагает обсудить проблему неравенства, связанного не с богатством и экономическим положением, а со специальным знанием. Так возникает проблема господства интеллектуалов.

Влияние особой группы интеллектуалов значительно возросло во второй половине XX в. и еще более увеличится в будущем. Они воздействуют на все сферы общественной жизни. Поэтому Р.Даль повторяет аргументы, высказанные против теорий господства меньшинства.

На протяжении всей истории интеллектуалы служили гражданским и религиозным властям. В последний период значительная часть этой социальной группы переживает отдаление и отчуждение от властей и играет роль не сторонников, а критиков и оппонентов. Но «…интеллектуалы в современном мире, как правило, выражают различные и часто противоречащие друг другу мнения по большинству вопросов, включая проблемы публичной политики. В связи с этим они весьма далеки от того, чтобы сформировать «класс», занимающийся реализацией своих «классовых интересов»»[494].

В современных демократических странах интеллектуалы вместе с бизнесменами образуют наиболее привилегированную часть общества. Они обладают прочными экономическими позициями и профессиональной независимостью, беспрецедентной для других социальных групп. Р.Даля интересуют не влияние страты интеллектуалов в целом, а влияние их особой группы, которая занимается преимущественно публичной политикой и активно воздействует на выработку правительственных решений. Такого типа интеллектуалы рассеяны во всех звеньях политической системы. Но границы деятельности специалистов в выработке политических стратегий остаются неопределенными. Эти группы часто игнорируют национальные рубежи. Он предлагает их назвать элитами в области публичной политики – *полиси-специалистами*. Главная угроза состоит в том, что сложность публичной политики «…угрожает освободить политические элиты от контроля со стороны демоса. Результатом может стать, а в некоторой степени уже становится разновидность квазипопечительства полиси-элит»[495].

Для констатации сложности демократического процесса Даль предлагает концепты трех полиархий.

Полиархия-1 – система, в которой политические решения принимаются демосом и его выборными представителями.

[494] Там же, с.507
[495] Там же, с.509

Полиархия-2 – это мобилизация специалистов-интеллектуалов на службу современным демократическим правительствам ради адаптации демократии к сложности публичной политики, прививка опыта и знания попечителей к суверенитету демоса. В итоге опять возникла дилемма: *демократия или попечительство?* Для ее обсуждения вводится понятие квазипопечительства: «Дело в том, что «правителями» будет весьма гетерогенная совокупность сравнительно автономных групп, первичным источником влияния которых окажется специальное знание. Мы могли бы назвать их квазипопечителями, а не попечителями, так как их влияние не обладает моральными и эпистемологическими оправданиями, которые Платон и другие мыслители высказывали в пользу подлинного попечительства»[496]. Поэтому все недостатки идеи попечительства будут еще больше относиться к квазипопечителям, в том числе потенциальным. Нет оснований доверять судьбу полиси-элитам.

Гражданство в Полиархии-3. Чтобы избежать сползания к квазипопечительству, развитая демократическая страна должна сконцентрировать внимание на народе – самом слабом звене в цепи приближений к идеалу демократии. Новые технологии используются для нанесения ущерба демократическому процессу. Поэтому Даль высказывает идею внимательной публики или мини-народа – тысяча граждан, случайно выбранных из всего населения (во всех сферах деятельности). Его задача - размышлять в течение года по поводу любых проблем и затем объявлять свои выводы. «Таким способом … демократический процесс мог бы быть вновь приспособлен к реальности, которая мало напоминает тот мир, в котором впервые реализовывались демократические идеи и практика»[497].

12.8. Ориентиры дискуссии

Итак, в отличие от автохтонных и закордонных хулителей теория Роберта Даля ставит гражданина и исследователя перед множеством конкретных методологических, теоретических и политических выборов. Каждый из них не может считаться универсальным. Поэтому разработка теории демократии и демократическая практика предполагают политическое творчество – постоянное напряже-

[496] Там же, с.512
[497] Там же, с.517

ние мысли, чувств, поступков. Расставленные мною акценты каждый читатель может уточнить, обратившись к своему политическому опыту, к книге Роберта Даля, к сжатому представлению проблем теории демократии и к содержанию теории бюрократии. Хорошо, если при этом возникнет иной набор проблем.

Например, научный редактор книги Роберта Даля М.В.Ильин в послесловии к русскому переводу предложил свое видение. По мнению Ильина, год выхода первого издания книги Даля на английском языке стал значимым и для отечественной политики. В январе 1989 г. ВАК СССР внесла политические науки в число дисциплин, по которым могли защищаться докторские и кандидатские диссертации. Начали создаваться кафедры политологии и ученые советы по защите диссертаций. В марте 1989 г. прошли соревновательные выборы, в мае состоялся первый съезд народных депутатов СССР. Из воображаемой советская демократия стала превращаться в реальную: «Для основной массы наших соотечественников начался так называемый демократический транзит, а третья всемирная волна демократизации приобрела мощный подъем»[498].

М.В.Ильин усматривает ценность книги Даля в критике оснований теории демократии и вступает с ним в дискуссию по четырем пунктам.

1. Даль вводит различие между ипостасями народа (основная масса взрослого населения; юридически определенный корпус граждан; совокупность правителей; носитель общей политической воли), которые противоречат друг другу. По мнению Ильина, ипостаси народа могут взаимно определять и контролировать друг друга, но не вмешиваться в отправление своих функций каждой из ипостасей.

2. Даль считает анархизм и попечительство альтернативами демократии. По мнению Ильина, демократия уживается с анархизмом и попечительством.

3. По мнению Даля, главное в демократии - процедуры. Ильин считает фундаментальным политическим правом самостоятельное определение своего участия в политике. Реализацией этого права в российской практике является голосование против всех.

[498] Ильин М.В. Самокритика демократии (послесловие научного редактора) // Роберт Даль. Демократия и ее критики / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2003, с. 518 С.518-526

4. Даль проводит жесткое различие между демократическими и недемократическими системами. Ильин с этим несогласен, выступает за либеральное попечительство, которое берет на себя задачу руководства нелиберальным большинством[499].

Иначе говоря, Ильин встраивает теорию Даля в текущие обстоятельства российского государства и политики. Особенно это заметно в попытке Ильина приписать либеральному меньшинству в России задачу руководства нелиберальным большинством. Достаточно было этому меньшинству шевельнуть пальцем, чтобы голосование против всех было отменено, и значительная часть электората была просто выброшена из выборов. Неясно также, как именно демократия уживается с попечительством и анархизмом. Что касается взаимного контроля между ипостасями народа, то мнение Ильина тоже относится к сфере благих пожеланий.

При чтении послесловия Ильина к книге Даля у меня возникли также другие вопросы.

Как было сказано, от года издания книги Даля до года ее выхода в России прошло 14 лет. Не вхожу в перипетии издательского процесса и его сроков, а также своего опыта в этой области. М.К.Петров давно ввел критерий мгновенного дисциплинарного оповещения для измерения скорости перевода нового знания в наличное. Все барьеры на этом пути тормозят процесс развития науки. Поэтому вопрос о сроках перевода и издания книги Даля на русском языке можно переформулировать: в каких странах и по каким причинам книга Даля была издана раньше, чем в нашей стране? кто и почему в России ускорял или тормозил этот процесс? как определить ответственность за процесс торможения: в экономических, моральных, юридических, политических и прочих категориях?

Далее. Ильин связывает год выхода книги Даля на английском языке с реальными политическими событиями в СССР. Между тем совпадение этих событий чисто случайное. События биографии Роберта Даля и политические события в СССР никакой связи между собой не имеют. Не исключено, что Ильин просто оказывает любезность Далю, используя риторические и стилевые шаблоны. Я лично участвовал в работе Советской ассоциации политических наук с 1974 г. и свидетельствую: вплоть до 1989 г. на ее годичное со-

[499] См.: Ильин М.В. Указ.соч., с.520-526

брание собиралось не более 50 человек со всей страны. Все они помещались в зале заседаний Института государства и права Академии наук СССР. Из них больше половины были из Москвы. В провинции боялись самого слова «политология» или «политическая наука». Впрочем, и в Московском университете научные коммунисты не пускали политологию на порог. В октябре 1986 г. я проводил в Ростове-на-Дону первую политологическую конференцию. В ней не участвовал ни один служащий из Ростовского обкома КПСС (если исключить вольных соглядатаев и штатных доносчиков…). Между тем конференция проходила под идеологически выдержанным названием «Карл Маркс и развитие политической теории». Руководил ею заместитель директора Института философии АН СССР, член-корреспондент АН СССР Мшвениерадзе В.В. - тоже идеологически выдержанный субъект. В Ростове интересовались политологией несколько человек. Поэтому на одном из последних заседаний Советской ассоциации политических наук (оно было в конце 1992 г.) я выступал против создания политических наук в стране по указу сверху и предсказывал, что в них перебегут историки КПСС, научные коммунисты и прочая «обозная сволочь» (если воспользоваться выражением В.В.Маяковского). Так и получилось. В настоящее время так называемые политологи возглавляют отряд идеологических холуев. К тому же концепт «демократического транзита» слабо эвристичен при объяснении процессов в России. Поэтому я не согласен с Ильиным в его позитивной оценке учреждения в России политологии. Мне кажется, намного важнее изучать весь блок непредвиденных следствий учреждения политологии сверху.

Но в целом Ильин оценивает теорию демократии Даля положительно. Я же предлагаю исходить из факта: России присуща не демократическая, а полицейская культура, которая базируется на трех культах: репрессивного закона, военщины и политического сыска. Эти качества воспроизводились на протяжении столетий – от Тайной канцелярии до КГБ/ФСБ[500]. Армия и органы госбезопасности способствовали воспроизводству холопства (российский вариант рабства) на протяжении столетий: «Длительное существование холопства было одной из важнейших причин отсутствия прав. Следу-

[500] См.: Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск в России. Новое литературное обозрение, Москва, 2001

ет поразмышлять о том, насколько сильным будет оставаться воздействие московского холопства на развитие страны после 1991 г.»[501].

Это размышление может опираться на результаты социологических исследований. Они подтверждают, что холуйство – господствующий тип современной политической культуры России[502]; после 1917 г. в России произошла антропологическая катастрофа, в результате которой нынешний человеческий материал страны в значительной степени являются кроманьонцами[503]. Такую оптику я предлагаю при чтении книги Роберта Даля и применения его концепции для оценки политического процесса в России. На этой основе возможна иная систематизация проблем демократизации России по сравнению с той, которую предлагают К.Свасьян и М.В.Ильин.

Из множества проблем, поставленных Робертом Далем, я рассмотрю только три: соотношение анархизма и демократии; критика национализма как основы национального государства; критика политико-управленческого профессионализма. Причем, меня в большей степени будет интересовать критика устоявшихся представлений об анархизме, национализме и профессионализме.

[501] Хелли Р. Холопство в России: 1450-1725. Академия, Москва, 1998, с.19

[502] См.: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России. М., 2007, с.202-203

[503] См. Клейн Л. Перевернутый мир. Донецк, 2010

Глава 13.
Мир упущенных возможностей?

Анализ терминов, которые используются при описании современной России, показывает, что эта страна является феодальным обществом[504]. Данная терминология в большинстве случаев скрывает влияние военно-полицейских агентств на реальную политику и процессы производства гуманитарных знаний[505]. Властно-управленческая структура современной России содержит все характеристики дворцового государства, а партия власти «Единая Россия» является реанимацией партии, созданной полицейским департаментом Российской империи в начале XX века для интеграции властно-управленческого аппарата в целях борьбы с политической модернизацией страны[506]. Значит, проблема смещается к ре-

[504] Первая группа терминов содержит общие определения общества («нормальное», «переходное», «трансформационное», «православная цивилизация», «евроазиатская цивилизация»). Вторая группа включает политические характеристики («монархия», «избираемая монархия», «патерналистское общество», «управляемая демократия», «суверенная демократия», «суперпрезидентская республика», «криминально-синдикалистское государство», «авторитаризм», «тоталитаризм», «путинизм», «демократическая форма царизма», «феодализм», «расколотое общество», «российская демократия». Третья группа описывает экономическую структуру российского капитализма («олигархический», «дикий», «криминальный», «клептоманный», «гангстерский», «хищный», «рыночный большевизм», «клановый», «незрелый», «капитализм джунглей», «корпоративное общество», «феодализм лавочников», «бюрократическо-олигархический», «номенклатурный», «управляемый бизнес». Четвертая группа подчеркивает национальную идентичность («общество этнических русских», «евразийская нация», «интернациональная империя», «страна для всех живущих в ней народов», «часть западной цивилизации», «европейская нация». Пятая группа фиксирует положение России в мире («супердержава», «энергетическая супердержава», «сырьевой придаток развитых стран»). См.: Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008 с.17-18

[505] См.: Макаренко В.П. Интеллектуально-политические моды и проблемы концептологического анализа Кавказа // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия «Политология и социология». 2/6/2011

[506] См.: Глебова И.И. «Дворцовое государство» в современной России // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011, № 2; Она же. Русская власть и ее партии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011, № 3

конструкции политических идеологий[507], которые помогают критически относиться к указанным тенденциям. Начну с современного анархизма[508].

12.1. Концепт

Классики анархизма не были профессорами. Резко критиковали официальную науку. На этой основе возник эффект бумеранга: большинство философов и ученых относятся к анархизму отрицательно, а к государству – с пиететом: «На протяжении нескольких поколений большинство политических философов и ученых из различных сфер социальных знаний отличается тем, что психоаналитик мог бы определить как идею-фикс государства»[509]. Большинство политиков считают утопической идею устранения государства.

Причину такого отношения к анархизму установить нетрудно: ученые и
политики привыкли играть свою роли на государственной сцене. Анархисты показали убожество самой сцены и исполняемых на ней трагикомедий. Политики и ученые с такой оценкой не согласны. Поэтому после гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.) анархизм на целое поколение исчез из политической и научной жизни. Однако на протяжении последней трети XX века анархизм возродился. Альтернативная политическая мысль и движения (феминизм, экологизм, коммунитаризм) используют и развивают его идеи. Появились серьезные работы, в которых подчеркивается актуальность анархизма для анализа политических процессов современности (труды М.Букшина, Д.Бернхейма, Р. Вольфа, Р.Гардена, Д.Кларка, Д.Миллера, М.Тейлора и др.).

В России тоже происходит переоценка анархизма. Например, В.В.Кривенький отмечает, что по разнообразию сюжетов, явлений и их практическому воплощению российский анархизм всегда даст значительную форму любым другим образованиям. Но в научной литературе анархизм попрежнему квалифицируется как экзотическое и эфемерное явление, «ядовитый цветок на русской почве». Между тем знаний об анархизме нет ни у исследователей, ни у про-

[507] См.: Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону, Феникс, 2000
[508] См. Библиографию об анархизме http://spb-anarchists.anho.org/biblio-erm.htm
[509] Miller D. Anarchism. London, 1994, p.98

стого читателя. «В настоящее время анарходвижение за границей переживает полосу подъема… Идеи и построения М.А.Бакунина, П.А.Кропоткина и их последователей приобретают сегодня невиданную актуальность, особенно в плане изучения федерализма, организации муниципального самоуправления и кооперации. Есть ли у анархизма и его приверженцев будущее, может показать только время»[510].

Я предлагаю исходить из факта: все политические идеологии и движения второй половины XX века полагают центральной проблему бюрократического господства. Эта проблема обострилась до предела в посткоммунистической России[511]. Правительство только усугубляет тотальную бюрократизацию социальной и политической жизни. Чем может помочь анархизм в осознании и решении данной проблемы?

Принципы. Анархизм возник в Новое время, параллельно процессу вызревания современного государства и борьбы с ним. В древней социально-философской мысли можно обнаружить предпосылки анархизма[512]. Формулировка и обоснование анархистской доктрины началась в конце XVIII в. после французской революции: «Вначале слово «анархист» использовалось в отрицательном смысле, для обозначения того, кто отвергает любые законы и способствует расширению хаоса. В таком смысле термин употреблялся в период гражданской войны в Англии для осуждения левеллеров. Во время французской революции таким смыслом термина пользовалось большинство партий, критикуя тех, кто в политическом спектре всегда оказывался слева от них»[513].

Впервые в позитивном смысле слово «анархист» использовал Пьер Прудон в книге «Что такое собственность?». Французский мыслитель определял себя как анархиста. Он полагал, что полити-

---

[510] См.: Кривенький В.В. Предисловие // Анархисты. Документы и материалы. Т.1. 1983-1916 гг. М., РОССПЭН, 1998, с.15-16

[511] См.: Олейник А.Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., РОССПЭН, 2011

[512] Например, стоицизм сформулировал принцип пассивного сопротивления государству-империи, для которой индивид ничего не значит. В Древнем Китае Конфуций сформулировал принципы идеального государства и идеального чиновника. Но вслед за его учением возник даосизм, отвергающий то и другое. «Лучше жить так, как живет свинья в болоте», — таковы были жизненный идеал и кредо даосистов, противопоставленные мощи Китайской империи.

[513] Woodcock G. Anarchism. Harmondsworth, 1992, p.111

ческая организация, основанная на власти, должна уступить место социальной и экономической организации, которая базируется на добровольном согласии. Оно достигается путем договора.

В философском смысле анархизм - это теория, принципы и практика анархии. В состав анархизма входят: отсутствие форм правления, основанных на насилии и принуждении; отсутствие политического государства; отсутствие авторитарных командиров, начальников, институтов, организаций.

В политическом смысле анархизм используется для обозначения обществ и стран, отличающихся специфическим отношением к власти, насилию и государству. На протяжении последних 30 лет термин «анархизм» расширился. Он используется не только для обозначения политической организации, но и для обозначения институциональных форм науки, права, церкви. Во всех случаях термин означает альтернативные формы социального бытия, которые лишены авторитарных структур и методов, основанных на насилии. Это способствовало появлению философского и эпистемологического анархизма[514].

Исходный постулат современного интегрального анархизма можно сформулировать следующим образом: анархизм так относится к политической власти, как атеизм к религии (в ее доктринальной и институциональной формах), а скептицизм — к науке (в ее аксиоматических формах и формах научного сообщества). Атеизм, скептицизм и цинизм – норма нашей культуры[515]. Поэтому анархизм есть необходимый элемент социальной, политической и познавательной практики.

Терминологический вандализм. Указанный постулат связывает разные формы анархизма: ослабленный анархизм – это все философские доктрины, которые высказывались против государства, но признавали необходимость насилия; фактический анархизм противостоит всем формам государства, поскольку ни одна из них не свободна от недостатков. Такой анархизм не выступает против идеи идеального государства и «нового мирового порядка» в международных отношениях. Ослабленный и фактический анархизм не являются интегральным (принципиальным) анархизмом, поскольку

[514] См.: Wollf R. In Defence of Anarchism. New York, 1970; Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

[515] См.: Слотердайк П. Критика цинического разума. У-Фактория, Екатеринбург, АСТ, Москва. 2009

исторический анализ не дает возможности провести строгую границу между ослабленным и фактическим анархизмом.

Например, Р.Нозик в своей концепции анархо-капитализма постулирует необходимость минимального государства, основанного на насилии и централизованного[516]. Значит, его концепция выходит за рамки принципиального анархизма. С другой стороны, философский смысл термина «анархизм» базируется на негативных определениях. Анархию можно определить по противоположности к централизованным формам власти, основанной на насилии. На этом основании можно систематизировать аргументы в пользу анархизма. Это нужно для противопоставления *обыденного и научного понимания* анархизма.

С анархизмом согласуются различные формы институтов, организаций и форм правления, если в них отсутствуют авторитарные, насильственные и манипулятивные элементы. Если на данной территории нет правительства, - она является анархической. Но обратная зависимость отсюда не следует[517].

Существующие социальные и политические формы не являются абсолютной противоположностью анархизма. Если ликвидировать правила уличного движения и Госавтоинспекцию, - движение на дорогах продолжится. Такие периоды нельзя считать эпизодами, возможными только потому, что наличие авторитарных структур является обязательным правилом. Речь идет об иллюстрации ошибки в определении: анархизм кардинально противостоит политической практике современных государственных структур.

Если нет потребности в авторитарных и насильственных системах регуляции отношений между людьми, то без них вполне можно обойтись. Этот аргумент анархизма надо соотнести с проблемой целостного изменения общества, в котором господствует зло. Главные виды зла выражаются в корыстолюбии, властолюбии и стремлении к духовному господству. В коммунитаризме решение

---

[516] См.: Нозик Р. Анархия, государство и утопия. Пер.с англ. Б.Пинскера. Под ред. Ю.Кузнецова и А.Куряева. М., ИРИСЭН, 2008

[517] Например, до колонизации Севера, Сибири и Кавказа там существовали племена, у которых была система правления, но государства не было. Эта система была свободна от авторитарных элементов и запретов, которые сегодня кажутся самоочевидными: «Иначе говоря, анархист выступает против всех существующих систем правления, но это не вытекает из смысла терминов. А образует только случайное обстоятельство, зависимое от характера фактически существующих систем государства». Clark J. The Anarchism Movement. Montreal, 1994, p.118

данной проблемы связывается с образованием большинства, свободного от потребительского, менеджерского и терапевтического отношения к действительности. Сколько времени потребует этот процесс – неизвестно. Большинство версий анархизма ставят перед собой частичные цели и предлагают соответствующие методы. Поэтому проблема смещается к описанию различий между универсальным (интегральным, принципиальным) и частичным анархизмом.

Критики анархизма (либералы, консерваторы, марксисты, социалисты) приписывают ему универсальность. Такая критика базируется на молчаливой посылке: для успеха анархизма на отдельной территории нужна его победа в мировом масштабе, поскольку другие государства сразу уничтожат любые попытки воплощения анархизма в действительность. Такая критика анархизма не может считаться основательной. Идея мирового господства капитала или пролетариата сформулирована либералами и марксистами. Анархизм выступал против тех и других.

До сих пор популярно представление о том, что анархизм влечет за собой дезорганизацию, беспорядок, хаос, связан с насилием и террором[518]. На протяжении нескольких поколений советские политики и журналисты создавали образ анархиста с непременной бомбой и маузером за поясом. Это - карикатура на анархизм. Она не вытекает ни из семантики термина, ни из теории и практики анархизма. Ее пропагандируют люди, которые довольны существующими политическими системами. Или не осознают проблем, которые поставлены в современных идеологиях и требуют разработки альтернативных концепций.

Популярный образ анархизма не является необходимой и типичной особенностью его теории и практики. Все попытки связать анархизм с индивидуализмом, волюнтаризмом, стихийностью и социализмом принадлежат врагам анархизма. Направлены на сознательное или бессознательное затемнение смысла анархии и могут рассматриваться как *терминологический вандализм*. Он характерен не только для повседневной жизни, но и для тех кругов интеллигенции, которые не считают строгое определение понятий главной

[518] См.: Федотова В. Г. Анархия и порядок в контексте российского посткоммунистического развития // Вопросы философии. 1998, № 5.

задачей познания. Поэтому популярный образ анархизма, стремление связать его с индивидуализмом, волюнтаризмом, стихийностью и социализмом могут быть названы карикатурным или выродившимся анархизмом.

Этот образ был создан авторами, довольными существующими политическими системами. Между тем большинство теоретиков и практиков анархии не были ни террористами, ни «потрясователями и ниспровергателями», если воспользоваться терминологией Н.Лескова. В настоящее время большинство сторонников анархизма действуют в экологическом и феминистском движениях, а также в движениях, которые ставят своей задачей ненасильственное кардинальное изменение сложившегося социального и политического порядка[519]. Они действуют с помощью множества организаций и правительств. Следовательно, существование организаций и правительств вполне согласуется с анархизмом.

Тогда как существование государства во всех его древних и современных формах не согласуется с анархизмом. Не только по причине использования всеми государствами насилия и принуждения. Прежде всего потому, что большинство государств отличается централизацией, в состав которой входят государственный аппарат и манипуляция обществом. Но отсюда не следует истинность определения, приписывающей анархизму враждебное отношение к государству. Такая враждебность – случайная, а не существенная характеристика анархизма.

Эта случайность - следствие смешивания сути анархизма со стандартной концепцией государства. Я не буду входить в детальное обсуждение этой концепции, а также в современные дискуссии по проблеме государства. Воспользуюсь распространенной дефиницией: «Государство - это прежде всего особое суверенное тело. Оно претендует на неделимый авторитет в определении прав подданных. Во-вторых, государство есть орган насилия и принуждения. Это значит, что каждый человек, рожденный в данном обществе, вынужден признать свои обязанности по отношению к государству, которое управляет данным обществом. В-третьих, государство есть монопольный орган. Оно приписывает себе монополию на применение силы в рамках своей территории и не допускает суще-

[519] См.: Lehning A. Anarchism // Dictionary of the History of Ideas. New York, 1998.

ствования на ней никакой другой конкурирующей организации»[520]. Государство претендует также на монополию в фискальной сфере, устанавливая все налоги для всех индивидов и организаций. Такое государство неизбежно является централизованным авторитарным институтом, обладающим множеством средств насилия и манипуляции.

В результате использования указанной дефиниции возникает упрощенный образ анархизма как движения, направленного на ликвидацию государства. Между тем государство - важнейшая проблема всей истории и современного состояния всей политической мысли, а не только анархизма. Чуть спустя я подробно рассмотрю эту проблему. А здесь отмечу, что практическое воплощение анархизма означает конец всех институтов, которые могут быть описаны как государство в соответствии с приведенной дефиницией.

Определение. Нет основания употреблять термин «анархизм» для обозначения морально и политически недопустимого поведения индивидов. Нет аргументов отождествлять анархизм с выдуманным журналистами образом. А также с попытками связать анархизм с индивидуализмом, волюнтаризмом, стихийностью, социализмом. Во всех случаях такой дефиниции анархизма он противопоставляется некому «прекрасному порядку», существующему в прошлом, реальном или будущем государстве. Это противопоставление не соответствует теории и практике анархизма, имеет в виду его выродившиеся формы. Но процесс вырождения характерен для всех идеологии, а не только анархизма.

Следовательно, определение анархизма может базироваться на преодолении ложной дихотомии между государством и беспорядком. Эта дихотомия скрывает множество иллюзий, возникших в эпоху Просвещения. Укажу две: без государства невозможен социальный порядок; без понятия государства невозможна политическая теория. В одной из книг я показал, что эти иллюзии породили культ государства, связали религиозное мышление с политическим, входят в состав консерватизма и потому не могут претендовать на роль обязательного канона.

С этимологической точки зрения греческий термин «an-archos» означает

[520] Clark J. The Anarchism Movement. Montreal, 1994, p.5

«без начальства» или «без власти». Происхождение термина может быть ориентиром, но целиком не определяет его смысл. Тем более что анархизм не был главным политическим учением древности. С точки зрения современных классификаций он является самой новаторской современной политической идеологией. Но даже этимологический смысл исключает политические решения, в которых есть высшее начальство - в индивидуальном (монарх, патриарх, князь, господин, начальник, вождь, президент, премьер) и в групповом (партия, придворная клика, властвующая элита, властно-управленческий аппарат) смыслах слова.

В работах по теории бюрократии, легитимности и власти я показал, что речь идет о двух взаимосвязанных явлениях: вершина (центр) власти; господство и контроль, осуществляемые данной вершиной (центром) с помощью авторитарных, насильственных, бюрократических и манипулятивных методов. Иначе говоря, единичный начальник или правящая группа находятся на вершине власти и одновременно осуществляют господство и контроль. По принципу противоположности анархию можно определить как структуру, отвергающую централизованные (авторитарные, насильственные, бюрократические, манипулятивные) методы управления, базирующиеся на жестком делении между вершиной и низами или центром и периферией.

Рассмотрим элементы данного определения.

С топологической точки зрения выражение «без вершины» равносильно выражению «без центра», поскольку с помощью топологических преобразований вершину можно свести к центру и наоборот. Если исключить отношение между верхами и низами власти, то отпадает необходимость в политических структурах, обладающих центром в виде правительства. Анархизм предполагает децентрализацию в определенном смысле слова. Элиминация центра не означает ликвидации всех структур, а только тех, которые осуществляют волю центра - властно-управленческого аппарата государств. Зато анархизм оставляет место для множества других структур, которые в социологии организаций квалифицируются как адаптивные и креативные[521]. Эти структуры являются сетевыми в том смысле, что у них много центров, а не один.

[521] См.: Макаренко В.П. Теория бюрократии М.Вебера и современная западная социология организации и управления // Вопросы философии. 1986, № 2.

Значение указанных свойств подчеркивается не только в социологии организаций, но и в современной логике: «Логические предсказания и политические предвосхищения совпадают. Стандартные нерелевантные логики обладают алгебраической структурой, в состав которой входит элемент вершины. Тогда как релевантные логики, образующие современный вызов для классической парадигмы логики, такой структурой не обладают. И соответствующие им алгебраические системы не содержат элемента вершины. Множество локальных центров и разбросанных узлов в этом случае не ведет к парадоксам»[522].

Иными словами, определение анархизма согласуется с результатами современной логики. Но не только. Наличие структур без вершины и центра зафиксировано в природе (организация центральной нервной системы у насекомых и мозга у позвоночных), а также в исследованиях искусственного интеллекта. Правда, логика и техника электронно-вычислительных устройств пока еще не учитываются при разработке политической теории. Но если наука доказала, что без вершины и центра можно обойтись, рано или поздно этот вывод будет использован при моделировании и воплощении политических систем. По крайней мере, анархизм XXI в. не сможет обойтись без интеграции результатов наук, отбрасывающих понятия вершины и центра. Современный анархизм предлагает горизонтальные структуры без вершины, без начальства и без центра.

Теперь о власти и контроле как функциях бюрократических структур. Все анархисты согласны с тем, что власть и управление не должны осуществляться с помощью насилия, принуждения, авторитаризма, манипуляции. Эти методы недопустимы. Все политические системы, применяющие хотя бы один из указанных методов или культивирующие их соединение, не могут считаться удовлетворительными. Некоторые авторы полагают, что все недобровольные методы, которыми пользуются коммунисты и социалисты, тоже должны быть отброшены[523]. Я не буду входить в дискуссию по этому вопросу, а только отмечу: в соответствии с исходным постулатом и приведенной дефиницией анархизма к числу недопустимых относятся насильственные и авторитарные методы. В догосударственных формах использовались коллективные методы управ-

[522] Handbook of Philosophical Logic. Vol.3. Dordrecht, 1986, p.217
[523] См.: Sylvan R., Benett D. On Utopias: Tao and Deep Ecology. Canberra, 1990

ления. Следовательно, их можно признать допустимыми. Индивидуализм не является решающим признаком анархизма.

Если не существует начальства, вершины и центра, то какой облик должна приобрести политическая жизнь? В современном коммунитаризме описан феномен исчерпанности политики. Анархисты зафиксировали это явление более ста лет назад, хотя их тогда почти никто не послушал. Современные исследователи анархизма на поставленный вопрос отвечают так: «Какая-то организация все же должна сохраниться, но она должна использовать только допустимые методы. Эта организация не может быть ни авторитарной, ни использовать насилие. Следовательно, она может быть добровольной и основанной на сотрудничестве»[524].

Проблема авторитета. К настоящему времени существует множество теорий анархизма. Теорией анархизма следует признать любую теорию с горизонтальной структурой, которая соблюдает принципы анархизма и отбрасывает любое насилие и политический авторитет. Прежний анархизм имел одну или несколько форм. Анархизм современный включает принцип плюрализма. Не только допускает множество теорий, но и считает их полезными для общества.

Каковы критерии оценки данных форм? Анархизм, порожденный журналистским воображением, надо отбросить. Я имею в виду анархистов, опустившихся до использования насилия, террора и хаоса. Но одновременно надо отбросить государства, использующие данные методы. С такой оговоркой проблема допустимых методов остается открытой и допускает новые творческие предложения.

Существуют следующие способы обоснования анархизма:

- теоретические используют все средства научного познания и политического скептицизма;

- практические стремятся изменить социальные и политические обстоятельства, существующие в данном месте и времени;

- индивидуальные объясняются желанием свалить государство с плеч индивидов или, по крайней мере, держать его подальше от наших интересов и кошелька;

- альтруистические направлены на борьбу общества с любыми видами государственного угнетения;

[524] Miller D. Anarchism. London, 1994, p.114

- феминистские объясняются стремлением сокрушить господство одного пола над другим в политической сфере;

- экологические направлены на борьбу с научно-техническим вандализмом государства;

- коммунитаристские объясняются стремлением реализовать идеал братства людей, отвергаемый многонациональными империями и национальными государствами.

Все обоснования вытекают из основного свойства анархизма - противодействия любой эксплуатации и господству. Причем не только государства, но и всех остальных форм и институтов, с ним связанных. Речь идет о борьбе с любыми целостными структурами власти ради ограничения (ликвидации) их господства. Авторитарные и основанные на насилии методы государства - идеальный пример такого господства. Поэтому с анархизмом связан последовательный либерализм (провозгласивший лозунг ограничения власти и расширения свободы) и последовательный демократизм (стремящийся свести к минимуму все социальные неравенства, источником которых является власть).

«Действительно, — пишет Д.Миллер, — за атакой анархистов на государство и другие институты насилия скрывается обычно фундаментальная критика самой идеи власти. Важный аргумент в пользу анархизма вытекает также из более общей антиавторитарной идеи: никакое лицо и организация не может осуществлять легитимную политическую власть над людьми»[525]. То же пишет Р. Вольф: «Никакая власть не является оправданной. Никто — ни государство и никакой другой институт, не имеет права приказывать кому бы то ни было что бы то ни было»[526]. Р.Вольф определяет философский анархизм как общее сопротивление принципу власти. П.Фейерабенд ввел понятие «эпистемологический анархизм» для критики большинства научных и философских теорий и авторитетов. На этом основании можно дать классификацию анархизма.

Принципиальный анархизм выступает против власти и насилия путем использования философских и этических аргументов. Интегральным политическим анархизмом можно назвать преобразование этих аргументов в систематическую критику законодательной,

[525] Miller D. Anarchism. London, 1994, p.15
[526] Wollf R. In Defence of Anarchism. New York, 1970, p.45

исполнительной и судебной власти государств. Рассмотрим природу аргументов.

Существуют разные типы отношений, основанных на авторитете. Но не все надо отвергать. Приведу пример из личного опыта наблюдений за академической жизнью в университетах и других научных учреждениях.

Предположим, ученый трудом заработал авторитет в определенной области знаний. В этом случае отношение коллег к нему определяется его способностью ставить новые проблемы, разрабатывать и обосновывать оригинальные концепции. Их весомость всегда можно проверить на основе универсальных критериев научного труда. Такой авторитет можно назвать открытым. Чтобы им обладать, ученый, кроме таланта, должен постоянно работать. Требуется интенсивный, добровольный, всесокрушающий труд. Надо возлагать на себя обязанности, которые никто третий не может предписать. Умение отказаться от большинства повседневных удовольствий. Повышенная требовательность к ученикам. Способность одновременно заниматься несколькими проблемами. Подчинение жизни и быта железной самодисциплине. Критическое отношение к своим собственным концепциям, готовность к их пересмотру под напором новых фактов и результатов исследований коллег. Постоянная погруженность в раздумья, связанные с творческим процессом. Презрение к людям, сделавшим из науки «кормушку». Для выработки этих качеств надо посвятить всю жизнь одному делу. Такой авторитет нужно постоянно завоевывать, поскольку ни одно достижение не может быть признано окончательным.

Однако большинство людей, занятых в сегодняшней науке и высшем образовании, не обладают перечисленными способностями и даже не ставят своей целью их культивирование. Наука их интересует как средство достижения социального статуса. Они прекращают работать на второй день после защиты кандидатской или докторской диссертации. Начинают усиленно интересоваться перспективой занятия той или иной административной должности. И на протяжении десятилетий пересказывают студентам чужие концепции или результаты своего диссертационного опуса, которые давным-давно устарели. У них развивается склонность к догматизму. Поэтому их авторитет можно назвать закрытым. Закрытость

увеличивается по мере прекращения научной деятельности, отставания от творческих коллег и превращения административных и денежных соображений в главный мотив существования. Такой авторитет все более становится мнимым и потому вызывает явное или скрытое противодействие.

Наконец, в университетах и научных учреждениях осталась значительная прослойка людей, которых можно назвать принципиально закрытыми авторитетами. К ним относятся все, кто уже на студенческой скамье стремился попасть в состав комсомольских и партийных органов для достижения целей, не имеющих отношения к науке. Эти люди были и остаются научными нулями и дельцами от науки. Способствуют тотальной коррупции науки. При обсуждении любых вопросов они обычно оперируют бюрократическими аргументами, писаными и неписаными.

В приведенных случаях мы имеем дело с разными авторитетами, которые опираются на иные основания. Ученый обладает авторитетом подобно сержанту, который учит салагу «Делай, как я». Противодействие такому авторитету может быть вызвано только вненаучными соображениями. Другие авторитеты базируются на догматизме и бюрократических стандартах. Тем самым возрастает возможность манипуляции людьми. В политической сфере она укрепляется угрозой или реальным применением принуждения и насилия. Обычно в политике применение кнута и пряника чередуются. На этом основании можно дать классификацию видов авторитета.

Закрытый догматический авторитет использует силу и манипуляцию. Против него можно направить все аргументы, сформулированные в эпоху Просвещения и отвергающие любые религиозные и политические догмы. Например, категория государственных интересов восходит к понятию государственного разума и означает любое случайное содержание. Поэтому в анархизме государственные интересы не считаются весомыми аргументами. Против применения голой силы давно выступают пацифизм и этика ненасилия.

Политический авторитет кнута и пряника лишает человека свободы и самостоятельности. Поэтому освободительные движения могут мотивироваться либеральными ценностями и направляться против господства рабовладельцев над рабами, церкви над верую-

щими, мужчин над женщинами, родителей над детьми, человека над природой, государства над гражданами.

Стремление к гражданской свободе тоже можно связать с анархизмом.

Любой частично или полностью закрытый авторитет лишен этического обоснования и не может быть согласован с самостоятельностью индивидов. Любое государство функционирует как закрытый авторитет. Поэтому В.Вольф систематизировал аргументы, которые ведут от признания самостоятельности индивидов к согласию с анархизмом.

1. Государство — это группа лиц, которым принадлежит право осуществлять высший авторитет на данной территории. Послушание государству состоит в подчинении государственным чиновникам на том основании, что они обладают правом приказа.

2. Ответственность связана с выбором, поэтому люди не могут избежать ответственности за свои действия. Но они могут отвергать саму идею ответственности. Инициатором такого поведения является властно-управленческий аппарат государства. Его члены послушны приказам без размышления о том, являются ли они хорошими или плохими. Тем самым члены государственных аппаратов отказываются от моральной автономии.

3. В результате влияния государства на общество многие граждане тоже отказываются от ответственности и автономии.

4. Тем самым конфликт между мнимым авторитетом государства и личной самостоятельностью становится неразрешимым.

5. «Следовательно, для просвещенного человека философский анархизм
есть единственное политическое убеждение, с которым он может согласиться»[527].

13.2. «За» и «против» государства

Кроме теоретических аргументов в пользу принципиального анархизма существует детальная критика государства и связанных с ним институтов. Ее главные положения состоят в следующем:

- не существует убедительных аргументов в пользу государства и его институтов;

[527] Wollf R. Op.cit., 1970, p.64

- эти институты не являются необходимыми для достижения социальных целей;

- они порождают множество отрицательных и непредвиденных последствий, уничтожающих социальную гармонию;

- государственные институты принимают множество решений, бесполезных для общества и вредных для окружающей среды;

- люди вынуждены нести тяготы, связанные с существованием государства;

- если такие тяготы не являются необходимыми, то они не имеют под собой никаких оснований.

Но анархистская критика государства этим не заканчивается. Государство - это инструмент для сосредоточения богатства и привилегий в руках меньшинства, связанного с государственной властью. Поэтому обществу совсем необязательно тащить на своем горбу государство. Тогда как марксистскую доктрину отмирания государства следует считать ложной, поскольку на практике она привела к небывалому усилению государства. Значит, общество должно содействовать разложению и ликвидации государства.

Отсюда вытекает: обязанности людей перед государством не имеют ни оснований, ни цели, ни смысла. Политическая теория должна раскрыть природу обязанностей людей перед государством. По мере ее становления становится ясным, что у них нет никаких оснований.

Ненужное зло. Государства охраняют неравенство, господство, эксплуатацию, богатство, собственность и привилегии. Осуществляют такую их концентрацию и перераспределение, которая выгодна привилегированным классам и группам. Государственные мужи постоянно устраивают множество конференций и прочих толковищ, роль которых все более становится символической. Экономическую полезность этих сборищ никто не доказал. Расходы для покрытия этой мнимой деятельности извлекаются из карманов налогоплательщиков или добываются путем эксплуатации природных ресурсов, находящихся на территории государства.

Главный исторический результат появления государства - господство и эксплуатация одних социальных групп в пользу других. Все государства коррумпированы. Еще ни одно государство не смогло преодолеть коррупцию. Государство как товар или каприз стоит крайне дорого. Для его существования нужна усиленная экс-

плуатация природных ресурсов. Поэтому чем беднее население той или иной страны, тем более государство выступает главной причиной пауперизации.

Главная причина ненасытности государства - постоянный рост дорогостоящего и непродуктивного властно-управленческого аппарата. Все дела, которые берется решать государство, становятся бездонной прорвой для расхода средств. Неэффективность, постоянные повторения одних и тех же действий, запаздывание решений, тотальная инерция - универсальные характеристики государств. Поэтому анархисты утверждают, что без государства можно сократить выбрасывание ресурсов и денег на ветер. Уменьшится эксплуатация населения, не говоря уже о расходах на организацию любого дела.

Государства уже имеют огромную власть. Но постоянно ее увеличивают путем все большей централизации, расширения контроля над сферами социальной жизни, сдачи земли и предприятий в аренду, монополии над финансами и т.д. Для противодействия чрезмерной власти государства либералы сформулировали принципы отделения церкви от государства и разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. На протяжении XX в. росло функциональное разделение власти, из-за чего компетенция государственных ведомств и чиновников еще более уменьшилась. Но все эти действия не уменьшили, а усилили власть государства. Дробление функций привело к тому, что беспорядок стал правилом функционирования государственных ведомств: «Государство - это самый своевольный анархист, обвиняющий в анархизме его последовательных противников»[528].

На протяжении всего периода существования, который еще не закончился, государство назойливо лезло в повседневную жизнь людей. Оно стремится всюду сунуть свой нос. Наиболее ярко описал это свойство Прудон: «Быть подданным государству — это значит при любом действии и решении самого пустякового вопроса подвергнуться учету, регистрации, записи, налогообложению, штемпелеванию, измерению, нумерации, оценке, сдаче в аренду, уполномочиванию, упоминанию, обложению запретами, реформированию, исправлению и наказанию. Под предлогом общей пользы и во имя общего интереса государство стремится каждого обложить

[528] Sylvan R., Benett D. On Utopias: Tao and Deep Ecology. Canberra, 1990, p.187

данью, подвергнуть дрессировке, шантажировать, эксплуатировать, монополизировать, принудить, выжать все соки, обхитрить и обворовать. А при малейшем сопротивлении и даже тишайшей жалобе государство подвергает репрессиям, налагает штрафы, осуждает, беспокоит без всякого повода, выслеживает, третирует, помыкает, дубасит, разоружает, придушивает, бросает в каталажку, судит, казнит, расстреливает, депортирует, приносит в жертву, продает и предает. И, наконец, в довершение всего, государство подвергает позору, высмеиванию, насилию и лишает малейшего достоинства. Вот что такое власть, вот ее справедливость и такова ее мораль»[529].

Из всего перечисленного вытекают требования ограничить права разжиревшего государства. Ликвидировать его отдельные части путем отмены тех или иных законов, продажи государственных предприятий и т.д. С точки зрения анархистов такие требования не являются последовательными. Прежде всего потому, что они не предполагают сведения государства к нулю и обходят те сферы, которые имеют значение для крупных промышленников, финансистов, местной и международной мафии. Кроме того, такие требования обычно ведут к ликвидации структур, ответственных за повседневную безопасность людей, вместо того, чтобы ликвидировать установления, обслуживающие интересы эксплуататоров, бюрократии и юристов. Например, почти во всех развитых государствах существует закон об ограниченной ответственности предприятий, законодательное ограничение права на забастовку, полицейская регламентация митингов. Ни один профсоюз пока не добился ликвидации этих законов, не говоря уже о множестве ведомственных инструкций, усиливающих господство государства над обществом.

Все идеологи государства (от либералов до националистов) внедряли в сознание общества один и тот же стереотип: государство поставляет и добывает «общие блага». Если даже согласиться с этим шаблоном, - из него не вытекает ничего хорошего для охраны природной среды, здоровья человека и социальной справедливости. Само существование государств несет в себе угрозу для населения, проживающего на данной территории. Прежде всего потому, что ведение войн есть прерогатива государства. Оно также поддерживает деятельность ядерной промышленности и энергетики, гигант-

[529] Цит. по: Wollf R. Op.cit., p.97

ских химических предприятий и других структур, опасных для жизни людей.

Государства обычно стремятся к унификации, исключению плюрализма и культурных различий. Все это осуществляется во имя мнимого единства нации или «морально-политического единства партии и народа», как это было в СССР. Данное единство обычно мотивируется наличием внутренних и внешних врагов. Поэтому даже наиболее либеральные государства затрудняют жизнь национальных меньшинств. Особенно во время войны и других чрезвычайных обстоятельств. Государства всегда ссылаются на миф национальных интересов и ценностей, а на деле подменяют их интересами государственного аппарата, политических элит и других привилегированных групп. Эти круги общества создают целую систему государственных ритуалов, церемоний, принуждая граждан к участию в них. Речь идет о многообразных религиозных и спортивных праздниках, торжествах по поводу дат и юбилеев, расходовании громадных средств на строительство памятников по типу египетских пирамид и т.п. Наиболее опасно то, что вся эта система внедряется в сознание детей, начиная со школы. Чем более длительное время существует данное государство, тем более оно деформирует непосредственное восприятие и критический потенциал каждого человека. Программы школьного и вузовского образования могут рассматриваться как воплощение такой деформации.

Государства были и остаются важнейшим источником войны. Без наличия государств не были бы развязаны мировые войны XX в., которые унесли в могилу больше людей, чем во всей предшествующей истории. Государство является монополистом в производстве оружия и военных технологий, наживаясь на их продаже. Чем более развито то или иное государство, тем более оно выступает производителем и экспортером оружия. Можно утверждать совершенно определенно, что без поддержки со стороны государств (прежде всего США и СССР) не возникло бы ядерное оружие. Следовательно, не было бы и перспективы ядерной войны - главной опасности XX столетия.

Государства затрудняют также становление нормального международного порядка. В настоящее время не существует эффективных международных организаций, способных исключить войны из жизни человечества: «Этот факт есть результат нежелания нацио-

нальных и многонациональных государств отказаться от части своего суверенитета, а также их опасения перед господством самых сильных государств мира. Надо стремиться к преобразованию национальных и многонациональных государств в комплекс специализированных департаментов. Только тогда можно будет ожидать, что большинство международных проблем будет решено соответствующими специализированными организациями. С одним единственным условием - эти организации отбросят бюрократический способ деятельности, характерный для государственных аппаратов, и станут разновидностью креативных организационных структур»[530].

Из сказанного вытекает два вывода:

1. Государство нельзя обосновать путем описания специфики его генезиса или указания на факт его существования. Стихийные бедствия и социальные катаклизмы тоже являются фактами, но они лишены обоснования. Тогда как историческое описание генезиса государства было и останется разновидностью политического мифа.

2. Критерий пользы и другие утилитарные критерии не могут служить способом обоснования государства. Потому, что еще никому не удалось подсчитать соотношение доходов и расходов населения Земли на создание множества государств. И доказать, что доходы каждого жителя Земли возросли вследствие создания того или иного государства.

Оба вывода относятся ко всем государствам, применяющим средства насилия и манипуляции людьми: грабеж, реквизиция, уничтожение имущества, лишение свободы действий, заключение в тюрьму, переселение, интернирование, нанесение телесных повреждений, отравление и другие методы медицинского и психического воздействия, пытки, террор, клевета, обман (прямой и косвенный), экономическое, социальное и политическое неравенство, отказ от сотрудничества, материальный и символический подкуп, привилегии, коррупция (прямая и косвенная), провокация, скрытая помощь, управление сознанием. Ни одно государство не отказалось от этих средств. Как в таком случае определить пользу, которая превышает или хотя бы уравновешивает их применение? И можно ли полагать,

[530] New Forms of Democracy. London, 1996, p.221

что человечество было бы хуже, если бы государства не культивировали применение таких средств?

На первый вопрос невозможно дать определенный ответ. На второй вопрос ответ может быть только отрицательным. Правда, аргументы в пользу государства не сводятся ни к чисто историческим, ни к однозначно утилитарным. К ним нередко добавляют аргумент о необходимости государства, поскольку оно «заботится» о людях. Надо развязать и этот узел политической мудрости.

Ложная аксиома. Государство не есть объект, обоснование которого скрывается в его бытии. Ни один аргумент с целью такого обоснования не является убедительным. В либерализме был сформулирован постулат: хотя само бытие государства есть проблема, оно все же есть необходимое зло. Эту импликацию можно преобразовать: хотя государства до сих пор были воплощением зла, они не являются необходимыми. Ведь уже сейчас возможны альтернативные миры, включая виртуальные государства. Как определить возможный мир, существующий без государства?

При ответе на вопрос надо учитывать, что суждение о необходимости государства скрывает обычный прагматизм. Например, религиозное обоснование государства обычно связано с указанием на недостатки и пороки человеческой природы. Светские певцы государства к этому добавляют, что недостатки усиливаются при значительной концентрации людей и связанных с этим дефицитом определенных товаров и благ. Однако такие ситуации создаются самими государствами. Наиболее ярким примером здесь является СССР, в котором процессы урбанизации и индустриализации породили целую систему дефицита и были следствием сознательно принятых политических решений. Кроме того, прагматическая аргументация в пользу государства базируется на недоказанной посылке: в безгосударственном (первичном, естественном) состоянии людей существуют жестокие отношения между ними, а вся человеческая практика мотивируется исключительно эгоистическими интересами. Это положение не подтверждается современными антропологическими и этнографическими исследованиями.

Примечательно, что во второй половине XX в. (за незначительными исключениями) уже не предпринимались попытки обоснования государства. Оно считается самоочевидной данностью, не нуждающейся в доказательстве.

Государство стало аксиомой, аналогичной фигуре Бога в средневековой системе мышления. Как известно, в этой системе Бог рассматривался как воплощение абсолютного добра. Но стремление согласовать это качество с размерами зла, господствующего в мире, породило ряд противоречий и парадоксов, не разрешенных в религиозной мысли[531]. Тогда как государство издревле и до сих пор вовлечено во зло мира и само его порождает. Следовательно, оно было и остается проблематичным объектом.

Этот объект не может быть воплощением чистых постулатов и аксиом. Не существует и таких доказательств в пользу государства, которые бы соответствовали онтологическому доказательству бытия Бога как воплощения абсолютного совершенства. Все реально существующие государства не являются совершенными. Это относится и к любым проектам возможных государств, создать которые торопятся лидеры националистических движений.

На протяжении XX в. произошла институционализация государства как главной части современных политических структур. Следовательно, все отрицательные свойства институционализации любой сферы деятельности целиком относятся и к государству. Например, в результате этого процесса сама проблема доказательства государства приобрела академический характер. И уже не является главной темой социально-политической мысли. В результате такого преобразования вся тяжесть доказательства перебрасывается на анархистов. Они должны доказывать, что социальная жизнь человека могла бы протекать не менее «хорошо и гладко» (как втайне думают мертвые, живые и еще не рожденные этатисты) без государства. Не надо специально доказывать, что даже применение критериев уголовной юриспруденции позволяет прийти к банальному выводу: государственные мужи на протяжении XX в. совершили большее число преступлений против человечества, нежели негодяи-анархисты.

Разумеется, анархисты не освобождаются от доказательства возможности эффективной социальной жизни без государства. Но та же обязанность падает на этатистов. Если иметь в виду попытки прагматического обоснования государства за последние 300 лет, то

[531] См.: Макаренко В.П. Мировоззренческая машина: размышления автолюбителя. Статья 1-2 // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011, № 2-3

они принимали форму договорных и функциональных теорий, а также мотивировались соображениями порядка и безопасности. Рассмотрим высказанные при этом главные аргументы.

Теория договора. Сама проблема обоснования государства в либерализме опирается на идеализацию реального исторического процесса. Эта идеализация привела к ряду политических экспериментов по воплощению «прав человека» и прочих иллюзий. В обоих случаях мы имеем дело с мифической историей появления государства из воображаемых догосударственных форм существования людей. Теория общественного договора — наиболее известный вариант такой реконструкции.

От Гоббса и Руссо до Джона Ролза транслируется одна и та же сказка: о том, что первобытные люди, будучи членами общества, заключили между собой общеобязательный договор и установили государство ради собственной безопасности. Ролз усложнил сказку за счет введения в нее первичной ситуации выбора. Это – целая система сделок и торгов, в результате которой люди добровольно соглашаются на создание первичных условий, гарантирующих их свободу, равенство и достоинство.

Либертарианская теория государства — вариант теории договора. Она стремится задним числом обосновать появление государства как всеобщей страховой конторы высшего порядка. Эта контора появилась естественным образом из догосударственных структур. Например, идея «минимального государства» Р.Нозика базируется на посылке: существует множество конкурирующих между собой агентств, которые стремятся сделать жизнь человека наиболее безопасной; из этого соперничества возникает государство, обладающее монополией на гарантирование безопасности людей.

Следует подчеркнуть, что либеральная сказка не имеет отношения к действительной истории. Все государства возникали путем насилия, захвата и колонизации территорий. Военные средства были главными при создании государств. Мне еще не приходилось слышать об установлении государств, которые бы сразу предлагали населению изобилие благ, просвещение и либеральную свободу выбора. Значит, идеальные реконструкции действительного исторического процесса и разнообразные мифы на этот счет не могут считаться обоснованием государственных структур власти. Выдум-

ки о государстве отличаются от реальных государств, бремя которых вынуждено нести на себе человечество.

Аргументы договорных теорий государства не удовлетворяют стандартам логики, содержат неверные посылки о крайней жестокости догосударственного состояния людей. Поэтому можно утверждать, что государство по-прежнему существует без достаточного основания. Допустим, посылка об установлении государства по соображениям безопасности верна. Как тогда быть с фактом: в результате установления государства возникает структура, намного более опасная для людей по сравнению с опасностью, исходящей от одного человека? Разумеется, я не сомневаюсь в уме либералов, поскольку они считают науку панацеей от всех бед. Допустим, социальный договор заключают сообразительные люди. Но если учесть реальные обстоятельства, то их следует признать дураками. Ведь умники сразу бы предвидели опасности, которые несет в себе государство — наемный убийца. Иначе говоря, при допущении об умных людях, устанавливающих государство (на чем настаивают либералы), они немедленно должны были бы отказаться от его установления.

Аргументы в пользу «минимального государства» тоже не являются убедительными. В них скрывается патерналистская иллюзия: государство – это отец, заботящийся о благополучии детей-подданных. Этот ход мысли опровергнут И.Кантом более 200 лет тому назад. Правда, целые поколения современных либералов, консерваторов и социалистов по-прежнему ждут милостей от государства, а целые школы экономической мысли укрепляют эту иллюзию. Она не может считаться обоснованием государства, «... поскольку аналогична деистическим доказательствам бытия Бога как первопричины, концентрации совершенства, универсального проектировщика, часовщика и т.д. Однако деизм не смог обосновать ни одной силы и свойства, приписываемых Богу»[532].

Функциональный Левиафан. Следующая попытка обосновать необходимость государства — ссылка на функции, которые оно выполняет. Этатистские пифии вещают, что без государства не обойтись, поскольку оно выполняет такие и сякие функции. А

[532] Routley R., Routley V. The irrefutability of Anarchism // Social Alternatives. 1992, № 2, p.24

главное — снабжает нас социальными благами, среди которых главной является поддержание порядка.

Аргумент от порядка рассмотрю позже. А пока отмечу, что опыт существования СССР позволяет сделать вывод: государство может прекрасно функционировать при таких условиях, когда огурцы с картошкой становятся главным пищевым благом большинства населения. Причем, даже в условиях блокадного Ленинграда государство не снаряжало специальных отрядов для посадки и выращивания этих благ. Каждый еще не подохший блокадник обязан был сам о них позаботиться. Аналогичные примеры можно обнаружить в жизни всех государств. Поэтому только безнадежный этатист может утверждать: современные государства гарантируют оптимальное распределение социальных благ. Отсюда вытекает два вывода:

1. Все способы легитимизации государства посредством постулирования
оптимальных исходных условий раздела социальных благ не соответствуют действительности. Это относится ко всем экономическим, социальным и политическим теориям, обосновывающим особую роль государства как распределителя и перераспределителя благ.

2. Анархистская альтернатива не обязана гарантировать оптимальное распределение благ ради победы над этатизмом как способом политического мышления и поведения. Достаточно, если объем социальных благ превышает традиционное крохоборство государства. Для установления меры такого крохоборства надо провести сравнительное исследование системы пенсионного обеспечения всех ныне существующих государств в сопоставлении с постоянным повышением уровня жизни. Мне такие исследования неизвестны.

Многие считают государство главным поставщиком социальных благ. Этот аргумент базируется на ложной дихотомии частного и публичного. Эта дихотомия есть следствие постулата либерального индивидуализма: частное благо есть дело отдельных индивидов и корпораций, а общественное благо есть дело государства: «Между тем пространство между индивидами и государством заполнено многообразными социальными группами, клубами, общинами, союзами, обществами, кланами, племенами и т.д. Такие

группы тоже могут обеспечивать социальными благами ничуть не хуже по сравнению с государством»[533].

Современное либеральное государство появилось примерно в то же время, когда возник индивидуализм. Либерализм на протяжении всей своей истории обосновывал экспансию индивидуализма. Поэтому в большинстве аргументов в пользу государства фигурируют индивидуалистические постулаты. Главным из них является дилемма узника, порождающая трагедию общих благ: «Общая форма таких аргументов состоит в следующем. Индивиды действуют на собственный страх и риск в определенных предзаданных условиях, которые описываются в языке теории игр. Эти условия предполагают ограниченные отношения с другими индивидами, тоже действующими самостоятельно и независимо. Поэтому в отдельных случаях индивиды вынуждены принимать решения и использовать стратегии, находящиеся ниже оптимального уровня. И только в результате внешнего влияния они могут принять правильное решение. А оно принимается за суррогат государства. Поэтому даже основания таких аргументов не являются убедительными»[534].

Я не буду вникать в подробности данных аргументов, а сформулирую общее положение: государство не является необходимым и достаточным условием решения проблем, вытекающих из независимых действий и конкуренции индивидов. Уже давно существуют отрасли промышленности, которые заняты эксплуатацией природных ресурсов. Государство способствовало их появлению и потому несет ответственность за трагедию общих благ. Но эту трагедию можно описать, не прибегая к государству. Достаточно познакомиться с историей истребления слонов ради наживы. Проблема состоит в создании такого способа противодействия своекорыстию, властолюбию и стремлению к духовному господству, которое бы подрывало эти мотивы поведения с момента рождения человека. Однако ни одна политическая идеология и ни одно государство не смогли решить эту проблему.

Не исключено, что невозможность ее решения объясняет политическую иллюзию: государство, имеющее монополию на применение силы, необходимо для обеспечения людей общими благами. Эта иллюзия способствовала появлению множества государствен-

[533] Wollf R. Op.cit., p.172
[534] Taylor M. Anarchy and Cooperation. Cambridge, 1997, p.257

ных ведомств, выполняющих роль «заботника» о множестве таких благ. Однако возможен противоположный способ рассуждения: общество как множество индивидов само создает и контролирует ведомства, направленные на достижение тех же самых социальных целей. «Каждый из таких институтов, — пишет Д.Бернхейм, — может получить одобрение сообщества людей путем апелляции к демократическому признанию. Эти институты могут контролировать реализацию собственных рекомендаций и решений путем применения санкций и других допустимых средств. Причем они могли бы вступать в сотрудничество с другими институтами, получившими одобрение аналогичным образом»[535].

Классики анархизма (Кропоткин) считали примерами таких институтов почту и транспорт, действующие на международном уровне. Значительная часть современной литературы на тему международных отношений подтверждает возможность сотрудничества в условиях анархии.

Еще одним примером является спорт. Каждый вид спорта обладает международной организацией, в ведении которой находится множество вопросов — от правил игры до организации соревнований. Разумеется, такие организации не свободны от расколов и конкуренции. Однако это не мешает им эффективно функционировать без применения насилия. Санкции сводятся просто к исключению тех или иных спортсменов или национальных организаций из участия в международных состязаниях.

Короче говоря, современный анархизм постулирует возможность создания альтернативных организационных и социальных структур. При этом учитывается горький опыт революций XIX—XX вв. Они обычно приводили к такому типу государственного устройства, который функционировал в соответствии с принципом «Все, что не разрешено, то запрещено». Этот принцип ведет к исключению альтернативных организационных и социальных структур из общественной жизни. В результате граждане начинают ждать милостей от правительства. Теряют опыт спонтанной и независимой от государства организации. А государство стремится создать условия, способствующие самосохранению. И укоренить в обществе иллюзию о том, что оно необходимо для выполнения всех социальных и даже индивидуальных действий и функций.

[535] BumhejmJ. Is Democracy possible? Cambridge, 1995, p.221

Порядок и безопасность. Едва государство установлено, возникает опасность ликвидации его социальных функций. Прежде всего тех, которые связаны с удовлетворением элементарных потребностей человека в питании, одежде, жилище, здравоохранении. Это относится не только к советскому государству, которое превратило эти потребности в предмет бесконечной «заботы», но так и не смогло их удовлетворить. Капиталистическое государство руководствуется экономическим рационализмом. И стремится перебросить выполнение этих функций на частные фирмы и предприятия. На этой почве возникает политика приватизации, делающая неуловимым различие между социалистическим и капиталистическим государством.

Однако во всех случаях государство оставляет за собою главные функции - взимание налогов, чеканку и эмиссию денег, вопросы войны и мира, поддержание порядка, безопасности. Монополия на эти функции соединяет разные типы и формы государства. Даже либертарианская концепция «минимального государства» сохраняет за ним данные функции. В их выполнении заключается следующий аргумент в пользу государства.

Прежде всего отметим, что передача всех финансовых структур в руки групп населения и проведение референдума по извлечению всех видов налогов вполне возможны. Ведь передача банков и других финансовых структур в руки частных лиц, корпораций и коммунальных служб нисколько не ликвидирует монополию государства на финансовую и фискальную политику. Но ни одно государство пока не взялось за реализацию этой возможности. Против нее выступают в первую очередь финансисты и связанные с ними государственные чиновники. Но интересы этих групп не могут считаться репрезентативными для выражения общих интересов населения.

То же самое можно сказать о порядке и безопасности. Передача данных
функций в руки государства обычно мотивируется тем, что они необходимы для борьбы с преступностью и коррупцией. Однако еще никому не удалось доказать, что преступность и коррупция уменьшились в результате создания полицейских сил государства. Само их наличие и принадлежность к государству не может считаться доказательством, поскольку передача функции поддержания общественного порядка в руки государства — продукт недавнего проис-

хождения. А всякий исторический феномен не является общеобязательным.

По мере создания и передачи полицейских сил в руки государства сразу возникает вопрос о соотношении пользы и вреда от их самостоятельности. Опыт СССР показал, что осуществление эффективного социального контроля над этими структурами наталкивается на множество препятствий. Едва полиция становится независимой от социального контроля, она начинает претендовать на особую политическую роль. Это явление существует и в России. М.Геллер проанализировал подготовленные бывшим председателем Комитета по обороне и безопасности С.В.Степашиным и принятые парламентом России законы «О безопасности» и «О Федеральных органах государственной безопасности» и показал, что они не обеспечивают реализации прав человека и могут применяться как орудие подавления демократии. Руководители этих органов постоянно фигурируют в числе «ведущих политиков России», стремятся сохранить связь с репрессивными органами сталинско-брежневского режима, сохраняют бюрократически-иерархическую структуру, из-за чего дробление КГБ на пять служб стало механизмом трансляции данной структуры, а в последнее время претендуют на роль разработчиков новой государственной идеологии России: «В сегодняшних разговорах о необходимости обеспечения безопасности в России обращает на себя внимание желание поставить закон ниже службы безопасности и сохранить традиции чекизма и чекистов»[536]. К этому можно добавить, что комплекс указанных тенденций привел к тому, что полицейские генералы становятся премьер-министрами и даже президентами России.

Короче говоря, типичное государство не в состоянии устранить коррупцию и преступность и само стало их источником. По причинам собственной силы, охвата сфер социальной жизни и характера деятельности государство порождает значительную часть того, устранению чего оно должно служить. Это объясняется несколькими факторами: государство стремится поддерживать определенную мораль, в результате возникает ряд «преступлений без жертв»; государство стремится к сохранению своей монополии над финанса-

[536] Геллер М. История России. 1917—1995. Россия на распутье. 1990-1995. Т.4. М., 1996, с.351

ми, в результате возникает ряд финансовых преступлений; государство поддерживает социальные неравенства и приватизацию богатства, в результате возникает ряд преступлений против собственности.

Все анархисты согласны с тем, что главным источником всей системы преступлений является государство с легионом стражей порядка, закона и безопасности. Ту же мысль высказывают либералы, марксисты, социалисты, феминисты, экологи, коммунитаристы. Но чем заменить разросшийся аппарат стражей? На этот вопрос отвечают по-разному. Анархо-коммунисты предлагают устранить частную собственность, в результате чего исчезают преступления против собственности. Анархо-капиталисты санкционируют неограниченное накопление собственности и требуют особых правовых процедур, исключающих господство полицейских органов над судебной и законодательной властью. В этом русле формулируются предложения о роспуске полицейских органов и передаче всех их средств в руки страховых кампаний по месту жительства. Жители могут нанимать полицейских при необходимости, а также пользоваться для обеспечения безопасности коммунальными и муниципальными службами.

В отношении вооруженных сил тоже предлагаются разные решения. Однако социальные и индивидуалистические типы анархизма сходятся во мнении: для обороны страны (территории) требуются определенные институты. Дискуссия идет о предпочтении функциональных органов (созданных специально для охраны данной территории) или комплекса частных охранных фирм, возникающих в результате заказов жителей данной территории. При выборе первого варианта допускается гражданская самооборона. В обоих случаях речь идет о стремлении решить важные политические проблемы, связанные с существованием регулярных армий и военно-промышленных комплексов. Их существование принадлежит к числу наиболее острых глобальных проблем современности.

«Если государства нет...». Итак, все перечисленные аргументы — теория договора, ссылка на множество социальных функций и соображения порядка и безопасности — являются не доказательством, а оправданием государства. Несмотря на это этатисты прошлого и настоящего выступают адвокатами этого чудовища. Ход их мысли несложен: анархизм еще не был воплощен на практике,

поэтому он вообще не в состоянии функционировать. Ни посылка, ни следствие не являются истинными: «До наступления эры современных государств анархизм функционировал вполне успешно в некоторых частях Америки, Сибири, Севера и Тихого океана. А после появления современных государств анархизм просто лишили возможности действовать на национальном уровне. Зато он поразительно оперативен на международном уровне»[537].

Согласно прагматической аргументации, первичные общества могли существовать без государственной структуры и организации. Но невозможно
вообразить функционирование современных индустриальных обществ без государства. Эта аргументация тоже сомнительна. Потому, что в современном обществе, подчиненном государству, существует крайне малое пространство для социальных экспериментов. Зато анархизм имел возможность функционировать во время гражданской войны в России и в Испании. И действовал вполне успешно, пока его не подавили сторонники ленинско-сталинского варианта социализма[538]. Но опыт своих и чужих опричников и фарисеев не может считаться универсальным.

На международном уровне анархия функционирует успешно уже несколько столетий. Международный порядок по сути является анархическим. Нет мирового правительства, обладающего силой, авторитетом и другими политическими институтами, которые позволяют беспрекословно исполнять его приказы. И хотя существующий международный порядок не может считаться вдохновляющим примером для подражания, отдельные государства еще менее заслуживают роли примера. Прежде всего потому, что анархия входит в плоть и кровь деятельности государственных аппаратов, использующих любые идеологии для собственного оправдания.

Международный порядок оставляет желать лучшего. На этом фоне раздаются призывы к созданию «нового мирового порядка». Например, З.Бжезинский предлагает создать такой порядок под эгидой США. Певец силовых структур России А.Дугин предлагает сохранить Россию как мировую империю[539]. Мне уже приходилось

[537] Wollf R. Op.cit., p.163

[538] См.: Шубин А. Махновское движение 1917—1921 годов // Дружба народов. 1993, № 3-4.

[539] См.: Бжезинский З. Большая шахматная доска. М., 1998; Дугин А. Основы

на одной из конференций публично указывать А.Дугину, что его аргументы по содержанию, структуре и цели не отличаются от взглядов З.Бжезинского. Из-за стремления некоторых государств к мировому господству и идеологического обоснования такого стремления в текстах современных «специалистов по цивилизациям» (примером может быть С.Хантингтон и его подпевалы) современный международный порядок далек от идеала. Главной причиной этого являются сила и бескомпромиссность держав, тем более мировых. Существующие международные институты не в состоянии устранить всю бездну неравенства и несправедливости современного мира. Следовательно, надо искать альтернативные решения.

Речь идет об анархистском проекте, предполагающем эрозию государств и ограничение государственного суверенитета. Следует подчеркнуть, что этот проект не имеет никакого отношения к господству нескольких держав (страны «семерки», Россия и Китай) над остальным миром — т.е. над всеми прочими государствами, которых больше двухсот. Не имеется также в виду использование существующих международных организаций (типа ООН), поскольку они отражают интересы нескольких держав. Ограничение суверенитета не предполагает потакания произволу транснациональных финансовых корпораций, более-менее связанных с интересами государств, претендующих на роль мировых дирижеров. Речь идет лишь о проверке анархистского проекта на практике. Но сами государства способствовали тому, что они не оставили места для социальных экспериментов. Раньше в мире существовало значительное пространство для политических экспериментов и проверки разных политических решений. Русские мыслители считали Россию удобным полем для такой проверки.

Например, А.Чаянов в 1920 г. мечтал о том, что в России исчезнет государство уже в 1984 г.: «Народные массы, втянутые в государственное творчество, создают самые неожиданные варианты. В Якутской области у нас парламентаризм, а в Угличе любители монархии завели «удельного князя», правда, ограниченного властью местного совета, а на Монголо-Алтайской территории единолично правит генерал-губернатор центральной власти. Ликвидация

геополитики. М., 1997.

городов окончательно решит проблему, которую десятилетия спустя будут называть экологической»[540].

Однако ни СССР, ни другие государства не дали возможности осуществить этот проект. В настоящее время население Земли замкнуто в больших перенаселенных государствах. В них трудно даже передвигаться. Такая ситуация была создана государствами. Следовательно, они же должны взять на себя смелость экспериментирования с проектом безгосударственного общества. Тем более, что ни одна из классических политических идеологий (либерализм, консерватизм, марксизм и социализм) не подтвердилась полностью на практике. Возникшие в XX в. идеологии (феминизм, экологизм, коммунитаризм) с разных сторон подтверждают неудачу либерального, консервативного, марксистского и социалистического проектов. Тогда как модель национализма способствует трансляции института государственности в новые условия без его существенных изменений.

Такова ситуация в начале XXI в. Возражения этатистов против реализации анархистского проекта (я имею в виду интеллектуально честных этатистов, а не тех, кто отражает интересы разных звеньев государственного аппарата) могут быть сведены к аргументу: если устранить государство, социальная система лишится последней гарантии. Однако такой же аргумент выдвигался для доказательства существования Бога. Не говоря о его ложности, возникает дополнительный вопрос: кто возьмет на поруки эту самую «последнюю гарантию»? Всем известно, что государство может дать гарантию для банка или поддержания социальной безопасности. Но население бывшего СССР России на протяжении XX в. больше всех других стран убедилось, что государство может крупно подвести. И даже при поддержке других государств[541]. Следовательно, последней гарантии не существует.

Тем более эту роль не может выполнять государство. В теологии для доказательства существования Бога вводится дополнительный постулат о том, что он обладает определенными свойствами - является всесильным, всезнающим и всеблагим. Тогда как большинство государств отличается свойствами жестокости, некомпе-

[540] Цит. по: Геллер М. История России. 1917—1995. Россия на распутье. 1990-1995. Т.4. М., 1996, с.8

[541] См.: Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998

тентности, коррумпированности и аморальности. Носителями этих свойств является государственный аппарат. Если до сих пор эти свойства не были устранены с помощью авторитарной власти, располагающей всеми средствами насилия, то маловероятно, чтобы она смогла сыграть роль высшей гарантии в будущем. Таким образом, рушится последний аргумент в пользу государства.

Зато существует ряд менее надежных социальных гарантий. Все дела всех банков могут подвергаться публичному контролю для того, чтобы убедиться в их социальной эффективности. О здоровье человека лучше судить на основании наблюдения за его функционированием, чем доверять гарантиям врача о здоровье или соглашаться с его рекомендациями о необходимости хирургического вмешательства. То же самое относится к социальным структурам, которые не могут функционировать без поддержки государства. Они нуждаются в гарантиях с его стороны лишь в силу неизлечимых болезней.

13.3. Модификации

Существует множество видов анархизма — индивидуалистический, капиталистический, коммунистический, мутуализм, синдикализм, либертарианский социализм, социалистический, экологический и т.д. Каждый из них не имеет строгой дефиниции и не является абсолютной противоположностью остальных. До сих пор не существует удовлетворительной классификации анархизма. Есть хаотический конгломерат. В результате на основании одной или нескольких разновидностей высказывается оценка анархизма в целом. Такая ситуация не может считаться нормальной. Для ее устранения можно предложить ряд параметров для классификации анархизма.

Параметры и типы.

К их числу относятся:

- отношение между частью и целым;
- отношение к собственности;
- отношение к политике;
- способ принятия групповых решений, связанный с отношением к выборам;

- способ осуществления социальных изменений; отношение к инициаторам изменений.

Отношение между частью и целым дает классификацию организационных решений и объясняет страноведческую специфику анархизма. Европейские версии анархизма (включая Россию) тяготели к приоритету целого над частью. Американские варианты анархизма отличаются индивидуализмом. Для устойчивости приоритета целого над частью требуется сильная идеологическая связь, которую до сих пор выполняли коммунистическая, социалистическая и националистическая идеологии. Индивидуалистические варианты анархизма не нуждаются в общей идеологии и тяготеют к либерализму в его радикальных вариантах.

Отношение к собственности колеблется от полной приватизации через индивидуальную и коммунальную формы собственности к абсолютной общественной собственности. Индивидуальная или личная собственность может включать ограниченное обладание и полное отсутствие собственности. Эта классификация зависит от тяготения анархизма к холистическому или индивидуалистическому варианту.

Оба ранее указанных параметра определяют отношение анархизма к политике и способу принятия решений. Этот способ может колебаться от полной (непосредственной) демократии через демократию большинства и олигархию до полной диктатуры. Способ осуществления социальных изменений включает конституционный и неконституционный, мирный и насильственный путь.

Отношение к инициаторам (субъектам) изменений тоже колеблется и включает: народ как множество единичных индивидов, люмпен-пролетариат, профсоюзы, политические партии и отдельные лидеры, уполномоченные на такие изменения производно от всех предшествующих параметров.

Представленная классификация не является полной. В ней не учитывается отношение анархизма к методам распределения социальных и индивидуальных благ (рынок, насильственное перераспределение в результате коллективных акций, административные методы), к использованию технологий (экологически грязных и чистых), а также к организации труда и свободного времени. Для анализа этих вопросов требуется особая книга. Ограничусь проблематикой, вытекающей из классификации.

На ее основе можно сделать общий вывод: существует множество анархизмов, из которых в предшествующей истории проявилась только часть. Эта часть несводима к анархизму в целом, история которого начинается заново в феминизме, экологизме и коммунитаризме. Причем речь идет пока только о разработке теоретического пласта анархизма, а не о становлении полнокровного социального движения, отвергающего государство и традиционные формы политики.

В предшествующей истории анархизма было много разных концепций. Это качество отличает анархизм от остальных идеологий и может быть обозначено как радикальный плюрализм, который озадачивает всех: «Плюралистический характер анархизма способствовал тому, что даже благосклонные его критики останавливались в раздумье перед вопросом: является ли вообще анархизм идеологией или просто путаницей разных взглядов?»[542]. Нетрудно понять, что такой вопрос является следствием молчаливой посылки: всякая идеология непременно должна быть монистической. На основе такого убеждения и возникает множество трюизмов, которыми переполнено большинство исследований, посвященных анархизму.

Я имею в виду постулат об аморфности, парадоксальности и противоречивости анархизма. Он базируется на смешивании хаоса с порядком. Причем, представление о хаотичности возникает в результате смешивания философского и методологического анархизма с анархизмом фактическим, анархизма индивидуалистического с социалистическим, а их обоих с холистическими вариантами анархизма и т.д. Но наиболее капитальная ошибка большинства рассуждений об анархизме — смешивание анархизма принципиального с его выродившимися формами.

Приведу пример. М.А.Бакунин традиционно считается одним из отцов анархизма, не только русского, но и европейского. Между тем в письме к Николаю I Бакунин обосновывал необходимость диктаторской власти в России. По его мнению, эта власть должна быть неограниченной, исключать свободу книгопечатания и парламент. Бакунин полагал, что только такая власть может быть «свободной» и способствовать «возвышению и просвещению народных масс». Однако на основе приведенной классификации ясно, что Ба-

[542] Clark J. The Anarchism Movement. Montreal, 1994, p.3

кунин представлял только один из множества вариантов анархизма. Он может считаться «классиком» выродившейся ветви анархизма, для которой идея плюрализма была неприемлемой. Об этом свидетельствует и его борьба с К.Марксом за установление диктаторских методов руководства в I Интернационале. Из обсуждения проблемы авторитета следует, что вырождение характерно для тех людей и групп, которые называют себя «анархистами», но неспособны принять плюрализм как принцип мировоззрения и политики.

Множество идеологий. Для адекватного описания анархизма модель плюрализма репрезентативнее монизма и дуализма. Анархизм — это множество связанных между собой типов политического мышления, объединенных общим смысловым ядром — отношением к государству. При таком определении исчезают проблематические элементы анархизма. Безусловно, анархизм не является идеологией в марксистском смысле слова. Марксизм не может считаться каноном любой идеологии по той причине, что у него есть корпус текстов, написанных основателем данной идеологии. У либерализма нет канонических текстов. И потому он может служить более надежной точкой отсчета при суждении об анархизме.

С другой стороны, анархизм не может также считаться движением по типу традиционных (рабочее и национальные) и современных (сторонников мира, экологическое, геев и лесбиянок и т.п.) движений. Плюрализм еще не располагает настолько солидной родословной, как монизм и дуализм. Да и сам принцип плюрализма не является общепринятым как вне, так и внутри анархизма.

Прежние формы анархизма отбрасывали плюрализм в пользу жестких монистических форм. Были вынуждены защищать уже существующие социальные структуры, методы организации и распределения. Все это вело к ожесточенным и бесплодным дискуссиям внутри анархизма между сторонниками разных концепций и решений.

Правда, в анархизме давно существует доктрина спонтанности. В процессе осуществления революции против государства массы спонтанно будут принимать решения об установлении нового социального порядка. Это создавало иллюзию в том, что никакое социальное и организационное решение не исключено. Предполагалось, что выбор будет сделан в пользу определенных решений. Они будут воплощены в жизнь под руководством активных и теорети-

чески подготовленных анархистов, образующих авангард движения.

Иначе говоря, в предшествующей истории анархизм находился под влиянием монистических шаблонов мысли. В результате анархисты стремились развивать собственное учение путем включения в него новых требований и постулатов. Однако они не вытекали из главных свойств анархизма. В качестве примера можно привести один из новейших манифестов: «Мы требуем непосредственной демократии, ликвидации любых иерархий, максимальной свободы, тотальной революции, устранения различия между средствами и целями, устранения всякого руководства и оптимизма относительно анархистского будущего всего человечества»[543]. Однако принципиальные анархисты не имеют никакого отношения к таким лозунгам. Их сравнение с лозунгами российских анархистов и анализ программ последних может быть предметом специального исследования[544].

Принцип плюрализма позволяет объяснить также частичное переплетение анархизма с другими идеологиями. Прежде всего с теми, которые критически относятся к государству и любой власти, основанной на насилии, использующей разветвленный госаппарат. Тем самым анархизм, по определению, исключает все авторитарные формы консерватизма, фашизм, государственный капитализм, государственный социализм и национализм. С другой стороны, он частично совпадает с либерализмом, демократией и даже марксизмом в той его части, которая исключает государство в будущем. Именно перечисленные связи были и остаются причиной многочисленных недоразумений.

Общие свойства. Возьмем демократию. Она не следует из анархизма. Анархизм может пользоваться советами мудрецов (типа М.Ганди, сформулировавшего почти двести способов ненасильственной борьбы с властью) и прислушиваться к мнению интеллектуального меньшинства. Даже в том случае, если такие советы не отражают воли народа, а сами советники не избираются или не назначаются народом. В то же время из анархизма не следует отрицание демократии и применение недемократических процедур, как пола-

[543] Bookchin M. Remarking Society: Patways to a green Future. Boston, 1990, p.161

[544] См.: Конфедерация анархо-синдикалистов. Анархо-коммунистический революционный союз // Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985—1991. М., 1991.

гает Р.Даль[545]. В анархизме существуют как демократические (в разных значениях этого слова), так и недемократические формы. В частности, представительная демократия является лишь первым этапом на пути к воплощению анархистского проекта: «Ни национальное государство, ни многонациональные империи, ни представительная демократия не являются средствами демократии, адекватными современным условиям жизни»[546].

Является ли главной ценностью анархизма индивидуальная свобода или групповая солидарность? Все зависит от обстоятельств социальной и политической борьбы. На первое место могут выдвигаться индивидуальная свобода, групповая солидарность, отрицание обоих, совместное существование индивидуальной свободы и групповой солидарности. Плюралистический анархизм предполагает несколько разновидностей сообщества: 1. Независимые индивиды, семьи и производственные кооперации, связанные между собой посредством рынка и договора. 2. Основанные на солидарности группы, которые свободно работают сообща и делятся всем заработанным в зависимости от индивидуальных потребностей. 3. Опосредующие формы, которые включают рыночные институты, ориентированные на индивидов, и сети социальной безопасности, которые обеспечивают распределение с учетом основных потребностей людей.

Нетрудно разработать модели организационных структур, обеспечивающие разнообразие социальных общностей. Наиболее простая процедура — региональная модификация анархизма. В этом смысле краткие исторические эпизоды практического воплощения анархизма во время гражданских войн в России и в Испании могут считаться лишь первыми попытками регионализации, в рамках которой функционировали разные виды анархизма.

Свойства анархических сообществ тоже нельзя сводить к одному типу. Некоторые из них могут успешно функционировать только на основе сильной религиозной и идейной связи. Другие выступают против всякого насилия, но одновременно используют для борьбы с ним террористические методы. Те и другие не могут считаться последовательными анархистами.

[545] См.: Даль Р. Демократия и ее критики. М., РОССПЭН, 2003, с.55-78
[546] BumhejmJ. Is Democracy possible? Cambridge, 1995, p.218

Принципиальные анархисты не имеют ничего общего ни с идеократией евроазиатского типа, ни с многочисленными троцкистскими и маоистскими террористическими группами, использующими некоторые положения исторического анархизма для обоснования террора[547].

Существуют также различные версии нереализованных возможностей

будущего анархического социального устройства. В них можно выделить общие организационные и структурные свойства:

1. Самоуправление. Оно не предполагает никакого вмешательства в жизнь общества со стороны государства и потому связано с отбрасыванием любого патернализма и централизма. По этому основанию анархизм может смыкаться с теми формами либерализма, которые рассматривают рынок как гарантию от вмешательства государства.

2. Добровольность. Всякое насилие при организации общества отвергается. То же самое относится к авторитету, если хоть в малейшей степени не является открытым и связан с применением административных методов. Реальная власть и авторитет могут продолжать существование, но они навсегда
лишаются правомочности и легитимности, законности и доверия со стороны общества.

3. Децентрализация и деконцентрация. Иерархические отношения сохраняются лишь в той степени, в которой они связаны с федеральным способом политического устройства и горизонтальными структурами для осуществления максимального контроля над властью.

4. Противодействие любому укреплению власти. Речь идет прежде всего о сведении к минимуму роли главных государственных ведомств — обороны, иностранных и внутренних дел, политической полиции, разведки и контрразведки. Отношение к СМИ определяется тем, насколько они обслуживают интересы данных ведомств и участвуют в манипуляции обществом.

5. Противодействие любой эксплуатации и господству. Прежде всего — финансовой и фискальной политике государства, затем институту коммерческой тайны, поскольку они разрывают социальные связи между индивидами.

[547] См.: Окусов А. П. Анархизм. Ростов-на-Дону, 1996

Указанные свойства можно обнаружить в большинстве социальных проектов анархистов. Его типы могут использовать разные способы распределения. Поэтому анархизм связан с разными экономическими, социальными и политическими теориями. Индивидуалистическая тенденция предполагает использование рынка и других способов обмена и распределения, характерных для капитализма. Примером может служить анархо-капитализм — тип социального устройства, к достижению которого направлено «минимальное государство» в соответствии с указаниями экономического рационализма.

Однако анархо-капитализм не в состоянии решить «... универсальные проблемы неэффективности рынка, если его предоставить самому себе. Поэтому анархо-капитализм отвергается экологами, феминистами и коммунитаристами. Главная проблема состоит в том, возможен ли регулируемый рынок без капитализма»[548].

Спектр альтернатив. Можно ли такой социальный проект воплотить в жизнь без участия государства? Большинство людей привыкли жить в государствах и не располагает опытом альтернативных решений. Однако Д.Юм показал, что прошлый опыт не может служить основанием для суждений о будущих событиях. Требуется систематизация материала о совокупности отношений, связывающих людей без участия государства.

Уже говорилось, что примером добровольных соглашений является спорт. К нему можно добавить религиозные объединения, профессиональные
союзы и корпорации производителей, функционирующие без участия государства. Тем самым государство разлагается на функциональные элементы и превращается в комплекс институтов, роль государства в которых сведена к минимуму. В свое время А.Грамши указывал, что вполне возможно управлять обществом без применения насилия. Для этого находящиеся у власти люди должны использовать системы убеждений, которые широко распространены среди населения. Природа таких систем в определенной степени зависит от политиков, поскольку они обладают возможностью пропагандировать свои взгляды.

Эмпирические исследования подтверждают этот вывод: «Как правило, люди соблюдают такие правила и законы, которые счита-

[548] Dryzek J. Rational Ecology. Oxford, 1987, p.86

ют правильными с моральной точки зрения и не требующими процедурных уточнений. Из этого вытекают важные выводы для анархистских форм организации, не применяющих насилия. Анархистские правила будут приспосабливаться к доминирующим тенденциям, отклоняясь от них только тогда, когда такие отклонения можно полностью обосновать. В целом анархические решения будут опираться на самоуправляемые системы типа честных рынков, обладающих незначительной сферой распространения»[549].

При плюралистическом определении анархизма возникает множество альтернатив, перечисление и анализ которых выходит за рамки данной книги. Рассмотрю лишь некоторые.

Анархическое общество любой степени сложности (включая города) есть сеть децентрализованных организаций. Эта сеть имеет региональный характер и одновременно приспособлена к задачам, ролям и функциям каждой организации. Такая модель соответствует экорегионалъному функционализму — синтезу политического функционализма и экологического биорегионализма.

Политический функционализм без центра необходим для ликвидации всех структур госаппарата, которые не соответствуют потребностям местного населения и навязаны ему сверху. Такая организация является добровольной, поскольку индивиды и группы не принуждаются к вступлению в нее, а ее деятельность базируется на добровольных соглашениях.

Как контролировать организации, вытесняющие государство и бюрократический аппарат из жизни общества? Даже при демократии любые избирательные органы неизбежно бюрократизируются, а контроль над ними становится звеном бюрократической машины. Население равнодушно и недоверчиво избирает центральный парламент, который с помощью других бюрократических структур контролирует исполнительной и судебной властью. Анархическая модель предполагает роспуск центрального парламента и представительств регионов в центре. Взамен создаются институты непосредственного демократического контроля над организациями, заменяющими госаппарат.

Меняется процедура выборов. Взамен дорогостоящих избирательных кампаний, контроль над которыми крайне затруднен, используется жеребьевка. Состав руководства любой организации из-

[549] Tyler T. Why People Owey the Law. New Haven, 1990, p.178

бирается случайно из числа лиц, обладающих соответствующей профессией и живущих на данной территории. Причем для выполнения руководящих функций требуется добровольное согласие кандидатов. Все претенденты на любую руководящую должность подвергаются постоянной дисквалификации в зависимости от того, пользуются ли они СМИ для манипуляции населением. Меньшинства получают представительство в каждом из таких органов.

Эта модель демократии уходит корнями в демократию полиса, описанную Аристотелем. В современных исследованиях она квалифицируется как демократическая анархия[550]. Главное достоинство демократической анархии — ликвидация всякого дублирования власти и контроля на центральном уровне.

Президентская и парламентская модель демократии не могут устранить такое дублирование. По мере децентрализации отпадает необходимость центрального правительства, назначаемого президентом (премьер-министром) или избираемого парламентом. Тем самым исчезает поле деятельности для целых орд бюрократических надзирателей и теневых кабинетов. Как правило, они состоят из жителей столицы и включены в сеть клиентельных, парантельных и лоббистских отношений, из-за чего развивается политическое неравенство между жителями столицы и других регионов страны.

Центральный парламент тоже ликвидируется. Вместо центрального правительства и парламента возникает сеть, не обладающая центром. Она создается функциональными организациями, которые непосредственно вплетены в комплекс производственных и социальных процессов. Главная проблема — исключить любую интеграцию людей через руководящие структуры.

Вместе с падением центра устраняется множество опасностей, которыми
легитимируют свою необходимость вооруженные силы и политическая полиция, - государственные перевороты, захват власти, восстания, нападения других государств. Эти действия обычно связаны с захватом центра и его руководящих структур. При воплощении в жизнь анархистской модели опасность исчезает, поскольку не существует руководящей структуры, которая может быть захвачена повстанцами или внешним противником. Тем самым защита данного сообщества облегчается. Теряет смысл и вечная проблема госу-

[550] См.: Hardin R. Collective Action. Baltimore, 1992

дарства: кто должен контролировать контролеров? Если контроль становится универсальной функцией, то главным контролером становятся институты непосредственной демократии, образованные по типу федеративных общин.

Итак, функционально действующие институты занимаются решением текущих социальных и административных вопросов. А как быть с большой политикой — комплексом решений по крупным социальным вопросам, устранению социальных конфликтов и изменению политических структур и направлений деятельности? Все такие действия осуществляются снизу — путем
референдумов, выдвижения альтернативных предложений, публичных дебатов, формулирования конкурирующих научных концепций по любой проблеме.

Выбор из всего множества осуществляет высшее лицо или специально уполномоченный орган, которые несут всю полноту уголовной, моральной и политической ответственности за принятые решения и их последствия. Поэтому проблема ответственности, дифференцированная в соответствии со множеством критериев, становится центральной при осуществлении большой политики.

Как финансировать безгосударственные структуры, не располагая механизмами принуждения? Отметим, что только преступные и политические группировки руководствуются антисоциальными мотивами в своей деятельности. Большинство индивидов, фирм и корпораций предпочитают честно платить налоги, если они не превышают определенного уровня (закон Лойфера). Функционирование анархического общества не требует расходов, которые пожирают современные технобюрократические монстры. В обществе отпадает необходимость финансирования нескольких секторов государства, которые являются наименее продуктивными и наиболее дорогостоящими и расточительными. Да и к тому же они наименее доступны детальному демократическому контролю. Речь идет о ликвидации всего аппарата центрального правительства и представительной демократии, а также системы насилия — вооруженных сил, военно-промышленного комплекса, политической полиции с ее сетью шпионов и доносителей, своры тюремных надсмотрщиков и судебной системы в той степени, в которой она повинна за создание преступлений и культивирует их, таможни, пограничных служб и т.д.

Но даже при устранении главных элементов государственного Левиафана остаются институты, которые необходимо финансировать (например, формирования гражданской обороны). Решение этого вопроса состоит из нескольких частей:

1. Множество институтов может полностью или частично перейти на самофинансирование. Для этого следует установить принципы оплаты за услуги. Например, организации, занимающиеся экспортом и импортом, получают доходы от совершения сделок. Основная часть этих доходов должна поступать в независимую бюджетную структуру, не имеющую права их расходовать и перераспределять.

2. Большая часть доходов общества вытекает из налогов, которыми облагаются все предприятия, эксплуатирующие природные ресурсы. Такие же налоги возлагаются на всех владельцев и арендаторов собственности. При изменении права наследования все непроизводительные предприятия «пускаются с молотка». То же самое относится ко всему унаследованному имуществу лиц, не заработавших его собственным трудом.

Практические действия в этом направлении зависят от специфики и культуры отдельных обществ. Поиск в этом направлении меняет всю систему традиционного хозяйственного права, финансовой и фискальной политики государства. Если развить идеи А.Макинтайра, то не только юристы, но и экономисты пока не в состоянии быть справедливыми. Устранение разных видов несправедливости становится главной задачей анархического общества.

Проблема собственности. Частная собственность была и остается наиболее острой проблемой всех идеологий — классических и современных: «Подобно государству, частная собственность может существовать без всякого обоснования»[551]. Для борьбы с нею современные анархисты предлагают сохранить собственность на предметы личного пользования, тогда как в отношении постоянных предметов собственности (в их состав входят все предметы, которые при данном положении вещей выгоднее украсть для последующей продажи) предлагается аренда.

Система аренды напоминает способ функционирования частной собственности и в то же время помогает улучшить контроль над состоянием природной среды: общественные фонды произво-

[551] Carter A. The Philosophical Foundations of Property Rights. Brighton, 1989, p.126

димого богатства выражаются в плате за арендуемые предметы; время аренды ограничивается; исключается чрезмерное накопление богатства и его передача путем наследования. Иначе говоря, анархисты стремятся подорвать имущественные основания консервативной идеологии.

Например, в Австралии вместо сельскохозяйственного министерства создано ведомство по делам постоянных ресурсов. В его состав входят отделы, ведущие строгий контроль над всеми участками земельной собственности и ископаемыми, которые в них находятся. То же самое относится к водным и воздушным ресурсам. Эта структура направлена на предотвращение накопления земельной собственности в городах, поскольку оно было и остается доминирующей чертой капитализма и государственного социализма.

Если речь идет о России, то для применения такого принципа требуется предварительно установить: сколько и кому было заплачено средств за эксплуатацию земли, на которой стоит Кремль и другие правительственные здания в Москве и других городах? какими критериями руководствовались люди, устанавливающие цену за эту землю? каков был реальный доход населения страны от эксплуатации этой земли? То же самое относится к Газпрому и другим фешенебельным зданиям многочисленных административных структур в центре и в регионах.

При капитализме владение частной собственностью определяется установившимся механизмом рыночной регуляции. И потому частная собственность была и остается отличительной чертой капитализма. Государственный социализм целиком наследует эту систему, подчиняя частную собственность различным звеньям государственного аппарата. В результате вся территория страны превращается в частную собственность правительства. Это облегчает концентрацию и накопление капиталов, передачу накопленного богатства (в рамках семьи, династии, ведомства, партии) и контроль над средствами производства. Социал-анархизм противостоит капитализму и государственному социализму одновременно. Стремится ликвидировать имущественные основания данных социальных систем.

Иногда противники анархизма утверждают, что все его разновидности не выработали надежных экономических теорий. На этот упрек можно ответить: ни одно направление капитализма и социа-

лизма так и не смогло выработать универсальную экономическую теорию. Экономическая мысль может предложить лишь множество частных теорий.

Анархизм не отрицает пользу независимо функционирующего рынка: «Идеал индивидуалиста — автономия личности в условиях рыночной системы. Но не вытекает ли отсюда, что государства — неизбежная предпосылка успешного функционирования экономики?»[552]. Ответ на вопрос состоит из двух частей:

1. Рынки функционировали задолго до появления государств, а в настоящее время международный рынок функционирует вне государств. Следовательно, государство не вытекает из сущности рынка.

2. Любые институты, необходимые для функционирования рынков, могут создаваться на региональном уровне, в условиях анархической фрагментации государства.

Поэтому вопрос можно конкретизировать: каков объем структур, необходимых для поддержания рынка, и в какой мере они связаны с существованием государственного аппарата?

Рынок есть место для совершения актов купли-продажи товаров, которые могут быть индивидуальной, общей и ничьей собственностью. На рынок
поступают товары и услуги, которые путем бартера обмениваются на другие товары и услуги или же на деньги (в условиях финансовой экономики). Потребители и покупатели вступают на рынок для осуществления обмена. Поэтому существование рынка возможно при следующих условиях: наличие права распоряжения товарами (в виде собственности или аренды) для осуществления самого акта купли-продажи; существование института, связанного с заключением договоров; устойчивая валюта.

Кроме того, для функционирования рынка нужна система безопасности от грабежа и воровства. Но наличие таких систем есть предпосылка всех остальных проявлений общественной жизни. Что касается остальных элементов рынка, то для их существования государство совсем необязательно. Племенные обычаи и институты вполне эффективно служат для охраны собственности, соблюдения договоров и обязательств. Значит, безгосударственное общество тоже в состоянии осуществить эти операции. Валюта также может

[552] Taylor M. Community, Egualiry and Liberty. Cambridge, 1992, p.169

развиваться при отсутствии государства. Например, на островах Меланезии государства не было, а валюта в виде раковин была. Аналогичные примеры можно обнаружить и в других точках земного шара, свободных от присутствия государства вплоть до недавнего времени. Кроме того, бумажные деньги не являются полностью публичным благом. Банк, находящийся в руках частного лица или государства, удовлетворяет собственное своекорыстие путем производства, обращения и обмена денег. Следовательно, банк как таковой не нуждается в спонсоре в виде государства.

Иногда утверждают, что центральное правительство необходимо для распределения средств на уровне всего общества. Сразу возникает вопрос: о каких средствах идет речь? При функционировании рынков товары циркулируют без участия какого бы то ни было правительства, которое обычно затрудняет такую циркуляцию (опыт СССР здесь может считаться наиболее показательным).

Что касается распределения, то вначале надо доказать, что государство является наиболее справедливым институтом, осуществляющим распределение. Однако даже в самых богатых странах оно поддерживает социальное неравенство и не способствует полному устранению нищеты. Кроме того, аргумент о распределительной роли государства базируется на ложной дихотомии общества и государства. В соответствии с ней общество либо приравнивается к государству, либо не имеет с ним ничего общего. Все опосредующие звенья не принимаются в расчет, что не соответствует действительности.

Анархо-социалисты полагают, что социальная защита должна существовать, но защищать только самых бедных: «Вопрос заключается в следующем: должно ли государство выполнять какую-либо роль в социальной защите или же оно остается только непроизводительным наглецом, сующим нос во все дырки? По крайней мере есть много альтернатив государству. Одна из них состоит в перераспределении части фондов, полученных от продажи и аренды природных и социальных ресурсов. Вторая заключается в разработке и представлении на референдум множества программ по социальным обязательствам. И только населению принадлежит решение, какую из программ они захотят поддержать. Все агенты рынка — от производителей до государственного аппарата — при этом подвергаются социальному надзору. Если же кто-то стремится

его избежать и закрывает свои бухгалтерские книги под предлогом коммерческой тайны, то к нему применяется дифференцированная система социальных санкций»[553].

Короче говоря, все аргументы в пользу центрального правительства не выдерживают критики. Нет убедительных доказательств в пользу того, что центральная власть, способствует улучшению глобального перераспределения. Наоборот, она только ухудшает дело.

Особенно это относится к современной России. Ранее было показано, что корпоративные, клиентельные и парантельные отношения между группами интересов и правительством не могут считаться правовым взаимодействием между системой социальных интересов и властью. Ни одна из форм такого взаимодействия не содержит и намека на общие интересы населения России. Правительство и аппарат управления тоже их не выражают. Следовательно, общие интересы населения страны не могут быть выражены и в существующем законодательстве. Любая форма доминирования групповых интересов превращает экономическую и социальную политику государства в приватную политику доминирующих групп. Их интересы все более переплетаются с интересами госаппарата. В результате проблема приоритета власти над законом в современной России обострилась до предела. Но Государственная Дума пока не собирается обсуждать все ее аспекты, в том числе и тот проект, который предлагает анархизм.

В России развивается процесс становления незаконных и нелегитимных групповых интересов. Они существуют в любых властно-управленческих структурах, но все более становятся частными по мере того, как госаппарат охватывает все сферы социальной деятельности. Но эту меру до сих пор определяет правительство. Оно не собирается отказаться добровольно ни от приоритета исполнительной власти перед законодательной, ни от регламентации электоральных процессов в свою пользу. В этом ему помогают СМИ и журналистский корпус (за незначительными исключениями).

Следовательно, правительство России стало особой группой интересов, которая подрывает стабильность ее политической системы. Главную роль в таком подрыве играют многочисленные си-

[553] Taylor M. Community, Egualiry and Liberty. Cambridge, 1992, p.236

ловые структуры, роль которых за последнее время усилилась. Поэтому все ранее высказанные аргументы против государства и правительства сохраняют полную силу и могут быть конкретизированы в отношении к каждому ведомству на федеральном, региональном и местном уровнях. Но эта тема требует особого исследования.

13.4. Перспективы воплощения

Воплощение анархизма теоретически возможно, но наталкивается на множество практических трудностей. Государства на протяжении XX в. сильно укрепили свой статус и теперь образуют особый клуб. Распад СССР и националистические движения увеличивают число кандидатов на вступление в члены данного клуба. И все же существуют возможности для роспуска этого клуба.

Среди нереализованных возможностей следует отметить умение воспользоваться революциями, гражданскими войнами, кризисными периодами в жизни государств. Прежние анархисты полагали, что когда наступают такие периоды, организованные анархистские группы смогут осуществить переворот. Однако в этом им помешали большевики в России и сталинская охранка в Испании. Поэтому современные анархисты полагают, что революционные методы являются только одним из способов осуществления изменений. Если существует множество разновидностей и целей анархизма, то не меньше число путей к нему.

Однако между ними нет соответствия. Схематически можно выделить следующие возможности.

Все способы реализации анархизма можно разделить на две большие группы: внутригосударственные (в рамках государственных структур) и внегосударственные. С процессуальной точки зрения можно выделить эволюционные и революционные методы. Эволюционные методы включают: медленные, постепенные действия, которые используют существующие политические процедуры; действия, направленные на создание альтернативных организаций, действующих в обход государственных институтов или заменяющие их. Революционные методы можно разделать на: действия, которые отвергают существующие правовые и политические процедуры (мятежи, восстания, государственные перевороты и т.д.); действия, которые предполагают влияние или вмешательство извне

(переговоры, санкции, примеры, использование СМИ, вооруженных сил и т.д.).

Плюралистический анархизм в отличие от своих предшественников не отрицает использования политических и конституционных путей воплощения социальных целей. Общая оценка существующих государств при этом зависит от того, насколько каждый отдельный чиновник и государственный аппарат в целом уважают достоинство каждого индивида и всего населения, способствуют экологически чистому производству и поддерживают мирные отношения с соседями, не препятствуя всесторонней аккультурации. Кроме того, государства оцениваются и по критерию степени свободы для анархической практики. Речь идет об образе жизни, создании анархических организаций и альтернативных решений, противостоящих всем направлениям государственной политики. Если государство соответствует данным критериям, оно ближе к анархическому идеалу. В этом смысле анархисты могут заниматься политической деятельностью в его рамках.

Однако главные методы анархического действия лежат вне рутинной политики. К ним принадлежат:

1. Перехват у государства его действий и функций. Это осуществляется путем создания альтернативных институтов на территории, подчиненной данному государству. Если такой перехват заканчивается успехом, он неизбежно ведет к конфронтации с государством.

2. Непосредственное революционное действие, направленное против всех государственных институтов. Идея непосредственного действия является современной версией положения прежних анархистов о необходимости действовать путем совершившихся фактов и их пропаганды. Эти действия требуют определенного планирования и движения, которое обеспечивает проведение запланированных операций. Причем планирование и организация могут использоваться при революционных и эволюционных действиях.

Правда, еще не все анархисты освободились от ставки на «спонтанность». Опыт показал, что эта концепция малоубедительна, поскольку она опирается на недостаточно обоснованную концепцию индивидуальной свободы. Но крайне трудно осуществить спонтанный взрыв недовольства радикально настроенных масс. Как правило, тактика спонтанности ведет к неверным решениям, игно-

рированию доступной информации и т.д. Современный анархизм включает в свой состав разработанные методы планирования, которые не имеют ничего общего с их институционализацией в СССР. И все же говорить об успехах анархического планирования преждевременно. Конструктивное анархическое движение пока еще не возникло. А использование кризисов для достижения социальных целей есть признак выродившегося анархизма. В этом он нисколько не отличается от других идеологий.

Параллельно с анархизмом тактику непосредственного действия используют экологические и феминистские движения, а также движения сторонников мира. Вместе с коммунитаристской концепцией, отвергающей манипулирование обществом, эти движения в значительной степени совпадают с социал-анархизмом: «Для современного социал-анархизма наиболее обещающей является объединение и мобилизация данных движений, особенно в посткоммунистических государствах, которые по-прежнему являются главными виновниками загрязнения окружающей среды, закрывая информацию об этом не только от собственного населения, но и от международных организаций. Надо привести в движение дремлющий потенциал анархизма, который подавлялся до сих пор всеми государствами и идеологиями. В этом содержится большая надежда на будущее»[554].

[554] CallenbachE. Ecotopia Emerging. New York, 1992, p.279

Глава 14.
Бюрократический национализм

В большинстве словарей нация определяется как историческая общность людей, объединенных территорией, экономическими и политическими связями, обычаями, языком и культурой. Нередко к этим характеристикам нации добавляют этническое происхождение. Полемика между сторонниками политического и этнического понимания нации длится давно и конца ей не видно[555]. Но опыт показал, что оба понимания могут обслуживать интересы реальной или потенциальной государственной бюрократии. Существуют ли концепции, позволяющие дистанцироваться от этих интересов не на уровне общих рассуждений, а в каждом конкретном политическом решении и его исполнении (модификации) на остальных уровнях бюрократической машины государства?

Под таким углом зрения в середине 1990-х гг. я с большим интересом и когнитивным удовольствием прочитал книгу Бенедикта Андерсона. На этой основе написал главу «Национализм» в одной из книг[556]. В 2001 г. книга Бенедикта Андерсона была переведена на русский язык. Однако в предисловии Светлана Баньковская обходит поставленную проблему[557]. Между тем на протяжении нулевых годов проблема еще более обострилась. Интеллектуалы постсоветских государств разрабатывают концепции для обоснования национализма, а культурологическая, антропологическая, биологическая виды рефлек-

[555] См.: Руткевич М. О двух концепциях нации // Свободная мысль. 1999, № 11

[556] См.: Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону, Феникс, 2000, с.334-397

[557] Она пишет: «Издавая книгу Андерсона в стране, где проблема национализм столь остра, соблазнительно было воспользоваться удобным случаем и высказать свои соображения о «национальном вопросе на постимперском пространстве». Но, пожалуй, более уместным в рамках общего замысла серий Центра фундаментальной социологии будет другое. «Воображаемые сообщества» - при всех недостатках, которые найдет придирчивый критик – образцовое социологическое сочинение новейшего времени». Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Андресон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001, с.16

сии служат для обоснования расизма[558]. Поэтому целесообразно заново перечитать книгу Б.Андерсона и выделить те ее аспекты, которые важны для анализа ситуации в современной России.

14.1. Что такое воображаемое сообщество?

Главный предмет анализа в книге Бенедикта Андерсона - истоки и процесс распространения национализма в XX в. Сегодня в бывшем СССР, Югославии продолжаются войны. Следовательно, присутствие Советской армии в странах Восточной Европы после 1945 г. предотвращало потенциальные войны между коммунистическими режимами. Роль запала в таких войнах выполнял национализм. Со времени второй мировой войны все победившие революции (в Китае, Египте, Вьетнаме, на Кубе, в Иране и т.д.), самоопределялись в национальных категориях. Вторая половина XX в. принесла с собой необычайный рост национализма. В современном мире каждый обязан иметь национальность подобно тому, как он обладает полом или цветом кожи. Правомерна ли такая претензия?

При ответе на данный вопрос Андерсон фиксирует три главных противоречия национализма: между объективно недавним (как свидетельствуют исторические данные) формированием наций и их субъективной давностью (как полагают националисты); между формальной универсальностью нации как социокультурного понятия и неизбежной партикулярностью ее конкретных проявлений; между политической силой и теоретическим бесплодием национализма.

Конструктивистское определение нации сформулировано для объяснения данных противоречий. Нация – «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»[559]. Наиболее распространенный символ современной национальной культуры - могилы Неизвестного Солдата. В них либо никто не похоронен, либо никто не знает, кто в них похоронен. Во всех странах у этих могил происходят публичные церемонии и ритуалы. В СССР и России к ним ходят даже молодожены. Такие церемонии и ритуалы не имеют исторических прецедентов. Следовательно, исходным пунктом национальных культур является *анонимность*.

---

[558] См.: Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006; Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. В 2-х тт. М.: Новое литературное обозрение, 2011

[559] Андерсон Б. Указ.соч., с.30

Действительно, явление смерти и бессмертия пока еще не стало предметом анализа в науке и в светских идеологиях. Между тем нация воображается как бессмертная общность. Это свидетельствует о родстве данного представления с религиозным восприятием мира. Иначе говоря, понятие нации связано с религией[560].

Язык, религия и понимание времени — культурные корни представления о нации. Древние религиозные общности были связаны сакральными языками. Существовало убеждение в исключительной священности данного языка и связанной с ним концепции принадлежности к обществу. Сакральный писаный язык был медиумом, с помощью которого воображались общества древности. Их появление связано с выработкой убеждения в том, что знак – это нечто необходимое, а не случайное. В древних языках (китайском, арабском, латинском) любые идеограммы воспринимались как отражение действительности, а не как произвольная репрезентация. Грамотные люди — это стратегический слой в космологической иерархии, на вершине которой находится божество.

У современных наций нет священных языков. Знак не рассматривается как отражение действительности и не обладает свойством необходимости. Но в современных обществах грамотные люди образуют слой теологической технократии. Она связывает в своей деятельности язык религии и язык науки. Образцом здесь является язык юристов и экономистов. Эти профессиональные группы сознательно усложняют язык, претендуют на его всеобщность для повышения своего социального статуса, хотя юридический и экономический язык не имеет онтологических коннотаций.

Не менее важные различия связаны с пониманием времени. В Средние века каждый момент настоящего понимался как одновременное существование множества событий. Он связывал прошлое с будущим. В Новое время появилось представление о единообразном пустом времени. Теперь настоящее осознается как поперечный раз-

[560] По мере секуляризации не исчезают, а увеличиваются страдания, для утоления которых прежде использовалась религия. По мере распада образа небесного (в христианском мировоззрении) и земного рая (в либерализме, марксизме и социализме) неизбежность смерти начинает восприниматься и осмысляться как произвол. В светских идеологиях спасение души рассматривается как абсурдное утверждение. На этой основе возникает необходимость в другом понимании преемственности. Речь идет о светском преобразовании неизбежной смерти в бессмертие и придании смысла случайности. Понятие нации служит такому преобразованию. В этом понятии переплетены эсхатологические и традиционные аргументы.

рез времени, не рассматривается как пролог будущего, измеряется календарем и часами. Изобретение книгопечатания дало для воображаемой (или мнимой) общности нации техническое средство репрезентации. В Новое время появилась также концепция социального организма, существующего в однородном пустом времени. Эта концепция первоначально была сформулирована в консерватизме. А затем стало основанием для представления о нации как постоянной общности, движущейся в истории.

Так были созданы интеллектуальные и технические предпосылки современных представлений о нации. Сама возможность мышления о ней как о некой онтологической данности сформировалась в европейской цивилизации в период, предшествующий Просвещению. Тогда же рухнули три концепции, существовавшие в европейской культуре на протяжении тысячелетий: 1. Писаный язык дает доступ к онтологической истине и является ее элементом. Эта идея способствовала созданию надконтинентальных мировых религий. 2. Общество организовано вокруг священного центра — монарха. Ему приписывались сверхъестественные свойства, которые отличали его от всех остальных людей. Они были основанием для управления другими людьми на основе космического (божественного) согласия. 3. Космологическое время не отличается от исторического, а начало мира тождественно началу человеческой истории.

Эти концепции укореняли человеческую жизнь в природе вещей, придавали смысл существованию человека, включая страдания, необходимость подчиняться власти и смерть. Все концепции гарантировали спасение души.

По мере распада и отмирания данных концепций начался интенсивный поиск нового способа связи братства, власти и времени: «Ничто так не способствовало ускорению этого и не делало его столь плодотворным, как печатный капитализм, открывший для быстро растущего числа людей возможность осознать самих себя и связать себя с другими людьми принципиально новыми способами»[561]. Производство книг и газет как товара — главный источник национального сознания и ключевое событие в появлении новой концепции времени. Возникла возможность горизонтального структурирования обществ в однородном пустом времени. Нация стала одним из них.

[561] Андерсон Б. Указ.соч., с.59

Важную роль сыграли еще несколько факторов: изменение характера латыни; Реформация, влияние которой было связано с производством книг; специфика капиталистического производства и обмена; стремление монархов к абсолютной власти[562]. Последний фактор наиболее важен для появления наций. Он способствовал распаду мнимых общностей мировых религий. Выбор официальных языков во множестве стран был постепенным процессом, обусловленным прагматическими и случайными обстоятельствами. Официальными становились языки, использование которых соответствовало интересам государственной бюрократии и возникающей интеллигенции.

Данные факторы наиболее ярко проявились в появлении газет и профессии журналиста. Газета как продукт современной культуры есть *фикция.* Литературная конвенция газет — монтаж абсолютно не связанных между собой лиц и событий. Произвольность их сосуществования на страницах газеты свидетельствует, что связь между ними является вымышленной. Это обусловлено двумя причинами:

1.Сосуществованием во времени разнородных событий. Их связь определяется датой выхода газеты. Все они располагаются в однородном пустом календарном времени, в котором существует весь современный мир.

2.Связью между газетой и рынком. Книга — первый массовый товар нового времени. Газета — предельный случай книги. Она производится и продается массовым тиражом, но ее актуальность моментально исчезает.

Газета — бестселлер-однодневка. Уже на следующий день она теряет актуальность. Тем самым в газете реализуется разрыв между прошлым и будущим. Дезактуализация есть причина того, что массы людей потребляют газету как фикцию. Одновременное потребление этой фикции приобретает характер массового квазирелигиоз-

[562] Церковная латынь обладала статусом Священного Писания и была эзотерической. Благодаря переводу античных авторов латынь становилась менее церковной и более светской, экзотерической с точки зрения содержания и языка. То же самое относится к святоотеческим писаниям православия. Лютер — первый в истории автор бестселлеров, поскольку он перевел Библию на родной язык. Его произведения продавались огромными тиражами. Вслед за ним пошли другие вожди Реформации. Они начали небывалую пропагандистскую войну за умы людей. И подготовили читателей своих трактатов к религиозной и политической борьбе. Идеологическая борьба XIX—XX вв. — продукт религии. Тогда как монархи использовали автохтонные языки для централизации управления. Появление официальных (правительственных) языков — следствие печати и Реформации.

ного ритуала. Уже Гегель отмечал, что для современного человека чтение газеты заменяет молитву.

Смысл ритуала парадоксален. Он осуществляется в одиночестве, в тишине духа и закоулках сознания. Человек при потреблении газеты отделяется от других. Одновременно он сознает, что в церемонии участвуют миллионы людей. Читатель газеты не сомневается в их существовании, но не имеет ни малейшего представления об их индивидуальном своеобразии. Наш современник постоянно видит и слышит, что другие люди тоже читают газеты. Тем самым он постоянно убеждается в том, что мнимый мир укоренен в повседневности: «Вымысел бесшумно и непрерывно проникает в реальность, создавая ту замечательную уверенность сообщества в анонимности, которя является краеугольным камнем современных наций»[563]. Сфера воздействия фикции расширилась до громадных размеров по мере изобретения радио и телевидения. В этой церемонии и *состоит бытие воображаемого сообщества нации в историческом времени.*

Таким образом, языки печати создали область коммуникации, которая располагалась между латынью и разговорными языками. Читатели одних и тех же текстов становились зародышем мнимых национальных общностей. Печать способствовала стабилизации языков и создавала единый образ прошлого. Он имел фундаментальное значение для генерирования субъективной идеи нации. Эта идея связана с языком власти. Печать и создала этот язык, который отличался от прежних родных языков.

Здесь можно сформулировать первый промежуточный вывод. В национализме обычно подчеркивается первичность языка и его необходимая связь с территориальными общностями, государствами и сознанием. Конструктивистская концепция нации позволяет отвергнуть, эту связь и одновременно описать ее как ложную, вымышленную, анонимную: «Иначе говоря, конкретные территориальные очертания нынешних национальных государств никоим образом не изоморфны установившимся границам распространения тех или иных печатных языков»[564].

14.2. Бюрократические миры

Тезис о противоположности между языком и территорией Андерсон иллюстрирует процессом появления государств в Западном

[563] Там же, с.58
[564] Там же, с.69

полушарии в 1776-1838 гг. Эти территории первыми определили себя как нации. Они выработали образцы современного государства. Значительное число и недавнее происхождение государств Северной и Южной Америки дает возможность для сравнения. Эта процедура необходима для *дистанцирования* от европоцентризма при объяснении генезиса наций и национализма. Существенное значение при этом имеют следующие факты: возникающие государства прежде были колониями европейских стран (Англии, Франции, Испании); однако в колониях и метрополиях использовался один язык; язык не был предметом спора в борьбе за освобождение (как это было в Европе); генезис национализма в Америке не был связан с политической эмансипацией угнетенных классов.

Указанные отличия Америки от Европы позволяют сформулировать исходные вопросы: почему в обществах креолов концепция нации возникла раньше, нежели в Европе?[565] почему административные единицы становятся родинами и в этом качестве приобретают смысл для людей?

Для ответа на эти вопросы Андерсон использует концепцию Виктора Тернера, в которой путешествия описаны как разновидность осмысления опыта во времени, пространстве и статусе.

Все путешествия требуют истолкования. Так, путь от рождения к смерти породил разные религиозные концепции. Но они оставались в сфере сознания до тех пор, пока не породили социальный феномен паломничества — путешествия к святым местам[566]. До появления печати убеждение в том, что религиозная общность является реальной, а не мнимой, зависело от бесчисленных паломников. Все они более-менее повторяли идеи джихада или крестового похода. Это тоже свидетельствует о том, что язык не является признаком нации (подобно песне, танцу, одежде и флагу). Значительно важнее способность языка создавать мнимые общности. Язык никогда не был средством исключения индивида из общины, поскольку каждый че-

[565] Дело в том, что в испанских колониях коренное население не говорило по-испански. Однако креолы рассматривали аборигенов как соплеменников, а Испанию считали врагом, хотя и были связаны с ней происхождением и языком. Каждая из южноамериканских республик в XVI—XVII вв. была административной единицей метрополии.

[566] Хореография великих религиозных паломничеств всегда обладала двояким смыслом. С одной стороны, есть громадная толпа неграмотных, говорящих на родных языках и образующих физическое тело общины паломников. С другой стороны, есть горстка образованных людей, которые владели двумя языками, представляли от дельные общины, осуществляли объединительные церемонии и толковали землякам их совместное поведение.

ловек может научиться любому языку. Язык — это средство связи индивидов. Оно ограничено лишь эффектом Вавилонской башни: никто не живет так долго, чтобы выучить все языки.

Абсолютные монархии и империи возникали как светские эквиваленты религиозных паломничеств. Абсолютизм стремился создать унифицированный государственный аппарат, в котором были слиты власть и управление. Такая унификация была необходима для постоянного обмена лиц, документов и контроля над управлением. Члены аппарата обязывались быть лояльными монарху, а не партикулярным интересам феодальной аристократии. Обмен лиц обеспечивался рекрутацией новых людей. Они не обладали личной властью, а представляли только волю монарха. Тем самым путь чиновника принципиально отличался от пути аристократа[567].

Путь чиновника определялся его способностями и умениями, а не смертью предка. Центр всегда находится перед глазами чиновника как вершина карьеры, а не точка в пространстве. Чиновник движется по серпантину и надеется на то, что путь будет сокращаться по мере приближения к вершине[568]. В этом путешествии у него нет никакого гарантированного постоянного места. Каждая остановка (должность и жилье) является временной. Заветная надежда чиновника — умереть в своей постели, поскольку у него нет дома. На пути карьеры он встречается с честолюбивыми коллегами. Они происходят из захолустных мест и худородных семей, которых никто не видел и не слышал. Встреча с товарищами по путешествию порождает у чиновника чувство братства: кто мы такие, куда идем и почему собрались вместе? Эти вопросы являются мировоззренческими. Для ответа на них конструируются целые религиозные и философские системы. Во всех случаях они призваны объяснить опыт административных кочевников-бродяг. Этот опыт порождает чувство братства. Оно укрепляется, если чиновники объясняются на одном языке.

Итак, обмен чиновников является нормой, объяснение которой содержится в идеологии имперского абсолютизма. Она вырабатывается монархом и административным аппаратом. Обмен лиц дополняется обменом документов, чему способствует принятие унифициро-

[567] Путь аристократа означает, что наследник после смерти отца поднимается на ступень выше и занимает его место. Для формального закрепления права наследства следует сделать путешествие в центр по инвеституру, а затем вернуться назад.

[568] Назначенный в город А в ранге Б, он может вернуться в столицу в ранге В, чтобы затем оказаться в провинции Г в ранге Д, а в конце путешествия опять оказаться в столице в ранге Е.

ванного государственного языка. Такой язык обладает монополией на определенной территории. К нему относятся все особенности монополий. Поэтому автохтонные языки способствовали централизации власти. Они затрудняли переход от одного монарха к другому.

Короче говоря, заморская экспансия монархий в раннем средневековье должна была привести к появлению трансконтинентальных бюрократий. Однако этого не произошло: «Инструментальная рациональность абсолютистского аппарата - и прежде всего, свойственная ему тенденция рекрутировать и продвигать людей по службе на основании их талантов, а не рождения, работала за пределами восточного побережья Атлантики лишь с очень большими сбоями»[569]. Почему же так случилось? Дело в том, что исключение вероисповедных групп из административной иерархии способствовало развитию национализма в Европе[570]. В Америке такого исключения не было, поскольку одна и та же религия (католицизм или протестантизм) связывала колонии с метрополией. Зато существовали другие ограничения. Креолы могли занимать административные должности только в колониях и никогда не могли попасть в столицу империи (т.е. в Мадрид)[571]. Хотя не было никакого различия между испанцами и креолами с точки зрения языка, религии, происхождения и обычаев.

Стало быть, не просто возможность занимать должность в госаппарате, а гарантия достичь вершины бюрократической карьеры (вероятность жительства и должности в столице) есть существенный критерий генезиса национализма. Питательная почва роста национализма — *появление слоя людей, которые не могут дослужиться до высших чинов в империи*[572]. Административные аппара-

---

[569] Там же, с.80

[570] Показательным примером является Англия, в которой до 1829 г. католикам было запрещено занимать должности в административном аппарате. Это способствовало развитию ирландского национализма.

[571] «В ходе этого тернистого паломничества он сталкивался с компаньонами-по-путешествию, и у них стало складываться ощущение, что их товарищество базируется не только на особых пространственных границах этого паломничества, но и на общей для них фатальности трансатлантического рождения» . Там же, с.. 81

[572] Креолы были высшим слоем в колониях и располагали политическими, военными и культурными средствами власти. Верховная власть могла их подчинять и использовать, но от креолов зависела стабильность империи. Следовательно, значение центро-периферийных связей в колониальных империях и положение аристократии при феодализме было аналогичным. Аристократия была основанием и одновременно угрозой власти короля: «Хрупкое равновесие между полуостровным чиновником и креольским магнатом было, таким образом, выражением старой политики divide et impera в новой обстановке». Там же, с.82

ты империй связывают различные социально-экономические отношения (стадии, фазы) и способствуют генезису национальных идеологий. В то же время аппараты оставляют неизменными структуру властных отношений. Рост числа «лишних людей», которые не могут удовлетворить свои административные амбиции, выразился в появлении евро-американцев, евроазиатов и евроафриканцев как особых социальных групп. Их появление стало основой, на которой расцвел стиль мышления, предвосхищающий современный расизм.

Теоретической предпосылкой такого расизма были утверждения Руссо и Гердера: климат и другие элементы среды обитания оказывают решающее влияние на человеческий характер и культуру. Эти теории были известны в метрополии. Но из них был извлечен политический вывод: рожденные в заморских странах креолы уступают жителям метрополии по характеру и культуре и не годятся для выполнения высших государственных должностей.

Следовательно, при анализе источников национального сознания надо учитывать роль официальных государственных языков, специфику административных путешествий и возможность дослужиться до высших постов в метрополии. Если эта возможность закрыта, возникают идеологии, отражающие генезис *двойной идентичности* членов имперского административного аппарата. Эти факторы определили бюрократические миры в Северной и Южной Америках. Но они не имели значения до тех пор, пока территория власти колониальной администрации не стала представляться ее членам как нация. Генезис данного представления связан с появлением американских газет.

14.3. Три модели

В Америке печать не развивалась до тех пор, пока газета не стала новым источником доходов. Он принадлежал владельцу типографии. Профессия печатника-журналиста - типично американский феномен. Главная проблема этой профессии - поиск читателей как потенциальных потребителей товара. Поэтому печатники-журналисты входили в альянсы с чиновниками. Тем самым двойная идентичность местной бюрократии переплелась со становлением нового профессионального слоя. Газетно-бюрократические борзописцы приветствовали идеологию Просвещения. Она позволяла квали-

фицировать печатников-журналистов (заинтересованных в доходах) как лиц «интеллигентной профессии». И выдвинуть лозунг «свободы печати» для маскировки материальных интересов этого слоя[573].

Асимметрия событий (обусловленная отношением центра и периферии) — следующая характеристика газеты. Она тиражировалась во всех колониях. И потому газета инициировала множество провинциальных миров: «Сама концепция газеты предполагает преломляющее преобразование даже «мировых событий» в специфический воображаемый мир местноязычных читателей»[574]. Отсюда вытекает двойственность испано-американского национализма — универсальность и локальность. Решающая роль в его создании принадлежит чиновникам и журналистам.

Вторая модель национализма возникла в Европе и состояла в использовании автохтонных языков. В Америке язык не был фактором становления национальных государств. В Европе местные языки сыграли важную политико-идеологическую роль. На протяжении столетия (1820 - 1920 гг.) они изменили политическую карту Европы. Кроме того, все европейские движения опирались на модель французской революции. Она выдвинула универсальные лозунги свободы, равенства и братства. Представление о нации возникало в этом контексте: «Нация» оказалась изобретением, на которое невозможно было заполучить патент. Она стала доступным предметом для пиратства, попадавшим в очень разные, иной раз самые неожиданные руки»[575].

Все утопии Нового времени не формулировались в языке «потерянного рая», а изображались как современные общества, расположенные в ином пространственно-временном континууме. Европейский национализм развивался параллельно с организацией школ и университетов, в которых он находил сознательную поддержку. По-

[573] Специфика первых американских газет состояла в том, что они давали информацию из метрополии о ценах товаров в портах, времени прихода и ухода кораблей, о местных назначениях, браках богатых людей и т.д. Газета порождала чувство принадлежности к воображаемому обществу читателей и гордости от сопричастия к сообществу грамотных. Это общество было связано с существованием королей, епископов, кораблей, цен на рынке, браков, назначений и т.п. Конечно, местные купцы могли читать центральные газеты из Мадрида, Парижа и Лондона. Но они ничего не говорили об окружающем мире. С другой стороны, местные чиновники не читали местных газет, поскольку в них ничего не сообщалось о бюрократическом мире центра. Иначе говоря, в основе связи событий на страницах газеты лежала структура имперской колониальной администрации и возникающая рыночная система.

[574] Там же, с.86

[575] Там же, с.89

этому основателями первых националистических движений в Европе были *историки.* Общество читателей их трудов вначале ограничивалось аристократией, землевладельцами, дворянами и клиром. Эти слои обладали экономической, социальной и духовной властью. Затем к ним присоединились купеческая и промышленная буржуазия, мелкие чиновники и интеллигенция.

После Венского конгресса в Европе на протяжении XIX в. не было больших войн, зато резко стали увеличиваться расходы на содержание гражданской и военной бюрократии. В этом отношении Россия опередила другие страны, поскольку уже к началу XIX в. ее бюрократия начала воспроизводить саму себя[576]. Россия навязала другим странам это правило после победы над Наполеоном. Рост бюрократии в Европе был связан с дифференциацией государственных ведомств и снятием сословных ограничений при наборе в госаппарат. Наиболее важная особенность политического развития Европы в XIX в. состоит в том, что рост бюрократии был плавным процессом. Существенного различия между развитыми и отсталыми странами с точки зрения роста госаппарата не было, тогда как развитие купеческой и промышленной буржуазии было крайне неравномерным. Но во всех странах этот процесс был связан со становлением местной печати.

Это явление квалифицируется как филологическая революция. Она затронула все европейские страны. Добуржуазные правящие классы культивировали конкретную солидарность на основе кровного родства, клиентелы и личной лояльности. Тогда как солидарность буржуазии была абстрактной и базировалась на мнимых основаниях денег и грамотности. Остальные классы общества были потенциальными сторонниками филологической революции.

В европейских государствах сознательный национализм появился среди читателей, для которых официальный язык не был родным. Возникающая национальная интеллигенция приглашала массы к участию в истории. Приглашение было написано на языке, понятном массам. Произошел сплав модели революции с неофициальными языками. Этот феномен был эквивалентом средиземноморского пиратства. Миллионы печатных слов сформировали опыт французской революции. Эти слова были затем преобразованы в написанную *кон-*

[576] См.: Писарькова Л.Ф. От Петра 1 до Николая 1: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996, № 4

цепцию-образец. Его «объективность» уже никто не ставил под сомнение, поскольку целые поколения обсуждали вопросы: почему революция случилась, к чему стремилась, почему вначале победила, а затем закончилась крахом? Эти вопросы стали предметом бесконечных полемик друзей и врагов революции, вплоть до настоящего времени. Тем самым случайное историческое явление приобретало свойства объективного, необходимого и причинно обусловленного. Едва о движениях за независимость в Америке было написано, как они тоже стали концепциями-образцами.

Так возникла модель независимого национального государства, которое может быть установлено в результате революции или борьбы за национальное освобождение. В середине XIX в. (период «весны народов») эта модель стала предметом всеобщего эпигонства. Европейский национализм - следствие соединения всех качеств мнимой общности, возникших в Америке и в Европе. За его реализацию взялась германская и итальянская интеллигенция - слой образованных маргиналов, связанных родными языками.

Третья модель - это официальный бюрократический национализм. Он связал принцип монархии с господством над многоязычным населением. Данная модель возникла в Российской империи, хотя некоторые элементы использовались и в Австро-Венгрии. Образцом стала царская русификация, при которой выбор государственного языка определялся административными соображениями, бессознательным наследованием и меркантильными мотивами госаппарата России. Речь идет обо всех попытках одеть империю в куцую национальную одежду. Официальный бюрократический национализм связал многочисленные народы с господствующей династией. Он сформировался в России в ответ на «вызов Запада» - революционные и национальные движения в Европе. Официальный бюрократический национализм - это опережающая стратегия, которая применяется правящими группами в том случае, если им угрожает маргинализация или исключение из мнимой общности нации.

Россия в период от завершения Крымской войны и до распада СССР — наиболее показательный пример официального бюрократического национализма. Российские чиновники и промышленники пользовались огромными привилегиями, которые давало им царское правительство и расширяющийся рынок. Европейские и американские промышленники создавали свое дело сами и никогда не под-

держивались правительством в такой степени, как в России. Одновременно грамотные люди в России целиком отчуждались от родного общества. Становились социальными, моральными и политическими париями. В своей стране они были более чужими, чем иностранцы. Перед ними существовало только два пути социального продвижения: либо стать чиновниками разветвленной бюрократической машины государства; либо ниспровергнуть существующий порядок вещей.

Первый путь был значительно легче и проще второго. К тому же он поддерживался другими факторами: всеобщее принудительное образование, контролируемое государством; монополия правительства на пропаганду; официальная разработка и переработка истории страны; милитаризация; постоянное подчеркивание правительством идентичности принципа монархии с принципом национальности; лишение наследства большей части дворянства после реформы 1861 г. В результате перед русским дворянством оставался единственный путь — служить по военному или гражданскому ведомствам[577].

Таким образом, русская модель национализма была *синтезом* американской и французской. По мере развития капитализма в России государство умножало свои функции. Этот процесс породил русифицирующие системы образования. Они готовили кадры для государственной службы и промышленности. Система образования в России всегда была централизованной и единообразной. Она определяла трассы путешествий возникающей русской интеллигенции. Эти трассы стали параллельными с путями административной карьеры. Но в любом случае столица империи (Москва, Петербург) оставалась Римом, в который ведут все дороги. *Перекрещивание трасс бюрократии и интеллигенции стало территориальным основанием мнимой*

[577] Этот путь способствовал *отождествлению* национальных интересов России с ростом бюрократии. Многонациональное государство становилось спасением, поскольку оно оправдывало рост синекур. Данная тенденция переплелась с практическими потребностями Российской империи. Россия всегда была слишком большой для того, чтобы ею могла управлять горстка чиновников из центра. Русские наместники и губернаторы стали питательной почвой для генерирования таких тенденций децентрализации и производства региональных идеологий (различные варианты «областничества»), которые лишь укрепляли бюрократический характер государства. С другой стороны, мнимая общность русской нации была выколдована печатью. Вслед за историками Европы русские историки XIX в. (особенно так называемая «государственная школа») конструировали прошлое страны в виде истории государства, главным элементом которой полагались «великие люди» и «великие события». Тем самым прошлое России воспринималось как история господствующих династий.

общности русской нации. Лишь затем территориальный принцип вошел в число свойств нации.

Российская империя допускала аборигенов в школы и государственные учреждения. Но путь в министерские кабинеты и конференц-залы, в которых обсуждались и принимались важные политические решения, для них был закрыт. Это привело к тому, что главными представителями национализма в России (кроме автохтонных русских) стали одинокие двуязычные интеллигенты - русско-украинские, русско-грузинские, русско-польские, русско-татарские и т.д. Они никак не были связаны с возникающей национальной буржуазией, которая в России генерировалась из старообрядцев. Эти интеллигенты усваивали, адаптировали и развивали политические доктрины, вытекающие *из всех моделей национализма.* Но официальный бюрократический национализм в России всегда и везде преобладал. На этой почве возник раскол двуязычной интеллигенции с анархистами, которые первыми заметили, что эта интеллигенция предлагает прежнее господство под вывеской национального государства.

Этот процесс был усилен развитием технических и интеллектуальных средств коммуникации. Благодаря им интеллигенция нашла пути обхода официальной печати. Она изобрела лозунги «расизма» и «патриотизма», которые могли пропагандироваться как среди неграмотных, так и среди публики, читающей на двух и более языках. В этом отношении Россия - один из наиболее показательных примеров национализма.

14.4. Российский эталон

Указанные модели национализма были и остаются различными способами связи бюрократии и интеллигенции. Бюрократический национализм Российской империи и СССР синтезировал их и на протяжении XX в. переплелся с последствиями революций.

Последствия революций. В 1917 г. в России произошла революция, и теперь ее схема начала накладываться на модель французской революции. В обоих случаях процессы освобождения и закабаления наций были связаны с авангардной ролью интеллигенции. Она умела говорить и писать на двух языках. Поэтому воспроизвела древнюю функцию предводителя паломников, который брал на себя обязанность довести их до «святых мест». Интеллигенция пользовалась

также печатными текстами как наставлениями для практических действий. Это обеспечило бытие нации в однородном пустом времени. В результате возникла имперская система образования.

На всем протяжении истории России XVIII - XX вв. государственные школы были централизованной иерархической системой. Она структурно соответствовала системе государственной бюрократии. Путешествие в столицу за образованием было и остается параллельным пути чиновничьей карьеры. Продолжает существовать также особое министерство просвещения, бесконечно регламентирующее программы обучения. Кроме того, образовательная политика России при царе и большевиках была направлена на две цели:

1.Разрыв политических и культурных связей между населением империи и ближайшими соседями. Из-за этого жители России практически не имеют никакого представления и не интересуются спецификой культур прилегающих наций.

2.Производство строго определенного числа аборигенов, говорящих и пишущих на официальном языке. Из них создавались «национальные элиты», заслужившие доверие правительства. Эти люди занимали должности в администрации и на промышленных предприятиях, создаваемых государством.

С одной стороны, такая политика способствовала росту национального сознания многочисленных народов, населяющих Российскую империю в ее монархической и советской формах. С другой стороны, позиции бюрократии в России были всегда сильны. Ни одна революция и политическая реформа пока еще не смогли ослабить и подорвать роль государственного аппарата в социальной жизни. Поэтому национальное сознание переплелось с бюрократическим национализмом. На окраинах империи он становился еще сильнее по той причине, что имперская система образования создавала единообразную иерархию, пронизывающую отношения, сознание и поведение людей. Тем самым консерватизм становился компонентом менталитета образованных людей. Москва на протяжении всей истории завоевывала, присоединяла или превращала в сателлиты прилегающие государства. Но для знати этих государств шанс попасть в центральные привилегированные учебные заведения был гарантией чиновни-

чьей, научной и политической карьеры. Поэтому *манипулятивная роль столицы в России возросла непомерно*[578].

Развитие коммуникаций - еще одно следствие революций. Печать, радио, телевидение, компьютеры постоянно увеличивают число потенциальных сторонников воображаемого сообщества нации. Теперь к ним относятся не только неграмотные паломники, но и блестяще образованные люди. Тем самым описанные схемы национализма в XX в. приобрели характер образцов. Сегодня интеллигенция и политические деятели всех стран могут: создавать военные и образовательные системы по стандартам русского бюрократического национализма; внедрять избирательные и партийные системы и проводить культурную политику по образцам европейского национализма; применять в тех же целях республиканские идеи Америки; создавать бесконечное число идеологических гибридов для обоснования любых поворотов в политике. Но в любом случае политика современных правительств остается всеядной и эпигонской[579].

Показательными примерами политического эпигонства являются два процесса: 1. Политическая история СССР и других социалистических государств. 2. Национализмы, связанные с деколонизацией Азии, Африки и Латинской Америки после второй мировой войны.

Подражание образцу французской революции породило множество доктрин абстрактного и безличного государства, которое может наследоваться другими странами в ходе истории. Идея безличного государства переплелась с опытом Октябрьской революции в России и возникшего на ее основе национализма. Этот опыт осознавался в рамках теорий марксизма и капитализма. Данные теории всегда были предметом пиратских набегов со стороны марксистских интел-

[578] Все люди с амбициями стремились попасть в столицу. Столичная администрация либо не вынуждала лиц, получивших образование, вернуться в родные места, либо бесконечно регламентировала правила проживания в столице, либо заставляла приспосабливаться провинциалов к паутинной сети столичных интриг в целях карьеры. Это создало еще одно направление бюрократической деятельности и способствовало выработке типично имперского стереотипа: столица — это общая социальная и политическая сцена, на которой интеллигент и чиновник могут и должны сыграть свою роль. Этот стереотип еще более усилил связь русской интеллигенции с русской бюрократией.

[579] «Сама идея «нации» прочно угнездилась ныне практически во всех печатных языках; а *национальность* (курсив Б.Андерсона, - В.Макаренко) стала практически неотделимой от политического сознания. В мире, где всепреобладающей нормой стало национальное государство, все это означает, что теперь нации могут представляться в воображенгии и при отсутствии языковой общности…, а на основе общего сознания того, возможность чего доказала современная история». Там же, с. 153-154

лектуалов и политиков. В результате возникла *главная аномалия советского государства*: оно считалось «передовым» с теоретической и политической точек зрения; одновременно было «отсталым» с эмпирической точки зрения (из-за низкой производительности труда, нищенского уровня жизни населения, устарелой техники, неосвоенности громадного пространства государственной территории, элементарной антисанитарии и т.п.). Для устранения этой аномалии советские интеллектуалы и политические деятели использовали модель бюрократического национализма.

До революции он был защитной политикой, обусловленной воспроизводством имперско-династических интересов России в период бурного развития капитализма. После революции эта политика стала агрессивной и начала выполнять роль образца. Ее архетипом были военные реформы Пруссии, заимствованные Советской Россией. После второй мировой войны данный образец и архетип были навязаны странам Восточной Европы, находящимся под советской оккупацией. *Бюрократический характер — главная особенность национализма, сложившегося в СССР*. Он был продуктом деятельности советского партийно-государственного аппарата и служил его интересам.

Бюрократический национализм стал значимым с того момента, когда русские революционеры взяли власть в свои руки и использовали силу государства для реализации собственных социальных проектов. Значение бюрократического национализма тем больше, чем более радикальные революционеры наследуют государство от рухнувшего режима. А русские большевики как раз отличались радикальностью. И хотя часть наследства имела символический характер, отсюда не вытекает его незначительность.

Так, столица РСФСР была перенесена из Петербурга в Москву — старую царскую столицу, хотя существовали и другие возможности. Руководители СССР и сегодняшней России заседают в Кремле - старой царской крепости. Еще не было ни одного правительства социалистических стран, которое после революции не взгромоздилось бы за нагретые столы своих предшественников. Победившие революционеры наследуют также весь хлам старого государства: чиновников, доносителей, архивы, досье, законы, финансовые документы, переписи населения, карты, трактаты, дипломатическую и внутриполитическую переписку и т.д. В результате советское государство приобрело все характеристики империи.

Существует два способа воплощения в жизнь бюрократического национализма после революции:

1. Новые лидеры отождествляют себя с прежними «строителями-реформаторами государства» (Ленин ссылался на опыт Петра I, Сталин — на Ивана Грозного, Мао Цзэдун — на Цинь Шихуана, Тито реанимировал церемониал сербских королей и т.д.).

2. Новые лидеры приспосабливают мнимую национальность прежней династии к интересам правительства и государственного аппарата.

Оба способа ведут к тому, что отличительной чертой всех политических режимов, установившихся после революций XX в., стал государственный макиавеллизм. Чем более древнее государство подвергается натурализации, тем охотнее революционеры переодеваются в его одежду. Но она становится уже признаком власти, а не почестей (как было при феодализме). В результате консерватизм становится органической частью деятельности и мышления революционеров. Бюрократизация государства выступает в единстве с терроризацией населения и персонификацией власти. Все тенденции могут выступать в единстве или чередоваться в зависимости от политической конъюнктуры.

Опыт распада СССР и социалистического лагеря в целом показывает, что государственный макиавеллизм наследуется новыми лидерами России и других государств СНГ. В результате войны между бывшими социалистическими странами и республиками стали кабинетными. Народный национализм используется для защиты всего комплекса ранее описанных представлений и стереотипов деятельности и мышления. Но теперь они выступают в институционализованной форме. Свидетельство тому — организация структур по делам национальностей и национальной политики в институтах исполнительной и законодательной власти.

Опыт стран Азии, Африки и Латинской Америки был иным по сравнению с политической историей СССР. После деколонизации эти страны накрыла волна национализма. Она была реакцией на модификации глобального империализма и успехи капиталистической промышленности. По мере распространения печати капитализм способствовал развитию народного национализма в Европе и в других странах. Она была связана с языками, распространенными на определенных территориях. Языковой национализм подрывал династичес-

кий принцип легитимизации власти. Правящие группы были вынуждены искать другие принципы. Для этого использовались концепции патриотизма и расизма. Они были выработаны в конце XIX п. как идеологические следствия бытия мнимой общности нации.

Патриотизм и национальные интересы. Патриотизм — это разновидность политической любви, природа которой определяется способом описания ее предмета. Для этого обычно используются термины «родина», «отчизна», «отечество» и т.д. Они означают отношения родства и места жительства. Речь идет о естественных связях человека, в отношении которых его выбор никогда не может быть свободен: «Тем самым *национальность* (курсив Б.Андерсона, - В.М.) уподобляется цвету кожи, полу, родословной или эпохе, в которую довелось родиться, т.е. всему тому, что не дано изменить… Иначе говоря, именно потому, что эти узы не выбирают, они и окружены ореолом бескорыстной преданности»[580].

Феномен незаинтересованного восприятия родины переплетен с аналогичным восприятием семьи. На протяжении XX в. семья как социальный институт была предметом психоаналитических (З.Фрейд), этологических (К.Лоренц), социокультурных (В.Райх, М.Фуко) и антропологических (К.Леви-Стросс) исследований. В результате сформулирован однозначный вывод: семья – это структура господства, которое может принимать *форму самой худшей тирании,* выступая одновременно носителем асоциальных и антиобщественных тенденций. Однако этот вывод пока остается чуждым большинству людей, хотя он подтверждается также феминистскими исследованиями. Семья по-прежнему рассматривается большинством людей как пространство незаинтересованной любви и солидарности, как ячейка общества и государства. В этом и состоит один из парадоксов современного общества.

Второй связан с понятием национальных интересов. Политики, дипломаты, историки, социологи, журналисты уже давно используют это понятие как *норму* отношений между государствами и внутри государств. Ее основанием является понятие «государственный разум», включающее своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству. Однако для большинства людей национальная принадлежность воплощает незаинтересованность. Именно по этой причине «нация» может требовать жертв. А идея жертвенности всегда

[580] Там же, с.161

была связана с идеей чистоты. Мировые религии связали и транслируют эти идеи. И даже официальный атеизм государства не в состоянии разорвать эту связь. Наоборот, он их усиленно эксплуатирует.

Об этом свидетельствует опыт войн XX в. В них было убито и искалечено (телесно и духовно) наибольшее число людей по сравнению со всей предшествующей историей. Была достигнута также беспрецедентная готовность индивидов и целых популяций отдавать жизнь «за Родину». Одновременно после первой мировой войны в европейских странах получил распространение феномен литературы «потерянного поколения». После второй мировой войны он проник и в СССР. Его суть в том, что война осознается как критерий чистоты человеческих отношений и чувств. А на самом деле национальные интересы скрывают горы трупов, принесенных на алтарь государства. Таков результат отождествления нации с интересами государственного аппарата.

Патриотизм не в состоянии понять эти парадоксы. Само его распространение на протяжении XX в. свидетельствует о небывалом расширении феномена *непроницаемого сознания.* Оно остается глухим к последовательно рациональным формам рефлексии. Социальные институты от семьи и гражданского общества до государства лишь закрепляют эту непроницаемость. Поэтому представление о нации транслирует религиозные стереотипы мышления и воплощает их в действительность посредством многообразной институционализации.

Трансляция осуществляется с помощью языка. Дату рождения любого языка установить невозможно. Она скрыта в неизвестном прошлом. Язык эмоционально связывает каждого индивида с мертвыми поколениями. Он становится духовно-эмоциональным свидетельством одновременного присутствия всех поколений в однородном пустом времени. Эмоциональные аспекты языка связаны с тем, что процедура чтения поэтических текстов, пения песен, исполнения национальных танцев и гимнов есть воплощение мнимой общности в настоящем. Об этом свидетельствует только язык. Народные песни и государственные гимны банальны по содержанию и пусты по мелодии. Их исполнение есть опыт одновременного пребывания группы людей (певцов, музыкантов, слушателей) в однородном пустом времени. При этом людей ничто не связывает, кроме воображаемых зву-

ков и связанных с ними эмоций. Вся эта бестелесная материальность моментально пропадает после завершения духовных и светских песнопений, используемых в любых коллективных церемониях.

Парадокс патриотизма состоит в том, что объект привязанности приобретает качества анонимного вымышленного предка (родственника). С этой точки зрения «любовь к родине» не отличается от всех прочих аффектов, в которых всегда в какой-то мере участвует воображение.

И все же патриотизм благороднее расизма. Патриоты мыслят в категориях национального предназначения. Усваивают и пропагандируют телеологические (религиозные и светские) концепции, хотя их обосновать невозможно. А практический опыт воплощения небесного и земного рая закончился крахом. Тогда как для расизма характерен дискурс в категориях вечного позора. Он связан с существованием определенных социальных групп и передается через бесконечную цепь копуляций, которая находится вне истории. Начиная с XIX в. расизм был связан с доминированием Европы в мире и стал элементом европоцентризма. Поэтому патриотизму трудно освободиться от расизма.

Трудности усилились на протяжении XX в. из-за действия двух факторов:

1.Выработка и культивирование в России бюрократического национализма. Само бытие империй в XX в. поддерживало аристократию метрополий. Тем самым феодальная концепция власти и привилегий была перенесена на международный уровень. Феномен русификации стал универсальным.

2.Разрастание бюрократического аппарата для осуществления универсальной русификации. Эта тенденция продлила существование империй (прежде всего Российской) до настоящего времени. Она же позволила автохтонной буржуазии и интеллигенции играть роль аристократии у себя дома.

Оба фактора были усилены на всем протяжении существования СССР. Сегодня они образуют непосредственное политическое *наследство* России, стран СНГ и (с некоторой коррекцией) Восточной Европы. Тем самым различие между российским бюрократическим национализмом и другими моделями (американским и европейским) сводится к явной лжи и мифу. Однако установить это различие в каждом конкретном случае крайне сложно. Прежде всего потому, что

комплекс социальных наук используется для обоснования всех моделей национализма в процессах политической манипуляции.

Перепись имущества. При анализе современных политических процессов надо исходить из господства русского бюрократического национализма над европейской и американской моделью. Все они переплетены с социальными и познавательными процессами. «В политике «строительства наций», проводимой новыми государствами, очень часто можно увидеть как подлинный, массовый националистический энтузиазм, так и систематичное, даже по-маккиавелиански циничное впрыскивание националистической идеологии через средства массовой информации, систему образования, административные предписания и т.д.»[581]. В них скрывается специфическая «логика», которая воплощена в переписях населения, географических картах и музеях. Эти феномены социальной реальности претендуют на познавательное значение и связаны с существованием статистики, политической и экономической географии и истории. Данные науки считаются важными разделами социального знания. На самом деле они являются институтами власти и обслуживают ее интересы.

С конца XIX в. вплоть до настоящего времени в официальных переписях населения разных государств обнаруживается постоянный произвол. Он выражается в бесконечном изменении, разделении, перестановке и новом упорядочивании категории этноса. По мере секуляризации критерий религиозной принадлежности исчезает. Его место занимает критерий этноса (этнической принадлежности). Этот факт свидетельствует о том, что классификационные категории становятся все более расовыми. После Октябрьской революции в России и обретения независимости странами Азии, Африки и Латинской Америки (после второй мировой войны) прежняя категория расы получила новую дефиницию этноса. А в России после 1991 г. происходит ее подлинный ренессанс.

Однако ни старая дефиниция расы, ни новая дефиниция этноса не соответствуют самоопределению групп населения. Эти дефиниции выдуманы и воплощены в жизнь государственным аппаратом и наукой, обслуживающей его интересы. Авторы переписей обычно отличаются страстью к исчерпывающим классификациям. Не терпят неясных и политически двусмысленных определений. Население страны воспринимается и регистрируется статистикой как целое, но каж-

[581] Там же, с.180

дая группа занимает в нем строго определенное место. Если те или иные группы не подпадают под существующую классификацию, они зачисляются в категорию «...и другие». В этом и состоит фиктивность переписи и государственной статистики в целом. В основании социального и политического воображения империй лежит фикция.

Первыми колонизаторами были клирики, конкистадоры, путешественники. Они навязывали местному населению собственные классификации. В них туземная социальная структура воспринималась как отражение социальной структуры страны-завоевателя. Например, испанцы всегда квалифицировали местное население завоеванных стран как князей, дворян, плебс и рабов. Перепись - продукт воображения феодального периода. В конце XIX в. она была модернизирована за счет добавления расовой или этнической принадлежности.

По мере расширения компетенции и умножения функций госаппараты империй создали искусственную демографическую топографию. Она пустила глубокие социальные, институциональные и познавательные корни. И была просто следствием создания новых отрядов бюрократии - военной, образовательной, судебной, медицинской, полицейской, таможенной, иммиграционной, пограничной и т.п. Вся структура главных государственных ведомств (обороны, внутренних и иностранных дел, безопасности, информации) возникла на основе принципа расовых и этнических иерархий. Для его обоснования использовалась наука. Тем самым факт существования разных отрядов госаппарата и критерии расы-этноса *отождествлялись,* квалифицировались как параллельные множества.

Через сеть бюрократических учреждений (школ, больниц, полицейских участков, иммиграционных бюро, таможенных и пограничных служб, отделов записи актов гражданского состояния, нотариальных контор и т.п.) проходит масса населения. Предполагается, что сам факт такой циркуляции соответствует нормам социальной динамики. На самом деле происходит отождествление социальных процессов, государственных учреждений и познавательных схем. В результате государственные выдумки и фантазии приобретают статус действительности. Современная социальная статистика и демография - продукты такого отождествления.

Оно ведет к неожиданным следствиям. Например, религиозные общины были основанием древних и стабильных вымышленных общностей. Они совершенно не соответствовали классификационной

сетке государства. Поэтому госаппарат империй насильственно присоединял другие религиозные общины к официальной государственной религии или вводил в классификации множество бессмысленных поправок. В результате госаппарат сам повинен в росте числа и значения религиозных святынь, школ и судов.

С одной стороны, он пытался регулировать и подчинять государству религиозные общины путем выработки вероисповедных категорий переписи населения. Эти попытки были направлены на приписывание религиозным общинам этнического характера с точки зрения политики и права. Наиболее ярким примером здесь является категория «православных» в статистике Российской империи. С другой стороны, религиозные общины (особенно те, что находились в конфликте с официальной религией) рассматривались населением как пространство и крепость свободы. В них воспитывались и выходили на борьбу с имперским колониализмом его религиозные и националистические враги

Таким образом, становление современных этносов неотделимо от имперского прошлого. Приписывание этносам политического значения есть результат бюрократизации управления, социальной статистики, демографии в этнографии. Все эти науки (т.е. научное сообщество) по-прежнему заинтересованы в существовании государства и сами являются звеньями его бюрократической машины.

То же самое можно сказать об экономической и политической географии. Они базируются на таких концептуализациях, действительности, которые свидетельствуют о том, что современное государственное мышление возникало в рамках традиционной структуры политический власти. Речь идет о картах, которыми оперирует экономическая и политическая география.

Из истории известно два типа карт:

1 .Космографические, формальные и символические карты трех миров (небесного, земного и подземного) религиозной космологии. Они не предназначались для путешествий, а были ориентированы на постоянное напоминание о совершенных грехах и спасении души.

2. Первые светские карты были указателями для проведения военных операций и каботажного плавания. В них содержалась информация о времени, необходимом для покрытия определенных расстояний. Эти карты были локальными и не располагали объекты изображения в стабильном географическом контексте.

Первый тип карт чертился в вертикальной, а второй - в диагональной плоскости. В них еще не было конвенции восприятия действительности с птичьего полета и не обозначались границы - исходные критерии бытия современных государств и политической географии. Сама идея государственной границы насчитывает менее 150 лет. Только с 1870-х гг. границы начали рассматриваться как непрерывные линии на карте, которые ничему конкретному на земле не соответствовали[582]. Они просто отделяли один государственный суверенитет от другого.

Вплоть до конца XIX в. пространство описывалось в категориях священных столиц и мест поселения людей. Такие топосы могут восприниматься эмпирически без особого труда. Тогда как территория государства была и остается абстракцией. Эта абстракция связана с понятиями «государственного суверенитета» и «государственной границы». Данные термины фиксируют часть абстрактной территории, которую занимает государство как невидимое ограниченное пространство. Однако указанная система абстракций — государственная территория, государственный суверенитет, государственная граница — обосновывали необходимость появления целых отрядов паразитического государственного аппарата — пограничной и таможенной службы. Данные абстракции вошли также в определение государства и нации и пока еще не ставятся под сомнение ни представителями политического, ни сторонниками этнического понимания нации.

В конструктивистской концепции нации показано, что воплощение абстракций в действительность связано с ростом госаппарата. Этим объясняется сходство переписи и карты. Обе функционируют на основании принципа *тотальной классификации.* Уже сам этот принцип склоняет его изобретателей и потребителей к действиям с революционными последствиями. Однако в основе таких действий лежит идея государственного (полицейского и научного) надзора над действительностью.

Хронометр был изобретен в 1761 г. Вслед за тем вся земля была разделена параллелями и меридианами. После этого геометрическая

[582] «Находясь на стыках смежных государственных территорий, межнациональные границы имеют особу значимость в определении пределов правомочности суверенной власти, а также пространственной формы заключенных в эти пределы политических регионов… Границы … появляются там, где вертикальные соприкосновения разных государственных суверенитетов рассекают на части земную поверхность… Являясь размежеваниями вертикальный, границы не имеют горизонтальной ширины». Там же, с.190. В данном случае Б.Андерсон цитирует формулировку Ричарда Мейра. В.М.

сеть стала накладываться на неизвестные морские и сухопутные территории. Возникла задача заполнения и описания каждой клетки на карте. Раньше путешествия осуществлялись с целью познания, грабежа и религиозного миссионерства. Теперь они начали возлагаться на армию. Первые географические ведомства возникли в составе флотских и армейских министерств. Так появились профессии топографов и землемеров. А эти профессионалы подвергли пространство тому же надзору, который издавна навязывался населению государственной статистикой. Возникла необходимость взаимного приспособления карты и власти.

Оно шло от триангуляции к триангуляции, от войны к войне и от одного мирного трактата к другому. Вопросы войны и мира всегда были воплощением государственного произвола. На его основе возникало нынешнее международное право. В настоящее время в мире существует множество государственных границ и связанных с ними служб (отделы виз и регистраций, таможня, пограничная служба и т.д.). Все они есть институционализованный синтез политического произвола и мифологических представлений. Политическая география воплощает идею тотального надзора над пространством. В этом контексте функционируют многочисленные внешнеполитические ведомства и международные организации.

В результате практического воплощения принципа тотальной классификации карта стала господствовать над действительностью, а не наоборот. В этом качестве она обосновывала увеличение госаппарата: «Дискурс картографирования был той парадигмой, в рамках которой осуществлялись административные и военные действия и которую эти действия фактически обслуживали»[583]. Лишь в конце XIX в. управление государством начало базироваться на территориально-картографических основаниях, а связь между переписью населения и картой стала нормой. С одной стороны, нынешние политические карты разрывают бесконечные цепи классификационных категорий населения, выдуманных госаппаратами. С другой стороны, демография становится политическим содержанием формальной топографии карты. В обоих случаях политические цели государства определяют познавательные цели статистики и демографии. Принцип тотальной классификации воплотился в новом типе карты. *Исторические карты* были введены госаппаратами империй и непосредственно подготовили русско-советский бюрократический национализм XX

[583] Там же, с.192

в[584]. Они появились лишь в конце XIX в. и были подчинены новому картографическому дискурсу. Эти карты «доказывали» давность принадлежности единиц территории конкретным империям: «Через хронологически упорядоченные последовательности таких карт выстраивался своего рода политико-биографический нарратив династического государства, иногда обладающий бездонной исторической глубиной. В свою очередь, этот нарратив заимствовали … национальные государства, ставшие в XX в. правопреемниками колониальных государств»[585]. В основании этого дискурса лежит явная ложь: актуальный политико-биографический уклад опрокидывается на тысячу и более лет назад; при этом не учитывается, что сам дискурс является изобретением нового времени. Тем самым история - вкупе со статистикой, географией, этнографией и демографией - приобретает ранг «научного доказательства» того, что нации возникли значительно раньше нового времени.

В начале XX в. появились также карты-логосы. Они транслируют обычай империй обозначать на карте одним цветом метрополии и колонии. Выкрашенная в определенный цвет колония становилась фрагментом мозаики. По мере закрепления в памяти поколений формы фрагмента он становился «нормой» и мог быть вынут из географического и исторического контекста. Тем самым отпадала необходимость любых объяснений (географической широты и долготы, названий городов, обозначения рек, морей, соседних стран и т.д.). Оставался чистый знак, не имеющий уже никакого отношения к ориентации в пространстве.

В таком виде этот знак переносился на государственные флаги, канцелярские документы и печати, плакаты, конверты, обложки журналов, книг и учебников, проспекты отелей и вообще на любые рекламные издания. Так реклама переплеталась с вымышленной историей. Карта-логос проникала в сознание масс населения и становилась эмблемой возникающего национализма. Места рождения, пребывания и заключения революционных деятелей становились цен-

[584] В Европе давно существовало право законного наследования и передачи территорий. Оно начало применяться и в отношении колоний. По мере их оккупации захватчики обосновывали свое право на данные территории с помощью квазиправового метода наследования. Местным властителям приписывался суверенитет в феодальном смысле слова. Поэтому они либо устранялись, либо вынуждены были подчиниться захватчикам. Оккупанты начали широко пользоваться помощью ученых — географов и историков. Последние начали заниматься реконструкцией вымышленной истории обладания захваченными территориями.

[585] Там же, с.193

тральным мотивом в легенде революционно-освободительной борьбы с колониализмом. Эти места приобретали сакральное значение. А по сути дела становились кормушкой, из которой хлебали официальные «деятели искусства».

Музейное дело - следующий элемент национализма. Сам музей и связанное с ним воображение имеют политический характер. На протяжении XX в. в разных странах росло число музеев и аналогичных учреждений. Это свидетельствует о политизации представлений об историческом процессе.

До XIX в. имперские властители не проявляли никакого интереса к памятникам завоеванных цивилизаций. Инициатива обычно исходила от наместников и имперских чиновников. Они первыми начали собирать коллекции местных древностей, проявлять интерес к изучению их истории. Все это делалось для того, чтобы еще сильнее связать колонии с метрополией. В этом процессе ни одно государство никогда не руководствовалось познавательными интересами науки[586]. Оно осуществляло эти действия на основе материального своекорыстия и политического расчета госаппарата. Важнейшую роль при этом сыграл ряд факторов, которые наиболее ярко проявились в истории Российской империи XIX в.

Время интереса к археологии и археографии совпало со временем первых столкновений «прогрессистов» и «консерваторов» в образовательной политике (первая треть XIX в.). Первые требовали от правительства увеличить ассигнования на образование. Вторые опасались крамолы (влияния революционной Франции) и последствий образованности. В контексте этого спора археологические и археографические мероприятия стали важным звеном консервативной политики в области образования, их финансирование осуществлялось как элемент политики издания религиозных текстов (Библии, святоотеческих сочинений, житий святых и т.п.). В Европе археология и археография длительное время находились в тесном контакте с миссионерскими службами. В России генезис этих наук был переплетен с деятельностью Синода как главной церковно-бюрократической структуры.

[586] Наместники и чиновники начали уделять внимание раскопкам, измерениям, фотографированию, реконструкции, сохранению, выставкам и изучению древностей Археологические и археографические комиссии возникали в рамках имперских ведомств и тем самым становились важным политическим институтом.

Так начали фабриковаться программы строительства памятников и музеев. Эти программы всегда были связаны с актуальной политикой правительств. Например, строительство памятников великим людям древности призвано было подчеркнуть: их потомки не способны на великие деяния и самостоятельное политическое бытие и потому нуждаются в имперских наместниках-колонизаторах. Только последние могут обеспечить мир и надлежащее управление на данной территории.

Вначале империи придавали одинаковое значение исследованию древностей и истории покорения данной территории. Со временем второе направление деятельности свертывалось. Древности все более связывались с туризмом, который постепенно становился частью политики в области культуры. Госаппарат интересовался туризмом прежде всего как источником доходов. Удовлетворяя собственное своекорыстие, он одновременно выступал в роли «патрона и хранителя» местных традиций. Так шел процесс создания музеев и других краеведческих учреждений. Уважением к прошлому в нем и не пахло. Оно выполняла роль регалий, которыми сами себя награждали имперские чиновники.

Перечисленные факторы лежат в основании отношения госаппарата к прошлому. Для него характерно неверие в «святость» или особое значение памятных мест. Влияние прогресса выразилось в том, что археологические описания стали дополняться фотографиями, фильмами, диапозитивами, компьютерными изображениями и т.п. Так возникла еще одна отрасль издательского дела — почтовые марки и открытки, названия отелей, марки пива и сигарет, школьные учебники и «заказные» научные книги. Сам факт издания всей этой макулатуры свидетельствует о том, что возникла иллюстрированная *перепись государственного имущества.* Политический смысл археологии усиливался по мере развития технического производства и увеличения числа государств. А сторонники «чистой науки» способствовали распространению иллюзий о неком «культурном» значении всего этого старья, производство которого становилось повседневностью. Этот факт показывает действительную силу государства.

СССР (после Октябрьской революции) и бывшие колонии Азии, Африки, Латинской Америки (после установления независимости) унаследовали и укрепили форму ведения музейного дела, сложившуюся в Российский империи. Это значит, что все элементы археоло-

гического производства могут быть символом любых политических режимов - от монархических и военных до революционных и демократических. Во всех случаях мифологика власти определяет содержание и структуру всего круга социальных наук - статистики, демографии, этнографии, географии, истории и археологии. Она лежит в основании современного стиля политического мышления.

14.5. Современные чревовещатели

Этот стиль определяется переплетением переписи, карты и музея. Статистика, демография, география, история, археология базируются на принципе тотализирующей классификации. В XX в. к ним примкнули геополитика, либерально-позитивистская социология и политология. Данный принцип используется в отношении любых социальных объектов - людей, религий, регионов, территорий, языков, товаров, социальных групп, политических партий и т.д. Во всех случаях речь идет о феноменах, подлежащих реальному или желательному контролю госаппарата.

Указанные науки длительное время плели сеть для общества. Она позволяет дать «точные» пространственно-временные и количественные определения любому объекту. Тем самым язык данных наук стал разновидностью политического и бюрократического языка, скрывающего аномалии действительной жизни. Современный мир покрыт невидимой сетью. Она сплетена на станке консервативной концепции порядка: мир состоит из воспроизводящихся множеств (классов, групп, наций, населения), а не индивидов. Единичное и особенное в этом случае выступают как члены или представители множеств.

Этот стиль мышления связывает современную политику и науку. Его истоки действительно восходят к утилитарному либерализму Бентама, который создал паноптикум как образец тотального контроля. Благодаря универсальности такого стиля мышления госаппарат приобрел абсолютно прозрачный социальный пейзаж, в котором все имеют строго определенное место и номер. Все государственные структуры по регистрации индивидов - частные случаи стеклянного дома. Они выдают свидетельства о рождении и браке, служебные и профессиональные удостоверения, определяют место на кладбище, дают квитки о смерти. Практически все эти функции государство забрало у церкви. Провозгласив секуляризацию, оно не отказалось от доходов, связанных с совершением данных актов. За счет этого суще-

ствуют многочисленные отряды чиновников в разных странах. И еще ни одно правительство мира не взялось за ликвидацию данной сети.

Наоборот, после революций в России и Китае она была заимствована и усовершенствована новыми независимыми государствами. Все они пользуются указанными моделями классификации действительности. Комплекс социальных наук поддерживается лишь в той степени, в какой он укрепляет данные модели. В школах, университетах, СМИ бесконечно воспроизводятся одни и те же местности, обсуждаются одни и те же события и лица национальной истории. Все это свидетельствует о том, что госаппарат рассматривает историю как свой семейный альбом. По крайней мере во всех случаях возникает специфическое отношение *памяти и забытья.* В его состав входят: сопоставление старого и нового времени; роль братоубийств в национальной истории; антропологическая биография наций.

В результате американских войн за независимость возникло убеждение: бывшим испанским, французским и английским колониям удалось вырваться из истории. Широко распространилось представление о «новом мире». На его основе возникла идея новой священной революции, которая содержит в себе мировую последовательность социальных событий, связанных причинно-следственными отношениями. Такое видение мира типично для европейского воображения. На самом же деле новый мир и священная революция стали истоком национализма, который вначале (в текстах Берка, Бональда и де Местра) понимался как восстановление преемственности. Затем (в романтизме) возник реакционный мотив возврата к истокам. Он базировался на опыте параллельного существования Нового и Старого мира и связал европейский национализм со множеством языков. Гении европейской историографии (Ранке, Мишле, Токвиль, Маркс, Буркхардт) родились в первые 25 лет после установления революционным Конвентом Франции нового исчисления времени. Они первыми начали писать от имени мертвых поколений, превращая их опыт в философско-исторические и историографические концепции. А смысл собственного научного труда понимали как способ осознания нации французской, немецкой, английской; русские историки XIX в. пошли вслед за европейскими гениями. Но начали писать не от имени нации, а от имени мертвых царей, строивших империю. С этого времени молчание мертвых уже не было преградой для воскрешения их наиболее сокровенных желаний.

В XIX в. сложилось несколько вариантов историографии — идеалистический, материалистический, культурно-исторический, цивилизационный. Все они были чревовещанием от имени мертвых, множеством мифов, претендующих на научность. На этих мифах воспитывались европейские и русские революционеры. Они пытались воплотить в жизнь историческую некрофилию путем создания новых государств, политических партий, систем экономики, образования, культуры и т.п. Во всех случаях историография использовалась для «научного обоснования» ранее описанных моделей национализма. Объясняющая и понимающая интерпретации истории, сложившиеся на рубеже XIX—XX вв., тоже вполне вписывались в эти модели. В результате ни одна из классических политических идеологий не смогла освободиться от национализма.

Братоубийства — не менее важный мотив превращения истории в миф. Начиная с Варфоломеевской ночи обязанность забыть трагедии политической истории квалифицировалась как гражданский долг. В этом состоит следующий парадокс: «Принуждение «уже забыть» те трагедии, в непрестанном «напоминании» о которых человек нуждается, оказывается типичным механизмом позднейшего конструирования национальных идеологий»[587]. Государства стремятся устранить этот парадокс путем постоянного переписывания учебников по национальной истории. Однако эта процедура только бесконечно воспроизводит исторические мифы.

Дело в том, что в истории каждой страны были религиозные и гражданские войны, революции и все остальные формы классовой борьбы. По сути дела, речь идет о *войнах между различными нациями-государствами в рамках одной и той же территории* - географической, социальной и исторической. Но в результате культивирования указанной обязанности они рассматриваются как войны между братьями. Тем самым в изложение истории привносится мотив библейского братоубийства.

Во всех случаях госаппарат и обслуживающие его интересы ученые и педагоги руководствуются холодным расчетом. Они ссылаются на первичное братство нации, которого на деле никогда не было. Если нация есть предмет вымысла в новое время, то братство продукт еще большей фантазии, восходящей к началу человеческого рода. Стереотип братства отражает такое преобразование воображения, в котором

[587] Там же, с.217

ни политики, ни чиновники, ни ученые, ни педагоги не отдают себе отчета и которое не в состоянии контролировать. Тем самым стереотипы религиозного сознания опять-таки используются в политических целях. Братоубийственная война не может состояться без представления о братстве. Однако это представление появилось задолго до образования наций. Затем оно было использовано в историографии как форма консервативной реакции на революцию. Ведь после превращения революции в элемент прошлого нацию уже невозможно воспринимать как нечто принципиально новое.

То же самое можно сказать об антропологической биографии наций. Она включает использование всех документов, которые не были источниками официальной историографии. Речь идет о метриках, дневниках, письмах, рецептах, историях болезни, фотографиях и т.п. Все это — разновидности отчужденной памяти человека. Она одновременно напоминает о мнимой преемственности и подчеркивает факт ее постоянного забывания. Из отчужденной памяти вытекает определенная концепция личностной идентичности.

Индивид не может помнить собственную биографию во всех деталях. Она всегда восстанавливается в более или менее вымышленных нарративах. Эта литература заливает современный книжный рынок. Мемуары политиков, дипломатов, писателей, ученых, кинозвезд, спортсменов и т.д. все еще пользуются повышенным спросом. Однако вся эта «глубоко личная» продукция аналогична газете. Она располагается в однородном пустом времени, не обладает ни историческим, ни социологическим контекстом.

Мемуары обычно начинаются с рассказов о дедах-прадедах и бабках-прабабках, о которых автор имеет крайне смутные сведения. Тем более он не может ни точно помнить момент собственного рождения, ни знать точную дату своей смерти. Такой нарратив соответствует началу Евангелия от Матфея, в котором упоминаются четырнадцать родов от Авраама до Давида, от Давида до переселения в Вавилон, от переселения в Вавилон до рождения Христа. Но не указаны ни точные даты жизни, ни физиологические, социальные, политические и культурные сведения о предках Христа. Такой стиль нарратива характерен для священных генеалогий, в которых Христос рассматривается как действительный Сын Божий, а не как историческая личность. Создатели мемуаров могут быть абсолютными атеистами, но не в состоянии освободиться от этого шаблона.

В то же время вымышленные нарративы используются не только при создании индивидуальных мемуаров. В XX в. возникло целое направление исторической антропологии, которое использует те же источники при описании истории наций. В последнее десятилетие эта интеллектуальная мода захватила и Россию. Поэтому следует подчеркнуть различия между индивидуальными и национальными фантазиями.

Индивидуальные нарративы имеют начало и конец. Они более или менее связаны с генами родителей и социальными обстоятельствами. Герои мемуаров исполняют свою роль на социальной и исторической сцене для того, чтобы оставить после себя следы славы, влияния и власти. Тогда как нации точной даты рождения не имеют. А попытки их умерщвления пока еще не рассматриваются как естественный факт. Обычно такие попытки квалифицируются как разновидность Апокалипсиса. Книжный рынок заливает литература о красном терроре против русского народа, еврейском холокосте, украинском голодоморе, африканском геноциде или просто о вырождении малых народностей.

У авторов мемуаров всегда есть предки более или менее отдаленные. Во многих случаях генеалогия служит предметом гордости и самолюбования. Тогда как ни одна из ныне существующих наций не выводит собственного первопредка от Адама и Евы или Иисуса Христа. Значит, его и не было. И потому биография наций не может быть написана «от самых истоков», т.е. с самого начала, евангелически, через длинную цепь порождений. Единственная альтернатива - писать историю наций с конца. Но и конец есть пункт, который не может быть точно установлен. Неопределенность начала и конца дает источник для бесконечных спекуляций. Они могут быть обнаружены в историографии любых наций при обсуждении вопроса о первопредках и образуют бродячий сюжет всех моделей национализма[588].

Сама распространенность подобных процедур свидетельствует о том, что началом любой нации является *смерть*. Она началась в новое время. Именно тогда началось преобразование шаблонов индивидуальной генеалогии в генеалогию групповую. Абсолютное большинст-

[588] Если речь идет о русской нации, то свежими примерами таких упражнений являются «Велесова книга», хронологические исчисления академика Н.Фоменко и тому подобная макулатура, находящая читателей и почитателей. Аналоги могут быть обнаружены во всех государствах СНГ...

во индивидов до сих пор умирали, не оставив в истории никакого следа. Множество индивидуальных смертей структурируют анонимную историю нации.

В трудах Ф.Броделя подчеркивается значение множества анонимных смертей, которые суммируются и усредняются в таблицах смертности. Это позволяет прослеживать медленные и незаметные изменения условий жизни миллионов безымянных индивидов. Вопрос об их национальности практически не имеет смысла, поскольку такие сведения почти невозможно обнаружить. Зато история длительных временных протяженностей связала воедино биологию, географию и демографию. В результате было накоплено множество безжалостных данных о кладбищах, показателе смертности в разные эпохи, самоубийствах и убийствах, пытках и экзекуциях, войнах и геноциде. Эти данные являются эмпирическим материалом для написания истории европейских наций. Что касается наций Российской империи и СССР, то мне неизвестно, ведутся ли аналогичные исследования отечественными историками. Хотя анализ захоронений «новых русских» уже появился[589].

Образование многонациональных империй, а в результате их распада национальных государств - поворотный пункт на пути к групповой смерти. Прежде всего потому, что существуют универсальные характеристики многонациональных империй и национальных государств: государства, возникшие на развалинах империй, стремятся к самосохранению даже в крайне неблагоприятных обстоятельствах; распад империй доказывает устойчивость государства как политического фактора; это объясняется тем, что на имперской фазе существования государств они становятся «змеиным клубком интересов», зависимостей и карьер; лозунги нации и национализма, а также этничности используются для воспроизводства данного клубка.

В результате государство продолжает существование независимо от выполнения своей социальной роли. Государственные аппараты оперируют комплексом безличных показателей при управлении обществом. Ученые (географы, статистики, историки, археологи, социологи, политологи) заняты выработкой таких показателей. Поэтому государственные аппараты и интеллигенция выполняют роль предводителя группового самоубийства. А действительная история нации становится миллионами анонимных смертей, принесенных на

[589] Матич О. Успешный мафиозо – мертвый мафиозо: культура погребального обряда // Новое литературное обозрение. 1998, № 5/33

алтарь исполнения социальных проектов, вырабатываемых государственными аппаратами и интеллигенцией.

Структуралистский подход к проблеме наций и национализма может быть применен по отношению к любой группе людей, называющих себя нацией или этносом. При этом нет смысла полагать, что данная группа существует. Смерть - естественная характеристика индивидов и наций. И хотя каждый человек приговорен к смерти уже самим фактом своего рождения, он обычно не желает постоянно помнить этот факт и думать о нем. Отсюда следует, что диалектика *памяти и забытья* - ключевая манипулятивная процедура, которую используют госаппараты и интеллигенция при рефлексии о нации. В любом случае политическое бытие наций и этносов - лишь тончайший слой на поверхности универсальной анонимности и смерти.

14.6. Почва для дискуссии

Подход Андерсона к проблеме нации позволяет дистанцироваться от любого отождествления наций с государствами, а национальных интересов с интересами госаппаратов и интеллигенции. То же самое можно сказать об этносах, если данная категория используется для обоснования такого тождества. Проведенная систематизация позволяет расчистить почву для дискуссии по проблеме наций и национальных интересов России. Я имею в виду темы, которые обходят молчанием как современные российские национал-либералы, так и национал-консерваторы[590].

Прежде всего речь идет о категории официального бюрократического национализма. Я думаю, она представляет наиболее значимый результат исследований Б.Андерсона. Эта категория позволяет отвергнуть культуроцентристский, прагматический, идеологический подходы к пониманию природы наций и НИ, а также традиционное для русской общественно-политической мысли противопоставление России и Европы. Как было показано, русский бюрократический национализм впитал в себя все характеристики американского и европейского национализма. И в этом смысле служит до сих пор «недосягаемым образцом».

[590] Детальный анализ данных направлений политической мысли современной России см.: Межуев Б.В. Понятие "национальный интерес" в российской общественно-политической жизни // Полис. 1997, № 1

В то же время и структуралистская концепция нации несвободна от трактовки бюрократии как разновидности «инструментальной рациональности». Такая трактовка опирается на веберовское понимание бюрократии как «рационального управления». Оно длительное время было распространено в Европе и в США, а теперь стало популярным и в России. Между тем веберовская концепция рациональности является наиболее слабым звеном социологической теории этого крупного мыслителя. Мне уже приходилось писать о том, что официальное обществоведение СССР выполняло апологетическую роль в отношении советского властно-управленческого аппарата. Сегодня ту же самую роль выполняет веберианство и веберовская концепция рациональной бюрократии.

С этим уточнением другие выводы структуралистской концепции нации могут использоваться для дистанцирования от многовековой традиции отождествления национальных интересов России с интересами ее государственного аппарата и интеллигенции. Эти выводы относятся также к другим государствам СНГ, если их государственные аппараты используют модель бюрократического национализма (с дополнениями, взятыми из американской и европейской модели) для собственной легитимизации.

Можно исходить из того, что русская нация (как и все остальные) есть воображаемое сообщество - вымышленная мнимая общность. Она выдумана русской бюрократией и интеллигенцией и существует в однородном пустом времени. Бытие этой мнимой общности связано с комплексом политико-идеологических ритуалов. Они до сих пор легитимизировали деятельность политиков, госаппарата и интеллигенции России. Мера согласия населения страны с данными ритуалами пока еще обусловлена пассивным потреблением продуктов властно-интеллигентского творчества. Сколько времени продлится такое потребление, пока неизвестно.

Зато определенно можно сказать, что внутри населения России никогда не существовало братства. Поэтому как онтологическая реальность русская нация не существует. Всегда было и есть несколько русских наций. Из них политического воплощения добились только те, которые были согласны с господством госаппарата над населением территории, обозначаемой на политических картах как Российская империя, СССР или Российская Федерация. Несогласные с монархическим, советским и современным господством госаппарата пока

еще не имели возможности интегрироваться и проявить свою политическую волю. Прежде всего потому, что в российском обществе пока не сложилось большинства, свободного от потребительского, терапевтического и менеджерского отношения к действительности. Значит, и демократия остается делом будущего. Сколько времени потребуется для реализации этой возможности? На этот вопрос не возьмется ответить ни один теоретик в мире. Хорошо уже то, что структуралистская концепция нации позволяет его поставить. И получить промежуточный ответ: без стремления реализовать данную возможность любой дискурс на тему наций, этносов и национальных интересов будет скрывать текущие или перспективные интересы госаппарата. К каким непредвиденным последствиям они приведут - тоже ответить трудно.

Русский язык, официальное православие и ленинско-сталинская версия марксизма, а также их лингвистические и идеологические гибриды до сих пор выполняют роль генераторов мнимой общности русской нации. У нее нет ни точной даты рождения, ни общего предка. Зато есть начало анонимной смерти. Оно связано с образованием Московского государства и Российской империи. Поворотным пунктом на пути к групповой смерти стало образование СССР. На протяжении своего существования аппарат этого государства уничтожил большее число жителей страны и окрестных территорий, чем во всей предшествующей истории России. Если отождествлять жизнь населения географической ойкумены России с данным государством, то его главный интерес состоял в физическом, нравственном и политическом умерщвлении народов. А госаппарат и интеллигенция России всегда руководствовались своекорыстием, властолюбием и стремлением к духовному господству. Следовательно, даже малейшее отождествление интересов конкретных людей с национальными интересами скрывает горы физических, нравственных и политических трупов, принесенных моими соотечественниками на алтарь бюрократического государства.

Физические трупы лежат в земле. Нравственные и политические живут и порождают наследство. В этом наследстве главная роль принадлежит бюрократическому национализму. Госаппарат России продолжает разрастаться и не отказался добровольно ни от одного из элементов данного национализма. Россия продолжает участвовать в войнах между другими государствами СНГ, ведет войны на своей территории, продолжает продавать оружие всем желающим из числа

других государств, эксплуатировать природные и человеческие ресурсы и не собирается войти в число стран, сделавших сохранение природной и социальной среды главным направлением государственной политики. Все эти действия есть результат существования ведомств обороны, МВД, МИД, ФСБ, связанных с ними других министерств и средств массовой информации. Эти отряды госаппарата и принадлежащие к ним социальные и профессиональные группы продолжают конкурировать между собой, претендуя на выполнение ведущей роли на политической сцене. Между тем мне не попадалось исследований, в которых бы было доказано, что деятельность данных ведомств совершенно свободна от официального бюрократического национализма во всех его составных частях. Следовательно, нельзя утверждать, что вся структура данных ведомств выражает национальные интересы России.

Как уже говорилось, русский бюрократический национализм есть синтез американского и европейского. Русская интеллигенция развивала и продолжает культивировать все модели национализма. Поэтому проблема заключается в описании всех аспектов и последствий связи интеллигенции с госаппаратом. Не менее важны изучение и типология главных мотивов поведения всего остального населения. Особенно в том случае, если оно не противодействует всем составным частям бюрократического национализма.

Возможность достижения вершины (жительство и должность в столице) - важный критерий генезиса бюрократического национализма. Чем большее число жителей страны движимы этим мотивом, тем больше вероятность национализма в центре. Причем понятия «центра — провинции» изобретены бюрократией и журналистикой. Госаппарат Российской империи и СССР связывал различные социально-экономические уклады и способствовал генезису национальных идеологий. Одновременно он оставлял в неприкосновенности прежнюю структуру властных отношений. Рост бюрократии снимает различие между «развитыми» и «отсталыми» странами. В России сегодня популярны «евразийская» и «атлантическая» геополитические концепции. Они отражают двойную идентичность русской бюрократии и интеллигенции, являются разновидностями европоцентризма и расизма.

Русские революции XX в. воплотили в жизнь связь интеллигенции и бюрократии. И в этом смысле связали Россию с Францией,

Германией и Италией, в которых тоже существовала данная связь. Поэтому русские революции не только усилили бюрократический национализм Российской империи, но и способствовали культивированию патриотизма и расизма как политических и идеологических следствий мнимой общности русской нации. Патриотизм и расизм непроницаемы для рациональной рефлексии. Они базируются на чувственно-эмоциональных формах восприятия действительности, которые выполняют роль невидимой физической реализации мнимой общности.

В нынешних дискуссиях значимое место занимает категория этноса — модифицированное и осовремененное понятие расы. Становление этносов неотделимо от имперского прошлого России в ее монархической и советской формах. Главные государственные ведомства, а также ученые, апологетически относящиеся к интересам данных ведомств, способствовали отождествлению критериев расы и этноса. Приписывание этносам политического значения (а такая тенденция тоже существует в современной России) - результат еще большей (по сравнению с отождествлением нации и государства) бюрократизации политики, управления и социальных наук. Так что современная демографическая и этническая топография России есть следствие указанной тенденции.

Итак, понятие бюрократического национализма может быть отнесено ко всем нациям и этносам, которые раньше входили в состав СССР, а теперь образуют самостоятельные государства или претендуют на такую самостоятельность. Структуралистская концепция нации позволяет дистанцироваться от любого автохтонного национализма (украинского, грузинского, татарского и т.п., список должен включать перечисление всех наций и этносов, принадлежавших к СССР), а не только от его американской, европейской и русской модели.

Для увеличения такой дистанции требуется детальное изучение и систематизация всех противоречий национализма в СССР (России) на уровнях отношений, деятельности и сознания. То же самое можно сказать о влиянии данных противоречий на современные экономические, политические и идеологические процессы в России и СНГ. Особенно важно проследить институционализацию национализма в деятельности главных государственных ведомств, поскольку они продолжают претендовать на выражение национальных интересов.

Одновременно надо выявить национально-бюрократические стереотипы и схемы мышления в религиозных (православие, ислам и вообще все конфессии и секты, ныне существующие в России) и светских (либерализм, консерватизм, социализм) идеологиях России. Ни одна из них не свободна от этатизма.

В цикле работ по проблеме бюрократии я ввел понятие «идеологической бюрократии» для обозначения глубокой связи интеллигентского, бюрократического и политического мышления. Структуралистская концепция нации позволяют усилить эвристичность данного понятия. В частности, следует доказать, что социальные науки в России (политическая экономия, статистика, демография, этнография, география, история, социология и политология) по познавательным и социальным целям принципиально отличаются от своих европейских собратьев. Однако доказать вряд ли удастся. Наоборот: в истории России XX в. весь комплекс естественных и социальных наук был подчинен власти намного больше и изощреннее, нежели в Европе[591]. Сколько времени потребуется для освобождения от этой зависимости, не говоря уже о свободе от рынка, - трудно сказать. Значит, можно исходить из того, что социальные науки России пока остаются институтами власти. Они выражают ее интересы и выполняют функцию контроля над территорией и населением страны. Проблема состоит в описании всех познавательных и институциональных форм такого контроля в прошлом и настоящем России. С точки зрения генезиса язык социальных наук есть разновидность религиозного языка. А по функциям — модификация бюрократического языка, образующего основу современного стиля политического мышления.

Таким образом, структуралистская концепция нации позволяет расчистить почву при обсуждении проблем нации, национализма и национальных интересов. Ни русский язык, ни православная религия не связаны с русской нацией как территориальной общностью и Российским государством в его имперской, советской и современной формах. Любое постулирование такой связи оправдывает отождествление интересов госаппарата с интересами населения. Язык журналистики не может быть использован при обсуждении данной

[591] Литература по этому вопросу громадна. Укажу лишь две книги: Грэхем Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991; Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. Отв.ред. Колчинский Э.И. СПб, Дмитрий Буланин, 2003

проблемы, поскольку как раз журналистский корпус насаждал представление о нации как онтологической реальности.

Язык социальных наук все же может быть использован. Прежде всего потому, что никакого другого нет. Однако лишь в той степени, в которой юридические, экономические, демографические, этнографические, историографические, социологические и политологические концепции противостоят интересам госаппарата и не могут быть использованы в процессах политической манипуляции обществом. В этом и состоит главная когнитивно-политическая проблема. Она далека не только от решения, но и от трезвого осознания.

Для усиления такого противостояния, безусловно, надо переосмыслить следующие элементы бюрократического национализма: имперскую систему образования; иерархию как социальное и политическое отношение; манипулятивную роль столицы в стране; идею абстрактного (безличного) и персонифицированного государства; русский государственный макиавеллизм; концепции социального и политического организма; историографические концепции, обосновывающие особую роль государства в истории России; идею «образца» при сравнении различных стран и регионов внутри страны; региональные идеологии, поскольку они укрепляют центро-периферийные связи; связь административных и политических единиц с понятиями родины, отчизны, отечества; связь религиозного сознания с политическим.

Не надо специально доказывать, что все перечисленные феномены пронизывают современную форму существования людей на территории, обозначаемой на картах как «Российская Федерация». Как от них освободиться? Это вопрос особый. По крайней мере, концепт бюрократического национализма меняет набор теоретических проблем при обсуждении состояния и перспектив развития страны. Я имею в виду проблемы суверенитета, права наций на самоопределение, сепаратизма, отношений между нацией как абстрактной общностью и народом как множеством эмпирических индивидов, роли аннексий и перераспределения в существовании современных государств, классических и современных форм расово-этнической и национально-политической дискриминации, сравнения познавательного и политического значения аргументов в пользу того или иного пути развития наций и т.д.

За последнее десятилетие возник целый ряд новых и нетривиальных подходов к обсуждению данных проблем. Подобно структуралистской концепции нации, они фиксируют кризисные явления в современном развитии общества и стремятся выйти за узкие границы всех идеологий.

Глава 15.
Бюрократический индивидуализм

В политической философии в 1980-1990-е гг. сложилась школа социальной и политической мысли под названием коммунитаризм. Его главными представителями являются М.Сандел, М.Уолцер, А.Макинтайр и Ч.Тейлор. В эти же годы они опубликовали ряд капитальных исследований, которые сегодня широко обсуждаются в международном научном сообществе. В России об этих концепциях и главных темах дискуссии, порожденной коммунитаризмом, почти ничего не известно. В то же время коммунитаризм постепенно превращается во влиятельную политическую идеологию современности.

Коммунитаристы ставят и решают три взаимосвязанных проблемы: тотальная критика современного индустриального общества в его капиталистической и социалистической формах, включая все его социальные и политические институты; отбрасывание главных политических идеологий современности (либерализма, консерватизма, марксизма и социализма), поскольку каждая из них внутренне противоречива и породила множество непредвиденных следствий на практике; обоснование значимости идеала братства. Рассмотрим эти темы конкретно.

15.1. Критика современного общества

В коммунитаризме главная задача философии и всей системы социальных наук усматривается в разработке теоретических основ глубинной критики современного общества. А также всей системы политических дебатов, посредством которой обсуждаются проблемы этого общества. В демократических странах Запада данная система претендует на «рациональность». По мере социальной трансформации она заимствуется Россией и другими странами Восточной Европы. Данная система считается эффективной и не отвергается целиком ни одним из направлений современной социально-

политической мысли и практики. Либерализм, консерватизм и социализм находят в демократии свою нишу.

То же самое относится и к академическим дискуссиям в системе социальных наук. Наряду с политическими дебатами они характеризуются абсолютным произволом и не имеют никакого отношения к рациональности. В современных политических спорах и академических дискуссиях используются несоизмеримые аргументы. Альтернативные посылки каждой из сторон не содержат никаких рациональных критериев для оценки аргументов другой стороны.

Политические дебаты и дискуссии ученых — это столкновение различных воль. Каждая из них руководствуется произвольным выбором. Посылки, концепции и аргументы дискутирующих сторон восходят к разным историческим истокам и контексту. А философы и теоретики всегда неполно и избирательно отражают историю культуры. При таком положении любое использование так называемых « объективных и безличных» критериев — в виде логики, юридических и академических процедур — ведет к доминированию воли психически более сильного и ловкого типа над другими.

Иначе говоря, научные и властно-политические критерии в современных
политических дебатах и академических дискуссиях уже давно стали неразличимыми. Эмотивизм в этике и волевая концепция власти в политике служат «теоретическим» обоснованием их отождествления. Но если эмоции и воля превращаются в комплексы классов суждений, то возникает логический круг в доказательстве. Эмотивизм в этике и волюнтаризм в политике являются наиболее распространенными концепциями. Если согласиться с их сторонниками, то никаких существенных различий между противоположными суждениями об одних и тех же фактах и объектах не существует. Однако само выражение чувств и воли является не функцией суждений, а функцией их использования в определенных обстоятельствах. В результате открывается широкое поле для манипуляций.

Таким образом, коммунитаризм ставит под сомнение всю методологию
социального познания. Акцент на исследование манипулятивных отношений в обществе, использующем демократические институты, — главный нерв коммунитаристской концепции[592].

[592] См.: Макаренко В.П. Технократические мамлюки. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, 2000

Социальные фигуры и демократическая личность. Современное так называемое «гражданское общество» разделено на две_сферы: множество организаций, в которых цели и ценности полагаются данными и не подлежат обсуждению; множество индивидов, вовлеченных в обсуждение вопроса о ценностях, но не обладающих возможностями рационального решения социальных проблем. В каждой из данных сфер отражены интернализация и репрезентация индивидов. Но главные фигуры социальной жизни полагаются неизменными и не подлежат обсуждению. О каких же фигурах речь?

При ответе на этот вопрос коммунитаристы отвергают ролевую концепцию общества и связанную о ней либеральную социологию. Современное общество состоит не из множества социальных ролей, а из нескольких ключевых фигур.

Социальная фигура — это типологическая конструкция. Она предписывает определенные правила поведения людям, выполняющим социальные роли. Фигура содержит в себе драматические и моральные мотивации. В ней сливаются роль и личность. А возможности действия определяются более конкретно.

Социальные фигуры представляют определенную культуру. Специфика культур определяется типичными свойствами выступающих в них фигур. Для описания данной специфики требуется выделить в них и описать фигуры, обладающие репрезентативностью на длительных промежутках времени. Независимо от социальных и политических преобразований. Идеи и теории могут воплощаться в жизнь только благодаря фигурам. Одновременно фигуры служат масками. Человек надевает их на себя под влиянием общественного мнения, философских, этических и политических теорий.

Например, культура викторианской Англии определялась фигурами Директора школы, Путешественника и Инженера. А культура вильгельмовской Германии — фигурами Офицера, Профессора и Социал-демократа. В современном обществе типичными фигурами являются Эстет, Менеджер и Терапевт.

Первообраз Эстета восходит к аристократии прошлых веков. Она обладала свободным временем для воспитания и культивирования этического и эстетического вкуса. На протяжении последнего столетия Эстет преобразовался в тотального Потребителя. У него нет времени для формирования самобытного вкуса, и потому он

довольствуется шаблонами, которые культивируются рекламой. Первообраз Менеджера восходит к прусскому Офицеру. Фигура Терапевта восходит к представителям юридических и духовных (идеологических) сословий. Они уже давным-давно пытаются врачевать общественные нравы.

Все фигуры могут сосуществовать в одном и том же индивиде. Они порождаю и укрепляют друг друга. Общая характеристика современных социальных фигур - ликвидация различия между манипулятивными и неманипулятивными социальными отношениями во всех сферах действительности. Менеджер не интересуется вопросом о целях организационных структур, а Терапевт считает пустым звуком вопрос о целях человека. Эти цели устанавливаются без соотношения с комплексом концепций человека (экономического, политического, религиозного, производящего, играющего и т.п.), существующих в культуре. Менеджер сосредоточен на технологии преобразования сырья в готовый продукт, инвестиций — в прибыль, неквалифицированной рабочей силы — в квалифицированную. Терапевт занят технологией по преобразованию тела и души индивидов в идеальные винтики современного социального организма. По сути дела, весь комплекс социальных ролей и профессий вписывается в данные характеристики.

Все фигуры при выполнении ролей не обсуждают проблему оснований
собственного социального статуса. Они осознают себя и воспринимаются другими людьми как « необходимые» элементы социальной жизни. Поле деятельности социальных фигур ограничено стремлением к достижению « консенсуса» с кем угодно. А сама сфера деятельности предстает перед ними как комплекс фактов, средств достижения Целей и калькулируемого успеха. В результате ценность истины в современном обществе подменяется ценностью успеха - экономического, организационно-управленческого, психологического, политического, идеологического. Однако успех любого действия нисколько не свидетельствует о его истинности. Тем не менее подмена истины на успех легитимируется главными идеологиями современности (либерализмом, консерватизмом, марксизмом) и их философскими продуктами (прагматизмом и постмодернизмом). Словарь потребительских, менеджерских и терапевтических действий сегодня пронизывает всю сферу повседневной жизни, образо-

вания, религии, средств массовой информации, политики и социальной науки.

Социальный статус Эстетов-Потребителей, Менеджеров и Терапевтов определяется их местом в иерархии знаний и навыков. Сама же иерархия как определенное и потому ограниченное социально-историческое отношение не ставится под сомнение. В результате устраняется принципиальная противоположность между демократическим содержанием познавательных, моральных и политических проблем, на решение которых нет ни у кого монополии, и монополией отдельных социальных групп на менеджерскую и терапевтическую деятельность. Столетний спор между представителями разных направлений элитаризма в политике, управлении и социальных науках маскирует данную противоположность.

Все указанные характеристики социальных фигур отражены и в личностной сфере современного общества.

Демократическая личность не обладает ни стабильной социальной идентификацией, ни устойчивыми моральными принципами, ни постоянными политическими предпочтениями. В результате все сложившиеся в новое время теории социальной структуры, системы морали и политические идеологии потеряли смысл. Демократическая личность готова быть кем угодно. Выполнять любую социальную роль. Голосовать за любого кандидата в политические структуры государства. Исповедовать любую религию. И соглашаться с любой концепцией и точкой зрения, если только они не нарушают общих правил потребительского, менеджерского и терапевтического отношения к действительности.

Демократическая личность сама по себе ничего не значит и не обладает никакими отличительными признаками, кроме преемственности тела. Правда, люди обладают памятью. Однако в современном обществе память подвергается постоянной коррозии. Функционирование памяти в тоталитарных и демократических обществах в принципе одинаково. Забытье стало главной характеристикой современного общества. Гонка информации и интеллектуальные моды (типа постмодернизма) заменяют обсуждение принципиальных моральных, политических и мировоззренческих проблем. Поэтому преемственность тела стала главным носителем демократической личности.

А тело было и остается комплексом желаний, потребностей и эмоций. В итоге тотальный произвол стал нормой жизни современного общества. Ни о какой его рациональности не может быть и речи. В настоящее время не существует такой рациональности, которая способна нарушить приоритет средств над целями в любой сфере социальной и индивидуальной жизни. Произвольный субъективный выбор, освященный в либерализме, стал пределом обоснования любых действий. В его основании лежит принцип «я хочу». Он не базируется ни на каких строгих рациональных критериях и потому без труда проник в методологию исторических и социальных наук.

Между тем политические дебаты и академические дискуссии в современном обществе не фиксируют ни раскол общества, ни причины господства в нем описанных социальных фигур со всеми их свойствами. Дебаты и дискуссии продолжаются в русле старого спора между индивидуализмом и коллективизмом.

Индивидуальные и коллективные ориентации могут выступать в любых доктринальных и политических формах — либерализме, консерватизме, марксизме и социализме. На одном полюсе выступают сторонники индивидуальной свободы, на другом — апологеты государственного контроля и распределения благ. Но никто не противодействует господству в обществе указанных социальных фигур. Следовательно, индивидуалисты и коллективисты в либеральном, консервативном, марксистском и социалистическом «маскхалатах» согласны с расколом общества на две стороны: индивиды, обладающие свободой, суверенностью и выбором, и властно-управленческие аппараты государства, обладающие теми же свойствами для пресечения свободного и суверенного выбора индивидов.

В результате такого «консенсуса» политика современного общества осциллирует между негативной и позитивной свободой. Иначе говоря, предельно несвободные социальные фигуры ведут борьбу за свободу: «Общество, в котором мы живем, это общество, где бюрократия и индивидуализм в равной мере являются как партнерами, так и противниками. И эмотивистское Я чувствует себя вполне уютно как раз в культурном климате бюрократического индивидуализма»[593].

[593] Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / Пер. с

Предварительно заметим, что в коммунитаризме понятие бюрократического индивидуализма выполняет методологическую и эвристическую роль. Оно позволяет систематизировать ряд исследовательских, социальных и политических проблем, неразрешенных в либерализме, консерватизме, марксизме и социализме. Коммунитаризм - это попытка выйти за пределы институциализованной социальной науки, политики и идеологии. Речь идет о первом этапе на пути осознания бесплодности либеральных, социалистических и консервативных реформ и революций. Требуется интеграция знания о властно-управленческих аппаратах государства, под каким бы политическим и идеологическим прикрытием они ни выступали. Надо создавать такие концепции, которые могут стать основанием политических программ, направленных против любых правительств и властно-управленческих аппаратов. В коммунитаризме уже сформулированы конкретные предложения для реализации данной задачи.

Манипуляция и политическая риторика. Бюрократический индивидуализм определяет сферу манипулятивных отношений в современном обществе. Менеджер выступает в маске демиурга социальной жизни. Потребители и Терапевты созерцают его действия и заворожены умениями. Бюрократические структуры существуют во всем мире в виде частных, семейных, национальных, транснациональных корпораций и правительственных агентств. Они устанавливают задачи абсолютного большинства членов современного общества и охватывают социальную жизнь в целом. Любая организация вовлечена в борьбу за средства достижения сверху установленных целей. Ее руководство занято управлением материальными, финансовыми и человеческими ресурсами. Все организации руководствуются официальной и неофициальной (явной и скрытой) дефиницией расходов и прибылей. Теневая экономика, политика и идеология стали универсальными явлениями современного мира. Именно из этого феномена вытекают критерии «рационального» и «успешного» отбора средств для достижения любых целей.

Критерии рациональности и успешности были первоначально сформулированы М.Вебером. В настоящее время они широко используются в различных социологических, политологических и ор-

англ.В.В.Целищева – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000, с.51-52

ганизационно-управленческих концепциях. А также в абсолютном большинстве всех экономических, политических и идеологических структур современного мира.

Коммунитаристы предлагают отвергнуть веберовскую (и родственные ей) теорию целиком. Прежде всего, потому, что она легитимизирует сферу манипулятивных отношений независимо от специфики социальных и политических систем. Концепция Вебера — частный случай тотального эмотивизма и произвола. Она не может использоваться для анализа современного общества.

Цели бюрократических организаций порождают конфликты ценностей. Эти конфликты не могут быть разрешены рационально. Выбор всегда связан с предпочтением одной иерархии ценностей всем другим. Этот выбор укоренен также в существовании классов, групп, наций, партий, аргументов, политических и религиозно-мировоззренческих систем. Следовательно, конфликт ценностей в концепции Вебера играет ту же роль, которая характерна для выбора классовой позиции в философии Маркса и Сартра или партийной позиции в политике Ленина и Троцкого. С мировоззренческой стороны все эти выборы вытекают из ницшеанской концепции «переоценки всех ценностей». Во всех случаях обоснование выбора остается чисто субъективным, хотя используемые аргументы претендуют на «объективное» отражение происходящих процессов. В этом контексте веберовская теория ценностей, социальной структуры и политического господства не являются либеральными и рациональными (как полагают до сих пор большинство последователей и исследователей Вебера), а марксистскими, экзистенциалистскими и эмотивистскими.

Для обоснования этого вывода коммунитаристы обращают внимание на повсеместный факт: в современном обществе индивидуальный выбор любой ценности, обязанности и способа поведения не может быть более рационален, чем выбор любого другого индивида. Отсюда следует, что все оценки, символы веры, религиозные и мировоззренческие системы в равной мере нерациональны. Это — чисто субъективные ориентации, вытекающие из чувств и тела индивидов. Тогда как стратегия внешнего воздействия на тело является универсальной характеристикой не только европейской, но и всех остальных культур. Поэтому никаких различий между религиозной, либеральной и социалистической репрессивной политикой

не существует. Легальное господство с присущим ему бюрократическим способом управления ничуть не более рационально по сравнению с традиционным и харизматическим.

Наконец, веберовская концепция власти и авторитета не дает возможности адекватно отразить специфику организаций, функционирующих в европейской культуре. Она затушевывает различие между манипулятивными и неманипулятивными отношениями. Согласно Веберу, цели бюрократии являются лишь средствами поведения и не могут избежать обслуживания материальных и властных интересов и идеалов. Кроме бюрократии никто не может апеллировать к «рациональности» и « успешности». Само использование таких аргументов означает, что только бюрократический авторитет может обладать властью. Однако в современной социологии организаций доказано, что всякий начальник влияет на мотивы и реальное поведение индивидов путем создания ситуаций, при которых подчиненные начинают мыслить и вести себя в соответствии с «логикой» начальства. Отношение такой «логики» к рациональным критериям было и останется проблематичным.

Надо учитывать и тот факт, что большинство индивидов заняты в организациях, которые тоже были созданы по частному и государственному произволу. Да и сами государства создаются и рушатся по произволу основателей государств, внутренних и внешних врагов. И чем больше организаций и государств существует в мире, тем больше сфера институционализованного произвола. Значит, поле рационального поведения индивидов на протяжении XX в. последовательно сужалось, а не расширялось. Следовательно, сами понятия свободы и суверенитета все больше теряют смысл.

Короче говоря, концепция «рациональной бюрократии» должна быть обращена против любых случаев ее использования в качестве «теоретического обоснования» приоритета одних обществ и систем управления перед другими.

То же самое относится и к популярной ныне концепции «открытого общества» К.Поппера. Теоретики коммунитаризма обобщили главные направления критики всей методологии и социальной теории М.Вебера и К.Поппера. В итоге обобщения сформулировано принципиальное положение: стремление к устранению конфликтов и «консенсусу» не является основанием легитимной власти правительств всех стран и руководства всех корпораций.

Дело в том, что бюрократический индивидуализм и иллюзия о «рациональности» систем государственного управления — следствия либерализма на практике и в теории. В либеральном обществе люди полагают, что они являются автономными и суверенными субъектами. Одновременно эти субъекты не противодействуют потребительским и бюрократическим видам практики. Рынок, бюрократия и правительства индустриальных стран втянули людей в систему манипулятивных отношений. Она воплощена в социальных фигурах Потребителя, Менеджера и Терапевта, постоянно развивается и совершенствуется. Каждый индивид в большей или меньшей степени является ее представителем и носителем.

С одной стороны, люди стремятся сохранить самостоятельность и суверенность. Приписывают данным качествам ценность. В ней отражено несогласие индивидов с тем, чтобы их трактовали как объекты манипуляции. С другой стороны, люди преследуют свои частные интересы и связанные с ними вкусы. Такое поведение возможно только в рамках манипулятивных отношений, быть свободными, от которых не удается почти никому. Поэтому поведение абсолютного большинства индивидов в современном обществе не может быть последовательным.

Непоследовательность выражается в том, что индивиды не ставят перед собой задачу отвергнуть рынок и властно-управленческие аппараты государств одновременно. Люди вынуждены определяться в отношении последних, а не наоборот. Об этом свидетельствуют продолжающиеся на всем протяжении XX в. дискуссии о роли рынка в обществе. И не менее бесконечная критика бюрократии, которая пока не привела ни к каким последствиям: «Теоретики неовеберовской организации и наследники Франкфуртской школы невольно объединяют свои голоса в хоре театра современности»[594]. Иначе говоря, понятия рынка и бюрократии, а также связанные с ними концепции гражданского общества и государства потеряли теоретическое содержание, превратились в элемент манипуляции. Более того, вся структура наиболее популярных понятий современного общества стала разменной монетой политической риторики правительств, политических партий и социальных наук.

[594] Макинтайр А. Указ. соч., с.46

Теоретики коммунитаризма аргументируют этот вывод путем тщательного лингвистического анализа содержания понятий прав человека, оппозиции, пользы и рациональности.

Как профессионально валять дурака. Понятие естественных прав человека возникло в классическом либерализме. Сегодня оно используется для обоснования банальности: индивидам не надо мешать в их стремлении к реализации жизненных целей, свободы и счастья. В период появления и обоснования данное понятие имело негативный смысл. Оно означало свободу человека поступать независимо от любых внешних обстоятельств. В XX в. смысл прав человека изменился. Под ними начали понимать некие позитивные права — на труд, образование, отдых, социальную защиту, — якобы присущие человеку от рождения. Однако ни в одном языке (древнееврейском, греческом, латыни, арабском, староанглийском, японском) нет термина для выражения того, что указанные права принадлежат человеку на основании факта его рождения и принадлежности к особому роду живых существ.

Существование таких прав (т.е. их онтологический статус) еще не удалось доказать ни одному религиозному и светскому мыслителю: «И самый недавний защитник таких прав Рональд Дворкин … приходит к выводу, что существование таких прав не может быть прдемонстрировано, и замечает по этому поводу просто то, что из того факта, что утверждение не может быть доказано, еще не следует, что оно не истинно. Это, конечно, верно, - саркастически замечает А.Макинтайр, - но то же самое может быть использовано для защиты утверждений о ведьмах и единорогах»[595].

В Декларации прав человека, принятой ООН, тоже не приведено ни одного аргумента для доказательства. А со времени ее принятия отсутствие доказательств стало общепринятой практикой международных отношений. В ее рамках наряду с традиционными правительственными организациями возник ряд международных организаций. Все эти структуры заняты производством многочисленных документов, несмотря на отсутствие доказательств ключевого понятия прав человека. Если таких доказательств нет, то нет и оснований отказываться от классической мысли Гегеля: вся сфера от-

[595] Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / Пер. с англ.В.В.Целищева – М.: Академический проекто; Екатеринбург: Деловая книга, 2000, с.99-100

ношений между государства был и остается воплощенным произволом. По сравнению с началом XX века число государств на земном шаре увеличилось более чем в четыре раза. Значит, число субъектов произвола до сих пор возрастает.

То же самое относится и к внутренней политике государств. Речь идет об оппозиции и других формах социального и политического протеста. Слово «протестовать» в латыни и французском языке первоначально означало свидетельство в пользу человека или констатацию существующего положения вещей. Оно содержало позитивный смысл. По мере становления демократических институтов смысл оппозиции стал негативным. Она начинает протестовать, когда нанесен вред несуществующим правам человека. Люди могут высказывать протест на улице, в СМИ и в парламенте. В любом случае они не в состоянии привести ни одного доказательства для обоснования истинности своих взглядов. Смысл протеста стал чисто эмоциональным, поэтому в любых странах оппозиция уже обращается не ко всем гражданам, а только к тем, кто согласен с ее посылками.

Следовательно, риторика оппозиции тоже каприз произвола. А успех оппозиционных движений или партий не может служить доказательством истинности или рациональности их концепций. Ни одна из классических политических идеологий (либерализм, консерватизм, марксизм, социализм) полностью не подтвердилась. Кроме того, З.Фрейд показал, что обнаружение скрытых мотивов произвола других людей обычно служит для маскировки собственного произвола. В современном обществе оппозиция выполняет именно эту функцию. Оппозиционные движения и партии институционализировались и перешли на содержание собственных правительств. Так возникла еще одна сфера иллюзорной политической деятельности.

В современном либерализме (в трудах И.Бентама) были введены понятия пользы и успеха. Но они внутренне противоречивы. Не дают возможности суммировать опыт и действия по достижению пользы как «суммы удовольствий» и не имеют конкретного смысла в жизни индивидов. Абстрактность данных понятий еще более увеличивается в политической и управленческой сферах.

Большинство практиков и теоретиков управления считают, что властно-управленческие аппараты корпораций и государств могут

сохранять нейтральность, обладая знанием для успешного достижения поставленных целей. Критерий успеха служит основанием социального авторитета данных аппаратов. Однако этот критерий крайне сомнителен: «Вся концепция эффективности … не отделима от модуса человеческого существования, в котором изобретательность средств является центральной частью манипуляции человеческими существами для достижения податливости структур поведения; и именно апелляцией к собственной эффективности в этом отношении менеджер выдвигает притязания на власть в рамках манипулятивного модуса»[596] (2, 148). Данная концепция способствовала появлению ряда дополнительных критериев эффективности, экономичности, оптимальности и т.д. Они господствуют в политическом и властно-управленческом жаргоне и большинстве книг по управлению.

Однако указанные критерии крайне абстрактны. Они могут обозначать любую деятельность в корпорациях, правительственных агентствах, профсоюзах и политических партиях. Кроме того, между любыми общими критериями и реальной деятельностью всегда существует зазор. Рано или поздно он приводит к конфликту. Поэтому концепция успеха и дополнительные критерии не могут использоваться для анализа и оценки деятельности властно-политических и управленческих аппаратов. Речь идет не только о веберовской концепции бюрократии, но и о множестве других подходов — бихевиористском, реляционистском, структурно-функциональном, системном и т.п. Все они объединены общей идеей о возможности научного или рационального управления обществом. Первоначально данная идея возникла в либерализме, а затем была позаимствована марксизмом, социализмом и неоконсерватизмом[597]. Это идея ложная по своей сути.

Вебер считал, что главным основанием легитимности бюрократии служит ее успешность, эффективность и рациональность. Но никаких конкретных указаний о возможности использования данных критериев при оценке властно-политических и управленческих аппаратов его теория не содержит. Поэтому все свойства бюрократии могут связываться с успехом. Однако долговременные соци-

[596] Там же, с.105

[597] См.: Игнатьев А.А. Наука и традиционная культура: социокультурные предпосылки радикального политического дискурса // Вопросы философии. 1991, № 4

альные и политические цели не могут служить критерием успеха ни отдельного чиновника, ни управленческого, ни властно-политического аппарата. По крайней мере, политическая динамика всех правительств XX в. этот критерий не подтверждает. Влияние случайных факторов увеличивается по мере роста периода времени. Тогда как оперативные цели постоянно меняются и тоже не могут служить критерием успеха. При таких обстоятельствах правительства и властно-управленческие аппараты могут манипулировать целями для доказательства собственной необходимости и профессиональной пригодности. Такая манипуляция достигает апогея в период избирательных кампаний. Поэтому успех действий правительств всегда обманчив. Понятие успеха служит для того, чтобы поддерживать авторитет политиков и власть управленцев». Следовательно, никаких оснований легитимности правительств, государственных и управленческих аппаратов не существует.

Отбрасывание легитимности государства со всеми его институтами — один из принципиальных выводов коммунитаризма. Вся структура главных понятий современного общества есть множество юридических и политических фикций. Они направлены на обеспечение индивидов, социальных и политических институтов « объективными и безличными» критериями. Но эта цель недостижима. Существуют фикции гражданского общества, государства, рынка, бюрократии и т.д. Все они являются следствием изобретения либеральной идеи! о свободном и автономном человеческом индивиде. Эта идея не поддается рациональному обсуждению. Она оставляет открытым вопрос: какой тип утверждений об индивиде и обществе следует признать приоритетным и как в его контексте оценивать другие утверждения?

Несоизмеримость системы фикций и реальной практики определяет суть политики современного общества. Индивидуализм формулирует свои требования в языке фиктивных прав человека. Бюрократические организации формулируют те же самые требования в языке фиктивной пользы и успеха.

В итоге юридический и политический язык маскирует реальное положение дел: «Если концепция прав и концепция полезности представляют при сопоставлении друг с другом пару несоизмеримых фикций, тогда используемые моральные идиомы могут в лучшем случае обеспечить видимость рациональности современных

политических процессов, но не реальность. Подражание рациональности в этих дебатах скрывает произвол воли к власти»[598]. В политических дебатах и академических дискуссиях теория и практика оценки полагаются воплощением «объективных и безличных» норм, образующих легитимизацию государства и власти, политики и управления. Но никаких универсальных правил рационального обоснования данных оценок и норм не существует. Поэтому сами постулаты «объективности и безличности», из которых либерализм, марксизм и веберианство выводили идею рационального управления обществом, являются иллюзорными.

Однако представление о рациональности государства и политики, власти и управления широко распространено. На нем базируется концепция «открытого общества» К.Поппера. Это представление и концепция в современном обществе функционируют таким же образом, как функционировало понятие Бога в средневековье. Во всех случаях речь идет о названии фиктивного объекта, который полагается существующим. На деле это представление выражает лишь произвол (чувства и убеждения) индивидов. История мысли показала, что все попытки рационального доказательства бытия Бога закончились крахом. То же самое относится ко всем современным попыткам доказательства «рациональности» властно-управленческих систем.

Правда, большинство политиков и управленцев полагают, что они занимаются делом, а не валяют дурака. Система СМИ внедряет в сознание жителей земного шара такой образ политико-управленческой деятельности. К Веберу и другим классикам теории организации и управления восходит идея о профессионализме (специализации) политико-управленческой Деятельности. В современном обществе пиетет перед профессионализмом стал неписаным правилом социальной жизни Широкое распространение получил институт советников-экспертов, подвизающихся во всех государственных и корпоративных структурах. Представление о социальной значимости политико-управленческой деятельности базируется на убеждении: властно-управленческие аппараты обладают знанием, позволяющим создавать организационные, социальные и политические структуры и управлять ими. Насколько обоснованно это убеждение?

[598] Там же, с.101

В коммунитаризме сформулирован однозначный ответ на этот вопрос: никакого профессионального политического и управленческого знания не существует, хотя контроль бюрократии над обществом стал реальностью; представление о профессионализме управленческого труда служит для идеологического маскарада такого контроля.

Этот вывод радикально отличается от представлений, широко распространенных в общественном мнении, политико-управленческих сферах и социальных науках. Для его обоснования теоретики коммунитаризма приводят эмпирические и теоретические аргументы.

Замкнутый круг ошибок. Эмпирические аргументы черпаются из наблюдения над социальной и политической жизнью США — одной из наиболее развитых демократических стран. В ней импотенция власти стала тотальной. Руководители корпораций не в состоянии контролировать их деятельность. Правительство уже давно предоставило общество его собственной участи. Поэтому граждане угнетаются не столько избытком, сколько полным отсутствием власти.

Одновременно происходил рост разнообразных учебных учреждений по бизнесу и менеджменту. Но связь между действиями управленцев и социальными процессами примерно такова, как между молитвой шамана о ниспослании дождя и реальным дождем. В обоих случаях никакой причинно-следственной связи не существует. Властно-управленческий профессионализм может приводить к успеху лишь случайно. Власть обычно стремится скрыть этот факт. Ибо при его обнародовании ее легитимность тоже надо рассматривать как случайную.

Фиксация случайности результатов властно-управленческого воздействия на общество связывает эмпирические аргументы против политико-управленческого профессионализма с теоретическими. Управленческое знание должно включать совокупность обобщений вероятностного характера, позволяющих предвидеть последствия управленческих действий. Главные претензии политиков и управленцев на социальный авторитет состоят из двух элементов: наличия определенной сферы фактов, относительно которых предполагается, что они не имеют отношения ни к каким аксиологиче-

ским системам; обобщений вероятностного характера и их применения к отдельным случаям и ситуациям.

Обе претензии выражаются в так называемой «теории управления» или «науке управления». Она уже давно институционализована. Существуют многочисленные вузы по бизнесу и менеджменту, а также система подготовки кадров для государственной службы. В большинстве индустриальных стран эти структуры процветают и принадлежат к самым престижным. Весь этот бюрократический Левиафан базируется на представлении об аксиологической нейтральности управленца. Оно совпадает с бродячим сюжетом о нейтральности естественных наук, а также с веберовским постулатом о возможности социальных наук, «свободных от ценностей».

Смысл данных претензий, представлений и постулатов может быть понят в контексте вопроса: как понятие факта стало мировоззренческой и идеологической предпосылкой бюрократии, ученых и политиков? Речь идет о проблеме фактуальности и ее значении во всей системе социальных наук.

В современной интеллектуальной культуре существует убеждение: наблюдатель и деятель находятся «лицом к лицу» с внешним миром и не испытывают никакого влияния со стороны теоретических конструкций. Однако это убеждение ошибочно. Оно связано с историческими фазами восприятия внешнего мира. Эти стадии всегда были включены в мировоззренческие системы.

Например, наблюдатели прошлых эпох видели на небе не звезды и планеты, а щели в небосклоне. Следовательно, любое непосредственное восприятие модифицировано общей картиной мира и определяется теоретически нагруженными понятиями.

В частности, указанное убеждение опирается на эмпирическое понятие опыта. Оно было культурной инновацией рубежа XVII—XVIII вв. Эта инновация послужила средством разрыва между иллюзией и реальностью. И стала основанием для выработки представления об объективном существовании мира фактов. Однако понятие опыта ничуть не менее частично, нежели приватные сны, галлюцинации и иллюзии.

Первоначально опыт означал действие по испытанию и проверке. В современной науке этот смысл фиксируется понятием эксперимента. В повседневном языке опыт означает длительность занятий какой-либо деятельностью (например, в суждении «У него

десять лет опыта руководящей работы»). Эмпиристское понятие опыта оставалось неизвестным на протяжении почти всей человеческой истории, за исключением последних трехсот лет. Естествознание просто установило новую демаркационную линию между иллюзией и реальностью. Механистическая схема объяснения связана с данной демаркацией.

Согласно У.Куайну, наука о поведении людей возможна лишь в том случае, если ее базисные утверждения описывают это поведение с помощью строго определенных понятий. Такие утверждения должны формулироваться в языке, который исключает цели и намерения индивидов. Но даже в этом случае об утверждениях социальных наук нельзя сказать, что они являются функцией истинности, поскольку данные утверждения не могут быть изложены в исчислении предикатов. Понятия социальных наук остаются неопределенными и не могут использоваться для доказательства и опровержения законов. Поэтому наука о человеческом поведении должна элиминировать интенциональные выражения.

А.Макинтайр предлагает поставить Куайна «с головы на ноги». Из человеческого поведения невозможно исключить цели, намерения и ценности. Поэтому социальные науки не могут быть совокупностью обобщений вероятностного характера. Однако на основе эмпирического понимания фактов Просвещение разработало постулат о предвидимости и возможности манипуляции человеческим поведением. Этот постулат связывает Просвещение со всеми формами либерализма. Если субъект согласен с традицией Просвещения и либерализмом, то он воспринимает свои действия совершенно иначе, нежели поведение других людей. Поведение людей, подвергаемых манипуляции, протекает в соответствии с намерениями и целями субъекта, которые он рассматривает как не подлежащие власти законов, управляющих поведением манипулируемых людей. В результате современное общество стало объектом произвола политиков, управленцев и ученых одновременно. Либеральное убеждение об авторитете рационального диалога и тезис Вебера о рациональности властно-управленческого аппарата отразил эту тенденцию.

В социальной действительности интеллектуальный проект Просвещения преобразовался в комплекс социальных ритуалов, которые выдаются за факты. Этот процесс был связан со становлени-

ем класса государственных чиновников и шел по-разному в каждой конкретной стране. Но ни буржуазные, ни социалистические, ни националистические политические революции и реформы не смогли его прервать. Одновременно возникала специальность ученого-эксперта по манипуляции разными сферами социального бытия. По мере унификации направлений государственной деятельности функции чиновника все более переплетались с задачами ученых-экспертов. После второй мировой войны эти функции стали неразличимыми. Данные процессы привели к тому, что политические лидеры и режимы могут меняться, а бюрократия и ученые-эксперты живут и здравствуют независимо от социальных и политических изменений.

В коммунитаризме поставлен принципиальный вопрос: можно ли вообще прервать эту тенденцию и в состоянии ли социальная наука предложить что-либо существенное для реализации задачи, которую не смогла пока выполнить ни одна революция? Дело в том, что либеральная и социалистическая идеологии способствовали становлению еще одной фигуры — Социального Реформатора. На него распространяются все характеристики других социальных фигур. Социальный Реформатор был продуктом воображения Сен-Симона, Конта, утилитаристов-либералов и фабианцев-социалистов. Они выработали еще один шаблон политической мысли: все социальные проблемы можно решить, если управление обществом станет научным. И в XX в. оно стало таковым.

Ни один Социальный Реформатор до сих пор не поставил задачу освобождения от потребительского, менеджерского и терапевтического отношения к действительности. Теперь правительства требуют от государственных служащих специального образования. Оно позволяет признать их экспертами по конкретным вопросам жизни общества. Современные правительства обеспечивают подготовку и трудоустройство наследников Социальных Реформаторов XIX в. И они вмешиваются во все сферы социальной жизни. Аналогичные процессы идут в корпорациях. Профессиональное знание чиновников-экспертов стало товаром. За обладание им конкурируют частные фирмы и правительственные агентства. Этот товар продается с биркой «Компетентный специалист».

Таким образом, либеральная и социалистические идеологии способствовали появлению веберовской теории бюрократии. А она

воплотилась в жизнь как идеология, оправдывающая социальный статус управленцев. Конечно, современные теории организации и управления отличаются от веберовской концепции. Но в каждой из них присутствуют постулаты о рациональности, успешности, эффективности, научных основаниях управленческого труда и тому подобная идеологическая абракадабра.

Процесс воплощения в жизнь данной идеологии включал следующие исторические этапы: просвещенческий идеал научного управления обществом завершился социальными революциями и реформами в различных европейских странах; революции и реформы легитимизировали бюрократическую практику и привели к ее небывалому расширению; этот процесс завершился кодификацией бюрократической практики в книгах теоретиков организации и управления; затем на основе данных книг были написаны учебники, которые сегодня изучаются в школах бизнеса, менеджмента и государственной службы.

Так завершился «замкнутый круг ошибок», если воспользоваться выражением М.Крозье. Сегодня во всех развитых странах господствует убеждение: властно-управленческие аппараты обладают оценочной нейтральностью и потому имеют право на вмешательство в социальную жизнь и манипуляцию гражданами.

Однако понятие профессионализма управленческого труда предельно расплывчато. А представители социальных наук пока не в состоянии ни предвидеть социальные события и процессы, ни классифицировать такие предвидения. Например, ни один экономист не предвидел стагфляции, пока она не проявилась на практике. Теоретики монетаризма систематически ошибаются в прогнозах степени инфляции.

Правда, в социальных науках сформулированы более конкретные обобщения: революции возникают в период роста социальных требований, которые вначале удовлетворяются, а затем тормозятся, из-за чего возникает массовая фрустрация; в жилых домах показатель преступности возрастает пропорционально до 12-го этажа, а затем выравнивается; существует принципиальное различие в понимании и трактовке права (законов) между полицейскими и судебными органами и ни одна политическая система не смогла его преодолеть; показатели социальной стабильности и преступности зависят от темпа модернизации, так что модернизирующиеся обще-

ства наиболее нестабильны и поражены социальным и политическим насилием.

Эти обобщения базируются на конкретно-социологических исследованиях и подтверждаются большим числом примеров. Однако все они обладают следующими свойствами: Функционируют в социальных науках наряду с опровергающими примерами; лишены квантификаторов, определяющих сферу достоверности; не содержат никаких указаний о том, как их применять в изменившихся условиях.

Иначе говоря, использование любого обобщения в процессах управления обществом лишь укрепляет манипулятивные отношения.

Ослепление и эффект «дохлой рыбы». Традиция Просвещения способствовала появлению такой схемы объяснения, согласно которой оно состоит в ретроспективном обобщении вероятностного характера, а предвидение — в проспективном использовании того же обобщения. Тем самым постепенное уменьшение числа неудачных предвидений есть признак прогресса науки. Однако еще никто не занимался систематизацией неудачных предвидений, высказанных на протяжении последних двухсот лет экономистами, социологами и политологами. Сами ученые обходят эту тему. В результате нынешнее поколение ученых в сфере социальных наук ничуть не больше может предвидеть будущие социальные процессы, войны и революции, нежели астрологи и другие чародеи. Практика использования результатов социальных исследований в манипулятивных целях стала правилом функционирования социальных систем. И ученые не выступают против этой практики, поскольку она обосновывает их социальный статус.

Итак, концепции факта, опыта, объяснения и профессионализма, сложившиеся в рамках Просвещения, породили хронические болезни всей системы социальных наук. Поэтому теоретики коммунитаризма предлагают называть Просвещение эпохой Ослепления. В ее рамках сформировались главные идеологии современности. А также сложились познавательная, институциональная и организационная структуры естественных и социальных наук и образования. Они существуют до сих пор практически в неизменном виде.

В эту эпоху философы, ученые и политики создали настолько сильнодействующие иллюзии, что сами потеряли способность видеть мир и мыслить о нем. Абсолютное большинство представителей естественных и социальных наук не смогли отказаться от сотрудничества с властью и использования науки во властно-политических процессах. Ученые стали государственными чиновниками. Это породило множество познавательных деформаций. Архетипическим примером может быть следующая ситуация.

«Однажды Карл II пригласил членов Королевского Общества и попросил их объяснить, почему дохлая рыба весит больше, чем та же самая рыба, но живая. Ему были даны самые тонкие объяснения. Затем король сказал, что вес-то одинаковый»[599].

Эффект «дохлой рыбы» многократно усилился на протяжении XX в. Например, применение теории игр для объяснения социальных процессов не учитывает неопределенности и обратимости ситуаций. Они связаны с неполным знанием индивидов, зависимостью их поведения от интересов, организационными и институциональными барьерами и т.д. Короче говоря, любое использование науки в процессах социального управления не учитывает принципиальной непредсказуемости будущих социальных событий.

В состав причин такой непредсказуемости входят: специфика радикальных понятийных инноваций; связь непредсказуемости индивидуального поведения и социальных (коллективных) действий; природа социальной реальности; возможность случайного совпадения обстоятельств.

Правда, в социальной жизни существуют и элементы предвидимости. Они связаны с необходимостью планирования и координации социальных действий, статистическими закономерностями, знанием причинно-следственных связей в природе и обществе. Однако социальная материя не имеет никаких других шансов противостоять манипулированию со стороны политиков, бюрократии и ученых-экспертов, кроме действительного стремления большинства индивидов к свободе. Для реализации такой свободы каждый индивид обязан сохранять непредсказуемость собственного поведения относительно всей системы социальных структур, институтов и технологий: «Мы … погружены в мир, в котором мы одно-

[599] Там же, с.128

временно стараемся сделать остальное общество предсказуемым, а нас самих непредсказуемыми»[600].

При таком понимании существа социальной жизни социальные науки должны культивировать другую модель объяснения: базироваться на тщательных социологических исследованиях, но вследствие индуктивного характера последних не претендовать на универсальные законы; строгие формулировки правил поведения социальных объектов сосуществуют с опровержениями любых обобщений; никакое множество обобщений (социальная теория и идеология) не имплицирует другое множество контрфактических суждений.

Отсюда вытекает, что по любому вопросу социальной жизни одновременно существуют взаимоисключающие конкурирующие теории. Но ни одна из них не может быть признана основанием для принятия любого политического и властно-управленческого решения.

Для выработки такой модели вся система социальных наук должна прежде всего отвергнуть традицию Ослепления и сложившиеся в ее рамках идеологии - либерализм, консерватизм, марксизм и социализм. Но выполнить эту задачу крайне сложно. И все же предпосылки для ее реализации существуют в линии Н.Макиавелли, особенно в его концепции Фортуны. Можно согласиться с итальянским мыслителем в том, что элемент Фортуны неустраним из социальной жизни. Остается неясным, как его измерить. Предварительная рекомендация теоретиков коммунитаризма звучит так: ученые в сфере социальных наук обязаны трактовать ошибку в предвидении как обычную неудачу, если она не является решающим примером-экспериментом фальсификации.

Для этого вся история всех социальных наук (политической экономии, социологии, политологии) должна быть переписана заново — под углом зрения ошибок и фальсификаций, а не успехов. Позиции ученых в социальных науках в решающей степени зависят от выбора определенных идеологий. Следовательно, теории либерализма, консерватизма, марксизма и социализма должны включать опровержения своих главных постулатов. То же самое относится ко всем концепциям, разработанным в рамках указанных идеологий. Такой истории социальных наук пока не существует. Но чисто ги-

[600] Там же, с.144

потетически можно сказать: предполагаемый реестр ошибок и фальсификаций не будет совершенно случайным. На его основе станут возможными новые классы обобщений. Какими они будут, пока невозможно сказать. Для этого вначале надо написать историю ошибок, неудач и поражений всех идеологий и социальных наук.

В социальной деятельности взамен ненаписанной истории организаторы социальной жизни (т.е. политики) стремятся преодолеть непредсказуемость путем создания новых организаций. Ученые «специалисты-эксперты» поддакивают политикам. Все организации до сих пор создавались для воплощения в жизнь определенных социальных проектов — от достижения дохода до создания государства и полного преобразования действительности в соответствии с целями той или иной идеологии. «Отцы-основатели» всех организационных структур стремились сделать собственную организацию абсолютно предсказуемой, направить ее на успешное достижение поставленной цели, сохранение в социальной среде, которая подлежит изменению. Наиболее яркими примерами в этом отношении являются Ленин и Гитлер и созданные ими партии.

Однако предвидимость и успех как свойства организаций исключают друг друга. Поэтому сами проекты создания целиком предвидимой в своих действиях организации, направленной на создание не менее предсказуемого общества, были осуждены на поражение с самого начала. Как известно, фашистская и большевистская партии рухнули. Но вторая просуществовала в три с половиной раза больше времени, нежели первая. Созданные в рамках фашистского и коммунистического социальных проектов государственные аппараты существуют до сих пор. Они обладают несокрушимой тенденцией собственного воспроизводства. Эта тенденция в коммунизме выражена значительно сильнее, нежели в фашизме. Речь не идет об обычной политико-бюрократической рутине — смене людей на множестве постов. Государственные аппараты индустриальных стран до сих пор опираются на просвещенческую идеологию и философию социальных наук. Пока ни одна страна не осознала в полной мере ослепляющий характер данной идеологии и философии. По крайней мере еще не было такого прецедента, чтобы какая-либо страна взялась за систематическое искоренение организационных структур, социальных групп, профессий и ролей,

возникших на протяжении последних двухсот лет. Все они шагнули в жизнь под эгидой просвещенческой идеологии и философии.

Зато в конце XX в. стало совершенно ясно: идеи успешности, рациональности, эффективности и профессионализма государственных и управленческих аппаратов являются наиболее опасными иллюзиями. Способности этих аппаратов к предсказанию социальных событий были и остаются нулевыми. А мера ответственности за отсутствие такой способности еще даже не сформулирована ни в одной системе конституционного и уголовного права. Кроме того, установившиеся способы социального управления не связаны ни с каким особым успехом. Здесь ситуация остается прежней: «Наш социальный порядок находится в самом буквальном смысле вне нашего контроля, ла и чьего-либо контроля. Да и вряд ли какой-либо порядок мог бы находиться под таким контролем»[601].

15. 2. Исчерпание политики

В современном обществе продолжаются бесконечные академические дискуссии и политические дебаты. В них участвуют фигуры Потребителя, Менеджера, Терапевта и Социального Реформатора. Каждая из них транслирует систему описанных иллюзий. Так возникают феномены, претендующие на «новизну».

Идеологические гибриды. Среди них важное место занимает переплетение разных идеологий. Например, становится все труднее провести различие между либерализмом и консерватизмом. Это видно из трудов теоретиков неоконсерватизма (И.Гилмора, Г.Кальтенбруннера. Р.Скрутона, Г.Шумана) и их политического закрепления в «Консервативном манифесте 1979». В число главных ценностей неоконсерваторы включают: нерушимость частной собственности; традиционализм; органическое общество; иерархический социальный порядок; демократические институты; сильное государство. По сути дела, неоконсерваторы списали лозунг частной собственности и демократии у либералов. Одновременно неоконсерваторы пренебрегают анализом реальных проблем, поставленных в процессе исторического и теоретического развития либерализма.

[601] Там же, с.147

Провозглашение частной собственности гарантией личной свободы породило неразрешимое до сих пор противоречие между экономическим человеком и гражданином. То же самое относится к принципу договора как основной социальной связи. Договорные отношения, которые навязаны под принуждением, не имеют договорного характера». Такие договорные отношения иллюстрируют лишь моральную нищету современного общества. Теоретическое юродство либералов ничуть не меньше.

С точки зрения либерализма не имеет значения тип контрактов, заключаемых индивидом. Договоры должны лишь соответствовать праву, главными принципами которого являются нерушимость частной собственности и негативная свобода. В результате не существует возможностей зафиксировать и теоретически отразить различие договорных отношений между агентами рынка в условиях свободной конкуренции, врачом и пациентом и женщиной, продающей свое тело сутенеру по причине материальных недостатков семьи. А неоконсерваторы включили принцип нерушимости частной собственности в число основных ценностей. Тем самым их моральная нищета, теоретическое юродство и политическая близорукость только усилились по сравнению с классическим консерватизмом.

Что касается стремления согласовать традицию с прогрессом, то эта процедура осуществляется за счет восходящего к Э.Берку разграничения между эмпирическим и рационалистическим мышлением. Предполагается, что только первое может быть источником прогресса.

Основные возражения коммунитаристов против такого хода мысли были описаны в предыдущем параграфе. Здесь можно добавить, что неоконсерваторы совершенно сбрасывают со счета аналитическое содержание понятия традиционализма хотя бы у М.Вебера. Германский социолог включал в состав традиционализма не только принцип «Лучше меньше работать, чем больше зарабатывать», но и государственные налоги, финансирование правительств и политических партий, торговлю валютой и ростовщичество с опорой на политическую власть и надеждой на большие дивиденды в будущем. Этим действиям он противопоставлял производительный капитализм, главной ценностью которого является труд, а прибыль — лишь неожиданным следствием.

Возникает вопрос: какое из государств и правительств на протяжении последних двухсот лет отказалось от государственных налогов и займов, финансирования правительств и политических партий, торговли валютой и ростовщичества? Достаточно этот вопрос поставить, чтобы убедиться в бесплодности неоконсервативного понимания традиции.

В свою очередь концепция органического общества списана неоконсерваторами у Руссо и Гегеля. Тот и другой были этатистами и обосновывали необходимость государственной регламентации социальной жизни. Тогда как идея иерархии обосновывает культ государства, является следствием соединения в мышлении теоретика религиозных и властных стереотипов мышления без серьезного анализа религии и власти.

В частности, если считать иерархию необходимым элементом социального порядка, то следует признать бюрократию не менее «органичным» социальным образованием по сравнению с семьей, соседской общиной, вероисповедальной, этнической и национальной общностью, гражданским обществом и т.д. В любом случае мы имеем дело с перенесением характеристик отдельной особи (животной или человеческой) на надындивидуальные образования. Спекулятивный характер такой процедуры обсуждался во второй главе. Кроме того, номиналистическая традиция в социальных науках оказалась ничуть не менее продуктивной, нежели традиция социального реализма. Последняя обычно питает консервативный способ мысли.

Короче говоря, современный консерватизм не является более последовательным по сравнению с современным либерализмом. Либерально-консервативные теоретики и политики не ставят под вопрос манипулятивное содержание политических институтов демократии. Если же государство ставит перед собой задачу защиты прав и свобод (несмотря на их мнимость), то оно не может быть гарантией органичности общества. Следовательно, неоконсерватизм лишь закрепляет стереотипы экономической, социальной и политической жизни и мысли, сложившиеся в Европе на протяжении последних двухсот лет. Против них как раз направлена коммунитаристская концепция.

Из предшествующего изложения видно, что коммунитаризм используетряд положений марксизма для критики современного

общества. Они применяются также для отбрасывания либерализма и консерватизма как форм теоретической рефлексии данного общества. Коммунитаристы считают марксизм как форму социальной критики по-прежнему актуальным для анализа главных проблем современности. В этом отношении позиция коммунитаристов значительно отличается от позиции большинства современных философов и политиков, считающих марксизм устарелым. Но для усиления теоретической значимости социальной критики коммунитаристы предлагают соединить марксизм с идеей радикального отбрасывания мира, сформулированной в христианстве. В этом случае теологическая критика земной действительности соединяется с философским отрицанием существующего положения вещей. Широко распространено представление о противоположности марксизма и христианства. Однако с точки зрения морали это убеждение является ложным.

Прежде всего потому, что марксизм был модификацией просвещенческой версии христианской теологии в интерпретации Гегеля. Марксизм — одна из многих христианских ересей. Об этом свидетельствует его формальная структура — комплекс мировоззренческих, метафизических и моральных проблем, подлежащих анализу и решению. Так, вслед за Фомой Аквинским Маркс придавал большое значение идее социальной справедливости. Эта идея была почти полностью позабыта официальной церковью и христианской теологией на протяжении XVIII—XIX вв. Маркс раньше других мыслителей заметил, что капиталистическое общество пренебрегает проблемой справедливости. Христианское представление о справедливости включает идею посмертного воздаяния за прожитую жизнь. Маркс преобразовал эту идею в понятие земной справедливости. Она может быть достигнута в бренной человеческой жизни.

В этом смысле марксизм никогда не устареет, как не устарели раннее христианство и протестантизм. Раннее христианство отвергало « блудницу Вавилонову» — погрязший в коррупции и разврате Рим. Протестантизм отбросил институционализованную религию с ее идеологическим аппаратом. В обоих случаях генерировался мощный критический потенциал . Он определил на тысячелетия и столетия главные направления социальной борьбы. Такой потенциал содержится и в марксизме. Он позволяет отбросить социаль-

ную реальность современного общества вместе с либерализмом и консерватизмом, обосновывающими необходимость сохранения статус кво. Но в состоянии ли юридические аппараты воплощать справедливость в каждом конкретном случае?

Справедливость и юридическая бюрократия. А.Макинтайр показал, что главный нерв связи либералов с консерваторами — манипуляция процедурной и распределительной концепциями справедливости. На первый взгляд, эти концепции противостоят друг другу. А в действительности обе они являются следствием мнимых прав человека. И не дают возможности справедливо решать юридические споры. На практике постоянно встречаются ситуации, когда невозможно точно определить право частной собственности (приобретения, наследования и обмена). Поэтому оно устанавливается в самом судебном процессе. Аппарат измерения справедливости стал «необходимым» элементом разрешения споров. Следовательно, все характеристики «рациональной бюрократии» относятся к юристам как социальной группе. Это значит, что ее поведение и мышление есть воплощение произвола и непоследовательности.

Социальная роль юристов полностью вписывается в фигуру Терапевта, пытающегося врачевать нравы. Еще никому не удалось доказать, что нравственность юристов выше, чем у других социальных групп. Наоборот, развитие юриспруденции привело к полному выталкиванию моральной проблематики за пределы судебного рассмотрения. В этом смысле юристы тождественны политикам. Одновременно те и другие не менее продажны, чем все другие люди. Они не свободны от произвольного толкования законов в пользу привилегированной стороны. Чем менее богат человек, тем более вероятность того, что применение любых концепций справедливости нанесет ему вред. В современном обществе нет согласия относительно базисных понятий прав, пользы и справедливости. И потому нет оснований считать существующие социальные связи органическими. Тем самым рушится базис политической жизни. Юристы уже почти двести лет пропагандируют концепцию правового государства. Но она уже давно стала элементом политического маскарада.

Для доказательства этого положения А.Макинтайр детально проанализировал практику решения имущественных споров. Типичную ситуацию он иллюстрирует судебным процессом между

индейским племенем вампаноаг и городом Мэшпи в штате Массачусетс. Город расположен на исконной земле племени. Поэтому потомки прежних владельцев утверждают: земля была отнята у них бесправно и неконституционно; она должна быть возвращена племени в соответствии с законом.

После обращения в суд началась обычная юридическая казуистика. Судебный процесс длится долго. Причем затягивают его сами юристы. Если та или иная сторона проиграет процесс в низшей инстанции, она имеет право обратиться к высшей. Однако во время процесса стоимость земли и недвижимой собственности в городе резко упала. Несмотря на это, продать ее стало невозможно. Это создало проблемы для домовладельцев, особенно пенсионеров и стариков. В соответствии с существующими законами они имеют полное право продать собственность. А по соображениям возраста желают переехать поближе к детям или родственникам. Теперь у них такой возможности нет. В чем же должно состоять справедливое решение? И правильно ли поступил суд, принявший решение в пользу города, а не индейцев — наследников бывших владельцев земли?

То же самое можно сказать о бесконечной дискуссии между сторонниками процедурной и распределительной концепций справедливости. Есть ли в ней какой-либо смысл? Помогает ли она понять юридические аспекты манипулятивных отношений?

Р.Нозик отстаивает процедурную концепцию. По его мнению, собственность принадлежит каждому индивиду справедливо, если он обладает ею на основании справедливого приобретения, распределения и обмена. Полностью справедливый мир должен состоять исключительно из людей, которые своим собственным трудом приобрели собственность или передали ее другим. Д.Роулс защищает распределительную концепцию. Социальные и экономические неравенства должны распределяться так, чтобы они приносили наибольшую пользу наименее привилегированным индивидам и группам. Существуют два главных принципа справедливости: каждый индивид должен обладать правом на самую широкую и целостную систему равных основных свобод, которая должна быть согласована с аналогичной системой другого индивида; существующие неравенства должны распределяться таким образом, чтобы они соответ-

ствовали принципу справедливого сбережения и доступности должностей в условиях действительного равенства шансов.

Однако приведенная ситуация (судебный спор между индейским племенем и жителями города) показывает, что на практике невозможно установить, какие индивиды и группы являются наименее привилегированными и какие субъекты имеют право на спорную собственность на основании ее приобретения и обмена. Право такого определения принадлежит юридической бюрократии и служит основанием социального статуса и авторитета сословия юристов. Может ли быть справедливой эта социальная группа?

В коммунитаризме сформулирован однозначный ответ: юристы не могут быть справедливыми! Потому что в современном обществе нет каталога основных человеческих добродетелей. Принципы измерения, содержание и характер добродетелей остаются неопределенными. Понятия пользы, негативной свободы, прав человека, рационально действующего индивида и т.д. тоже не могут служить основанием моральных и политических добродетелей. Ибо данные понятия просто не соответствуют действительности. Следовательно, использование юридическим аппаратом процедурной и распределительной концепции не может дать справедливого решения социальных проблем.

Причем различные представления о справедливости существуют также в странах (Германия, Италия, Россия), в которых моральные и политические критерии длительное время преобладали над правовыми. В этих странах концепция «правового государства» обычно используется для маскировки фундаментальных и неразрешимых проблем. Особенно опасно, если за их решение берутся юристы. Процедурная и распределительная концепции не могут освободиться от правового позитивизма и точно описать данные конфликты. Чем больше мораль и политика довлеют над правом, тем больше шансов несправедливого решения всех юридических дел.

Для доказательства этого положения в коммунитаризме разработаны идеальные типы фигур, вступающих в конфликт во всех судебных делах. На одном полюсе находится честный индивидуалист, воспетый идеологами либерализма. Он может выполнять любую профессиональную работу. Зарабатывает все блага честным трудом, используя их для воспитания детей, призрения родителей и т.д. Однако его честный труд находится под постоянной угрозой

роста государственных налогов. Например, подоходный налог был установлен в Англии более двухсот лет назад как временная мера. Затем он стал постоянным и ни одно правительство не собирается от него отказываться. Священники взимали требу за крещение, свадьбу и отпевание мирян. Но, например, самое атеистическое государство (СССР) перехватило у клира эту инициативу и сделало ее направлением фискальной политики. Честный индивидуалист считает любой рост государственных налогов несправедливым. Если накопление собственности не было связано с нарушением законов, то государство не имеет права проводить фискальную и финансовую политику (т.е. устанавливать цену денежных единиц) без предварительного согласия всех граждан. Но ни одно государство даже не ставит этот вопрос. Следовательно, оно было и остается главным нарушителем справедливости.

На другой стороне находится честный коллективист. Он тоже может заниматься любым профессиональным трудом, но приобрел собственность по наследству. Одновременно он обеспокоен социальным неравенством в экономической (распределение благ и доходов) и политической (доступ к власти) сферах. Считает его несправедливым. Если развитие экономики помогает улучшить положение бедных и устранить неравенство, то государство поступает справедливо, увеличивая налоги для финансирования сети социальных служб. Но в этом случае государство выступает носителем и гарантом справедливости.

Вполне понятно, что любое представление о справедливости в условиях демократии связано с выдвижением кандидатов на все роли в политическом театре. Антрепренером во всех случаях выступает политическая структура демократии. Каждая из сторон обладает собственным мнением о принципах справедливого устройства общества. Однако спор между честным индивидуалистом и честным коллективистом не обязательно должен перерастать в социальный и политический конфликт.

Сторонники данных концепций являются членами общества, в котором осуществляется перераспределение благ, доходов и власти. Если оно производится в соответствии с ценностями честного индивидуалиста без нарушения ценностей честного коллективиста, то они могут голосовать за одних и тех же политиков. Если же экономические условия требуют от одного отказаться от своей собствен-

ности и реализации жизненных планов в пользу другого, то они будут защищать разные концепции справедливости.

Есть ли нечто общее между данными фигурами? А.Макинтайр фиксирует прежде всего логическую несовместимость обоих концепций. Но такая несовместимость не является следствием нарушения правил логики, а результатом тотального произвола. Он типичен для общества в целом и аппарата измерения справедливости как его части. В результате практического применения обеих концепций цена за их реализацию возлагается на противоположную сторону.

Честный индивидуалист считает, что принципы справедливого пользования правами для приобретения благ устанавливают границы экономической и перераспределительной политики государства. Однако в результате их практического применения обычно возникает значительное неравенство. Терпимое отношение к нему есть цена, которую следует заплатить за реализацию справедливости.

Честный коллективист полагает, что принципы справедливого распределения должны устанавливаться надындивидуальными силами. Поэтому терпимое отношение к вмешательству государства в социальную жизнь есть цена, которую должно заплатить общество за соблюдение справедливости.

Короче говоря, в результате практического применения обоих концепций и принципов справедливости цена за их практическую реализацию возлагается на противоположную сторону, а не на себя. В обоих случаях принцип толерантности становится средством идеологического маскарада. В этом смысле нет различия между обеими фигурами. Обе руководствуются произволом. Поэтому ни один из принципов справедливости не является нейтральным в теоретическом и политическом отношении. Этим определяются также пределы толерантности — либерального лозунга, который может заимствоваться и другими политическими силами.

Существует множество попыток обосновать равенство или неравенство - религиозных и светских, либеральных, консервативных и социалистических. Все они до сих пор приводили к противоположным экономическим и политическим следствиям. Сам язык формулировки требований и определения справедливости восходит к совокупности понятий, сложившихся в новое время. Они были закреплены в философии Просвещения — в ее рационалистическом

и эмпирическом направлениях. Поэтому спор между представителями разных концепций справедливости не имеет решения. В основании рационализма лежит произвол. А эмпирическое решение связано с перекладыванием всех тягот за реализацию справедливости на другую сторону.

Честный индивидуалист обосновывает свое представление о справедливости ценностью индивидуального труда, потраченного на приобретение благ. Но он не в состоянии применить принцип отмены права наследования в отношении собственных благ и капиталов. При становлении современного либерального общества его вожди выдвигали лозунг отмены права наследования в отношении феодальной аристократии. Это требование было записано и в «Манифесте Коммунистической партия». Однако ни либералы, ни марксисты не рискнули применить это требование к самим себе. Речь идет о добровольном отказе от собственности. Либералам она досталась в результате индивидуального труда и предприимчивости. Марксистам — в итоге захвата власти во время революций в России, Китае и других странах. Если бы либералы и марксисты были последовательными, они должны были бы юридически закрепить невозможность передачи накопленной индивидуальной и групповой собственности, знаний и власти своим потомкам. Только в этом случае каждое поколение и каждый ребенок начинали бы свою жизнь заново. «С чистого листа», как это первоначально и предполагалось либеральной и марксистской концепциями прогресса. Это означало радикальный разрыв с прошлым. Однако ни капиталистическое, ни социалистическое общество на это не пошло. Следовательно, и либералы, и марксисты были и остаются консерваторами в наиболее «интимной» сфере собственности.

Честный коллективист тоже не рискует применить лозунг отмены права наследования к самому себе. Тем более если собственность и капиталы достались ему по наследству. Честный коллективист был консерватором изначально. Поэтому он даже не заикается о применении лозунга отмены права наследования к самому себе. Особенно если собственность и капиталы достались ему по наследству. Поэтому он усматривает справедливость лишь в равенстве прав индивидов, выраженных в потребностях и средствах их удовлетворения. Отказаться от унаследованного богатства, знания и власти он тоже не в силах.

Короче говоря, собственность и право распоряжения ею были и остаются глубинным основанием тотального произвола. Юридическая бюрократия вообще не утруждает себя анализом этой проблемы. Она занята лишь регулированием данного произвола по собственному желанию. Так происходит удвоение произвола. В обществе продолжается спор между честным индивидуалистом (отстаивающим право собственности) и честным коллективистом (защищающим право, основанное на потребностях индивидов). Однако современная плюралистическая культура стран Запада с ее аппаратом измерения справедливости не располагает рациональными критериями разрешения данного спора. За процедурной и распределительной концепциями справедливости стоят целые школы социальной, экономической, юридической и политической мысли. Ни одна из них не помогает разрешить этот спор. А манипулятивный потенциал данных концепций в сфере социального знания и практики не имеет пределов.

Тем не менее А.Макинтайр фиксирует пункты совпадения данных концепций.

Они отражают взаимно однозначное несоответствие позиций честного индивидуалиста и честного коллективиста, хотя социальные основания обеих позиций тождественны. Обе полагают общество, состоящим из индивидов, которые преследуют свои интересы и на этом основании устанавливают принципы совместной жизни. Тем самым происходит удвоение иллюзий: миф естественных прав человека дополняется мифом калькулируемой рациональности. Обе концепции популярны в обществе, которое состоит из чужих друг другу людей без прошлого. Эти люди в каждой стране украли общую землю у своих же соотечественников. Процесс становления современного общества есть последовательная реализация воровства. Только анархисты имели мужество сказать об этом прямо,

Коммунитаристы тоже подчеркивают, что государство лишь закрепляет это воровство. Чем больше оно выступает верховным собственником земли (принцип государственной территории и национализации земли) и закрепляет эту собственность в системе законов (от конституционного до земельного права), тем больше государство становится вором по отношению к любому обществу и нации. Нынешние демократические государства в этом отношении пошли за авторитарными и тоталитарными. И вслед за ними стали

институционализованным воровством. Аппарат измерения справедливости на протяжении всей своей истории занимался только легитимизацией данного воровства. Процедурная и распределительная концепции справедливости не позволяют понять этот процесс и факт современной социальной жизни.

Таким образом, в современном обществе ни моральные, ни экономические, ни политические споры неразрешимы. Аппарат справедливости лишь запутывает существо дела. Вся структура понятий социальных наук выражает противоположные идеалы и политические программы. Она снабжает риторикой противостоящие социальные и политические силы, в равной степени заинтересованные в сокрытии глубоких социальных конфликтов. Поэтому Маркс был прав, предупреждая представителей английских профсоюзов еще в 1860-е гг. в том, что их апелляция к справедливости лишена смысла.

Как и полтола столетия назад, в современном обществе существуют конкурирующие представления и концепции справедливости. Они сложились в результате жизни различных социальных групп. Юридическая бюрократия (т.е. аппарат измерения справедливости) выполняет функцию Терапевта в процессах политической манипуляции. Она заимствовала эту функцию у религиозного клира. Но ни клир, ни юристы не в состоянии понять глобальные проблемы современного мира. В коммунитаризме дан очерк этих проблем.

Бог и новые варвары. В современном обществе вера в рациональность и профессионализм властно-управленческого аппарата (включая его юридическое звено) аналогична вере в Бога. Хотя процесс секуляризации длится более трехсот лет, большинство людей не смогло отбросить веру во власть, с помощью которой можно решить социальные проблемы и устранить зло из мира. Эта вера снимает различие между религиозным языком и юридическим и политическим языком. Эти разновидности языка включают множество эпитетов, глаголов и метафор, которые не дают возможности провести четкое различие между дескрипнивным и оценочным смыслом каждого понятия и языка в целом. Религиозный, юридический и политический язык выражают убеждения людей, а не констатацию положения вещей.

Тем самым право и политика транслируют критерии религиозной ортодоксии: «Эквивалентом религии является правило, определяющее суверенность в данной политической общности. Вопрос «что такое суверенность?» философы политики обычно стремятся решить путем указания на личность или тело, которые следует признать центром суверенности. А по сути дела то, что является центром суверенности в данном обществе, всегда определяется правилами, которые устанавливают, что следует признавать правом и законом. Такие правила, определяющие суверенность власти, сами по себе не могут быть выражением власти суверена. Но поскольку они являются окончательным критерием права и закона, постольку не содержат никакого дальнейшего логического обоснования». Поэтому правовые и политические споры обычно заканчиваются логическим тупиком. «Выход» из него представляется произволу юридической бюрократии, политиков и властно-управленческого аппарата.

Соответствие между принципами религиозной ортодоксии и политического суверенитета далеко не случайно. Оно характерно для католицизма, православия и протестантизма. Во всех случаях основанием высказываний о Боге фигура Христа выступает главным авторитетом. Эта фигура содержит в себе те же самые манипулятивные характеристики, которые типичны для социальных фигур Потребителя, Менеджера и Терапевта. При высказываниях о суверенности роль такой фигуры могут выполнять индивидуальные (основатели государств и изобретатели законов) и надындивидуальные (армия, партия, государственный аппарат) силы, устанавливающие законы. Основанием признания истинности суждений Христа являются высказывания (свидетельства) его апостолов. Основанием признания справедливости существующих законов являются высказывания политиков и членов аппарата справедливости. В обоих случаях появляется фигура верховного авторитета. Опять возникает круг в доказательстве и возможность произвольного толкования любого закона.

Власть не в состоянии устранить этот произвол, ибо в противном случае рухнут основания ее социального статуса. Поэтому действия юристов и управленцев направлены на создание такого образа социального мира, в котором они играют главные роли. В результате товарный и денежный фетишизм переплетается с юриди-

ческим и политическим. Существующие правительства и корпорации реализуют свои цели, используя попеременно процедурную и распределительную концепции справедливости. Но лишь в тех пределах, в которых они позволяют реализовать индивидуальные и групповые интересы. А проблема их обоснования, в том числе указание на эмотивистский и произвольный характер данных интересов, при этом даже не ставится.

Итак, ни процедурная, ни распределительная концепции справедливости не мешают существованию класса чиновников с его подотрядами ученых-экспертов и юристов. Следовательно, данные концепции есть разновидность глобальных иллюзий, которые могут принимать конкретно-исторические формы в зависимости от множества обстоятельств. Их следствием стала театральная имитация «рационального управления обществом». В современном обществе популярность политических артистов и циркачей возрастает. Даже профессия циркового и театрального гримера неожиданно приобрела политический смысл в имиджмейкерстве. Популярность, завоеванная с помощью «имиджа», стала признаком власти и авторитета: «Наиболее эффективный бюрократ есть наилучший актер»[602] (2, 205).

Синтез религиозной веры с политическими убеждениями и социальной наукой привел к небывалому росту организационных структур во всех сферах социальной жизни. Правительства и корпорации оплели весь социальнай организм и превратили его во множество административных машин. Сегодня уже не существует социальных движений и политических партий, которые были бы свободны от указанных свойств. Нет пока и таких способов легитимизации авторитета власти, которые были бы свободны от веберовской концепции «рациональной бюрократии». Это относится как к либерализму, так и к марксизму.

Как было показано, либерализм органически связан с бюрократическим индивидуализмом. Поэтому либеральная критика бюрократии (содержащаяся, например, в работах Н.Паркинсона и его многочисленных последователей) является разновидностью «светских разговоров». Ни к каким практическим следствиям она не привела.

[602] Там же, с.148

Марксизм содержал мощный антивластный, антигосударственный и антибюрократический заряд, но надежд не оправдал. В процессе практической реализации марксизм оказался веберианством в превосходной степени. После русских революций и становления «мировой системы социализма» рост бюрократии в ней намного опередил капиталистические страны. В этом отношении СССР действительно «догнал и перегнал» капитализм, как призывал это сделать Сталин. И прогресс в этой сфере сопровождался постоянными кампаниями по «борьбе с бюрократизмом» — от Ленина до Горбачева. Под влиянием СССР страны Запада были вынуждены заимствовать идею государственного регулирования экономики. Опыт показал, что эта идея может быть вплетена в любую политику — либеральную, консервативную и социалистическую. Левая интеллигенция стран Запада бросилась «догонять и перегонять» СССР. После второй мировой войны в странах Европы пришли к власти социалисты. В результате лавинообразный рост бюрократии стал реальностью и на берегах Атлантики. В итоге проблема бюрократии не только не решена, но даже и не осознана ни одним из направлений социально-политической мысли как центральная проблема современности. Может быть, нужен новый Гитлер для ее окончательного решения по типу «еврейского вопроса»? Ведь абсолютное большинство теоретиков модернизации и нового индустриального общества обосновывают «необходимость» роста бюрократии из-за усложнения социальной реальности и управленческих функций.

А.Макинтайр последовательно формулирует и защищает главный тезис своего исследования: *вся современная культура Запада бюрократична и потому другим странам учиться у него уже нечего. Повсеместный рост профетического иррационализма стал реакцией на тотальную бюрократизацию культуры*.

Профетический иррационализм восходит к опыту Ницшеанской «переоценки всех ценностей». Кроме ницшеанства современная европейская культура не располагает никакой другой интеллектуальной традицией, позволяющей отвергнуть экономические, социальные, моральные, организационн-управленческие, политические и идейные основания бытия этой культуры. Марксизм исчерпал свой критический потенциал. Его нужно заменить такой теорией, которая бы не давал никаких цивыилизационных преимуществ Европе.

Профетический иррационализм пока только возникает в новых идеологиях — феминизме, экологизме, национализме. Ни одна из них еще окончательно не конституировалась. Зато они уже отражают несогласие отдельных индивидов и групп с рынком, вмешательством государства в социальные процессы и тотальной бюрократизацией культуры. Веберианство и ницшеанство образуют фундаментальные теоретические артикуляции современного социального порядка. Новая парадигма идеологии может строиться на основе переосмысления веберианства и ницшеанства с одновременной реанимацией критического потенциала марксизма.

При этом надо учитывать кардинальный факт: в современной культуре нет устойчивой связи между моралью и практическим разумом. Провозглашение «рациональности» экономики, властно-управленческого аппарата и политики — свидетельство такого отсутствия. Любое приписывание рынку и бюрократии свойств «рациональности» обнажает также всепронизывающую деморализацию общества. Сегодня проблемы социальной морали и политической этики стали пустым звуком. Они интересуют только некоторых теоретиков и сохраняют значение в жизни маргинальных социальных групп. Если консерватизм и социализм хотя бы частично заимствуют ценности либерализма (прежде всего идею о рациональности рынка и бюрократии), они становятся разновидностями бюрократического индивидуализма в теории и на практике.

На протяжении последних двухсот лет происходила дегенерация европейского общества и культуры. Она выразилась в доминировании рынка, производства и бюрократии над индивидами. Следовательно, нет смысла говорить о каком-либо прогрессе. Европейские интеллектуалы по-прежнему мусолят две основных концепции индивида:

- как независимого и рационального субъекта, который может осуществлять суверенный выбор собственной позиции и образа жизни;
- как продукта обстоятельств, о благе которого необходимо заботиться.

Но данные предикаты индивидуального бытия потеряли смысл. Ни о каком индивидуальном выборе не может быть речи. А политико-бюрократические структуры заботятся преимущественно о собственном воспроизводстве, а не об обществе. Ни одна из клас-

сических идеологий не направлена против социальных фигур Потребителя, Терапевта и Менеджера во всей совокупности их профессиональных ролей. Значит, все идеологии способствовали укреплению позиций бюрократии.

Описанные процессы порождают феномен глобальной **исчерпанности политики**. Он относится не только к авторитарным и тоталитарным, но и к демократическим государствам. В каком направлении будет развиваться данный феномен? - пока неясно. Зато очевидно, что политика выродилась во множество пустых и бессодержательных ритуалов внутри государств и на международном уровне. А.Макинтайр определяет политику современного общества как гражданскую войну, осуществляемую другими средствами. Перефразируя известную формулу Клаузевица, А.Макинтайр исследует ряд методов, с помощью которых правительства и властно-управленческие аппараты ведут гражданскую войну со своими же обществами с помощью средств, выработанных в эпоху Ослепления.

К их числу американский профессор относит прежде всего ***конституционное право***. Оно есть разновидность утопий и не может считаться ни отражением общих интересов, ни критерием демократии. Как известно, изобретатель либерально-утилитарной философии И.Бентам одновременно прославился как сочинитель конституций для множества европейских и внеевропейсмких стран и автор проектов новых тюрем. Так что связь конституции и тюрьмы – не случайный эпизод, а правило социальной истории, детально изученное М.Фуко. Конституционные утопии ничуть не лучше других утопий. А опыт многих стран в XX в. показал, что нет ничего проще формального принятия конституций и параллельной эскалации самого жестокого произвола и террора. Примеры СССР, Китая и Кампучии здесь наиболее показательны.

Существующие законы в демократических государствах выражают конфликты между социальными группами и между правительствами и обществами. Эти конфликты не могут быть разрешены юридически. Правительства монополизировали функции Терапевта, Социального Реформатора и Менеджера. Общество мажет оставаться только Эстетом-Потребителем. Да и то в рамках, предписанных властно-управленческим и юридическим аппаратом. Как известно, датский философ рассматривал эстетическую стадию

жизни лишь как этап на пути движения к этической и религиозной. Однако религия как главный аргумент при обосновании человеческого поведения давно утратила смысл. А этика превратилась в сферу «ученых штудий» и не отражает реальную мораль. Следовательно, законы отражают не столько масштабы социальных конфликтов, сколько ***меру их подавления*** современными правительствами.

В результате «рационализации» политики и управления из повседневной жизни выталкивается патриотизм - эмоциональная связь индивидов со странами, в которых они родились. Одновременно происходит эскалация «патриотической» фразеологии. Она инспирируется политиками и идеологами бывших колониальных и социалистических государств и стала разменной монетой политической манипуляции. Поэтому индивиды уже не в состоянии испытывать чувства, связанные с понятиями «отечества» и «родины». Либералы частично правы в том, что в современном мире патриотизм стал ширмой для прикрытия национализма, шовинизма и империализма. Однако то же самое можно оказать о всех либеральных ценностях. Так что отрицательное отношение к патриотизму не мешает либералам быть сторонниками бюрократического индивидуализма.

Действительная проблема состоит не в квалификации патриотизма как положительной или отрицательной ценности. А в невозможности его практического воплощения. В современных демократиях правительства уже давно не выражают ни моральную, ни политическую общность граждан. Правительства стали сетью бюрократических служб для навязывания обществу политического произвола. В обществе нет ни морального, ни политического согласия. А сделки между Потребителями, Терапевтами и Менеджерами лишь увеличивают сферу манипуляции. «Права и обязанности» индивидов есть комплекс неопределенных юридических и политических фикций. То же самое относится к принципу «консенсуса». В современном обществе согласие в принципе невозможно. Поэтому принцип консенсуса лишь устанавливает рамки процедурных правил демократии и не объясняет причин социальных и экономических конфликтов.

Патриотизм универсален, поскольку он фиксирует чувственно-эмоциональную связь индивида с определенной социальной и мо-

ральной общностью. Тогда как политическая общность есть недобровольная привязанность индивида к правительству, политической системе и законам данной страны. Она имеет смысл лишь тогда, когда отражает чувственно-эмоциональную связь индивида с социальной и моральной общностью. Но из-за бюрократизации властно-управленческих и юридических аппаратов связь между моралью, обществом и политикой оказалась разорванной. Весь комплекс понятий социального знания маскирует данный разрыв.

Опыт XX в. породил еще один любопытный феномен. Во всех странах мира существуют органы иностранных и внутренних дел, обороны, безопасности и разведки. Они издавна считаются самыми важными. После второй мировой войны к ним добавились министерства информации. В результате произошла институционализация манипуляции. Существуют также привилегированные учреждения по подготовке кадров для этих органов. Однако опыт XX в. показал: число изменников родины (в процентном исчислении) из состава главных государственных ведомств значительно опередило число таких изменников из других социальных групп. Следует ли отсюда, что родину чаще предают люди из состава социальных элит и политического истеблишмента, нежели рядовые граждане? - вопрос особый и нуждается в тщательном социологическом исследовании с применением методов компаративистики.

По крайней мере, нет оснований считать, что мораль элит выше морали обычных граждан. Скорее наоборот. От Древнего Рима до современных государств наблюдается устойчивая тенденция деморализации политических элит. А целая традиция политической мысли (восходящая к Н.Макиавелли) противопоставляет мораль и политику. Следовательно, традиционное понятие патриотизма утратило смысл.

По мысли Макинтайра, новый патриотизм может базироваться только на принципиальной противоположности между:

- связью индивида с социальной общностью;
- лояльностью индивида в отношении законов и правительства.

Правительства лишь по воле случая осуществляют власть над гражданами. А государство никогда не было формой морального осуществления власти. Оно не обладает легитимностью даже при демократическом устройстве. Поэтому общества все более дистанцируются от государств и правительств. Но эти процессы пока еще

не нашли выражения в конституционно-правовых системах. В этом тоже выражается исчерпанность политики как сферы деятельности.

В современном обществе невозможно быть моральным человеком. С одной стороны, современные концепции «человека экономического» несовместимы с хозяйственной этикой в смысле Локка — Смита — Вебера. Честность ушла из экономики. С другой стороны, современные концепции «человека политического» противоречат героической политической этике в смысле Макиавелли. Гражданское мужество ушло из политической жизни. Следовательно, акцент на какие-то особые этические ценности капитализма и политические ценности социализма потерял смысл.

Общество не может быть моральным, если рынок занимает в нем место «главной» ценности, а бюрократия квалифицируется как необходимый элемент общества. Общество не может быть свободным, если в нем господствует бюрократический индивидуализм в либеральном, социалистическом и консервативном воплощении или в гибридных формах данных идеологий. Чтобы создать предпосылки морали, надо отбросить современный социальный, экономический и политический порядок. Демократия и правовое правление имеют смысл лишь в той степени, в которой они помогают осознать эту задачу.

Что касается ее выполнения, то в обществе пока не сложилось антипотребительского, антименеджерского и антитерапевтического большинства. Однако программы всех ныне существующих политических партий такой задачи даже не ставят. Партии фактически перешли на содержание своих и чужих правительств и корпораций. Оппозиция потеряла смысл. Так что политическая структура реальной демократии базируется на полном отбрасывании морали. Главные социальные фигуры целиком деморализованы и закрепляют политическую рутину. В ней тоже нет ни грана морали. Значит, все современное общество одело «новое платье короля». Но крикнуть об этом пока не решается никто.

Марксизм пытался сыграть роль мальчика из сказки Г.Х.Андерсена. Но практическое воплощение ленинско-сталинской версии марксизма в СССР продемонстрировало наибольшую политическую исчерпанность. Однако исчерпанность марксистской политики ***не тождественна*** его теоретической исчерпанности. В теоретическом отношении определенные элементы марксизма не

устарели. Это относится к теории отчуждения и теории фетишизма. Они помогают обнаружить моральную, политическую и теоретическую нищету современного либерализма и консерватизма.

Практическое воплощение либеральной и консервативной идеологии не смогло преодолеть ни отчуждения, ни фетишизма. Наоборот, оно только усилило эти процессы. Следовательно, любые попытки синтеза либерализма с консерватизмом в конкретно-исторических обстоятельствах ***теоретически ложны, а политически опасны***. Прежде всего речь идет о связи либерально- консервативной политики с фактом существования империй и национальных государств. То же самое относится к прагматизму и постмодернизму. Эти направления социально-политической мысли объявляют ценность успеха универсальной, а ценность истины устарелой. Вслед за этим происходит идеализация атлантических стран и культур.

Конечный вывод А.Макинтайра бескомпромиссен: в странах Западной Европы и США наступила эпоха всеобщего варварства. Но теперь орды варваров не стоят у границ Европы, как это было неоднократно в истории континента — от гуннов, вандалов, монголов и турок до российских и советских оккупационных войск. Атлантическая цивилизация породила своих собственных варваров, осуществляющих власть над нею. Главный из них - современный «рациональный» государственный чиновник. Э.Геллнер назвал этот класс людей «технократическими мамелюками». Другие социальные фигуры давно с ним породнились. И уже не выступают против орд современных рациональных варваров. Поэтому победа над ними становится все более проблематичной. Экономические и политические институты демократии не позволяют вести систематическую борьбу с этими ордами, легитимизируя их социальный и политический статус.

Таким образом, цивилизационный колаборационизм стал универсальным свойством науки, искусства, политики и культуры атлантических стран. Если политическая структура демократии базируется на полном отбрасывании морали, то не следует ли отбросить демократию со всеми ее социальными фигурами и институтами?

15.3. Центральная проблема

Если исключить систематизацию, в которой тоже содержатся определеные предпочтения и акценты, то до сих пор я не оценивал концепции А.Макинтайра. Пришло время это сделать.

С *содержательной стороны* данная концепция полагает манипулятивные отношения главным предметом политико-философского анализа современного общества. Такая задача не ставится ни в одной идеологии. Поэтому представляют интерес выводы коммунитаризма. Они могут использоваться как принципы анализа манипулятивных отношений.

Научные и властно-политические критерии стали неразличимыми во всей структуре академических дискуссий и политических дебатов. В социальной и политической жизни господствует произвол, а не рациональность. Ролевая концепция общества не может использоваться для анализа социальной и профессиональной структуры. Эта концепция полагает манипуляцию правилом социальной жизни. Социальные фигуры — главные агенты манипулятивных отношений. Они связывают социальную и политическую сферу. Стремятся ликвидировать различие между манипулятивными и неманипулятивными отношениями. Отбрасывают дискуссии об основаниях и легитимности собственного социального статуса. Заменяют ценность истины ценностью успеха.

В работах теоретиков Франкфуртской школы разработана концепция авторитарной личности. В противовес данной концепции коммунитаризм формулирует главные выводы о демократической личности: она готова служить любым властно-управленческим структурам, если они не нарушают потребительское и терапевтическое отношение к действительности. Либеральная идеологема индивидуального и социального выбора маскирует тотальный произвол. В обществе постоянно сужается сфера рационального поведения индивидов. Они не в состоянии быть последовательными в поведении и мышлении. Поэтому маргинальность стала универсальной характеристикой общества, а не отдельных социальных групп.

Базовые понятия демократии — это комплекс юридических и политических фикций. К ним принадлежат понятия гражданского общества, государства, рынка, бюрократии, прав человека, оппозиции, пользы, успеха, рациональности, консенсуса и т.д. Все эти по-

нятия не отражают социальную действительность. Следовательно, академические дискуссии и политические дебаты, в которых данные понятия используются в качестве регулятивных, стали бессмысленными.

Государственные аппараты демократических государств не являются ценностно-нейтральными, а предельно ангажированными. Они давно не выражают общих интересов населения. Для выражения таких интересов требуется отбрасывание манипулятивных отношений. Однако в обществе пока не существует большинства, способного реализовать эту задачу. Главные характеристики государственных аппаратов — неспособность предвидеть течение социальных процессов, дилетантизм, метод проб и ошибок, произвол и нелегитимносгь. То же самое относится к учебным структурам по подготовке государственных служащих и специалистов по бизнесу и менеджменту в корпорациях. Эти характеристики усиливаются, если для обоснования властно-управленческих решений привлекаются ученые в качестве советников и экспертов.

Для преодоления такой ситуации система социальных наук должна ориентироваться на разрыв преемственности с традицией Просвещения и противостояние государственным аппаратам, а не на сращивание с ними. История социальных наук должна быть переписана под углом зрения неудач и поражений, а не успехов. Однако в этой истории до сих пор господствуют просвещенческие и прогрессистские концепции. Тем самым социальные науки обеспечивают воспроизводство идеологий, ни одна из которых полностью не подтвердилась. Трансляция лжи и манипуляции продолжается. Значит, к современным институционализованным социальным наукам можно применить те же характеристики, которые относятся к обществу, демократической личности и государственным аппаратам.

Критическая часть коммунитаристской концепции направлена на отбрасывание большинства общепринятых категорий, классификаций и стереотипов мышления - от Локка и Канта до Д.С.Милля, Хайека и Поппера. Взгляды последнего - квинтэссенция «нищеты либерализма». В частности, «открытое общество», пропагандируемое Поппером и его последователями, на деле является блокированным обществом с тотальной манипуляцией. Либерализм выполняет прежде всего идеологические, а не теоретические функции.

Сторонники либерализма уже двести лет пытаются выйти за рамки традиций, освободить разум от этноцентризма и партикуляризма. На самом деле они уже давно стали захолустной хуторской общиной с неписаными правилами поведения, далекими от универсальности.

К.Маркс предвидел, что если профсоюзы в борьбе за социальную справедливость ограничатся ролью, навязанной им парламентской демократией и либеральным пиететом к частной собственности, то в результате «…рабочие будут опять сведены лишь к роли инструментов накопления капитала». По мнению Макинтайра, это предсказание Маркса целиком подтвердилось и потому надо отвергнуть либерализм.

Современный либерализм — политическая идеология элит, контролирующих партийные механизмы политических театров и средств массовой информации. В большинстве стран Западной Европы и США данные элиты принадлежат к одной нации и играют ключевую роль в подготовке политических решений. Они манипулируют электоратом. Требуют от последнего не активной, а пассивной позиции, одновременно эксплуатируя демократическую риторику, которая стала средством манипуляции и не дает возможности понять реальные социополитические процессы.

Кроме того, обладание капиталом или поддержка со стороны финансовых элит стали условием выхода на политическую сцену. В результате большинство индивидов исключено из участия в принятии политических решений. С другой стороны, в развитых странах еще не сложилось большинства, противостоящего фигурам Потребителя, Социального Реформатора, Менеджера и Терапевта. Современное общество пренебрегает проблемой формирования антипотребительского, антитерапевтического и антименеджерского большинства. Следовательно, существующий в данном обществе способ осуществления власти лишь по недоразумению можно назвать «демократическим».

Наконец, либеральная идеология провозглашает моральный индивидуализм. Он разрушает социальные связи, необходимые для конституирования политической общности — совместного стремления к общему благу, которое не может быть суммой индивидуальных благ. Однако способ организации современной экономической, социальной и политической жизни не дает возможности

сформироваться такой общности. Следовательно, вопреки либеральной риторике человеческие индивиды все более лишаются субъективности и суверенности.

В коммунитаризме содержится также значительный проблемно-аналитический потенциал. Наряду с содержательной и критической частью он может быть использован для анализа ситуации в современной России. Социальные и политические науки России и других стран СНГ пока не разработали такую концепцию, которая позволяла бы дистанцироваться от комплекса существующих в данных странах отношений, институтов и идеологических гибридов. В современной России имеет место чисто внешнее соединение различных элементов либерализма, социализма и консерватизма для достижения сиюминутных целей при данной социальной и политической конъюнктуре. До каких пор может продолжаться такая ситуация? Этот вопрос только поставлен, но ответа на него нет (см.: 18).

Тем большую значимость приобретают следующие выводы теоретиков коммунитаризма: классические идеологии (либерализм, консерватизм, марксизм, социализм), их идеологические гибриды и связанные с ними правовые идеологии не позволяют сделать манипулятивные отношения центральной проблемой всего круга социальных наук; властно-управленческие и юридические аппараты — важнейшие элементы манипулятивных отношений; любые концепции справедливости обладают манипулятивным содержанием; чем больше государство выступает верховным собственником земли (принцип государственной территории), тем больше властно-управленческие аппараты легализуют институционализованное воровство; социальные и политические неравенства воспроизводятся через семью, поскольку она не в состоянии отказаться от права передачи и наследования собственности; все политические и юридические споры завершаются произвольными решениями, не имеющими рационального основания; в правовом и политическом языке воспроизводятся критерии религиозной ортодоксии; социальные науки не препятствуют связи товарно-денежного фетишизма с политико-юридическим, из-за чего критерий научного профессионализма укрепляет манипулятивные отношения; рационализация рынка и бюрократии отражает всепронизывающую деморализацию общества.

В контексте этих выводов вряд ли случаен показательный факт: после крушения СССР веберовская концепция «рациональной демократии» оказалась популярной в России. Значит можно согласиться с А.Макинтайром: веберианство оказалось идеологически более надежным, чем марксизм. Теперь оно выполняет главную легитимизирующую функцию не только властно-управленческих аппаратов, но и моральной критики российской реальности. В обоих случаях веберианство выполняет манипулятивную роль.

Из коммунитаризма вытекает еще один кардинальный вывод: проблема бюрократии является центральной для всего круга социальных наук. Т ее решение не может быть сведено к кампаниям «борьбы с бюрократизмом» в советское время и обвинениями нынешнего властно-управленческого и юридического аппарата в тотальной коррупции. Общественное мнение и сознание членов научного сообщества надо освободить от представлений о «рациональности« и «необходимости» бюрократии. Эта свобода – лишь первый этап на пути осознания важности данной проблемы для России.

В состоянии ли социальные науки России освободиться от легитимизации потребительских, менеджерских и терапевтических отношений? – так можно сформулировать теоретическую и политическую проблему. Концепция Макинтайра существенно меняет набор вопросов, подлежащих обсуждению при ее решении. В этой связи мне приятно отметить, что в своих работах по проблеме бюрократии я, независимо от коммунитаристов и не зная их работ, почти в то же самое время (с начала 1980-х гг.) пришел к тем же выводам.

Вместо послесловия: политика ностальгии на фоне личного опыта

Журнал «Новое литературное обозрение» посвятил сдвоенный номер (2007, № 1/83-84) проблеме недавно прошедшей советской истории. Затем этот номер был выпущен в виде двух томов, каждый размером в Библию. В этом издании детально рассмотрены многообразные аспекты воспроизводства советского прошлого в современной России. Во вступительной статье «Недавнее прошлое как вызов историку» Ирина Прохорова пишет: уже более десяти лет культивируется общая социальная амнезия; это облегчило возможность манипуляции общественным сознанием, спровоцировало ностальгию и идеализацию советской эпохи; сегодня научная мысль вместо создания альтернативной истории России воспроизводит систему координат «Краткого курса истории ВКП(б)», скрывая это под модной терминологией[603].

С.С.Неретина определяет советское прошлое как «советскую грязь»[604], а нынешнюю Россию - как неосоветизм на усеченном неороссийском пространстве[605]. Такой подход к оценке ситуации совпадает с одной из множества мудрых констатаций Эрнста Юнгера: «Правительства сменяют друг друга, как членики ленточного червя; но их голова, их умопостигаемый характер остается прежним. Каждое новое пристраивает ряд новых камер к существующей тюрьме. Искусство государственного управления все более сводится к умению при всем при том создавать иллюзию свободы, а, следовательно, главным средством наряду с полицией становится пропаганда»[606].

---

[603] См.: Прохорова И. Недавнее прошлое как вызов историку (на правах вступительной заметки) // 1990-й: опыт изучения недавней истории. Сборник статей и материалов. Т.1. – М.: Новое литературное обозрение, 2011, с.9-16

[604] См.: Неретина С.С. Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356-1358 гг. М., Голос, 2012, с.373

[605] См.: Неретина С.С. Были ли революционеры контрреволюционерами? // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012, № 2 http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/10.pdf

[606] Юнгер Эрнст. Годы оккупации (апрель 1945-декабрь 1948). СПб, «Владимир Даль»,

Составной частью нынешней российской пропаганды является не только идеализация Сталина, но и утверждение заведомой правоты государственной власти: «Она выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые священнее интересов человека и общества, морали и права. Правота всегда на стороне государства… Эта мысль пронизывает новые учебные пособия (по истории, - В.М.) от начала и до конца»[607].

Попробую и я впасть в ностальгию - вспомню в заключение книги давние и недавние фрагменты моего советского жизненного и научного опыта.

Предыстория

С 8 класса я учился в школе-интернате для детей малоимущих железнодорожников. В начале 10 класса мы с друзьями выработали жизненную программу - совместное овладение знаниями в сфере истории, литературы, философии. Мы знали, что учиться сразу на всех гуманитарных факультетах невозможно. Поэтому собирались поступать на разные факультеты, а знания передавать другу другу в процессе общения. Мы знали, что советское государство не является справедливым, хотя с детства нам в школе вбивали в голову противоположную мысль. На основе небольшого жизненного опыта мы сообща пришли к истине: советское государство стоит на лжи. Ложь мы видели постоянно, по русской традиции смешивая ее с несправедливостью.

Приведу пару примеров, подтолкнувших к такому выводу. Родители нас научили: берешь что-то в долг – надо честно и быстро его отдать. Поэтому в наш детский ум не помещался пережитый нами в детстве факт советской истории: с каждой получки наши отцы и матери были обязаны приобретать облигации государственного займа. Сколько я ни спрашивал родителей, когда же им отдадут долг, - ничего вразумительного в ответ не получил. Отец и мать умерли, облигации истлели на чердаке. Убежден, что тот же опыт приобрело большинство моих ровесников.

2007, с.202

[607] См.: Рогинский А. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011, с.27

Отсюда мы еще в ранней юности сделали вывод: норма человеческого поведения – честно отдать долг; государство эту норму не соблюдает; значит, оно грабит население; все, кому «за державу обидно», лгут вслед за державой.

Я рос на железнодорожной станции. Постоянно видел грузчиков, разгружавших громадные вагоны с углем, цементом, негашеной известью (кто не знает что это такое, пусть попробует разгрузить 60 тонн извести в жару). Смотрел на путевых рабочих (мужчин и женщин), независимо от погоды ковыряющих железнодорожный путь. Все получали за свою работу копейки. Были разновидностью советских «бурлаков на Волге». Отец начал писать в газету «Правда» о неправильных расценках за труд. В итоге его выкинули из КПСС. После смерти отца я убедился, что он был прав: в начале сталинских пятилеток советская власть установила такую зарплату за все виды труда, что советское государство оказалось большим эксплуататором, чем капиталистическое.

Но уже более десяти лет спрашиваю коллег-экономистов: кто серьезно занимается разработкой и применением теории эксплуатации к объяснению социальных процессов в СССР и нынешней России? Ничего вразумительного пока не услышал.

Эти примеры можно продолжать. Из их небольшой суммы мы – советские школьники - вывели следствие: гуманитарное знание нужно для противодействия лжи. Поэтому приобретение знания мы рассматривали как главную жизненную задачу. Пост-фактум можно сказать: в отличие от постмодернистов мы были стихийными просветителями. Напомню о клиническом и циническом способе использования знания по типологии Пьера Бурдье.

Жизнь внесла коррективы. По житейским обстоятельствам я был вынужден бросить десятый класс, пойти работать грузчиком (чтобы сразу зарабатывать копейку, у родителей ее не было), учиться в вечерней школе. Чтоб жизнь не заела, надо было воспитывать стойкость характера как элемент сопротивления обстоятельствам ради реализации идеи. Эту идею я старался внедрить друзьям-москвичам. Но они отнеслись к ней прохладно. Назвали меня «диктатором». Давление московского мещанства на поведение друзей я начал ощущать с 18 лет (до армии полгода жил и работал в окрестностях столицы, а потом в общей сложности провел в Москве не менее пяти лет). Однако никто из них не кончил вуз. К сорока

годам все поспивались. Эта угроза стояла и передо мной, но все же я ее победил.

В армии я служил в штабах ракетных частей. Получал заманчивые намеки от особистов на возможность учебы в высших учебных заведениях КГБ. Однако ни шпионская профессия за кордоном, ни перспектива стать дипломированным «соглядатаем» у себя дома меня никогда не прельщала. Отец и мать одинаково брезгливо относились к «сэкам» (советским сексотам и немецким полицаям) и милиционерам. Родители оказались правы: в милицию из нашего класса пошел самый бездарный двоечник, который всегда у меня списывал. Своим умом я пришел к выводу: эта публика является привилегированными холуями государства. Сегодня о том же самом можно прочесть в книге А.Бовина, на которую я уже ссылался.

Служба у меня была такова, что я имел возможность много читать. Не на шутку увлекся философией. Даже та куцая библиотека, которую успел прочесть в армии (в сопоставлении с небольшим жизненным опытом), привела меня к выводу: существующее общество и государство являются только одними из многих и потому не могут считаться лучшими.

После армии я сформулировал главную жизненную проблему: как не стать холуем и не превратиться в лакея? И решил: философия дает наибольшую степень интеллектуальной свободы.

Однако за время учебы на философском факультете, в аспирантуре Ростовского университета, затем работы в университете у меня сформировалось твердое убеждение: все советское обществоведение (за незначительными исключениями, но речь не о них) является системой холуйства, а культивирующие его люди – идейными холуями или циничными лакеями. Это убеждение базировалось на житейских наблюдениях и выводах.

В том числе и на том, что я поступал на факультет уже после армии сложившимся книжником. Мир книг для меня всегда значил больше, чем так называемый «реальный мир». Мой интерес к философии – продукт интереса к книгам. Книга более или менее противостоит действительности. Одновременно она дает множество взглядов на действительность. Ни один из них не является окончательным. Поэтому чтение книг – школа противостояния действительности. И в то же время – отбор таких углов зрения, которые ближе к твоему собственному жизненному опыту. Когда мне было

лет 8-9, мама говорила: «В книгах всего пять процентов правды». Так она реагировала на мое книжное пристрастие. А когда мне было 16, она горестно констатировала: «У тебя голова забита черти чем». Ее сентенции привели только к тому, что я начал искать книги с преобладанием правды над ложью. Постепенно научился селекционировать книги. Примерно к 20-ти годам у меня выработалась первые критерии отбора книг:

- серьезные книги, требующие постоянной работы ума и воображения, стимулирующие собственную мысль;
- те, которые можно читать за обедом (за эту привычку меня тоже лупила мать);
- сортирная литература, которую по прочтению надо использовать по назначению…

Вплоть до настоящего времени я пользуюсь этими критериями. Время от времени сталкиваюсь с аналогичными суждениями из когорты моих ровесников. Например, Гидон Кремер пишет, что его мать часами готовилась к политсеминарам, исписывала целые тетради о политической линии очередного партсъезда. Однако о содержании всего этого никогда не было заинтересованных разговоров с отцом. А когда с обязаловкой было покончено, радости так и не возникло. «Поколению моих родителей не было оставлено в обществе пространства, не подлежавшего государственному контролю, в котором было бы место духовной полемике… Молчание было неотъемлемой частью советской жизни. Каждое слово могли использовать против тебя… Мое поколение было легкомысленнее предыдущего, для многих из нас чтение значило не только обретение знаний, оно способствовало формированию понятия справедливости»[608].

Иначе говоря, сознательная часть моего поколения была легкомысленной - так или иначе вынужденной задумываться о собственной мере дистанцирования от окружающей советской действительности. Этот эмпирический материал еще не собран, не классифицирован и толком не отрефлексирован. Я не считаю, что конфликт обязательно должен происходить между отцами и детьми. Конфликты идут внутри поколения, но остаются пока безмолвными.

Я поступал на вечернее отделение философского факультета после службы в армии, одновременно работая на заводе. И убедил-

[608] Гидон Кремер. Инародный артист. М., НЛО, 2006, с.53, 84, 332

ся: среди большинства так называемой «рабочей молодежи» (по крайней мере, в тех группах, к которым я принадлежал) не была популярной идея о том, что гуманитарное знание нужно для противодействия лжи (я безуспешно пытался им это объяснить). Главным мотивом учебы моих коллег-сокурсников не был интерес к науке, а желание приспособиться – как-то распределиться в жизни, получить диплом, сделать карьеру. Стремление заниматься интеллектуальным творчеством как главным источником наслаждения и смыслом жизни редко встречается, даже среди профессуры. Большинство не знает радости, связанной с гносеологическим чувством. Для многих оно остается непонятным. Большинство бросает «работать над собой» после кандидатской или докторской диссертации.

Из опыта родителей, чтения книг и житейского опыта я вынес твердое убеждение: интеллектуальное творчество есть самоцель, но оно редко способствует материальному преуспеяниию. Отсюда я сделал для себя вывод: надо научиться жить на одних сухарях, одновременно культивируя интенсивный интеллектуальный труд; быть равнодушным к деньгам. Такая схема поведения граничит с аскетизмом, хотя мы культивировали ее в интернате. Однако опыт жизни с первой женой научил меня, что отдельные дамы бросаются в драку, когда их начинаешь воспитывать в подобном духе. Правда, историки Ростова-на-Дону считают, что только ростовчанки отличаются «…неприлично откровенным меркантилизмом, когда буквально все в мире измеряется деньгами»[609]. Однако такой способ поведения мой бывший студент называет «хватательно-глотательным рефлексом» и считает его универсальным, а не специфической принадлежностью ростовских дам. Есть повод поспорить, с опорой на специалистов по гендерным проблемам…

У большинства коллег вместо презрения к деньгам господствовали иные взгляды. Вспоминаю ситуацию, когда пришел к однокурснику за книгой, а его друзья сыронизировали «Не лучше ли за сберкнижкой?». Жадность вообще была одним из распространенных мотивов поведения. В этом смысле они не соответствовали требованию мамы: прежде всего надо не скупо поделиться с человеком всем, что у тебя есть. Вместо критического отношения к советской власти и официальной идеологии господствовала ее стихийная или осознанная апологетика или цинизм. Вместо действи-

[609] Вареник В. Ростов и ростовцы после 1917 г. Ростов-на-Дону, NB, 2010, с.320

тельного воинствующего атеизма (как требовал Устав КПСС) или хотя бы последовательной безрелигиозности (по обычным либеральным стандартам) существовало тихое согласие с религией. Сами же органы КПСС с 1960-х гг. начали насаждать идеологему «русской партии», проповедуя «возврат к истокам в виде крестов да куполов».

Из учебы на философском факультете я вывел правило: хотя связь приспособления и холуйства является неписанным правилом, надо ей противодействовать.

Но свою долю дерьма мне тоже пришлось съесть. Я заканчивал университет досрочно. Для поступления в аспирантуру нужно было состоять в членах КПСС. Об этом мне сказал руководитель дипломной работы. Для интеллигенции существовали ограничения в приеме. Я работал грузчиком на элеваторе. Был, так сказать, пролетарием с босяцкой подкладкой. Хорошо помню, как во время приема в партию на открытом собрании рабочих мой бригадир сказал: «Парень при силе, при здоровье, такого надо принять в партию». Гордиться этим или печалиться? Во время сидения на факультетских и университетских партсобраниях я уяснил, что громадный интеллектуальный багаж истории мысли (который делал сомнительной любую спущенную сверху «политическую мудрость») совершенно не использовался.

Из всего этого уже после 1991 года я сделал общий мировоззренческий вывод: большинство нынешних жителей России, стран СНГ и всего бывшего «советского блока» привыкли находиться в дерьме; нынешние споры об отношении к советскому прошлому идут между тремя социальными классами и типами людей: теми, кто был в дерьме по шею, по уши и по макушку; политика ностальгии по советскому прошлому, пропагандируемая нынешним руководством России, свидетельствует, что нормой пока остается «по макушку»; об этом свидетельствуют также «научные прогнозы», согласно которым еще одно-два поколения будет жить на обломках советского прошлого.

Фон местной памяти

В период перестройки я публиковал книги, научные и публицистические статьи, в которых излагал концепцию бюрократии, соображения о политической оппозиции, высказывал предложения о

пересмотре официальной идеологии и системы социальных наук. Это вызывало разную реакцию коллег. Приведу примеры.

В журнале «Дон» я опубликовал отрывок из книги «Революция и власть», посвященной критике теории и практики строительства социализма в СССР, а также советской историографии Октябрьской революции. В предисловии к публикации зав.отделом очерка и публицистики журнала Н.С.Оганесов отмечал: статья вызовет споры, неприятие, возмущение; редакция со мною несогласна, но публикует ее по соображениям гласности, поскольку «…за холодным, жестким, местами излишне «занаученным» текстом видна горячая, неравнодушная, подверженная сомнениям, но свободная от догмы личность»[610].

В послесловии ответственный секретарь журнала И.М.Бондаренко упрекал меня в том, что я аналитическим скальпелем (который он сравнил с кинжалом для харакири) разрезал организм, но не удалил из него лишнее и не зашил. По мнению И.М.Бондаренко, к социализму надо относиться чувственно, а не логически; выдающиеся умы не могли ошибаться; цель человечества и цель социализма одна и та же - торжество Духа над Материей; поэтому перестроечный лозунг «больше демократии – больше социализма» поможет создать новое общество[611].

В статье «Идеи и машина» (глава из книги «Марксизм: идея и власть») я критиковал ленинскую концепцию партии. Эту статью поместили параллельно со статьей кандидатов исторических наук В.И.Бузова и В.В.Гаташева. Они упрекали меня в следующих грехах: я занимаюсь модным занятием «срывания масок»; ленинская концепция партии как внесения сознания в рабочее движение вытекает из взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса; во всем виноват Сталин, сколачивая советское государство не ленинскими гвоздями; надо сохранить веру в партию; СССР никогда не жил «по Марксу»; истоком перестройки является ленинизм; сталинизм и политика последующего руководства СССР связаны; перестройка возникла не на пустом месте, а мучительно пробивала себе дорогу через целую серию проб и ошибок[612].

[610] Дон. 1990, № 1, с.116
[611] Там же, с.133
[612] См.: Дон. 1990, № 4, с.135-140

Затем журнал публиковал отклики на статьи. Ветеран КПСС А.Овечкин обвинял меня в «клевете на партию, на Ленина», а редакцию журнала - в «полной безответственности».

Доктора философских наук Е. и В.Золотухины упрекали меня в том, что я «затронул святое»; что надо помнить библейский призыв «Не судите, да не судимы будете»; что идея революции как способа решения социальных проблем выдумана злодеями-французами, а не Лениным; что люди всегда опираются на истины своего времени; поэтому нельзя обвинять Ленина в насилии (поскольку им пользовались все) и приписывать Ленину утилитарные мотивы «власти ради власти»; только сейчас начали прибегать к «этике ненасилия»; надо ориентироваться на экономическую и политическую практику стран Запада и одновременно анализировать «духовные парадигмы и политические нормы» наших дедов и прадедов, а не только факты и результаты; всякое осуждение прошлого есть «экстремизм наоборот»; надо учиться терпимости и толерантности, видеть в истории стремление к «святой цели», поскольку «…история страны в чем-то подобна истории людей».

Кандидат философских наук А.Субботин усмотрел в статьях конъюнктурность и обоснование лозунга «Демплатформы»: «Даешь свободный рынок!», хотя ни в советское, ни в постсоветское время я за рынок не выступал. Правда, грешен: был одним из руководителей Ростовского отделения «демократической платформы в КПСС». Но небольшой опыт практической политики привел меня к сильнейшему подозрению: вся так называемая многопартийность – советская разновидность российского полицейского социализма. А поскольку я сказал это открыто сразу после путча 19-21 августа 1991 г. – из «демплатформы» меня выкинули. Так что теперь я полностью антипартийная личность. Хотя в подозрении меня никто пока не разубедил, скорее наоборот[613].

Кандидат философских наук С.Липовой в принципе согласился со мной, хотя упрекнул в противоречивости; по его мнению, наука сама по себе является «злокозненной», а большинство политиков -

[613] Г.Дерлугьян пишет о тайных подрывных спецоперациях периода перестройки. В развитие такого подхода можно описать публичные спецоперации советских/российских спецслужб по созданию и манипуляции псевдопартиями и псевдодвижениями. См.: Дерлугьян Г. Адепт Бурдье на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М., «Территория будущего», 2010, с.356-465

злодеями; марксизм должен быть развит духовным способом и соболезновать любому человеку.

Зато кандидат технических наук И.Ковалев назвал мой анализ социализма и ленинской доктрины партии «блестящим». Общество зашло в тупик во всем – таков самый конструктивный вывод в процессе его оздоровления.

В.Чудинов одобрял мое «идеологическое бесстрашие».

М.Нестеров отметил, что в рамках существующей государственной системы невозможно улучшить жизнь людей. Нездоровая социальная система не может содержать в своих структурах здоровые элементы. Она стремится от них избавиться любыми средствами. Поэтому в СССР совестливые, деловые, талантливые люди не могут найти применения своим силам. На руководящих должностях процветают бездари. Как исправить эту систему? – на этот вопрос общественные науки ответа не дают[614].

Возникает попутный вопрос: как расценивать все приведенные суждения – как адаптацию моих коллег к ситуации или как выражение их искренних убеждений? Напомню, что идея о человеке как разновидности амебы, приспосабливающейся к изменениям среды, входит в состав консерватизма и вытекающей из него социобиологии. М.К.Петров называл человека социализированной мухой или тараканом. С проблемой искренности убеждений дело сложнее. В среде обществоведов тип циника в советское время был господствующим (как показал Л.Столович). Но и сегодняшние студенты мне говорят: «Виктор Павлович, у меня нет никаких убеждений». В чем же дело?..

Московский сюжет 1992-1993 гг.

В весеннем семестре 1992 г. я был в Институте переподготовки и повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ на повышении квалификации. Тогда практиковалось приглашение на занятия разных активистов, всплывших во время перестройки. Там я впервые увидел С.Кургиняна. Правда, до этого я уже читал его тексты. Поэтому резко выступил не только против него, но и против самой идеи приглашения невежественных демагогов к ученым. Потом в ИППК при МГУ поместили фотомонтаж об этой встрече. Фотограф дал мне фото, благодарил за выступле-

[614] Дон. 1990, № 8, с.128-139

ние. Слушатели ИППК тоже потом пару недель при частных встречах жали руку. Но никто из них не осмелился публично выступить против. Когда же они были искренни – когда безмолвно-публично внимали бреду или когда приватно жали мне руку и благодарили за выступление?[615]

В июне 1992 г. я предложил провести круглый стол журнала «Вопросы философии» по проблеме бюрократии. Акция состоялась, ее материалы опубликованы[616]. В октябре 1992 г. меня пригласили преподавать в Российскую академию управления (так тогда называлась Российская академия государственной службы). Там читал курс «Теория бюрократии» и еще что-то. Чуть позже пригласили почитать лекции по той же тематике в Высшую школу профдвижения. После этого начались непонятные звонки с приглашением встретиться. Я тогда жил в гостинице Российской академии управления возле станции метро «Юго-Западная». Приходил на условленное место встречи, но никого не было.

24 декабря 1992 г. я выступал как неофициальный оппонент на заседании диссертационного совета в РАУ на защите Г.Н.Сердюкова. После защиты пошли на банкет. Вдруг коллеги-москвичи начинают меня поздравлять за смелое выступление в газете «Советская Россия». У кого-то оказалась газета. Я прочел статью «Топор за доллары», подписанную моим именем, которую я не писал[617]. В этой статье (даже с сохранением моего стиля) подвергался критике Джордж Сорос, а вместе с ним еще ряд лиц из России, причастных к реализации грантов Фонда Сороса в России.

После этого всю ночь пил горькую. Потом поехал на Курский вокзал, купил билет, первым попавшимся поездом уехал в Ростов. Прежде всего позвонил ректору РГУ А.В.Белоконю, рассказал ему ситуацию. Он ответил, что надо хорошо дать по зубам. 30 декабря 1992 г. я выступил на Ростовском телевидении с рассказом о том, что под моим именем опубликована статья, которую я не писал. Обзвонил всех знакомых ростовских коллег-философов. Не буду называть фамилий, но большинство начало меня поздравлять за

[615] С.Кургинян уже 20 лет держится на политической сцене. Теперь участвует в «Суде истории», собирает толпы на митинги. Академик РАН Ю.С.Пивоваров вынужден с ним вести полемику…

[616] См.: Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1993, № 2

[617] См.: Топор за доллары // Советская Россия. 1992, 24 декабря

смелое выступление. Они думали, что я на самом деле сторонник «Советской России». Так я убедился, что мои коллеги социальных и политических преобразований не поддерживали.

Потом написал письмо-опровержение, поехал в Москву, пошел в редакцию «Советской России», рассказал там ситуацию, договорился о встрече с главным редактором В.В.Чикиным. Но вместо него меня принял заместитель. Я требовал, чтобы мне показали оригинал «моей» статьи и опубликовали мое письмо-опровержение. Но ничего не добился, письмо-опровержение не опубликовали, лишь 18 января 1993 г. на последней полосе опубликовали несколько строк самым мелким шрифтом.

В Институте философии РАН начались скандалы. Дело в том, что уже было подписано заявление о приеме меня на работу в Институт философии. Но в статье упоминался тогдашний директор института. После выхода статьи большинство коллег из Института философии заподозрило меня в ренегатстве. Только один из них твердо сказал: «Макаренко так поступить не мог». За это я ему навсегда благодарен.

Посоветовавшись с коллегами, подал в Свердловский суд Москвы иск на редакцию газеты «Советская Россия» о защите чести и достоинства. И уехал в Ростов. Спустя некоторое время на адрес ИППК при РГУ пришел денежный перевод – гонорар за статью. Видимо, эта публика надеялась, что даже перед их вшивой копейкой я не устою. Потом еще - читаю лекцию в Ростовском ИППК. Слышу стук в дверь. Выхожу – оказывается, приехал зам главного редактора «Советской России». После лекции он начал просить меня забрать иск. Я отказался.

Потом дважды по повесткам ездил в Москву на заседание суда. Оба раза заседания откладывались из-за неявки людей из «Советской России». По совету коллег из Института философии РАН обратился к О.Лацису из редакции «Известий». Встретился с ним, он взял у меня письмо-опровержение. Фрагменты из письма были опубликованы в статье Н.Боднарука в газете «Известия»[618]. После этого все стали поздравлять меня, что добился правды.

[618] См.: Боднарук Н. Топорная работа: на примере статьи «Топор за доллары» («Советская Россия») // Известия, 1993, 18 мая

Зачем я это все вспоминаю? В прошлом году местные молодежные организации устроили сходку[619], а в газете «Мой город Ростов» были почти дословно воспроизведены фразеология из статьи в «Советской России» двадцатилетней давности[620]. Опять потребовалось вмешательство газеты «Ведомости»[621].

Таков лишь один из множества конкретных механизмов ностальгии по СССР. Каждый читатель может поразмыслить над этой мелкой историей периода трансформации советского прошлого в российское настоящее. А я продолжу ностальгировать. В этой книге я вспомнил только основы своей теории бюрократии, разработанные в советское время, а затем применил ее для анализа современной России. Быть может, у читателя тоже есть повод предаться ностальгии?..

[619] См.: http://www.rostov.aif.ru/society/news/38224

[620] См.: Миронова А. Западную бюрократию разгромили // Мой город Ростов. 2011, 1-7 июля

[621] См.: Олейник А. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/264498/v_poiskah_tretej_sily

Использованная литература

Абалкин Л. О национально-государственных интересах России // Вопросы экономики. 1994. № 2

Абелев Г.И. Очерки научной жизни. М., Научный мир, 2006

Абсурд и вокруг. Отв.ред. О.Буренина. М., Языки славянской культуры, 2004

Алекесев С.В., Каламанов В.А., Черненко А.Г. Идеологические ориентиры России. Под ред. Степашина С.В. М., 1998, т.1-2

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001

Андреев Н., Вознесенский М. Подвергай все сомнению //Огонек. 1989. № 14.

Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск в России. Новое литературное обозрение, Москва, 2001

Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., Вагриус, 2005

Анпилогов И. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней // Континент. 2002, № 114

Арендт Х. Люди в темные времена. М., Московская школа политических исследований, 2003

Афанасьев М. Правящие элиты России: образ деятельности // Мировая экономика и междунар. отношения. 1996. № 3

Ахмадов Я.З. Рецензия на сборник: Чечня и Россия: общества и государства // Этнографическое обозрение. 2001, № 6

Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен //

Безелянский Ю. Огненный век. М., Пашков дом, 2001

Берлин И. Молчание в русской культуре. Советская интеллигенция // Берлин И. История свободы. Россия. М., НЛО, 2001

Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997, № 8

Бжезинский З. Большая шахматная доска. М., 1998

Бибихин В.В. Другое начало. М., 2003

Библиография об анархизме http://spb-anarchists.anho.org/biblio-erm.htm

Биллингтон Д. Икона и топор. М., РОССПЭН, 2001

Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М., РОССПЭН, 2005

Бирман И. Я – экономист. М., Время, 2001

Бирман И.Аномальное полузнайство // Свободная мысль. 1997, № 9

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., Эксмо, Алгоритм-книга, 2003

Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003

Бовыкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России // История СССР. 1959, № 3

Боднарук Н. Топорная работа: на примере статьи «Топор за доллары» («Советская Россия») // Известия, 1993, 18 мая

Бородкин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепция синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003, № 2

Бохеньский Ю. Сто суеверий. М., Прогресс, 1993

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа 11. Часть 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., Языки славянской культуры, 2003

Брумберг А. Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Вып.2. Под ред. Т.А.Заславской. М., Аспект-Пресс, 1995

Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., Международные отношения, 2005

Бурдье П. О телевидении и журналистике. М., Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002

Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

Бурстин Д. Американцы. Демократический опыт. М., 1993

Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. Москва, 1993

Быстрова И.В. Советский военный потенциал периода «холодной войны» в американских оценках // Отечественная история. 2004, № 2

Бюрократия и государственный формализм // Вопросы философии. 1993, № 2

Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993, № 2

Вареник В. Ростов и ростовцы после 1917 г. Ростов-на-Дону, NB, 2010

Ватлин А.Ю. Сопротивление диктатуре как научная проблема: германский опыт и российская перспектива // Вопросы истории. 2000, № 11-12

Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995

Власть и реформы: от самодержавия к Советской России. СПБ, 1996

Войнович В. Москва-2042. М., ЭКСМО, 2004

Волков В. Силовое предпринимательство. СПб-М., Летний сад, 2002

Волков В. Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антрпологии. 1999, № 3

Волков В.В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства // Полис. 1998, № 4

Волков Ю.Г., Лубский А.В., Макаренко В.П. Легитимность политической власти: методологические проблемы и российские реалии. С., Высшая школа, 1996

Время мира. Историческая макросоциология в XX веке. Вып.1. Новосибирск, 1998

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., НЛО, 2003

Гати Ч. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., Московская школа политических исследований, 2006

Геллер М. История России. 1917—1995. Россия на распутье. 1990-1995. Т.4. М., 1996

Геллер М.Я. История Российской империи. Т.1-2. М., «МИК», 2001

Генри Э. К вопросу о внешней политике Сталина (записка). Прометей. М., «Русский раритет», 2007

Глебова И.И. «Дворцовое государство» в современной России // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011, № 2

Глебова И.И. Русская власть и ее партии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011, № 3

Говоров И.В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории. 2004, № 4

Гольц А. Армия России: 11 потерянных лет. М., Захаров, 2004

Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., Вагриус, 2000

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 2. М., Прогресс-Традиция, 2006

Грэхем Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991

Губогло М.Н. Драма собственника нашего времени // Отечественная история. 2004, № 1

Гудков Л. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. Сост. Л.Гудков, М., ОГИ, 2005

Гудков Л. О положении социальных наук в России // НЛО. 2006, № 1/77

Гудков Л. Цинизм «непереходного» общества // Вестник общественного мнения. 2005, № 2 (76)

Гудков Л., Дубин Б. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // НЛО. 2005, № 4/74

Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России. М., 2007

Гумбрехт Х.У. Три загадки моды // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Выпуск 1. Осень 2006

Гурко Е. Модальная методология Давида Зильбермана. Минск, Экономпресс, 2007

Дали С. Сюрреализм – это я. М., Вагриус, 2005

Даль Р. Демократия и ее критики. М., РОССПЭН, 2003

Дерлугьян Г. Адепт Бурдье на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М., «Территория будущего», 2010

Долан Э. Микроэкономика. СПб., 1994

Дон. 1990, № 1; № 4

Дракер П. Эпоха социальных трансформаций // Современность. 1996, № 11

Дубин Б. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // Новое литературное обозрение. 2005, № 74

Дугин А. Основы геополитики. М., 1997.

Дуглас Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с английского А.Н. Нестеренко. Фонд экономической книги «Начала», М., 1997

Ершова И.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Заславской Т.И. и Арутюнян Л.А. М.. 1994

Захаров М. Без программы // Огонек. 1989, № 16

Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсный анализ публикаций последних лет // Новое литературное обозрение. 2003, № 1/59

Зданович А.А., Васильев И.И. Спецслужбы в зеркале социологии // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.1. М., Кучково поле, 2006

Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. М., РОССПЭН, 2003

Зубкова Е.Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР: 1953-1985 годы // Отечественная история. 2004, № 4

И.А.Ильин: pro et contra. СПб, изд.Русского Христианского гуманитарного института, 2004

Игнатьев А.А. Наука и традиционная культура: социокультурные предпосылки радикального политического дискурса // Вопросы философии. 1991, № 4

Игрицкий Ю.И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1998, № 1

Игрицкий Ю.И. Общественные трансформации в СССР после 1985 г. Взгляды и концепции. М., 1998

Ильин М.В. Самокритика демократии (послесловие научного редактора) // Роберт Даль. Демократия и ее критики / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2003

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Изд.ЦК ВКП(б) «Правда», 1939

История СССР с древнейших времен до конца ХУШ в. Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983

Каменский А. Российская империя в ХУШ веке: традиции и модернизация. Москва, НЛО, 1999.

Капустин Б.Г. «Национальный интерес» как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996, №3.

Карпенко А.С. Логика в России. Вторая половина XX века // Вопросы философии. 1999, № 9

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Москва, 2000

Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000, № 1

Кемеров В.Е. О философской моде в России // Вопросы философии. 2000, № 11

Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886). Т.1. СПб, Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999

Киреев А. Сколько тратить на оборону? // Огонек. 1989, № 19

Клейн Л. Перевернутый мир. Донецк, 2010

Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Смягчать или ужесточать законы? // Полис. 2000, № 5

Кон И. 80 лет одиночества. М., Время, 2008

Кондратьева Т. Современное государство как власть по «Домострою»? (К спорам о социокультурных истоках сталинизма) // НЛО. 2006, № 5/81

Конфедерация анархо-синдикалистов. Анархо-коммунистический революционный союз // Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985—1991. М., 1991.

Копелев Л. Хранить вечно. М., 1990

Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в 2 кн. Кн.1. – М., Захаров, 2006

Косолапов Н. Круговорот насилия в социальных структурах // Мировая экономика и международные отношения. 2004, № 3

Косолапов Н.А. О месте политики в эпоху глобализации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2003, № 4

Красильникова М.Д. Доходы и потребление в условиях экономического роста // Вестник общественного мнения. 2005, № 1

Кремер Г. Инародный артист. М., НЛО, 2006

Кривенький В.В. Предисловие // Анархисты. Документы и материалы. Т.1. 1983-1916 гг. М., РОССПЭН, 1998

Круглый стол «Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы» // Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 5-7

Круглый стол «Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы» // Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 5

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., Захаров, 2005

Крыштановская О. Возвращение номенклатуры. Предисловие к изданию 2005 года // Восленский М. Номенклатура. М., Захаров, 2005

Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000

Куприянов А.И. Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996, № 4

Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., Полигон, 2003, с.351

Левада Ю.А. «Человек политический»: сцена и роли переходного периода // Экономические и социальные перемены. 1996, № 4

Левада Ю.А. Homo post-sovieticus // ОНС, 2000, № 6

Левинсон А.Г. Термин «бюрократия» в российских контекстах // Вопросы философии. 1994, № 7-8

Левые в Европе XX века: люди и идеи. М., 2001

Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.31

Леруа М. Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле. М., Языки славянской культуры, 2001, с.137

Лефорт Клод. Формы истории. Очерки политической антропологии. СПб, Наука, 2007

Ливен Д. Российская империя и ее враги с ХУ1 века до наших дней. М., Европа, 2007

Лоббизм в СССР: этапы большого пути // Социологические исследования. 1996, № 3-4

Лоренц К. Агрессия: так называемое "зло". М., 1994

Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб, «Русский остров», 2004

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005

Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник. Составители Кокурин А.И., Петров Н.В. М., МФД, 2003

Луман Н. Почему необходима "системная теория"? // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994

Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992, с.1, № 1

М.Липовецкий – А.Эткинд. Возвращение тритона. Советская катастрофа и постсоветский роман // НЛО. 2008, № 6/94

Макаренко В.П. «Заинтересованное лакейство»: проблема сходства европейских интеллектуалов и русской интеллигенции // Гуманитарный ежегодник. Москва-Ростов-на-Дону, 2008

Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов-на-Дону, 1985

Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М., Праксис, 2002

Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, изд.РГУ, 1989

Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия: критика социологии М.Вебера. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1988

Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону, Феникс, 2000

Макаренко В.П. Государство и политический реализм: пути когнитивного сопротивления // Космополис. Журнал мировой политики. Весна 2006, № 1(15)

Макаренко В.П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат (к методологии исследования) // Социс. 1996, № 11; 1997, № 7

Макаренко В.П. Идеологическая бюрократия. Политическая бюрократия // Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993

Макаренко В.П. Интеллектуально-политические моды и проблемы концептологического анализа Кавказа // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия «Политология и социология». 2/6/2011

Макаренко В.П. Кавказ: концептологический анализ // Социс. 2001, № 12

Макаренко В.П. Колониализм: взгляд из сегодняшнего дня // Общество и экономика. 2002, № 8-9

Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. Ростов-на-Дону, изд.РГУ, 1992

Макаренко В.П. Мировоззренческая машина: размышления автолюбителя. Статья 1-2 // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011, № 2-3

Макаренко В.П. Наука и власть: контекст социальной истории науки // Логос. 2005, № 6

Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2011

Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М., Праксис, 2005

Макаренко В.П. Правительство и бюрократия // Социологические исследования. 1999, № 2

Макаренко В.П. Проблема общего зла. Расплата за непоследовательность. М., Вузовская книга, 2000

Макаренко В.П. Революция и власть: размышления политолога. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1990

Макаренко В.П. Российский политический менталитет // Вопросы философии. 1994, № 1

Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ, 1998

Макаренко В.П. Социальная структура: явные и скрытые элементы. Ростов-на-Дону, Логос, 1992

Макаренко В.П. Теория бюрократии М.Вебера и современная западная социология организации и управления // Вопросы философии. 1986, № 2.

Макаренко В.П. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. СПб, 1996

Макаренко В.П. Технократические мамлюки. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, 2000

Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / Пер. с англ.В.В.Целищева – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000

Маккенни Р. ХУ1 век. Европа. Экспансия и конфликт. М., РОССПЭН, 2004

Малия М. Из-под глыб, но что?.. История западной советологии // Отечественная история. 1997, № 5

Малия М. Советская трагедия. История социализма в России. М., 2003

Малько А. Лоббизм // Общественные науки и современность. 1995, № 4

Малько А. Лоббизм // Общественные науки и современность. 1995. № 4

Мартин Ван Кревельд. Расцвет и упадок государства. М., ИРИСЭН, 2006

Матич О. Успешный мафиозо – мертвый мафиозо: культура погребального обряда // Новое литературное обозрение. 1998, № 5/33

Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни // Полис. 1997, № 1

Мещеряков Б.Г., Некрасова А.В. Макиавеллизм: правда и ложь в повседневной жизни // Человек. 2005, № 6

Микоян С. А. Анатомия Карибского кризиса. М., Academia, 2006

Минаков С. Военная элита 20-30-х годов XX века. Москва, «Русское слово», 2004

Миронова А. Западную бюрократию разгромили // Мой город Ростов. 2011, 1-7 июля

Михайлин В. Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и советской культурной традициях // НЛО. 2001, № 1/47

Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные коды в индоевропейской традиции. М., НЛО, 2005

Мордюкова Н. Казачка. М., Вагриус, 2006

Морен Э. Принципы познания сложного в науке XX1 века // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв.ред. Удумян Н.К. М., Наука, 2004

Москвина Т. Энциклопедия русской жизни. СПб, Амфора, 2008

Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. Под ред. В.Куренного. М., Наследие Евразии, 2006

Набоков В. Лекции по русской литературе. М., Независимая газета, 1996

Налимов В.В. Искушение святой Руси. Томск-Москва, «Водолей», 2002

Народы мира. Историко-этнографический справочник. Под ред. Бромлея Ю.В. Москва, Советская энциклопедия, 1988, с.508

Наука и квазинаука. Под ред. В.М.Найдыша. М., Альфа-М, 2008

Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Редактор-составитель Э.И.Колчинский. СПб., «Дмитрий Буланин», 2003

Нации и национализм. Перевод с английского. Москва, Праксис, 2002

Неклесса А. Контуры Нового мира и Россия: геоэкономический этюд //Знамя. 1995, № 11

Неретина С.С. Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356-1358 гг. М., Голос, 2012

Неретина С.С. Были ли революционеры контрреволюционерами? // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012, № 2 http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/10.pdf

Никитин А. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. Москва, Аграф, 2000

Николаев А.И. На переломе. Записки русского генерала. М., Современный писатель, 1998

Новое литературное обозрение. 2007, № 84

Нозик Р. Анархия, государство и утопия. Пер.с англ. Б.Пинскера. Под ред. Ю.Кузнецова и А.Куряева. М., ИРИСЭН, 2008

Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. М., Логос, 2003

Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995

Окусов А. П. Анархизм. Ростов-на-Дону, 1996

Олейник А.Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., РОССПЭН, 2011

Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., Инфра-М, 2001

Олейник А. В поисках третьей силы // http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/264498/v_poiskah_tretej_sily

Пастухов В. Парадоксальные заметки о современном политическом режиме // Pro et Contra. 1996. осень.

Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. М., ОГИ, 2012

Патрушев А.М. «Расколдованный мир» Макса Вебера. М., 1991

Перегудов С. Группы интересов в условиях перехода к информационному обществу // МЭиМО. 2004, № 6

Петров Е.В. История американского россиеведения. Курс лекций. СПб, Изд. СПбГУ, 1998

Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1992

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. Том 1, лето 1998, № 3

Писарькова Л.Ф. От Петра 1 до Николая 1: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996, № 4

Платон. Сочинения в трех томах. Том 3. Часть 1. М., Мысль, 1971

Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. 2-е изд. М., ИМЛИ РАН, 2006

Плуцер-Сарно А. Государственная Дума как фольклорный персонаж // Логос. 1999, № 9

Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., «Индрик», 2008

Политковская А. За что. М., Новая газета, 2007

Полунеев Ю., Загоруйко Ю. Культурный шок в посткоммунистических обществах в период рыночной трансформации//Современность. 1994. № 10.

Пржевальский Н.М. Путешествия. М., Детгиз, 1958

Протоиерей Георгий Эдельшейн. Записки сельского священника. М., РГГУ, 2005

Прохорова И. Недавнее прошлое как вызов историку (на правах вступительной заметки) // 1990-й: опыт изучения недавней истории. Сборник статей и материалов. Т.1. – М.: Новое литературное обозрение, 2011

Райх В, Неспособность к свободе // Дружба народов. 1994. № 10.

Рикер П. Память, история, забвение. М., Изд-во гуманитарной литературы, 2004

Рогинский А. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011

Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Под ред. Заславской Т.И. Москва, Аспект-Пресс, 1996

Россия-Чечня: цепь ошибок и преступлений. Составители Орлов О.П., Черкасов А.В. Москва, Звенья, 1998

Ружемон Д. Открытое письмо к европейцам. Париж, 1970

Руткевич М. О двух концепциях нации // Свободная мысль. 1999, № 11

Савчук В. Режим актуальности. Актуальная философия. Издательский дом СПбГУ, 2004

Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998

Свасьян К. Растождествления. Evidentis, 2006

Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах 2005/2006. Отв.ред. Толстых В.И. М., Русский путь, 2006

Сергеевич В. Русския юридическия древности. СПб, 1902, т-1-2

Системная теория международных отношений. Под ред. Богатурова А.Д. М., Московский рабочий, 2000

Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып.4. М., 1997

Слотердайк П. Критика цинического разума. У-Фактория, Екатеринбург, АСТ, Москва. 2009

Согрин В.В. 1985-2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005, № 3

Согрин В.Г. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопросы философии. 1996, № 8

Соколофф Ж. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней. Перевод с французского. Второе издание. М., Издательский дом ГУ ВЩЭ, 2008

Соловьев А. Этика бюрократии: постсоветский синдром // Общественные науки и современность. 1995, № 4

Социология в России: энциклопедический словарь. Под ред. В.А.Ядова. Москва, 1998

Станишкис Я. Посткоммунизм: попытка социологического анализа. Препринт.

Суверенитет. Составитель Никита Гараджа. М., Европа, 2006

Судоплатов П.А. Победа в тайной войне. 1941-1945 годы. М., ОЛМА-Пресс, 2005

Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., Детектив-Пресс, 2004

Схиммелпеннинк ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // Ab Imperio:теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001, № 1-2

Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного 1У совещания ЦК РКП, 1923 г. М., «Иксан», 1992

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., Наука, 2001

Токарева Е. Записки рядового информационной войны. М., «Пресском», «Яуза», 2005

Топор за доллары // Советская Россия. 1992, 24 декабря

Тощенко Ж.Т. Элита? Кланы? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правил нами? // Социс. 1999, № 11, с.123-133.

Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. Москва, 1996

Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. Москва, Идея-Пресс, 1999

Федотова В. Г. Анархия и порядок в контексте российского посткоммунистического развития // Вопросы философии. 1998, № 5.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М., Эксмо, Яуза, 2005

Философия не кончается… Из истории отечественной философии. XX век. 1960-80-е годы. Москва, РОССПЭН, 1999

Фирсов Ф. Секретные коды истории Коминтерна. 1919-1943. М., АИРО-XX1; М., КРАФТ+, 2007

Форум: теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа (афро-азиатские страны и Россия) // Восток. 2000, № 1-3

Фурман Д., Морозов А., Прибыловский В., Петров Н., Коргунюк Ю., Блюм А. О политической системе России после путинских реформ // Непри-

косновенный запас. 2004, № 6(38) http://magazines.russ.ru/nz/2004/38/ref3-pr.html

Хеллер Д. Поправка 22. М., 1992

Хелли Р. Холопство в России: 1450-1725. Академия, Москва, 1998

Хеффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. Москва, Наука, 1994

Хиршман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М., ГУ-ВШЭ, 2010

Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. М., Рипол Классик, 2004

Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х тт. Москва, 1995, т.1

Цикл работ 1985-2000 гг. по фундаментальным проблемам политической науки http://portal.rsu.ru/science/modernisation/L_M/Makarenko/%E3%C9%CB%CC%20%D2%C1%C2%CF%D4%201985-2000%20%C7%C7..doc

Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., «Республика», 1997

Чечня и Россия: общества и государства. Публикации Музея и общественного центра имени А.Сахарова. Вып.3. Москва, 1999

Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001, № 2

Чукарев А.Г. Тайная полиция России. 1825-1855 гг. Жуковский-Москва, «Кучково поле», 2005

Чумиков А.Н. Насилие меньшинства как следствие несовершенства современной политической системы в России // Социс. 1996, № 4

Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990

Шебаршин Л. Рука Москвы. М., ЭКСМО, 2000

Шевцова Л. От России Ельцина к России Путина (эволюция выборной монархии) // http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm

Шевцова Л. От России Ельцина к России Путина (эволюция выборной монархии) // http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm

Шендерович В. Комментарий к событиям российской жизни (сентябрь-октябрь 2004 г.) // Континент. №№ 118-140

Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., Вагриус, 2001

Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены государственного совета Российской империи. 1801-1906: Биобиблиографический справочник. СПб, Дмитрий Буланин, 2006

Шишкин О. Красный Франкенштейн. Секретные эксперименты Кремля. «Ультра. Культура», М., 2003

Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919-1945). М., Новое литературное обозрение, 2004

Шлыков В. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М., 2002

Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008

Шматко Н. Становление российского патроната и бюрократический капитал // Социол. исслед. 1995. № 6

Шмит К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб, Наука, 2005

Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. В 2-х тт. М.: Новое литературное обозрение, 2011

Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., Аспект-Пресс, 1996

Шубин А. Махновское движение 1917—1921 годов // Дружба народов. 1993, № 3-4.

Щербина В.Ф. Противоречия перестройки. Экономико-философский анализ. Л., 1989

Экономическая социология и перестройка / Общ. ред. Заславской Т.И. и Рывкиной Р.В. М., 1989

Экштут С. Предвестие свободы, или 1000 дней после Победы. М., Дрофа-Плюс, 2006

Элементы теории политики. Ростов-на-Дону, Изд. РГУ, 1991

Эпштейн Д. Совхоз «Элита» // Отечественные записки. 2005, № 5

Эткинд А. Бремя бритого человека или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2002, № 1

Эткинд А. Фуко и имперская Россия: дисциплинарные практики в условиях внутренней колонизации // Там же, с.166-191

Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв.ред. Удумян Н.К. М., Наука, 2004

Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945-декабрь 1948). СПб, «Владимир Даль», 2007

Ясперс К. Вопрос виновности // Знамя. 1994, № 1

Andreski S. Maxa Webera olsnienia I pomylki. Warszawa, 1992

Awtorchanow A. Zagadka smierci Stalina. Spisek Berii. Londyn, 1983

Bauman Z. Nowoczesnosc I zaglada. Warszawa, 1992

Bentley A. The Process of Goverment. Cambridge, 1967

Black C. The Transformation of Russian Society. Camdridge, 1960

Bookchin M. Remarking Society: Patways to a green Future. Boston, 1990

Braudel F. Historia I trwanie. Warszawa, PIW, 1971

BumhejmJ. Is Democracy possible? Cambridge, 1995

CallenbachE. Ecotopia Emerging. New York, 1992

Carter A. The Philosophical Foundations of Property Rights. Brighton, 1989

Cigler A., Loomis B Interest Groups Politics. Washington, 1986

Clark J. The Anarchism Movement. Montreal, 1994
Culhane P. Public Lands Politics. Baltimore, 1981
Dalton M. Man Who Manage. Wiley, 1979
Dryzek J. Rational Ecology. Oxford, 1987
Ferro M. Historia kolonizacji. Warszawa, Bellona, 1997
Field J. Social Consequeces of Modernization in Communist Societies. Baltimore, 1976
Handbook of Philosophical Logic. Vol.3. Dordrecht, 1986
Hardin R. Collective Action. Baltimore, 1992
http://www.rostov.aif.ru/society/news/38224
Jslon M. The Rise and Deedline of Nations: Economic Growth Staglation and Social Rigidities. New Haven, 1982
Lau R., Sears D. Political Cognition. Hillsdale, 1986. P. 206.
Lehning A. Anarchism // Dictionary of the History of Ideas. New York, 1998.
Lowi T. The End of Liberalism. New York, 1969
Mackiewicz J. Droga donikad. London, 1989
McFarlend A. Interests Groups and Political Time: Cucles in America// British Journal of Political Science. 1991. № 21
Miller D. Anarchism. London, 1994
Minois G. Church and War. London, Free Press, 1979
New Forms of Democracy. London, 1996
Olson M. The Logic of Collective Action. Cambridge, 1965
Petrarca M. The Politics of Interests. San Francisco-Oxford, 1992
Routley R., Routley V. The irrefutability of Anarchism // Social Alternatives. 1992, № 2
Salisbery R. An Exchange Theory of Interest Groups // Midwest Journal of Political Science. 1969. № 13
Skocpol T. Francja, Rosja, Chiny: strukturalna analiza rewolucji spolecznych // Wladza I spoleczenstwo. Warszawa, Scholar, 1995
Stalin J. Przemowienie na X1X Zjezdzie Komunistycznej Partii Zwiazku Radzieckiego // Nowe Drogi. Pazdziernik 1952
Sylvan R., Benett D. On Utopias: Tao and Deep Ecology. Canberra, 1990
Sylvan R., Benett D. On Utopias: Tao and Deep Ecology. Canberra, 1990
Taylor M. Anarchy and Cooperation. Cambridge, 1997
Taylor M. Community, Egualiry and Liberty. Cambridge, 1992
Terra economicus. Сборник статей российских и зарубежных экономистов начала XX1 века. М., Наука-Спектр, 2008
Truman D. The Governmental Process. New York, 1953
Tyler T. Why People Owey the Law. New Haven, 1990
Wollf R. In Defence of Anarchism. New York, 1970
Woodcock G. Anarchism. Harmondsworth, 1992
Zubok W., Pleszakow K. Zimna wojna zza kulis Kremla. Od Stalina do Chruszczowa. Warszawa, 1999